МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2023 **№ 82**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul);
Krasilnikov Sergey A., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University;
Luzyanin Sergey G., Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Агапов В.Л., Савчук А.А. Социальные последствия мобилизации в Приморской области в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) 5
Атапин И.И. Социалистический город Тырган: историко-архитектурный очерк 20
Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А. Занятия горожанок Оренбургской губернии по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 27
Васьков Д.А. Русские экспедиции к соленому озеру Ямыш в XVII в.: организация, численность, состав 38
Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Закрытие религиозных объектов как направление советской государственно-конфессиональной политики в 1930-е гг. (на примере Западно-Сибирского края) 48
Злобин А.Н. Советская идеологическая пропаганда в средних школах Центрально-Черноземной области в начале 30-х гг. XX в. 54
Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю. Благотворительная деятельность Ярославской епархии в 1900–1913 гг. 65
Коновалов Н.А. Экономический потенциал Оренбургской губернии и проблема модернизации водного транспорта на Южном Урале в середине XIX в. 71
Красильникова Е.И., Наумов С.С. Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.) 81
Мусагалиева А.С., Кириллов В.М. Ученый и партийная номенклатура: противостояние на казахстанской целине 89
Нестеренко П.Л. Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске в 1982 – начале 1985 г. 100
Рязанов С.М. Провинциальные проекты преобразований полиции Урала во второй половине XIX в. 106
Хамзин И.Р. Таможенные пошлины как инструмент регулирования торговых отношений России и Китая: первая половина 60-х гг. XIX в. 114
Храпков Г.Н. История государственной политики в области библиотечного дела в России в 1917–1991 гг. 121
Чудов С.И. Продовольственные капиталы Вологодской губернии в 1871–1917 гг. 129
Шевляков А.С., Горбунова О.А. Школы Томска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 137

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лисенкова А.Д. Влияние экологического фактора на трансформацию основных политических партий Германии 142
Румянцев В.П. «Хвост, виляющий собакой»: колония Аден и трансформация британской политики в Южной Аравии, 1959–1964 гг. 151
Самойлов Н.Ю. Особенности студенческого протестного движения в Великобритании 1960–1970-х гг. 158
Шелина Е.А. Когда стол перестал быть круглым. Старшинство и способы предотвращения конфликтов за старшинство в период «Второго Средневековья» (XII–XVI вв.) 163

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Agapov V.L., Savchuk A.A. Social consequences of the mobilization in Primorskaya Oblast' during the World War I (1914–1917) 5
Atapin I.I. The Socialist city of Tyrgan: a Historical and architectural essay 20
Burlutskaya E.V., Abdrakhmanov K.A Occupations of urban female population of Orenburg Governorate according to data of the Russian imperial census of 1897 27
Vaskov D.A. Organization, number and composition of participants of the Russian expeditions to the salt lake of Yamysh in the 17th century 38
Dashkovskiy P.K., Siebert N.P. Closure of religious objects as a direction of Soviet state-confessional policy in the 1930s (on the example of the West Siberian Region) 48
Zlobin A.N. Soviet ideological propaganda in secondary schools Central Chernozem region in the early 30s of the XX century 54
Ierusalimskiy Yu.Yu., Ierusalimskaya S.Yu. Charitable activities of the Yaroslavl diocese in 1900–1913 65
Konovalov N.A. Orenburg governorate economic potential and transport modernization problem in the Southern Urals in the middle of XIX century 71
Krasilnikova Y.I., Naumov S.S. Celebrating the tercentenary anniversaries of Siberian cities as a reflection of the state and regional politics of memory (1904–2016) 81
Mussagaliyeva A.S., Kirillov V.M. The scientist and the party nomenklatura: the confrontation in the Kazakhstan virgin 89
Nesterenko P.L. Fight against drinking and alcoholism in Tomsk in 1982 – beginning of 1985 100
Ryazanov S.M. Provincial projects of the transformations of the Ural police in the second half of the 19th century 106
Hamzin I.R. Customs duties as a method for regulating trade relations between Russia and China: the first half of the 60s of the 19th century 114
Khrapkov G.N. History of state policy in the field of library science in Russia in 1917–1991 121
Chudov S.I. Food capitals of the Vologda province in 1871–1917 129
Shevlyakov A.S., Gorbunova O.A. Tomsk schools in the Great Patriotic War (1941–1945) 137

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Lisenkova A.D. The influence of the environmental factor on the transformation of the main political parties in Germany 142
Rumyantsev V.P. "The tail wagging the dog": the colony of Aden and the transformation of British policy in South Arabia, 1959–1964 151
Samoylov N.Yu. Features of the 1960–1970s students' protest movement in Great Britain 158
Shelina E.A. When the table ceased to be round. The precedence and the ways to avoid the conflicts for precedence during the Second Middle ages (12th–16th centuries) 163

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Дубова Н.А., Сатаева Л.В. Мясная напутственная пища в погребальном обряде населения Гонур-депе 168

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Павличенко Д.И. Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях 176

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Петрова В.Н., Галажинский Э.В., Блохина Е.В. Временные установки и удовлетворенность жизнью у студентов вузов в смешанной образовательной среде 187
Салин П.Б., Кикнадзе В.Г. Восприятие студенческой молодежью российской истории: политический аспект 194

РЕЦЕНЗИИ

Степанов Б.Е., Фокин А.А. Советская деревня в русском поле киноисследований 199
Юн С.М. Рецензия: Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. Ташкент: Baktia Press, 2021. 624 с. 208

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Sataev R.M., Kufterin V.V., Dubova N.A., Sataeva L.V. Meat funeral offerings in the burial rite of Gonur Depe Bronze Age community 168

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Pavlichenko D.I. Visual image of the Kingdom of Poland in the second half of the XIX — early XX centuries in the Russian press and printed publications 176

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Petrova V.N., Galazhinsky E.V., Blokhina E.V. Time attitudes and life satisfaction among university students in a mixed educational environment 187
Salin P.B., Kiknadze V.V. Students' perception of Russian history: political aspect 194

BOOK REVIEW

Stepanov B.Y., Fokin A.A. Soviet village in the Russian field of film studies 199
Yun S.M. Review: Valeriy S. Han. The Historiography of Koreans in Central Asia: Mail Directions and Stages of Development. Tashkent: Baktia Press, 2021. 624 p. 208

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 94(100)"1914/19"
doi: 10.17223/19988613/82/1

Социальные последствия мобилизации в Приморской области в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Вадим Львович Агапов[1], Анна Александровна Савчук[2]

[1, 2] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
[1] agapov_vl@mail.ru
[2] adas_87@mail.ru

Аннотация. Анализируется ход мобилизации в Приморской области, отношение к ней населения и самих мобилизованных, работа местных органов власти и благотворительных организаций по помощи семьям солдат. Делается вывод, что, призвав народ на мировую войну и потребовав от него огромных усилий и миллионов жертв, правительство Российской империи плохо справилось со своими социальными обязательствами. В результате мобилизация усилила социальную напряженность в стране накануне революции.
Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг., Дальний Восток России, мобилизация, солдатские семьи, солдатские жены

Для цитирования: Агапов В.Л., Савчук А.А. Социальные последствия мобилизации в Приморской области в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 5–19. doi: 10.17223/19988613/82/1

Original article

Social consequences of the mobilization in Primorskaya Oblast' during the World War I (1914–1917)

Vadim L. Agapov[1], Anna A. Savchuk[2]

[1, 2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
[1] agapov_vl@mail.ru
[2] adas_87@mail.ru

Abstract. Mobilization in the Russian Empire during the World War I was 12 million of people which led to the large financial commitments on just formed welfare system. The purpose of this article is to study the situation of soldiers' families during the War using the example of the Primorsky Region, one of the most remote provinces of Russia. Main sources are the documents of the Russian State Historical Archive of the Far East (Medical Department of the Primorsky Regional Government; Primorsky Regional Military Services Presence, Office of the Amur Governor-General, Committee of the Khabarovsk Union of Soldiers), State Archives of the Russian Federation (Police Department of the Ministry of the Interior) and materials of primorsky press during the war.

By the military reform of Alexander I there was no subsidy for the conscripts and their relatives. Also, a mobilized person had to buy the uniform, got some food and sometimes even buy a horse (for example, Cossacks). It was a real problem for soldier's families to get their legal allowance which automatically made them almost paupers. Peasant's farms with the necessity to help a soldier lose more than 60 roubles a year. In these conditions soldier's wives had to use unofficial prostitution for earning more money. It was very actual for the Far Eastern cities where traditionally lived more men than women. Medical department of Primorskaya Oblast' was worried about this fact because of the venereal diseases spreading in the cities throw unofficial prostitution. Soldier's wives practiced unofficial prostitution even if they had a salary because its number was not enough for the good standard of living. Moreover, the society was waiting for it because a wife without husband became an easy victim. Situation became worse when mobilization in Primorskaya Oblast' started in 1914. Far Eastern newspapers and magazines fixed soldier's dissatisfaction, their anxiety for the fami-

© В.Л. Агапов, А.А. Савчук, 2023

lies, subscribed problems which their wives, children and parents faced with. In the Russian State Historical Archive of the Far East were found letters of old parents who asked to return their children back and newspapers were full of stories about poor soldier's wives – legal and not – who did not have any money for living. The legislative base about welfare was conflicting. Organs of government and charitable organizations tried to improve economic conditions of soldier's families but their survival more often depended on the women's efforts. During the World War I women used different ways for surviving. They started to educate themselves, got more knowledge about their rights, worked out of home and got salary and opposed to their parents-in-law because the subsidy was paid only to legal wives. Women took part in the public life of their villages. In its turn it led to the changes in women's self-conscience: the eradication of illiteracy, apparatus employed, organizing of Soldier's wives Unions (one of them was in Khabarovsk under the presidency of Alexandra N. Greculova) and so called "Women's Riots" (Babi Riots) which became a prologue to the February revolution in 1917.

Keywords: World War I, Russian Far East, mobilization, soldier's families, soldier's wives

For citation: Agapov, V.L., Savchuk, A.A. (2023) Social consequences of the mobilization in Primorskaya Oblast' during the World War I (1914–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 5–19. doi: 10.17223/19988613/82/1

Первая мировая война 1914–1918 гг. стала крупнейшей из войн, которые на тот момент знало человечество. К весне 1916 г., по подсчетам российского журнала «Современный мир», «воюющие страны мобилизовали 45 миллионов человек лучшего рабочего возраста. Из этого количества около 16 миллионов уже ранено, убито и в плену...» [1. С. 1]. За все годы войны, по более поздним данным «Энциклопедии Британника», в 16 воюющих странах (включая США и Японию) было призвано в ряды вооруженных сил 65 млн чел., в том числе в России 12 млн, в Германии – 11 млн, в Британской империи – 8,9 млн, во Франции – 8,4 млн, в Австро-Венгрии – 7,8 млн. Общие потери убитыми и умершими составили 8,5 млн чел., ранеными 21 млн, в том числе в России – 1,7 и 5 млн соответственно, в Германии – 1,77 и 4,2, в Британской империи – 0,9 и 2,1, во Франции – 1,35 и 4,3, в Австро-Венгрии – 1,2 и 3,6 млн чел. [2. P. 775].

Наибольшие цифры мобилизованных, как и потерь, были в Российской империи. Ставка Верховного главнокомандующего сообщала, что до 1 мая 1917 г. были призваны 15,8 млн чел., потери к этому времени составили 775,4 тыс. убитых и пропавших без вести, 348,5 тыс. уволенных со службы по ранению или болезни и 3 344 тыс. взятыми в плен [3. С. 85]. Участник войны генерал-лейтенант Н.Н. Головин считал, что эта цифра (более 15 млн мобилизованных) «ближе подходит к действительности» [4. С. 96].

Помимо необходимости обмундировать, экипировать, вооружить и содержать в течение четырех лет столько оторванных от производительного труда людей, власти воюющих стран столкнулись и с другой социальной проблемой: что делать с еще большим количеством лишившихся кормильцев членов семей граждан, призванных на военную службу?

Наиболее прогрессивно к решению этой проблемы подходили в Англии. Во времена войн с Наполеоном правительство и парламент не интересовались социальными последствиями экономического кризиса. Забота о семьях военнослужащих осуществлялась через институт «законов о бедных», т.е. через благотворительные организации. В Первую мировую войну государство взяло эту обязанность на себя через военное министерство. Причем во главу угла закон поставил не «нужду», а «родство» с солдатом, отдающим свои силы службе государству. Такая политика была высоко оценена старейшим российским либеральным журналом «Вестник Европы». Автор статьи в январском номере за 1915 г. А. Чекин называл социальное законодательство кабинета Асквита (введение социального страхования и пенсионного обеспечения, создание института общественных работ) «плодами новой социальной психологии», коллективной ответственности за благополучие индивида [5].

В самой России положение членов семей призванных на войну солдат было не столь благополучным, и мобилизация стала одним из факторов социального напряжения, приведших страну к революции в 1917 г. Первая мировая война существенно изменила положение населения, в первую очередь русских женщин. Необходимость изыскивать пропитание себе и детям оказалась сопряжена с рядом трудностей, как субъективно-психологических (перестройка традиционного менталитета русской женщины, зачастую не работавшей на оплачиваемой работе), так и экономических (низкая оплата труда женщин) и законодательных (сложности с законодательным определением зоны ответственности Российского государства и общества за жен призванных на войну солдат). В ситуации еще большей правовой и экономической незащищенности оказались родители мобилизованных солдат, а также другие члены семей мобилизованных. Но именно женщины-солдатки впоследствии стали главной движущей силой Февральской революции 1917 г.

Цель нашей статьи – изучить положение солдатских семей в годы Первой мировой войны на примере Приморской области – одной из самых отдаленных провинций России.

Основные *источники*: документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ. Ф. 3. Врачебное отделение Приморского областного правления; Ф. 16. Приморское областное по воинской повинности присутствие; Ф. 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора; Р-4365. Комитет Хабаровского союза солдаток) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел), а также материалы приморской прессы периода войны (газеты «Далекая окраина», «Дальний Восток», «Приамурские ведомости», «Уссурийский край» и др.).

Призыв на военную службу в поздней Российской империи осуществлялся на основании Устава о воинской повинности 1874 г. и Положения о государственном ополчении, которые ввели вместо устаревших рекрутских наборов всеобщую воинскую повинность. Срок действительной службы для пехоты и артиллерии составлял 3 года, для прочих сухопутных войск – 4 года, для флота – 5 лет. В запасе чины, служившие в пехоте и артиллерии, числились 15 лет, чины прочих сухопутных войск – 13 лет, чины флота – 5 лет [4. С. 18].

Призыву подлежали мужчины, достигшие 21 года. Устав освобождал от службы 48% ежегодного призыва по семейному положению (во Франции на этом основании освобождались 0% призывников, в Германии – 2%). Льготы по семейному положению подразделялись на три разряда: 1-й разряд – единственные сыновья и сыновья (внуки) – единственные работники в семье; 2-й разряд – вторые работники в семье; 3-й разряд – лицо, следующее по возрасту за братом, находящимся по призыву на действительной службе или умершим на ней. Льготные 1-го разряда безусловно освобождались от действительной службы, остальные разряды вносились в общие жеребьевые списки в каждом призывном участке соответственно вынутым номерам. Если для составления полного контингента, падающего на участок, число годных к службе и не имеющих льгот оказывалось недостаточным, то подвергались медицинскому освидетельствованию и назначались на службу, по порядку вынутых номеров, молодые люди с льготами 3-го разряда, а затем, если их недоставало, – с льготами 2-го разряда. Все остальные льготные зачислялись в ополчение. Устав 1874 г. не предусматривал особых льгот для семейных рекрутов, вне зависимости от наличия / отсутствия детей. Он являлся отражением экономических реалий XIX в. – создатели Устава стремились в каждом крестьянском хозяйстве сохранить рабочие руки. Устав сберегал семью отца или, в его отсутствие, деда, но не семью самого призываемого.

Освобождение около половины ежегодного контингента призывных молодых людей по семейным льготам заставило понизить требования к физической годности новобранцев. В России всего 17% призывников освобождались от действительной службы по состоянию здоровья (во Франции – 21%, в Германии – 37%, в Австро-Венгрии – 50%) [4. С. 39–47]. В августе 1914 г. в Париже, во Дворце инвалидов, проходили медицинский осмотр добровольцы разных национальностей, желающие записаться во французскую армию, чтобы принять участие в войне против Германии. «Вердикты врачей, признавших негодными половину русских, 11% итальянцев, 4% англичан, и только американцев, взятых всех до единого, послужили своеобразным срезом здравоохранения соответствующих стран» [6. С. 294].

Приморская область – область на Дальнем Востоке Российской империи. Образована в 1856 г. Главный город (с 1888 г.) – Владивосток. Население на 1 января 1914 г. (без расположенных в области войск) – 619 235 чел., в том числе во Владивостоке – 99 265 чел., в Хабаровске – 55 838 чел., в Никольск-Уссурийском – 36 993 чел., в Николаевске – 14 397 чел. [7. С. 7]. Весной 1914 г., накануне войны, оно уменьшилось из-за передачи Удского уезда (и г. Николаевска) из Приморской в состав Сахалинской области. Городское население составляло примерно 33% – существенно больше, чем в среднем по России, где эта цифра, по подсчетам Б.Н. Миронова, равнялась 15,3 % [8. С. 317].

Население Приморской области, наделенное особым переселенческим статусом, до начала XX в. к призыву в армию не привлекалось. Только 9 апреля 1909 г. по приказу военного губернатора Приморской области были образованы Приморское областное, Хабаровское, Удское и Южно-Уссурийское уездные (а также 28 июня 1914 г. – Владивостокское городское, Ольгинское и Иманское уездные) по воинской повинности присутствия. Все уездные по воинской повинности присутствия подчинялись Приморскому областному, которому были определены функции: наблюдение за призывом ратников ополчения, переосвидетельствование зачисленных в ратники лиц, рассмотрение дел по предоставлению льгот призывникам, пенсий инвалидам войны и т.п. [9].

Призыв в Приморской области был сравнительно невелик. В 1909 г. было принято в войска 705 чел., в 1910 г. – 640, в 1911 г. – 742, в 1912 г. – 711. Подробные сведения имеются по призыву 1913 г. В общие призывные списки были внесены 3 246 чел., в дополнительные – 253 чел. Подвергнуты освидетельствованию 2 716 чел., из них 186 признаны совсем негодными. Признаны годными к военной службе 1 070 чел. Призваны 1 146 чел. Из них 222 женатых и имеющих детей, 204 женатых и бездетных, 702 холостых. Окончивших курс средних учебных заведений – 6, низших учебных заведений – 19, начальных училищ – 182, умеющих читать и писать – 384, неграмотных – 325. По национальностям – 289 русских, 765 малороссов, 5 белорусов, 4 поляка, 2 еврея, 81 кореец. По вероисповеданиям – 1 106 православных, 24 старообрядца, 9 католиков, 3 иудеев, 5 прочих нехристиан. По роду занятий – 69 городских, 1 077 сельских обывателей (в том числе 770 земледельцев) [7. С. 84–89]. Несмотря на значительный процент городского населения, в Приморской области, как и по всей остальной России, основную массу призывников составляли православные малограмотные сельские обыватели. В сентябрьский призыв 1914 г. в Амурской и Приморской областях было зачислено на военную службу 3 517 новобранцев [10. С. 148].

Помимо нескольких тысяч человек, взятых в армию для прохождения срочной службы, в области проживало немало мужчин из числа переселенцев, призывавшихся на военную службу ранее из других губерний и числившихся в запасе и ополчении 1-го и 2-го разрядов.

Согласно Н.Н. Головину и следующему за ним О.Д. Маркову, в 1914–1917 (до февраля) годах в Российской империи было проведено 23 мобилизации, в том числе 6 – в 1914 г. (призваны 5,115 млн чел.), 10 – в 1915 г. (5,01 млн), 6 – в 1916 г. (2,745 млн), 2 – в 1917 г. (0,63 млн) [3. С. 79; 4. С. 95–96]. В Сибири и на Дальнем Востоке под ружье были поставлены 0,988 млн чел. из сельской местности и 0,123 млн из городов, всего

1,111 млн чел. (около 11% из 10,1 млн жителей региона и от 38,8 до 60,8% всех трудоспособных мужчин в каждой губернии или области). Только из четырех запасных полков в Новониколаевске в 1914–1915 гг. на фронт отправлялись ежемесячно по 25 тыс., а в 1916 г. – по 15 тыс. чел. [11. С. 187]. Как и по всей России, наибольшее напряжение людьми, как абсолютно, так и относительно, несло крестьянство.

В Приморской области, одной из наиболее удаленных от европейской части страны (дальше были только Камчатская и Сахалинская), первая мобилизация прошла 15 сентября 1914 г.

На страницах владивостокской газеты «Далекая окраина» в этом месяце ей было посвящено немало публикаций. Постоянный автор газеты присяжный поверенный (адвокат) М. Вознесенский писал: «Пришел час, когда и наши сограждане – жители нашей отдаленной окраины великой России, призваны выполнить в отношении Родины, переживающей тяжелые времена испытания – свой сыновний долг... Пробил страшный час защиты родины от врага» [12. С. 1]. В статье «В путь дорогу!» он повторял: «Время настало и для нас. Вся Сибирь оделась в военное платье и с ружьем и саблей, в пешем и конном строю спешит на защиту дорогого... родного отечества... Великое святое дело защиты родины требует громадных жертв от населения. И наши сограждане исполняют свой долг, являясь немедленно на призывные пункты по первому зову военной власти...» [13. С. 2]. В отделе хроники рассказывалось, как 16 сентября «…с раннего утра на сборный пункт на Эгершельде стали являться запасные, многие из них в сопровождении родственников. На приемном пункте царил полный порядок, и прием запасных производился быстро. Все чувствуют серьезность переживаемого момента. Все стремятся попасть как можно скорее в действующую армию. Слез совершенно незаметно. Почти все торгово-промышленные предприятия сохранили оклады за своими служащими, призванными по мобилизации...» [14. С. 3]. В репортаже об отправке запасных сказано: «Перед вокзалом, на площади, на улице, на перроне, всюду необычайное для Владивостока оживление. Толпа гудит, как улей; одна за другой к подъезду вокзала подъезжают партии запасных... Всем хочется быть в этот час разлуки вместе, поэтому приходят целыми семьями. Бородачи несут своих ребятишек и шутят с ними, стараясь поднять настроение женщин. Причитанья, даже слез не видно...» [15. С. 2]. Правда, на самом деле призыв не везде проходил гладко; например, «…больше половины запасных нижних чинов, проживающих в г. Никольск-Уссурийском... при призыве 16 сего сентября, по мобилизации, на сборный пункт не явились...» Заметка об этом по распоряжению полицмейстера была напечатана в местной газете «Уссурийский край» «с целью более широко оповестить собравшихся в городе запасных», а из этой газеты перепечатана владивостокским «Дальним Востоком» [16. Д. 488. Л. 90–107].

25 октября 1914 г. жительница Владивостока Элеонора Лорд Прей записала: «В субботу в поезде ехала солдатка с крошкой ребенком на руках и с маленьким мальчиком одиннадцати лет. Ребенок плакал, и мать плакала тоже, и тогда я спросила ее, в чем дело. Она сказала мне, что полк ее мужа отправляют на фронт, и она целый день выискивает его, чтобы попрощаться, но не смогла найти его на Первой Речке, поэтому отправляется на Вторую в надежде найти его там, но она ужасно боится, что полк уже убыл и что она никогда его больше не увидит. У нее еще двое детей по возрасту между этими двумя, и бедная женщина сидела и плакала, а я плакала с нею, хотя я ее и не знала, но я ничего не могла с собой поделать» [17. С. 342–343].

Всего же, согласно отчету военного губернатора генерал-лейтенанта А.Д. Сташевского, в 1914 г. из Приморской области на войну «ушло свыше 30 тыс. запасных нижних чинов и несколько тысяч добровольцев» [18. С. 76]. (т.е. более 5% от всего населения области, включая женщин, стариков и детей). Но эта цифра не является окончательной. Год спустя, 15 сентября 1915 г., были призваны ратники ополчения, в большинстве запасные старших возрастных категорий. В передовице «Далекой окраины» М. Вознесенский писал: «Владивосток и Приморская область отдают вновь дань преданности общему отечеству, вновь посылают на западные границы государства цвет своего юношества и зрелого возраста. Всем понятна необходимость этого, нигде среди нас не раздается голоса протеста или недовольства... Новая жертва родине приносится нашими братьями спокойно, как давно жданная...» [19. С. 1].

Но не все было так спокойно. 22 сентября у бараков воинского начальника на 1-й Речке во Владивостоке произошло столкновение ратников ополчения с полицией. Причиной конфликта послужила попытка чинов полиции задержать пьяных ратников, за которых вступились остальные. В конфликте были тяжелораненые и один убитый. Для успокоения ополченцев пришлось вызвать войска во главе с военным губернатором [20. С. 2]. Редакция «Далекой окраины» откликнулась на инцидент статьей «К хладнокровию», автор которой призывал сохранять «спокойствие и хладнокровие», не забывать о долге перед Родиной, «биться с общим врагом, осаждающим наш дом, а не заводить ссоры друг с другом» [21. С. 3]. Однако дальнейшая поездка приморских ратников на запад сопровождалась новыми происшествиями. 28 сентября на Харбинском вокзале «прибывшие эшелоном владивостокские ратники около 200 человек разбрелись по городу, перепились и, явившись пьяными толпами к вокзалу, стали буянить. Беспорядок увеличился, когда полицией и командой стали отбираться у пьяных запасы водки, закупленные в городе, причем пьяная толпа стала бросать камни в солдат и выбила окна в комнате, где помещается жандармская канцелярия. Во время свалки нанесены побои пограничнику Самойловскому... и камнем из толпы нанесен удар в руку коменданту города капитану Бауеру. Принятыми мерами порядок был восстановлен...» [22. С. 3].

21 октября из Никольск-Уссурийского отправлялся эшелон с 1 200 ополченцами. По донесению жандармского ротмистра Вейтбрехта, ратники «вели себя шумно, были пьяные... комендант станции Пограничная депешей уведомил, что этот эшелон весь пьян» [23. Д. 55,

ч. 4. Л. 7]. В Харбине, помня об инциденте, произошедшем месяц назад, эшелон оцепили войсками. «Ратники пытались прорвать оцепление для проникновения в город и, не допущенные, бесчинствовали, бросая из вагонов камнями в оцепление и жандармов» [23. Д. 55, ч. 4. Л. 8]. Губернатор Приморской области вину за поголовное пьянство солдат возлагал на контрабандный алкоголь, с ввозом которого из Китая местные власти не справлялись. Другим объяснением, которое вряд ли предложил бы начальству военный губернатор, может быть то, что на второй год войны, под влиянием плохих новостей с фронта, где армия терпела поражения, и неустроенности тыла, патриотический энтузиазм у населения уже во многом сошел на нет, ополченцы вовсе не стремились встать в ряды защитников родины и пьянством и буйствами демонстрировали своего рода протест против призыва.

В целом, по данным Т.Я. Иконниковой, за 1914–1915 гг. на военную службу в Приамурском военном округе призвали более 106 тыс. чел. [24. С. 135]. Из них свыше половины приходилось на Приморскую область, которая на Дальнем Востоке была наиболее населенной. «Если в среднем по Российской империи удельный вес взятых в армию мужчин составлял 11,2% всего крестьянского населения, 22,6% от числа всех мужчин и 47,8% от числа трудоспособных мужчин крестьянского населения, то в Приморской области эти показатели соответственно равнялись 10,8, 20,1 и 43,4%» [25. С. 76]. По данным В.В. Синиченко, на Дальнем Востоке были призваны 50% трудоспособных крестьян и до 40% казаков [11. С. 188].

Для и без того немногочисленного крестьянского населения Дальнего Востока мобилизация стала серьезной тяготой. В России конца XIX – начала XX в. положение членов солдатских семей после призыва на службу сильно ухудшалось даже в мирное время. Помимо обязательного гуляния и угощения в честь призыва солдата, его семье необходимо было потратиться на обмундирование и пропитание призывника, а впоследствии приходилось самой изыскивать средства на свое содержание. Экономический ущерб от ухода работника из семьи оценивался в среднем в 60 руб. в год, но на самом деле был больше, так как родным приходилось еще и высылать солдату деньги по его просьбе [26. С. 172–173]. Фактически забота о семье новобранца ложилась на плечи либо его родительской семьи, либо жены. А поскольку от 60 до 70% призванных новобранцев были женаты [26. С. 171], то это означало рост числа женщин, фактически оставшихся без поддержки.

Разумеется, у властей был определенный план по поддержке семей своих солдат. Согласно Военному уставу 1874 г. и Временным правилам о призрении семейств запасных, призванных на действительную военную службу 1877 г., содержание семей призванных солдат вменялось в обязанность земствам, а также городским и сельским обществам, к которым были приписаны солдаты и их семьи. Содержание полагалось выплачивать не только жене и детям, но и престарелым родителям, дедушкам и бабушкам, братьям и сестрам (круглым сиротам) в том случае, если они содержались исключительно трудом призывника, но чаще всего эти члены семьи солдата должны были содержать себя сами.

Для признанных нуждающимися жены и детей солдата местное самоуправление должно было выделять бесплатную квартиру с отоплением и продукты в следующем количестве на одного человека: 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы и 4 фунта соли в месяц [26. С. 179–180]. Однако и эти продукты солдатской жене – в простонародье солдатке – было очень сложно получить. Обычно отказывали в выдаче помощи на следующих основаниях: солдатка жила в кругу большой семьи; солдатка имела взрослых сыновей; солдатка имела средства к содержанию семьи; солдатка имела работу либо находилась в услужении. На практике это означало, что солдатская жена оставалась один на один с необходимостью кормить семью, для чего возможностей у нее было немного. Так, в начале XX в. 80% женщин, работавших по найму, были либо обслугой, либо безземельными сельскохозяйственными работницами, и лишь 13% работниц были заняты в промышленности или строительстве [27. С. 17–18]. Однако доходы работающей женщины были невысоки. В 1900 г. фабричные работницы получали «голодную зарплату»: 6–8 руб. в месяц [28. С. 19]. «Двенадцатичасовой, в лучшем случае одиннадцатичасовой рабочий день, голодный заработок в 12–15 рублей в месяц, жизнь в переполненной казарме, отсутствие какой бы то ни было помощи со стороны государства или общества в момент болезни, родов, безработицы, невозможность организовать самопомощь, так как царское правительство зверски преследовало всякие попытки рабочих к организации, – такова была обстановка, которая окружала работниц», – писала А.М. Коллонтай [29].

Таким образом, занятость в производстве или работа в качестве прислуги не гарантировали женщинам достойного заработка. На Дальнем Востоке в начале XX в. положение членов солдатских семей осложнялось еще и тем, что промышленное производство было развито слабо, на работах широко использовался дешевый «желтый» труд, что не давало женщинам возможности заработать на пропитание себе и своим детям. Женщины-солдатки были вынуждены идти «в кусочки» – то есть побираться – или изыскивать альтернативный заработок в виде тайной проституции. В официальных бумагах Врачебного отделения Приморского областного правления, располагавшегося в г. Владивостоке, за 1897 г. отмечалось: «Главным рассадником тайной проституции и сифилиса служат солдатские жены состоящих на действительной службе солдат; образуя две слободки в г. Владивостоке, они поддерживают свое существование тайным развратом». В качестве предупредительных мер предлагались регулярные медицинские осмотры солдатских жен, однако на них не являлась и половина солдаток, даже являвшихся жительницами города, не говоря уже о приехавших во Владивосток на заработки солдатках из других областей [30. Д. 1. Л. 17–18]. В июле 1900 г. из общего списка проституток-одиночек Владивостока в 11 женщин две были женами запасных, призванных на военную службу. В том же году старший врач 1-го Влади-

востокского крепостного пехотного полка доносил в Приморское областное врачебное отделение о двух рядовых, один из которых «заразился в пивной на 6-й Матросской, имени проститутки не знает, известно только ему, что она солдатка», а второй «заразился от солдатки, живущей с подругой на Пологой улице, 2-й или 3-й дом от японского публичного дома № 11, во дворе, в маленьком флигеле» [30. Д. 197. Л. 148, 158, 180]. Данный солдат тоже не смог вспомнить фамилии ни солдаток, ни их домохозяина, а столь подробное описание было дано для того, чтобы по возможности найти зараженную женщину и отправить ее на лечение. Тем не менее в условиях невозможности найти достойно оплачиваемую работу солдатские жены из числа горожанок и жительниц близлежащих деревень часто прибегали к проституции как реальному заработку, на который в условиях дальневосточных городов с ярко выраженной половой диспропорцией населения всегда был спрос. Положение солдаток усугублялось еще и моральным давлением со стороны общества, уверенного в том, что солдатская жена непременно будет развратничать, и косвенно толкающего женщин в проституцию.

Документом, регулирующим положение семей военнослужащих накануне Первой мировой войны, было «Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств от 25 июля 1912 г.». Им полагалось пособие, ходатайствовать о назначении которого могли как жены призванных запасных нижних чинов, так и сами солдаты с фронта. В начале войны большинство женщин не имело представления о том, на что конкретно они имеют право претендовать [31. С. 149–150]. Чтобы довести до сведения населения Приамурского края разъяснения по данному закону, 19 августа 1914 г. официальные «Приамурские ведомости» опубликовали полный текст Положения [32. С. 2]. Однако применение этого закона на практике было сопряжено с рядом трудностей.

Во-первых, сама трактовка Положения 1912 г. делала субъектом призрения только законную жену и ее детей. В условиях же существования сложных, многопоколенных семей подобное решение часто оставляло без помощи родителей призывника, его сиротствующих братьев и сестер, вынуждая родителей ходатайствовать о возвращении сыновей домой. Призванный на войну мог быть фактически единственным кормильцем родительской семьи.

Так, из селения Кхуцын Ключевской волости Ольгинского уезда Приморской области был призван из запаса крестьянин Иван Ефимович Давыдов, отец пятерых малолетних детей. 6 октября 1914 г. его 74-летний отец Ефим Никитич Давыдов подал прошение об освобождении от призыва сына, единственной опоры в семье: «…без него придется мне, бедному старику с семьею, терпеть весьма большие лишения». 15 октября он получил ответ, что «ходатайство ввиду военного времени удовлетворено быть не может» [33. Д. 30. Л. 62–64]. В еще более трагическом положении оказалась семья Феодосия Ивановича Жабчака, крестьянина селения Вишневки Спасской волости, который был призван на службу и 6 октября признан годным как имеющий старшего брата Матвея, 41 года. Отец Иван Павлович Жабчак, 74 лет, подал прошение, сообщив, что старший сын Матвей уже 8 лет в области не проживает и семье не помогает. К прошению прилагался «Приговор крестьянского схода 11 мая 1914 г.», постановившего «выдать приговор в том, что Иван Жабчак уже стар и слабый здоровьем, его жена Мария 64 лет слепая уже восемь лет... так что Жабчак и его жена поддерживаются исключительно трудами своего меньшого сына Феодосия... и в случае принятия Феодосия на военную службу старики Жабчаки останутся в безнадежном положении... Подписали 60 человек». Однако Иманское уездное по воинской повинности присутствие 29 ноября 1914 г. постановило, что это не является достаточным основанием для удовлетворения жалобы: Матвей проживает в Киевской губернии, и если он не помогает своим престарелым родителям, то это их проблемы. 18 февраля 1915 г. Иван Жабчак подал новое прошение. В нем он писал, что Приморское по воинской повинности присутствие ранее отказало ему на том основании, что у него есть старший сын. Но этот сын (на самом деле пасынок), Матвей, как оказалось, тоже находился в рядах войск в 774-м транспорте в 155-м обозном батальоне. На попечении старика остались жена сына Феодосия и двое внуков. Он снова просил освободить от службы сына, находящегося в это время в 3-м артиллерийском крепостном полку в 8-й роте во Владивостоке. Но в этом ему было отказано [33. Д. 30. Л. 75–82, 96].

Похожая история случилась с Михаилом Тимофеевичем Сигидиным, крестьянином Суйфунской волости, Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. Он был призван на том основании, что у него есть старший брат Илларион, не призванный в армию и способный содержать семью родителей. Не были приняты во внимание медицинские свидетельства о тяжелом состоянии здоровья Иллариона, который умер от туберкулеза через 17 дней после призыва младшего брата Михаила, оставив после себя жену и 12 детей с престарелым отцом Тимофеем Гавриловичем. Тимофей Гаврилович Сигидин просил вернуть ему оставшегося сына, находящегося на станции Маньчжурия. Ответ (полученный 28 января 1915 г.), гласил, что «Михаил Сигидин имел право на возвращение из военной службы в порядке 56-й статьи Устава о воинской повинности, которая в военное время применению не подлежит» [33. Д. 30. Л. 49–50]. Еще один такой пример дает семья Ивановых, крестьян деревни Пенязино Занадворовской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. Их родители умерли, и в 1914 г. в живых остались четверо сыновей: Василий (23 года), Феодор (20 лет), Николай (14 или 11 лет), Павел (9 лет). Василий к этому времени был женат и имел двоих собственных детей 3 лет и 1 года. В армию в январе 1915 г. был призван второй сын, Феодор Александрович, который явился на призывной участок в с. Раздольное и был принят на военную службу, но с отсрочкой до 11 апреля. Старший брат Василий, то ли боясь ответственности за всю семью, то ли желая спасти от войны младшего брата, 6 февраля 1915 г. явился добровольцем к Никольск-Уссурийскому воин-

скому начальнику и 10 февраля был отправлен в Читу в 1-ю запасную бригаду. Феодор просил не призывать его, раз его старший брат в армии, и он остался единственным кормильцем в семье, или хотя бы позаботиться о содержании младших братьев. В обоих просьбах ему было отказано по тем же основаниям, что и Сигидину [33. Д. 30. Л. 122–127]. В приморских газетах освещался случай крестьянина деревни Хвалынки Прокопия Яковенко. 20 сентября 1915 г. он похоронил жену, умершую в больнице от брюшного тифа, и тотчас же должен был выехать в Никольск-Уссурийский на сборный пункт как ратник ополчения 1-го разряда, оставив шестерых сирот возрастом от 1,5 до 11 лет «на собственное их попечение» [34. С. 3]. Нетрудно догадаться, что при 50−60 тыс. жителей области, призванных в ряды войск, подобных историй были многие тысячи. На приморскую деревню с мобилизацией надвинулась настоящая катастрофа.

В войне, развязанной правительством, ответственность за содержание семей воинов полностью возлагалась на местные власти, которые должны были обеспечить ежемесячную выдачу пайкового довольствия. Оно было невелико. «Приамурские ведомости» 4 ноября 1914 г. давали следующие цифры: в Приморской области – от 3 руб. 20 коп. на юге (Владивосток, Никольск-Уссурийский) до 4 руб. на севере [35. С. 5] (для сравнения, московским семействам запасных полагалось на взрослого члена семьи 5 руб. в месяц, а на ребенка – 3 руб. с правом повышения нормы до 10 руб. [36. С. 163], а размер казенного пайка в Петрограде был определен в 3 руб. 72 коп на взрослого и несовершеннолетнего ребенка и 1 руб. 86 коп. на ребенка до пяти лет [37. С. 360]). Но даже и с этими выплатами местные власти скоро перестали справляться. Тему неудовлетворительной постановки дела помощи семьям запасных подняла владивостокская «Далекая окраина» 7 ноября 1914 г. М. Вознесенский в статье «Позабытые» писал: «Организация помощи семьям запасных почти уже повсюду в городах заканчивается... Между тем об организации помощи семьям наших крестьян, призванных на войну, ничего не слышно или слышно очень мало... Между тем со времени мобилизации в нашем крае прошло уже немало времени, и нужда в помощи начинает сказываться все острее» [38. С. 2]. В статье «Без помощи» рассказывалось несколько историй о бедственном положении жен и детей запасных, причем анонимный автор восклицал: «А сколько их, таких жен и семей, вращаются вокруг да около нас, совершенно забытых и обездоленных в течение 1½ месяца и не знающих, куда преклонить свою голову?» [39. С. 2].

8 ноября 1914 г. в с. Шкотово жены запасных, призванных 18 сентября, просили выдать им пособия: «Мы с детьми голодаем» [33. Д. 30. Л. 267]. 11 ноября крестьянский начальник 5-го участка Приморской области доносил из с. Шкотово приморскому областному правлению, что «пайковое довольствие семьям запасных не выдается ввиду того, что отпущенный на то аванс израсходован, а дополнительного не получено» [33. Д. 30. Л. 265]. На запрос губернатора он уточнил, что на острые нужды семейств запасных, призванных по мобилизации на военную службу, было выделено 428 руб. 75 коп., и деньги израсходованы 8 ноября [33. Д. 30. Л. 268].

27 ноября никольск-уссурийский городской голова доносил военному губернатору, что «ввиду крайне стесненного финансового положения городских средств в настоящее время, городское управление поставлено в положительную невозможность далее продолжать выдачу взаимообразно из своих средств пайковое довольствие семействам нижних чинов, призванных по мобилизации на действительную службу» [33. Д. 30. Л. 270]. Это положение сложилось несмотря на то, что по меркам Дальнего Востока Никольск-Уссурийский был довольно крупным городом.

Однако у жен мобилизованных были хотя бы какие-то права. В другом положении оказалась жена прапорщика 2-й батареи 6-го горного дивизиона Мария Федоровна Волкова из села Раковки Суйфунской волости. Она просила помочь ей и ее 6-месячному ребенку с продовольствием, так как ее муж находится в действующей армии. Но ей было отказано: «Прапорщик Волков не призван по мобилизации, а состоял на службе до войны, поэтому его семья не пользуется правом на пособие» [33. Д. 36. Л. 263–264].

30 ноября «Далекая окраина» писала: «Все чаще и чаще в нашей редакции появляются скорбные фигуры женщин, которых наши неизвестные идейные друзья направляют в нашу редакцию как в последнюю инстанцию, как в место, где могут еще кое-что сделать, кое-куда направить, похлопотать, изредка помочь... Однообразны рассказы этих женщин. Нужда, пособия не знают, откуда получить. Бегут из деревень в города, но тут их встречают не всегда так, как бы следовало. Но если в деревне не все благополучно, то и в городе не всегда хорошо» [40. С. 1].

В крупных городах, конечно, положение было лучше. Во Владивостоке в 1915 г. «6 и 7 февраля управой выдано семьям запасных казенного пайка 7 661 р. 07 к. Удовлетворено около 1 200 семей» [41]. 3 июля 1916 г. газета «Дальний Восток» писала: «Во Владивостоке 3 015 семей воинов. Пользуются пособием казны 5 700 взрослых и 2 112 детей. Общая сумма выдачи в месяц 38 509 р. 20 коп.» [42. С. 2]. Это очень близко к официальным оценкам. По данным Особого присутствия по призрению семейств нижних чинов запаса, в августе того же 1916 г. в городе были зарегистрированы 3 264 семьи солдат в составе 6 059 взрослых и 2 231 ребенка в возрасте до 5 лет. Ежемесячно город выделял на нужды попечительства 12 тыс. руб. (по 3 руб. на взрослого и 1,5 руб. на ребенка до 5 лет), а требовалось более 21,5 тыс. руб. Недостающие средства собирались за счет спектаклей, концертов, лотерей, кружечного сбора и тому подобных мероприятий. Всего же к 1 июля 1916 г. городом для попечительства было выделено более 200 тыс. руб. [43. С. 27].

В условиях постоянного удорожания жизненно необходимых продуктов выделяемых сумм было явно недостаточно для нормального существования солдатских семей. Чаще всего об этом писала газета «Дальний Восток». Ее редактор В. Панов опубликовал серию статей: «Незаметная драма» (29 ноября 1914 г.),

«Доля солдатки» (31 декабря), «Без кормильцев» (14 января 1915 г.), «Письмо в редакцию» (16 января), «Очень стыдно» (18 января). Статья «Доля солдатки» рассказывала о крестьянке Романовой, оставшейся в тяжелом положении после призыва ее мужа в армию. Расследование, проведенное военным губернатором Сташевским, показало, что «солдатка Романова не может быть отнесена к числу таких, которые гнут спину перед сельским начальством, и автор заметки чересчур поспешил со своими заключениями» [44. С. 4].

Статья (скорее, очерк) «Без кормильцев. В лачугах» – о «беспомощности семей тех, кто своей грудью отстаивает родину, кто защищает нас в окопах...» «Вот где настоящая нужда, вот куда надо почаще заглядывать нашим патронессам и благотворителям. Здесь нужда молчаливая. Целый день тяжелого труда и целый день забота о куске хлеба, не для себя, а для детишек... Ни слез, ни сетований на судьбу, а сознание необходимости тяжелого труда...» [45. С. 3].

В «Письме в редакцию» рассказывалось: «Жена запасного Бегор, Домна Филипповна, просила помощи, но по странному случаю в выдаче пособия ей отказали, между тем как она заболела, заработать не может, зима суровая и ее дитя-сынок буквально голодает... В то время как муж Домны Бегор сражается на поле битвы, больную Бегор гонят с квартиры, а ее сын-малютка плачет от голода и горя... Помогите же, добрые люди, несчастной Бегор... Нужда ее очевидна, зайдите в квартиру и убедитесь. 1-я Морская, д. № 8, кв. 4» [46. С. 5].

Это письмо вызвало наибольший резонанс. Предпринявший расследование городской голова Владивостока Ющенков 20 января 1915 г. попросил военного губернатора области «не отказать в распоряжении о том, чтобы впредь, предварительно помещения гг. редакторам подобного рода писем в газетах, таковые письма подвергались бы проверке с действительным положением дел, не говоря уже о том, что местное общество подобными неправдивыми заявлениями,вводится в заблуждение, еще хуже, если газета с подобного рода письмом появится среди войск действующей армии» [16. Д. 495, ч. 1. Л. 260].

21 января в «Дальнем Востоке» было напечатано официальное разъяснение. «По поводу помещенного в № 14 газеты «Дальний Восток» письма жены запасного Домны Филипповой Бегор... прошу... поместить прилагаемое при сем донесение владивостокского городского головы за № 461 об оказании помощи». В этом донесении городской голова Ющенков писал, что «жене Сергея Ануфриевича Бегор с сыном Владимиром 7-ми лет... выдается казенное пособие с момента явки мужа ее на сборный пункт, т.е. с 16 сентября минувшего года... (...в месяц 7 рублей). Помимо получения продовольственного пособия Д. Бегор выдается пособие из городского попечительства из средств, ассигнованных городом; за декабрь месяц Д. Бегор получила 9 рублей и 30 фунтов муки... Ввиду выраженного Д. Бегор желания иметь от города квартиру – таковая ей будет предоставлена попечительством в городском бараке» [47. С. 5]. 23 января газета опубликовала письмо опекуна дома № 8 Петрова, в котором говорилось, что «Бегор занимал две комнаты, платил 23 рубля в месяц». После призыва Бегора в армию арендатор дома просил его жену «очистить одну комнату, она дерзко ответила нежеланием жить в одной комнате, притом заявила, что у нее имущество на полторы тысячи рублей, поместиться в одной комнате она не может. Что же касается того, что больную Бегор гонят с квартиры, а ее сын малютка плачет от голода и горя... то такое сочинение только можно назвать недобросовестным» [48. С. 5].

11 февраля 1915 г. военный губернатор Приморской области ходатайствовал перед генерал-губернатором «о наложении на редактора соответствующего взыскания за помещение в газете ложных сведений, возбуждающих в населении враждебные отношения к должностным лицам, ведающим призрением семей лиц, прозванных на войну» [16. Д. 495, ч. 1. Л. 291]. Главный начальник края 13 февраля ответил: «На основании изложенного, я считаю необходимым указать Вашему Превосходительству, что редактор газеты “Дальний Восток”, безусловно, подлежит привлечению к судебной ответственности по 275.2 ст. Улож. о Нак., о чем Вам надлежит сделать соответствующее распоряжение» [16. Д. 488. Л. 119]. Однако 20 февраля генерал-губернатор сменил гнев на милость и потребовал сначала «проверить газетные сведения с действительным положением дела и только в том случае, если распубликованные сведения ложны, – представить о наложении на виновного редактора административного взыскания», добавив, что «это разъяснение необходимо принять к руководству и на будущее время» [16. Д. 495, ч. 1. Л. 275]. Военный губернатор Сташевский 28 февраля сообщил, что «все три случая, указанные в газете “Дальний Восток” в нумере 290 по делу Романовой и в нумере 14 по делу Бегар были расследованы и оказались ложными... Вновь ходатайствую о наложении взыскания на редактора названной газеты Панову за помещение в газете ложных сведений, возбуждающих в населении враждебное отношение к должностным лицам» [16. Д. 495, ч. 1. Л. 276]. Серьезного наказания редактор «Дальнего Востока» в очередной раз избежал. Однако он решил не искушать судьбу. Проработавший более 30 лет в журналистике Панов знал, как опасно перегибать палку в конфликтах с начальством. 24 апреля 1915 г. инспектор по делам печати Н. Дюфур докладывал генерал-губернатору: «По просмотре мартовских нумеров газеты “Дальний Восток”, статей и заметок о плохой постановке дела оказания помощи пайковым довольствием семьям запасных мною не найдено» [16. Д. 495, ч. 1. Л. 286].

Однако отсутствие заметок в газетах означало лишь победу цензуры над печатным словом, а не то, что все проблемы были решены. Редактор никольск-уссурийской газеты «Уссурийский край» К. Лепин 3 мая 1915 г. рассказал, что «городской комитет по сбору пожертвований почти прекратил выдачу пособий семьям запасных. Новый “курс”, как нам передают, был введен по инициативе пресловутого казначея комитета Кессельмана... “Мотивировка” сторонников невыдачи пособий оказалась более чем (ма)ло-характерной. По их словам: Жёны запасных дескать с жиру бесятся (слова подлинные)». В выдаче пособия было отказано,

например, жене запасного воина Татьяне Назаренко, которая жила на чужой квартире, с двумя детьми двух лет и четырех месяцев, работать не могла, получала лишь казенный паек 7 руб. в месяц. Причиной такого решения комитета, по словам женщины, было то, что она не уступила сексуальным домогательствам «сладострастного г. Кессельмана» [49. С. 3]. Вероятно, этот же случай имел в виду Н. Арефьев, писавший в хабаровской газете «Приамурье», что в Никольске член управы домогался жены запасного, пришедшей за пособием. Защищая женщин, которых общественность того времени нередко обвиняла в аморальном поведении, журналист утверждал, что в большинстве случаев женщин развращают сами мужчины [50. С. 3].

Второй проблемой, связанной с Положением 1912 г., было то, что выдача государственного пособия не распространялась на «гражданских» жен и незаконнорожденных детей. На фронте оказалось две категории отцов внебрачных семейств, чьим близким не полагались ни компенсация за службу отца на фронте, ни пенсия или пособие в случае его смерти. Это были служившие в действующей армии кадровые офицеры и вновь призванные «запасные» [36. С. 161]. Поскольку им не полагалось официального пособия от государства (для его назначения женщины должны были предоставить выписку из метрики, свидетельствующую о браке с призывником и рождении детей), «гражданские» жены оказывались на попечении благотворительных организаций, но и там не всегда могли найти необходимую помощь. Именно такой «гражданской» женой была героиня статьи «Дальнего Востока» «Очень стыдно», которая «шьет на дому мешки, вырабатывает от 60 до 70 копеек в день и на эти гроши живет с тремя детишками» [51. С. 3–4]. Но эта женщина хотя бы могла работать. 8 августа 1915 г. владивостокская газета «Новости дня» в заметке «Ужасы жизни» сообщала, что «близ ст. Первая речка бросилась под поезд молодая женщина, жена запасного Д. Герасимович... После самоубийцы... осталось трое детей... Работать из-за детей она не могла, а пособия, как “гражданская жена”, она не получала» [52. С. 3]. Другой выход из, вероятно, бедственного положения нашла одна солдатка в Хабаровске. 30 октября 1916 г. «Приамурская жизнь» рассказывала: «Запасной солдат Викентий Хорошуха был призван в ряды войск с начала войны, где и прослужил до последнего времени. На днях он возвратился из армии, откуда он уволен по болезни. Прибыв в Хабаровск, Хорошуха нашел свою жену не одинокой...» Она жила с крестьянином Рерихом в его квартире. 28 октября Хорошуха на улице ножом убил жену и ранил Рериха. Сиротами остались четверо детей [53. С. 3]. Такого рода публикации, пусть даже и «желтой» прессы вряд ли настраивали граждан, части которых и самим предстояло отправиться на войну, на воинственный лад. В сибирских уездах гражданские жены нижних чинов утверждали, что не получали вообще никакой поддержки, что крайне возмущало красноярских попечителей [54. P. 312].

Таким образом, местные власти с трудом справлялись с обеспечением семей солдат. Помощь в этом деле им могли бы оказать благотворительные организации и разовые благотворительные акции, как официальные, так и частные. В годы Первой мировой войны в России появилось множество благотворительных организаций. Часть из них находилась под покровительством августейшей фамилии: 11 августа 1914 г. был учрежден Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов во главе с императрицей Александрой Федоровной, Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (1914), Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных действий (1914), Комитет великой княгини Марии Павловны по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину (1915) и др. В крупных городах предусматривалось создание особых попечительств, но на Дальнем Востоке только Владивосток попадал в эту категорию. Однако в силу специфики размещения населения на территории Дальнего Востока (большие расстояния между населенными пунктами, плохие пути сообщения) Приамурскому генерал-губернатору удалось добиться разрешения на образование особых городских попечительств еще в четырех городах региона – Благовещенске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре и Никольске-Уссурийском. В ноябре 1914 г. были образованы местные отделения Комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну [24. С. 167–169, 187–189]. Эти организации оказывали помощь членам семей призванных на войну солдат и офицеров.

В Хабаровске с началом войны под председательством М.М. Гондатти, супруги генерал-губернатора, был создан Приамурский комитет по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам, организовавший сбор средств с патриотически настроенных граждан [55. С. 1]. Работа этой благотворительной организации регулярно освещалась в отделе хроники «Приамурских ведомостей». До 20 декабря 1914 г. в комитет «поступило пожертвований... 138 858 руб. 99 коп.» [56. С. 4], до 31 декабря – 148 223 руб. 75 коп. [57. С. 4], а до 31 мая 1915 г. – 262 847 руб. 75 коп. В отчете комитета, опубликованном 16 июня 1915 г., сообщалось: «Из этой суммы израсходовано: 1) на содержание Приамурского этапного лазарета 56 104 руб., 2) на содержание Приамурского имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича передового отряда [красного креста] 110 006 руб., 3) на шитье белья и мелкие хозяйственные расходы 1 786 руб. 94 коп., 4) переведено в пользу Бельгии, Сербии и Черногории 152 руб., 5) переведено в пользу Польши и на устройство железнодорожной бани 45 руб. 50 коп., 6) на содержание именных коек в Приамурском лазарете 13 802 руб... 9) выдано пособий раненым, кроме оказания трудовой и материальной помощи, 1 191 руб., а всего израсходовано комитетом 183 382 руб.» [58. С. 5–6]. Обращает на себя внимание ничтожность сумм, которые Приамурский комитет по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям выделил непосредственно на пособия раненым. На эти цели пошло только 1 191 руб. (0,65% из потраченных 183 382 руб.).

К 10 октября комитет собрал 304 023 руб. 20 коп. [59. С. 6].

В начале войны было много пожертвований от частных лиц, в том числе иностранцев. Так, «проживающее в Новокиевске на Дальнем Востоке китайское население, сочувствуя идейной войне, просило Его Превосходительство г. Пограничного комиссара сановника Гу (Кузьмина) принять небольшую лепту – 150 руб. для “передачи... на удовлетворение необходимейших нужд оставшихся сирот и беспризорных стариков...”» [60. С. 1]. Во Владивостоке был создан комитет по сбору пожертвований, и газета «Далекая окраина» объявляла сборы средств («Открытое письмо тем, кто освобожден от призыва в армию», «Помощь больным и раненым воинам» и т.п.), публиковала сведения о пожертвованиях и призывы помогать семьям солдат, защищающих права России, попираемые «озверелым врагом» [61]. Когда началась первая мобилизация, М. Вознесенский писал: «В этот час мы, остающиеся на местах, должны будем усилить свои старания в деле помощи оставшимся семьям запасных, должны напрячь все наши силы к облегчению страданий больных и раненых воинов» [12. С. 1]. Широко освещались газетой акции немецкой фирмы «Кунст и Альберс». 6 сентября через газету «торговый дом Кунст и Альберс сообщил своим служащим, что как призванные, так и те, которые будут призваны на военную службу, фирмой рассчитаны не будут и сохранят за собой жалованье» [62. С. 3]. 19 сентября в заметке «Детский приют М.Л. Альберс» «Далекая окраина» сообщила о еще одном начинании фирмы: «Супруга совладельца торговой фирмы Кунст и Альберс М.Л. Альберс открыла на время войны приют для детей запасных, призванных на действительную службу. Приют открыт на 16 человек. В приют принимаются дети от 2 до 6 лет» [63. С. 3].

В российской пропаганде периода Первой мировой войны звучало приторное умиление перед «скромными героями» − простыми солдатами. Но это нравилось далеко не всем. 25 ноября 1914 г. призванный в армию А.И. Мельников писал, что ему «до боли стыдно слушать все эти умиления и нарочитую нежность по отношению к “солдатикам”... В мирное время, да и сейчас в городах... общество относится к солдату, как к парию, отщепенцу, синониму грубости, неотесанности, а когда же солдат пошел класть “живот свой”... взрослые рассудительные люди суют к нему в сырые окопы мешочки с махоркою, леденцами, мылом...» По словам В.П. Булдакова, этим показным участием избавленное от военных тягот образованное общество «откупалось» от низов [64. С. 20].

В марте 1915 г. в столице Приамурского генерал-губернаторства был также создан Комитет по устройству убежища для детей воинов, призванных на военную службу. Почетной попечительницей комитета стала та же М.М. Гондатти. Сохранившиеся документы Комитета свидетельствуют о выделявшейся незаконным семьям поддержке – ходатайство одной из «гражданских жен» призванного на военную службу о принятии в приют двух ее детей вследствие «поступления матери на работу на пароход» было удовлетворено, причем журнал заседания, в котором рассматривался этот вопрос, не содержит и намека на дискуссию. Таким образом, мы можем видеть изменения в общественном мнении касательно гражданского брака и незаконнорожденных детей, санкционированные официально [65. С. 146–147]. Тем не менее и этот Комитет высокой патронессы больше внимания уделял совсем другим вопросам.

6 мая 1916 г. в статье «Уссурийского края» «Бред “Русск. Знамени”», направленной против черносотенной прессы, говорилось о положении семей солдат: «“Русское знамя” все упрекает деревенских солдаток в роскоши и мотовстве: “...Получит она 20–25 рублей в месяц пособия и считает чуть ли не обязанностью сейчас же оставить их в своей деревенской лавчонке, истратив на всякие пустяки...” Очень может быть, что солдатки нынче пьют чай и даже с булкой (дай Бог, чтобы они и впредь не голодали). Но что за деревенская солдатка получает 25 руб. в месяц пособия – это прямая и явная ложь. О таких цифрах и в городе, и в деревне солдатки и слыхом не слыхали» [66. С. 5].

Надо отметить, что обвинения солдаток в мотовстве и растрате полученного пособия были характерны не только для Приморской области. Н.Л. Пушкарева и П.П. Щербинин отмечают, что получение солдаткой пособия делало ее в разной степени независимой от влияния семьи и общины, поднимало самооценку, позволяло самой решать, что покупать себе и детям, что, естественно, не нравилось свекрам и общине и приводило к обвинениям в распутстве и мотовстве [31. С. 151]. Столь большие суммы могли появиться у крестьянки только в том случае, если она получала пособие на себя и на своих детей из нескольких источников, например от казны и городского попечительства.

По мнению Т.И. Трошиной, основанному на материалах русского Севера, предоставляемые в качестве «пайка» и общественной помощи деньги солдатки тратили не на развитие хозяйства и найм работников, а на товары «впрок» или на приданое дочерям. Дело в том, что в деревне продолжала существовать традиция поддерживать семью, где муж отсутствовал. На эту помощь рассчитывали и солдатки. Так поначалу и было. Однако в связи с массовой мобилизацией трудоспособных мужчин в армию и ухода тех, кто не оказался в армии, на заработки в города, где физический труд высоко ценился, помогать односельчанам стало некому. В итоге часть солдаток, которые потратили деньги неизвестно на что, стали во время войны беднее, а те, которые занялись коммерческой деятельностью, разбогатели [67. С. 20–21]. Однако в условиях необходимости оказать помощь огромному числу семей солдат женщины чаще не получали всего причитающегося им пособия, чем шиковали на него.

Все это вынуждало солдаток искать дополнительные ресурсы для выживания. В условиях Первой мировой войны женщины хватались за любую работу. Так, Томская городская дума решила не платить пособия бездетным солдаткам, находящимся в услужении, мотивируя это тем, что они и так живут на всем готовом, получая при этом от 8 до 12 руб. в месяц [68. С. 71–72]. Согласно переписи 1918 г., женская заня-

тость в промышленности возросла с 31,4% в 1913 г. до 45% в 1918 г. Больше всего женщин было в хлопчатобумажной промышленности – 64%, меньше всего – в металлургии (15%), между ними располагались писчебумажное производство (41%), химическая промышленность (32%) и деревообработка (18%). В итоге к 1917 г. больше половины рабочих на российских фабриках были «новичками» [27. С. 18–19]. Росла и доля женщин-служащих, представительниц интеллигенции. Был востребован труд женщин с высшим образованием – инженеров, врачей, учительниц, агрономов. В годы Первой мировой войны женщины снова подняли вопрос об образовании, начиная с самостоятельной ликвидации неграмотности и заканчивая получением доступа к высшему образованию в 1915 г. Все это способствовало росту самосознания русских женщин и, как следствие, – росту политического сознания.

В 1915–1916 гг. по всей Российской империи – от Закавказья до Сибири – прокатилась волна «бабьих бунтов», основными требованиями которых было снижение цен на продовольствие и промышленные товары. Как говорит В.Б. Безгин, «эти стихийные выступления крестьянок, отличавшиеся радикализмом и бескомпромиссностью, наглядно продемонстрировали властям всю силу женского гнева. В них слились воедино и боязнь быть обманутыми в ходе землеустройства, и озлобление нерасторопностью местных властей в деле обеспечения семей призванных на войну, и усталость от тягот военного быта» [67. С. 24].

Производство хлеба неуклонно падало с 1914 г. Так, по данным Давида Стевенсона, производство хлеба в неоккупированных областях Российской империи выросло с 4 304 млн пудов (1 пуд = 16,38 кг) в 1914 г. до 4 659 млн пудов в 1915 г., а затем резко упало до 3 916 млн пудов в 1916 г. и 3 800 млн пудов в 1917 г. Из них на фронт отсылалось в 1914–1915 гг. 85 млн пудов, в 1915–1916 гг. – 600 млн пудов, в 1916–1917 гг. – 485 млн пудов [69. P. 92]. Но и за маленьким хлебным пайком следовало отстоять огромную очередь. Все это накладывалось на уязвимое положение солдаток и работниц, вынужденных влачить нищенское, полуголодное существование, и приводило к тому, что женщины достаточно активно начали отстаивать свои права. Солдатки действовали индивидуально и коллективно как специфическая группа, направляя прошения и петиции с требованиями к власти выполнить свои обещания о выдаче пайков и пособий. Следующим шагом стало объединение солдаток для проведения разного рода акций, направленных против лавочников, купцов и властей. Б.А. Энгл отмечает, что их акции проходили преимущественно в небольших городках или районных центрах, куда эти женщины приезжали подать жалобу или получить пособие [70. С. 163]. Результатом бабьих «хлебных бунтов» стала забастовка в Петрограде 23 февраля 1917 г., ставшая прологом к началу Февральской революции.

Однако Временное правительство не выполнило самого главного требования женщин – было принято решение о ведении войны до победного конца. Свержение самодержавия не только не привело к улучшению положения солдатских семей, но и в целом ухудшило его. Благотворительные организации были дезорганизованы, а власть отнимала у семей дезертировавших и добровольно сдавшихся в плен солдат право на пособие. Подобная практика применялась еще с 1915 г., но к началу 1917 г. число дезертировавших под влиянием антивоенной пропаганды и усталости от войны солдат резко выросло. По всей стране шло объединение женщин в крупные женские организации: 21 марта 1917 г. в Петрограде начал свою работу Всероссийский женский совет под председательством А.Н. Шабановой, а 20 июня (30 мая) в Москве по инициативе членов Ново-Андроньевского комиссариата М. Ивинского сотоварищи был организован Союз солдаток, целью которого было провозглашено улучшение экономического и правового положения солдатских семей. Вскоре в Хабаровске был организован Хабаровский союз солдаток под председательством Александры Николаевны Грекуловой.

Александра Грекулова, член партии эсеров, летом 1917 г. стала председателем Хабаровского союза солдаток, а впоследствии – гласным хабаровской городской думы. В ее обязанности на посту председателя входило обследование жилищно-бытовых условий жизни солдаток, помощь им в поиске работы и разбор конфликтных ситуаций в среде солдатских жен. Для предполагаемого пользования семьям солдат, проживавшим в г. Хабаровске, были предоставлены 14 флигелей на 56 семей на Артиллерийской и Казачьей горах, а также в районе 274-й дружины [71. Д. 1. Л. 8–8 об.]. В целом флигели, согласно акту осмотра, были в удовлетворительном состоянии, кое-где не хватало или были разбиты чугунные плиты, отставали от стен обои, обвалилась штукатурка, в некоторых дверях были разбиты стекла. Остальное оборудование присутствовало, согласно описям [71. Д. 1. Л. 6]. Солдатским женам было предъявлено требование соблюдать благонравное поведение, не допускать ссор и драк. Если солдатка нарушала правила общежития, ее могли попытаться выселить из флигеля. Так, командир 304-й дружины, чей флигель располагался на Казачьей горе, 12 октября 1917 г. обратился в правление союза солдаток с просьбой выселить из вверенного ему флигеля Дарью Федорович, «непристойный образ жизни которой вызывает недовольство и ропот со стороны других солдаток» [71. Д. 1. Л. 9–9 об.]. Федорович обвинялась в том, что посетившие ее солдаты вели себя буйно, били стекла и т.д. Однако, как видно из объяснительной самой Федорович, подписанной свидетельницами-соседками, ссора произошла между двумя неизвестными ей пьяными солдатами караульной комнаты, ввалившимися к ней в дом, когда Федорович была одна («соседки мои ушли за дровами, с ними пошла моя братовая»). Там пришельцы столкнулись с выпившим знакомым солдатки Чмелевым, зашедшим в гости вместе с товарищем. Чмелев стал уговаривать солдат уйти, завязалась свалка. В итоге прибывший караульный Малеев забрал всех шумевших, кроме сбежавшего товарища Чмелева. Ни одно окно в результате не пострадало, а разбито было стекло от лампы [71. Д. 1. Л. 10–10 об.]. В итоге обвинение в дебоше с Дарьи Федорович было снято.

К лету 1917 г. ситуация в Хабаровске еще больше ухудшилась. Солдатки обращались к Грекуловой с просьбами найти им хоть какую-нибудь работу. В итоге безработным солдаткам была поручена стирка белья военнопленных по цене 6 коп. за штуку, причем в случае порчи или недоброкачественной стрики белья следовало уплатить штраф за несоблюдение сроков доставки и некачественную стирку, а также союз солдаток должен был оплатить передачу стирки белья в другие руки [71. Д. 1. Л. 45–45 об.]. Женщинам-солдаткам также было дано разрешение работать дворниками, «но женщины эти должны быть сравнительно сильными и здоровыми, потому что зимою, например, дворнику часто приходится скалывать намерзший снег и лед, работать ломом или кайлом» [71. Д. 1. Л. 52–52 об.]. Однако данное разрешение не сыграло особой роли, так как свободных вакансий дворника не было. А 7 августа 1917 г. ВРИО окружного интенданта просил, чтобы Грекуловой было разъяснено, что починка мешков с нитками и иголками работниц выполняется по ценам не выше 5 коп. за мешок, поэтому «удовлетворить ее ходатайство об увеличении в г. Хабаровске цены за починку мешков до 7 коп. не представляется возможным» [71. Д. 1. Л. 57]. Не увенчалась успехом и попытка Комиссара Временного правительства Приамурской области по областному управлению добиться замены солдатками солдат-мастеровых при пошиве белья и верхнего платья солдат. В ответе окружного интенданта Приамурского военного округа отмечалось, что солдаткам можно поручить шитьеё белья, но не обмундирования, которое шьется по специальным лекалам, но и его солдаткам шить не дали, так как вести расчет с каждой солдаткой отдельно (или с небольшими группами солдаток) и платить им еженедельно, а потом еще и сверять соответствие кроя и шитья существующим образцам, интендантство «не имеет решительно никакой возможности» [71. Д. 1. Л. 64–64 об.].

Не приходится сомневаться, что мировая война тяжелее всего сказалась на состоянии приморской деревни. Деревня, в которой проживало 67% населения, дала армии 89% солдат и 43% трудоспособного мужского населения. Вопрос социального обеспечения семей военнослужащих государству и обществу пришлось решать в невиданных масштабах. Занимались этим как местные власти, выдававшие женам солдат пособие согласно «Положению о призрении нижних воинских чинов и их семейств», так и благотворительные организации (Владивостокский комитет по сбору пожертвований, Приамурский комитет по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам, Комитет по устройству убежища для детей воинов, призванных на военную службу и др.). Поскольку официальное пособие было очень маленьким и средства на него местные власти с самого начала войны изыскивали с трудом, благотворительные организации располагались в городах, где мобилизационное напряжение было гораздо ниже, чем в деревне, условия жизни лучше и возможностей для заработка больше, семьи солдат, проживавшие в городах, оказались в более выгодном положении. Но и им было нелегко, особенно «гражданским» женам и их детям. Приморские газеты рассказывали, как женщинам приходилось, едва сводя концы с концами, за копейки работать на дому, терпеть домогательства и унижения со стороны «благотворителей», заниматься проституцией или даже, не выдержав трудностей, кончать жизнь самоубийством.

Намного тяжелее приходилось жителям деревни. Семьи в деревне были не нуклеарными, как чаще всего в городах, а большими, многопоколенными. Без кормильца оставались не только жена и дети, но и престарелые родители призывника, его малолетние братья и сестры. Бывало, что на войну уходил младший брат, оставив на родителей всю семью умершего старшего брата, которой вообще никакой помощи от государства не полагалось, или оба старших брата, бывшие единственной опорой двух младших, или вдовец, после которого оставались совершенно беспризорные дети, в отсутствие матери явно не способные сами добиваться выдачи им пособия, которое было и без того недостаточным. Деревенские солдатки были вынуждены уходить в города, обивать пороги учреждений и редакций газет в поисках хоть какой-нибудь помощи и, не получая ее, самостоятельно искать себе пропитание.

Призвав народ на мировую войну и потребовав от него огромных усилий и жертв, правительство Российской империи не слишком хорошо справилось со своими социальными обязательствами по поддержке семей солдат. Образованное городское общество, поначалу откликнувшееся на призыв правительства объединиться во имя победы, взяло на себя часть этих функций, однако начавшиеся деградация культуры, развал экономики и кризис власти не позволили добиться многого. Лишившимся мужской поддержки женщинам пришлось самим бороться за существование и отстаивать свои права. На Дальнем Востоке, как и в Европейской России, это способствовало женской эмансипации, в чем можно видеть дорого обошедшийся России положительный результат кровавой и неудачной войны.

Список источников

1. Мировая война // Далекая окраина. 1916. 20 апр.
2. World war I / Encyclopaedia Britannica. Chicago–London–Toronto, 1945. Vol. 23. 952 p.
3. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917. СПб. : Галея Принт, 2001. 160 с.
4. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2006. 528 с.
5. Чекин А. Война и общественная жизнь в Англии // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 237–261.
6. Хейстингс М. Первая мировая война: катастрофа 1914 года : пер. с англ. 3-е изд. М. : Альпина нон-фикшн, 2017. 604 с.
7. Обзор Приморской области за 1913 год : приложение к Всеподданнейшему отчету. Владивосток : Тип. Приморского областного правления, 1915. 130 с.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 550 с.

9. Горчаков А.А. Владивостокское городское по воинской повинности присутствие в годы Первой мировой войны (по документам РГИА ДВ) // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны : сб. науч. ст. Владивосток : Рея, 2016. С. 137–138.
10. Позняк Т.З. Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток : ДВО РАН, 2015. С. 136–170.
11. Синиченко В.В. Призыв запасных из Монголии в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 187–192.
12. М.В. Мобилизация // Далекая окраина. 1914. 16 сент.
13. Новиков-Сибирский. В путь дорогу! // Далекая окраина. 1914. 19 сент.
14. Хроника. Мобилизация // Далекая окраина. 1914. 17 сент.
15. Чарина Е. Проводы запасных // Далекая окраина. 1914. 19 сент.
16. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3.
17. Лорд Прей Э. Письма из Владивостока (1894–1930). 3-е изд. Владивосток : Альманах «Рубеж», 2011. 464 с.
18. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников : документы и материалы. Владивосток : РГИА ДВ, 2014. 280 с.
19. Новиков-Сибирский. В путь! // Далекая окраина. 1915. 19 сент.
20. Печальный инцидент // Далекая окраина. 1915. 23 сент.
21. К хладнокровию // Далекая окраина. 1915. 24 сент.
22. Хроника // Далекая окраина. 1915. 6 окт.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 124.
24. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны. Хабаровск : Изд-во Хабаров. гос. пед. ун-та, 1999. 365 с.
25. Шишкин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914–1922 гг. // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории : материалы Второй междунар. науч. конф., Владивосток, 25–27 октября 2012 г. Владивосток : Изд. дом Дальневост. фед. ун-та, 2012. С. 74–80.
26. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов : Юлис, 2004. 509 с.
27. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 358 с.
28. Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб. : Петрополис, 1998. 123 с.
29. Коллонтай А.М. К истории движения женщин-работниц в России. URL: http://september.media/archives/989 (дата обращения: 03.02.2018).
30. РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1.
31. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 147–162.
32. Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Приамурские ведомости. 1914. 19 авг.
33. РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1.
34. Хроника. Вниманию отзывчивых людей // Уссурийский край. 1915. 25 сент.
35. Пайковое довольствие семейств запасных в Приамурском крае // Приамурские ведомости. 1914. 4 нояб.
36. Веременко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны) : материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова, отв.ред. В.А. Веременко. СПб., 2014. С. 157–164.
37. Надсадный Д.В. Организация муниципальной благотворительности Петрограда и взаимодействие с обществом в начальный период Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны) : материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова, отв.ред. В.А. Веременко. СПб., 2014. С. 358–364.
38. Новиков-Сибирский. Позабытые // Далекая окраина. 1914. 7 нояб.
39. Без помощи (жены и дети запасных) // Далекая окраина. 1914. 7 нояб.
40. Народная нужда // Далекая окраина. 1914. 30 нояб.
41. Хроника // Дальний Восток. 1915. 8 февр.
42. Хроника. Разные известия // Дальний Восток. 1916. 3 июля.
43. Троицкая Н.А. Приамурский край в годы Первой мировой войны в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников : документы и материалы. Владивосток : РГИА ДВ, 2014. С. 7–34.
44. Разъяснение // Дальний Восток. 1915. 18 янв.
45. Секурс. Без кормильцев. В лачугах // Дальний Восток. 1915. 14 янв.
46. Письма в редакцию // Дальний Восток. 1915. 16 янв.
47. Разъяснение // Дальний Восток. 1915. 21 янв.
48. Письмо в редакцию // Дальний Восток. 1915. 23 янв.
49. К.Л. Местная жизнь. К выдаче пособий семьям запасных // Уссурийский край. 1915. 3 мая.
50. Н.А. Слабые дамы и сильные мужчины // Приамурье. 1915. 20 мая.
51. Секурс. Очень стыдно // Дальний Восток. 1915. 18 янв.
52. Ужасы жизни // Новости дня. 1915. 8 авг.
53. Дневник происшествий. Убийство // Приамурская жизнь. 1916. 30 окт.
54. Dolidovich O.M., Starovoitova E.N. The Social Welfare of Soldiers' Families in Yenisei Province (1914–1917) // Bylye Gody. 2017. Vol. 43, is. 1. P. 309–316.
55. К населению // Приамурские ведомости. 1914. 29 июля.
56. Хроника // Приамурские ведомости. 1914. 23 дек.
57. Хроника // Приамурские ведомости. 1915. 3 янв.
58. Отчет Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям // Приамурские ведомости. 1915. 16 июня.
59. Отчет Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям // Приамурские ведомости. 1915. 17 окт.
60. Перевод обращения // Далекая окраина. 1914. 1 сент.
61. Обращение Владивостокского городского комитета по сбору пожертвований // Далекая окраина. 1914. 5 сент.
62. Далекая окраина. 1914. 6 сент.
63. Хроника. Детский приют М.Л. Альберс // Далекая окраина. 1914. 19 сент.
64. Булдаков В.П. Мировая война и деморализация «Святой Руси» // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны : сб. науч. ст. Владивосток : Рея, 2016. С. 18–31.

65. Савчук А.А., Щербина П.А. Изменение социальной роли женщин на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны (по материалам благотворительных организаций) // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем : материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ И ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань. М. : ИЭА РАН, 2014. Т. 2. С. 145–148.
66. Бред «Русск. Знамени» // Уссурийский край. 1916. 6 мая.
67. Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89.
68. Хмельницкая О.Е. Трансформация социально-экономического положения женщин в Первую мировую войну. По документам государственного архива Томской области // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 66–81.
69. Stevenson D. 1917: War, Peace and Revolution. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2017. XXV, 480, [13] p.
70. Энгл Б.А. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4, № 1. С. 148–178.
71. РГИА ДВ. Ф. Р-4365. Оп. 1.

References

1. *Dalekaya okraina*. (1916) Mirovaya voyna [World War]. 20th April.
2. Anon. (1945) World War I. In: *Encyclopaedia Britannica*. Vol. 23. Chicago–London–Toronto: Encyclopaedia Britannica.
3. Markov, O.D. (2001) *Russkaya armiya 1914–1917* [Russian Army of 1914–1917]. St. Petersburg: Galeya Print.
4. Golovin, N.N. (2006) *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne* [Russia in the First World War]. Moscow: Veche.
5. Chekin, A. (1915) Voyna i obshchestvennaya zhizn' v Anglii [War and public life in England]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 237–261.
6. Hastings, M. (2017) *Pervaya mirovaya voyna: katastrofa 1914 goda* [The First World War: The catastrophe of 1914]. Translated from English. 3rd ed. Moscow: Al'pina non-fikshn.
7. Anon. (1915) *Obzor Primorskoy oblasti za 1913 god: prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu* [Overview of the Primorsky region for 1913: an appendix to the Most Faithful Report]. Vladivostok: Primorsky Regional Board.
8. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social history of Russia in the period of the empire (18th – early 20th century). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
9. Gorchakov, A.A. (2016) Vladivostokskoe gorodskoe po voinskoy povinnosti prisutstvie v gody Pervoy mirovoy voyny (po dokumentam RGIA DV) [Vladivostok City Military Service Chamber During the First World War (according to the documents of the Russian State Historical and Cultural Institute of the Far East)]. In: Gallyamova, L.I. (ed.) *Dal'niy Vostok Rossii i strany Vostochnoy Azii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Far East of Russia and Countries of Eastern Asia in Advance and During The First World War]. Vladivostok: Reya. pp. 137–138.
10. Poznyak, T.Z. (2015) Dinamika obshchestvennykh nastroeniy v gorodakh rossiyskogo Dal'nego Vostoka v gody Pervoy mirovoy voyny [Dynamics of public sentiments in the cities of the Russian Far East during the First World War]. In: Gallyamova, L.I. (ed.) *Vglyadyvayas' v proshloe: mirovye voyny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii* [Peering into the past: World wars of the 20th century in the history of the Russian Far East]. Vladivostok: RAS. pp. 136–170.
11. Sinichenko, V.V. (2015) Prizyv zapasnykh iz Mongolii v gody Pervoy mirovoy voyny [Conscription of reserve men from Mongolia during the First World War]. In: Levchenko, V.M., Shalak, A.V., Tsykunov, G.A. & Maydachevskiy, D.Ya. (eds) *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: BGUEP. pp. 187–192.
12. *Dalekaya okraina*. (1914a) M.V. Mobilizatsiya [M.V. Mobilization]. 16th September.
13. Novikov-Sibirskiy. (1914a) V put' dorogu! [On the road!]. *Dalekaya okraina*. 19th September.
14. *Dalekaya okraina*. (1914b) Khronika. Mobilizatsiya [Chronicle. Mobilization]. 17th September.
15. Charina, E. (1914) Provody zapasnykh [Seeing off the spare]. *Dalekaya okraina*. 19th September.
16. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3.
17. Lord Prey, E. (2011) *Pis'ma iz Vladivostoka (1894–1930)* [Letters from Vladivostok (1894–1930)]. 3rd ed. Translated from English. Vladivostok: Al'manakh “Rubezh.”
18. Troitskaya, N.A. (ed.) (2014) *Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoy mirovoy voyny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov: dokumenty i materialy* [Amur Governorate-General during the First World War: Strokes of time, voices of contemporaries: Documents and materials]. Vladivostok: RGIA DV.
19. Novikov-Sibirskiy. (1915) V put'! [Let's hit the road!]. *Dalekaya okraina*. 19 September.
20. *Dalekaya okraina*. (1915a) Pechal'nyy intsident [A sad incident]. 23rd September.
21. *Dalekaya okraina*. (1915b) K khladnokroviyu [To composure]. 24th September.
22. *Dalekaya okraina*. (1915c) Khronika [Chronicle]. 6th October.
23. The State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. List 124.
24. Ikonnikova, T.Ya. (1999) *Dal'nevostochnyy tyl v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Far Eastern rear during the First World War]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
25. Shishkin, V.I. (2012) Geopoliticheskaya rol' russkogo Dal'nego Vostoka v period Velikoy voyny 1914–1922 gg. [The geopolitical role of the Russian Far East during the Great War of 1914–1922]. *Grazhdanskaya voyna i inostrannaya interventsiya na rossiyskom Dal'nem Vostoke: uroki istorii* [The Civil War and foreign intervention in the Russian Far East: Lessons of history]. Proc. of the Second International Conference. Vladivostok, October 25–27, 2012. Vladivostok: Far East Federal University. pp. 74–80.
26. Shcherbinin, P.P. (2004) *Voennyy faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX veka* [The military factor in the daily life of a Russian woman in the 18th – early 20th centuries]. Tambov: Yulis.
27. Goldman, V.Z. (2010) *Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernye otnosheniya v sovetskoy industrii (1917–1937 gg.)* [Women at the Entrance. Gender Relations in Soviet Industry (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN: Boris Yeltsin Presidential Center Foundation.
28. Golosenko, I.A. & Golod, S.I. (1998) *Sotsiologicheskie issledovaniya prostitutsii v Rossii (istoriya i sovremennoe sostoyanie voprosa)* [Sociological studies of prostitution in Russia (history and current state of the issue)]. St. Petersburg: Petropolis.
29. Kollontay, A.M. (n.d.) *K istorii dvizheniya zhenshchin-rabotnits v Rossii* [On the history of the movement of women workers in Russia]. [Online] Available from: http://september.media/archives/989 (Accessed: 3rd February 2018).
30. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 3. List 1.
31. Pushkareva, N.L. & Shcherbinin, P.P. (2005) Organizatsiya prizreniya semey nizhnikh chinov v gody Pervoy mirovoy voyny [Organization of charity for families of lower ranks during the First World War]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 3(2). pp. 147–162.
32. *Priamurskie vedomosti*. (1914a) Polozhenie o prizrenii nizhnikh voinskikh chinov i ikh semeystv [Regulations on the charity of the lower military ranks and their families]. 19th August.
33. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 16. List 1.
34. *Ussuriyskiy kray*. (1915) Khronika. Vnimaniyu otzyvchivykh lyudey [Chronicle. To the attention of sympathetic people]. 25th September.
35. *Priamurskie vedomosti*. (1914b). Paykovoe dovol'stvie semeystv zapasnykh v Priamurskom krae [Ration allowance for families of spares in the Amur region]. 4th November.
36. Veremenko, V.A. (2014) Problema vnebrachnykh semey ofitserov i zapasnykh v Rossii nachala XX veka [The problem of illegitimate families of officers and reserve officers in Russia at the beginning of the 20th century]. In: Skvortsov, V.N. & Veremenko, V.A. (eds) *Voyna i povsednevnaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoy mirovoy voyny)* [War and everyday life of the population of Russia in the 17th–20th centuries (on the centenary of the beginning of the First World War)]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 157–164.

37. Nadsadnyy, D.V. (2014) Organizatsiya munitsipal'noy blagotvoritel'nosti Petrograda i vzaimodeystvie s obshchestvom v nachal'nyy period Pervoy mirovoy voyny [Organization of municipal charity in Petrograd and interaction with society in the initial period of the First World War]. In: Skvortsov, V.N. & Veremenko, V.A. (eds) *Voyna i povsednevnaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoy mirovoy voyny)* [War and everyday life of the population of Russia in the 17th–20th centuries (on the centenary of the beginning of the First World War)]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 358–364.
38. Novikov-Sibirskiy. (1914b) Pozabytye [The Forgotten]. *Dalekaya okraina*. 7th November.
39. *Dalekaya okraina*. (1914c) Bez pomoshchi (zheny i deti zapasnykh) [Without help (wives and children of spares)]. 7th November.
40. *Dalekaya okraina*. (1914d) Narodnaya nuzhda [People's need]. 30th November.
41. *Dal'niy Vostok*. (1915a) Khronika [Chronicle]. 8th February.
42. *Dal'niy Vostok*. (1916) Khronika. Raznye izvestiya [Chronicle. Miscellaneous news]. 3rd July.
43. Troitskaya, N.A. (2014) Priamurskiy kray v gody Pervoy mirovoy voyny v dokumentakh Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka [The Amur region during the First World War in the documents of the Russian State Historical Archive of the Far East]. In: Troitskaya, N.A. (ed.) (2014) *Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoy mirovoy voyny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov: dokumenty i materialy* [Amur Governorate-General during the First World War: Strokes of time, voices of contemporaries: Documents and materials]. Vladivostok: RGIA DV. pp. 7–34.
44. *Dal'niy Vostok*. (1915b) Raz"yasnenie [Explanation]. 18th January.
45. Sekurs. (1915a) Bez kormil'tsev. V lachugakh [Securs. No breadwinners. In shacks]. *Dal'niy Vostok*. 14th January.
46. *Dal'niy Vostok*. (1915c) Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the editor]. 16th January.
47. *Dal'niy Vostok*. (1915d) Raz"yasnenie [Explanation]. 21st January.
48. *Dal'niy Vostok*. (1915e) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. 23rd January.
49. K.L. (1915) Mestnaya zhizn'. K vydache posobiy sem'yam zapasnykh [Local life. To the issuance of benefits to the families of the spare]. *Ussuriyskiy kray*. 3rd May.
50. N.A. (1915) Slabye damy i sil'nye muzhchiny [Weak ladies and strong men]. *Priamur'e*. 20th May.
51. Sekurs. (1915b) Ochen' stydno [Very ashamed]. *Dal'niy Vostok*. 18th January.
52. *Novosti dnya*. (1915) Uzhasy zhizni [The horrors of life]. 8th August.
53. *Priamurskaya zhizn'*. (1916) Dnevnik proisshestviy. Ubiystvo [Diary of incidents. Murder]. 30th October.
54. Dolidovich, O.M. & Starovoitova, E.N. (2017) The Social Welfare of Soldiers' Families in Yenisei Province (1914–1917). *Bylye Gody*. 43(1). pp. 309–316.
55. *Priamurskie vedomosti*. (1914c) K naseleniyu [To the population]. 29th July.
56. *Priamurskie vedomosti*. (1914d) Khronika [Chronicle]. 23rd December.
57. *Priamurskie vedomosti*. (1915a) Khronika [Chronicle]. 3rd January.
58. *Priamurskie vedomosti*. (1915b) Otchet Priamurskogo komiteta po okazaniyu pomoshchi ranenym, uvechnym i bol'nym voinam i ikh sem'yam [Report of the Amur Committee for Assistance to Wounded, Injured and Sick Soldiers and Their Families]. 16th June.
59. *Priamurskie vedomosti*. (1915c) Otchet Priamurskogo komiteta po okazaniyu pomoshchi ranenym, uvechnym i bol'nym voinam i ikh sem'yam [Report of the Amur Committee for Assistance to the Wounded, Injured and Sick Soldiers and Their Families]. 17th October.
60. *Dalekaya okraina*. (1914e) Perevod obrashcheniya [Translation of the appeal]. 1st September.
61. *Dalekaya okraina*. (1914f) Obrashchenie Vladivostokskogo gorodskogo komiteta po sboru pozhertvovaniy [Appeal of the Vladivostok City Committee for the Collection of Donations]. 5th September.
62. *Dalekaya okraina*. (1914g) 6th September.
63. *Dalekaya okraina*. (1914h) Khronika. Detskiy priyut M.L. Al'bers [Chronicle. M.L. Albers's Orphanage]. 19th September.
64. Buldakov, V.P. (2016) Mirovaya voyna i demoralizatsiya "Svyatoy Rusi" [The World War and demoralization of "Holy Rus"]. In: Gallyamova, L.I. (ed.) *Dal'niy Vostok Rossii i strany Vostochnoy Azii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Far East of Russia and Countries of Eastern Asia in Advance and During The First World War]. Vladivostok: Reya. pp. 18–31.
65. Savchuk, A.A. & Shcherbina, P.A. (2014) Izmenenie sotsial'noy roli zhenshchin na Dal'nem Vostoke v period Pervoy mirovoy voyny (po materialam blagotvoritel'nykh organizatsiy) [Changing the social role of women in the Far East during the First World War (based on materials from charitable organizations)]. *Pol. Politika. Politkul'turnost'. Gendernye otnosheniya i gendernye sistemy v proshlom i nastoyashchem* [Gender. Policy. Political culture. Gender relations and gender systems in the past and present]. Proc. of the Seventh International Conference. October 9–12, 2014. Vol. 2. Ryazan; Moscow: RAS. pp. 145–148.
66. *Ussuriyskiy kray*. (1916) Bred "Russk. Znameni" [Fantasy of "Russkoe Znamya"]. 6th May.
67. Anon. (2014) Mezhdunarodnyy kruglyy stol "Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya voyna" [International Round Table "Russian Peasantry and the First World War"]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2(40). pp. 8–89.
68. Khmelnitskaya, O.E. (2014) Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya zhenshchin v Pervuyu mirovuyu voynu. Po dokumentam gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti [Transformation of the socio-economic status of women in the First World War. According to the documents of the State Archive of the Tomsk Region]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 66–81.
69. Stevenson, D. (2017) *1917: War, Peace and Revolution*. Oxford; New York: Oxford University Press.
70. Engle, B.A. (2010) Ne khlebom edinym: zhenshchiny i prodovol'stvennye besporyadki v Pervuyu mirovuyu voynu [Not by bread alone: women and food riots in the First World War]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4(1). pp. 148–178.
71. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-4365. List 1.

***Сведения об авторах*:**

Агапов Вадим Львович – доктор исторических наук, доцент департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: agapov_vl@mail.ru

Савчук Анна Александровна – кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: adas_87@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Agapov Vadim L. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Communications and Media, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: agapov_vl@mail.ru

Savchuk Anna A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: adas_87@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2018; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 28.10.2018; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/82/2

Социалистический город Тырган: историко-архитектурный очерк

Иван Ильич Атапин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ivatapin@gmail.com

Аннотация. Рассматривается история проектирования и строительства Тыргана – «социалистического города», заложенного в южной части Кузбасса в 1930 г. Предполагалось, что в этот город будут переселены жители Прокопьевского рудника. Работа над проектом планировки Тыргана началась в годы первой пятилетки и велась на протяжении 1930-х гг. На основе материалов периодической печати, архивных и музейных источников анализируются отдельные этапы развития планировки и застройки Тыргана, а также уникальные особенности его архитектурно-пространственного решения. Выявляются причины прекращения строительства социалистического города.
Ключевые слова: Тырган, Прокопьевск, социалистический город, историко-культурное наследие

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность кандидату архитектуры С.С. Духанову (НГУАДИ) за помощь в поиске необходимых материалов.

Для цитирования: Атапин И.И. Социалистический город Тырган: историко-архитектурный очерк // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 20–26. doi: 10.17223/19988613/82/2

Original article

The Socialist city of Tyrgan: a Historical and architectural essay

Ivan I. Atapin

Higher School of Economics University, Moscow, Russian Federation, ivatapin@gmail.com

Abstract. The paper examines the history of the planning and construction of the city of Tyrgan in the southern part of the Kuznetsk Basin. During the First Five-Year Plan period, the construction of new “Socialist cities” (sotsgorod) such as Novokuznetsk, Kemerovo, and Leninsk was started in Kuzbass. Socialist city of Tyrgan was designed for the workers of Prokopyevsk coal mines. The location for the new city was chosen west of the old Prokopyevsk. The work on the Tyrgan city planning project began in December 1929 in Novosibirsk. It was carried out by the design department of the Sibugol coal industry trust. In the original version of the plan, a radial system of streets and a rectangular grid of blocks were combined. It was an echo of the “garden city” movement, which gained popularity in Russia in previous decades. The housing of Tyrgan consisted of large houses-communes with the total collectivization of residents’ life. Four houses-communes were built in Tyrgan in the first half of the 1930s. These buildings are a prime example of Constructivist architecture. The construction of houses-communes was stopped after a change in the party-state attitude and the formal condemnation of the collectivization idea. In February 1931, Sibugol’s Tyrgan city plan was criticized by the authorities. After that, the work on the Tyrgan’s planning project was transferred to a group of architects under the guidance of the well-known German urban planner Ernst May, who was invited in the USSR to design new cities. However, the project carried out by May was not implemented. During the 1930s, the construction of Tyrgan was accompanied by numerous difficulties, including the lack of preparation by the local construction industry, insufficient financing, and the gap between city planning works and actual construction. Various contradictions between urban planners, industry organizations and departments, and local authorities aggravated during this period. By the end of the 1930s. the most important town planning task, i.e. relocating Prokopyevsk from undermined coal-bearing territories to a new location, was not accomplished. The construction of Tyrgan continued after the Great Patriotic War, but the new neighborhood no longer had anything to do with the idea of a socialist city. Nowadays Tyrgan is one of the districts of Prokopyevsk. The paper was written with the involvement of historical newspapers, as well as archival and museum sources.
Keywords: Tyrgan, Prokopyevsk, socialist city, historical and cultural heritage

Acknowledgements: The author expresses sincere gratitude to the Candidate of Architecture S.S. Dukhanov (NGUADI) for his help in finding the necessary materials.

For citation: Atapin, I.I. (2023) The Socialist city of Tyrgan: a Historical and architectural essay. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 20–26. doi: 10.17223/19988613/82/2

© И.И. Атапин, 2023

В период первой пятилетки (1928–1932) в Урало-Сибирском регионе развернулось строительство «социалистических городов» (соцгородов) – поселений при крупных промышленных предприятиях. На территории Кузнецкого бассейна такими городами должны были стать в первую очередь Новокузнецк (Сталинск) и город-спутник Прокопьевска – Тырган, а впоследствии – Щегловск (Кемерово) и Ленинск. Историография строительства соцгородов Кузбасса довольно обширна. Из недавних работ можно выделить труды С.С. Духанова [1, 2] и Е.В. Конышевой [3], в которых рассматриваются проекты планировки городов, этапы их строительства и сопутствующие кризисные явления. Вместе с тем история собственно соцгорода Тырган остается изученной в гораздо меньшей степени, чем история так называемого «старого» Прокопьевска, Новокузнецка или Кемерово. Это обусловило необходимость более детального рассмотрения темы с применением междисциплинарного подхода.

Во второй половине 1920-х гг. остро стал вопрос развития Прокопьевского рудника. В 1928 г. здесь было сосредоточено 69,8% всех разведанных угольных запасов Кузбасса [4. С. 106]. Ускорился процесс урбанизации: население рабочего поселка Прокопьевский, которое составляло в 1926 г. 10,7 тыс. чел., увеличилось к 1 января 1930 г. до 33 тыс. [5. С. 23], и в следующем году поселок был преобразован в город. Огромные массы прибывающих рабочих селились в избах местных крестьян, бараках, самодельных землянках. Однако дальнейший рост территории Прокопьевска осложнялся тем, что застройка велась стихийно, без какого-либо генерального плана и на угленосных площадях, из-за чего шахтерские поселки приходилось сносить. Поэтому место для нового социалистического города было выбрано на неосвоенном и безугольном Тырганском плато, расположенном вдали от крупных шахт, приблизительно в 6,5 км к западу от старого Прокопьевска. Тырган и Новокузнецк были провозглашены Сибирским крайисполкомом единственными в Кузбассе городами «последовательного социалистического типа» [6. С. 8–9]. Согласно пятилетнему плану строительства городов Кузбасса с 1930/1931 по 1934/1935 гг., сумма капиталовложений в Прокопьевск (включая Тырган) была даже большей, чем на постройку Новокузнецка (149 и 104 млн руб. соответственно) [6. С. 8–9].

Известно, что ключевую роль в проектировании соцгородов Западной Сибири играли преимущественно приглашенные специалисты (как в Левобережном Новосибирске или Новокузнецке). В случае с Тырганом ситуация была иной. Проектирование этого соцгорода на начальном этапе осуществлял проектный отдел треста каменноугольной промышленности «Сибуголь» в Новосибирске – один из крупнейших на тот момент проектных отделов Сибири. Заведующий отделом, гражданский инженер Измаил Аркадьевич Лалевич, был известен как представитель конструктивизма – «функционального метода» проектирования, основанного на принципах целесообразности и использования новейших строительных материалов. Лалевич также отстаивал идею полного обобществления быта, критикуя в периодической печати постройку жилых домов с индивидуальными квартирами. «Подлинное социалистическое строительство», по мнению архитектора, заключалось в возведении больших домов-коммун [7].

В декабре 1929 г. И.А. Лалевич совместно с коллегами С.П. Тургеневым и Н.М. Фукиным начал разработку проекта планировки соцгорода Тырган. Фотокопии этого проекта были выявлены автором в Новосибирском городском архиве [8]. В планировке совмещены радиальная система улиц и прямоугольная сетка кварталов, на основных магистралях предусматривалась разбивка бульваров. Здесь заметно влияние идеи «города-сада», популярной в России в 1910–1920-е гг. Связь Тыргана с шахтами Прокопьевска должна была осуществляться посредством железнодорожной и трамвайной линий. Этот проект рассматривался Научно-техническим советом каменноугольной промышленности (НТС КУП) при ВСНХ СССР. Параллельно намечалось проведение конкурса на лучший проект планировки, но поскольку «темпы пятилетки» и жилищный кризис не позволяли ждать, было принято решение начать застройку соцгорода еще до утверждения генерального плана [9].

Концепцию соцгорода красочно описал И.А. Лалевич: «Город Тырган – город домов-коммун. В нем нет квартирок-особняков, со стайками, с кладовушками и пр. Здесь дома – протест против старого быта, дома, объявившие войну лоханкам» (цит. по: [8. Л. 9]). Поскольку соцгород должен был застраиваться домами-коммунами, Сибирская краевая планировочная комиссия рассмотрела три варианта таких зданий: первый – проектного отдела «Сибугля», второй – московского архитектора-конструктивиста Б.Я. Улинича, третий, рассчитанный на 100 жителей и приспособленный для «неровностей почв», – И.А. Лалевича. Все три проекта были приняты НТС КУП и одобрены Краевой планировочной комиссией как «опытные», т.е. экспериментальные [9]. Известно, что в работе над планировкой Тыргана участвовали и творческие организации архитектурного авангарда, в частности Объединение архитекторов-урбанистов (АРУ), которое предложило в 1930 г. свой вариант застройки соцгорода на основе архитектурных принципов рационализма и западноевропейского функционализма [10. С. 162, 168].

В итоге для застройки Тыргана был выбран типовой проект дома-коммуны, разработанный проектным отделом «Сибугля» под руководством И.А. Лалевича. Он представляет большой интерес для исследователей. В Музее истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина хранится фотокопия перспективы здания [11] (рис. 1). Дом-коммуна имеет зигзагообразную форму плана и состоит из двух трехэтажных корпусов, примыкающих торцами к центральному объему. Архитектура здания выдержана в духе конструктивизма: полное отсутствие декора, широкие окна, вертикальное остекление лестничных клеток, открытая терраса на плоской кровле.

Внутренняя организация тырганского дома-коммуны описывалась так: «Основным типом жилища должен стать дом-коммуна, допускающий максимальное обобществление быта жильцов. <...> Дом рассчитан на

500 чел. и имеет две жилых секции и расположенную в центре их секцию обобществленного пользования со столовой, детскими яслями и детским садом, клубными комнатами, медицинским изолятором и другими помещениями, обслуживающими коллективные потребности» [12. С. 83]. Схожее описание оставил сибирский писатель М.А. Кравков, посетивший Тырган незадолго до начала строительства соцгорода: «...К концу сезона здесь положено выстроить девять домов-коммун, девять каменных гигантов, которые должны вместить по 750 человек каждый. Это будут сложные комбинаты помещений для отдыха и для сна, рабочих кабинетов, отделений физкультуры, столовых, специальных детских секторов и т.д. Механизированные, снабженные всеми удобствами дома эти будут началом будущих городов, которыми застроится Кузбасс...» [13. С. 94]. Иными словами, дома-коммуны Тыргана имели оригинальное решение, в основе которого лежал принцип совмещения жилых корпусов и «секции обобществленного пользования».

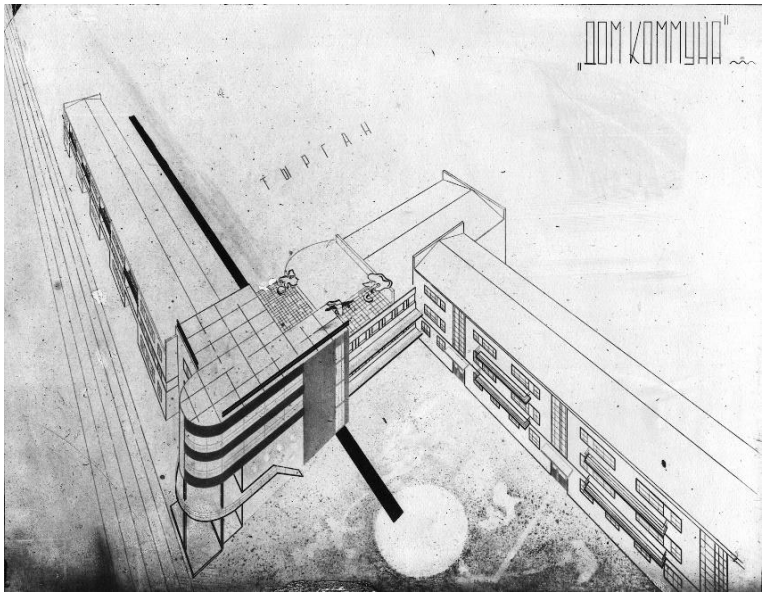


Рис. 1. Проект дома-коммуны на Тыргане. 1930 г. Проектный отдел «Сибугля». Перспектива [11]

1 *2*

Рис. 2. Дом-коммуна на ул. Советов, 7: *1* – центральный объем («секция обобществленного пользования»); *2* – криволинейный выступ центрального объема (слева), жилая секция (справа). Фото автора, 2018 г.

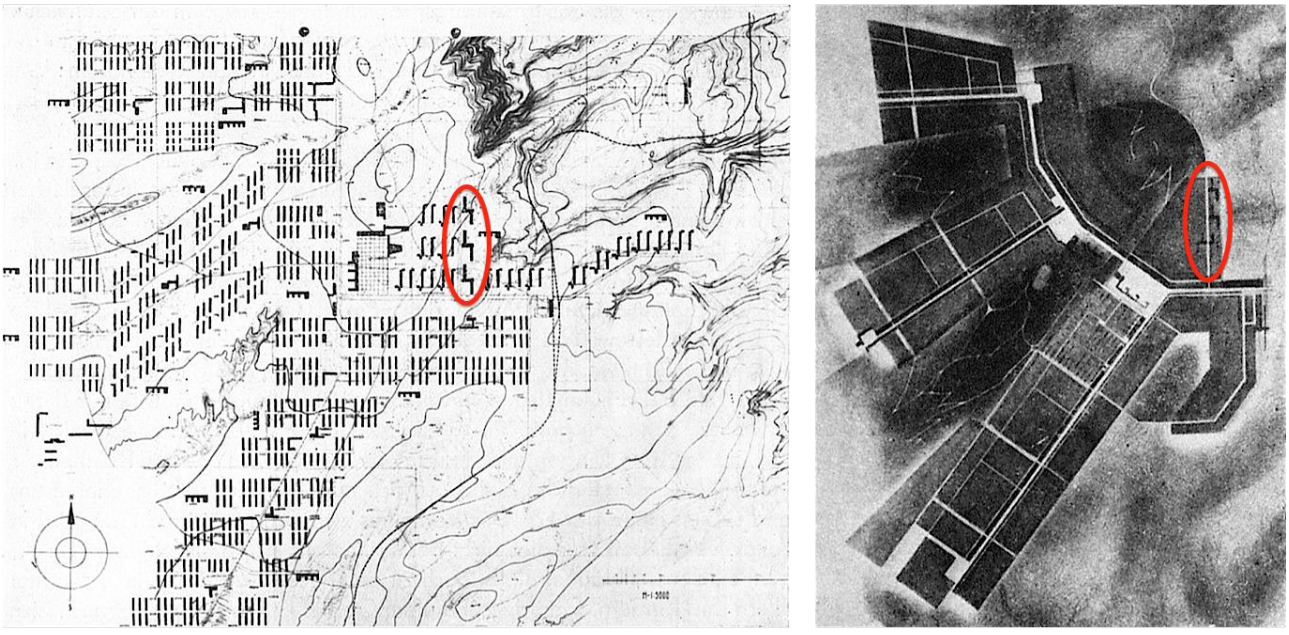
29 мая 1930 г. состоялась торжественная закладка первого дома-коммуны соцгорода Тырган. Первый камень в фундамент домов-коммун, как отметила газета «Молодой рабочий», «лег грузом на крышку гроба капитализму» [14]. Тырган был рассчитан на 200 тыс. жителей, завершение его строительства планировалось к концу пятилетки. Оценить амбициозность проекта позволяет сравнение с Новокузнецком: там к строительству огромных домов-коммун так и не приступили, начав весной 1930 г. возведение типовых зданий с традиционными квартирами. Но по злой иронии судьбы в день закладки домов-коммун на Тыргане в газете «Правда» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», принятое 16 мая [6. С. 11]. Оно резко осуждало идею полного обобществления быта как «левацкое» утопическое начинание. Фактически это означало прекращение строительства новых домов-коммун, хотя возведение таких зданий на Тыргане было уже начато. Строительство растянулось вплоть до середины 1930-х гг., когда по несколько измененному проекту были достроены четыре дома по современным адресам ул. Советов, 3, 5, 7,

ул. Ноградская, 11. Вне всякого сомнения, тырганские дома-коммуны являются ярким примером этого типа массового жилища и не имеют прямых аналогов ни в городах Кузбасса, ни в других крупных городах Сибири. В настоящее время они признаны объектами культурного наследия, однако находятся в неудовлетворительном состоянии после неоднократных реконструкций, утрат и пожаров (рис. 2).

В феврале 1931 г. в Научно-техническом совете Главного управления коммунального хозяйства (НТС ГУКХ) состоялось обсуждение проекта планировки Тыргана, выполненного под руководством И.А. Лалевича. Проект был раскритикован за отсутствие «связи с производством», использование «устаревшей» радиальной системы планировки, а также сосредоточение основных магистралей к вокзалу (а не напрямую к району шахт), что могло вызвать транспортную перегрузку. Представителям треста «Кузбасстрой», где теперь работал Лалевич, не удалось защитить преимущества своего проекта [2. С. 441].

В это же время работа по планировке соцгорода Тырган была поручена бригаде известного германского архитектора Эрнста Мая, который приехал в СССР по приглашению Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк). Бригада Э. Мая участвовала в разработке проектов Магнитогорска, Новокузнецка, Левобережного Новосибирска и других городов Урало-Сибирского региона. Э. Май посетил Кузбасс в феврале–марте 1931 г.; 22 февраля он осмотрел строительство Тыргана. Газета «Советская Сибирь» опубликовала его отзыв: «На меня произвело колоссальное впечатление строительство этого города для рабочих. Тырган должен быть образцовым социалистическим городом. <...> При существующих темпах и обеспеченности материалами рабочие закончат строительство досрочно» [15].

По проекту бригады Э. Мая в Тыргане предлагалось разместить 100–120 тыс. жителей (в том числе 45 тыс. рабочих), при этом старый Прокопьевск должны были ликвидировать в течение 15 лет [3. С. 60]. Схема планировки имела веерообразную структуру, обусловленную рельефом местности, и состояла из трех районов, «нанизанных» на ось север–юг. Такая конфигурация отчасти напоминала проект, выполненный под руководством И.А. Лалевича. Как и в других проектах бригады Мая, жилые дома размещались по принципу строчной застройки, ориентированной в меридиональном направлении: она обеспечивала равные условия инсоляции квартир. Рядом с каждым типовым кварталом предусматривалась постройка большой школы. В центральной части города планировалось расположить общественный центр, связанный основной магистралью с железнодорожным вокзалом. Э. Маю пришлось включить в свою планировку строящиеся дома-коммуны, которые были заложены годом ранее (рис. 3, *1*). Этим планировка Тыргана отличается от проекта планировки Щегловска (Кемерово), выполненного в том же 1931 г.: в нем бригада Э. Мая полностью проигнорировала существовавшую систему улиц города и капитальные сооружения.



1 *2*

Рис. 3. Схемы планировки Тыргана: *1* – проект бригады Э. Мая. 1931 г.; *2* – проект «Стандартгорпроекта». 1933 г. [3. С. 61; 16. С. 50]. Выделен комплекс домов-коммун

Примечательно, что сам Э. Май, несмотря на хвалебный отзыв о строительстве Тыргана, в ходе работы над проектом выражал сомнение в необходимости концентрации такого количества жителей в одном городе. Он считал, что более рационально было бы рассредоточить жителей в 3–4 отдельных поселениях [3. С. 60].

Основные претензии к проекту бригады Э. Мая были предъявлены в марте 1931 г. при обсуждении в Краевой планировочной комиссии. Инженеры «Кузбасстроя» и «Востугля» (бывший «Сибуголь») – т.е. тех организаций, которые участвовали в разработке предыдущего проекта планировки Тыргана – обвини-

ли германского архитектора в ряде технических ошибок: «слишком крупных» типовых кварталах, «антигигиеничном» размещении прачечных, «самовольном» переносе линии железной дороги и т.д. [2. С. 460]. В том же месяце «Советская Сибирь» привела слова И.А. Лалевича: «...У нас напрасно увлекаются иностранными специалистами» [17]. «Внутрицеховой» конфликт привел к тому, что проект Э. Мая не был принят за основу при строительстве соцгорода.

В течение 1930-х гг. на территории Тыргана было возведено чуть более 10 крупных объектов – четыре дома-коммуны, ряд типовых жилых домов по ул. Кадровой (ныне Петренко), учебный корпус горного техникума, школьные здания [18]. Удалось запустить линию трамвая, соединившую Тырган со старым Прокопьевском, но запроектированный железнодорожный вокзал возведен не был. Амбициозные планы по строительству нового города осуществились лишь частично. Недостаточное финансирование, «второстепенность» Тыргана по отношению к промышленным предприятиям Прокопьевска, неоднократное изменение проектов планировки – все это негативным образом влияло на ход строительства и ставило под угрозу его продолжение. Одним из тех, кто публично отстаивал строительство Тыргана, был известный работник сибирской горнодобывающей промышленности А.А. Шестов [19], ставший в 1937 г. фигурантом сфабрикованного дела «антисоветского троцкистского центра» в Москве и приговоренный к расстрелу.

Отсутствие единого градостроительного подхода к застройке Тыргана и других соцгородов Кузбасса стало очевидным еще в первой половине 1930-х гг. В статье, опубликованной в журнале «За социалистическую реконструкцию городов» в 1933 г., хозяйственный деятель Ф.В. Попов отмечал: «Планировка отдельных городов и поселков Кузбасса <...> проводилась изолированно различными организациями. В результате – крупные неувязки и бессистемность <...> Во всех городах планировочные работы чрезвычайно отстают от строительства, которое в силу этого выполняется не на основе утвержденных проектов» [20. С. 39].

В том же 1933 г. московским институтом «Стандартгорпроект» был разработан проект планировки Прокопьевска (арх. И.С. Гуревич, Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий). Теперь Тырган задумывался не как обособленный соцгород, а лишь как южный район «нового Прокопьевска», рассчитанный на 100 тыс. жителей [16. С. 46–47]. От проекта Э. Мая (с которым ранее работали проектировщики) была унаследована веерообразная структура района, впрочем, заметно измененная (рис. 3, *2*). Как и предыдущие проекты, этот вариант не был воплощен в жизнь. Стоимость строительства «нового Прокопьевска» (включая Тырган) определялась в 1–1,2 млрд руб., тогда как ежегодные ассигнования по линии жилищного строительства на территории всего Кузбасса составляли 50 млн руб. [1. С. 43].

Вместе с тем идея переноса Прокопьевска на Тырганскую площадку не была забыта. Многочисленные архивные документы отражают ведомственную разобщенность и даже противостояние местных властей и треста «Кузбассуголь». По-прежнему остро стояла проблема финансирования: к примеру, в 1935 г. отмечалось, что «лимиты капитальных работ на жилищное и городское строительство по линии Кузбассугля, сообщенные Главуглем, – чрезвычайно ограничены и дадут возможность только лишь закончить начатое строительство [на Тыргане]» [21. Л. 4–4 об.]. В соцгороде предполагалось возвести целый ряд объектов – Дом Советов, больницу, детские ясли, баню, гостиницу и т.д. [21. Л. 3], но капиталовложения не были увеличены. «Если строительство города Тыргана будет и впредь вестись так же, как и в текущем [1935] году, то можно заранее сказать, что мы обречем на провал прекрасную саму по себе идею соцгорода», – говорилось в письме, адресованном главному инженеру «Кузбассугля» М.С. Строилову [21. Л. 20]. Строилов, как и упомянутый выше А.А. Шестов, был впоследствии репрессирован по делу «антисоветского троцкистского центра».

Проблему строительства города на Тыргане подняли в очередной раз в 1937 г. Председатель Прокопьевского горсовета А.П. Нелюбин ссылался на то, что «враги народа – японо-немецко-троцкистские агенты иностранных разведок, занимаясь вредительством на руднике, наносили не меньшие удары и по жилищному и культурно-бытовому строительству». В затягивании разработки генплана, которая началась еще в 1929 г., Нелюбин обвинил организации и ведомства угольной промышленности [22]. Когда город на Тыргане не был возведен и к концу третьей пятилетки, стали появляться различные объяснения, указывающие на неподходящие климатические условия и геологию. Так, например, в монографии географа К.И. Спидченко прекращение строительства на Тыргане объяснялось тем, что соцгород находился в угленосной зоне; при этом прилагалась схема угольных пластов в Прокопьевске, где Тырган изобразили как безугольную территорию [23. С. 118–120, 124].

Массовая жилая застройка Тыргана возобновилась только после Великой Отечественной войны и полноценно развернулась в 1960–1970-х гг. В настоящее время Тырган (Рудничный район) является самым крупным по территории и численности населения планировочным районом Прокопьевска.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. На первый взгляд, история проектирования и строительства соцгорода Тырган в полной мере отразила общие тенденции советской градостроительной политики 1930-х гг. В проектировании Тыргана принимали участие как местные архитекторы и инженеры (проектный отдел «Сибугля»), так и творческие организации архитекторов (АРУ), иностранные специалисты (бригада Э. Мая) и московские проектные институты («Стандартгорпроект»). Возведение соцгорода на неосвоенном месте сопровождалось характерными для того времени трудностями: неподготовленностью местной строительной базы, недостаточным финансированием, отставанием проектно-планировочных работ от реального строительства. В то же время «казус» Тыргана свидетельствует, что проектирование и строительство сибирских соцгородов нужно рас-

сматривать как многоаспектный и сложный процесс. Тырган стал единственным городом Кузбасса, где действительно началась реализация идеи полного обобществления быта, однако после изменения партийно-государственных установок она была прекращена. Последующие градостроительные проекты, выполненные для Тыргана, в некоторой степени сохраняли преемственность планировочной структуры, но прежняя значимость соцгорода утрачивалась. Многочисленные противоречия между проектировщиками, отраслевыми организациями и местными властями привели к тому, что не была решена важнейшая задача – перенос Прокопьевска с подработанных территорий на новое место. Жилой район на Тыргане, построенный в послевоенный период, уже не имел никакого отношения к идее «образцового социалистического города».

Тем не менее в 1930-е гг. в соцгороде Тырган удалось возвести ряд крупных жилых и общественных зданий. В их числе – уникальный по меркам Западной Сибири комплекс конструктивистских домов-коммун, признанный частью историко-культурного наследия Кемеровской области. Этот архитектурный памятник – одно из немногих свидетельств драматичного, неоднозначного и до недавнего времени малоизученного социального эксперимента, который был предпринят в поворотный момент истории региона.

Список источников

1. Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–55.
2. Духанов С.С. Ведомственные и региональные особенности формирования городов в процессе индустриализации страны (на примере Западной Сибири первой пятилетки) // Советское градостроительство. 1917–1941. М. : Прогресс-Традиция, 2018. С. 420–473.
3. Коныше́ва Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток : документы и материалы. М. : Букс-МАрт, 2017. 360 с.
4. Шуранов Н.П. Прокопьевск. Кемерово : Кемер. кн. изд-во, 1964. 112 с.
5. Шнейдер А.Р. Округа и районы Сибирского края. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 158 с.
6. Атапин И.И. Дома-коммуны для «города углекопов»: идея обобществления быта в проекте социалистического города Тырган // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы 13-й междунар. конф. молодых ученых. СПб. : Изд-во ЕУ СПб, 2019. С. 7–13.
7. Лалевич И.А. Построим социалистические города! // Советская Сибирь. 1929. 22 дек.
8. Новосибирский городской архив. Ф. 798. Оп. 5ф. Д. 18.
9. Начинается постройка социалистического города // Советская Сибирь. 1930. 9 мая.
10. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. М. : Стройиздат, 2001. Кн. 2: Социальные проблемы. 712 с.
11. Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина НГУАДИ. Фонд городов Сибири. Оп. 13. Л. 141. Фото 3.
12. Тихомиров Б. Строительство городов Кузбасса // Коммунальное дело. 1930. № 3. С. 80–83.
13. Кравков М.А. Кузбасс // Сибирские огни. 1930. № 5. С. 87–97.
14. Уральский Б. Праздник на Тыргане // Молодой рабочий. 1930. 2 июня.
15. Отзыв архитектора Мая о Тыргане // Советская Сибирь. 1931. 25 февр.
16. Букалова Л., Смолицкий А. Новые соцгорода Кузбасса (Прокопьевск, Ленинск) // Советская архитектура. 1933. № 2. С. 45–53.
17. Немедленно по-большевистски рационализировать проектирование // Советская Сибирь. 1931. 30 марта.
18. Достроить горный техникум // Ударник Кузбасса. 1939. 20 июля.
19. Шестов А.А. Проблемы строительства Большого Прокопьевска. Статья вторая // Советская Сибирь. 1932. 4 дек.
20. Попов Ф. Учесть уроки планировки городов Кузбасса и Нижнего Тагила // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 1. С. 39–40.
21. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 908.
22. Нелюбин А.П. Большой Прокопьевск // Советская Сибирь. 1937. 18 мая.
23. Спидченко К.И. Города Кузбасса : экономико-географический очерк. М. : Географгиз, 1947. 146 с.

References

1. Dukhanov, S.S. (2017) Problemy “nedostroennogo goroda” v Zapadnoy Sibiri 1930-kh gg. [Problems of the “unfinished city” in Western Siberia in the 1930s]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 38–55.
2. Dukhanov, S.S. (2018) Vedomstvennye i regional'nye osobennosti formirovaniya gorodov v protsesse industrializatsii strany (na primere Zapadnoy Sibiri pervoy pyatiletki) [Departmental and regional features of the formation of cities in the process of industrialization of the country (a case study of Western Siberia in the first five-year plan)]. In: Bondarenko, I.A. (ed.) *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941* [Soviet urban planning. 1917–1941]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 420–473.
3. Konysheva, E.V. (2017) *Evropeyskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok: dokumenty i materialy* [European architects in the Soviet urban planning of the first five-year plans: Documents and materials]. Moscow: BuksMArt.
4. Shuranov, N.P. (1964) *Prokop'evsk* [Prokopyevsk]. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo.
5. Shneider, A.R. (1930) *Okruga i rayony Sibirskogo kraya* [Districts of the Siberian Territory]. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
6. Atapin, I.I. (2019) Doma-kommuny dlya “goroda uglekopov”: ideya obobshchestvleniya byta v proekte sotsialisticheskogo goroda Tyrgan [House-communes for the “city of miners”: The idea of socialization of life in the project of the socialist city of Tyrgan]. *Konstruiruya “sovetskoe”? Politicheskoe soznanie, povsednevnye praktiki, novye identichnosti* [Constructing the “Soviet”? Political Consciousness, Everyday Practices, New Identities]. Proc. of the 13th Conference. St. Petersburg: European University of St. Petersburg. pp. 7–13.
7. Lalevich, I.A. (1929) Postroim sotsialisticheskie goroda! [Let's build socialist cities!]. *Sovetskaya Sibir'*. 22nd December.
8. The Novosibirsk City Archive. Fund 798. List 5f. File 18.
9. *Sovetskaya Sibir'*. (1930) Nachinaetsya postroyka sotsialisticheskogo goroda [The construction of a socialist city begins]. 9th May.
10. Khan-Magomedov, S.O. (2001) *Arkhitektura sovetskogo avangarda: v 2 kn.* [The architecture of the Soviet avant-garde: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Stroyizdat.
11. The S.N. Balandin Museum of the History of Siberian Architecture. NGUADI. Fund of Siberian Cities. List 13. pp. 141. Photo 3.
12. Tikhomirov, B. (1930) Stroitel'stvo gorodov Kuzbassa [Construction of the Kuzbass cities]. *Kommunal'noe delo*. 3. pp. 80–83.
13. Kravkov, M.A. (1930) Kuzbass. *Sibirskie ogni*. 5. pp. 87–97.
14. Uralskiy, B. (1930) Prazdnik na Tyrgane [Holiday on Tyrgan]. *Molodoy rabochiy*. 2nd June.
15. *Sovetskaya Sibir'*. (1931a) Otzyv arkhitektora Maya o Tyrgane [Review of the architect May about Tyrgan]. 25th February.
16. Bukalova, L. & Smolitskiy, A. (1933) Novye sotsgoroda Kuzbassa (Prokop'evsk, Leninsk) [New social cities of Kuzbass (Prokopyevsk, Leninsk)]. *Sovetskaya arkhitektura*. 2. pp. 45–53.

17. *Sovetskaya Sibir'*. (1931b) Nemedlenno po-bol'shevistski ratsionalizirovat' proektirovanie [Immediately rationalize the design in the Bolshevik way]. 30th March.
18. *Udarnik Kuzbassa*. (1939) Dostroit' gornyy tekhnikum [Complete the construction of a mining college]. 20th July.
19. Shestov, A.A. (1932) Problemy stroitel'stva Bol'shogo Prokop'evska. Stat'ya vtoraya [Problems of the construction of Bolshoy Prokopyevsk]. *Sovetskaya Sibir'*. 4th December.
20. Popov, F. (1933) Uchest' uroki planirovki gorodov Kuzbassa i Nizhnego Tagila [Take into account the lessons of planning the cities of Kuzbass and Nizhny Tagil]. *Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu gorodov*. 1. pp. 39–40.
21. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund R-12. List 3. File 908.
22. Nelyubin, A.P. (1937) Bol'shoy Prokop'evsk [The Big Prokopyevsk]. *Sovetskaya Sibir'*. 18th May.
23. Spidchenko, K.I. (1947) *Goroda Kuzbassa: ekonomiko-geograficheskiy ocherk* [Cities of Kuzbass: An economic and geographical essay]. Moscow: Geografgiz.

***Сведения об авторе*:**
Атапин Иван Ильич – аспирант Школы дизайна факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ivatapin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Atapin Ivan I. – Postgraduate Student, School of Design, Faculty of Creative Industries, Higher School of Economics University. E-mail: ivatapin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2018; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 08.11.2018; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(47).08
doi: 10.17223/19988613/82/3

Занятия горожанок Оренбургской губернии по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Елена Вадимовна Бурлуцкая[1], Константин Алексеевич Абдрахманов[2]

[1, 2] Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, Россия
[1] ida777@yandex.ru
[2] kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Аннотация. Дается анализ участия горожанок Оренбургской губернии в системе общественного труда и специфики их финансового самообеспечения на основе данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Основными источниками получения дохода местными горожанками, согласно полученным данным, были сфера обслуживания, доходы от капиталов или недвижимости, промышленное производство либо казенное содержание и помощь общественных или частных благотворителей. Специфика занятости горожанок Оренбургской губернии была связана с удаленностью региона от столиц, пестрым и нестабильным составом его населения.
Ключевые слова: Оренбургская губерния, повседневность, горожанки, трудовая сфера повседневности, самозанятость, источники дохода

Благодарности: Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

Для цитирования: Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А. Занятия горожанок Оренбургской губернии по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 27–37. doi: 10.17223/19988613/82/3

Original article

Occupations of urban female population of Orenburg Governorate according to data of the Russian imperial census of 1897

Elena V. Burlutskaya[1], Konstantin A. Abdrakhmanov[2]

[1, 2] Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation
[1] ida777@yandex.ru
[2] kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Abstract. Modernization processes that began in Russia in the second half of the XIX century were inevitably changing the social status and social role of the female part of Russian society. These changes were most pronounced in urban areas. In the past few years, the problem of the structure of urban employment has often been the subject of scholarly discussion. However, the issues of women's self-employment in the post-reform era, their inclusion in the process of socially organized labor, and the sources of their independent incomes are still mostly unstudied. The analysis of the data of the Russian Imperial Census of 1897 on Orenburg Governorate in comparison with the data on other Russian provinces shows distinctive features of the participation of the urban female population of Orenburg Governorate in the system of social labor and its financial self-sufficiency. According to the data, the most common sources of income for local urban female population were occupations in service industry, revenue from capital or real estate, occupations in industrial production, and welfare provided by the state, nongovernment organizations or individuals. The specific way in which the urban female population of Orenburg Governorate was engaged in various occupations was formed under the influence of such factors as the remoteness of the region from the capital cities, heterogeneous and constantly changing composition of the local population, and a large percentage of the migrants among the townspeople.
Keywords: Orenburg Governorate, everyday life, female urban population, everyday business activity, self-employment, sources of income

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the RFBR grant for the implementation of the scientific project No. 17- 31-00010 “Everyday life of a provincial townswoman in post-reform Russia (based on materials from the Orenburg province of the second half of the XIX century)”.

© Е.В. Бурлуцкая, К.А. Абдрахманов, 2023

For citation: Burlutskaya, E.V., Abdrakhmanov, K.A (2023) Occupations of urban female population of Orenburg Governorate according to data of the Russian imperial census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 27–37. doi: 10.17223/19988613/82/3

Процессы урбанизации и модернизации, охватившие в конце XIX в. большинство городских центров Российской империи, неизбежно затрагивали их население. Темп жизни ускорялся, трансформировались традиционные социальные нормы и установки, привычные социальные роли, менялся весь образ жизни. Экономический быт населения подвергался, пожалуй, наиболее существенным переменам. Возникали новые сферы занятости, связанные с промышленным производством и сферой услуг, развитием средств транспорта и связи. Роль женщин в общественно организованном труде становилась все более значительной. Степень финансовой независимости женской части городского населения повышалась. Эти социальные и экономические процессы приобретали различный характер в отдельных регионах страны. Удаленная от столиц, окраинная Оренбургская губерния в эту эпоху превратилась в один из ведущих центров притяжения населения, транзитный пункт колонизационных потоков на восток и юго-восток.

Цель исследования – выявление особенностей структуры самозанятости женского населения городов Оренбургской губернии в конце XIX в. Выдвигается гипотеза, что эта структура зависела от особенностей географического расположения региона и специфики его социальной структуры. Объект исследования – трудовая сфера повседневности горожанок Оренбургской губернии в конце XIX в. Предметом научного анализа выступает структура их занятости по данным Переписи 1897 г.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину века – от начала Великих реформ Александра II, послуживших толчком к началу модернизационных процессов, до Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., зафиксировавшей произошедшие в женском социуме изменения.

Как отмечают современные авторы, профессия «и занятия имели важное значение в стратификации российского общества начала XX в., когда под воздействием модернизационных процессов, происходивших в стране, усложнялась его дифференциация» [1. С. 41–42]. В то же время, по мнению других исследователей, «при всей весомости и важности этого критерия (профессии. – *Е.Б., К.А.*), он не может быть исчерпывающим применительно к российскому обществу начала XX в.», поскольку «представители одной профессии могли относиться к разным стратам, на что оказывали влияние разница в доходах, должностных различиях, сословии и т.д.» [2. С. 229].

К анализу проблемы структуры занятости городского населения неоднократно обращались представители отечественной науки. Возникло даже новое направление исторических изысканий, получившее название «историческое профессиоведение» [3]. В результате исследований, выполненных В.Н. Владимировым, А.В. Демкиным [4] и другими учеными, была создана русскоязычная версия Международного исторического стандарта классификации профессий HISCO (Historical International Standard Classification of Occupations), которая предоставила историкам возможность унифицировать процесс сравнения профессиональных структур населения различных территорий и эпох, проследить и проанализировать динамику развития профессиональной структуры населения.

Наиболее активно изучением профессиональной структуры населения занимаются сибирские исследователи – В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров [5], Е.А. Брюханова [6] и др. Однако к занятиям именно женской части населения исследователи обращались достаточно редко. В публикациях последних лет чаще встречаются лишь отдельные замечания, касающиеся женской профессиональной занятости. Так, по мнению Ю.М. Гончарова, «вовлечение в XIX в. женщины в профессиональную деятельность способствовало ее общественной активности и отразилось на ее социально-экономическом статусе – все это вместе взятое положило начало кризису патерналистских ценностей» [7].

Таким образом, хотя структура занятости городского населения Российской империи во второй половине XIX в. уже становилась предметом научного обсуждения, занятия и источники доходов женской части городского населения в указанный период остаются практически не изученными. На материалах Оренбургской губернии подобных научных исследований не проводилось.

Методологическую основу исследования составили историко-сравнительный и статистический методы. Сопоставление имеющихся в материалах переписи статистических данных по Оренбургской губернии с аналогичными показателями соседней Самарской и отдаленной Смоленской губерний позволили определить специфику сферы самозанятости женской части городского населения юго-восточной окраины Российской империи.

Таблица 1 посвящена анализу занятий женской части городского населения губернии. В данных Переписи 1897 г. было выделено 65 различных групп занятий. Для удобства мы разбили их на более крупные сообщества, получив в итоге 23 различных варианта получения средств к существованию. Эти варианты были сгруппированы в еще более крупные разделы в соответствии с Международным историческим стандартом классификации занятий (HISCO).

Соотнесение структуры HISCO с данными переписи 1897 г. было произведено на основании работы Е.А. Брюхановой [6. С. 66–68]. В первую группу вошли квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда (группы занятий 3–12, 36 и 63 по Переписи 1879 г.), в вторую – «административные, управление и конторские служащие» (группы 1, 2, 45), в третью – работники сферы торговли (группы 46–59), в четвертую – работники сферы обслуживания (группы

13, 60–62, 64), в пятую – работники сельского хозяйства и промыслов (группы 17–21), в шестую – работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие (группы 22–35, 37–44). Отдельно были выделены группы дополнительной квалификации (группы 14, 15, 65) и лишенные свободы (группа 16).

В табл. 1 были учтены исключительно женщины, имеющие самостоятельные занятия, без членов семейств. Нам было интересно проследить распределение женского населения по группам занятий именно в плане того, какие виды деятельности давали горожанкам Оренбургской губернии средства к существованию.

Судя по данным табл. 1, в городах губернии почти 18% женщин имели самостоятельный доход. Учитывая, что в целом по губернии процент женщин, имеющих самостоятельные занятия, составлял 5,6% [9. С. XIX], занятость горожанок была почти в три раза выше. Больше всего работающих женщин было в Челябинске (почти четвертая часть всех женщин города), а меньше всего – в Илецкой Защите (чуть более 5% горожанок).

Высокий процент горожанок, имеющих собственный доход, свидетельствовал о начавшихся в городских социумах модернизационных процессах, расширявших степень женской свободы. Однако в Оренбургской губернии эти процессы отчетливо наблюдались лишь в Челябинске и Оренбурге, в то время как другие городские центры сохраняли традиционную социальную структуру, в которой женщины находились в зависимости, в том числе и финансовой, от мужчин.

Соотношение самозанятых женщин в группах HISCO по городам Оренбургской губернии проследим с помощью рис. 1.

Таблица 1

Распределение горожанок Оренбургской губернии по занятиям, чел.

Источник доходов	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Административные, управление и конторские служащие								
Служба в государственных структурах (администрация, суд, полиция)	4	0	2	0	0	0	6	0,05
Общественная и сословная служба	0	0	0	2	0	0	2	0,02
Почта, телеграф и телефон	8	0	8	0	0	0	16	0,12
Итого	12	0	10	2	0	0	24	0,19
Квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда								
Богослужение (православного вероисповедания), лица при церквях и кладбищах	270	71	172	207	5	2	727	5,49
Учебная и воспитательная деятельность	171	7	37	28	7	3	253	1,91
Наука, литература, искусство	13	0	3	3	0	0	19	0,14
Врачебная и санитарная деятельность	89	2	26	14	2	3	136	0,99
Служба при благотворительных учреждениях	14	0	0	0	0	0	14	0,11
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	1	1	1	0	0	0	3	0,02
Лица неопределенных занятий	67	15	15	53	19	16	185	1,40
Итого	625	96	254	305	33	24	1 337	10,06
Работники сферы обслуживания								
Прислуга, поденщики	2 863	162	1 157	869	261	121	5 433	41
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты и клубы	87	11	48	20	3	3	172	1,30
Торговля питейная	17	4	8	13	5	1	48	0,36
Чистота и гигиена тела	303	14	142	130	25	12	626	4,73
Проституция	74	12	27	47	13	0	173	1,31
Итого	3 344	203	1 382	1 079	307	137	6 452	48,7
Работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы								
Сельское хозяйство, в том числе:	62	46	41	33	39	46	267	2,01
земледелие	*52*	*46*	*40*	*33*	*37*	*46*	*254*	*1,92*
животноводство	*9*	*0*	*1*	*0*	*2*	*0*	*12*	*0,09*
пчеловодство и шелководство	*1*	*0*	*0*	*0*	*0*	*0*	*1*	
Промыслы	2	0	0	3	0	0	5	0,05
Итого	64	46	41	36	39	46	272	2,06
Работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие								
Промышленное производство, в том числе:	724	58	260	269	148	16	1 475	11,13
добыча руд, копи, выплавка металлов	*0*	*0*	*0*	*2*	*1*	*0*	*3*	*0,02*

Окончание табл. 1

Источник доходов	Орен-бург	Орск	Челя-бинск	Троицк	Верхне-уральск	Илецкая Защита	Всего	В % ко всему занятому жен-скому населению губернии
обработка волокнистых веществ	*114*	*18*	*58*	*34*	*66*	*4*	*294*	*2,22*
изготовление одежды	*527*	*39*	*174*	*189*	*67*	*10*	*1 006*	*7,59*
Транспорт	19	1	8	3	0	0	31	0,23
Итого	743	59	268	272	148	16	1 506	11,36
Работники сферы торговли								
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	4	0	0	0	0	0	4	0,03
Торговля, в том числе:	344	27	88	64	19	6	548	4,14
продуктами сельского хозяйства	*184*	*15*	*50*	*42*	*11*	*3*	*305*	*2,3*
развозно-разносная	*63*	*2*	*9*	*6*	*0*	*0*	*80*	*0,6*
тканями и предметами одежды	*40*	*2*	*5*	*4*	*0*	*1*	*52*	*0,39*
Итого	348	27	88	64	19	6	552	4,17
Группы дополнительной квалификации								
Доходы с капитала и недвижи-мости, средства родственников	965	88	169	210	70	62	1 564	11,82
Средства от казны, обществен-ных учреждений и частных лиц	1 061	52	64	94	33	12	1 316	9,93
Лица, не указавшие род занятий	47	5	27	33	28	2	142	1,07
Итого	2 073	145	260	337	131	76	3 022	22,82
Лишенные свободы								
Лишенные свободы и отбы-вающие наказание	26	0	21	32	4	0	83	0,64
Итого	26	0	21	32	4	0	83	0,64
Всего женщин, имеющих самостоятельные занятия	**7 235**	**576**	**2 324**	**2 127**	**681**	**305**	**13 248**	**100**
В % ко всему женскому населению города	**20,79**	**8,31**	**23,90**	**18,27**	**11,95**	**5,32**	**17,77**	

Примечание. Составлено по: [8. С. 108–111].

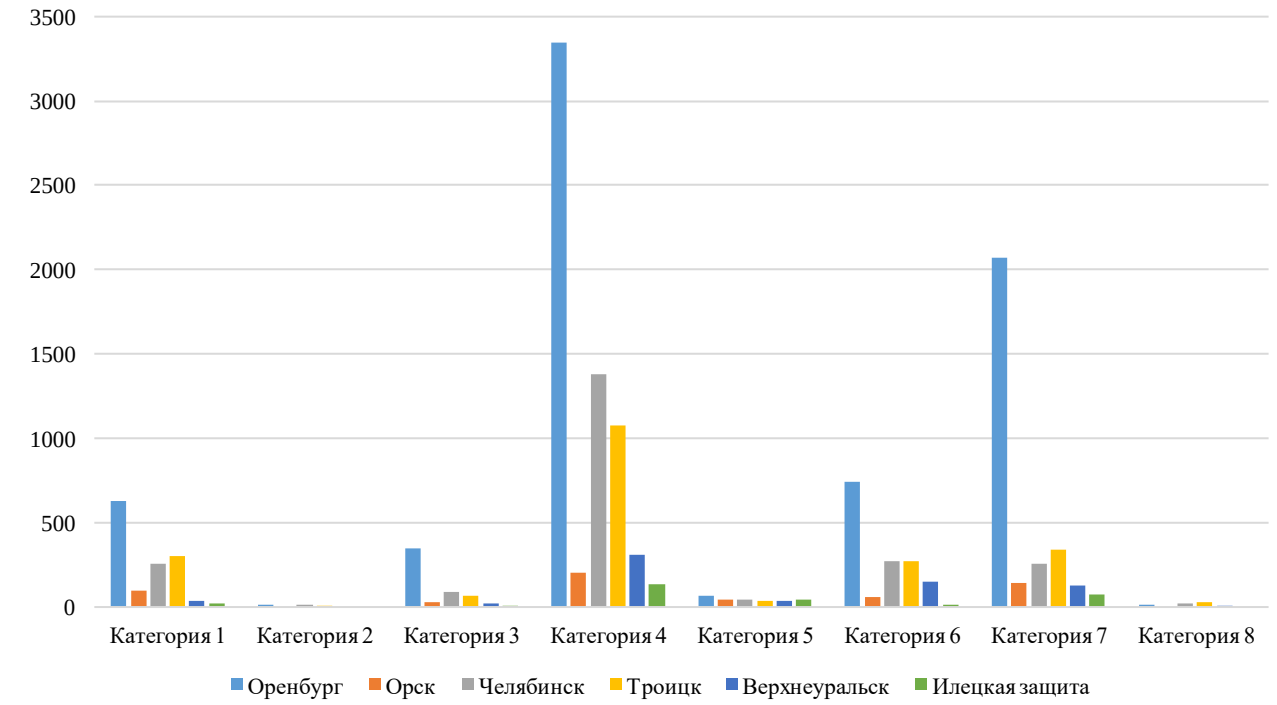


Рис. 1. Соотношение самозанятых женщин городов Оренбургской губернии по классификации HISCO (чел.).
Группы HISCO: категория 1 – квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда; категория 2 – административные, управление и конторские служащие; категория 3 – работники сферы торговли; категория 4 – работники сферы обслуживания; категория 5 – работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы; категория 6 – работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие; категория 7 – группы дополнительной классификации; категория 8 – лишенные свободы

Судя по диаграмме, среди самозанятых горожанок Оренбургской губернии преобладали группы категорий 4 и 7 – работницы сферы обслуживания (около 49% работающих горожанок в губернии) и горожанки, входящие в группы дополнительной классификации (около 23%). Затем располагались категории 6 и 1 – работницы сферы производства (более 11%) и квалифицированные специалисты (10%). Работницы, относящиеся к категориям 3 (около 4%), 5 (около 2%), 8 (0,64%) и 2 (0,19%) находились в меньшинстве.

Работа в сфере обслуживания. На основании данных табл. 1 можно утверждать, что среди всех вариантов получения дохода в городах Оренбургской губернии женщины чаще всего выбирали работу прислуги (41% работающих горожанок губернии). Больше половины поденщиц и прислуги сосредоточивались в Оренбурге (2 863 чел. от общего числа в 5 433 чел.). Город представлял собой средоточие чиновничества и офицерства, нуждающихся в ежедневном обеспечении своих повседневных нужд. В силу этих обстоятельств прислуга в Оренбурге была весьма востребована.

Кроме того, этот род занятий не требовал от женщины ни специальных знаний, ни профессиональной подготовки. В ситуации, когда лишь 32% городского женского населения Оренбургской губернии было обучено грамоте [9. С. XVII], выявленные показатели представляются вполне объяснимыми. Тем более что в среде купечества, мещанства и других городских сословий процент грамотных составлял всего 18,66% [9. С. XVII].

Спрос зачастую превышал предложение, что негативно сказывалось на отношении прислуги к своим обязанностям. Как писал М. Михайлов, «главное неудобство здешних семейных квартир то, что кухни помещаются на другом конце двора, где прислуга, *крайне здесь избалованная* (выделено нами. – *Е.Б., К.А.*), живет по-своему. На подобных заочных кухнях постоянные сборища всякого сброду» [10. С. 28]. Примерно то же самое встречаем у Ф.И. Лобысевича: «Захотите иметь повара, кухарку, лакея, кучера не пьяниц – останетесь только при одном желании – таковых у нас не имеется; горничные все склонны и жаждут любви, а потому, что ни делайте, но уж это их судьба» [11. С. 20].

Довольно много женщин, занимающихся этим родом занятий, было в Челябинске (1 157 чел.). Немногим меньше – в Троицке (869 чел.). В других городах губернии, где зажиточные горожане, имеющие возможность содержать прислугу, сосредоточивались в малом числе, эта категория работающих женщин была незначительной.

Возраст женщин, работающих прислугой, был различным. Судя по данным, собранным по всей губернии, это могли быть даже дети 12 лет и моложе (558 девочек), а также женщины старше 60 лет (583 по губернии). Основная доля женской прислуги (38,6%) приходилась на женщин в возрасте 20–39 лет (4 387 по губернии). На прислугу в возрасте 40–59 лет приходилось 18,9% женщин этой группы занятий. Еще 5,1% были женщинами старше 60 лет [8. С. 106–107].

Получение доходов с капитала, недвижимости, содержание за счет родственников. На втором месте располагались дамы, живущие на доходы от капиталов и недвижимости или на средства родственников, т.е. вполне обеспеченные особы (около 12% горожанок губернии, имеющих собственный доход). 62% таких женщин проживали в Оренбурге. Это могли быть как дворянки, так и наследницы крупных купеческих капиталов. Неслучайно вторым по этому показателю городом губернии был Троицк, сосредоточивший 13% таких горожанок, а третьим – Челябинск (11%). Н.В. Стрекалова в одной из своих статей отмечала, что для владельцев дорогой недвижимости довольно сложно определить род занятий. Автор предполагает, что эти женщины жили, «скорее всего, на доходы, оставленные мужем» [12. С. 259–260]. Основная масса женщин данной категории располагалась в возрастной группе «60 лет и более» (916 из 2 723 по губернии) [8. С. 106–107]. Таким образом, скорее всего, в указанную группу действительно входили вдовы.

Занятость в сфере промышленного производства. На третьем месте располагались женщины, выбирающие для заработка сферу промышленного производства (11,13% работающих горожанок губернии), причем больше половины из них (7,59%) составляли женщины, занимающиеся изготовлением одежды – модистки, закройщицы, швеи, портнихи. И вновь больше половины (52%) имеющихся в губернии портних и прочих работали в Оренбурге. Немало их было также в Троицке (19%) и в Челябинске (17%).

Распространению перечисленных занятий среди женского населения Оренбурга способствовало открытие в 1885 г. «профессионального класса» при городской женской прогимназии. Инициатором создания такого класса был «местный попечитель» Х.П. Сотьский, по словам которого «“ученые” молодые женщины, благодаря преобладанию теоретического элемента в образовании, вступают в жизнь почти без всякой практической подготовки и за исключением учебно-педагогической службы, очень ограниченной и не всякому доступной, весьма часто обрекаются на бедность и безделие, к обременению семьи и к своему собственному неблагополучию. Здесь же кроется корень и тех опрометчивых поступков, которыми разбивается жизнь “ученой” девушки, равно как и той готовности хвататься за чужую помощь, которая иногда бывает гибельнее нищеты» [13. С. 332–333].

В программу этого «рукодельного класса» были включены: «a) шитье белья и платья на руках и на машине, b) снятие мерок и кройка по ним белья, и верхней дамской одежды при помощи готовых фасонов и картинок модных журналов, c) примеривание и улаживание выполняемой работы по фигуре и росту заказчиц, d) развитие в воспитанницах вкуса и должной сноровки в изящном и более дешевом украшении дамских и детских костюмов, e) приготовление шляп, обтягивание зонтиков, починка и переделка по новому фасону белья и всякого платья, ж) вышивание разного рода, и наконец з) чистка и глажение белья и платья» [13. С. 334–335].

Оренбургская губерния располагалась далеко от столичных регионов. Заказывать модные новинки в Петербурге или Москве было крайне неудобно, а местные

щеголихи еще со времен губернатора Перовского привыкли к тому, что их наряды почти не отличались от платьев жительниц столиц. Подполковник Михайлов записал по этому поводу: «Известно, что провинциальные города страдают роскошью и изысканностью женских нарядов, но Оренбург как центр военного и гражданского управления краем и притом резиденция генерал-губернатора подвержен этой мании в превосходной степени» [10. С. 38–39].

Однако и здесь высокий спрос порождал массу проблем. Как писал Ф.И. Лобысевич, если кому-либо из оренбуржцев требовалось «заказать платье, сапоги или что-нибудь другое», был велик шанс не получить «ничего в срок и хорошо сделанного. Недостаток здесь хороших мастеров всех цехов весьма ощутителен, подмастерья и мастеровые пьянствуют и, пользуясь отсутствием мировых судей, ставят и хозяев, и публику в полную от себя зависимость» [11. С. 20].

Казенное содержание, содержание на средства общественных организаций или частных пожертвований. Значительное число жительниц городов Оренбургской губернии жили за счет казенного содержания, средств общественных организаций или частных пожертвований (около 10% горожанок губернии). Причем более 80% таких женщин проживали в губернской столице. Здесь, как и в предшествующем случае, основную массу получательниц такого содержания составляли женщины старше 60 лет (1 058 из 2 745 по губернии). По всей видимости, это были жительницы богаделен, всевозможных приютов для одиноких стариков. Много таких женщин находилось и в возрастных категориях 40–59 лет (514 по губернии) и младше 12 лет (480 по губернии), т.е. не могли содержать себя самостоятельно в силу малолетнего возраста или старости и болезней [8. С. 106–107].

Так, например, проживавшая в Оренбурге вдова бузулукского мещанина Наталья Ивановна Розанова в 1878 г. написала заявление на имя городского Головы о выделении ей ежемесячного пособия [14. Л. 151]. Просительница указывала, что ее покойный супруг был болен на протяжении десяти лет, и все имеющиеся средства уходили на его лечение. В течение некоторого времени Н. Розанова зарабатывала на жизнь собственным трудом, но сейчас, «...будучи преклонных лет и слаба здоровьем...», больше не могла продолжать трудовую деятельность [14. Л. 151]. Однако Городская дума вместо запрошенного пособия постановила выделить мещанке 16 руб. на проезд в Бузулук, где она могла бы находиться под опекой собственных родных.

Другие источники получения доходов. В крупных городах – Оренбурге, Челябинске, Троицке – можно было также прокормиться при церквях и кладбищах (всего по губернии около 5,5% горожанок). В 1854 г. в Челябинске была утверждена женская община под названием Одигитриевская, Богородичная. В Оренбурге с 1859 г. существовал Свято-Успенский женский монастырь. Женская община в Троицке возникла в середине XIX в., а статус монастыря (Казанский женский монастырь) получила в 1865 г.

Популярным вариантом получения доходов была торговля (4,14% горожанок губернии). Торговля тканями и предметами одежды в этой группе занятий горожанок Оренбургской губернии располагалась на третьем месте после торговли продуктами сельского хозяйства и разносно-развозной торговли. Преимущественно торговля носила мелочный характер. По словам П.Н. Столпянского, на рынках Оренбурга большинство «мелочных торговок со своими продуктами располагаются прямо на земле, подкладывая какие-то грязные тряпицы, и так торгуют хлебом и зеленью» [13. С. 203].

Сравнение показателей Оренбургской и Самарской губерний. Таблица 2 вобрала в себя данные сразу по трем губерниям – Оренбургской, соседней с ней Самарской и одной из губерний Центральной России – Смоленской. В сравнении с показателями других губерний срез источников доходов женской части городских сообществ изучаемого региона становится еще информативнее.

Таблица 2

Распределение горожанок по занятиям в сравнении по губерниям, чел.

Источник доходов	Оренбургская губерния		Самарская губерния		Смоленская губерния	
	Всего	В % ко всему работающему женскому населению губернии	Всего	В % ко всему работающему женскому населению губернии	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Административные, управление и конторские служащие						
Служба в государственных структурах (администрация, суд, полиция)	6	0,05	11	0,06	7	0,04
Общественная и сословная служба	2	0,02	11	0,06	2	0,01
Почта, телеграф, телефон	16	0,12	36	0,19	17	0,1
Итого	24	0,19	58	0,31	26	0,15
Квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда						
Частная юридическая деятельность	0	0	0	0	1	–
Богослужение (православного вероисповедания), работа при церквях и кладбищах	727	5,49	1 357	7,31	343	1,97
Учебная и воспитательная деятельность	253	1,91	288	1,55	328	1,88
Наука, литература, искусство	19	0,14	28	0,15	14	0,08
Врачебная и санитарная деятельность	136	0,99	213	1,15	262	1,5
Служба при благотворительных учреждениях	14	0,11	29	0,16	50	0,29
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	3	0,02	1	–	0	0
Лица неопределенных занятий	185	1,40	282	1,52	250	1,44
Итого	1 337	10,06	2 198	11,84	1 248	7,17

Окончание табл. 2

Источник доходов	Оренбургская губерния		Самарская губерния		Смоленская губерния	
	Всего	В % ко всему работающему женскому населению губернии	Всего	В % ко всему работающему женскому населению губернии	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Работники сферы обслуживания						
Прислуга, поденщики	5 433	41	7 078	38,15	7 433	42,69
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты и клубы	172	1,30	304	1,64	224	1,29
Торговля питейная	48	0,36	70	0,38	44	0,25
Чистота и гигиена тела	626	4,73	741	3,99	626	3,6
Проституция	173	1,31	258	1,39	86	0,49
Итого	6 452	48,7	8 451	45,56	8 413	48,32
Работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы						
Сельское хозяйство, в том числе:	267	2,01	617	3,33	298	1,71
земледелие	*254*	*1,92*	*612*	*3,30*	*292*	*1,68*
животноводство	*12*	*0,09*	*4*	*0,03*	*6*	*0,03*
пчеловодство и шелководство	*1*		*1*	–	*0*	*0*
Промыслы	5	0,05	5	0,03	1	–
Итого	272	2,06	622	3,36	299	1,71
Работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие						
Промышленное производство, в том числе	1 475	11,13	2 216	11,95	2 134	12,25
добыча руд, копи, выплавка металлов	*3*	*0,02*	*0*	*0*	*0*	*0*
обработка волокнистых веществ	*294*	*2,22*	*201*	*1,08*	*270*	*1,55*
изготовление одежды	*1 006*	*7,59*	*1 696*	*9,14*	*1 491*	*8,56*
Транспорт	31	0,23	63	0,34	43	0,25
Итого	1 506	11,36	2 279	12,29	2 177	12,5
Работники сферы торговли						
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	4	0,03	2	0,01	1	–
Торговля, в том числе	548	4,14	969	5,22	1 248	7,17
продуктами сельского хозяйства	*305*	*2,3*	*640*	*3,45*	*741*	*4,26*
развозно-разносная	*80*	*0,6*	*105*	*0,57*	*94*	*0,54*
тканями и предметами одежды	*52*	*0,39*	*60*	*0,32*	*68*	*0,39*
Итого	552	4,17	971	5,23	1 249	7,17
Группы дополнительной квалификации						
Доходы с капитала и недвижимости, средства родственников	1 564	11,81	1 928	10,39	2 246	12,9
Средства от казны, общественных учреждений и частных лиц	1 316	9,93	1 667	8,99	1 272	7,3
Лица, не указавшие род занятий	142	1,07	277	1,49	375	2,15
Итого	3 022	22,82	3 872	20,87	3 893	22,36
Лишенные свободы						
Лишенные свободы и отбывающие наказание	83	0,63	100	0,54	108	0,62
Итого	83	0,63	100	0,54	108	0,62
Всего женщин, имеющих самостоятельные занятия	**13 248**	**100**	**18 551**	**100**	**17 413**	**100**
Всего горожанок	**74 534**		**79 160**		**56 307**	
Женщин, имеющих самостоятельные занятия, в % ко всему женскому населению города	**17,77**		**23,43**		**30,93**	

Примечание. Составлено по: [8. С. 108–111; 15. С. 118; 16. С. 156].

В Самарской губернии доля работающих горожанок была почти на 6% выше, чем в Оренбургской. Это могло свидетельствовать о более высоких темпах модернизационных процессов, в ней происходящих. К этому выводу также подталкивают данные о сравнительно большей занятости женщин городов Самарской губернии в сфере транспорта и связи. В то же время среди горожанок Самарской губернии занятия сельским хозяйством были немногим более популярны, нежели у жительниц городов Оренбургской губернии (3,33% против 2,01%).

Популярность различных источников дохода у женщин в Самарской губернии в целом соответствовала аналогичным показателям по Оренбургской губернии. На первом месте располагались поденные работы и работа прислугой (более 38% работающих горожанок губернии), на втором – сфера промышленного производства (около 12%), на третьем – получение доходов с капиталов, недвижимости или содержания от родственников (более 10%).

За счет казны, общественных организаций и частных лиц существовали примерно 9% горожанок Самарской губернии, что было примерно на 1% меньше, чем в Оренбургской губернии. При церквях и кладбищах кормились порядка 7% горожанок. В торговой сфере нашли себя 5,2% жительниц городов Самарской губернии.

Сравнение показателей Оренбургской и Смоленской губерний. При сравнении данных по Оренбургской губернии со сведениями, полученными из пере-

писи населения центральной Смоленской губернии, можно увидеть аналогичные тенденции. Вновь на первом месте по популярности среди работающих женщин были поденные работы и работа в прислугах (почти 43% всех работающих горожанок). Вновь максимальное число женщин губернии, выбирающих эту сферу занятий в качестве источника своего дохода, входили в возрастную группу 20–39 лет (40%). Однако довольно много женщин работали в прислугах и в более старшем возрасте. Почти четверть (24,6%) входили в возрастную группу 40–59 лет, а 10,7% были женщинами старше 60 лет [16. С. 154–155].

При сравнении этих показателей с данными по Оренбургской губернии можно увидеть, что там прислуга была «моложе». На долю девочек младше 15 лет, занимающихся этой работой, в Оренбургской губернии приходилось 12,9% всей прислуги, в то время как в Смоленской губернии – лишь 6,3%. Соотношение 15–16-летней прислуги было 11,2% к 6,3% вновь в пользу Оренбургской губернии. В то же время прислуга старше 60 лет составляла в Смоленской губернии 10,7%, а в Оренбургской – только 5,1% [8. С. 106–107; 16. С. 154–155]. Это могло означать, что в Смоленской губернии прислуга часто работала в домах до старости. Существовали довольно крепкие личные связи домохозяев со своим «обслуживающим персоналом». Слуги переходили из домов отцов в дома детей. В Оренбургской же губернии, при постоянно меняющемся контингенте домовладельцев, в цене были молодые, более работоспособные служанки, связанные со своими работодателями исключительно деловыми связями.

На втором месте располагались дамы, живущие за счет доходов с капитала, недвижимости или содержания от родственников (почти 13% горожанок губернии). Эти женщины преимущественно входили в возрастные группы «60 лет и более» (41,7%) и «40–59 лет» (34%). То есть, как и в Оренбургской губернии, чаще всего это были вдовы, получившие крупное наследство [16. С. 154–155].

На третьем месте снова мы видим сферу промышленного производства, в которой были заняты почти 12,25% работающих горожанок. Примерно равный процент работающих горожанок (немногим более 7%) получали доходы от торговли и от казны, общественных учреждений и частных лиц. Таким образом, торговая сфера для горожанок в Смоленской губернии (7,17%) была в плане получения доходов несколько предпочтительнее, чем в Оренбургской (4,14%). Это объясняется и лучшим состоянием торговой инфраструктуры в Центральной России, и более длительными традициями торговых операций, а также тем, что Смоленская губерния находилась на торговых путях, ведущих в Европу, а жительницам Оренбургской губернии приходилось налаживать торговые контакты с Азией. Интересно, что только в Оренбургской губернии горожанки занимались торговым посредничеством (4 чел. по губернии). Ни в Самарской, ни в Смоленской губерниях женщин, избравших такой род занятий, отмечено не было.

При сходном соотношении наиболее популярных видов торговой деятельности (на первом месте – торговля продуктами сельского хозяйства, на втором – развозно-разносная) торговля тканями и предметами одежды в Смоленской губернии несколько уступала торговле предметами, не указанными в общем перечне, что дает основание предположить более широкий ассортимент товаров в торговых пунктах Смоленской губернии.

Бросается в глаза разница в доле горожанок, живущих за счет работ при церквях и кладбищах – 5,49% в Оренбургской губернии и всего 1,97% в Смоленской губернии. За счет казны, общественных организаций и частных жертвователей в Оренбургской губернии существовали 9,93% горожанок, а в Смоленской – только 7,3%. Скорее всего, в городах Смоленской губернии городское общество было достаточно устойчивым, давно сложившимся. Среди горожанок губернии всего около 16% имели иногубернское происхождение [16. С. 36] (для сравнения, в Оренбургской губернии их доля составляла 35% [9. С. XII–XIV]). Это означает, что, попав в сложную финансовую ситуацию, горожанки имели возможность, не обращаясь к внешним источникам, получить финансовую поддержку от родственников. Престарелые и малолетние горожанки также имели возможность кормиться за счет многочисленных родственников, а не поступать в богадельни или приюты. Кроме того, такая разница могла быть вызвана более высоким уровнем жизни смолянок, в силу чего женщин, нуждающихся в поддержке церковных, государственных или общественных структур, в городах губернии было меньше.

Соотношение самозанятого населения губерний по классификации HISCO. В контексте Международного исторического стандарта классификации профессий HISCO соотношение самозанятого женского населения в Оренбургской, Самарской и Смоленской губерниях выглядело следующим образом (рис. 2).

Судя по данным рис. 2, названные губернии были схожи по соотношению самозанятого женского населения в рамках классификации HISCO. Приоритетной сферой занятий горожанок была сфера обслуживания, служащая источником доходов почти для половины работающих горожанок губерний. В сфере администрирования и управления горожанки, напротив, практически не были задействованы.

В перечне различных занятий, дающих доход жителям Оренбургской губернии, имелось несколько вариантов, где горожанки не были задействованы совсем. К ним относятся: служба в вооруженных силах, частная юридическая деятельность, выплавка металлов, ремонтные и строительные работы. То есть эти виды деятельности можно отнести либо к сфере тяжелого физического труда, либо к занятиям, требующим обширных специальных знаний и навыков.

Таким образом, представленный анализ материалов переписи 1897 г. в отношении распределения женского населения городов Оренбургской губернии по группам занятий позволяет сделать ряд наблюдений. Большая часть городского женского самозанятого населения (более 48%) занималась трудом в сфере обслуживания, не требующим специальных знаний и подготовки, и получала доход, работая прислугой, банщицами, проститутками и т.п.

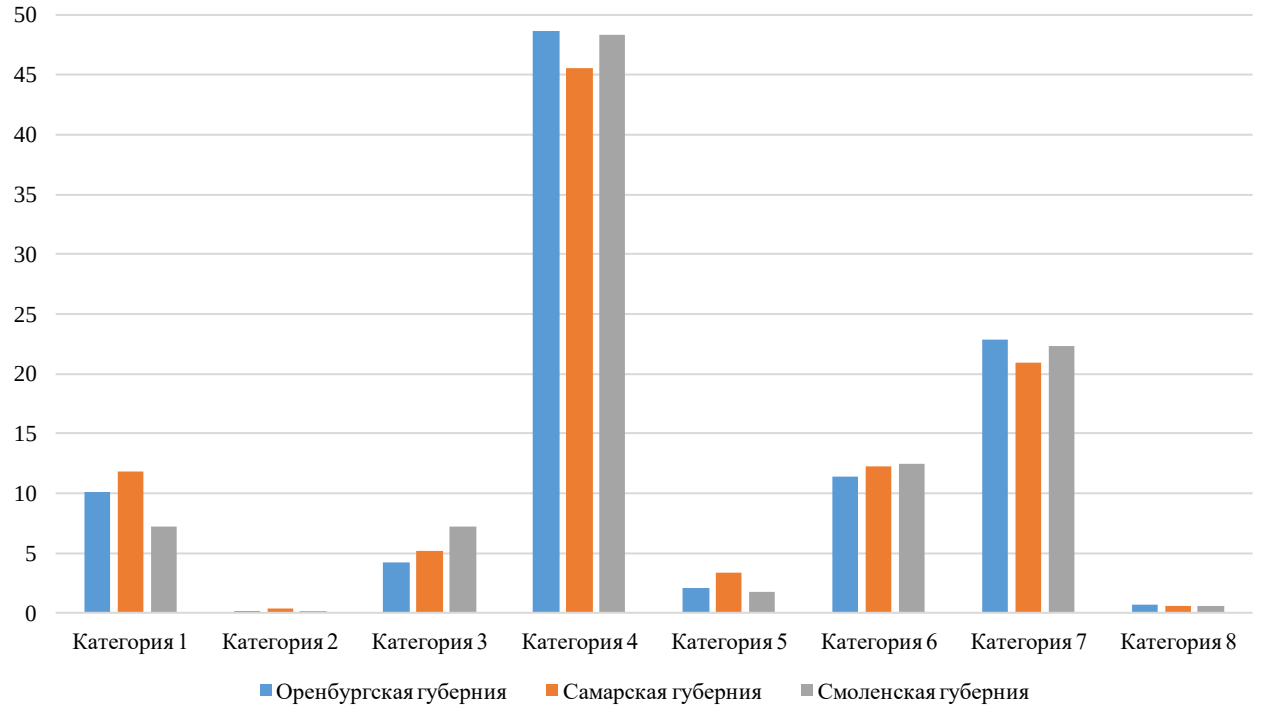


Рис. 2. Соотношение самозанятого женского населения Оренбургской, Самарской и Смоленской губерний по классификации HISCO (в % ко всему самозанятому женскому городскому населению губерний)

Значительная часть горожанок жила либо за счет доходов с капитала, недвижимости или наследства, либо на средства от казны, общественных организаций и частных лиц (почти 23%). Это свидетельствовало, с одной стороны, об общей состоятельности горожанок, а с другой – об отсутствии крепких родственных связей у жителей городов губернии, что не позволяло нуждающимся женщинами оставаться на попечении родственников.

Примерно равный процент работающих горожанок (10–11%) занимались высококвалифицированным интеллектуальным трудом или входили в число работниц сферы производства, транспорта и неквалифицированной рабочей силы.

Торговля, несмотря на выгодное расположение Оренбургской губернии, не стала значимой сферой занятости для горожанок. В ней было задействовано всего 4% самозанятого городского женского населения губернии. В основном женщины торговали в городе продукцией сельского хозяйства, мелочным товаром, тканями и предметами одежды.

Тот, что Оренбургская губерния относилась к аграрным регионам Российской империи, никак не повлиял на занятость горожанок в сфере сельского хозяйства. Лишь 2% жительниц городов губернии выбрали эту сферу деятельности в качестве главного источника дохода.

Перечисленные факты могут быть определены в качестве специфических черт сферы занятий горожанок Оренбургской губернии, выявленных по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Список источников

1. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н., Стрекалова Н.В. Сословие, профессия, социальная страта: к проблеме исследования социальной структуры провинциального российского губернского города в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тамбова и Тобольска) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 38–46.
2. Стрекалова Н.В. Профессия как фактор социальной стратификации средних слоев провинциального российского города в начале XX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 12. С. 225–231.
3. Владимиров В.Н. Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3 (10). С. 96–99.
4. Владимиров В.Н., Дёмкин А.В., Киселева Е.А., Колдаков Д.В., Перебоев Р.Н., Силина И.Г. Историческая классификация профессий: первый русскоязычный вариант HISCO // Историческое профессиоведение / под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 57–81.
5. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3 (8). С. 58–62.
6. Брюханова Е.А. Профессиональная структура городского населения Сибири по материалам переписи 1897 г. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2014. № 41. С. 57–75.
7. Гончаров Ю.М. Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века : сб. материалов регион. науч. конф. / Сибирское отд-ние РАН, Ин-т истории; отв. ред. М.В. Шиловский]. Новосибирск, 2007. С. 59–71. URL: http://sibistorik.ru/project/conf2007/07.html (дата обращения: 18.03.2018).
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / изд. Центр. стат. комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : тип. Т-ва Художественной печати, 1905. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. 198 с.

9. Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / изд. Центр. стат. комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. Т-ва Художественной печати, 1905. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. С. VII–XX.
10. Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортом Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб. : тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.
11. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург : историко-статистический очерк. СПб. : тип. Э. Гоппе, 1878. 60 с.
12. Стрекалова Н.В. Состав, стратификация и типология средних слоев провинциального губернского города в начале XX в. (на материалах Тамбова) // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10 (32). С. 256–260.
13. Столпянский П.Н. Город Оренбург : материалы к истории и топографии города. Оренбург : Изд-во Оренб. губ. тип., 1908. 400 с.
14. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 41. Оп. 1. Д. 6.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / изд. Центр. стат. комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905. Т. XXXVI: Самарская губерния. 220 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / изд. Центр. стат. комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1904. Т. XL: Смоленская губерния. 258 с.

References

1. Bryukhanova, E.A., Vladimirov, V.N. & Strekalova, N.V. (2016) Estate, Occupation, Social Stratum: the Problem of the Provincial Russian Cities' Social Structure Study in the Late 19th – Early 20th Centuries (a Case Study of Tambov and Tobolsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 38–46. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/6
2. Strekalova, N.V. (2014) Professiya kak faktor sotsial'noy stratifikatsii srednikh sloev provintsial'nogo rossiyskogo goroda v nachale XX v. [Profession as a Factor of Social Stratification of the Middle Class of the Provincial Russian Town in the early 20th century]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 9(12). pp. 225–231.
3. Vladimirov, V.N. (2009) Istoricheskoe professiovedenie: predmet i problematika [Historical Occupational Studies: Subject of Research and Issues] *Vestnik Permskogo universiteta*. 3(10). pp. 96–99.
4. Vladimirov, V.N., Demkin, A.V., Kiseleva, E.A., Koldakov, D.V., Pereboev, R.N. & Silina, I.G. (2004) Istoricheskaya klassifikatsiya professiy: pervyy russkoyazychnyy variant HISCO [Historical Classification of Occupations: The First Version of HISCO in Russian]. In: Vladimirov, V.N. (ed.) *Istoricheskoe professiovedenie* [Historical Professions]. Barnaul: Altai State University. pp. 57–81.
5. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (1998) Mezhdunarodnyy proekt HISCO v Rossii: k probleme kodifikatsii istoricheskikh professiy [International HISCO Project in Russia: The Problem of the Codification of Historical Occupations]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(8). pp. 58–62.
6. Bryukhanova, E.A. (2014) Professional'naya struktura gorodskogo naseleniya Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [Siberian Urban Population Occupational Structure, Based on the 1897 Census]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter."* 41. pp. 57–75.
7. Goncharov, Yu.M. (2007) Sotsial'nyy status i gendernye roli zhenshchin Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Social status and gender roles of women in Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Shilovskiy, M.V. (ed.) *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka* [The role of the state in the economic and socio-cultural development of Asian Russia in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 59–71. [Online] Available from: http://sibistorik.ru/project/conf2007/07.html (Accessed: 18th March 2018).
8. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905a) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897* [The First Census of the Russian Empire, 1897]. Vol. 28. St. Petersburg: [s.n.].
9. Stepanov, V. (1905) Kratkiy obzor tsifrovykh dannykh po Orenburgskoy gubernii [A brief overview of numerical data on the Orenburg Province]. In: Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897* [The First Census of the Russian Empire, 1897]. Vol. 28. St. Petersburg: [s.n.]. pp. VII—XX.
10. Mikhaylov, M. (1866) *Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushchikh oznakomit'sya s Orenburgom, Orskom, Troitskom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoyu cherez Kirgizskuyu step' do Forta № 1.* [The Orenburg Letters for Those Who Want to Learn about Orenburg, Orsk, Troitsk, Fort Alexandrovsky and the Way through the Kyrgyz Steppe to Fort 1]. St. Petersburg: N. Tiblen i Ko.
11. Lobysevich, F.I. (1878) *Gorod Orenburg : istoriko-statisticheskiy ocherk* [The City of Orenburg: A Historical and Statistical Essay]. St. Petersburg: E. Goppe.
12. Strekalova, N.V. (2011) Sostav, stratifikatsiya i tipologiya srednikh sloev provintsial'nogo gubernskogo goroda v nachale KhKh v. (na materialakh Tambova) [The structure, stratification and typology of middle classes of a provincial governorate city in the early 20th century (on materials of Tambov)]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 10(32). pp. 256–260.
13. Stolpyanskiy, P.N. (1908) *Gorod Orenburg : materialy k istorii i topografii goroda* [Orenburg: The History and Topography of the City]. Orenburg: Izd-vo Orenb. gub. tip.
14. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 41. List 1. File 6.
15. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905b) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897* [The First Census of the Russian Empire, 1897]. Vol. 36. St. Petersburg: [s.n.].
16. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897* [The First Census of the Russian Empire, 1897]. Vol. XL. St. Petersburg: [s.n.].

***Сведения об авторах*:**
Бурлуцкая Елена Вадимовна – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия). E-mail: ida777@yandex.ru
Абдрахманов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия). E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Burlutskaya Elena V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: ida777@yandex.ru

Abdrakhmanov Konstantin A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of the Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 24.06.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(47).044/05+94(57)
doi: 10.17223/19988613/82/4

Русские экспедиции к соленому озеру Ямыш в XVII в.: организация, численность, состав

Дмитрий Александрович Васьков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, dvaskov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с начальным этапом истории соледобычи в Западной Сибири. Основным источником самосадочной соли в этот период было озеро Ямыш в Среднем Прииртышье, к которому с 1613 г. ежегодно организовывались экспедиции русских служилых людей. Показано, что в походах за солью участвовали в среднем от 15 до 25% служилых людей, числившихся на службе в гарнизонах западносибирских городов и острогов. Столь значительная численность задействованных сил в первую очередь была обусловлена необходимостью защиты от кочевников.
Ключевые слова: Западная Сибирь, XVII век, озеро Ямыш, соледобыча, служилые люди, кочевники, калмыки, казахи

Для цитирования: Васьков Д.А. Русские экспедиции к соленому озеру Ямыш в XVII в: организация, численность, состав // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 38–47. doi: 10.17223/19988613/82/4

Original article

Organization, number and composition of participants of the Russian expeditions to the salt lake of Yamysh in the 17th century

Dmitri A. Vaskov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, dvaskov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the initial stage of the history of salt mining in Western Siberia. The main source of salt for the Russian population of Western Siberia In the 17th century was the salt lake of Yamysh, located on the territory of modern North-Western Kazakhstan. Salt was used in large quantities as a universal preservative. Salt was also required for leather production, preservation of furs and animal skins. The annual expeditions for salt was carried out from Tobolsk on a regular basis from 1613. There is no special study on this theme. The article reconstructs the organization and features of expeditions for salt, and also their number and composition of participants. The main sources for the research are the documents published in "History of Siberia" by G. F. Miller, collections "Historical acts", "Additions to historical Acts", "Russian-Mongolian relations" and several other publications. The expeditions for salt usually took about three or four months. The start of the expeditions most often was in June. The return of the caravan of ships back to Tobolsk took place in September or October. The main type of cargo ship used to transport salt was “doschanik”. A typical convoy consisted of 30-40 “doschaniks” in the second half of the 17th century. A detachment of the Siberian servitors for the production and delivery of salt typically ranges from 400 to 750 people and more. Thus, in campaigns for salt usually participated from 15 to 25 % of all serving people from garrisons of Russian towns and “ostrogs” of Western Siberia. The basis of the detachment necessarily consisted of contingents of servitors from Tobolsk, Tyumen and Tara. Smaller units were additionally joined from Verkhoturye, Turinsk, Berezov, Surgut and Pelym. The main part of participants of expeditions were archers, foot Cossacks and gunners. In addition to serving people in the campaigns for salt involved commercial people. They came to the lake to trade with Kalmyks, Bukharans and others during the Yamyshev fair. A large number of well-armed Siberian servitors was due to the danger of nomads. The main nomadic neighbours of Russians in the 17th century in the South of Western Siberia were Kalmyks, and at the end of the century – Kazakhs. Relations with them were not always peaceful. Therefore, a significant number of well-armed servicemen and their construction of fortifications in the lake area were the only reliable guarantee of safety during expeditions for salt. The conclusion that the Russian expedition to the salt Lake of Yamysh was the most large-scale events of service-class people of Western Siberia in the 17th century is made.
Keywords: Western Siberia, 17th century, Yamysh Lake, salt-mining, service-class people, nomads, Kalmyk, Kazakhs

© Д.А. Васьков, 2023

For citation: Vaskov, D.A. (2023) Organization, number and composition of participants of the Russian expeditions to the salt lake of Yamysh in the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 38–47. doi: 10.17223/19988613/82/4

Особое место в истории колонизации Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII в. занимают ежегодные экспедиции русских служилых людей за солью к соленому озеру Ямыш (ныне оз. Тузкала в 50 км к югу от г. Павлодара в Казахстане). Добыча соли из местных источников была необходима для сокращения и без того значительных расходов, идущих на содержание недавно присоединенного края. Соль, как известно, была в то время продуктом стратегической важности. Тем более что наряду с денежным и хлебным окладами она составляла третью часть жалованья сибирских служилых людей.

Различные сюжеты, связанные с начальным этапом соледобычи в Западной Сибири, освещались в исследованиях С.В. Бахрушина, О.Н. Вилкова, Д.Я. Резуна, Н.И. Никитина, И.П. Каменецкого и других историков-сибиреведов. Однако эта тема еще не становилась объектом самостоятельного изучения. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией экспедиций к оз. Ямыш, которое являлось основным месторождением самосадочной соли для Западной Сибири в течение всего XVII в. Следует отметить, что источники для рассмотрения этой темы не отличаются полнотой. Многие сведения имеют весьма отрывочный характер. Во-первых, это обусловлено плохой сохранностью источниковой базы по ранним этапам русской колонизации Сибири, а во-вторых, тем, что экспедиции были ежегодными и для современников не были чем-то экстраординарным, поэтому информация не всегда откладывалась со всей полнотой даже в текущей документации сибирских городов и острогов.

Первая документально подтверждаемая экспедиция относится к 1608 г. [1. С. 36], хотя известно, что одна из первых попыток достичь озера могла иметь место в 1594 г. [2. С. 285, 352]. Регулярные же походы караванов дощаников за солью начались с 1613 г. По нашим подсчетам, информация имеется примерно по половине совершенных экспедиций, из которых только по 37 походам известны имена руководителей (караванных голов). По другой половине экспедиций сведения отсутствуют вовсе. Только дальнейшие архивные разыскания, в первую очередь обращение к обширному фонду Сибирского приказа РГАДА, возможно, позволят с большей полнотой осветить историю походов за солью. Тем не менее даже на основе имеющихся весьма скудных данных можно в общих чертах реконструировать организацию и особенности проведения соляных экспедиций, а также определить их численность и состав участников.

Что касается продолжительности экспедиций за солью, то О.Н. Вилков отмечал, что караваны обычно уходили к озеру в конце мая – начале июня, а в обратный путь отправлялись в конце августа – начале сентября [3. С. 102–103]. Эти данные нуждаются в уточнении, хотя в имеющихся источниках редко содержится информация о точном времени отбытия и возвращения соляных караванов. Самое раннее начало похода – 17 мая – относится к 1626 г., когда его возглавили (во второй раз, первый – в 1624 г.) голова тобольских конных казаков Гроза Иванов и сын боярский Дмитрий Черкасов. Уже 31 августа эта экспедиция вернулась в Тобольск [4. Стб. 336, 342, 377–378, 419–420]. Поход 1676 г. начался 25 июня, а в 1684 г. старт экспедиции состоялся только 1 июля [5. С. 169, 174]. Возвращение экспедиций в Тобольск обычно происходило в конце сентября – начале октября, хотя самое ранее известное возвращение – 29 августа – состоялось в 1645 г. [6. С. 308; 7. С. 259]. Экспедиция 1685 г. под командованием тобольского дворянина Федора Шульгина вышла из Тобольска 24 июня и вернулась назад 17 октября [5. С. 175]. Это самое позднее из отмеченных в документах возвращение. Известный славянский просветитель Юрий Крижанич отбывал в Тобольске ссылку с 1661 по 1676 г. и поэтому был хорошо осведомлен о многих реалиях сибирской жизни. В своей «Истории Сибири», составленной не позднее 1680 г., он отмечал, что соляные экспедиции совершались в четыре месяца [8. С. 184–185]. Примерно так оно и было. Например, экспедиция 1642 г. под командованием новокрещена Якова Буголакова вышла из Тобольска 3 июня и вернулась назад 21 сентября [6. С. 262–263; 7. С. 224–225]. Однако походы за солью могли совершаться и за более короткий срок. В частности, экспедиция 1684 г., возглавляемая головой пеших казаков Алексеем Выходцевым, отбыла из Тобольска 1 июля и вернулась обратно уже 13 сентября, затратив в общей сложности два с половиной месяца [5. С. 174]. Пожалуй, наиболее типичная по срокам экспедиция состоялась в 1642 г. под командованием тобольского новокрещена Якова Буголакова [6. С. 262–263; 7. С. 224–225]. Караван двинулся от Тобольска 3 июня, и путь до Тары занял три с половиной недели. В Тарском городе стояли неделю. От Тары до оз. Ямыш шли пять с половиной недель. У озера находились две недели и два дня. Этого времени хватило на погрузку соли и торговлю с калмыками. Обратный путь вниз по Иртышу от озера до Тарского города занял еще три недели, а стоянка в городе на этот раз длилась три дня. И от Тары до Тобольска плыли еще две недели, вернувшись в столицу Сибири 21 сентября.

Как организовывались соляные экспедиции? По всей видимости, на подготовку похода могло уходить несколько месяцев. Сначала в Тобольск поступала грамота из Москвы, в которой говорилось о необходимости посылки служилых людей к оз. Ямыш. Грамота часто ограничивалась общей рекомендацией. В частности, в наказе основателю Тары князю А.В. Елецкому ничего конкретно не говорится, помимо общего требования послать «татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругех» [2. С. 285, 352]. Впрочем, в первые десятилетия после «Ермакова взятия», когда Сибирь еще во многом оставалась на «ручном управ-

лении», из Москвы мог быть назначен руководитель экспедиции, как это сделали в 1608 г. Тогда им назначили тарского письменного голову А.Ф. Поленова [1. С. 28]. (Правда, в конечном итоге вместо него поход возглавил ротмистр Воин Волконовский.) В дальнейшем решение всех конкретных вопросов стали возлагать на тобольских воевод. Именно они назначали руководителя похода – караванного голову. Для последнего составлялся воеводский наказ, в котором подробно расписывалось, как должна проходить экспедиция. Нам известен только один документ подобного рода, к тому же относящийся к самому концу XVII в. Это наказ тобольскому дворянину Федору Феофилову, возглавлявшему экспедицию 1699 г. [9. С. 520–532]. Параллельно в Тобольске формировался отряд из местных служилых людей и татар. Одновременно в столицу Сибири подтягивались отряды служилых людей из других западносибирских городов, обычно из Тюмени, Туринска, Верхотурья, Сургута, Березова и Пелыма. В это же время собирался караван дощаников и других судов, на которые свозились различные припасы.

Наконец, наступал день, когда все было готово, и караван отчаливал от берега, чтобы начать движение вверх по течению Иртыша. Путь на дощаниках от Тобольска до Тарского города обычно занимал три-четыре недели [8. С. 15, 37, 44]. В Таре делалась остановка от нескольких дней до недели, после чего караван продолжал свое движение к озеру, обязательно присоединив отряд из местных служилых людей и татар, двигавшийся на своих судах. Путь от Тары «до пристанки, с которого места ходят по соль на Ямышеве озеро» занимал обычно четыре недели и даже более [8. С. 15, 37, 44, 76]. Достигнув расположенного на правом берегу Иртыша «соляного пристанища», отряд высаживался и создавал укрепленный лагерь. До самого озера от берега было пять верст.

Достаточно красочное описание того, как происходила высадка и добыча соли, оставил Ю. Крижанич: «Как только москвитяне достигают этого места, они производят залп из пушек и снова их заряжают; затем производят огонь из ручных пищалей; отсалютовав таким образом тайше, москвитяне дают заложников, и получив таковых же от калмыков, в тот же день воздвигают на берегу укрепление и ставят на нем пушки, чтоб иметь защиту в случае вероломства. Добыв из озера соль, они нагружают ею суда и затем вступают в торг меновой» [8. С. 185]. Упоминаемый Ю. Крижаничем «укрепленный лагерь» в русских документах назывался обычно «острожком». Это укрепление было временным и возводилось каждый раз, как русский отряд приходил к месту добычи соли. Насущная необходимость возведения фортификационных сооружений в месте соледобычи была осознана русскими властями с самого начала. Так, еще в царской грамоте к тарскому воеводе И.В. Кольцову-Мосальскому от 27 февраля 1608 г. есть такие слова: «А у соленых де озер вверх по Иртишу без острожку и без крепости быти нельзя для колмацких людей укрепленья» [1. С. 25]. По всей видимости, этот острожек ставился в ходе каждого похода с начала регулярных экспедиций с 1613 г. Так, в челобитной атамана тюменских конных казаков Ивана Войнова рассказывается, как в 1625 г. служилым людям пришлось в «соляном острожке» сидеть в осаде и совершать вылазки против калмыков [4. Стб. 514–515]. Тогда же в Москве озадачились строительством полноценного капитального острога возле озера с гарнизоном не менее 500 человек. Однако из-за отсутствия поблизости «пашенных мест» и «хоромного леса», в связи с чем «в том остроге прибыли чаять мало», построен он так и не был [4. Стб. 335–342]. Поэтому служилым людям приходилось ежегодно ставить укрепления для безопасной добычи соли.

Более подробное описание фортификационных сооружений в районе озера содержится в воеводском наказе тобольскому дворянину Федору Феофилову, возглавлявшему экспедицию 1699 г. [9. С. 522]. По прибытии к месту высадки ему предписывалось «поставить от судов до Ямыша озера на степи, куды ходить служилым людем по соль, три острожка, один у пристанища, а другой на половине, а третей у соляного Ямыш озера, и поделать меж острожков надолбы, по обе стороны, и иные всякие крепости, против прежняго, и поставить по острожкам и в надолбех, где пригоже, пищали полуторные и полковые и затинные». При этом отдельно оговаривалось: «А будет для соляной возки тех трех острожков мало, и к тем острожкам прибавить острожков, сколько пригоже, смотря по тамошнему». Столь обширная строительная деятельность, скорее всего, являлась исключением и была вызвана значительным усилением угрозы со стороны кочевников в конце XVII в. Надо полагать, что обычно служилые люди возводили только одно временное укрепление у «соляного пристанища» на берегу Иртыша, чтобы максимально обезопасить место стоянки дощаников. Также путь, по которому от озера к дощаникам возили соль, мог защищаться с помощью специально установленных вдоль него надолбов, как это было сделано в 1634 г. [10. С. 479]. Изображение, по всей видимости, типичного «острожка» находим в «Хорографической чертежной книге Сибири» (1697–1711 гг.) С.У. Ремезова (рис. 1). Здесь показано прямоугольное в плане и, скорее всего, деревоземляное фортификационное полевое укрепление с установленными в нем пушками. По сути, оно представляло собой хорошо укрепленный лагерь, в котором служилые люди могли отсидеться в случае возникновения конфликтных ситуаций с часто непредсказуемыми кочевниками. И этого в целом было достаточно. По крайней мере нам не известны случаи, когда ойраты или казахи успешно действовали против засевших за укреплением и умело отстреливавшихся служилых людей. Шансы /у них появлялись только тогда, когда русские выходили из «острожка».

Что касается самой технологии добычи соли из озера, то она не представляла собой чего-то уникального. В соленой воде оз. Ямыш и подобных ему соль естественным образом выпадала в осадок, образуя на дне соляные пласты. Собственно, они и являлись объектом промысла. Так называемый соляной «череп» на дне озера сначала ломали, после чего соль выгребали на берег, грузили в тележки или на вьючных животных и везли до «соляного пристанища» для погрузки

на дощаники. Эта технология добычи соли из Ямышевского озера впервые была приведена в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства» (1683): «…служилые люди сибирцы соль-бузу из того озера ломают рычагами емлют и возят тележками на себе, на лошадях и на велбудах и струги грузят» [8. С. 76].

Рис. 1. Изображение типичного «острожка» в «Хорографической чертежной книге Сибири» (1697–1711 гг.) С.У. Ремезова

Единственное, что смущает в приведенном отрывке из «Описания новых земель…» – это упоминание о том, что плавания до озера и обратно осуществлялись на стругах, что может свидетельствовать о недостаточном знакомстве автора с сибирскими реалиями. Все-таки основным типом судна, использовавшимся в ходе соляных экспедиций, был дощаник, что подтверждается многими документами. Дощаник был самым распространенным речным парусно-гребным судном в Сибири в XVII в. Согласно данным Е.В. Вершинина, специально изучавшего историю судостроения в Западной Сибири, дощаник представлял собой наборное палубное плоскодонное речное судно, предназначенное для транспортно-грузовых перевозок [11. С. 91]. Поскольку в первую очередь дощаники были приспособлены для перевозки грузов, они были самыми крупными речными судами в Западной Сибири. Длина киля составляла 21,5 м, ширина по миделю – 4,5 м, высота от киля до палубы – немногим более 2 м, а осадка – около 1 м [11. С. 95]. Осадка большого груженого дощаника могла составлять 1,44 м [12. С. 169]. К концу столетия стали строить более крупные дощаники, длина корпуса которых достигала 26 м, а ширина – 4,86 м [11. С. 97–98]. Грузоподъемность малого дощаника по разным данным колебалась от 17,9 до 24 т [11. С. 98]. Большой дощаник мог принимать до 40 т груза [12. С. 169]. Срок службы дощаников был недолгим, составляя в среднем две-три навигации. Поскольку дощаники были самыми вместительными и грузоподъемными судами, то именно они и составляли основу соляных караванов. Тем более что из Москвы (и в Сибири это отлично понимали) постоянно требовали привозить соли «болши прежнего, чтоб государеву делу было прибыльнее». Таким образом, дощаник был основным типом судна, использовавшимся для перевозки «государевой соляной казны». Основным, но не единственным. По крайней мере имеется свидетельство, что экспедиция 1626 г. двигалась к озеру на 23 судах – 16 дощаниках и 7 ладьях [4. Стб. 419]. Это единственное известное упоминание, когда помимо дощаников для перевозки соли использовались другие суда. По данным Е.В. Вершинина, ладья была меньше большого дощаника и ее грузоподъемность могла достигать 32 т [12. С. 169].

Что касается количества судов в составе соляных караванов, то некоторую информацию могут дать нарративные источники конца XVII в. В частности, русский посланец в Китай Николай Спафарий в своих записках, датируемых 1675–1678 гг., отмечал, что за солью «ежегодно ходят из Тобольска и из Томского и из иных сибирских городов по 30 и по 40 дощаников, и соль собирают в дощаники самородную» [13. С. 35]. Юрий Крижанич в своей «Истории Сибири» писал, что «тобольский воевода ежегодно высылает вверх по Иртышу флот из сорока или более парусных судов в землю Калмыков к Соленому озеру, находящемуся недалеко от реки» [8. С. 184–185]. В «Книге записной», составленной не позднее 1687 г. и являющейся ранней редакцией Сибирского летописного свода, есть

упоминания, что в 1676 и 1685 гг. экспедиции к озеру двигались на 30 дощаниках [5. С. 169, 175]. При этом все же стоит отметить, что помимо дощаников в состав каравана входили и более мелкие суда. Обычно это были струги и различные лодки, используемые для разъездов и разведки. Последнее было необходимо в целях безопасности. Надо полагать, что соляной караван редко когда шел вверх по Иртышу без разведки. Так, в 1661 г. разведчики из числа тарских татар «в малых лотках» двигались впереди каравана на удалении одного-двух дней от него [14. Стб. 597. Л. 68, 70].

Интересно отметить, что имеющиеся источники практически не содержат сведений о кораблекрушениях, навигационных ошибках и авариях судов соляных караванов в ходе экспедиций. Как показал Е.В. Вершинин, подобного рода происшествия с русскими судами, нередко сопровождавшиеся гибелью людей и грузов, иногда случались во время плаваний в низовьях Оби и особенно в Обской губе [12. С. 191, 193–194, 197–198, 204– 206]. Очевидно, что условия навигации в среднем и верхнем течении Иртыша были достаточно благоприятными и безопасными для судоходства. За все время регулярных экспедиций известны только один-два опасных случая. Так, Г.Ф. Миллер приводит известие, как в 1631 г. на обратном пути от озера соляные суда из-за рано ударивших морозов вмерзли в лед [10. С. 119]. К счастью, это произошло в районе Тарского города и поэтому не имело особо негативных последствий. Было бы гораздо хуже, если бы зима застала дощаники выше по течению, в районах, контролируемых калмыками. Еще один случай, связанный с неблагоприятными погодными условиями, произошел в 1676 г., и его экстраординарность, видимо, стала поводом для упоминания о нем в Сибирском летописном своде. Составитель «Книги записной» в ярких красках описал это происшествие: «…июня в 25 день, в неделю после вечерни, пошел к соле к Ямышеву озеру на 30 дощаниках и с торговым и с войсковым караваном тюменской стрелецкий голова Михайло Петров сын Селин. И того дни их погодою от берегу не отпустило, и сопцы (сопец – руль, рулевое перо. – *Д.В.*) у судов сломало, и стрелбы за погодою не было. И ночевали под монастырем и пошли по утру в понедельник» [5. С. 169]. Есть еще упоминание о том, как во время экспедиции 1678 г., уже на обратном пути от озера, дощаники «погодою прибило к берегу» в районе «Бакланья острова» [15. С. 37]. Возможно, подобные инциденты, связанные с плохими погодными условиями, случались и чаще, но вряд ли они приводили к каким-то серьезным последствиям.

Все-таки главной проблемой в ходе походов за солью была не непогода, а угроза, исходящая от кочевников, что и заставляло задействовать большие силы и подходить к организации экспедиций с особой тщательностью. До конца XVII в. Тарский уезд продолжал оставаться пограничным. Озеро Ямыш и другие соленые озера Среднего Прииртышья находились в степных районах, где полновластными хозяевами себя чувствовали калмыки, а с конца столетия – казахи. Русско-калмыцкие отношения, несмотря на в целом мирное сосуществование двух этносов в степях Урало-Сибирского региона, все же не отличались стабильностью, иногда переходя в вооруженные столкновения. Источники зафиксировали прямые столкновения с ойратами непосредственно в районе озера в 1610, 1611, 1613, 1625, 1634, 1674, 1677 и 1678 гг. В очень непростых условиях добыча соли производилась в 1636, 1657, 1661, 1666, 1667, 1672, 1679 гг., когда вероятность боевых столкновений была крайне высока. И это явно неполный перечень. В последнее десятилетие XVII в. проблемы русским у озера стали доставлять казахи. Так, в 1690, 1691 и 1692 гг. люди казахского хана Тауке «приходили войною к Ямышу озеру и Тобольского уезду под слободы и деревни войною, и у Ямыша озера по государевым людем из ружья стреляли и грабили» [16. С. 379]. В 1696 г. караван дощаников подвергся нападению казахов после прохождения места впадения р. Омь в Иртыш. Казахи стреляли с берега по тарским дощаникам из «огненного ружья и из луков», убив одного человека и нескольких ранив [9. С. 521]. Причины конфликтных ситуаций с кочевниками могли быть самыми разными. Так, в 1610, 1611 и, видимо, 1612 г. поставки соли в сибирские города вообще прекратились, так как «калмыки озера отняли» [10. С. 40, 259]. С 1613 г. экспедиции возобновились из Тобольска благодаря успешным действиям тарских служилых людей, сумевших калмыков с боем от озера отогнать [1. С. 42]. В 1625 г., как уже отмечалось, соль также пришлось добывать в буквальном смысле с боем. О причинах столкновений конкретно в данных случаях документы ничего не говорят, но именно на эти годы приходится максимальное приближение калмыцких кочевий к русским владениям на юге Западной Сибири.

Новый виток обострения противостояния с ойратами пришелся на 1630-е гг., что в том числе сказывалось и на добыче соли. В частности, возникли проблемы с калмыками у экспедиции 1634 г., которой командовали тобольские дети боярские Михаил Ушаков и Иван Астраханец. Уже 1 августа отряд высадился в районе озера. Однако служилые люди почти две недели отсиживались в остроге и «соли грузить не смели, потому что к соляному де озеру прикочевали Куйша тайша со многими тайши и улусными своими колмацкими людьми». Всего русские насчитали карауливших их 2 000 калмыцких «куяшников», готовых служилых людей «на степи побить», если те покинут свое укрепление [10. С. 479]. Только 12 августа калмыки внезапно ушли, что позволило на следующий день приступить к добыче и погрузке соли. В такой же нервозной обстановке проводилась добыча соли в 1636 г. [7. С. 26, 28, 176–177]. Калмыцкие тайши понимали, что в отдалении от спасительных стен сибирских городов и острогов даже достаточно крупный русский отряд может быть уязвим посреди степи. Поэтому совсем не от хорошей жизни служилые люди вынуждены были в районе оз. Ямыш возводить укрепления. В этом была острая необходимость. Калмыкам было проще всего проверять русских на прочность в отдалении от острожных стен далеко в степных районах, где и располагались соленые озера. Например, в 1667 г. ойраты за то, что их посол Серен задержан в Тобольске, прямо грозили, что «учнут государевым людем всякое дурно и тесно-

ту у Ямыша-озера чинить» [17. С. 182]. Иногда такие угрозы могли переходить в конкретные действия, поэтому надо было быть всегда начеку. Этот фактор обусловливал как активное строительство фортификаций, так и необходимость привлечения большого количества сибирских служилых людей для безопасного осуществления походов.

Справедливости ради следует отметить, что отношения с ойратами в районе озера чаще все-таки носили мирный характер. В первую очередь это было связано с заинтересованностью обеих сторон во взаимовыгодных торговых отношениях. Калмыки нуждались в различных продуктах оседло-земледельческого хозяйства, русские же были немало заинтересованы в приобретении калмыцкого скота. Русско-калмыцкая торговля изначально осуществлялась в Тобольске, Таре, Уфе и периодически в других городах. Однако район оз. Ямыш, расположенного значительно южнее указанных городов, был более удобным для кочевников. Русские служилые люди, в свою очередь, ежегодно приходили за солью к озеру. Со временем это привело к складыванию Ямышевской ярмарки, проходившей во время прибытия соляных караванов, на которой шла бойкая торговля калмыцким скотом, пушниной, русскими, среднеазиатскими и китайскими товарами [3. С. 101–103; 18]. Тем не менее, как справедливо указывал Ю. Крижанич, для избегания вероломства со стороны калмыков требовалось соблюдать крайнюю осторожность. Именно поэтому русские сначала стремились загрузить соль в дощаники «в полный груз». При этом для ускорения процесса старались «от Ямыша озера соль в суды возить днем и ночью наспех, без мотчания» [9. С. 524]. И только после этого уже можно было приступать к торговле. Перед этим еще в обязательном порядке обменивались аманатами (что, кстати, не всегда помогало). Как видно, различных мер предосторожности было много. Главной же гарантией того, что ойраты будут вести себя мирно и предоставят верблюдов и лошадей для перевозки соли к дощаникам, было значительное количество хорошо вооруженных русских служилых людей.

Что касается численности участников экспедиций, то имеющиеся источники, несмотря на неполноту данных, дают возможность для исторических реконструкций. Например, известно точное количество участников первого документально подтверждаемого похода к озеру в 1608 г. Тогда экспедиция была организована силами гарнизона Тарского города в составе отряда из 239 человек, в который входили русские служилые люди, а также волостные и юртовские татары [1. С. 36]. В следующем 1609 г. поход к озеру, по всей видимости, также осуществляли тарские служилые люди. Однако численность этого отряда неизвестна. В 1610, 1611 и, скорее всего, 1612 г. экспедиции за солью не состоялись из-за противодействия кочующих в районе озера ойрат-калмыков [10. С. 40, 259]. По этой причине потребовалось увеличение количества служилых людей, что, в свою очередь, привело к привлечению контингентов гарнизонов других городов и острогов. При этом сама организация экспедиций с 1613 г. стала возлагаться на главного в Сибири тобольского воеводу.

Имеются данные о численности отряда в 1616 г. Татарин Махметка, который был пойман и позже отпущен людьми сибирского царевича Ишима, на их расспросы о численности служилых людей, отправившихся к оз. Ямыш за солью, ответил, что отряд состоял из 500 русских и 200 татар, т.е. всего 700 человек [10. С. 274]. Это число представляется явно завышенным. Во-первых, в 1610-х гг. города Тобольского разряда вряд ли были готовы выставлять такое количество служилых людей, пусть даже и для столь важного для всей Сибири мероприятия, как добыча соли. Во-вторых, смущает ровное число в 700 человек, что свидетельствует о том, что Махметка явно «округлил» численность отряда, причем в сторону увеличения.

В 1626 г. из Тобольска к оз. Ямыш ходил отряд численностью 604 человека, из которых 200 человек были служилые люди и татары из Тарского города, а еще 404 служилых человека из Тобольска, Тюмени, Березова, Сургута, Туринска, Верхотурья и Пелыма. В это же число входили тобольские и тюменские татары и кодские остяки. Как уже отмечалось выше, все эти люди разместились на 16 дощаниках и 7 ладьях [4. Стб. 378, 419]. Причем особо было отмечено, что в этом году служилых людей к озеру ходило больше обычного. Несомненно, это было связано с опасностью от кочующих в районе озера ойрат-калмыков и столкновений с ними в ходе прошлогодней экспедиции.

Немало информации содержится в подробной росписи служилых людей, содержащейся в отписке тобольских воевод князя А.Н. Трубецкого и И.В. Волынского в Москву от 1 июля 1628 г. [19. С. 52–55]. Анализируя данный документ, можно точно установить, сколько служилых из каждого города в этом году отправились на «соляную службу». В общей сложности из Тобольска с его гарнизоном в 708 человек к озеру было отправлено 134 человека, из Тары (весь гарнизон 416 человек) – 111 человек, из Тюмени (326) – 100, из Пелыма (81) – 15, из Туринского острога (54) – 15, из Верхотурья (73) – 15, из Березова (293) – 25, из Сургута (202) – 24. Таким образом, из восьми городов Тобольского разряда, в которых, согласно росписи, в 1628 г. в общей сложности насчитывалось 2 153 служилых людей, к озеру отправились 439 человек, что составляет 20% от общего количества служилых людей, числившихся на службе в указанных городах и острогах в этом году[1].

Такое же соотношение служилых сохранялось и восемь лет спустя. За эти годы численность западносибирских гарнизонов увеличилась более чем в полтора раза, что было обусловлено резким обострением русско-ойратских отношений и волнениями ясачного населения в конце 1620-х – 1630-е гг. В 1636 г. в экспедиции за солью под командованием головы тобольских конных казаков Богдана Аршинского принимали участие «тобольских и тобольсково розряду служилых людей и юртовских служилых татар и князь Дмитреевых остяков Алачова, всего 762 человека» [7. С. 26]. По данным известного сибиреведа Н.И. Никитина, в 1636 г. служилых людей в городах и острогах Западной Сибири числилось 3 561 человек [20. С. 29]. Таким образом, как и за восемь лет до этого, в походе к озеру

было задействовано чуть более пятой части (21%) всех служилых людей Тобольского разряда.

В нашем распоряжении нет данных о численности экспедиций в течение последующих пятидесяти лет. Однако можно с достаточной уверенностью утверждать, что за это время мало что изменилось. Так, в 1685 г., как всегда, в экспедиции участвовали служилые люди из Тюмени (271 человек), Тары (125 человек), Туринска, Сургута и Березова (из каждого города по 25 служилых) [21. С. 267–272]. В этот раз не было только людей из Верхотурья и Пелыма. При этом в документе по непонятным причинам не указаны тобольские служилые люди, но нет сомнений в том, что они также участвовали. Это подтверждается данными «Книги записной» [5. С. 175]. Надо полагать, что из Тобольска, как обычно, отправились 150–250 человек. Таким образом, общая численность отряда в этом году примерно колебалась от 620 до 720 человек, что опять-таки сопоставимо с данными за предыдущие годы. Можно констатировать, что тоболяки в обязательном порядке участвовали во всех экспедициях и зачастую составляли наиболее значительную часть отряда. Так, мы не знаем всей численности экспедиции 1678 г., зато по этому году имеются данные по тобольским служилым. В этот раз их численность была внушительной – 360 человек. Вместе с руководителем похода, письменным головой Иваном Талызиным, здесь были: стрелецкий сотник, атаман пеших казаков, трубач, сурнач, литаврщик, калмыцкий толмач, «да стрельцов и пеших казаков 250 человек, 3 человека пушкарей, да татар 100 человек» [22. С. 33].

Вполне продуктивной представляется попытка приблизительно вычислить количество участников экспедиций по числу судов, задействованных для перевозки соли. Как уже отмечалось выше, в повествовательных источниках конца XVII в. обычно указывается количество в 30–40 дощаников в составе ежегодных соляных караванов (см.: [5. С. 169, 175; 8. С. 184–185; 13. С. 35]). К сожалению, Е.В. Вершинин не приводит сведений о пассажирской вместимости дощаников. Тем не менее имеющиеся источники содержат информацию, позволяющую примерно вычислить, сколько людей в среднем помещалось на одно такое судно. Известно, что в 1661 г. к основной экспедиции присоединился отряд тарских служилых людей, насчитывавший 150 человек (116 стрельцов и пеших казаков и 34 служилых юртовских татарина) и разместившийся на шести дощаниках [14. Л. 64]. В 1699 г. отряд тарчан в составе экспедиции насчитывал 125 человек и двигался на пяти дощаниках [9. С. 520–521]. Простой арифметический расчет показывает, что в среднем на одном дощанике помещалось 25 человек. Таким образом, на флотилии из 30–40 дощаников могло располагаться от 750 до 1 000 человек. По данным Н.И. Никитина, в 1684/1685 г. общая численность служилых людей в Западной Сибири составляла 4 306 человек [20. С. 29]. Это значит, что в походах к озеру, как обычно, участвовало от 17 до 23% служилых людей Тобольского разряда. В 1699 г. из Тобольска к озеру двинулся караван из 25 дощаников, на которых расположились русские служилые люди и татары из Тобольска, Тюмени, Туринска, Пелыма, Березова и Сургута. В Таре к ним присоединилось еще пять дощаников со 125 тарскими служилыми людьми и татарами [9. С. 520–521]. Все это предполагает общее количество участников экспедиции в этом году примерно в 750 человек на 30 дощаниках[2].

Формировавшийся для экспедиции отряд всегда был сводным и включал не только представителей разных городов и острогов, но и служилых людей различных категорий. Как известно, основу сибирских гарнизонов составляли стрельцы и городовые казаки (конные, пешие и беломестные). К ним была близка категория пушкарей и затинщиков, несших службу у артиллерийских орудий и затинных пищалей. Немалую часть гарнизонов Сибири составляли выходцы из Западной и Центральной Европы, которые в источниках более известны как «литва», «черкасы» и «немцы». Особой категорией еще с конца XVI в. являлись служилые татары – представители коренных тюркоязычных народов. Верхнюю прослойку служилого люда Западной Сибири составляли дети боярские и появившиеся в начале 1680-х гг. сибирские дворяне, занимавшие должности высшего и среднего командного состава. С 1659 г. в Сибири началось создание полков «нового строя» (рейтарского и солдатского, позже – драгунского). По имеющимся данным можно установить, что основную часть участников экспедиций к оз. Ямыш составляли стрельцы и пешие казаки. Для обслуживания артиллерийских орудий и пищалей в походах в обязательном порядке были задействованы пушкари (в основном тобольские и тарские). Также обязательным было участие тобольских, тюменских и тарских служилых татар. Помимо этих служилых «иноземцев» источники зафиксировали участие в походах кодских остяков (хантов) [4. Стб. 378, 419; 7. С. 26; 23. С. 119, 124, 130–131]. По данным С.В. Бахрушина, сначала их численность в экспедициях составляла 20 человек, но позже их стали привлекать в большем количестве. В 1636 г. их было 52 человека среди прочих участников экспедиции [23. С. 130–131]. При этом известно, что ханты несением «соляной службы» явно тяготились.

Неизменными участниками походов в первые десятилетия XVII в. были также выходцы из Европы, попавшие на службу в Сибирь по найму, но чаще в качестве бывших военнопленных. При этом отдельные представители верхушки «литвы» и «немцев» нередко становились руководителями экспедиций, занимая должность караванного головы (см. напр.: [1. С. 41, 42; 7. С. 26, 28, 177; 10. С. 41, 109, 128–129, 294, 358, 527–528, 655; 24. С. 70–71]). Однако участие в экспедициях ссыльных иноземцев могло иметь довольно неожиданные последствия. В 1621 г., когда караван дощаников, как всегда, двигался вверх по Иртышу к озеру, часть иноземцев в составе отряда решились на «измену» и подняли бунт. Автор «Книги записной» оставил об этом следующее свидетельство: «В том же 129-м году ходил по соль к Ямышу озеру литовскаго списку и литовский ротмистр Бартош Станиславов с тобольскими и всех городов служилыми людьми караваном. И в те поры учинилась измена от литовских и от немецких людей: хотели руских и всяких людей по-

сечь и в поле убежать на Яик реку. Того году и соли не взяли» [5. С. 147]. Из другого документа узнаем, что изменили тогда не «литовские» и «немецкие» люди, а «черкасы», часть которых во время бунта «бежали в Колмаки» [10. С. 109, 358]. Яик, по всей видимости, был их конечной целью. Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что ссыльные иноземцы по причине острой нехватки служилых людей в Сибири могли составлять немалую часть участников экспедиций, раз они в 1621 г. рискнули совершить «измену» и подняли бунт. Вероятно, они рассчитывали на свою многочисленность.

Необходимо отметить, что была еще одна категория служилых людей, существовавшая исключительно для совершения экспедиций за солью. Речь идет о так называемых «соляных вожах», которые, по всей видимости, числились только по гарнизону Тарского города. Затруднительно дать ответ на вопрос, когда появилась столь редкая и специализированная категория сибирских служилых людей, так как в источниках о них почти ничего не говорится. По крайней мере «Разборная книга тарских служилых людей 1689 г.» называет двух таких вожей – 60-летнего Трошку Сальникова и 50-летнего Ивашку Ашлипа. Об обоих в документе говорится кратко и одновременно достаточно определенно, что каждый из них «водит государеву соляную казну дощаники» [25. С. 245–246]. Очевидно, что это были люди, хорошо знавшие Иртыш и выполнявшие функции лоцманов для безопасной проводки соляных караванов. Известен печальный инцидент с одним из тарских соляных вожей, имевший место в ходе экспедиции 1696 г. под командованием тобольского дворянина Бориса Струнина. Еще на пути к озеру, после прохождения места впадения в Иртыш р. Омь, на караван с берега «напали воинские люди, Казачья орда, на тарские досчаники, и досчаники остановили, и государевых людей стреляли из огненного ружья и из луков, и тарского вожа убили до смерти, а иных ранили» [9. С. 521].

Говоря об участниках походов к озеру, необходимо отметить, что наряду со служилыми людьми, двигавшимися на «государевых дощаниках», к озеру также часто ходили на «охочих дощаниках» представители тобольского и тарского посадов. Они тоже могли ходить для добычи соли, но чаще – для совершения торговых операций с калмыками, бухарцами и другими участниками Ямышевской ярмарки. Источники не зафиксировали точную дату первой торговли с кочевниками в районе озера. Но, по всей видимости, стихийные торговые отношения начались практически сразу же с началом регулярных экспедиций. По крайней мере служилые люди уже в 1626 г. докладывали, что с калмыками они, «ходячи к Ямышу озеру, видаютца и торгуют», хотя и происходило это «не по вся годы» [4. Стб. 341]. Также известно, что в этом же 1626 г. вместе с основным караваном к озеру ходили русские торговые люди «по соль своими судами» [4. Стб. 420]. Это первое упоминание об участии «частников» в соляной экспедиции. В дальнейшем они, видимо, были неизменными участниками всех экспедиций, хотя данные источников на этот счет крайне скудны. Но неслучайно автор «Книги записной» указывает, что в 1676 г. тюменской стрелецкий голова Михаил Селин «пошел к соле к Ямышеву озеру на 30 дощаниках и *с торговым и с войсковым караваном*» (курсив наш. – *Д.В.*) [5. С. 169]. На этих «охочих дощаниках», по всей видимости, мог собираться самый разный люд. В первую очередь здесь были собственно торговцы (русские, бухарцы, татары), а также служилые люди, которые не были задействованы в соляной экспедиции, и многие другие. Иногда они ходили к озеру на свой страх и риск отдельно от «войскового» каравана, что порой могло иметь для них самые печальные последствия. Так, тобольские казаки Федька Скибин и Матюшка Трошин, вернувшиеся в Тобольск в июле 1696 г. из Средней Азии, где провели более двух лет, поведали, как в октябре 1695 г. в город «Тургустан» привезли связанного тобольского сына боярского Дмитрия Суздальцева. Последний Федору Скибину поведал свою печальную историю: «Взяли де его Казачьи Орды воинские люди в полон у Ямыша озера с охочих дощаников, а с ним руских людей 60 человек; а ружья у них не было, ходили с дощаников по соль без ружья до приезду головы с корованом» [16. С. 382–383]. На первый взгляд беспечность Д. Суздальцева и его товарищей по несчастью не может не удивлять. Однако этому есть возможное объяснение. Они могли специально прийти к озеру отдельно от основного каравана, чтобы не платить всех взимаемых пошлин либо для торговли с кочевниками заповедными товарами, что русскими властями категорически запрещалось. Поэтому для исключения пленения русских торговцев «воровскими людьми» власти требовали, чтобы торговые люди ходили к озеру вместе с основным караваном. В наказе тобольскому дворянину Ф. Феофилову говорится: «Да с ним же Федором отпущены из Тоболска к Ямышу озеру в своих судах по соль торговые руские люди; и ему Федору тем торговым руским людем велеть итти с собою к Ямышу озеру к соли вместе, и дорогою идучи нигде их не оставлять, и ото всякого дурна беречь, чтоб на них калмыцкие люди безвестно не пришли и дурна какого не учинили; а у соляного озера велеть им соль в свои суды грузить в то же время, как государскую соль служилые люди учнут грузить, и от Ямыша озера дорогою едучи потому ж их от калмыцких и ото всяких воровских людей оберегать и нигде не оставливать» [9. С. 528].

Подводя итог, можно заключить, что в среднем примерно пятая часть от общей численности всех гарнизонов Западной Сибири привлекалась для ежегодных соляных экспедиций. По нашим подсчетам, в этих походах принимали участие от 15 до 25% всех служилых людей Тобольского разряда. Это больше, чем другие регулярные «службы» и «посылки» представителей сибирских гарнизонов. Исключением будут только некоторые большие походы русских ратных людей в степь против кочевников в ответ на их враждебные акции. Однако такие походы организовывались сравнительно редко, по мере необходимости, и не имели регулярного характера. На наш взгляд, столь значительная численность экспедиций за солью была обусловлена в первую очередь необходимостью

защиты от кочевников. Только пять-семь и более сотен хорошо вооруженных служилых людей были единственной надежной гарантией того, что «немирные» степняки воздержатся от враждебных действий. Кроме того, большое количество людей требовалось для возведения фортификационных сооружений, что опять-таки было важнейшим условием безопасности. Также служилые люди сами занимались добычей соли, ее доставкой до «пристанища» и погрузкой в суда, а это требовало значительного количества рабочей силы. Таким образом, ежегодные русские экспедиции к оз. Ямыш были наиболее значительными по масштабу и задействованным ресурсам мероприятиями, в которых были заняты служилые люди Западной Сибири.

Примечания

[1] В росписи 1628 г. упомянуты также Томск (гарнизон 480 человек), Нарым (31 человек) и Мангазея вместе с Тазовским городком (53 человека). Однако служилые люди из этих городов и острогов не принимали участия в экспедициях к оз. Ямыш. В Нарыме, Мангазее и Тазовском городке служилых было слишком мало. Кроме того, два последних пункта были распложены слишком далеко на севере, что создавало дополнительные трудности. Томск был расположен значительно восточнее, ближе к Средней Сибири, и его гарнизон также считался недостаточным для того, чтобы его можно было ослабить за счет отправки части служилых людей в далекую экспедицию на юг Западной Сибири.

[2] О.Н. Вилков приводил несколько иную численность экспедиции 1699 г. Исследователь в одной из своих работ оценивал численность отряда в этом году в 840 работных и служилых людей, двигавшихся на 25 казенных дощаниках [3. С. 102]. При этом он никак не аргументировал свое мнение.

Список источников

1. Русско-монгольские отношения. 1607–1636 : сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : Вост. лит., 1959. 352 с.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. 3-е изд. М. : Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с.
3. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 368 с.
4. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией : сб. / под ред. А.И. Тимофеева, Ф.И. Успенского. СПб., 1884. Т. 8. [4], XVI, II с., 1292 стб., [2] с., 52 стб.
5. Книга записная // Полное собрание русских летописей / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М. : Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1. Группа Есиповской летописи. 384 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Вост. лит., 2005. Т. 3. 560 с.
7. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 : сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : Вост. лит., 1974. 472 с.
8. Титов А. Сибирь в XVII в. : сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. : Г. Юдин, 1890. 250 с.
9. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1842. Т. 5. 568 с.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
11. Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России : сб. науч. тр. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131.
12. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 504 с.
13. Спафарий-Милеску Н.Г. Сибирь и Китай. Кишинев : Картя Молдавеняскэ, 1960. 516 с.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ).
15. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1862. Т. 8. 366 с.
16. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1867. Т. 10. 506 с.
17. Русско-монгольские отношения. 1654–1685 : сб. документов / сост. Г.И. Слесарчук. М. : Вост. лит., 1996. 560 с.
18. Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Озеро Ямыш как зона политического и культурного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 32–35.
19. Первое столетие сибирских городов. XVII век / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 192 с. (История Сибири. Первоисточники; вып. VII).
20. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск : Наука, 1988. 256 с.
21. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1869. Т. 11. 328 с.
22. Тобольск : материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. : тип М.Г. Волчанинова, 1885. 163 с.
23. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Научные труды. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 86–152.
24. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. : документы и материалы. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1989. Кн. 1. 375 с.
25. Крих А.А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX в.). Омск : Наука, 2016. 263 с.

References

1. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (1959) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636* [Russian-Mongolian relations. 1607–1636]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Miller, G.F. (2005a) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 3rd ed. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Vostochnaya literatura.
3. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
4. Timofeev, A.I. & Uspensky, F.I. (eds) (1884) *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissiey* [Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg: [s.n.].
5. Okladnikov, A.P. & Rybakov, B.A. (eds) (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Moscow: Nauka.
6. Miller, G.F. (2005b) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 3rd ed. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (1974) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636* [Russian-Mongolian relations. 1607–1636]. Moscow: Vostochnaya literatura.

8. Titov, A. (1890) *Sibir' v XVII v.: sbornik starinnykh russkikh statey o Sibiri i prilezhashchikh k ney zemlyakh* [Siberia in the 17th century: A collection of old Russian articles about Siberia and the lands adjacent to it]. Moscow: G. Yudin.
9. The Archeographic Commission of Russia. (1842) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 5. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
10. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Vershinin, E.V. (2001) Doshchanik i koch v Zapadnoy Sibiri (XVII v.) [Doschanik and koch in Western Siberia (the 17th century)]. In: *Problemy istorii Rossii* [Problems of the History of Russia]. Vol. 4. Ekaterinburg: Volot. pp. 87–131.
12. Vershinin, E.V. (2018) *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv*. [Russian colonization of Northwestern Siberia at the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy in-t.
13. Spafariy-Milesku, N.G. (1960) *Sibir' i Kitay* [Siberia and China]. Chișinău: Kartya Moldavenyaske.
14. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214 (Sibirskiy prikaz).
15. The Archeographic Commission of Russia. (1862) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
16. The Archeographic Commission of Russia. (1867) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 10. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
17. Slesarchuk, G.I. (ed.) (1996) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685* [Russian-Mongolian relations. 1654–1685]. Moscow: Vostochnaya literatura.
18. Kamenetskiy, I.P. & Rezun, D.Ya. (2010) Ozero Yamysh kak zona politicheskogo i kul'turnogo vzaimodeystviya narodov v XVII v. [Lake Yamysh as a zone of political and cultural interaction between peoples in the 17th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 32–35.
19. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Pervoe stoletie sibirskikh gorodov. XVII vek* [The first century of Siberian cities. The 17th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
20. Nikitin, N.I. (1988) *Sluzhilye lyudi v Zapadnoy Sibiri XVII v.* [The service class people in Western Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
21. The Archeographic Commission of Russia. (1869) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 11. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
22. Anon. (1885) *Tobol'sk: materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletiy* [Tobolsk: materials for the history of the city of the 17th and 18th centuries]. Moscow: M.G. Volchaninov.
23. Bakhrushin, S.V. (1955) Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI i XVII vv. [Ostyak and Vogul principalities in the 16th and 17th centuries]. *Nauchnye trudy*. 3(2). pp. 86–152.
24. Gurevich, B.P. (ed.) (1989) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii XVII–XVIII vv.: dokumenty i materialy* [International relations in Central Asia 17th – 18th centuries: Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
25. Krikh, A.A. (2016) *Russkoe naselenie Tarskogo Priirtysh'ya: istoriko-genealogicheskie ocherki (XVII – nachalo XX v.)* [Russian population of the Tara Irtysh region: Historical and genealogical essays (the 17th – early 20th century)]. Omsk: Nauka.

***Сведения об авторе*:**
Васьков Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: dvaskov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Vaskov Dmitry A. – Senior Lecturer of the Department of Russian History of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dvaskov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 26.07.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/82/5

Закрытие религиозных объектов как направление советской государственно-конфессиональной политики в 1930-е гг. (на примере Западно-Сибирского края)

Петр Константинович Дашковский[1], Наталья Петровна Зиберт[2]

[1, 2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] misericordia17@mail.ru

Аннотация. Рассматривается закрытие религиозных приходов в Западно-Сибирском крае в контексте конфессиональной политики советской власти, реализуемой в 1930-е гг. На основе анализа архивных материалов и законодательных документов показано, что прекращение деятельности религиозных центров сопровождалось сложными и противоречивыми процессами. Так, региональными органами власти в начале 1930-х гг. часто игнорировались государственные постановления, принимаемые высшим советским руководством для предотвращения нарушений во время ликвидации религиозных центров, на территории как страны в целом, так и Западно-Сибирского края в частности.
Ключевые слова: религиозные общины, советский период истории, конфессиональная политика, Западно-Сибирский край

Благодарности: Работа подготовлена в рамках выполнения гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00023).

Для цитирования: Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Закрытие религиозных объектов как направление советской государственно-конфессиональной политики в 1930-е гг. (на примере Западно-Сибирского края) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 48–53. doi: 10.17223/19988613/82/5

Original article

Closure of religious objects as a direction of Soviet state-confessional policy in the 1930s (on the example of the West Siberian Region)

Petr K. Dashkovskiy[1], Nataliy P. Zibert[2]

[1, 2] Altay State University, Barnaul, Russian Federation
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] misericordia17@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to consider the process of closing religious parishes in the West Siberian region in the context of religious policy of state in the 1930s.

In connection with this goal, the following tasks were supposed to be solved: consideration of the attitude of the soviet government to the practice of closing religious parishes in the country and the West Siberian region; analysis of the mechanism of closing churches in the region under consideration, as well as the study of the attitude of the believing peasantry to the liquidation of religious buildings.

The methodological basis of the article is based on the principles of historicism, objectivity and determinism, which imply a comprehensive critical analysis of historical processes that determine the legal status and functioning of religious parishes in the West Siberian region in the 1930s.

The source base of the study was the normative legal acts adopted by the soviet authorities, as well as archival materials reflecting the peculiarities of the functioning of religious communities during the 1930s.

The authors came to the following conclusions: the policy of the soviet state in the 1930s in relation to functioning religious parishes was complex and contradictory. Since 1929, the bolshevik government has chosen to strengthen anti-religious propaganda and limit the activities of religious communities. Particular attention was paid to reducing the number of religious buildings. In order to reduce the number of the latter, a number of documents regulating the practice of closing churches in the regions were adopted, as well as a Central Commission on religious issues. In addition, since 1932, the so-called godless five-year plan was declared, the purpose of which was the complete destruction of religion in the USSR by 1937.

© П.К. Дашковский, Н.П. Зиберт, 2023

In the current conditions, the district and city Executive committees of the Soviets of workers, soldiers and peasants deputies in the regions, including in the West Siberian region, resorted to violation of the existing legislative norms, closing the functioning parishes, without waiting for the relevant decisions of higher authorities. The vacated religious buildings were subsequently transferred to the cultural and educational needs or completely destroyed. Religious items were also subject to destruction and only a small part of the population managed to hide. It is important to emphasize the ambiguous attitude of the peasants to the ongoing processes in the sphere of state-confessional relations in the 1930s. So, if the representatives of the older generation tried to hide their discontent with the closure and destruction of Church buildings, the rural youth on the contrary supported the soviet government and actively helped it.
Thus, the above facts contributed to a decrease in the manifestations of religious life in the West Siberian region, as well as the closure of all churches in the territory of the Barnaul diocese by 1938, as a result of which the latter ceased to exist.
Keywords: religious communities, Soviet period of history, confessional policy, West Siberian region

Acknowledgements: The work was prepared as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant (project No. N19-18-00023).

For citation: Dashkovskiy, P.K., Siebert, N.P. (2023) Closure of religious objects as a direction of Soviet state-confessional policy in the 1930s (on the example of the West Siberian Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 48–53. doi: 10.17223/19988613/82/5

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. советская антирелигиозная политика претерпела значительные изменения. Начало новому этапу в государственно-конфессиональных отношениях было положено 8 апреля 1929 г. выходом постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» [1. С. 29–45], регулирующего основные права и обязанности религиозных обществ. Кроме того, в рамках выполнения постановления НКВД от 1 октября 1929 г. № 329 [2] была объявлена регистрация всех религиозных объединений, фактически существующих на территории РСФСР, как зарегистрированных, так и незарегистрированных. Религиозные объединения, не зарегистрировавшиеся до 1 мая 1930 г., подлежали немедленной ликвидации.

Следует отметить, что проведение последовательной политики, направленной на уничтожение религиозных общин, сопровождалось принятием ряда документов, регулирующих различные аспекты церковной жизни. В марте 1930 г. ЦК ВКП(б) было выпущено постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», девятый пункт которого призывал прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Закрытие церквей допускалось лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян, решение которых утверждалось областными исполкомами. Кроме того, виновные в оскорблении религиозных чувств крестьян привлекались к строжайшей ответственности [3. С. 303–305].

В мае 1931 г. ВЦИК утвердил «Положение о Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов» [4]. Комиссия должна была контролировать выполнение законодательства о культах на территории РСФСР, разрабатывать проекты законодательных актов и постановлений, осуществлять общий учет религиозных объединений и составлять статистические сводки по данным, представляемым местными органами. Кроме того, комиссия должна былаРассматривать жалобы на неправомерные действия краевых и областных исполнительных комитетов, связанные с вопросами закрытия молитвенных зданий и расторжением договоров с религиозными обществами.

В 1932 г. была объявлена так называемая «безбожная пятилетка», одной из целей которой было «забыть имя бога» к 1 мая 1937 г. на всей территории страны. Главным идеологом повсеместной атеизации населения стал глава созданной в 1925 г. организации «Союз воинствующих безбожников» Емельян Ярославский, требующий от подчиненных повсеместной ликвидации храмов, уничтожения икон и богослужебных книг [5. С. 266].

В конечном итоге меры, предпринимаемые со стороны государства, привели к резкому сокращению количества церквей как на территории страны в целом, так и в Западно-Сибирском крае [6. С. 47–48]. Уточним, что на протяжении 30-х гг. прошлого века в административном отношении территория Западной Сибири входила в разные административно-территориальные единицы. Так, до середины лета 1930 г. бывшие Алтайская и Новониколаевская губернии наряду с Енисейской, Томской и Омской губерниями вошли в Сибирский край. 30 июля 1930 г. Постановлением ВЦИК Сибирский край переименован в Западно-Сибирский. В свою очередь, 28 сентября 1937 г. ЦИК СССР разделил Западно-Сибирский край на Алтайский край с центром в Барнауле и Новосибирскую область с центром в Новосибирске [7. С. 17, 19]. В данной публикации основное внимание уделяется государственно-конфессиональной политике в обозначенном аспекте в отношении именно Западно-Сибирского края как административной единицы страны.

Важно отметить, что закрытие религиозных центров нередко сопровождались идеологическим и административным давлением, самоуправством и произволом местных властей. Так, в 1932 г. райисполкомы Солонешенского и Горно-Шорского районов закрывали церкви без санкции вышестоящих органов. Большереченский, Ключевской, Мамантовский и некоторые другие районы Западно-Сибирского края не предоставляли никаких документов о проводимых закрытиях религиозных объектов [6. С. 48].

Как видно из табл. 1, массовое закрытие храмов в рассматриваемом регионе началось с 1934 г. Если в 1932 г. постановлениями Западно-Сибирского крайисполкома было ликвидировано всего 15 храмов, то в 1934 г. был закрыт уже 31 приход, в 1935 г. – 44, в 1936 г. – 38 [8. Л. 23–33].

Таблица 1

Количество церквей, закрытых постановлениями Западно-Сибирского крайисполкома в 1931–1937 гг.

Годы	Количество закрытых церквей
1931	17
1932	15
1933	11
1934	31
1935	44
1936	38
1937	27

Примечание. Составлено по: [8. Л. 23–33].

С декабря 1934 г. в Западно-Сибирском крае началось повсеместное снятие колоколов с церквей под предлогом недостатка меди для программы индустриализации. Кроме этого на нужды государства были изъяты ценности, оставшиеся в церквях после волны изъятия религиозного имущества в 1921–1922 гг. На рассматриваемой территории компания по сбору церковной бронзы осуществлялась в течение лета-осени 1935 г. под контролем Западносибирской краевой комиссии по вопросам культов при президиуме Запсибкрайисплкома. Начало этого процесса было положено циркуляром Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК от 8 июня 1933 г. «По вопросу регулирования колокольного звона и снятия колоколов с тех молитвенных зданий, где колокольный звон прекращен» [9. С. 25–26].

На местах вопросами закрытия культовых построек занимались местные органы власти – районные и городские исполнительные комитеты советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вынесенное ими решение о закрытии должно было быть утверждено в региональных органах власти – исполнительных комитетах краев или областей. В то же время окончательное решение оставалось за высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом – ВЦИК [10. С. 100]. При этом важно подчеркнуть, что количество закрытых церквей служило одним из основных показателей антирелигиозной работы, вследствие чего усилилось административное давление местных властей на процедуру закрытия [11. С. 289–290].

Закрытие и разрушение церквей зачастую осуществлялось вопреки действующим законодательным нормам, не дожидаясь не только соответствующего решения ВЦИК, но и решения крайисполкомов и облисполкомов [12. С. 199]. Важно отметить, что закрытые церкви рекомендовалось использовать под общественно-культурные и бытовые учреждения, хозяйственные помещения, клубы, школы, библиотеки, торговые заведения и склады. Нередко здания полностью разрушались, а земельные участки изымались. В качестве причин закрытия, как правило, назывались задолженность по налогам, многочисленные штрафы за антисанитарное состояние, а также массовые ходатайства населения с просьбой закрыть церковь [13. Л. 75]. Кроме того, предлогами для закрытия могли выступать и необходимость проведения ремонта в здании церкви, отсутствие регистрации у религиозного общества либо дезорганизация последнего. Сложившаяся ситуация с закрытием храмов в Барнаульской и Бийской епархиях наглядно представлена в табл. 2.

Таблица 2

Количество и статус приходов, действовавших на территории Барнаульской и Бийской епархий по состоянию на 1935 г.

Название епархии	Количество приходов
Барнаульская епархия	
Действующих приходов	36
Закрытых приходов	9
Причина закрытия:	
дезорганизация общества	4
задолженность по налогооблажению	2
отказ в регистрации	3
Бийская епархия	
Действующих приходов	49
Закрытых приходов	14
Причина закрытия:	
дезорганизация общества	2
задолженность по налогооблажению	1
отказ в регистрации	4
требование капитального ремонта	4
засыпано хлебом	3

Примечание. Составлено по: [14. Л. 72].

Как видно из табл. 2, в 1935 г. в Барнаульской и Бийской епархиях перестали функционировать 23 храма, из которых 6 были закрыты по причине дезорганизация религиозного общества, 7 – из-за отказа в регистрации, 3 – из-за неуплаты налогов. В Бийской епархии 3 храма были изъяты для использования под зернохранилище, а 4 церкви были закрыты из-за необходимости капитального ремонта, который верующие отказались осуществлять. Еще 4 общины отказались проходить процедуру регистрации [14. Л. 72].

При этом нередкими были случаи административного произвола, когда местные власти, желая увеличить показатели по сданному металлу, а также ускорить процесс изживания религии, незаконным путем закрывали церковь и снимали с нее колокола. Зачастую местных жителей принуждали подписывать формальные заявления об отступничестве от религии под угрозой лишения их жилья, карточек на хлеб и одежду. Так были ликвидированы церкви в селах Чистюньке, Верх-Алейском и Красноярке, а в с. Володарка храм был засыпан зерном.

В Барнауле, несмотря на многочисленную общину верующих, насчитывавшую свыше 2 100 человек, был закрыт и переоборудован под элеватор Знаменский собор. Результатом жалоб верующих в краевой исполнительный комитет, комиссии по религиозным вопросам в Новосибирске и Москве стало предложение чиновников совершать богослужения в сторожке при храме [15. С. 99]. Кроме того, по решению барнаульского городского Совета народных депутатов были разрушены здания Иоанно-Предтеченской церкви и Петропавловского собора, а также закрыты храм Зна-

мения Божьей Матери и Покровский собор. В Смоленском районе Западно-Сибирского края комиссия в составе членов сельского совета, осмотрев здания церквей, расположенных в селах Старо-Тырышкино и Соломовка, закрыла последние под предлогом ветхости и необходимости капитального ремонта. В с. Токареве Поспелихинского района после перевода священника Иоанна Жарикова в другой приход власть отобрала у верующих ключи от храма, запретив проведение церковных служб из-за отсутствия постоянного священника. Под предлогом массовых ходатайств трудящихся были закрыты церкви в с. Ермачихе Ребрихинского района [14. Л. 72] и с. Чернопятово Павловского района. При этом здание последней было передано сельсовету для использования под клуб [16. Л. 5, 8, 50]. В 1935 г. православная община с. Ребриха отказалась ремонтировать здание Михаило-архангельской церкви, не нуждавшееся, по их мнению, в ремонте. В то же время, по оценкам местных властей, зданию угрожал обвал и требовался срочный ремонт на сумму 10 500 рублей [17. Л. 3 об., 7]. Официальной причиной закрытия церкви был назван отказ религиозного общества содержать здание и невозможность произвести необходимый капитальный ремонт. Впоследствии здание закрытой церкви было переоборудовано под кинотеатр, на что было потрачено 2 тыс. 360 руб. [17. Л. 3, 3 об.]. По аналогичной причине в 1936 г. была закрыта синагога в г. Куйбышеве, здание которой позднее стали использовать под детский дом [18. Л. 2, 9]. В Барабинском районе вследствие ряда нарушений действующих законов здание римско-католического костела г. Каинска по распоряжению Горсовета было передано под клуб учащихся Сберегательного техникума [19. Л. 23, 84]. В 1937 г. в г. Барнауле прекратила свое существование еврейская синанога, построенная на средства верующих и существовавшая с 1908 г. [20. С. 201]. В сентябре 1937 г. была ликвидирована церковь в с. Локоть Локтевского района Алтайского края. Основная причина закрытия церкви заключалась в необходимости ремонта здания, осуществлять который религиозная община села отказалась. Кроме того, в рассматриваемый период в районе фиксировался недостаток помещений для школ. По ходатайству трудящихся (из 944 трудящихся села 853 проголосовали за ликвидацию церкви и переоборудование здания под школу) храм был закрыт [21. Л. 1, 55, 60, 78].

Отдельно необходимо остановиться на реакции крестьян, присутствовавших при насильственном закрытии и разрушении церквей. Важно подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие случаев массового сопротивления процессу закрытия храмов, периодически фиксировались единичные случаи недовольства такими действиями властей. Так, в с. Смоленском Смоленского района большинство крестьян отказались снимать крест и колокола со здания церкви. После того как местный житель Сергиенко вызвался осуществить снятие креста, жителями этого села была предпринята попытка застрелить активиста, причем установить личность стрелявшего местным властям не удалось. В с. Кытманово Кытмановского района при снятии колоколов местными жителями была устроена забастовка с целью сорвать закрытие церкви и предотвратить ее разрушение [22. С. 215]. При этом произошел своего рода процесс дифференциации сельского общества. С одной стороны, представители старшего поколения, как правило, открыто не демонстрировали свое недовольство, но и не одобряли закрытия и разрушения храмов. С другой стороны, сельская молодежь во многом поддерживала инициативы советской власти в данном направлении.

Несмотря на то, что усилиями некоторых верующих была спасена часть церковных святынь, икон и алтарных крестов, большинство культовых предметов было уничтожено или осквернено. Из них делали дорожки, сундуки (например, в с. Выползово, Тальменский район), табуретки (например, в с. Плоское, Третьяковский район), сжигали и ломали. В Усть-Пристанском районе ряд икон Казанского монастыря перевернули ликом вниз и сколотили из них обеденные столы, при этом знаменитая чудотворная икона Казанской Божьей матери «была положена перед дверью сельсовета ликом вниз» [22. С. 223]. Один из жителей с. Корболиха Третьяковского района изготовил из большой иконы входную дверь [23. С. 220].

Важно подчеркнуть идентичность формулировок, использовавшихся при закрытии храмов не только в Западной Сибири, но и в других регионах страны. В качестве примера можно привести решение президиума облисполкома Ивановской области о ликвидации церкви в с. Красное Юрьев-Польского района: «…община распалась… молитвенное здание более семи месяцев бездействует…» Другой пример связан с закрытием храма в г. Александрове с такими формулировками: «…принимая во внимание 1) чрезвычайно острый жилищный вопрос в г. Александров, 2) что за закрытие указанной церкви с целью использования ее под общежитие высказалось большинство жителей этого района…» [24. С. 47].

В целом можно констатировать, что, несмотря на провозглашенную в стране свободу совести и равенство всех граждан, численность православных приходов, как и последователей других религиозных традиций, в регионах стала активно снижаться. По данным Уполномоченного по делам Русской православной церкви при СНК СССР, за период 1931–1937 гг. постановлениями Западно-Сибирского крайисполкома была прекращена деятельность 185 православных храмов [20. С. 77].

Таким образом, можно заключить, что принимаемые советской властью на протяжении 1930-х гг. решения были направленны на постепенное уничтожение религиозной жизни в стране, что негативно сказалось на положении конфессий, в том числе и в Западной Сибири. Серьезный удар по религиозной жизни в регионе нанесли постановления «О религиозных объединениях» и «Об урегулировании колокольного звона в церквах». Последнее использовалось местными властями для увеличения показателей по сданному металлу. Активное проведение в жизнь кампании по закрытию церквей и снятию с них колоколов привело к значительному сокращению сети храмов, действовавших на юге Западной Сибири. Последующее объявление

«безбожной пятилетки» и меры экономического воздействия привели в 1938 г. к закрытию всех храмов на территории Барнаульской епархии и вхождению последней в состав Новосибирской епархии. В аналогичной сложной ситуации оказались не только православные, но и другие религиозные общины, деятельность которых к началу Великой Отечественной войны на легальном уровне фактически прекратилась.

Список источников

1. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М. : Госюриздат, 1959. Т. 2: 1929–1939. 496 с.
2. О регистрации религиозных объединений : постановление НКВД от 01.10.1929 № 329 // Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. № 37. С. 690–691.
3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. 927 с.
4. Об утверждении Положения о Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов : постановление Президиума ВЦИК РСФСР от 30.05.1931 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1931. № 27. С. 358.
5. Гордеева О.Б. Отражение политики репрессий 1930-х гг. в протоколах собраний сельских советов старообрядцев Забайкалья // Вестник Иркутского государственного технического университета. История. Исторические науки. 2014. № 9 (92). С. 265–270.
6. Рафиков Р.Г. Администрация Западно-Сибирского края в решении «церковного вопроса» на рубеже 20–30-х гг. // Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура : I обл. науч.-практ. конф. краеведов : тез. докл. и сообщ. Новосибирск, 1995. С.47–49.
7. Справочник административно-территориальных изменений на Алтае. 1917–1980. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. 360 с.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1418. Оп. 1.
9. Крейдун Г. Барнаульская епархия: 20 лет возрождения. Барнаул : Алт. дом печати, 2014. 320 с.
10. Дроботушенко Е.В. Закрытие православных храмов в Восточном Забайкалье в 30-е годы XX века // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 99–104.
11. Козлов Ф. Н. Государственно-церковные отношения в 1917 – начале 1940–х гг. в национальных регионах СССР (на примере республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М. : Полит. энцикл., 2017. 335 с.
12. Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2014. 424 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 679.
14. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 536. Оп. 1. Д. 242.
15. 150 лет Знаменскому собору Барнаула // Барнаульский хронограф : календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2009. С. 96–102.
16. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 677.
17. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 680.
18. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 669.
19. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 666.
20. Овчинников В.А. К вопросу о периодизации истории Русской православной церкви в Сибири в светский период (1917–1991) // Вестник Кемеровского государственного университета. История. Исторические науки. 2015. № 1 (61). С. 72–80.
21. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 671.
22. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул : БГПУ, 2008. 527 с.
23. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул, 2012. 448 с.
24. Полозова К.А. Отражение советского законодательства о религии на деятельности православных религиозных объединений в СССР в 1929–1990 гг. (по материалам Верхнего Поволжья). Иваново : Ин-т управления, 2014. 253 с.

References

1. Presidium of the Supreme Council & the Government of the RSFSR. (1959) *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and decrees of the Government of the RSFSR]. Vol. 2. Moscow: Gosyurizdat.
2. NKVD. (1929) O registratsii religioznykh ob"edineniy : postanovlenie NKVD ot 01.10.1929 № 329 [On the registration of religious associations: Decree of the NKVD dated October 1, 1929, No. 329]. *Byulleten' NKVD RSFSR*. 37. pp. 690–691.
3. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (eds) (2000) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession: documents and materials]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
4. Presidium of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR. (1931) Ob utverzhdenii Polozheniya o Postoyannoy tsentral'noy i mestnykh komissiyakh po rassmotreniyu religioznykh voprosov: postanovlenie Prezidiuma VTsIK RSFSR ot 30.05.1931 [On the approval of the Regulations on the Permanent Central and Local Commissions for the Consideration of Religious Issues: Resolution of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR dated May 30, 1931]. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva, izdavaemoe Narodnym Komissariatom Yustitsii*. 27. p. 358.
5. Gordeeva, O.B. (2014) Otrazhenie politiki repressiy 1930-kh gg. v protokolakh sobraniy sel'skikh sovetov staroobryadtsev Zabaykal'ya [Reflection of the repression policy of the 1930s in the minutes of Old Believers' rural councils in Transbaikalia]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Istoriya. Istoricheskie nauki*. 9(92). pp. 265–270.
6. Rafikov, R.G. (1995) Administratsiya Zapadno-Sibirskogo kraya v reshenii "tserkovnogo voprosa" na rubezhe 20–30-kh gg. [Administration of the West Siberian Territory in resolving the "church issue" at the turn of the 1920s and 1930s]. *Stranitsy istorii Novosibirskoy oblasti: lyudi, sobytiya, kul'tura* [Pages of the History of the Novosibirsk Region: People, Events, Culture]. Proc. of the Conference. Novosibirsk. pp. 47–49.
7. Executive Committee of the Altai Regional Council of People's Deputies. (1987) *Spravochnik administrativno-territorial'nykh izmeneniy na Altae. 1917–1980* [Directory of administrative-territorial changes in Altai. 1917–1980]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
8. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 1418. List 1.
9. Kreydun, G. (2014) *Barnaul'skaya eparkhiya: 20 let vozrozhdeniya* [The Barnaul diocese: 20 years of revival]. Barnaul: Alt. dom pechati.
10. Drobotushenko, E.V. (2017) Zakrytie pravoslavnykh khramov v Vostochnom Zabaykal'e v 30-e gody XX veka [Closing of Orthodox churches in Eastern Transbaikalia in the 1930s]. *Gumanitarnyy vektor*. 12(4). pp. 99–104.
11. Kozlov, F.N. (2017) *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v 1917 – nachale 1940–kh gg. v natsional'nykh regionakh SSSR (na primere respublik Mariy El, Mordovii i Chuvashii)* [State-church relations in 1917 – early 1940s in the national regions of the USSR (a case study of the republics of Mari El, Mordovia, and Chuvashia)]. Moscow: Polit. entsikl.
12. Odintsov, M.I. (2014) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953 gg.* [The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist socialism. 1917–1953]. Moscow: ROSSPEN.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5263. List 1. File 679.

14. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 536. List 1. File 242.
15. Anon. (2009) 150 let Znamenskomu soboru Barnaula [150 years of the Znamensky Cathedral of Barnaul]. In: *Barnaul'skiy khronograf: kalendar' znamenat. i pamyat. dat* [Barnaul Chronograph: Famous calendar and memory dates]. Barnaul: [s.n.]. pp. 96–102.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5263. List 1. File 677.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5263. List 1. File 680.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5263. List 1. File 669.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5263. List 1. File 666.
20. Ovchinnikov, V.A. (2015) K voprosu o periodizatsii istorii Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Sibiri v svetskiy period (1917–1991) [On the issue of periodization of the history of the Russian Orthodox Church in Siberia in the secular period (1917–1991)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Istoricheskie nauki*. 1(61). pp. 72–80.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5263. List 1. File 671.
22. Shcheglova, T.K. (2008) *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya* [Village and peasantry of the Altai Territory in the 20th century. Oral history]. Barnaul: BSPU.
23. Shcheglova, T.K. & Dmitrieva, L.M. (ed.) (2008) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: [s.n.].
24. Polozova, K.A. (2014) *Otrazhenie sovetskogo zakonodatel'stva o religii na deyatel'nosti pravoslavnykh religioznykh ob"edineniy v SSSR v 1929–1990 gg. (po materialam Verkhnego Povolzh'ya)* [Reflection of the Soviet legislation on religion on the activities of Orthodox religious associations in the USSR in 1929–1990 (based on materials from the Upper Volga region)]. Ivanovo: In-t upravleniya.

***Сведения об авторах*:**
Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
Зиберт Наталья Петровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: misericordia17@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Dashkovskiy Pyotr K. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of Altai State University. Barnaul, Russian Federation. E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
Siebert Natalia P. – Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University, Barnaul, Russian Federation, E-mail: misericordia17@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 09.01.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(47).084.6
doi: 10.17223/19988613/82/6

Советская идеологическая пропаганда в средних школах Центрально-Черноземной области в начале 30-х гг. XX в.

Андрей Николаевич Злобин

Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Россия, dronns@yandex.ru

Аннотация. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов исследуются различные аспекты пропаганды советских идей в средних школах Центрально-Черноземной области. Акцентируется внимание на идеологемах, последовательно внедряемых в учебные программы различных школьных дисциплин, рассматриваются такие формы идеологической работы, как участие в советских праздниках и массовых мероприятиях. Анализируются сложности и недостатки в деятельности детских и молодежных организаций.
Ключевые слова: коммунистическое воспитание, реформа образования, Центрально-Черноземная область, индустриализация, культурная революция

Для цитирования: Злобин А.Н. Советская идеологическая пропаганда в средних школах Центрально-Черноземной области в начале 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 54–64. doi: 10.17223/19988613/82/6

Original article

Soviet ideological propaganda in secondary schools Central Chernozem region in the early 30s of the XX century

Andrey N. Zlobin

Voronezh State University of Engineering Technology, Voronezh, Russian Federation, anzlobin@bk, rudronns@yanex.ru

Abstract. The article examines various aspects of propaganda of Soviet ideas in secondary schools in the Central Chernozem region. The purpose of this work is to analyze practical measures taken in schools in the Central Black Earth region as part of the educational reform of the early 1930s, aimed at implementing the new requirements of the Communist authorities to organize ideological propaganda in Soviet schools. The source base of the research primarily includes materials from the state archive of socio-political history of the Voronezh region, and materials from the State archive of the Russian Federation and the Russian state archive of socio-political history are also used. Many sources are introduced into scientific circulation for the first time. The people's Commissariat of Education formulated the following ideological tasks of Soviet education: providing Communist education, developing students ' dialectical and materialistic views on nature and society, and strengthening the fight against anti-proletarian ideology. The paper focuses on the ideologies that are subsequently introduced into the academic programs of various school disciplines. The article shows that the main ideological load was placed on history and social science. Educational classes in Mathematics, Physics, Biology, Foreign Language, Nature Science also received an ideological content and had to contain elements of anti-religious education, propaganda of proletarian internationalism, heroization of the revolutionary past, praise of the party leaders, achievements and prospects of the Soviet system. The Communist education of Soviet students went beyond the acquisition of the school curriculum in certain disciplines. The Pioneer and Komsomol organizations with the school authorities organized participation of schoolchildren in such organized events as the celebration of the First of May, the anniversary of the October revolution, in meetings. These events broadcast formulas, cliches and images of official propaganda and carried an emotional load aimed at fixing value-semantic stereotypes corresponding to the tasks of Soviet ideological propaganda in the mind. The article the author analyzes the difficulties and shortcomings in the organization of Pioneer groups, socialist competition among students, and the work of children's self-government bodies. The paper deals with the forms of organized leisure of Soviet schoolchildren, which are rich in ideological content: the activities of clubs, organization of campings, trips to the libraries. As a result, the paper concludes, that the Soviet propaganda was largely consonant with the worldview of Soviet youth, who did not have the experience and sufficient knowledge to critically comprehend Marxist ideology and Soviet reality. Despite the presence of anti-Communist sentiments and people who adhere to non-Soviet life practices, ideological propaganda in Soviet schools played a major role in the formation of a loyal and patriotic majority.
Keywords: communist education, education reform, Central Chernozem region, industrialization, cultural revolution

© А.Н. Злобин, 2023

For citation: Zlobin, A.N. (2023) Soviet ideological propaganda in secondary schools Central Chernozem region in the early 30s of the XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 54–64. doi: 10.17223/19988613/82/6

Необходимым условием обеспечения устойчивости советской системы и построения в дальнейшем коммунистического общества партийные идеологи считали воспитание нового человека – лояльного советской власти и преданного коммунистическим идеям. Идеологическая пропаганда в 1930-е гг. охватывала все слои советского общества и все возрастные группы. Для внедрения актуальных для власти идеологем использовались кинематограф, радио, пресса, литература. Пафос новых идей транслировали массовые мероприятия: парады, митинги, демонстрации. Однообразные идеологические штампы меняли мировосприятие значительной части взрослых людей, не способных в силу недостаточности образования и жизненного опыта критически осмысливать поступающую информацию, заражающихся общим настроением и позитивными ожиданиями. В то же время одним из основных объектов внимания советских идеологов были дети. С одной стороны, им предстояло от рождения усвоить идеи коммунизма, образ светлого будущего и модели поведения, возможные для строителей грядущего благосостояния, с другой стороны, их, в отличие от отцов, не надо было перевоспитывать, прививать новые ценности – менять устаревший старорежимный культурный код.

Ряд основополагающих тезисов, ставших впоследствии основой для идеологических практик советских коммунистических властей, был обоснован В.И. Лениным. В том числе вождь не обошел своим вниманием проблему «воспитания» масс. Подготовка всесторонне развитых людей, по Ленину, – это цель, к которой коммунизм придет через долгий ряд лет. «Пытаться сегодня, – писал он в 1920 г., – практически предвосхитить этот грядущий результат вполне… созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике» [1. С. 33]. В.И. Ленин применительно к условиям российской революции ставил задачу конструирования нового типа человека – советского человека, разделяющего коммунистические ценности (противопоставлявшиеся старым частнособственническим ценностям), осознанно строящего новую, прогрессивную жизнь [2. С. 189]. «Государство сильно сознательностью масс, – писал он, – оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [3. С. 21]. Французский историк Э. Каррер д'Анкосс мотивированно объясняет подход пролетарского вождя к «новому человеку» и способам его конструирования через понимание Лениным диалектики исторического развития как конфликта между стихийностью и сознательностью. «Для Ленина, – пишет исследователь, – прогресс в человеке сводился к лишению общества и индивида стихийного сознания и постепенному внедрению подлинной сознательности. "Новый человек" должен был стать итогом этого процесса, но требовался авангард, точно так же, как при подготовке революции. Эта борьба со спонтанностью и в партии, и в марксизме предполагала изгнание всяких политических идей, чуждых марксизму» [4. С. 189–190]. Последующие дискуссии, связанные с воспитанием нового советского человека и образовательной стороной этого процесса, в котором принимали участие многие деятели Коммунистической партии и Советского государства, такие как Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, А.А. Богданов, М.И. Калинин и др., так или иначе опирались на идеологические положения, высказанные Лениным, и отталкивались от них.

В начале 30-х гг. XX в. в советской системе образования наметился отход от старых принципов организации учебного процесса и методов преподавания. Основные положения реформы базировались на решениях ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» [5] и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме начальной и средней школы» [6]. В преподавании дисциплин отменялись «метод проектов» и «бригадный» метод, подвергался критике считавшийся ранее бесспорным тезис о грядущем «отмирании школы», вводились классно-урочная система, твердое расписание, система проверки и оценки знаний учащихся. Данные постановления обосновывают нижнюю планку хронологических границ данного исследования. Начало следующему этапу реформы образования положили решения XVII съезда ВКП(б) (январь 1934 г.), постановившего окончательно ликвидировать малограмотность и осуществить всеобщее обязательное политехническое обучение в объеме семилетки [7. С. 761], а также Постановление СНК СССР от 15 мая 1934 г., устанавливавшее новую общую для всей страны организационную структуру общеобразовательной школы: начальная с 4-летним сроком обучения, неполная средняя с 7-летним сроком обучения и средняя с 10-летним сроком обучения. Фабрично-заводская семилетка (ФЗС) и школы колхозной молодежи (ШКМ) были преобразованы в неполные средние школы [8]. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальных, неполных средних и средних школах» от 4 сентября 1935 г. вводилась новая пятибалльная система единых оценок [9. С. 263–267]. Новый этап реформирования советской школы совпал по времени с разделом летом 1934 г. Центрально-Черноземной области (ЦЧО) на Воронежскую и Курскую области. Качественные законодательные и организационные изменения, инициированные властями в образовании после 1934 г., и новая организация административно-управленческих процессов в регионе определяют верхнюю планку хронологических границ исследования 1933–1934 учебным годом.

Цель работы – изучение государственной идеологической политики в школьном образовании на примере мероприятий коммунистической и советской пропаганды в средних учебных заведениях Центрально-Черноземной области, реализуемых в рамках образовательной реформы начала 1930-х гг. Внедрение советских идеологем в сознание детей исследуется

в контексте учебного процесса и организации внеурочной жизни учащихся.

Идейным стержнем идеологической пропагандистской работы среди детей и учащийся молодежи было коммунистическое воспитание, являвшееся важнейшей составляющей деятельности советской школы. В научной литературе советского периода вопросы коммунистического воспитания и идеологии рассматривались в контексте общих проблем и тенденций развития школьного образования, через призму реализации партийных образовательных программ. Стоит выделить работы таких авторов, как В.С. Плясовских [10], Т.П. Бибанов [11] и А.В. Кольцов [12] Среди современных исследователей в рамках изучения становления и развития школьного образования проблемы идеологической пропаганды затрагивались А.М. Липчанским [13], Л.И Анайкиной [14] и З.Г Дайч [15]. Особо стоит отметить коллективную монографию «Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.». Авторы отмечают, что как инструмент воздействия на сознание коммунистическое воспитание играло большую роль «в формировании новой социалистической реальности и социальной структуры советского общества» [2. С. 347, 377]. Оно было направлено на формирование идеального человека будущего: творца, труженика, интернационалиста. В работах Ю. Левады результат такого рода конструирования получил название «человек советский» [16]. В отечественной и зарубежной исторической литературе общеупотребительным стал образно-иронический латинский перевод этого термина – homo soveticus [17–21]. П. Фрицше и Ж. Хеллбек считают, что коммунистические планы по переустройству и совершенствованию человека были вариантами конструирования альтернативной современности (modernity), в рамках которой новый человек формируется с помощью научных и рациональных методов, на основе базовых положений теории прогресса [22]. Д. Хоффманн отмечал, что советский идеал совершенного человека в определенном смысле был продолжением традиции, начавшей формироваться еще в идеологии Просвещения и развившейся в эпоху промышленной революции XIX в. [23]. В работах ряда исследователей проблемы идеологического сопровождения учебного процесса затрагивались в контексте изучения структурных особенностей советской идеологии, механизмов внедрения идеологических догм в общественное сознание и способов восприятия и адаптации коммунистических идей населением [24–26].

Как видим, вопросы внедрения идеологических постулатов в образовательный процесс изучались исследователями в основном в общероссийском масштабе, в рамках определения общих тенденций развития образования, или вскользь, в контексте исследования парадигм распространения и восприятия коммунистических идей. Идеологические процессы в провинциальных учебных заведениях, как правило, специально не рассматривались. Данное исследование, подготовленное в основном на региональных материалах, восполняет данный пробел. Вопросы организации в учебных заведениях Центрального Черноземья 1930-х гг. партийной пропаганды в рамках обучения и в свободное от занятий время, а также воспитания школьников в духе коммунистического патриотизма в данной работе ставятся впервые.

К источниковой базе исследования в первую очередь относятся материалы Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, также используются материалы Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории.

Новизна изучаемой темы и привлечение в научный оборот не исследованных ранее архивных документов объясняют актуальность данной статьи. Кроме того, тема исследования пересекается с современными дискуссиями о необходимости идеологической работы в школе и о допустимых видах этой работы. Сегодня очень важно, изучив опыт прошлого и проанализировав ошибки, найти правильные действенные формы патриотического воспитания, которые, не навязывая идеологические постулаты, не вызывая отторжения, будут способствовать формированию современной позитивной идентичности и гражданских установок в сознании молодежи.

Коммунистическое воспитание реализовывалось на практике по нескольким направлениям: как часть образовательных программ по учебным предметам, посредством деятельности детских и подростковых коммунистических организаций, через вовлечение школьников в социалистическое соревнование и органы детского самоуправления. Формированию советского мировоззрения должны были способствовать внеурочные мероприятия, такие как посещение театров, музеев, библиотек, участие в митингах, шествиях и собраниях.

В ходе образовательной реформы 1931–1932 гг. в централизованном порядке кардинально менялись образовательные программы. В специальном решении Коллегии Народного комиссариата просвещения «Об основных направлениях построения программ начальной и средней школы» к задачам разрабатываемых образовательных программ относились: обеспечение выдержанного коммунистического воспитания, выработка у учащихся диалектико-материалистических взглядов на природу и общество, усиление борьбы против антипролетарской идеологии [27. Л. 36]. Также указывалось, что программы должны обеспечивать «…практическое участие детей в социалистическом строительстве» с целью «…осмысливания общественных, природных, производственных процессов и явлений», «…выработки марксистско-ленинского мировоззрения», воспитания «активного и сознательного участника социалистического строительства» [27. Л. 36–37].

Образовательные программы были пересмотрены таким образом, что в преподавание всех учебных дисциплин вводилась идеологическая составляющая. Особое место в идеологическом воспитании учащихся советской школы коммунистические идеологи отводили обществоведению и истории. Эти предметы определялись как дисциплины, которые непосредственно подводят детей к важнейшим вопросам коммунистического миропонимания, давая учащимся партийную ориентировку во всей общественно-политической обстановке. История и обществоведение должны были обосновы-

вать и на примерах доказывать историческую значимость пролетарской диктатуры, неизбежность победы над врагами коммунизма, роль вождей в строительстве светлого будущего и их историческое величие.

Идеологическая составляющая содержалась в новых образовательных программах не только по обществознанию и истории, но и по всем другим дисциплинам школьной программы с первого по последний класс. Коммунистическая идеология внедрялась в сознание школьников сразу по нескольким смысловым линиям: антирелигиозное воспитание, пропаганда пролетарского интернационализма, героизация революционного прошлого, восхваление достижений и перспектив советского строя. Особое место в продвижении коммунистической идеологии занимали военизация и вытекающие из нее практики военно-патриотической подготовки [28. С. 649–650]. Советское государство, родившееся в условиях тотальной войны, институционализировало практики военного времени и закрепляло их посредством официальных каналов распространения информации пропагандистского и идеологического характера. Это делалось, как отмечает Д. Хоффманн, не только ради сдерживания внешних угроз, но и для развития экономики и переделки самого общества [29. P. 626].

Если в конце 1920-х гг. учителя «старой закалки» еще могли позволить себе заявить об отказе воспитывать классовую ненависть: «…я могу сказать детям только о том, что надо любить всех людей, что социализм есть царство любви и мира и что они поэтому должны любить социализм» [30. С. 79; 31], то к середине 1930-х гг. подобное свободомыслие было окончательно искоренено, учителя должны были чеётко следовать обозначенным в программах идеологическим догмам [32. P. 9–10].

Внушаемые советским школьникам идеологемы социалистического классового патриотизма были отечественной спецификой общеевропейских тенденций и методов преобразования сознания и поведения людей. Отличие заключалось в том, что коммунистическая агитация использовала пафос патриотизма для новых целей советской модернизации [23. P. 4–8]. Характерной особенностью внедрения в общественное сознание идеологических постулатов было создание и тиражирование постоянно повторяющихся с незначительными модификациями текстовых и ритуальных клише, которые усваивались населением через участие в политических ритуалах, собраниях, митингах, демонстрациях, празднованиях [2. С. 209], через усвоение информации официальных текстов, в том числе учебно-образовательного характера. С. Коткин, безусловно, прав, говоря о важности «бесконечного повторения правильных слов» в процессе их превращения во внутренние категории индивидуального сознания [33. С. 282].

Образцовое внедрение идеологических компонентов и пропагандистских клише новых образовательных программ показала 3-я Фабрично-заводская семилетка г. Орла. В первой группе (классе) первой ступени данной школы антирелигиозное воспитание проводилось на уроках обществоведения, русского языка и естествознания. При разработке темы по обществоведению «Труд крестьянина в колхозе» внимание детей останавливалось на тезисе, что «попы – враги колхозов», детям внушалось, что «религия затемняла сознание крестьян, попы подговаривают крестьян против колхозов, говоря им, что колхозы – дело вредное». Беседы закреплялись чтением учителем статьи о каком-нибудь случае из жизни колхозов. На уроке русского языка детьми читалась статья «Поп – враг колхозов», записывались выводы. Антирелигиозная тематика актуализировалась в рождественскую и в антипасхальную кампании [34. Л. 116].

На уроках естествознания внимание детей заострялось на том, что в природе все изменяется по определенным законам. Прорабатывались темы: осень, зима, весна, жаркие и холодные страны. Естествоведческий материал закреплялся на уроках русского языка чтением, письмом, заучиванием стихотворений.

Интернациональное воспитание проводилось на уроках обществоведения. Так, при проработке темы «Октябрята» школьникам разъяснялось, что октябрята – товарищи детям трудящихся всего мира. При проработке тем «Октябрьская революция», «Ленин – вождь рабочего класса», «1-е мая» ученикам доказывалось, что «интересы трудящихся всех стран одинаковы». Этот вопрос затрагивался и на уроках естествознания. При освоении темы «жаркие страны» дети узнавали, что их жители находятся под властью капиталистов и тоже борются за освобождение.

Во второй группе по теме «Огород и сад осенью» разбирались суеверия, их нелепость и вред. Тема охраны здоровья затрагивала проблематику церковных обрядов. Доказывался тезис о негигиеничности и вреде церковных обрядов: причащения, целования крестов, икон. Приводились аргументы, объясняющие вред от знахарей и колдунов [34. Л. 116].

При изучении темы «Положение женщины и детей при советской власти» идеологическими штампами обосновывались роль религии в закрепощении женщин, происхождение Рождества и его вред для строительства социализма. Интернациональное воспитание затрагивалось при обсуждении темы «Как жили разные национальности до Октября и что они получили после Октября». Военно-патриотическая проблематика поднималась при изучении естествознания в теме «Роль лошади и собаки в обороне страны».

В третьей группе во время санитарных часов подчеркивалось «распространение заразы через религиозные обряды». При прохождении темы «Гром и молния» в рамках курса естествознания объяснялась нелепость религиозных верований, связанных с явлениями природы. Тема «Жизнь растений» раскрывала вред суеверий, связанных с посевным материалом, тема «Земной шар» объясняла школьникам, какой вред религия причиняла науке. При ее изучении рассказывалось о мучениках науки: Галилее, Копернике, Джордано Бруно. В рамках курса обществоведения объяснялось происхождение религиозных праздников, в негативном свете рисовалась «роль духовенства во время борьбы рабочих с царским правительством», учащимся рассказывалось, что священники выступали против освобождения трудящихся от темноты и угнетения.

Интернационализм продвигался в сознание школьников через объяснение общности интересов трудящихся всех стран и рассказ о деятельности интернациональных объединений: Коминтерна и КИМа (Коммунистического интернационала молодежи). В сознание школьников внедрялись следующие идеологемы: «Трудящиеся СССР – друзья всех угнетенных народов, мы помогаем им в борьбе за освобождение от угнетателей», «1 мая рабочие всего мира объединяются против капиталистов», «Пионеры и октябрята – товарищи детям трудящихся всего мира». Военно-патриотическая тематика затрагивалась при изучении значения топографии в обороне страны.

В четвертой группе тематика интернационализма прослеживалась в темах по обществоведению: «Борьба рабочих на Западе» и «Угнетение рабочих в колониях». Антирелигиозная тематика затрагивалась при изучении связи религиозных организаций с вредительством в курсе обществоведения, а также при рассмотрении опытов Мичурина и при изучении теории Дарвина о животном происхождении человека в курсе естествознания. Военно-патриотическая тематика обозначалась во время рассказа о подготовке капиталистами новой империалистической войны при обсуждении тем «Оборона СССР» и «Укрепление Красной Армии» [34. Л. 116 об.].

В школе второй ступени коммунистическое воспитание еще больше, чем на предыдущем этапе обучения, выходило за рамки предметов гуманитарного цикла. На уроках математики большое место отводилось антирелигиозному и интернациональному воспитанию. В пятой группе обрабатывался цифровой материал школьных ячеек общественных организаций. В шестой и седьмой группах материал алгебраических заданий буквально «притягивали за уши» к социалистической идеологии. В отчете о работе 3-й ФЗС г. Орла идеологическую работу на уроках математики обосновали странной фразой: «Увязка программного материала с комвоспитанием имела место при проработке тем: состояние и решение задач с одним и многими неизвестными, составление и решение задач на квадратные уравнения» [34. Л. 117].

На уроках биологии в пятой группе рассматривался вред суеверий и религиозных представлений, связанных с посевами сельскохозяйственных культур. В шестой группе на уроках зоологии учащимся научно объяснялись происхождение земли и возникновение жизни, разоблачалась несостоятельность религиозных взглядов о сотворении мира, а также «классовая сущность учения религии о неизменности и постоянстве видов и их божественном происхождении». В седьмой группе продолжалось изучение эволюционного развития животного мира. [34. Л. 117]. В восьмой группе в качестве аргументов, доказывающих ложность религиозных верований в божественное происхождение и бессмертие души, приводились сведения о психической деятельности человека и животных, утверждалось, что сходство и развитие зародышей животных указывает на единство их происхождения.

Во время изучения физики в пятой группе при знакомстве с метрической системой мер рассматривалась революция как пример прогресса в жизненных укладах и привычках людей, обосновывалось значение лозунга «Догнать и перегнать западные и капиталистические страны». По теме «Твердое тело» при знакомстве с трактором и танком была проведена беседа на тему: «Почему мы должны содействовать индустриализации и закреплению военной мощи СССР». По теме «Свойства газов» рассматривалось значение авиации для обороны СССР. В шестой группе в связи с проработкой вопроса о рациональном сжигании топлива была проведена беседа на тему: «Борьба с потерями при рациональном использовании природных богатств возможна лишь в социалистическом обществе». В седьмой группе при изучении электричества уяснялась ленинская установка о значении электричества в строительстве социализма. В восьмой группе давался исторический очерк о борьбе научной мысли с религиозными устоями. Проработка материала по физике должна была даваться через призму формирования у учащихся диалектического мировоззрения, что достигалось соответствующей трактовкой отдельных мест программы, таких как понятие о движении материи, энергии, силе.

На уроках химии в шестой группе химические знания использовались для опровержения религиозных чудес [34. Л. 117 об.]. В седьмой группе при разборе темы «Азот» детям объяснялось, что урожай зависит не от Бога, а от применения удобрений. Тема военизации затрагивалась при объяснении значения азотной кислоты для производства взрывчатых веществ, при обосновании связи мирной и военной химии [24. С. 91].

На уроках изобразительного искусства и черчения на пятом и шестом годах обучения элементы коммунистического воспитания проявлялись в связи с зарисовкой предметов пионерского быта, во время бесед по искусству. В седьмой и восьмой группах – при выполнении эскизов и оформительных работ. Беседы по истории происхождения искусства содержали антирелигиозные элементы. Вычерчивание парабол полета снарядов находилось в контексте военизации как идеологической парадигмы.

На уроках иностранного языка прорабатывался материал к государственным праздникам, сравнивалось празднование 1 мая у нас и за границей, изучались лозунги, рассматривались вопросы экономического кризиса в капиталистических странах, проблемы безработицы. Начиная с шестой группы изучались интернациональные слова, возникающие в результате производственных процессов и революционной практики [34. Л. 118].

Курс истории строился в основном вокруг тем, посвященных героизации революционного прошлого, классовой борьбе на разных этапах истории в различных странах. На занятиях по обществоведению в старших классах подробно разбирались выступления и речи И.В. Сталина, в том числе речь «О работе в деревне», и выступление на съезде колхозников-ударников [35. Л. 134]. Это, с одной стороны, увязывало теоретический курс с современными политическими событиями, с другой стороны, способствовало закреплению в сознании старшеклассников идеологем, связанных с набиравшим силу культом личности вождя.

В документах «Культпропа» отмечается, что по обществоведению и истории все школы пришли к концу 1933/1934 учебного года с далеко не достаточными результатами. Неудовлетворительный результат фиксируется несмотря на то, что идеологическая направленность преподавания у большинства обществоведов отмечается как достаточно четко выраженная, уровень исторических знаний учащихся по сравнению с прошлыми годами показал значительные сдвиги, а содержание исторического курса в школе по новым программам значительно поднялось. Самый большой недостаток, зафиксированный контрольными работами и проверочными испытаниями – это поверхностность знаний. Школьники плохо знали хронологию, слабо понимали причинно-следственные связи в историческом процессе, показали слабую осведомленность в материалах газет и окружающей жизни [34. Л. 32]. Наиболее слабым местом являлись знания Конституции, извращаемые у многих учащихся до парадоксальных случаев. По мнению чиновников ОблОНО, преподавание обществоведения было недостаточно связано с общественно-полезной работой учащихся, недостаточно использовался элемент интернационального воспитания, в школах почти не работали с детской газетой. Несвоевременная подготовка Наркоматом просвещения новых программ и учебников привела к тому, что в 1933/1934 учебном году обществоведение по 6-му году обучения почти во всех школах не прорабатывалось и заменялось другими дисциплинами.

К недочетам в преподавании истории инспекторы ОблОНО относили: неумение связать биографические факты из жизни Маркса, Энгельса, Ленина с событиями из истории классовой борьбы, несостыкованность программ по истории (доклассовое общество) и обществоведения (середина XIX в.), незнание фактов, причинно-следственных связей, отсутствие знаний по исторической карте, доходящее до абсурда искажение исторических событий и явлений [36. Л. 5–10].

Наряду с хорошими знаниями, продемонстрированными учащимися школ Старо-Оскольского района, Селезневской ШКМ Тамбовского района, во многих школах знания школьников при проверке оказались крайне слабыми. Например, в контрольной работе, представленной в Наркомпрос, ученица Старожевской ШКМ написала: «…местный национализм – это евреи, татары и т.д.». Один из учеников, отвечая на вопрос по истории, писал: «Все эти утописты учились топить советскую власть, а советская власть хотела отобрать у них, у этих утопистов, имущество, потому что они не хотели переходить к социалистическому обществу» [36. Л. 59].

Большое значение в деле коммунистического воспитания и укрепления дисциплины отводилось октябрятской, пионерской и комсомольской организациям, которые в школах ЦЧО в годы первой пятилетки значительно выросли и окрепли (таблица).

Пионерская организация в школе, как правило, выступала организатором соцсоревнования и ударничества. Пионеры под руководством вожатых являлись организаторами внешкольной работы, проводили политинформацию в школах. По почину пионерской организации г. Орла в школе были организованы посты охраны школьного имущества, проводились конкурсы на лучшую тетрадь и чистую школу. Силами пионеров были организованы посты охраны школьных урожаев и сбор колосьев в колхозных полях (Гремячьевский район) [34. Л. 37].

Динамика развития детских и юношеских коммунистических организаций

Год	Октябрята	Пионеры	Комсомольское ядро в пионерской организации
1930	15 536	155 340	2 452
1932	27 762	230 864	10 233
1933	92 766	307 289	9 986

Примечание. Составлено по: [35. Л. 135].

Пионерская и комсомольская организации совместно с руководством школ организовывали участие школьников в мероприятиях, транслирующих формулы, клише и образы официальной пропаганды. Учащиеся участвовали в таких мероприятиях, как празднование 1 мая, годовщин Октябрьской революции, в митингах и собраниях, организованных в поддержку партийных съездов или по другим поводам, имеющим эмоциональную нагрузку. Личные впечатления и коллективная эмоциональность имели следствием закрепление в сознании ученика идеологически значимых ценностно-смысловых стереотипов, таких как любовь к Родине и пролетариату, восхищение вождями и в первую очередь товарищем Сталиным, преданность партии и революции, ненависть к врагам [37. Л. 9 об.; 38. Л. 122, 180–180 об.; 39. С. 204–220].

К недостаткам в работе пионерской организации контролирующие организации относили: слабость кадров вожатых пионеротрядов, низкий уровень переподготовки вожатых и недостаточное кураторство со стороны комсомольских организаций [35. Л. 136].

В качестве примера слабой работы комсомольской и пионерской организаций можно привести работу их ячеек в школе с. Сухие Гаи. Из отчета комиссии, проверявшей работу данной школы, следует, что «комсомольская ячейка не участвует в общественной жизни села, комсомольцы политически безграмотны, не разбираются даже в самых элементарных и простых вопросах жизни новой деревни, политики партии и правительства. Не проводился даже обмен комсомольских билетов в ячейке, члены организации имеют старые временные удостоверения, да и то не все. Райком комсомола, зная о таком положении в ячейке, не принял никаких мер к укреплению работы комсомольцев школы. Дело дошло до развала школьной комсомольской ячейки» [40. Л. 15].

Пионерский отряд в школе с. Сухие Гаи состоял из 43 ребят. Детей колхозников было 39, а детей единоличников – четверо. На протяжении всего года пионерский отряд не был оформлен организационно и полностью бездействовал. Отсутствовал Совет отряда, не были организованы звенья, не выбраны вожатые. Формально была предпринята попытка оформить отряд в звенья: руководители школы переписали пионеров по группам и стали считать, что звенья организованы. Отряд не имел ни помещения, ни знамени, ни

барабана, ни горна, ни один пионер не носил галстук. Отрядом «руководили» учителя в порядке прикрепления [40. Л. 16].

Помимо проведения воспитательной работы с детьми на уроках, в целях повышения политической активности учащихся и закладывания в их сознание новых принципов советского общежития школами организовывался ряд специфических видов ученической деятельности: соцсоревнование и ударничество среди детей, работа детского ученического самоуправления, внешкольная и общественно-полевая работа с учащимися.

Соцсоревнование шло по трем основным линиям: соревнование между школами, между группами внутри школ, индивидуальное соревнование между отдельными учащимися. Наиболее было распространено соревнование между группами внутри школ (85% школ области).

В 1933 г. до 50% учащихся были охвачены индивидуальным соревнованием и ударничеством. Социалистическое соревнование принимало различные формы: заключение конкретных договоров, систематическая проверка выполнения договоров. Соревнование разворачивалось по следующим пунктам:

1. За качество учебы (в большинстве договоров конкретно указывается качество проработки и успеваемость по отдельным дисциплинам. Например: «Обязуюсь успевать по всем предметам, а по физике и математике учиться на хорошо»).

2. Посещаемость.

3. Дисциплинированность (в договорах конкретно даются обязательства по дисциплинированности: не разговаривать на уроках, не толкаться в коридорах на переменах и т.д.).

4. Бережное отношение к тетради, книге, школьной мебели.

5. Общественная работа на шефствующем предприятии, в колхозе и школе и т.д.

6. Организация взаимопомощи отстающим товарищам (индивидуальная помощь слабым учащимся, организация кружков взаимопомощи, уголков в помощь отстающим и т.д.) [35. Л. 136].

Нельзя сказать, что форма социалистического соревнования была сплошной показухой, а работа по его организации сводилась к пустому формализму. В некоторых случаях соревнование способствовало действительному улучшению качества учебного процесса. Например, 5-я ФЗС г. Воронежа, Чернянская ШКМ, Залуженская школа Лискинского района, Тамбовская школа № 5, школы г. Орла и другие добились, в том числе благодаря соревнованию, значительных результатов в повышении качества учебы, посещаемости, дисциплины.

Детское ученическое самоуправлении (ДСУ) в идеале должно было являться «помощником учителя и организатором детворы». ДСУ назначало дежурных в классе, коридоре, следило за чистотой и порядком в школе, руководило соревнованием и ударничеством среди учащихся, организовывало перемены, клубно-кружковую работу, помогало отстающим ученикам, создавало общественное мнение вокруг недисциплинированных школьников, организовывало общественную работу в школе [34. Л. 36, 37]. Школьное ученическое самоуправление должно было быть той средой, в которой в ходе совместной работы, обсуждений и коллективного досуга идеологические постулаты верности Родине, партии и коммунизму закреплялись бы на подсознательном уровне, становились органичной частью мышления и самой жизни.

В то же время во многих школах работа ДСУ была формализована и существовала лишь для отчетности. В работе органов ДСУ, по замечанию проверяющих ОблОНО, часто не чувствовалась заинтересованность учащихся, роль ученического самоуправления сводилась к простому выполнению указаний педагогов [36. Л. 18]. В уже упомянутой школе с. Сухие Гаи педагоги ни разу не занимались вопросами организации самоуправления учащихся. Учащиеся этой школы были твердо убеждены в том, что побои, грубый оклик, наказание, удаление из класса – нормальная педагогическая практика [40. Л. 16]. Поэтому на основе данного убеждения они избирали такие же меры поднятия дисциплины. Приведем протокол собрания учащихся 5-й группы, со всеми грамматическими ошибками:

«ПРОТОКОЛ № 1

Общей горупповой собрании 13/1-33 года присутствовало 31 чел Поветка дня

1/ О дисцыплины в группе.

2/ Об укреплении учеников к неграмотным.

3/ разный

СЛУШАЛИ

Доклад тов. Комарова по первому вопросу по второму вопросу слушади доклад тов Ефромеева

ПОСТАНОВИЛИ

Одесциплины что если учитель зделал ученику в урок три замечание следовательно выгонять из класса и тд.»

Очевидно, что в таких школах, с таким отношением педагогов к учащимся процесс идеологического воспитания детей был пущен на самотек, и государственная программа идеологической работы воплощалась в лучшем случае в бумажных отчетах и рапортах.

Несмотря на значительную формализованность ДСУ, школьного социалистического соревнования и ударничества, эти формы несли определенную политическую и идеологическую нагрузку, они закрепляли в сознании детей в первую очередь те виды взаимодействия между людьми, которые советская власть считала приемлемыми и единственно возможными в строящемся коммунистическом обществе: коллективизм, взаимовыручку, соревнование, иерархию ролей и статусов, подчинение вышестоящим товарищам и беспрекословную исполнительность, а также взаимную ответственность, оборотной стороной которой были стукачество и доносительство.

При школах ЦЧО к январю 1934 г. было создано 110 клубов. Во многих школах во время перемен организованно проводились коллективные игры, песни, пляски. Выросла сеть кинофицированных школ (на 1 января 1932 г. их было 180, на 1 ноября 1933 г. – 278). Увеличилось количество специальных внешкольных учреждений для детей: в 1932 г. было 23 детских технических станции, в 1933 г. – 35. В 1933 г. организованы 3 станции художественного воспитания детей, 4 детских экскурсионно-туристических станции [36. Л. 18].

Развивалась в школах ЦЧО и кружковая работа. Создавались кружки литературные, драматические, хоровые и юных натуралистов. Однако охват учащихся кружковой работой не был значительным, кружки не имели конкретных планов, часто кружковая деятельность сводилась к работе по овладению «основами наук», т.е. являлась, по сути, простыми дополнительными занятиями по предметам. Учет работы кружков также практически не велся. В некоторых случаях причинами слабой работы кружков являлись занятия в две смены, отсутствие освещения и топлива [36. Л. 18]. Развертывалась работа добровольных обществ, таких как МОПР (Международная организация помощи борцам революции), ОСО (Общество стрелкового оружия), ОДР (Общество друзей радио) и др. В некоторых школах имелись свои киноустановки и радиоустановки. Детские клубы, станции и кружки, несмотря на то что находились в начальной стадии формирования, играли значительную роль в закреплении в сознании учащихся тех идеологических установок, которые закладывались во время учебного процесса и пионерско-комсомольской деятельности.

Большое значение в воспитательной и идеологической работе уделялось организации перемен и физкультурным мероприятиям. Учителя совместно с учениками организовывали физкультминутки, прогулки, лыжные вылазки, игры, танцы.

Большую помощь в идеологической работе и коммунистическом воспитании школам оказывали библиотеки. Многие из них в каникулярное время разрабатывали программы по привлечению детей к культурному отдыху. Так, например, детская библиотека г. Орла открыла специальную детскую читальню в центральном городском парке, недалеко от пляжа и мест активного отдыха. Читальня являлась «для детей не только местом приятного и спокойного отдыха после усиленной затраты физической энергии, но и местом живого интереса и любимым уголком, где они проводят целые часы» [41].

В заключение следует сказать, что советский ребенок с ранних пор оказывался охвачен различными пропагандистскими мероприятиями, направленными на воспитание в нем черт, которыми советская идеология наделяла идеальных граждан – строителей коммунизма. Школа, пионерская и комсомольские организации должны были воспитывать преданность вождям партии, коллективизм, интернационализм и патриотизм. Все образовательные предметы изучались под идеологическим углом зрения, даже естественнонаучные дисциплины должны были затрагивать вопросы атеистической пропаганды, прикладного применения знаний в военном деле, важности развития советской промышленности и экономики. Практики соцсоревнования и организация ученического самоуправления прививали школьникам принципы совместной деятельности и личной инициативы. Библиотеки, кружки, станции, спортивные организации помимо своих основных целей также транслировали сообщения идеологического характера, развивая и повторяя идеи, усвоенные в школе, а также посредством кино и радио.

Коммунистическое воспитание, безусловно, давало свои плоды. Семена этих идей упали на плодородную почву, поскольку были созвучны духу времени и жизненным ощущениям нового поколения [26. С. 374–375]. Значительная часть молодежи проникалась идеями бескорыстного труда во имя всего человечества, разделяла идеи интернационализма и марксистскую идеологию, верила вождям, была готова стать «в ружье» по первому зову партии и советского правительства. В значительной степени лояльность первого советского поколения коммунистической власти объяснялась теми возможностями, которые перед ним открывались, в том числе благодаря преодолению безграмотности, получению образования, которое, по правильному замечанию Н. Козловой «было введением в политику» [42. С. 199]. В этом смысле образование и коммунистическое воспитание сыграли решающую роль в конструировании мировоззрения советской молодежи, формировании лояльного и патриотически настроенного большинства.

В то же время советская молодежь не представляла собой однородную массу. Исследователи и современники выделяют различные ее типы, в том числе конформистскую, инертную, асоциальную (хулиганствующую) и оппозиционно настроенную [2. С. 280; 43]. Специфическими особенностями Центрального Черноземья были быстрая урбанизация, связанная с притоком в города во многом озлобленного на советскую власть за перегибы коллективизации населения, и огромная, плотно населенная территория области, обусловившая неспособность партийных, советских и карательных органов оперативно справляться с разномыслием и критическими оценками населения. Главная цель коммунистического воспитания в советских школах – формирование нового человека – достигалась с большим трудом, с многочисленными сложностями и сбоями. Это был далеко не линейный процесс с заранее запрограммированным положительным результатом, потому что люди росли и воспитывались не только в идеальном мире советской пропаганды, но и в реальности барачного двора с сопутствующими проявлениями народной повседневности в виде тяжелого малооплачиваемого труда, отсутствия элементарных удобств, драк, пьянок, бытовых преступлений и т.п. Изучение диалектики процессов, направленных на формирование советского патриота с коммунистическими убеждениями, и результата советской педагогики – реального советского человека со всеми его недостатками и девиациями, может стать направлением будущих исследований как социальной истории первых десятилетий строительства социализма, так и истории образования.

Список источников

1. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1981. Т. 41. С. 20–93.

2. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : в 2 ч. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур. 462 с.
3. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всерос. съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, 25–26 октября 1917 г.] // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. С. 15–29.
4. Каррер д' Анкосс Э. Ленин / пер. с фр. А.Н. Скобелкина. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2008. 319 с.
5. О начальной и средней школе : постановление ЦК ВКП(б) от 05.09.1931. URL: http://istmat.info/node/53561 (дата обращения: 10.12.2019).
6. Об учебных программах и режиме начальной и средней школы : постановление ЦК ВКП(б) от 25.08.1932. URL: http://istmat.info/node/57330 (дата обращения: 10.12.2019).
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Политиздат, 1953. Ч. 2. 1202 с.
8. О структуре начальной и средней школы в СССР : постановление СНК СССР от 15.05.1934. URL: http://www.alppp.ru/law/obrazovanie--nauka--kultura/obrazovanie/42/postanovlenie-snk-sssr-ck-vkpb-ot-15-05-1934.html (дата обращения: 10.12.2019).
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1985. Т. 6: 1933–1937. 431 с.
10. Плясовских В.С. Политика КПСС в области народного образования: опыт разработки и реализации. М. : Мысль, 1987. 454 с.
11. Бибанов Т.П. Деятельность коммунистической партии по развитию и совершенствованию школ РСФР в 1929–1934 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1971. 20 с.
12. Кольцов А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928–1932). М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 74 с.
13. Липчанский А.М. Становление в России общего массового школьного образования в период социальноэкономических преобразований: 1861–1941 гг. Опыт, уроки : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2001. 30 с.
14. Анайкина Л.И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2001. 25 с.
15. Дайч З.Г. Школьная политика в СССР. Уроки партийно-государственного руководства, перспективы развития. М. : МПГУ, 1991. 382 с.
16. Левада Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг. 2001. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cheloveksovetskiy-problema-rekonstruktsii-ishodnyh-form (дата обращения: 10.12.2019).
17. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю.А. Левада. М. : Мировой океан, 1993. 300 с.
18. Зиновьев А. Гомо советикус. 1982 // Александр Зиновьев. URL: http:// www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homo-sovieticus.pdf (дата обращения: 10.12.2019).
19. Tischner J. Etyka solidarności oraz Homo sovieticus. Kraków : Znak, 2005. 296 s.
20. The long life of Homo sovieticus // The Economist. 2011. Dec. 10th. URL: https://web.archive.org/web/20121103051606/http://www.economist.com/node/21541444. (accessed: 10.12.2019).
21. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М. : МИК, 1994. 335 с.
22. Fritzsche P., Hellbeck J. The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany // Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared / M. Geyer, Sh. Fitzpatric (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 298–318.
23. Hoffmann D.L. Stalinist Values. The Cultural Norms of the Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2003. 247 p.
24. Невежин В.А. «Если завтра в поход…»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М. : Эксмо : Яуза, 2007. 316 с.
25. Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 341 с.
26. Кур-Королев К. Новый человек, или Социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М. : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина» : РОССПЭН, 2011. С. 374–375.
27. Государственный архив Российской федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2116.
28. Даренская И.В. Конструирование образа СССР как «осажденной крепости» в контексте милитаризации общественного сознания на Урале на рубеже 1920–1930-х гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 649–658.
29. Hoffmann D.L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. 2017. Vol. 76, is. 3. P. 620–629.
30. Степашко Л.А. Педагогика – революция – социализм (1917–1930-е гг.) Хабаровск : ХГПИ, 1980. 620 с.
31. Красильников С.А. Отечественная интеллигенция в постреволюционный и раннесталинский периоды: // Культура и власть в СССР, 1929–1950-е гг. : материалы междунар. науч. конф., СПб., 24–26 октября 2016 г. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2016.. С. 28–29.
32. Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life. New Haven ; London : Yale University Press, 2000. P. 9–10
33. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период : антология. Самара : Самарский гос. ун-т, 2001. С. 272–294.
34. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2625.
35. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2149.
36. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2623.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 376.
38. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282.
39. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М. : РОССПЭН : Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 439 с.
40. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2627.
41. Опыт организованного обслуживания детскими библиотеками учащихся во время летних и зимних каникул // Культурный фронт ЦЧО. 1934. № 3-4. С. 30–32.
42. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М. : Европа, 2005. 526 с.
43. Мазур Л.Н. Молодежь и революция: социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии (1922–1924) // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1011–1012.

References

1. Lenin, V.I. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 41. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 20–93.
2. Mazur, L.N. (ed.) (2018) *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyy proekt, 1917–1930-e gg.* [Early Soviet society as a social project, 1917–1930s]. Vol. 2. Ekaterinburg: Ural State University.
3. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 15–29.
4. Carrer d'Encausse, E. (2008) *Lenin*. Translated from French by A.N. Skobelkin. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.

5. TsK VKP(b). (1931) *O nachal'noy i sredney shkole: postanovlenie TsK VKP(b) ot 05.09.1931* [On primary and secondary school: resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of September 5, 1931]. [Online] Available from: http://istmat.info/node/53561 (Accessed: 10th December 2019).
6. TsK VKP(b). (1932) *Ob uchebnykh programmakh i rezhime nachal'noy i sredney shkoly: postanovlenie TsK VKP(b) ot 25.08.1932* [On the curricula and regime of elementary and secondary schools: Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 25, 1932]. [Online] Available from: http://istmat.info/node/57330 (Accessed: 10th December 2019).
7. Central Committee of the CPSU. (1953) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
8. The Council of People's Commissars of the USSR. (1934) *O strukture nachal'noy i sredney shkoly v SSSR: postanovlenie SNK SSSR ot 15.05.1934* [On the structure of primary and secondary schools in the USSR: Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of May 15, 1934]. [Online] Available from: http://www.alppp.ru/law/obrazovanie--nauka--kultura/obrazovanie/42/postanovlenie-snk-sssr-ck-vkpb-ot-15-05-1934.html (Accessed: 10th December 2019).
9. The CPSU. (1985) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. 9th ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat.
10. Plyasovskikh, V.S. (1987) *Politika KPSS v oblasti narodnogo obrazovaniya: opyt razrabotki i realizatsii* [The policy of the CPSU in public education: Development and implementation]. Moscow: Mysl'.
11. Bibanov, T.P. (1971) *Deyatel'nost' kommunisticheskoy partii po razvitiyu i sovershenstvovaniyu shkol RSFR v 1929–1934 gg.* [The activities of the Communist Party in the development and improvement of the schools of the RSFR in 1929–1934)]. Abstract of history Cand. Diss. Moscow.
12. Koltsov, A.V. (1960) *Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR v gody pervoy pyatiletki (1928–1932)* [Cultural construction in the RSFSR during the first five-year plan (1928–1932)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Lipchanskiy, A.M. (2001) *Stanovlenie v Rossii obshchego massovogo shkol'nogo obrazovaniya v period sotsial'noekonomicheskikh preobrazovaniy: 1861–1941 gg. Opyt, uroki* [Formation in Russia of general mass school education during the period of socio-economic transformations: 1861–1941. Experience, lessons]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
14. Anaykina, L.I. (2001) *Partiyno-gosudarstvennaya politika v sfere narodnogo obrazovaniya v RSFSR (1922–1991 gg.)* [Party and state policy in the field of public education in the RSFSR (1922–1991)]. Abstract of history Dr. Diss. Moscow.
15. Daych, Z.G. (1991) *Shkol'naya politika v SSSR. Uroki partiyno-gosudarstvennogo rukovodstva, perspektivy razvitiya* [School policy in the USSR. Lessons of party-state leadership, development prospects]. Moscow: MPSU.
16. Levada, Yu. (2001) "Chelovek sovetskiy": problema rekonstruktsii iskhodnykh form ["The Soviet man": The problem of reconstruction of the original forms]. *Monitoring*. 2. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/ cheloveksovetskiy-problema-rekonstruktsii-ishodnyh-form (Accessed: 10th December 2019).
17. Levada, Yu. A. (ed.) (1993) *Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet common man: A social portrait at the turn of the 90s]. Moscow: Mirovoy okean.
18. Zinoviev, A. (n.d.) *Gomo sovetikus. 1982* [Homo sovieticus. 1982]. [Online] Available from: http:// www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homo-sovieticus.pdf (Accessed: 10th December 2019).
19. Tischner, J. (2005) *Etyka solidarności oraz Homo sovieticus*. Kraków: Znak.
20. *The Economist*. (2011) The long life of Homo sovieticus. 10th December. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/ 20121103051606/http://www.economist. com/node/21541444 (Accessed: 10th December 2019).
21. Geller, M. (1994) *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and cogs. The history of the formation of the Soviet man]. Moscow: MIK.
22. Fritzsche, P. & Hellbeck, J. (2009) The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany. In: Geyer, M. & Fitzpatric, Sh. (eds) *Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 298–318.
23. Hoffmann, D.L. (2003) *Stalinist Values. The Cultural Norms of the Soviet Modernity, 1917–1941*. Ithaca; London: Cornell University Press.
24. Nevezhin, V.A. (2007) *"Esli zavtra v pokhod…": podgotovka k voyne i ideologicheskaya propaganda v 30-kh – 40-kh godakh* ["If tomorrow on a campaign ...": Preparation for war and ideological propaganda in the 1930s – 1940s]. Moscow: Eksmo: Yauza.
25. Livshin, A. (2010) *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii, 1917–1932 gg.* [Moods and political emotions in Soviet Russia, 1917–1932]. Moscow: ROSSPEN: B.N. Yeltsin Presidential Center Foundation.
26. Kur-Korolev, K. (2011) Novyy chelovek, ili Sotsial'naya inzheneriya pri stalinizme: nekrolog po mechtam o novom cheloveke [New man, or Social engineering under Stalinism: an obituary on the dreams of a new man]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya* [History of Stalinism: Results and Problems of Study]. Proc. of the International Conference. Moscow, December 5–7, 2008. Moscow: B.N. Yeltsin Presidential Center Foundation, ROSSPEN. pp. 374–375.
27. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-2306. List 69. File 2116.
28. Darenskaya, I.V. (2017) Konstruirovanie obraza SSSR kak "osazhdennoy kreposti" v kontekste militarizatsii obshchestvennogo soznaniya na Urale na rubezhe 1920–1930-kh gg. [Construction of the image of the USSR as a "besieged fortress" in the context of the militarization of public consciousness in the Urals at the turn of the 1920s–1930s]. In: Mazur, L.N. (ed.) *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* [The era of socialist reconstruction: Ideas, myths and programs of social transformations]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 649–658.
29. Hoffmann, D.L. (2017) The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context. *Slavic Review*. 76(3). pp. 620–629.
30. Stepashko, L.A. (1980) *Pedagogika – revolyutsiya – sotsializm (1917–1930-e gg.)* [Pedagogy – revolution – socialism (1917 – 1930s)]. Khabarovsk: KhSPI.
31. Krasilnikov, S.A. (2016) Otechestvennaya intelligentsiya v postrevolyutsionnyy i ranneestalinskiy periody [Soviet intelligentsia in the post-revolutionary and early Stalinist periods]. *Kul'tura i vlast' v SSSR, 1929–1950-e gg.* [Culture and power in the USSR, 1929–1950s]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg, October 24–26, 2016. Moscow: ROSSPEN: B.N. Yeltsin Presidential Center Foundation. pp. 28–29.
32. Siegelbaum, L. & Sokolov, A. (2000) *Stalinism as a Way of Life*. New Haven; London: Yale University Press. pp. 9–10.
33. Kotkin, S. (2001) Govorit' po-bol'shevistski [Speak Bolshevik]. In: *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period* [American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Soviet Period]. Samara: Samara State University. pp. 272–294.
34. The State Archive of Socio-Political History of Voronezh Region (GAOPI VO). Fund 2. List 1. File 2625.
35. The State Archive of Socio-Political History of Voronezh Region (GAOPI VO). Fund 2. List 1. File 2149.
36. The State Archive of Socio-Political History of Voronezh Region (GAOPI VO). Fund 2. List 1. File 2623.
37. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 376.
38. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 3. File 282.
39. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays]. Translated from German by V.T. Altukhov. Moscow: ROSSPEN: B.N. Yeltsin Presidential Center Foundation.
40. The State Archive of Socio-Political History of Voronezh Region (GAOPI VO). Fund 2. List 1. File 2627.

41. Anon. (1934) Opyt organizovannogo obsluzhivaniya detskimi bibliotekami uchashchikhsya vo vremya letnikh i zimnikh kanikul [Organized service of students by children's libraries during summer and winter holidays]. *Kul'turnyy front TsChO*. 3-4. pp. 30–32.
42. Kozlova, N. (2005) *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moscow: Evropa.
43. Mazur, L.N. (2017) Molodezh' i revolyutsiya: sotsial'nyy oblik partiynoy molodezhi Ekaterinburgskoy gubernii (1922–1924) [Youth and revolution: the social image of the party youth of the Yekaterinburg province (1922–1924)]. *Quaestio Rossica*. 5(4). pp. 1011–1012.

***Сведения об авторе*:**
Злобин Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий. (Воронеж, Российская Федерация). E-mail: anzlobin@bk, rudronns@yanex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Zlobin Andrey N. – Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy and History Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh Russian federation. E-mail: anzlobin@bk, rudronns@yanex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2020; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 16.04.2020; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(41/99)
doi: 10.17223/19988613/82/7

Благотворительная деятельность Ярославской епархии в 1900–1913 гг.

Юрий Юрьевич Иерусалимский[1], Светлана Юрьевна Иерусалимская[2]

[1, 2] Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия
[1] osniyar@uniyar.ac.ru
[2] osniyar@uniyar.ac.ru

Аннотация. Анализируется благотворительная деятельность Ярославской епархии в начале XX в. Благотворительность являлась важной составной частью социокультурной деятельности епархии. Особое внимание уделяется количественным и качественным показателям благотворительности ярославского духовенства. Анализируется работа богаделен, приютов, церковно-приходских обществ. Отмечена высокая социальная значимость благотворительности епархии, которая регулярно помогала малоимущим слоям населения.
Ключевые слова: Ярославская епархия, Русская православная церковь, благотворительность, социокультурная деятельность, начало XX в.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01231, https://rscf.ru/project/22-28-01231/

Для цитирования: Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю. Благотворительная деятельность Ярославской епархии в 1900–1913 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 65–70. doi: 10.17223/19988613/82/7

Original article

Charitable activities of the Yaroslavl diocese in 1900–1913

Yuri Yu. Ierusalimskiy[1], Svetlana Yu. Ierusalimskaya[2]

[1, 2] P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
[1] osniyar@uniyar.ac.ru
[2] osniyar@uniyar.ac.ru

Abstract. The purpose of the study is to clarify the scope of charitable activities of the Yaroslavl diocese as an important link in the socio-cultural activities of the Russian Orthodox Church at the beginning of the 20th century.
Sources on which the study is based. The disclosure of this problem became possible thanks to the preserved significant complex of historical sources on this issue. Among them are office documentation, statistical materials, periodicals and other types of historical sources. Some of them were published, such as, for example, "Collection of information about charity in Russia with brief essays on charitable institutions in St. Petersburg and Moscow", "Commemorative books of the Yaroslavl province" for 1900 - 1913, "Reviews of the Yaroslavl province" for the same period of time, others are stored in a number of funds of the State Archives of the Yaroslavl Region.
Brief content of the article. The article analyzes the charitable activities of the Yaroslavl diocese of the Russian Orthodox Church at the beginning of the 20th century. Charity was an important part of the socio-cultural activities of the diocese. Particular attention is paid to the quantitative and qualitative indicators of the charity of the Yaroslavl clergy and organizations of the diocese specialized in this direction. The work of almshouses, shelters, parochial societies, and other charitable organizations of the Yaroslavl diocese, which were active in all counties of the province, is analyzed. Considered are charitable collections in churches, the close connection of sobriety societies with the Yaroslavl clergy. The changes that have taken place in the charitable activities of the diocese in connection with the Russian-Japanese war of 1904-1905 are indicated. The study revealed that the long existence of parish guardianships in the villages of the Yaroslavl province shows certain material opportunities for local church parishes to support poor fellow villagers. It is emphasized that a significant part of charitable projects in the province in 1900 - 1913. was inseparably connected with the Yaroslavl diocese of the Russian Orthodox Church.
Conclusions - a positive trend was revealed in the development of the charitable activities of the Yaroslavl clergy during the study period, the high social significance of the social work of the Yaroslavl diocese of the Russian Orthodox Church, which on an ongoing basis helped the poor segments of the population, was noted.
Keywords: Yaroslavl Diocese, Russian Orthodox Church, charity, socio-cultural activities, the beginning of the XX century

© Ю.Ю. Иерусалимский, С.Ю. Иерусалимская, 2023

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01231, https://rscf.ru/en/project/22-28-01231/

For citation: Ierusalimskiy, Yu.Yu., Ierusalimskaya, S.Yu. (2023) Charitable activities of the Yaroslavl diocese in 1900–1913. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 65–70. doi: 10.17223/19988613/82/7

Тема благотворительности русских промышленников, купцов, государственных деятелей, членов императорской фамилии, Русской православной церкви (РПЦ) во второй половине XIX – начале XX в., как, впрочем, и в предыдущие периоды Российской империи, была совершенно не разработана в советской историографии. Лишь после 1991 г. она стала занимать достойное место в работах отечественных историков. Среди них стоит отметить книгу А.Р. Соколова и И.В. Зимина по благотворительной деятельности дома Романовых в XIX – начале XX в., статьи В.М. Кадневского, А.А. Хитрова и др.

Однако специальных работ по благотворительной деятельности Русской православной церкви и ее отдельных епархий существенно меньше. Социокультурная деятельность Ярославской епархии пореформенного времени проанализирована в работах А.Г. Любарца [1]. Он отметил, что благотворительность Ярославской епархии РПЦ в начале XX в. занимала значительное место в ее социокультурной деятельности. При этом благотворительность православных духовных учреждений епархии как составная часть социокультурной деятельности изучена недостаточно. Таким образом, благотворительность Ярославской епархии как важный элемент православной социокультурной деятельности в указанные хронологические рамки требует специального научного исследования.

Раскрытие данной проблематики стало возможным благодаря сохранившемуся значительному комплексу исторических источников. Некоторые из них были опубликованы, как, например, «Правила о православных церковных братствах и положение о приходских попечительствах при православных церквях» (СПб., 1897), другие хранятся в федеральных архивах и в Государственном архиве Ярославской области [2. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6818, 7016, 7022; Ф. 80. Оп. 1. Д. 1828; Ф. 230. Оп. 3. Д. 2557; Ф. 230. Оп. 5. Д. 2786, 4163].

В Ярославской епархии Русской православной церкви в 1900 г. насчитывалось 24 первоклассных, второклассных, третьеклассных и заштатных мужских и женских действующих монастыря и более 900 церквей. Все они вели активную благотворительную деятельность. Ярославская епархия, одна из старейших в Российской империи, организовала целый ряд благотворительных организаций и осуществляла помощь светским аналогичным обществам. Рассмотрим ее деятельность в данном направлении.

Хронологические рамки статьи ограничены 1900–1913 гг., так как после вступления России в Первую мировую войну благотворительная работа Ярославской епархии претерпела существенные изменения.

В г. Ярославле на протяжении изучаемого периода действовало несколько благотворительных учреждений, организованных Ярославской епархией РПЦ или тесно с ней связанных. В их числе городская Леонтьевская богадельня, Духовская приходская богадельня, Соединенное приходское попечительство при Закоторостных церквях, городская Предтеченская женская миссия (при церкви Иоанна Предтечи) и др.

Рассмотрим подробнее их деятельность. Так, городская Леонтьевская богадельня находилась в двухэтажном каменном здании, сохранившемся до наших дней (сейчас там располагается одно из отделений Ярославского областного УФСИН). Она была основана в далеком 1848 г. и располагалась возле храма во имя святителя Леонтия Ростовского и одноименного кладбища. Содержалась на средства городского общества. При богадельне имелся огород. В 1894 г. была открыта церковно-приходская школа. Школа с библиотекой содержалась на средства Ярославской епархии.

В начале XX столетия в городской Леонтьевской богадельне нашли приют 174 женщины и 54 мужчины. Расход на их призрение составлял 12 148 руб. 84 коп., а весь капитал общества на 1 января 1911 г. равнялся 64 043 руб. 63 коп. [3. С. 38]. Всего за год на одного призреваемого тратилась сумма 54 руб. 24,5 коп., а в месяц – 4 руб. 52 коп., что позволяло только-только обеспечить находящихся в богадельне питанием и самым необходимым. Для сравнения: средняя заработная плата ярославского рабочего на рубеже веков составляла 12 руб. в месяц.

Соединенное приходское попечительство при Закоторостных церквях было основано в 1891 г. для оказания помощи малоимущим прихожанам ярославских церквей Иоанна Предтечи, Петра и Павла, Николы в Меленках, Федоровской и Донской, расположенных за р. Которослью. Председателем попечительства являлся один из богатейших предпринимателей губернии и один из владельцев знаменитой Ярославской Большой мануфактуры А.А. Корзинкин, а его товарищем (заместителем) – протоиерей о. Федор Успенский, членами правления – священники церквей и «почетные прихожане» [4. С. 53], что показывает тесную взаимосвязь благотворительной деятельности представителей Ярославской епархии и состоятельных прихожан.

Соединенное приходское попечительство при Закоторостных церквях в начале XX в. тратило в год более 4 500 руб. [5. С. 51] и среди других мероприятий обеспечивало материальную помощь 10 малоимущим женщинам. На эту поддержку в год было израсходовано 500 руб. [3. С. 39], что составляло 4 руб. 16,5 коп. в месяц на человека. Не имея других средств к существованию, на указанные весьма скромные средства можно было не умереть с голода, но не более того.

В богадельне М.М. Литова при Ильинско-Тихоновской церкви, расположенной в самом центре Ярославля, в 1910 г. проживали 15 женщин. Расход на их призрение насчитывал 2 830 руб. 59 коп., что составляло

примерно десятую часть от весьма значительного по тем временам общего капитала богадельни в 28 840 руб. 36 коп. [3. С. 39].

Ярославская епархия уделяла внимание организации учебного процесса в своих духовных учебных заведениях. Так, в 1910 г. в общежитии Ярославской духовной семинарии (ЯДС) проживали 242 семинариста, в общежитии Епархиального Ионафановского женского училища – 319 воспитанниц. На содержание общежития и призрение только 242 семинаристов ЯДС Ярославская епархия израсходовала в указанном году существенную сумму в 38 898 руб. 90 коп. [3. С. 39].

Начиная с XIX в. в Ярославской епархии Русской православной церкви активно функционировали приюты для мальчиков и девочек. Ежегодно собираемые суммы достигали внушительных размеров в десятки тысяч рублей [2. Ф. 230. Оп. 5. Д. 2786. Л. 54]. В начале XX в. приюты действовали, в частности, при церковно-приходских попечительствах Ярославской епархии. Так, в 1910 г. в губернском центре активно работали приют Златоусто-Коровницкого попечительства при церкви Иоанна Златоуста в Коровницкой слободе Ярославля и два приюта (один для девочек, другой для мальчиков) при вышеупомянутой церкви Иоанна Предтечи в Закоторосльном районе губернского города. В одном из них нашли себе прибежище 50 девочек, на призрение которых было отпущено 3 510 руб. из 3 890 руб. капитала приюта, т.е. почти весь капитал. Как несложно подсчитать, содержание одной девочки в месяц обходилось в 5 руб. 85 коп. Приют для мальчиков этого же Предтеченского попечительства в том же 1910 г. обеспечивал призрение 31 мальчику. Расход на них в год суммы в 2 100 руб. (5 руб. 65 коп. в месяц) превышал весь капитал данного приюта (700 руб.) [3. С. 42]. Это объясняется тем, что имеющийся капитал приюта далеко не полностью покрывал необходимые затраты, и пришлось привлечь дополнительные средства.

Инициатива епархии в развитии приютов шла рука об руку с деятельностью ярославских предпринимателей в этом направлении. Так, 30 мая 1903 г. известный ярославский купец Н.М. Градусов подал в строительное отделение Ярославского губернского правления прошение на постройку приюта с церковью для Всеградского церковного попечительства на земле, находящейся в г. Ярославле по ул. Б. Федоровской [2. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1828. Л. 1].

В отчете секретаря Ярославской духовной консистории за 1901 г. были упомянуты 24 богадельни, состоявшие при церквях и монастырях. В них нашли призрение 353 человек [2. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4163. Л. 7–8], что показывает значительные масштабы церковной благотворительности Ярославской епархии.

При Тихвинской кладбищенской церкви Ярославского Казанского женского монастыря в 1901 г. на совместные монастырские и частные финансовые средства был создан богадельный приют на 10 лиц для немощных сестер обители и мирских стариц. Их содержание обеспечивалось доходом с двух каменных домов в Ярославле и тремя стипендиями по 1 000 руб. каждая [2. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4163. Л. 8].

На рубеже веков в известном Толгском мужском монастыре под Ярославлем за счет средств, собранных епархией, и частных пожертвований существовала больница для стационарного и амбулаторного лечения монахов и населения окрестных поселений с бесплатной выдачей лекарств всем пациентам (основана в 1890 г.) [2. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4163. Л. 8]. Так, в течение 1894 г. в больнице лежали 6 монахов, было зарегистрировано 110 амбулаторных посещений из числа братии. Помимо этого, в ней прошли амбулаторное лечение 50 девочек и 55 мальчиков, а также 470 женщин и 409 мужчин из соседних сел и деревень [2. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2557. Л. 38].

В 1896 г. при Югской Дорофеевой пустыни Рыбинского уезда было устроено просторное здание с приемной и аптекой для приходящих больных из местного населения. Приемная для больных и аптека продолжили функционировать и в начале XX в. Еще имелись больницы, оказывающие помощь не только монахиням, но и посторонним лицам, при четырех женских монастырях: Ярославском Казанском, Угличском Богоявленском, Мологском Покровском и Мологском Афанасьевском [2. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4163. Л. 8].

В 1904–1905 гг. Ярославская епархия в связи с русско-японской войной перестроила свою благотворительную деятельность. С 1904 г. наряду с прежними направлениями благотворительности проводился сбор средств для нужд армии, осуществлялась посильная помощь раненым и больным воинам, прибывавшим в центральную Россию с Дальнего Востока.

В начале века в епархии продолжило активную работу Ярославское попечительство о бедных духовного звания [6. С. 845]. В его ведении находилась Иоанникиевская богадельня при Пятницко-Туровской церкви в с. Тугова гора неподалеку от Ярославля. Богадельня была основана в 1880 г. исключительно для лиц духовного звания [4. С. 16]. Капитал богадельни в конце XIX в. составлял значительную сумму в 22 400 руб. В одноэтажном каменном здании стоимостью в 6 тыс. руб. размещались 10 призреваемых (9 женщин и мужчина) [2. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2557. Л. 49; 6. С. 845]. На рубеже столетий на содержание Иоанникиевской богадельни расходовалась лишь часть процентных денег с фондового капитала – около 500 руб. в год [2. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7016. Л. 5].

В 1892 г. Ярославская епархия Русской православной церкви стала инициатором создания благотворительного общества «Христианская помощь». Оно находилось в с. Великое при церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Общество имело значительный капитал и даже издало брошюру, где говорилось о деятельности, целях и задачах данного благотворительного учреждения [2. Ф. 79. Оп. 7. Д. 4261. Л. 57–66; 7]. Целью общества провозглашалось искоренение нищенства. Для этого епархиальное начальство заботилось о материальной поддержке подрастающего поколения из малоимущих семей и о лицах преклонного возраста, не обеспеченных финансово.

С целью поддержки указанных категорий населения общество «Христианская помощь» содержало интернат для 20 девочек и мальчиков при церковно-приходской школе и богадельню, в которой прожива-

ли в 1899 г. на полном обеспечении 19 женщин и мужчин [4. С. 16], а в 1910 г. – 20 женщин и мужчин, на содержание которых расходовалось 1 180 руб. 14 коп. от общего капитала общества в 125 340 руб. 88 коп. [3. С. 40]. Следовательно, сумма, израсходованная в 1910 г. на 20 человек, составляла менее 1% от общего капитала общества. Эти данные показывают его устойчивое финансовое положение и существенные материальные возможности для осуществления благотворительной деятельности.

Также Ярославская епархия Русской православной церкви обеспечила общество достойным жилым фондом: в конце XIX в. «Христианская помощь» располагала тремя зданиями общей стоимостью 12 800 руб. В 1904 г. приход от членских взносов, единовременных пожертвований и процентов на капитал данной благотворительной организации равнялся 6 272 руб. 69 коп., а остаток ее капитала на 1 января 1905 г. составлял 2 379 руб. 36 коп. [5. С. 50]. В 1910 г. на нужды общества «Христианская помощь» поступили 1 680 руб., которые были полностью израсходованы для благотворительной деятельности [3. С. 45].

В г. Ростове в начале столетия продолжал функционировать Дом призрения имени Святителя Димитрия Ростовского (Дмитриевская богадельня), основанный в 1865 г., а в Ростовском уезде – Троицеборское церковно-приходское попечительство, созданное в 1888 г. [4. С. 17].

На рубеже столетий в Ростовском уезде находилась богадельня для призрения заштатных священнослужителей и их вдов и сирот при Ростовском заштатном Троице-Варницком монастыре (основана в 1893 г.) с 6 призреваемыми (4 женщины и 2 мужчины) с капиталом в 15 700 руб. Она располагалась в деревянном доме с флигелем и надворными постройками стоимостью 7 500 р. Также на Ростовской земле функционировала богадельня при церкви в с. Вески для призрения 12 лиц духовного звания (заполнена не полностью: 6 женщин и 4 мужчины) с капиталом в 12 078 руб. 56 коп. Она располагалась в двух каменных домах. При церковной богадельне для поддержания необходимых санитарных условий имелась баня. Общая стоимость каменных зданий с баней составляла 3 000 руб. [2. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2557. Л. 42, 46]. В начале XX в. в Троице-Варницком монастыре призревалось уже 20 человек, а в с. Вески по-прежнему 10 [2. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4163. Л. 7–8].

В начале XX в. в Ростовском уезде продолжало активно действовать Вощажниковское благотворительное общество, основанное Ярославской епархией в одноименном селе в 1888 г. Его целью являлась помощь бедным хлебопашцам, погорельцам и сиротам. Стабильному финансированию данного проекта епархии способствовала работа специального завода [6. С. 842–843], прибыль которого шла на нужды общества. В 1904 г. в общество поступила неплохая для сельской местности сумма в 1 748 руб. 39 коп. [5. С. 50], а в 1910 г. еще большая – 2 501 руб. 96 коп. [3. С. 45], что демонстрировало его все увеличивающуюся финансовую стабильность. У общества, как и у подавляющего большинства благотворительных учреждений епархии, имелся отпечатанный типографским способом и утвержденный соответствующим образом Устав, его годовые отчеты также регулярно печатались в типографии для всеобщего ознакомления [2. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6962. Л. 1–20]. Это обеспечивало гласность работы данной организации и контроль за расходованием средств.

В Пошехонском уезде в изучаемый период под патронажем Ярославской епархии действовало два церковно-приходских попечительства в селах Кукобой и Новленском. Они материально помогали неимущим детям, обучающимся в Кукобойской церковно-приходской школе [6. С. 842], выдавали пособия бедным крестьянам и сиротам, а также погорельцам [4. С. 17].

В начале столетия два аналогичных церковно-приходских попечительства функционировали в Даниловском уезде: в селах Куприяновском и Вахтино [4. С. 18]. Так, в 1910 г. Вахтинское церковно-приходское попечительство осуществляло призрение 8 женщин, на которых было израсходовано 222 руб. (2 руб. 31 коп. в месяц на человека – совсем небольшая сумма по тому времени, даже принимая во внимание возможности подсобного хозяйства и дешевизну продуктов в сельской местности) от общего капитала попечительства в 2 050 руб. [3. С. 40]. Следовательно, в 1910 г. попечительство потратило на материальную поддержку 8 человек 10,83 % от суммы капитала.

В уездном городе Любиме существовало приходское попечительство при соборе, учрежденное в 1897 г. В одноименном уезде также имелось 6 церковно-приходских попечительств в селах Пречистом, Троицком (в Закулжье), Троицком (на Болоте), Кодорове, Покровском (в Кулиге), Предтеченском (на Соти), которые были организованы в промежутке между 1868 и 1894 гг. [4. С. 18–19].

Таким образом, достаточно длительное существование указанных церковно-приходских попечительств в селах Ярославской губернии показывает определенные материальные возможности местных церковных приходов для поддержки малоимущих односельчан.

В конце XIX в. целый ряд благотворительных организаций был открыт в Рыбинске: Соборно-приходское попечительство (1892), Покровско-приходское попечительство, Приходское попечительство при кладбищенской Воскресенско-Тихоновской церкви (1897) и Братство Св. Креста при Воздвиженской церкви (1897). В Рыбинском уезде в 1900 г. продолжили свою работу богадельни в с. Никольском, что на Тропе, и в с. Никольском, что на Курбице, а также 6 церковно-приходских попечительств в различных населенных пунктах уезда.

В г. Угличе в начале столетия функционировал детский сиротский дом при Николо-Сухопрудской церкви. Он был основан в 1891 г. на средства богатейшего купца Д.А. Жаренова. Фондовый капитал детского дома насчитывал 14 400 руб. В нем на рубеже веков призревались от 14 до 21 девочек. Расходы на содержание данного детского дома составляли 1 725 руб. в год [2. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6818. Л. 54; Д. 7022. Л. 2], что соответствует 6,8 руб. в месяц на одну воспитанницу. Этой суммы было достаточно для относительно сносного питания и покупки некоторых вещей из одежды.

В 1904 г. неприкосновенный капитал в угличском детском сиротском доме составлял уже 17 900 руб., а стоимость недвижимого имущества – 6 000 руб. [2. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3510. Л. 21]. К 1 января 1904 г. в Никола-Сухопрудском детском сиротском доме находились 19 воспитанниц. В течение года в него приняли еще 3 девочек. За то же время из сиротского дома выбыли 4 девочки: две, достигнув 16-летнего возраста, окончили воспитание, две умерли, что показывает достаточно тяжелые условия жизни в данном благотворительном учреждении. По примеру прежних лет дети обучались грамоте, шитью и другим женским рукоделиям, домоводству и огородничеству. По воскресеньям и праздничным дням в продолжение всего года воспитанницы пели при богослужении в своем приходском храме. В летнее время все работы по обработке сада и огорода, кроме самой тяжелой, а именно копки гряд, исполняли сами воспитанницы [2. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3510. Л. 27].

В Угличском уезде также находились Александровская церковно-приходская богадельня в с. Заозерье (учреждена в 1892 г.) и 11 церковно-приходских попечительств [4. С. 19–22]. Так, в 1910 г. в с. Никольском Угличского уезда церковно-приходским попечительством было осуществлено призрение 14 лиц женского и мужского пола на сумму 454 руб. 76 коп. от общего капитала попечительства в 17 611 руб. 18 коп. [3. С. 41].

Следовательно, церковно-приходские попечительства в 1900–1913 гг. играли важную роль в поддержке социокультурной деятельности Ярославской епархии Русской православной церкви. Так, в 1904 г. в епархии действовали 186 попечительств, 13 из которых были открыты в указанном году. Все попечительства епархии сделали пожертвования на общую сумму в 44 615 руб. 43 коп., из которых на подержание и украшение церквей было потрачено 11 134 руб. 34 коп., на церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах – 32 199 руб. 80 коп., на содержания причта – 1 281 руб. 29 коп. [3. С. 54]. Эти цифры показывают, что основным направлением деятельности церковно-приходских попечительств епархии являлась благотворительность.

Для выявления динамики рассмотрим подобные показатели через шесть лет. В 1910 г. в епархии насчитывалось 143 попечительства, которые потратили 30 434 руб. 21 коп. Из этих денег на подержание и украшение церквей пошло 6 980 руб. 46 коп., на церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах – 23 324 руб. 22 коп., на содержания причта – 129 руб. 53 коп. [3. С. 48].

Таким образом, за прошедший период с 1904 г. видна отрицательная динамика и в количестве попечительств, и в финансовой составляющей их деятельности. Уменьшение количественных показателей связано с экономической стагнацией в 1905–1909 гг., вызванной негативным влиянием на экономическое развитие империи первой российской революции 1905–1907 гг. и русско-японской войной 1904–1905 гг.

В 1900–1913 гг. в Ярославской епархии действовали различные общества трезвости, которые существовали за счет взносов своих членов. На средства таких обществ содержались чайные с бесплатным чаем для участников. Зачастую общества трезвости возглавлял местный священник, а товарищем председателя являлся батюшка из соседнего села. Члены общества во время своих мероприятий регулярно посещали богослужения в церкви, участвовали в крестных ходах [2. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3510. Л. 194–206].

В начале XX в. в церквях Ярославской епархии продолжались благотворительные сборы как постоянного, так и единовременного характера. Делопроизводственная переписка епархии буквально наполнена подобными сюжетами, причем встречаются предложения и от зарубежных православных церквей. Кружечные сборы в храмах являлись традиционными для православного духовенства и зачастую шли на различные социальные проекты. Контроль за их расходованием со стороны епархиальных властей был очень строгим [8. С. 22], поскольку злоупотребления в этом вопросе могли подорвать престиж Русской православной церкви среди верующих.

Всего в 1899 г. в Ярославле насчитывалось 15 специальных благотворительных учреждений, а в губернии – 47 [2. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7022. Л. 1–2]. Через пять лет в Ярославской губернии действовали 70 богаделен, 29 приютов и 40 различных благотворительных обществ, в которых призревались 1 962 женщины, 2 052 мужчины, 501 девочка и 553 мальчика. Значительную часть из них составляли благотворительные учреждения, связанные с Ярославской епархией. На содержание указанных богаделен, приютов и благотворительных учреждений в 1904 г. в городах губернии было потрачено 170 628 руб. от общего фондового капитала в весьма существенную сумму в 1 627 403 руб. 37 коп. [5. С. 41, 43].

Для выявления динамики приведем аналогичные данные шесть лет спустя. В 1910 г. в губернии насчитывалось 84 богадельни и общежития, 36 приютов и 31 другое благотворительное общество, в которых находились 1 938 женщин и 891 мужчина, 603 девочки и 464 мальчика. На это благотворительными организациями было потрачено 249 695 руб. 38 коп. от их общего капитала, насчитывающего 1 992 971 руб. 92 коп. [3. С. 38, 41]. Большую роль в дело развития благотворительности в губернии в 1910 г. продолжала вносить Ярославская епархия.

Следовательно, за шесть лет численность благотворительных организаций губернии практически не выросла, количество призреваемых также осталось без существенных изменений, в то время как траты на их содержание возросли вместе с общим капиталом самих обществ. В эти весьма существенные суммы внесли свой вклад и благотворительные организации, напрямую связанные с Ярославской епархией Русской православной церкви. Всего в 1900–1913 гг. доля благотворительных организаций Ярославской епархии и связанных с ней обществ составляла в губернии в разные промежутки времени от 10 до 20% от общего количества подобных учреждений.

Таким образом, благотворительность Ярославской епархии играла существенную роль в ее социокультурной деятельности. Приюты, церковно-приходские

общества, богадельни, другие благотворительные организации Ярославской епархии активно функционировали во всех уездах губернии. Благотворительные учреждения епархии в ряде случаев обладали значительными материальными возможностями, однако даже в тех случаях, когда финансовых средств не хватало, ярославское духовенство оказывало посильную материальную и духовную поддержку малоимущим и престарелым. Многие благотворительные проекты в губернии проходили с деятельным участием Ярославской епархии Русской православной церкви. В целом следует отметить высокую социальную значимость благотворительной деятельности ярославского духовенства, направленную на решение проблем неимущих слоев населения.

Список источников

1. Любарец А.Г. Социокультурная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в. : дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2011. 214 с.
2. Государственный архив Ярославской области.
3. Обзор Ярославской губернии за 1910 год. Ярославль : тип. Губ. правления, 1911. 76 с.
4. Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 год. Ярославль : Изд. Ярославского Губ. правления, 1900. 540 с.
5. Обзор Ярославской губернии за 1904 год. Ярославль : тип. Губ. правления, 1905. 51 с.
6. Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. СПб. : тип. М.Д. Лобковского, 1899. 1208 с.
7. Общество «Христианская помощь» при церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Великом Ярославской губернии. Ярославль, 1892.
8. Любарец А.Г. Социокультурная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2011. 26 с.

References

1. Lyubarets, A.G. (2011) *Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' dukhovenstva Yaroslavskoy eparkhii v kontse XIX – nachale XX v.* [Sociocultural activity of the Yaroslavl diocese clergy in the late 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Ivanovo.
2. The State Archive of Yaroslavl Region.
3. Anon. (1911) *Obzor Yaroslavskoy gubernii za 1910 god* [Overview of the Yaroslavl Province for 1910]. Yaroslavl: tip. Gub. pravleniya.
4. Anon. (1900) *Pamyatnaya knizhka Yaroslavskoy gubernii na 1900 god* [Remembrance Book of the Yaroslavl Province for 1900]. Yaroslavl: Izd. Yaroslavskogo Gub. pravleniya.
5. Anon. (1905) *Obzor Yaroslavskoy gubernii za 1904 god* [Overview of the Yaroslavl Province for 1904]. Yaroslavl: tip. Gub. pravleniya.
6. Anon. (1899) *Sbornik svedeniy o blagotvoritel'nosti v Rossii s kratkimi ocherkami blagotvoritel'nykh uchrezhdeniy v S.-Peterburge i Moskve* [Collected information about charity in Russia with brief essays on charity institutions in St. Petersburg and Moscow]. St. Petersburg: M.D. Lobkovsky.
7. Anon. (1892) *Obshchestvo "Khristianskaya pomoshch'" pri tserkvi Rozhdestva Presvyatoy Bogoroditsy v sele Velikom Yaroslavskoy gubernii* [Society "Christian Help" at the Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary in the village of Veliky, Yaroslavl Province]. Yaroslavl: [s.n.].
8. Lyubarets, A.G. (2011) *Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' dukhovenstva Yaroslavskoy eparkhii v kontse XIX – nachale XX v.* [Sociocultural activity of the clergy of the Yaroslavl diocese in the late 19th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Ivanovo.

***Сведения об авторах*:**
Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Иерусалимская Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Ierusalimskiy Yuri Yu. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History of P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Ierusalimskaya Svetlana Yu. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Scientific and Educational Laboratory "Russia and Europe: Comparative study of Pre-industrial societies" of P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 25.11.2022; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94 (470.57)
doi: 10.17223/19988613/82/8

Экономический потенциал Оренбургской губернии и проблема модернизации водного транспорта на Южном Урале в середине XIX в.

Николай Александрович Коновалов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, nikalekkon@yandex.ru

Аннотация. Анализируются экономические предпосылки, начало технической модернизации водного транспорта на реке Белой – главной транспортной магистрали Южного Урала в середине XIX в. Описывается состояние отрасли до осуществления в регионе первых пароходных рейсов. Освещаются основные факты, связанные с процессом создания в южноуральском регионе пароходного сообщения.
Ключевые слова: Южный Урал, Оренбургская губерния, бассейн реки Белой, пароходство

Для цитирования: Коновалов Н.А. Экономический потенциал Оренбургской губернии и проблема модернизации водного транспорта на Южном Урале в середине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 71–80. doi: 10.17223/19988613/82/8

Original article

Orenburg governorate economic potential and transport modernization problem in the Southern Urals in the middle of XIX century

Nikolay A. Konovalov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russian Federation, nikalekkon@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic depends on the current state of transport system in Russia. In recent years transportation is becoming less profitable, which could lead to several negative impacts: decrease in both freight and passenger rotation, trade operations, economic interactions between regions of the country emasculation. The serious problem is a decline in the share of Inland waterway transport in total transport performance. This situation has especially been the case for the Southern Urals. The largest Belaya river in the region has almost ceased to be navigable. The only possible way out of this situation is contemporary Russian transport infrastructure technological upgrade taking into account previous generations' experience. The purpose of the study is economic premises that led to the beginning of waterway transport in the Belaya river technological upgrading investigation and major developments concerning steam shipping in the Southern Urals in 1850-1860s. analysis. The article provides information about Orenburg Governorate industrial and agricultural development just before the first steam ship trips in the region. The article says about the state of regional waterway transport before the steam shipping, lists major developments concerning works of both large Volga and Kama rivers steam ship companies and first ship owners in the Belaya river. Study source databases are presented by the Russian State History Archive (RSHA), unpublished sources, statistical information and the Governorate Press materials. During the research the author concludes that there was a situation at the turn of the 1850-1860 in the Southern Urals when Russian regional infrastructure technical state was no longer in consistent with its economic development level. Orenburg Governorate had the status of the Russian Empire economic system key region but did not have improved transport connections with the country's European part. The steam ship connection on the Belaya river would eliminate the problem. However, the modernization process of the Belaya river waterway transport was long and involved a number of difficulties. By that time monopilistic relationships had formed in the steam shipping market of the country with the most of the market controlled by Volga and Kama monopolist companies. They had not sought to organize a regular steam ship connections, but preferred to reave small local ship owners and then to suspend their activities. Consequently, the key players of the steam shipping market on Belaya river were the large Volga and Kama steam ship companies, local merchants, who were buying their own steam ships only for the development of their main business.
Keywords: South Ural, Orenburg province, Bélaya river basin, shipping company

For citation: Konovalov, N.A. (2023) Orenburg governorate economic potential and transport modernization problem in the Southern Urals in the middle of XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 71–80. doi: 10.17223/19988613/82/8

© Н.А. Коновалов, 2023

Обширные территории, занимаемые Россией, исторически предопределили потребность страны в надежных транспортных коммуникациях. Вплоть до середины XIX в. реки и искусственные каналы были основными транспортными артериями страны, а внутренний водный транспорт – безальтернативным способом перемещения грузов на большие расстояния. На Южном Урале вплоть до строительства Самаро-Златоустовской железной дороги главной транспортной магистралью была р. Белая с ее притоками. Еще в первой половине XVIII в. здесь началось активное строительство металлургических заводов, сопровождающееся притоком русского населения из центральных регионов страны. На протяжении последующих ста лет шло непрерывное экономическое освоение южноуральского региона: строились новые города, промышленные предприятия, росло производство сельскохозяйственной продукции. Тем не менее экономический рост, происходивший как в стране в целом, так и на Южном Урале, долгое время не приводил к качественному обновлению транспортной инфраструктуры. Первые суда на паровой тяге были построены в Российской империи в 1810-е гг., а массовое строительство пароходов началось лишь в 1840-е гг. На Белой первые пароходные рейсы были осуществлены во второй половине 1850-х гг., а регулярное пароходное сообщение здесь было установлено в 1870 г., когда была создана компания «Бельское пароходство». Статья посвящена анализу развития водного транспорта на Южном Урале во второй половине 1850-х – 1860-е гг.

Историографию вопроса можно условно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный. Среди дореволюционных работ необходимо выделить исследования В.М. Черемшанского, Р.Г Игнатьева, Н.А. Гурвича и А.С. Листовского [1–4]. Работы, написанные в советский период, представлены трудами Н.Г. Шушканова, В.Н. Кузнецова, В.Б. Иванова, Э.Г. Истоминой [5–8]. В настоящее время проблема развития судоходства на Южном Урале в XIX в. освещается в исследованиях В.В. Спицкого, С.Н. Кулбахтина, А.Р. Батыршина, М.И. Роднова [9–12]. Некоторые сведения по изучаемому вопросу приводятся в сочинениях краеведческого характера, в частности в публикациях С.Г. Синенко, И.В. Нигматуллиной, В.А. Худякова [13–15]. Тем не менее большая часть указанных авторов уделяет внимание прежде всего состоянию судоходства в регионе на рубеже XIX–XX вв., когда здесь уже существовало стабильное пароходное сообщение. Процесс же становления пароходного сообщения на Белой, его основные причины и первые результаты до настоящего времени оставались вне пределов внимания исследователей. Таким образом, настоящая статья заполняет образовавшийся историографический пробел.

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных источников. В частности, в ходе работы в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в научный оборот были введены документы из следующих фондов: Ф. 18 – Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, Ф. 1287 – Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, Ф. 1288 – Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. Опубликованные источники представлены материалами губернской статистики и прессы.

Появление на Белой пароходного сообщения объясняется рядом экономических причин. Во-первых, к рубежу 1850–1860-х гг. уральский регион являлся крупнейшим металлургическим центром Российской империи. Около 65% выплавляемого в стране чугуна [16. С. 70] и около 75% добываемого железа [17] производилось на заводах, расположенных в Оренбургской и Пермской губерниях. В 1859 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 15 металлургических заводов. Как писали современники, уральское железо по своим качествам было «выше даже английского, но ценою оно почти вдвое дороже» [17]. Высокая стоимость уральской металлургической продукции объясняется двумя факторами. Во-первых, к этому времени большинство металлургических заводов Южного и Среднего Урала продолжало работать на древесном угле, несмотря на то что к этому времени в странах Европы в качестве топлива для металлургической промышленности уже начали использовать каменный уголь, добываемый шахтовым способом. Во-вторых, транспортировка уральского железа к местам сбыта была крайне трудоемкой и длительной, а следовательно, и дорогостоящей. По данным современных исследований, расходы «на перевозку водным путем уральского железа в Москву и Петербург составляли… до 70% себестоимости» [18. С. 134].

Помимо металлургических предприятий на территории Оренбургской губернии было сосредоточено около 60 крупных поташных заводов [19]. Ежегодно в регионе производили около 120–135 тыс. пуд. (1 920–2 160 т) поташа [20] общей стоимостью более 200 тыс. руб. серебром [1. С. 407]. По свидетельствам современников, основными производителями и экспортерами поташа, контролировавшими около 2/3 его производства в губернии, были купцы Софронов (отправлял от 40 до 50 тыс. пуд.), Голанов (до 8 тыс. пуд.), Михайлов (до 7 тыс. пуд.), Орлов (до 7 тыс. пуд.), помещик Ермолов (до 7 тыс. пуд.), чиновник Кутлубаев (до 6 тыс. пуд.) [20].

Основная масса производимого в Оренбургской губернии поташа вывозилась с трех наиболее крупных губернских речных пристаней, расположенных в Челнах, Уфе и Бирске. В среднем из Челнов ежегодно вывозилось около 50 тыс. пуд. поташа, из Уфы и Бирска – по 20–30 тыс. пуд [19]. Вывозимый из губернии поташ отправлялся преимущественно в Рыбинск и Нижний Новгород – крупнейшие торговые центры в европейской части России.

Производители поташа были крайне заинтересованы в развитии пароходства на Белой, так как появление нового вида транспорта способствовало бы не только увеличению скорости доставки готовой продукции к местам сбыта, но и росту производства на самих поташных заводах. Современники отмечали: «Почти все заводы прекращают действие в мае или июне, потому что если бы приготовлен был в это время поташ, то он

должен был лежать целый год на заводе» [20]. Создание регулярного пароходного сообщения позволило бы производителям поташа «отправлять поташ так, чтобы они могли рассчитывать на прибытие его в Нижний к 15 августа, и они продлили бы работы почти на два месяца» [20]. Кроме того, благодаря увеличению скорости грузоперевозок весь доставленный в Нижний Новгород поташ мог быть в течение того же навигационного сезона отправлен в Санкт-Петербург или даже за границу.

В появлении на Белой пароходного сообщения были также заинтересованы и производители сельскохозяйственной продукции, главным образом зерна. В середине XIX в. в Российской империи ежегодно на внутренний и внешний рынки поступало около 15% от производимого в стране зерна [21. С. 46]. В Оренбургской губернии удельный вес зерна, поступавшего в свободную продажу, был примерно таким же, а вероятно, даже чуть больше. К примеру, в 1859 г., который считался неурожайным, в губернии было собрано 8 307 794 четв. зерновых, из которых 1 219 497 четв. (14,6%) было вывезено на продажу [22]. Потребность региональных производителей сельскохозяйственной продукции в модернизации транспортной системы р. Белой усиливалась еще и от того, что темпы роста производства зерновых опережали рост численности населения региона. За 1850–1860 гг. число жителей губернии выросло на 31,6%, а производство зерна – на 37% [22]. В 1860 г. один из современников писал, что в Оренбургской губернии «произведений земли не только достаточно на продовольствие местных жителей, но излишки их отпускаются в огромном количестве за пределы губернии. Если судить о богатстве и силе края посредством продовольствия, то Оренбургскую губернию в настоящем ее состоянии можно назвать богатейшей в России» [22].

Кроме металла, поташа и зерновых из Оренбургской губернии по Белой вывозилась продукция салотопенных заводов, лесной и деревообрабатывающей промышленности. В 1850-е гг. салотопенные заводы занимали в регионе второе место по уровню доходности после винокуренных. По оценкам В.М. Черемшанского, в это время в губернии ежегодно вытапливалось сала на сумму более 200 тыс. руб. серебром [1. С. 408]. Часть производимого сала продавалась за пределами губернии. К примеру, в 1859 г. в Санкт-Петербург из Оренбургской губернии было отправлено 120 тыс. пуд. сала [23].

Фактором, стимулировавшим развитие водного транспорта в регионе, был рост объемов внутренней и международной торговли. За 1840–1856 гг. число постоянных торговых заведений на территории Оренбургской губернии выросло с 834 до 1 546 [24. С. 188]. Кроме этого, на территории губернии регулярно проходили ярмарки, на долю которых приходилась большая часть торгового оборота внутри губернии. О масштабах ярмарочной торговли свидетельствуют следующие факты. В 1859 г. на Благовещенской ярмарке, проходившей в 40 верстах от Уфы, было продано товаров на сумму около 30 тыс. руб. серебром. При этом ярмарку посетили около 15 тыс. человек [25]. Получается, что каждый посетивший ярмарку приобрел товаров в среднем на 2 руб. Масштабность торговых операций становится очевидной, если брать во внимание, что по официальным данным в Уфе в 1858 г. проживали 14 730 человек [26. Оп. 25. Д. 75. Л. 4 об.], а средняя стоимость лошади, к примеру, в это время составляла 15–30 руб. серебром [27]. В 1865 г. на Мензелинской ярмарке, считавшейся крупнейшей в губернии, было продано различных товаров на сумму в 2 200 792 руб. [28]. При этом в том же году в качестве налога на недвижимое имущество в городах, находящихся на территории губернии, было собрано лишь 11 931 руб. [29].

Тем не менее на фоне столь значительных торговых оборотов неразвитость транспортной инфраструктуры приводила к тому, что в одно и то же время цена на один и тот же товар в разных уездах губернии могла отличаться более чем в 2 раза. Так, к примеру, в декабре 1860 г. цены на зерно в Мензелинском уезде колебались в пределах 25–30 коп. серебром, в то время как в Оренбургском они составляли 70–80 коп. серебром за пуд [30].

Неразвитость транспортных коммуникаций южноуральского региона негативно влияла на динамику международной торговли. На протяжении всей первой половины XIX в. товарооборот между Российской империей и среднеазиатскими государствами неуклонно рос. В 1822 г. он составлял 1 853 364 руб. [31. С. 30], в 1857 г. – 4 842 514 руб. [32. С. 219], в 1859 г. – 5 761 654 руб. [33]. Основными торговыми пунктами, через которые Россия торговала со Средней Азией, были города Оренбург и Троицк. Ежегодно туда прибывали тысячи верблюдов, груженых восточными товарами. К примеру, в один лишь Троицк в 1859 г. из Средней Азии прибыло более 10 тыс. верблюдов [32. С. 212]. Верблюжьи караваны отправлялись из Хивы, Бухары, Ташкента и Самарканда в Россию в марте, а прибывали в Оренбург и Троицк в мае-июне. В течение лета и начала осени между российскими и среднеазиатскими купцами совершались торговые сделки, а в ноябре торговцы из Средней Азии отправлялись в обратный путь. Из Оренбурга и Троицка среднеазиатские товары перевозились в Уфу или Бирск, откуда они доставлялись на речном транспорте «преимущественно на Нижегородскую ярмарку или в Москву» [1. С. 388].

Следует отметить, что транспортировка среднеазиатских товаров из Уфы и Бирска в центральные регионы страны осуществлялась лишь на следующий год после того, как они доставлялись в Оренбург и Троицк с мест производства. Выше уже говорилось, что восточные товары начинали завозить в Россию в мае-июне, т.е. тогда, когда наиболее активный период навигации на Белой, ежегодно приходившийся на апрель-май, подходил к концу. Из-за снижения уровня воды в реке в летний период, а также низкой скорости доставки грузов бурлаками российским купцам приходилось ждать следующего навигационного сезона, чтобы перевезти товары в Нижний Новгород. Таким образом, приобретенные у азиатов товары могли быть проданы российскими купцами лишь через год. Разумеется, столь низкая скорость торговых операций не

могла устраивать российское купечество, хорошо знакомое к тому времени с пароходными перевозками.

На фоне всех вышеперечисленных успехов Южного Урала в области экономики транспортная инфраструктура региона оставалась крайне неразвитой. Ни железных дорог, ни шоссе в исследуемый период здесь не было, а единственной крупной транспортной магистралью, соединявшей губернию с остальными регионами страны, была р. Белая. Вплоть до середины 1850-х гг. на Белой безраздельно господствовала одна из наиболее архаичных форм судоходства – барочный сплав с бурлацкой тягой. Ежегодно на берегах Белой и ее притоков строились грузовые несамоходные суда – барки, которые в период весеннего половодья сплавляли вниз по реке. Средняя длина такого судна составляла около 65 футов (19,8 м), ширина – около 25 футов (7,6 м), осадка при максимальной нагрузке – около 2 футов (0,6 м) [34. С. 101]. В середине XIX в. на одной барке могли перевозить от 15 до 20 тыс. пуд. (от 240 до 320 т) грузов. Для сплава одного такого судна требовалось от 35 до 50 бурлаков [35].

Строительство барок начиналось в марте, а завершалось в апреле. Сразу же после окончания строительства и спуска судов на воду начиналась погрузка товаров, которая не заканчивалась до тех пор, пока барки не загружались полностью. С погрузкой всегда спешили, так как суда необходимо было сплавить, пока уровень воды в реке в период половодья был максимальным. В случае успешного сплава, когда уровень воды был высоким, суда могли проходить за день расстояние до 50 верст (53,3 км), однако при низком уровне воды это расстояние сокращалось до 20 верст (21,3 км) [36]. Основная масса судов сплавлялась по Белой в апреле и мае. Лишь незначительная их часть сплавлялась в июне. Объясняется это прежде всего стремлением судовладельцев и промышленников сплавить товары «по высокой воде к открытию Нижегородской ярмарки, которая ежегодно работала с 15 июля по 25 августа» [9. С. 81]. Если начало сплава по каким-либо причинам откладывалось, возникала опасность посадить барки на мель, что неминуемо приводило к срыву планируемых сроков поставки товаров, а иногда и вовсе ставило всю транспортировку под угрозу. В конце мая сплав практически полностью заканчивался. В газете «Оренбургские губернские ведомости» от 21 мая 1860 г. указывается: «Караваны с горнозаводскими произведениями нашего края почти все прошли вниз по Белой» [37].

Абсолютное большинство барок, построенных на Белой или ее притоках и сплавленных до бельского устья, уже больше никогда не эксплуатировалось на данной речной магистрали, так как в таком случае их пришлось бы поднимать вверх по реке против течения, что было бы просто нерентабельно. Постройка новой барки обходилась дешевле, чем навигация уже построенной от устья Белой до Уфы, а тем более выше по течению. Ввиду этого строящиеся на реках губернии речные суда после их сплава по Белой еще какое-то время могли эксплуатироваться на Каме, а возможно, и Волге. Но наиболее вероятно, что значительная их часть после завершения первой же навигации разбиралась на местах прибытия на подсобный строительный материал или дрова.

В отечественной исторической науке проблема датировки первого пароходного рейса по Белой является дискуссионной. Как правило, исследователи ссылаются на «Памятную книжку Уфимской губернии» [2], в которой прямо говорится, что началом «пассажирского и буксирного пароходства по р. Белой» [2. С. 16] следует считать события 11 августа 1858 г., когда в Уфу прибыли два кабестанных парохода угличского купца Журавлёва «Грозный» и «Быстрый». Реже называется 1870 г., когда купцы Исаев, Полетаев и Попов открыли компанию «Бельское пароходство». Однако обе эти даты нельзя считать датами начала на Белой пароходной навигации. В ходе исследовательской работы в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) был обнаружен документ – дело Хозяйственного департамента МВД «По отношению Оренбургского генерал-губернатора об учреждении уфимскими купцами Поповым, Полетаевым и Исаевым пароходства по рекам Белой и Уфе и о представлении им привилегии, права исключительного пассажирского и товаро-пассажирского пароходства по этим рекам в течение 6 лет и об оказании пособия для этого предприятия» [38. Оп. 7. Д. 371]. В данном документе присутствует фраза: «По р. Белой пароходство возникло еще с 1856 г» [38. Оп. 7. Д. 371. Л. 8 об.]. В источнике не говорится о том, какие именно события произошли в 1856 г. Вероятно, в тот год какой-то пароход, принадлежавший одному из волжских или камских судовладельцев, поднялся вверх по Белой к одной из пристаней, находившихся ниже Бирска, взял груз и спустился вниз к Каме. Так как до крупных городов, таких как Уфа или Бирск, судно не дошло, об этом рейсе в губернских источниках сведения отражены не были. Можно предположить, что в 1856 и 1857 г. пароходы эксплуатировались в низовьях Белой, вывозя зерно со множества небольших сельских пристаней.

В 1858 г. пароходы, поднявшись против течения Белой, впервые достигли Уфы, и эти факты были отражены в губернской прессе. Как уже говорилось выше, 11 августа 1858 г. в Уфу прибыли два парохода «Грозный» и «Быстрый», принадлежавшие купцу третьей гильдии г. Углича Журавлёву. Как пишет современник, «Грозный» поднял против течения на буксире семь подчалков, а во время обратного рейса «на одном из них взял хлеб» [3. С. XLVIII]. 7 сентября 1858 г. в Уфу прибыл пароход «Русалка», судно принадлежало пароходству «Самолет». «Русалка» не стала ограничиваться лишь рейсом от бельского устья до Уфы, а прошла выше по течению реки, миновав Стерлитамак. Таким образом, пароход поднялся от устья Белой вверх по течению на расстояние около 800 верст (около 850 км) [39], а затем из-за критически низкого уровня воды был вынужден вернуться назад.

К этому же времени относится первая попытка создания на Белой регионального пароходства. В 1858 г. «титулярный советник Павлов и губернский секретарь Федоров обратились в Главное управление путей сообщения с просьбой о дозволении им учредить акцио-

нерную компанию “Оренбургского пароходства”» [40. Оп. 5. Д. 1626. Л. 1]. По замыслам учредителей, пароходы компании должны были осуществлять навигацию «по рекам Оренбургского края, равно по Каме и Волге с их притоками» [40. Оп. 5. Д. 1626. Л. 2]. Основной капитал компании должен был составить 400 тыс. руб. [40. Оп. 5. Д. 1626. Л. 3]. Однако фактически пароходная компания так и не была создана. Учредители внесли в Устав пароходства положение, заведомо противоречащее существовавшему на тот момент законодательству. В частности, в ст. 4 Устава указывалось: «Компания не обязывается снабжать себя торговым свидетельством» [40. Оп. 5. Д. 1626. Л. 2 об.]. Однако в Российской империи пароходные компании были обязаны приобретать торговые свидетельства первой гильдии даже в том случае, когда они фактически не осуществляли никаких торговых операций, а занимались лишь перевозками. Вероятно, учредители компании посчитали для себя приобретение торгового свидетельства слишком затратным и попытались, внеся в Устав вышеназванную статью, обойти существовавшую юридическую норму. Когда же стало очевидно, что из-за противоречия Устава законодательству компания не может быть создана, ее учредители просто отказались от своих планов.

Помимо компании «Самолет» в 1858 г. еще два пароходства выразили готовность открыть пароходное сообщение на Белой. Ими оказались пароходные общества «Вулкан» и «Дружина». Примечательно, что «Самолет» и «Вулкан» пытались получить от Главного управления путей сообщения монопольное право на эксплуатацию пароходного транспорта в регионе, но когда им было в этом отказано, они, в свою очередь, отказались от работы на Белой. Такая позиция двух обществ объясняется тем, что прибыль от работы на Белой была заведомо меньше, чем от работы на Каме или Волге, и пароходства, не желая рисковать, готовы были работать лишь при условии, что они будут монополистами. В отличие от первых двух компаний, общество «Дружина» не стало требовать для себя монопольного права на работу, а объявило о готовности открыть пароходное сообщение на Белой уже в 1859 г. Таким образом, «Дружина» оказалась единственным пароходством, готовым работать в регионе.

Как указывается в источнике, компания «Дружина» была создана 31 января 1858 г. братьями А.П. и С.П. Шиповыми «для буксировки судов и перевозки пассажиров по р. Волге и ее притокам» [38. Оп. 6. Д. 1328. Л. 1]. Основной капитал пароходства достигал 1,6 млн руб. [41. С. 87]. Шиповы владели Костромским механическим заводом – одним из первых судостроительных предприятий в России, на котором строили суда на паровой тяге. Уже к 1860 г. пароходное общество «Дружина» располагало 18 пароходами, которые осуществляли навигацию преимущественно между Рыбинском и Нижним Новгородом – крупнейшими речными портами страны. То есть ресурсов «Дружины» вполне хватало для того, чтобы начать осваивать бельский бассейн на условиях свободной рыночной конкуренции. В 1859 г. пароходство планировало осуществить по Белой четыре, а в 1860 г. – шесть рейсов. Впоследствии руководство «Дружины» планировало увеличить число рейсов по мере роста спроса на услуги перевозок.

Как и планировалось, в навигацию 1859 г. «Дружина» организовала по Белой четыре рейса. Уже 12 мая 1859 г. в Уфу прибыл принадлежащий обществу пароход «Ольга». Любопытно, что «пароход привёз… несколько пассажиров» [32. С. 19]. Таким образом, этот рейс можно считать первым пассажирским рейсом в истории бельского пароходного сообщения. Данное обстоятельство примечательно еще и тем, что в это же время перевозки пассажиров на водном транспорте осуществлялись «только по... Волге от Твери до Астрахани» [42. С. 95].

Приход парохода был большим событием в жизни губернии. «Оренбургские губернские ведомости» подробно описали судно, а также его технические характеристики. Из данной газеты мы можем узнать, что судно было построено на Костромском механическом заводе в том же 1859 г. Мощность парового котла на «Ольге» была 45 л.с. В качестве топлива использовались дрова, расход которых составлял 2/3 саж. (6,5 м^3) в час. В длину пароход был 154 футов (46,9 м), в ширину вместе с гребными колесами 20 футов (6 м). По течению судно могло развивать скорость от 16 до 20 верст в час (от 17 до 21 км/ч), против течения – от 10 до 13 верст в час (от 10,6 до 13,8 км/ч), при полной загрузке осадка судна достигала 12 верш. (0,53 м) [32. С. 20].

Простояв в Уфе два дня, 14 мая 1859 г. «Ольга» вышла из Уфы и направилась вверх против течения Белой. Пароход поднялся до деревни Васильевки, находившейся недалеко от места впадения р. Нугуш в Белую (рис. 1), и был вынужден из-за критически низкого уровня воды в реке вернуться обратно. 20 мая 1859 г. «Ольга» вернулась в Уфу, простояв там вплоть до 25 мая, после этого судно ушло на Каму. В источнике отмечается, что в обратном рейсе на пароходе присутствовали пассажиры как из Уфы, так и из Стерлитамака. Примечательно, что администрация губернии заранее распорядилась, «чтобы прибрежные жители оказывали содействие в снабжении парохода за денежное вознаграждение дровами и пр.» [32. С. 20]. Данное распоряжение объясняется тем, что на Белой в это время еще отсутствовали дровяные склады, на которых пароходы могли бы пополнять запасы дров. Таким образом, первый пароходный рейс, организованный «Дружиной», оказался вполне успешным, хотя его целью было в большей степени изучение бельского русла, а не оказание услуг перевозок.

Второй рейс «Ольга» осуществила в июле 1859 г. Пароход поднял против течения реки до Уфы две баржи, а во время обратного рейса «вывез из Бирска на двух баржах более 17/ т. (тысяч пудов. – *Н.К.*) хлопка» [39]. Во время третьего рейса, осуществленного в сентябре 1859 г., пароход «Ольга» отбуксировал в Уфу баржу с Нижегородской ярмарки. Общий вес груза, доставленного из Нижнего Новгорода, достигал 12,5 тыс. пуд. (около 200 тонн) [32. С. 203].

Приход «Ольги» в сентябре 1859 г. вызвал настоящий ажиотаж среди жителей города. Дело в том, что грузы с Нижегородской ярмарки доставлялись в Уфу

и ранее, но делалось это посредством бурлацкой тяги один раз в течение навигационного сезона. К тому же из-за сложности доставки количество привозимого груза всегда было небольшим. Установление пароходного сообщения кардинально изменило существовавшую до этого ситуацию. Современник пишет: «Привоз новых товаров составляет эпоху в нашей провинциальной жизни: магазины и лавки осаждаются покупателями, купцы не успевают распаковывать, и четвертый рейс был осуществлен также в сентябре 1859 г. На пароходе “Лебедь”, принадлежащем “Дружине”, в Бирск с Нижегородской ярмарки было доставлено 10 тыс. пуд. (около 160 т. – *Н.К.*) грузов. Во время обратного рейса “Лебедь” вывез из Бирска 12 тыс. пуд. (около 192 т. – *Н.К.*) среднеазиатского хлопка» [39]. Таким образом, из четырех рейсов, организованных «Дружиной» в 1859 г., первый рейс был фактически пробным, а три остальных грузовыми.

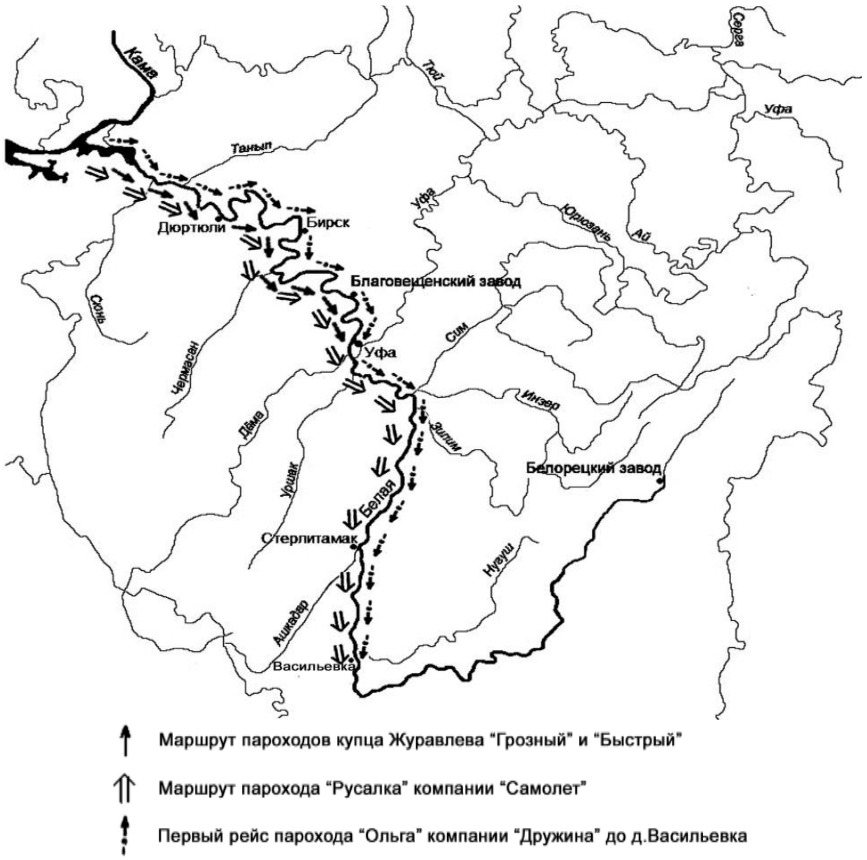


Рис. 1. Русло реки Белой и маршруты первых пароходов

Навигация 1860 г. оказалась для «Дружины» менее успешной: вместо запланированных шести рейсов общество организовало только три. 1 мая 1860 г. в Уфу прибыл пароход «Лебедь». Простояв несколько дней в Уфе, «Лебедь» ушел 4 мая 1860 г. в Нижний Новгород, взяв на буксир лишь одну баржу. 7 июня в Уфу прибыли пароходы «Лебедь» и «Аскольд». «Лебедь» отбуксировал в Уфу баржу, а во время обратного рейса вывез около 3 000 пуд. (около 48 т) зерна. «Аскольд» привез «из Казани… более 60 пассажиров, из них до 20 в Уфу» [43]. Во время обратного рейса на «Аскольде» из Уфы выехали «более 20 пассажиров» [43]. Таким образом, в течение навигационного сезона 1860 г. пароходами «Дружины» было вывезено по Белой «более 100 т. пуд. (1 600 т. – *Н.К.*) груза и сделан один пассажирский рейс до г. Стерлитамака» [39]. В том же году пароходство «везде, где найдено это нужным» [39] начало строить склады для хранения перевозимых грузов, а также создавать на пристанях запасы дров.

В 1861 г. общество «Дружина» организовало по Белой лишь один пароходный рейс. 13 июня 1861 г. в Уфу пришел пароход «Лебедь». Взяв груз, судно 15 июня 1861 г. отправилось обратно. В 1862 г. «Лебедь» еще дважды приходил в Уфу с товарами с Нижегородской ярмарки. Однако в самой Оренбургской губернии «Дружина» так и не смогла найти постоянный спрос на свои услуги. Успешной для пароходного общества оказалась лишь навигация 1859 г., в навигационные сезоны 1860, 1861 и 1862 гг. вместо запланированного увеличения пароходных рейсов произошло их сокращение. В 1863 г. «Дружина» полностью отказалась от работы на Белой.

Тем не менее пароходная навигация на Белой после ухода «Дружины» не прекратилась. С 1861 г. в регионе начала работать «Волжско-Камская пароходная компания». А.С. Листовский пишет, что в 1861 г. в Уфу пришел пароход «Стрела», принадлежащий данному пароходству, и привел на буксире две баржи. В период зимы 1861/1862 гг. «Стрела» находилась в Старицком затоне, а во время навигации 1862 г. перевезла по Белой около 100 тыс. пуд. (1 600 т) железа, выплавленного на Усть-Катавском металлургическом заводе [3. С. XLIX].

Пароход «Чижик», принадлежащий той же компании, отбуксировал в 1862 г. баржу с грузом железа весом около 53 тыс. пуд. (848 т.) [7. С. 11]. Получается, что в 1861 и 1862 гг. на Белой работали сразу две крупные пароходные компании, пароходы которых сделали в указанное время одинаковое количество рейсов.

Наряду с крупными волжскими и камскими пароходными компаниями на Белой в исследуемый период начали работать и региональные пароходовладельцы. Как правило, первыми бельскими пароходовладельцами становились купцы, желавшие с помощью внедрения новейших технологий добиться еще больших успехов в своем основном виде предпринимательской деятельности, либо дворяне, надеявшиеся таким образом поправить ухудшающееся финансовое положение. Однако региональные перевозчики часто разорялись, не выдерживая конкуренции с крупными пароходствами. Те же не стремились организовывать на Белой регулярное пароходное сообщение, предпочитая работать на более крупных речных магистралях. В одном из источников отмечается: «Начиная с 1860-х гг. местные уфимские промышленники дважды пытались устроить правильное (регулярное. – *Н.К.*) пароходство на той части реки (Белой. – *Н.К.*), которая доступна для судов этого рода; но каждый раз неожиданная конкуренция со стороны больших пароходных обществ убивала предприятие и притом нисколько не подвинула дело пароходства по реке Белой; ибо, убив местную предприимчивость, пароходные компании и со своей стороны прекращали плавание по этой реке» [38. Оп. 7. Д. 371. Л. 1].

В 1860 г. помещик Стерлитамакского уезда А.Н. Левашев приобрел небольшой пароход, получивший название «Анна». Судно было построено в том же 1860 г. в Нижнем Новгроде, мощность его парового котла составляла 30 л.с. [44. С. 63]. В качестве топлива для парохода использовались дрова. По планам А.Н. Левашева, купленный им пароход должен был осуществлять навигацию по Белой на участке от с. Бугульчан, расположенного южнее Стерлитамака, до Уфы. Далее пассажиры и грузы должны были следовать на пароходах других судовладельцев. Летом 1860 г. «Анна» совершила свой первый рейс, 10 июля 1860 г. пароход прибыл в Уфу. Как отмечают «Оренбургские губернские ведомости», простояв несколько часов в Уфе, судно в тот же день ушло «вверх по Белой» [45].

По данным А.С. Листовского, в 1861 г. в период весеннего половодья судно эксплуатировалось на маршруте от Нижнего Новгорода до с. Бугульчан, «а в меженную воду – от Нижнего до Уфы» [3. С. XLIX], выполняя грузовые рейсы. Больше сведений о пароходе «Анна» в источниках не обнаружено. Вероятно, владелец вынужден был продать судно, и оно большую часть своего эксплуатационного срока проработало где-то на Каме или Волге. В пользу того, что у А.Н. Левашева были серьезные материальные проблемы, говорит информация, найденная в «Уфимских губернских ведомостях». В 1877 г. газета сообщила, что «Общество взаимного поземельного кредита» выставило на продажу имение, принадлежащее А.Н. Левашеву. В объявлении говорилось: «…по неплатежу обществу следующих ему взносов, назначены на продажу… им. (имение. – *Н.К.*) Левашево, Стерлитамакского уезда, Андрея Николаевича Левашева» [46].

Другим бельским судовладельцем был купец третьей гильдии Ф.С. Софронов (1822–1898). Как пишут уфимские краеведы Г.Ф. Гудков и З.И. Гудкова, «около 1855 г. Федор Семенович Софронов… приобретает земли на берегу реки Белой вблизи Уфы, устраивает там поташный завод и… пристань» [47]. Занимаясь производством поташа, Ф.С. Софронов был вынужден решать и проблему его доставки к местам сбыта. В 1863–1871 гг. заводчик перевозил всю произведенную продукцию на собственном буксирном пароходе «Надежда». Как Ф.С. Софронов перевозил поташ после 1871 г., неизвестно. Вероятно, «Надежда» была продана, так как в 1870-е гг. на Белой уже существовало стабильное пароходное движение, и у предпринимателей, для которых пароходные перевозки не были основным видом деятельности, не было необходимости самостоятельно организовывать пароходные рейсы.

В 1867–1870 гг. пассажирские перевозки на Белой осуществлялись на пароходе «Манатура», принадлежащем золотопромышленнику И.Ф. Базилевскому. Некоторые сведения о судне можно найти в «Уфимских губернских ведомостях». Известно, что оно было построено в 1866 г. в Санкт-Петербурге и в том же году прибыло на Белую. Мощность парового котла «Манатуры» составляла 30 л.с., а осадка парохода 3 фута (0,91 м) [48]. В указанный период «Манатура» осуществляла регулярные еженедельные рейсы между Уфой и Набережными Челнами. Тем не менее в 1870 г. И.Ф. Базилевский продал «Манатуру» «Бельскому пароходству». Вероятно, он так же, как и Ф.С. Софронов, перестал заниматься непрофильным для себя видом коммерческой деятельности сразу же, как только на Белой появилась крупная региональная пароходная компания.

Некоторые сведения об экономическом эффекте от появления на Белой пароходного сообщения можно найти в губернской прессе. Так, к примеру, в «Оренбургских губернских ведомостях» от 14 мая 1860 г. приводится информация о поташе, отправленном к местам сбыта на пароходе. В источнике говорится: «Поташ, отправленный на пароходе, должен прийти в Рыбинск месяца полтора ранее того, который пошел на коноводках… потому в нынешнюю же навигацию может идти чрез С.-Петербург за границу. Обыкновенно же поташ, отправляемый на барках, не поспевал в ту же навигацию в С.-Петербург и почти весь продавался в Нижнем… вследствие необходимости по ценам весьма низким» [49]. Впрочем, роль новой техники в работе водного транспорта на Южном Урале не следует переоценивать. Основную массу грузов в исследуемый период перевозили посредством барочного сплава. К примеру, в 1860 г. по Белой было сплавлено около 5 млн пуд. различных грузов, из них лишь около 200 тыс. пуд. (4%) было перевезено пароходами [30]. В 1862 г. через уфимскую пристань прошло грузов общей стоимостью в 872 653 руб., однако из этой суммы с помощью пароходов было перевезено грузов лишь на 60 530 руб. (6,9%) [7. С. 11–12].

Таким образом, к середине XIX в. на Южном Урале сложились экономические предпосылки для начала модернизации региональной транспортной системы. Установление регулярного пароходного сообщения между регионом и европейской частью России было в первую очередь в интересах производителей южноуральской металлургической продукции, поташа и зерна. В создании пароходства на Белой было заинтересовано купечество, так как новый вид транспорта способствовал расширению как внутренних, так и международных торговых связей. Однако вплоть до 1870 г., когда на Южном Урале была создана крупная региональная пароходная компания «Бельское пароходство», пароходная навигация на Белой была нерегулярной. Из-за низкой прибыли волжские и камские пароходства работали на Белой неохотно, предпочитая разорять небольших региональных судовладельцев, а затем приостанавливать здесь свою деятельность. Складывалась ситуация, когда и крупные компании не стремились установить в регионе регулярное пароходное сообщение, и региональные судовладельцы не могли эффективно конкурировать с большими пароходствами. При таких обстоятельствах основными участниками рынка речных перевозок здесь были крупные волжские и камские пароходства, а также региональные купцы и промышленники, заводившие собственные пароходы лишь для развития своего основного вида предпринимательской деятельности.

Список источников

1. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа : тип. Оренбургского Губернского правления, 1859. 472 с.
2. Игнатьев Р.Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа : Губернская тип., 1873. Ч. II. С. 1–18.
3. Листовский А.С. Летопись пароходства по реке Белой // Справочная книжка Уфимской губернии / сост. Н.А. Гурвич. Уфа : Печатня Н. Блохина, 1883. Отд. II. С. XLVI–LI.
4. Гурвич Н.А. О судоходстве в Уфимской губернии за 1874 год // Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова, Н.А. Гурвича. Уфа : Губернская тип., 1876. Вып. 2. С. 60.
5. Шушканов Н.Г. Беглые. Из жизни рабочих Златоустовского завода в первой половине XIX века. Свердловск : Свердл. обл. изд-во, 1936. 155 с.
6. Кузнецов В.Н. Транспорт Башкирии : краткий экономико-географический очерк. Уфа : Баш. кн. изд-во, 1960. 60 с.
7. Иванов В.Б. На бельских просторах. Уфа : Башкнигоиздат, 1982. 160 с.
8. Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период : (историко-географическое исследование). М. : Наука, 1991. 263 с.
9. Спицкий В.В. Из истории развития речного транспорта Республики Башкортостан // Вестник Башкирского университета. 2007. № 2. С. 81–82.
10. Кулбахтин С.Н. Медеплавильные заводы Твердышевых и Мясниковых на Южном Урале в XVIII веке. Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ, 2008. 192 с.
11. Батыршин А.Р. Пути сообщения в Уфимской губернии во второй половине XIX века // European Social Science Journal. 2012. № 10-2 (26). С. 364–370.
12. Роднов М.И. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX–начале XX века. Уфа : Уфимская гос. акад. экономики и сервиса, 2008. 258 с.
13. Синенко С.Г. Город над Белой рекой : краткая история Уфы в очерках и зарисовках. 1574–2000. Уфа : Башкортостан, 2002. 184 с.
14. Нигматуллина И.В. Старая Уфа : историко-краеведческий очерк. Уфа : Китап, 2004. 224 с.
15. Худяков В.А. На волне памяти // Бельские просторы. 2008. № 10. С. 156–168.
16. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблема торгово-промышленной политики. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 275 с.
17. Оренбургские губернские ведомости. 1859. 6 июня.
18. Соловьёва А.М. Промышленная революция в России в XIX веке. М. : Наука, 1990. 272 с.
19. Оренбургские губернские ведомости. 1859. 29 авг.
20. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 27 авг.
21. Корелин А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 42–56.
22. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 22 окт.
23. Оренбургские губернские ведомости. 1859. 15 авг.
24. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 259 с.
25. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 16 янв.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288.
27. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 9 янв.
28. Оренбургские губернские ведомости. 1865. 25 янв.
29. Оренбургские губернские ведомости. 1865. 22 мая.
30. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 3 дек.
31. Банникова Е.В. Уральское купечество в русско-азиатской торговле первой половины XIX века // Российская история. 2009. № 1. С. 25–34.
32. Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 год. Уфа : Губернская тип., 1859. 352 с.
33. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 27 февр.
34. Крылов Н.А. Воды России и грузовые (непаровые) суда на них плавающие // Фабрично-заводская промышленность и торговля России : с приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской империи / изд. Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. СПб. : тип. В.С. Балашева и К°, 1893. Отд. XVII. С. 98–130.
35. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 28 мая.
36. Оренбургские губернские ведомости. 1846. 17 авг.
37. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 21 мая.
38. РГИА. Ф. 1287.
39. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 18 июня.
40. РГИА. Ф. 18.
41. Мельников С.Л. Речной транспорт Камско-Вятского бассейна во второй половине XIX века : дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 201 с.
42. Хамитбаева Н.С. Волжско-Камское судоходство и сельское хозяйство Среднего Поволжья в эпоху капитализма (1861–1900 гг.) // Материалы Итоговой конференции Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за 2006 год по отделу средневековой истории / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 93–120.
43. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 11 июня.
44. Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1860 год. Уфа : Губернская тип., 1861. 496 с.

45. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 16 июля.
46. Уфимские губернские ведомости. 1877. 9 апр.
47. Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Софроновская пристань // Бельский речник. 1993. № 24.
48. Уфимские губернские ведомости. 1866. 8 окт.
49. Оренбургские губернские ведомости. 1860. 14 мая.

References

1. Cheremshansky, V.M. (1859) *Opisanie Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskom, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh* [Description of Orenburg Governorate in terms of economy, statistics, ethnographe and industry]. Ufa: Orenburg Provincial Board.
2. Ignatiev, R.G. (1873) *Khronika dostopamyatnykh sobytiy Ufimskoy gubernii* [Chronicle of memorable events of the Ufa Governorate]. In: *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii. Chast' II* [Memory tickler of the Ufa Governorate. Part II]. Ufa: Gubernskaya tipografiya. pp. 1–18.
3. Listovskiy, A.S. (1883) Letopis' parokhodstva po reke Beloy [The steam navigation chronicle on the Belaya River]. In: *Spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii za 1883 god. Otdelenie II* [Reference Book of the Ufa Governorate for 1883. Section II]. Ufa: N. Blokhin. pp. XLVI–LI.
4. Gurvich, N.A. (1876) *O sudokhodstve v Ufimskoy gubernii za 1874 god* [About shipping in the Ufa Governate in 1874]. In: *Ufimskiy kalendar na 1876 god. Otdelenie 2* [The Ufa Calendar for 1876. Section 2]. Ufa: Gubernskaya tipografiya. p. 60.
5. Shushkanov, N.G. (1936) *Beglye. Iz zhizni rabochikh Zlatoustovskogo zavoda v pervoy polovine XIX veka* [Those who escaped. From the life of Zlatoustovsk plant workers in the first half of 19th century]. Sverdlovsk: Sverdlov. obl. izd-vo.
6. Kuznetsov, V.N. (1960) *Transport Bashkirii: kratkiy ekonomiko-geographichesky ocherk* [Transport of Bashkiria: A brief economic and geographic discourse]. Ufa: Bash. knish. izd-vo.
7. Ivanov, V.B. (1982) *Na Belskikh prostorakh* [On the great spaces of the Belaya River]. Ufa: Bashknigoizdat.
8. Istomina, E.G. (1991) *Vodnyy transport Rossii v doreformennyy period : (istoriko-geograficheskoe issledovanie)* [Water transport of Russia in the prereform period]. Moscow: Nauka.
9. Spitskiy, V.V. (2007) Iz istorii razvitiya rechnogo transporta Respubliki Bashkortostan [From the history of the development of the river transport in the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta – Bashkir State University Journal*. 2. pp. 81–82.
10. Kulbakhtin, S.N. (2008) *Medeplavil'nye zavody Tverdyshevykh i Myasnikovykh na Yuzhnom Urale v XVIII veke* [Tverdyshevs and Myasnikovs Copper-smelting plant on the Southern Urals in 18th century]. Ufa: RHS RESMC ME RB.
11. Batyrshin, A.P. (2012) Puti soobshcheniya v Ufimskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka [Means of communication in the Ufa Governorate in the second half of 19th century]. *European Social Science Journal*. 10-2(26). pp. 364–370.
12. Rodnov, M.I. (2008) *Khlebnyy rynok Ufimskoy gubernii v kontse XIX–nachale XX veka* [The grain market in the Ufa governorate in the late 19th–early 20th century]. Ufa: Ufa State Academy of Economy and Service.
13. Sinenko, S.G. (2002) *Gorod nad Beloy rekoy. Kratkaya istoriya Ufy v ocherkakh i zarisovkakh. 1574–2000* [A city over the Belaya River. A brief history of Ufa in essays and drawings. 1574–2000]. Ufa: Bashkortostan.
14. Nigmatullina, I.V. (2004) *Staraya Ufa. Istoriko-kraevedchesky ocherk* [Old Ufa. A historic-cultural essay]. Ufa: Kitap.
15. Khudyakov, V.A. (2008) Na volne pamyati [On the wave of memory]. *Belskiye prostory*. 10. pp. 156–168.
16. Shepelev, L.E. (1981) *Tsarizm i burzhuaziya vo vtoroy polovine XIX veka. Problema torgovo-promyshlennoy politiki* [Tsarism and bourgeoisie in the second half of the 19th century. The problem of industrial and commercial policy]. Leningrad: Nauka.
17. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1859a) 6th June.
18. Solovyeva, A.M. (1990) *Promyshlennaya revolyutsia v Rossii v XIX veke* [The industrial revolution in Russia in the 19th century]. Moscow: Nauka.
19. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1859b) 29th August.
20. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860a) 27th August.
21. Korelin, A.P. (2011) Agramyy sektor v narodnokhozyaystvennoy sisteme poreformennoy Rossii (1861–1914 gg.) [Agricultural sector in post-reform Russia economic system (1861–1914)]. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 1. pp. 42–56.
22. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860b) 22nd October.
23. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1859c) 15th August.
24. Mironov, B.N. (1981) *Vnutrenniy rynok Rossii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX v*. [Russia internal market in the second half of the 18th century]. Leningrag: Nauka.
25. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860c) 16th January.
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1288.
27. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860d) 9th January.
28. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1865a) 25th January.
29. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1865b) 22nd May.
30. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860e) 16th December.
31. Bannikova, E.V. (2009) *Uralskoe kupechestvo v russko-aziatskoy torgovle pervoy poloviny XIX veka* [Ural trade in Russian and Asian trade of the first half of the 19th century]. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 1. pp. 25–34.
32. Anon. (1859) *Vybor statey iz Orenburgskikh gubernskikh vedomostey za 1859 god* [Selected articles from “Orenburgskie gubernskie vedomosti” for 1859]. Ufa: Gubernskaya tipografiya.
33. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860f) 27th February.
34. Krylov, N.A. (1893) Vody Rossii i gruzovye (neparovye) suda na nikh plavayushchie [Russian waters and its cargo (non-steamer) ships]. In: *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya Rossii* [Russian factory sector and trade]. St. Petersburg: V.S. Balashev and Co. pp. 98–130.
35. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860g) 28th May.
36. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1846). 17th August.
37. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860h) 21st May.
38. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287.
39. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860i) 18th June.
40. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 18.
41. Melnikov, S.L. (1997) *Rechnoy transport Kamsko-Vyatskogo basseyna vo vtoroy polovine XIX veka* [River transport of the Kama-Vyatsk basin in the second half of the 19th century]. History Cand. Diss. Izhevsk.
42. Khamitbaeva, N.S. (2008) Volzhsko-Kamskoe sudokhodstvo i sel'skoe khozyaystvo Srednego Povolzh'ya v epokhu kapitalizma (1861–1900 gg.) [The Volga and Kama steamer shipping and the Volga region agriculture during the epoch of capitalism (1861–1900)]. In: Zagidullin, I.K. (ed.) *Materialy Itogovoy konferentsii Instituta istorii im. Sh. Mardzhani AN RT za 2006 god po otdelu srednevekovoy istorii* [The materials of Mardzhani AS RT Institute of History Final conference of 2006 on Medieval History department]. Kazan: AS RT. pp. 93–120.
43. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860j) 11th June.
44. Anon. (1861) *Vybor statey iz Orenburgskikh gubernskikh vedomostey za 1860 god* [Selected articles from “Orenburgskie gubernskie vedomosti” for 1860]. Ufa: Gubernskaya tipografiya.
45. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860k) 16th July.

46. *Ufimskie gubernskie vedomosti*. (1877) 9th April.
47. Gudkov, G.F. & Gudkova, Z.I. (1993) Sofronovskaya pristan [The Sofronovskaya harbour]. *Belskiy rechnik*. 24.
48. *Ufimskie gubernskie vedomosti*. (1866) 8th October.
49. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. (1860l). 14th May.

***Сведения об авторе*:**
Коновалов Николай Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и историко-культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия). E-mail: nikalekkon@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Konovalov Nikolay A – Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the Department of General History and Historical and Cultural Heritage of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation). E-mail: nikalekkon@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 22.08.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(57)+314.46
doi: 10.17223/19988613/82/9

Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.)

Екатерина Ивановна Красильникова[1], Сергей Сергеевич Наумов[2]

[1] Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, katrina97@yandex.ru
[2] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, naumov_s_s@mail.ru

Аннотация. Сопоставляется коммеморативная составляющая празднований трехсотлетних юбилеев сибирских городов на хронологическом отрезке от начала XX в. до начала XXI в. Выясняются смыслы политики памяти, отраженные в юбилеях; выявляются черты исторической преемственности и разрывов в использовании исторических символов в ходе празднований. Доказываться, что на разных этапах пропагандой неизменно использовались в ходе торжеств одни и те же исторические символы, однако в зависимости от политико-идеологических контекстов менялись их прочтение, частота и характер применения.
Ключевые слова: юбилейные торжества, политика памяти, коммеморация, политический праздник, города Сибири

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 19-011-31114) «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – начала XXI в.)».

Для цитирования: Красильникова Е.И., Наумов С.С. Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 81–88. doi: 10.17223/19988613/82/9

Original article

Celebrating the tercentenary anniversaries of Siberian cities as a reflection of the state and regional politics of memory (1904–2016)

Yekaterina I. Krasilnikova[1], Sergey S. Naumov[2]

[1] Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, katrina97@yandex.ru
[2] F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, naumov_s_s@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the increased attention of society and the state to the problems of perpetuating the memory of significant events and the use of the past for political purposes. The article presents the results of a comparative analysis of the celebrations of the three-hundredth anniversary of Siberian cities in the chronological period from the beginning of the XX century to the beginning of the XXI century. Special attention is paid to the commemorative component of the celebrations. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time the meanings of memory policy reflected in the celebrations are clarified; socio-political and cultural contexts that have affected the nature of the celebrations in different years are established; the features of historical continuity and gaps in the use of historical symbols during the celebrations are revealed. But, since the nature of the celebrations reflected the anti-government views and requirements of its organizers, the holiday did not take place under pressure from the authorities. The 300th anniversary of Krasnoyarsk was officially celebrated in 1928 already in Soviet times. The celebrations served to propagate the significant achievements of the Soviet state in solving the old problems of Siberia. Cultural institutions of Krasnoyarsk on the occasion of the anniversary received funds for the further development of urban infrastructure. The anniversary of Yakutsk was not celebrated in 1932, which was due to the recent suppression of the national opposition in Yakutia. The 300th anniversary of Irkutsk was celebrated twice. This was due to the growth of regional identity, nostalgia for the pre-revolutionary Past and the strengthening of local political elites. The anniversary of Omsk in 2016 did not help the city to solve its economic and cultural problems. At the same time, it demonstrated the disunity of Omsk inhabitants, who evaluate the local past too differently. The classification of historical symbols constantly used at the level of propaganda, including the symbols "denigrating", glorifying and romanticizing the past of the region, is proposed. It is proved that all these symbols were invariably used during the celebrations, but depending on the political and ideological contexts, their reading, frequency and nature of application changed.

© Е.И. Красильникова, С.С. Наумов, 2023

Keywords: anniversary celebration, politics of memory, commemoration, political holiday, Siberian city

For citation: Krasilnikova, Y.I., Naumov, S.S. (2023) Celebrating the tercentenary anniversaries of Siberian cities as a reflection of the state and regional politics of memory (1904–2016). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 81–88. doi: 10.17223/19988613/82/9

В современности, которую нередко стали называть «мемориальной эпохой», особую актуальность имеет изучение влияния политики памяти на самосознание, самоопределение общества, его целеполагание и выбор стратегий развития на разных исторических этапах. Яркими отражениями политики памяти являются массовые коммеморативные торжества, в числе которых к настоящему моменту, пожалуй, наименее изучены празднования юбилеев российских городов в исторической динамике. Между тем исследование этой темы может способствовать осмыслению сущности и эффективности исторически сложившихся практик использования коллективной памяти о региональном прошлом для широкой артикуляции политических, экономических, социальных и культурных проблем, существующих в разных уголках большой страны, а также поиска способов и средств их решения.

В XX–XXI вв. праздновалось много юбилеев сибирских городов; внешне эти торжества были похожи между собой. Для сибирского города 300-летие – это обычно первый значимый юбилей, своеобразное «совершеннолетие», придающее населенному пункту статус города глубоких региональных традиций. Практика особенно торжественно отмечать именно эту памятную дату была задана 300-летием самого региона (в составе России), послужившим для сибиряков поводом обратить внимание центральных властей на проблемы Сибири и просить помощи в их решении. Первые торжества в честь 300-летних юбилеев наиболее старых сибирских городов Тобольска, Березова, Томска и Красноярска задали стандарт юбилейных коммеморациий, на который сибиряки ориентировались в дальнейшем. Практически на каждый этап истории политики памяти в сибирском регионе пришлось празднование 300-летия одного из сибирских городов. Это дает основание поэтапно проследить историю региональной политики памяти на примерах наиболее значимых 300-летних юбилеев.

Различные аспекты городской праздничной культуры дореволюционной Сибири изучалась Ю.М. Гончаровым [1], Н.П. Паршуковой [2], С.А. Шилиным [3] и др. Однако эти авторы не обращали особенного внимания на празднование юбилеев городов и их политико-идеологическое значение. Лучше исследованы торжества, устраивавшиеся в городах в честь 300-летия присоединения сибирской земли к России, повлиявшие на характер празднований юбилеев сибирских городов. В этом смысле наиболее значима работа А.В. Ремнева, установившего особенности использования образов прошлого разными политическим субъектами в ходе празднований «300-летия Сибири» [4]. Празднования 300-летий сибирских городов описывались в отдельных работах историков и краеведов [5; 6. С. 381; 7; 8]. Попытка сравнения 300-летних юбилеев Томска, Красноярска и 50-летнего юбилея Новосибирска с учетом контекстов политики памяти предпринималась одним из авторов данной статьи [9]. Однако до сих пор не существовало научного исследования, посвященного обобщению опыта празднований 300-летних юбилеев городов Сибири за целый век, на протяжении которого заметно менялись контексты политики памяти. Между тем, изучая смежную тематику, историки вплотную подошли к вопросу отражения динамики политики памяти в массовых торжествах, устраивавшихся в советское время в честь городских юбилеев. Так, политические контексты и идеологические смыслы официальных советских праздников в городском пространстве Сибири, прежде всего Октябрьских торжеств, затрагивались немецким историком М. Рольфом [10], а также сибирскими учеными П.Е. Азаровой [11], Т.Н. Зо-лотовой [12] и Е.И. Красильниковой [13. С. 307–368].

Цель данной статьи – определить этапы развития политики памяти в Сибирском регионе, проявлявшейся в ходе празднований череды трехсотлетий сибирских городов в период с начала XX до начала XXI в. Для этого предстоит определить доминирующие на разных исторических этапах смыслы политики памяти, результатом реализации которой и являлись интересующие нас торжества, установить контексты (культурные и социально-политические), отразившиеся на характере празднований в разное время, а также выявить признаки исторической преемственности и разрывов в практиках политического использования символов прошлого и коммеморации в ходе празднований трехсотлетних юбилеев сибирских городов.

Раскрытие специфики исторической динамики политики памяти, проявлявшейся в празднованиях в честь юбилеев сибирских городов, осуществлялось нами с опорой на системно-генетический метод и принцип историзма. Работая над данной статьей, ее авторы ориентировались на исследовательское поле memory studies [14, 15], в рамках которого формируется концептуальное представление о политике памяти, рассматриваемой нами вслед за О.Ю. Малиновой как деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры [16. С. 33]. В центре нашего исследовательского внимания находятся порожденные политикой памяти коммеморации, символы и связанные с ними нарративы, которые рассматриваются от прошлого к современности.

Основными источниками исследования послужили не публиковавшиеся ранее делопроизводственные документы, хранящиеся в государственных архивах Томска, Красноярска, Якутска и Иркутска, отражающие подготовительный этап праздничных мероприятий и их проведение, а также праздничные публикации в местных газетах, свидетельствующие о коммеморативной

активности и позициях различных субъектов по отношению к прошлому.

С середины XIX в. в Российской империи широко распространилась практика отмечать на государственном уровне всевозможные общезначимые юбилеи, в том числе и юбилеи столиц, что отвечало запросам активного нациостроительства. Однако с периода либеральных реформ Александра II жители страны стали праздновать и юбилеи провинциальных городов, используя их для акцентирования внимания властей, а также широкой общественности на инфраструктурных, социальных, политико-правовых и культурных проблемах регионов страны. Череда празднований 300-летних юбилеев сибирских городов предварялась торжествами в честь 300-летия присоединения Сибири к России (1881 и 1882 гг.). Государство стремилось использовать эту памятную дату как способ современной политической мобилизации и целеполагания будущего в контексте продвижения концепта единения народа и самодержавия [4. С. 37]. В ответ на это сибиряки впервые открыто и организованно заговорили о необходимости демократических преобразований в их «стране», переведя этот разговор на «язык исторических воспоминаний» [4. С. 48] для демонстрации на исторических примерах истоков проблем регионального развития. Использованный в ходе этих торжеств образный ряд, связанный с историей Сибири, включавший как позитивные образы казаков – покорителей Сибири и просветителей, так и мрачные образы каторжан, проявит в дальнейшем, как мы увидим, устойчивость на разных исторических этапах в разных уголках нашего обширного региона.

В 1904 г. приняли решение отпраздновать 300-летие своего города томичи. Обращение к «мрачным» историческим сюжетам было направлено на то, чтобы образно, эмоционально и убедительно показать истоки проблем, существующих в Томске и всей Сибири, которая влачит бремя колониального состояния. Организаторы торжеств использовали язык истории для обоснования остро назревшей необходимости ряда демократических преобразований в губернии. Юбилей рассматривался городской думой как повод ходатайствовать перед государем о введении всеобщего и обязательного обучения, суда присяжных, высшего женского образования в Томске, а также о расширении избирательного права для городских управлений в Сибири и об окончательной отмене ссылки в Томской губернии [17. Л. 17]. Так проявилось влияние Первой русской революции, когда оппозиционно настроенные в отношении царской власти силы Сибири боролись за демократические реформы.

Методы реализации политики памяти, которые планировала использовать городская дума Томска, в дальнейшем закрепились как традиция. Среди них просветительские мероприятия на исторические темы, взывавшие к местному патриотизму и ностальгическим чувствам, подготовка к изданию обобщающего краеведческого труда, посвященного Томску, привлечение широкой общественности к сбору исторических артефактов и сведений о городе, маркирование основных памятных мест. Юбилейная Комиссия тенденциозно, даже избирательно отмечала вещи и места, связанные с покорением Сибири «вольными казаками» и с историей свободомыслия в Томске, представленной примерами декабристов, народников и областников [17. Л. 13–13 об.]. В ходе подготовки к празднику томской Комиссией было решено максимально широко оповестить о 300-летнем юбилее различные городские управления по всей стране, учебные заведения, учреждения культуры, общественные организации, периодические издания, максимально вовлечь в торжества авторитетный Томский университет, надеясь на поддержку в реализации демократических инициатив [17. Л. 17]. Но праздник так не состоялся. 11 сентября, под давлением со стороны властей, праздничная Комиссия официально объявила о решении «отложить торжества ввиду военного времени до более благоприятного момента» [18].

300-летие Томска отразила лишь местная газетная печать. В юбилейный день «Сибирская жизнь» опубликовала стихи П. Блиновского, в духе областничества прославившего лихих казаков – завоевателей Сибири – и основателей Томска. Раннюю историю Томска Блиновский описал как мрачное время мужественного противостояния маленького острога набегам «дикарей» и нападениям беглых каторжан, а современность – противоположно, как век просвещения и надежд на скорое решение вековых проблем Томска [19].

В 1928 г. отмечалось 300-летие Красноярска. Те торжества, которые ранее готовились к 300-летию Томска, инициировались силами, настроенными оппозиционно в отношении царской власти. Красноярский же праздник организовывался почти через 11 лет после ее свержения. Его совместно готовили партийные органы и общественные организации, которые уже привычно действовали сообща в рамках идеологической кампании. Как и прочие советские праздники – памятные даты, юбилей Красноярска служил пропаганде тезиса о грандиозных достижениях всестороннего развития страны и Сибири как ее части за короткое десятилетие после революции. Дореволюционное прошлое Сибири праздничная пропаганда преподносила сугубо негативно, так и в случае с подготовкой к томскому юбилею. Но мрачные краски пропаганда теперь использовала для яркого противопоставления того, что было в Красноярье до революции, характеристикам достижений социалистического строительства в регионе.

Общей тенденцией конца 1920-х – начала 1930-х гг. было искусственное занижение государством интереса к событиям военно-революционной истории на местах и рост внимания к событиям российского масштаба. Однако организаторы юбилейных торжеств в Красноярске этому еще противостояли. Красноярские коммемораторы прославляли героическую борьбу именно местных подпольщиков, сопротивлявшихся «колчаковщине». Краеведы и музейные работники, чьи профессиональные установки сформировались еще до революции, на заре музейного строительства в регионе, романтизировали и эстетизировали местную старину. Благодаря им прошлое Красноярска выглядело не настолько беспросветным, каким его изображала пропаганда в дни празднований 7 ноября. Красноярцы

вслед за томичами повторили опыт централизованного сбора исторических артефактов, подготовки краеведческих изданий по истории города и привлечения к празднику внимания широкой общественности.

Праздничные торжества включали в себя просветительские лекции в клубах, школьные утренники, массовую демонстрацию трудящихся, торжественное заседание горсовета, народные концерты и гуляния. Во время празднований, как и в Томске, актуализировались исторические образы казаков – героических покорителей Сибири, и декабристов – первых просветителей, а также акцентировалась тема революционного движения в Красноярске [20. Л. 17; 21. Л. 88]. В музее Приенисейского края, который добился к празднику выделения от государства 35 тыс. рублей на реконструкцию, прошла ностальгическая выставка, оформленная в духе любования «красноярской стариной» и воспевания революционной героики [22].

На 1932 г. пришлось 300-летие Якутска. Однако этот юбилей, о котором хорошо помнили краеведы, республиканские власти Якутии приняли решение не отмечать массовыми торжествами. Тот же год был ознаменован 10-летием Якутской автономной советской социалистической республики. Именно этот юбилей, имевший больший идеологический потенциал, и праздновали несколько дней по всей Якутии в июле 1932 г. Типичные советские торжества, включавшие в себя массовую демонстрацию, митинг у братских могил героев, погибших в годы Гражданской войны, спортивные и увеселительные мероприятия [23. Л. 49–50] нацеливались на убеждение жителей республики и всей страны в колоссальных хозяйственных, политических и культурных успехах прежде отсталого национального района [24]. Эти же цели преследовали юбилейные музейные выставки в Москве, Ленинграде и Якутске [25. Л. 67].

К 300-летию города, оставшемуся в тени юбилея республики, открылась лишь музейная выставка, во многом повторявшая предыдущую, готовившуюся к юбилею ЯАССР [26. Л. 1–3]. К памятной дате планировалось, но не осуществилось издание обобщающего труда по истории города, подготовленного известным краеведом Г.А. Поповым. В день юбилея была опубликована лишь краткая газетная статья Попова, очень резко противопоставлявшая прошлое и современность с использованием уже знакомых нам исторических образов героев: казаков-первопроходцев, основавших Якутский острог, декабристов и других политических ссыльных, сделавших Сибирь очагом революции. Подчеркивалось исключительно прогрессивное влияние русских на развитие коренных народов Якутии [27].

В 1961 г. исполнялось 300 лет со дня основания Иркутского острога. В связи с этим событием местные советские и партийные органы приняли решение добиться у ЦК КПСС и Совета министров разрешения устроить в городе массовые торжества [28. Л. 129.]. Поставленным задачам отвечали коммеморации. С виду их организаторы воспроизводили уже знакомый нам прием политики памяти, состоявший в девальвации значения дореволюционного прошлого для контрастного изображения благополучного социалистического настоящего [29]. Но при детальном знакомстве с источниками становятся заметны эстетизация старины и тенденция прославления Иркутска как города вольнолюбивых и славных революционных традиций. В этом проявилась усиленная тенденция преемственности с томским и красноярским юбилеями. Формально предполагалось праздновать юбилей в контексте «достойной встречи XXII партсъезда», к которому планировалось выполнить целый ряд обязательств по промышленному, социальному, культурному развитию, а также по строительству [28. Л. 138–146]. Однако необходимо учитывать и местные контексты: и иркутская администрация, и жители города надеялись, что праздник поможет решить многочисленные инфраструктурные проблемы города. Эти надежды усиливались ожиданием приезда в Иркутск американского президента Д. Эйзенхауэра, визит которого, однако, был по политическим причинам заменен на приезд другого высокого гостя – кубинского лидера Ф. Кастро. В начале 1960-х гг. иркутская администрация хотела видеть свой город крупным туристическим центром Советского Союза, открытым для иностранных гостей, что отражалось в праздничных выпусках газет, стимулировавших местный патриотизм [30]. Печать опять напоминала истории покорения Сибири вольными казаками и развития революционного движения от декабристов до марксистов [31]. С этим юбилеем было связано много мемориальных инициатив, исходивших от общественности: предлагалось установить памятники Н.Г. Чернышевскому, сибирским первопроходцам, дополнить вечным огнем революционный мемориал [32. Л. 142].

На фоне общественно-политических процессов начального этапа горбачевской перестройки иркутяне, ожидавшие благоприятных социальных перемен, вновь прибегли к использованию прошлого своего города для артикуляции его проблем. В 1986 г. местные власти, заручившиеся помощью историков, обратили внимание на дату, прежде не фигурировавшую в краеведческой литературе – год получения Иркутском статуса города. Устроенные в год второго трехсотлетия торжества во многом повторяли мероприятия двадцатипятилетней давности [33. Л. 40–41]. К празднику были открыты парк 300-летия Иркутска и сквер им. декабриста Волконского, велись обширные работы по благоустройству города, ремонту и реставрации зданий-памятников. На этом этапе усилилось несовпадение направленности политики памяти региональных и центральных властей. С одной стороны, официально повысилось внимание к чествованиям участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. С другой стороны, демократически настроенная общественность развернула политизированную борьбу за сохранение «исчезающего» деревянного зодчества Иркутска [33. Л. 40–41]. Отстаивая необходимость признания старых деревянных домов памятниками истории и культуры, иркутяне довольно успешно добивались получения дополнительных финансовых и административно-правовых ресурсов для развития культурной инфраструктуры города и, разумеется, усиления политической самостоятельности.

На 1990-е гг. не пришлось ни одного значимого сибирского 300-летия. Зато свой первый 100-летний юбилей отпраздновала региональная «столица» – город Новосибирск. Местная политика памяти, отраженная в соответствующих торжествах, исходила из установок федерализации, демократизации, частичной десоветизации, ностальгии по дореволюционной старине, ее эстетизации и из стремления повысить за счет «славной» истории символический статус «главного города» Сибири. Свои претензии на символическую региональную «столичность» со времен Гражданской войны заявляет и Омск, встретивший свое 300-летие в 2016 г. Открытые дискуссии о прошлом Омска, приуроченные к юбилею, актуализировали существенное расхождение его интерпретаций. Уже по традиции на уровне публичных коммеморациий омичи неоднократно вспомнили основателей города, построивших две крепости. В память о них даже запланировали установить памятник, который, однако, так и не появился, поскольку о его облике чиновники, архитекторы и историки не смогли договориться. Та же участь ждала запланированные к установке памятники Петру I, в правление которого была заложена омская крепость, и Александру II, проект которого был готов еще накануне 200-летия Омска в 1916 г. Ожидаемо местные власти так и не решились поставить в городе памятник (уже изготовленный на тот момент в Москве) А.В. Колчаку, об исторической роли которого в Омске – бывшей «колчаковской столице», в последние тридцать лет не затихает ожесточенная полемика общественности. Таким образом, идея обозначить омскую «столичность» хотя бы в пространстве памяти так и не была реализована.

Причиной тому стало не только столкновение политики памяти, исходившей от разных субъектов местного политического пространства, но также комплекс социально-экономических и инфраструктурных трудностей. Изначально 300-летний юбилей Омска задумывался его организаторами как событие всероссийского масштаба и повод для артикуляции проблем, существующих в Омске, на федеральном уровне, а также для реализации ряда крупных капиталоемких проектов, рассчитанных на долгосрочную перспективу [34]. К празднику в городе были отреставрированы ряд объектов историко-культурного наследия и главная улица города – ул. Ленина (бывший Чернавинский, в народе – Любинский, проспект), а также был воссоздан Воскресенский военный собор, разрушенный в 1950-е гг. Но уже на ранних этапах работы оргкомитета по подготовке юбилея стало очевидно, что федеральные власти готовы поддерживать заявленные омичами инициативы скорее морально, нежели материально [35]. Основная часть всех экономических затрат по подготовке юбилея легла на плечи самого региона. Ухудшение экономической ситуации в Омской области на рубеже 2000–2010-х гг. стало основной причиной превращения 300-летия Омска в юбилей, прочно ассоциирующийся с масштабными нереализованными проектами, такими как строительство международного аэропорта, метрополитена и гидроузла на р. Иртыш.

В празднованиях 300-летий сибирских городов – административных центров всегда проявлялась сложносоставная политика памяти различных социально-политических субъектов, связанная с продвижением ряда способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование. Допуская и поощряя празднования юбилеев городов, государство официально выражало позицию равного отношения к жителям всех регионов страны, в большей или меньшей степени признание их права на разнообразие. Запреты же на юбилейные торжества связывались с подозрениями в нелояльности правящему режиму и сепаратизме. Юбилеи – мемориальные макрособытия регионального уровня – всегда в большей или меньшей степени были нацелены на решение задач легитимации значимости региона, на выделение этой значимости на фоне центра, а на этапах ослабления государства – и в противовес центру. Тем не мене, все рассмотренные нами юбилеи проводились все-таки в рамках общей лоялистской идеологической парадигмы. В ходе торжеств репрезентации истории региона демонстративно подчинялись заданной государством идеологической интерпретации прошлого страны. Противоречия местных акторов политики памяти центру проявлялись частично и латентно через публичные коммеморативные практики, связанные с интерпретациями и реинтерпретациями устойчивых исторических символов, связанных с Сибирью.

Для артикуляции проблем региона и обоснования необходимости их решения при помощи центральных властей местные власти, опираясь на поддержку общественности, неизменно использовали исторические аргументы. В ходе торжеств обычно актуализировались стандартные образы регионального прошлого, в основном сформировавшиеся в общественном сознании еще до революции. В начале XX в. негативные образы каторги и «таежной глухомани» мобилизовались для аргументации назревшей необходимости демократических преобразований; героические образы казаков и подвижников просвещения – для доказательства потенциальных возможностей сибиряков – их потомков – к разностороннему развитию; ностальгические образы «милой старины» – для выражения любви к Сибири и родному городу, жители которого заявляют о своей «укорененности» на этом локусе и желают его процветания. Ряд исторических образов, использовавшихся в советское время, дополнился лишь героями Гражданской и Великой Отечественной войн, которые вписались в один смысловой ряд с героями - покорителями Сибири, поскольку считалось, что они проливали кровь за свободу от внешних врагов и благополучие земли, ставшей родной тем, кто вслед за казаками осваивал Сибирь.

Однако политические контексты разных десятилетий задавали свою специфику репрезентациям образов регионального прошлого в публичном пространстве. На досоветском этапе выражавшие региональную политику памяти коммеморации отражали оппозиционную настроенность городской думы Томска по отношению к царской власти, неслучайно запрещавшей массовые празднования сибирских юбилеев. На втором

этапе, в конце 1920-х гг., юбилей Красноярска праздновался официально. Устроители торжеств в Красноярске не заявляли антиправительственных позиций. Они критично отзывались лишь о царской власти и ее отношении к Сибири. Но царь был давно свергнут, а действующая советская власть прославлялась. В итоге, прославляя революцию и советскую власть, якобы эффективно справлявшуюся с трехсотлетними проблемами Сибири, местная интеллигенция смогла добиться от центральных властей получения средств на развитие культурной инфраструктуры города, а для красноярской партийной номенклатуры этот юбилей был полезен в смысле легитимации ее власти на данной территории. Третий этап, 1930-х–1950-х гг., был связан с разрывом юбилейной традиции, ярче всего проявившемся в отсутствии торжеств в связи с 300-летием Якутска. Это объясняется как общей обстановкой в стране – началом репрессий, разгромом краеведения и старых основ музейного дела, так и недавним подавлением национальной оппозиции в ЯАССР, выступавшей за предоставление Якутии статуса самостоятельной союзной республики. Для местной советской и партийной элиты, сконцентрировавшей внимание на доказательствах с помощью исторических примеров преимуществ создания и сохранения якутской автономии в рамках РСФСР, празднование юбилея Якутска было нежелательным, поскольку в ходе торжеств могли вновь зазвучать голоса национальной интеллигенции, ратовавшей за рост политической самостоятельности. В 1932 г. пропаганда намеренно избегала использования ностальгических образов локального прошлого, потенциально повышающих значимость «якутской старины». Об успехах экономического развития самого северного из старых сибирских городов Сибири публично не рассказывалось. Местное досоветское прошлое намеренно грубо очернялось, а образы советских героев, реально неоднозначно воспринимавшихся населением Якутии, нарочито выпячивались.

Однако настроение ностальгии по сибирской старине заметно росло от четвертого (1960-е – начало 1980-х гг.) к пятому этапу региональной истории политики памяти (середина 1980-х – 1991 г.), от первого ко второму 300-летию Иркутска. Оттепель, а затем и перестройка создавали условия для все большего усиления акцентов на проблемах местного развития. Иркутские юбилеи отражали рост самостоятельности местных политических элит, довольно эффективно продвигавших собственную политику памяти в электорально-избирательных целях, а также регионального самосознания сибиряков, активно участвовавших во всех праздничных мероприятиях. На шестой этап (1990-е гг.) не пришлось ни одного значимого сибирского трехсотлетия, однако его важно упомянуть в контексте процессов частичной десоветизации местной политики памяти, допущения отражения разных версий местной истории в публичных коммеморациях и роста претензий на уникальность регионов, доказательства которой строились в опоре на исторические аргументы. На седьмом этапе, соответствующем современности, дореволюционное прошлое города не очернялось, а, казалось бы, репрезентировалось романтически, с ностальгией, при этом без «топтания» по советскому периоду. Однако юбилей не помог решить экономические и социально-культурные проблемы Омска, а публичные диалоги на исторически темы продемонстрировали разобщенность омичей, имеющих слишком полярные мнения насчет оценок местного прошлого, за которыми скрывалась неудовлетворенность жизнью в городе. Очередное 300-летие ожидается в 2030 г. в Барнауле. Хочется надеяться, что исторический опыт предшественников поможет общественности этого города эффективно использовать такую значимую памятную дату в решении задач брендирования региона в опоре на общую историческую память сибиряков и добиться позитивного обновления социально-культурного пространства Барнаула.

Список источников

1. Гончаров Ю.М. Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 9–15.
2. Паршукова Н.П. Литературные праздники в Барнауле в конце XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Кн. 2. С. 477–480.
3. Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. 54 с.
4. Ремнев А.В. 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 1. С. 34–50.
5. Караваева А.Г. «Год свободы», или Как город Томск свои юбилеи отмечал // Агентство ТВ-2. URL: http://tv2.today/TV2Old/God-svobody-ili-kak-gorod-tomsk-svoi-yubilei-otmechal (дата обращения: 20.07.2019).
6. Красноярск от прошлого к будущему: очерки истории города / редкол. Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск : РАСТР, 2013. 640 с.
7. Золотова Т.Н. Три века. Две реки. Одна судьба: хроника праздничных событий юбилея Омска // Энциклопедия города Омска / гл. ред. Г.А. Павлов. Омск : Гор. Обществ. фонд 300-летия города Омска, 2016. Т. 4, доп.: Омск в датах. 2009–2016. С. 404–425.
8. Блинова О.В., Котовщикова О.В. Омску – 300 лет: традиция празднования дня города // Омский краевед. 2017. № 7. С. 48–54.
9. Красильникова Е.И. Память региональных отличий: юбилеи сибирских городов (1904–1943 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 119–131.
10. Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОСПЭН, 2009. 440 с.
11. Азарова П.Е. Городские праздники Западной Сибири 1920–1930-х гг. в аспекте ценностно-знаковой системы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 12–18.
12. Золотова Т.Н. Празднование годовщин Октябрьской революции в Западной Сибири: проблемы становления и трансформации // Четвертые Ядринцевские чтения. Омск : Омск. гос. ист.-краевед. музей, 2017. С. 383–388.
13. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2015. 572 с.
14. Roediger H.L., Wertsch J.V. Creating a new discipline of memory studies // Memory Studies. 2008. Vol 1 (1). P. 9–22.
15. Radstone S. Memory studies: For and against // Memory Studies. 2008. Vol 1 (1). P. 31–38.

16. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М. – СПб. : Нестор-История, 2018. С. 27–53.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 2667.
18. Хроника жизни Томска // Путь томича. URL: http://tomich.tomintech.ru/hronika/58/ (дата обращения: 01.07.2018).
19. Блиновский П. 300-летие г. Томска (1604–1904 гг.) // Сибирская жизнь. 1904. 27 сент.
20. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 40.
21. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 541.
22. 35 тысяч на достройку музея // Красноярский рабочий. 1928. 18 нояб.
23. Национальный архив республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 4758.
24. Хрюкин Т., Васильев П. Туземцы Якутии на пороге второго десятилетия ЯАССР // Автономная Якутия. 1922. 5 июля.
25. НАРС(Я). Ф. Р-1407. Оп. 1. Д. 14.
26. НАРС(Я). Ф. Р-1407. Оп. 1. Д. 13.
27. Попов Г. К 300-летию города Якутска // Автономная Якутия. 1932. 20 окт.
28. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 159. Оп. 25. Д. 56.
29. Художественная выставка в городе к юбилею // Восточно-Сибирска правда. 1961. 2 июля.
30. Томенко Н. Молодость родного города // Восточно-Сибирская правда. 1961. 2 июля.
31. Мой город трудами советских людей // Восточно-Сибирская правда. 1961. 16 июля.
32. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 26. Д. 7.
33. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 48. Д. 7.
34. Козлова С. Десять лет, которые изменят город // Омская правда. 2008. 21 мая.
35. Лебедев М. Предъюбилейные хлопоты // Новое обозрение – Версия. 2008. 21–27 мая.

References

1. Goncharov, Yu.M. (2004) Gorodskie prazdniki v Zapadnoy Sibiri v seredine XIX – nachale XX v. [City holidays in Western Siberia in the mid-19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4. pp. 9–15. (In Russian).
2. Parshukova, N.P. (2003) Literaturnye prazdniki v Barnaule v kontse XIX – nachale XX v. [Literary holidays in Barnaul in the late 19th – early 20th century]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 477–480.
3. Shilin, S.A. (2008) *Obshchestvennye prazdniki v Barnaule (konets XIX – nachalo XX v.)* [Public holidays in Barnaul (late 19th – early 20th century)]. Barnaul: Altai State University.
4. Remnev, A.V. (2007) 300-letie prisoedineniya Sibiri k Rossii: v ozhidanii "novogo istoricheskogo perioda" [300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia: in anticipation of a "new historical period"]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1. pp. 34–50.
5. Karavaeva, A.G. (n.d.) *"God svobody" ili kak gorod Tomsk svoy yubiley otmechal* ["Year of freedom" or as the city of Tomsk celebrated its anniversary]. [Online] Available from: http://tv2.today/TV2Old/God-svobody-ili-kak-gorod-tomsk-svoi-yubilei-otmechal (Accessed: 20th July 2019).
6. Bykonya, G.F., Kuimov, V.V., Pimashkov, P.I. & Fedorova, V.I. (eds) (2013) *Krasnoyarsk ot proshlogo k budushchemu: ocherki istorii goroda* [Krasnoyarsk from the past to the future: Essays on the history of the city]. Krasnoyarsk: RASTR.
7. Zolotova, T.N. (2016) Tri veka. Dve reki. Odna sud'ba: khronika prazdnichnykh sobytiy yubileya Omska [Three centuries. Two rivers. One destiny: A chronicle of the festive celebration of the anniversary of Omsk]. In: Pavlov, G.A. (ed.) *Entsiklopediya goroda Omska* [Encyclopedia of the city of Omsk]. Vol. 4. Omsk: Gor. Obshchestv. fond 300-letiya goroda Omska. pp. 404–425.
8. Blinova, O.V. & Kotovshchikova, O.V. (2017) Omsku – 300 let: traditsiya prazdnovaniya dnya goroda [Omsk – 300 years: The tradition of celebrating the city day]. *Omskiy kraeved*. 7. pp. 48–54.
9. Krasilnikova, E.I. (2019) The memory of regional differences: Anniversaries of Siberian cities (1904 – 1943). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 119–131. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/443/16
10. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays]. Moscow: ROSPEN.
11. Azarova, P.E. (2017) The West Siberian city holidays in the aspect of value-sign system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 26. pp. 12–18. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/26/2
12. Zolotova, T.N. (2017) Prazdnovanie godovshchin Oktyabr'skoy revolyutsii v Zapadnoy Sibiri: problemy stanovleniya i transformatsii [Celebrating the anniversary of the October revolution in Western Siberia: Problems of formation and transformation]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Chetvertye Yadrintsevskie chteniya* [The Fourth Yadrintsev Readings]. Omsk: Omsk State Museum of History and Local Lore. pp. 383–388.
13. Krasilnikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember not to forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (the late 1919 – mid 1941)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
14. Roediger, H.L. & Wertsch, J.V. (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*. 1(1). pp. 9–22.
15. Radstone, S. (2008) Memory studies: For and against. *Memory Studies*. 1(1). pp. 31–38.
16. Malinova, O.Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Politics of memory as a field of symbolic politics]. In: *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 27–53.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund D-233. List. 2. File 2667.
18. Tomich.tomintech.ru. (n.d.) *Khronika zhizni Tomska* [The Life Chronicle of Tomsk]. [Online] Available from: http://tomich.tomintech.ru/hronika/58/ (Accessed: 1st July 2018).
19. Blinovskiy, P. (1904) 300-letie g. Tomska (1604 – 1904 gg.) [The 300th anniversary of Tomsk (1604–1904)]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th September.
20. The State Archive of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund R-795. List. 1. File 40.
21. The State Archive of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund P-10. List. 1. File 541.
22. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1928) 35 tysyach na dostroyku muzeya [35 thousand for the completion of the Museum]. 18th November.
23. The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS(Ya)). Fund R-50. List. 1. File 4758.
24. Khryukin, T. & Vasiliev, P. (1922) Tuzemtsy Yakutii na poroge vtorogo desyatiletiya YaASSR [Natives of Yakutia on the threshold of the second decade of the YASSR]. *Avtonomnaya Yakutiya*. 5th July
25. The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS(Ya)). Fund R-1407. List. 1. File 14.
26. The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS(Ya)). Fund R-1407. List. 1. File 13.
27. Popov, G. (1932) K 300-letiyu goroda Yakutska [To the 300th anniversary of the city of Yakutsk]. *Avtonomnaya Yakutiya*. 20th October.
28. The State Archive of Modern History of Irkutsk Region (GANIIO). Fund 159. List. 25. File 56.
29. *Vostochno-Sibirska Pravda*. (1961a) Khudozhestvennaya vystavka v gorode k yubileyu [Art exhibition in the city for the anniversary]. 2nd July
30. Tomenko, N. (1961) Molodost' rodnogo goroda [The youth of native city]. *Vostochno-Sibirskaya Pravda*. 2nd July.
31. *Vostochno-Sibirskaya Pravda*. (1961b) Moy gorod trudami sovetskikh lyudey [My city by the labors of Soviet people]. 16th July.

32. The State Archive of Modern History of Irkutsk Region (GANIIO). Fund 159. List. 26. File 7.
32. The State Archive of Modern History of Irkutsk Region (GANIIO). Fund 159. List. 48. File 7.
34. Kozlova, S. (2008) Desyat' let, kotorye izmenyat gorod [Ten years that will change the city]. *Omskaya Pravda*. 21st May.
35. Lebedev, M. (2008) Pred"yubileynye khlopoty [Pre-family troubles]. *Novoe obozrenie – Versiya*. 21st – 27th May.

***Сведения об авторах*:**
Красильникова Екатерина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: katrina97@yandex.ru
Наумов Сергей Сергеевич – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: naumov_s_s@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Krasilnikova Yekaterina I. – Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru
Naumov Sergey S. – F.M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: naumov_s_s@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 15.11.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94 (574): (093)
doi: 10.17223/19988613/82/10

Ученый и партийная номенклатура: противостояние на казахстанской целине

Арайлым Сабитовна Мусагалиева[1], Виктор Михайлович Кириллов[2]

[1] Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, arai0410@mail.ru
[2] Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Россия, history_vmk@mail.ru

Аннотация. Исследованы обстоятельства борьбы известных ученых-аграрников за научный подход в освоении целинных и залежных земель Северного Казахстана. Основное внимание уделено дискуссиям между академиком А.И. Бараевым и Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, а также в среде ученых Всесоюзного института зернового хозяйства и функционеров местных организаций КПСС. На основе анализа советского политического дискурса выявлена суть разногласий между учеными и чиновниками от партии. Раскрываются сложные условия работы ученых по освоению целинных и залежных земель Казахстана в условиях командно-административной системы управления страной.
Ключевые слова: Н.С. Хрущев, А.И. Бараев, Всесоюзный институт зернового хозяйства, целина, аграрная реформа, эрозия земли, Северный Казахстан

Для цитирования: Мусагалиева А.С., Кириллов В.М. Ученый и партийная номенклатура: противостояние на казахстанской целине // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 89–99. doi: 10.17223/19988613/82/10

Original article

The scientist and the party nomenklatura: the confrontation in the Kazakhstan virgin

Arailym S. Mussagaliyeva[1], Victor M. Kirillov[2]

[1] L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, arai0410@mail.ru
[2] Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, history_vmk@mail.ru

Abstract. The purpose of the study: introduction into scientific circulation of new sources that reveal the selfless work of the Soviet scientist A. Barayev, defending his opinion before the leadership of the Soviet Union, despite the risk of dismissal from work, as well as his work in the development of virgin agriculture.
Sources on which the study is written: the Main sources were the documents of the party Fund of the all-Union research Institute of grain economy. Previously, these documents were not available, after declassification and remained without attention of historians. It should be noted that these documents shed light on many problems of those years, show us a very unsightly side of life associated with the struggle of the scientist for his idea, or persecution, organized by the party organization of the Institute, against a large and very famous scientist.
A brief summary of the article: The article examines the history of development of virgin and fallow lands in Northern Kazakhstan. We offer an interesting history of Kazakhstan virgin lands, including the attitude of the First Secretary of the CPSU N. Khrushchev to scientists farmers of the all-Union Institute of grain farming in Northern Kazakhstan. In this history the personality of the Director of all-Union Institute of grain economy Alexander Barayev is especially brightly allocated. The dispute on the Kazakh virgin lands, and the strength of the will of the scientist before the leadership of the Soviet Union, further discussions of scientists and interference of party organizations in disputes - all this well reveals the Soviet daily life on the ground. The disagreement of the well-known scientist, Director of the all-Union Institute of grain economy A. Barayev with the representative of the highest party leadership of the Soviet Union arose on the use of clean steam (small irrigation, the factor of moisture accumulation in the soil and fertility, as well as the possibility of effective weed control) as a method in the development of arid lands of Northern Kazakhstan. At the beginning of the dispute was on the fields of virgin land, and gradually it began to gain momentum. After removing N.Khrushchev from the post of the discussion began to develop among colleagues, but in the institution itself. The members of the Institute argued a few years and some have parted ways. The party organization of the Institute took an active part in the discussions of scientists, and at its numerous meetings dealt with these cases.
Conclusions: The article analyzes the internal life of the Institute, and the struggle of scientists for the idea in the development of virgin and fallow lands in Northern Kazakhstan. Despite numerous harassment and pressure from party

© А.С. Мусагалиева, В.М. Кириллов, 2023

organizations, scientists survived in difficult periods in their work. In the end, they were able to adopt a new system of agriculture, and make the Institute of grain farming the center of the fight against soil erosion of the Soviet Union.
Keywords: N. Khrushchev, A. Baraev, all-Union Institute of grain economy, virgin lands, Northern Kazakhstan

For citation: Mussagaliyeva, A.S., Kirillov, V.M. (2023) The scientist and the party nomenklatura: the confrontation in the Kazakhstan virgin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 89–99. doi: 10.17223/19988613/82/10

История освоения целинных и залежных земель как аграрная реформа имеет большое значение в истории Казахстана XX в. Однако целина – не только аграрная реформа, но и дело всего народа, среди которого были как ученые, так и простые труженики всего СССР. Целина была не только земельным проектом, но и политическим курсом руководства СССР.

Роль ученых в экономической истории Казахстана до сих пор остается малоисследованной и вызывает ряд дискуссионных вопросов. Сохраняется актуальность изучения вклада ученых-аграрников в эту трудную и длительную по времени реформу Советского Союза. Относительно недавно мы получили возможность изучить жизнь и деятельность ученых по рассекреченным материалам партийной организации Института зернового хозяйства. Особое внимание привлекает личность директора института А.И. Бараева. Этот выдающийся ученый занимался самой насущной проблемой – созданием новой системы земледелия и борьбой с эрозией почв в засушливых районах Северного Казахстана. Именно А.И. Бараев вывел институт на всесоюзный уровень, он стал флагманом по борьбе с эрозией земли.

Советская историография истории освоения целинных и залежных земель в Казахстане [1] достаточно обширна [2, 3], представлена работами многих исследователей [4–7]. В современном Казахстане фундаментальных исследований по этому направлению крайне мало. В трудах известного казахстанского историка Ж. Абылхожина казахстанская целина рассматривается как часть социально-экономической истории Казахстана XX в. [8]. Хозяйственно-экономические и экологические проблемы вопроса раскрываются в кандидатской диссертации А.С. Абдырайымовой [9]. Уделено достойное внимание демографическим и миграционные процессам в годы освоения целины [10–12]. Зарубежные исследователи интересовались в основном межэтническими отношениями [13]. Роль Н.С. Хрущева в казахстанской целинной эпопее частично исследована историками современного Казахстана [14, 15], однако и здесь остается много белых пятен. Подводя итог краткому историографическому обзору, следует резюмировать, что проблема деятельности советских ученых в освоении целинных и залежных земель практически не освещена.

Цель предпринятого исследования – введение в научный оборот новых источников, раскрывающих суть взглядов А.И. Бараева, который смело отстаивал свое мнение перед высшим руководством СССР, несмотря на риск для своей карьеры, а также анализ противоречий во взглядах на пути развития целинного земледелия, возникших среди сотрудников Института зернового хозяйства в ходе реализации идей ученого.

Для достижения поставленной цели определено несколько задач: представить научные идеи А.И. Бараева, выявить причины возникновения споров с Н.С. Хрущевым, проанализировать влияние этих споров на работу коллектива института, показать место партийных органов в научных дискуссиях ученых, понять суть разногласий между сотрудниками.

Источниками исследования стали документы различных видов, от воспоминаний очевидцев до протоколов партийных организаций, переписки и других архивных материалов. Мы использовали фонды Государственного архива Акмолинской области, где хранятся неопубликованные материалы Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства и его партийной организации, документы личного фонда А.И. Бараева. В воспоминаниях сотрудников и интервью хорошо представлена внутренняя жизнь коллектива.

Методологическая основа работы – концепция истории повседневности, биографический метод и метод дискурс-анализа. Мы обратили внимание на традиционные приемы и методы проведения дискуссий в рамках научного и политического дискурса сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства (ВНИИЗХ).

Казахский научно-исследовательский институт зернового хозяйства был открыт в 1956 г. (с 1961 г. стал Всесоюзным), после официального объявления в 1954 г. программы освоения целинных и залежных земель. Логичнее было бы сначала изучить степные земли, и лишь затем на основе исследований ученых их осваивать. Однако пропаганда и осуществление этого проекта во многом были связаны с дезинформационным прикрытием другого, более важного для обороны СССР проекта – создания космодрома Байконур. Таким политическим маневром можно было как-то объяснить передвижение больших людских потоков и техники, связанных со строительством этого объекта. Поэтому научный подход к столь масштабной земельной реформе начал формироваться с большим запозданием.

Перед коллективом Научно-исследовательского института зернового хозяйства стояли трудные задачи, в число которых входила разработка системы земледелия на распаханных целинных и залежных землях, площадь которых составляла в Казахстане 25,5 млн га, в том числе в северных областях Казахстана 19,5 млн га [16. Л. 168]. Усилиями А. Бараева было создано мощное опытное хозяйство на площади 60 тыс. га, в том числе 47 тыс. га пашни, которое первоначально возглавил В. Фогель, затем его сменил А. Селезнев [17. С. 16]. Уже в 1961 г. институт получил статус всесоюзного.

Директор ВНИИЗХ А. Бараев был талантливым ученым, который долго исследовал климат Северного Казахстана и предложил несколько теорий решения

земельного вопроса. Во-первых, он был сторонником идеи агронома Т. Мальцева об обработке почвы безотвальными плужками. Во-вторых, сторонником чистого пара (малое орошение, фактор накопления влаги в почве и плодородия, возможность эффективной борьбы с сорняками). Он постепенно развивал эти идеи и внедрил их в производство. Еще в 1957 г. А. Бараев съездил в Канаду, где увидел передовую сельскохозяйственную технику, и сразу же по приезду взялся за разработку новой системы земледелия.

Научно-исследовательской работе ученых Института зернового хозяйства помешал политический фактор. Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев посетил в 1961 и 1964 гг. город Целиноград. В сфере его внимания оказался и институт, который к тому времени приобрел всесоюзное значение. В 1961 г. произошел первый конфликт между Н. Хрущевым и директором института А. Бараевым. Прежде всего, Н. Хрущеву не понравился чистый пар, или новая система земледелия, предложенная А. Бараевым. Н. Хрущев хотел быстрых решений проблем сельского хозяйства, ему нужны были конкретные результаты за короткий срок.

В архиве сохранилось письмо аграрника К.И. Деревянко, где он пишет: «Разгоревшийся в 1961 г. спор вокруг чистых паров между двумя учеными – Наливайко и Бараевым – закончился к 1963 г. провалом официальной линии. Горох забаллотирован на большей части районов целины. В 1964 г. под влиянием свыше Савостин возобновил эти споры. Вместо того чтобы предоставить возможность самим ученым в спокойных тонах во всем разобраться, вмешивалась грубая сила, страсти раскалили, людей друг на друга натравили, и научный спор, вполне правомерный в нормальных условиях, получил этакий политиканский налет. В.Г. Савостин выдвинул хорошую идею: треть пашни отвести под лучшие предшественники. Это его обязательное условие для расцвета целины, но чтобы там были: кукуруза, горох, чистые пары и травы. Чистых паров Савостин предлагает не больше 10%. Его в этом поддержал Хрущев и противопоставил Бараеву. Но ведь Хрущеву и Савостину известно, что большинство целинных совхозов имеет недостаточно развитое животноводство, и кукурузой засевают 5–8% пашни, горох отклонили, трав 4–5%. Бараев твердо стоит на своем, 20% пашни под чистые пары, остальное травы, можно кукурузу, кое-где горох. А.И. Бараев смело выступил на пленуме ЦК за чистые пары, и реплики его не смутили. В августе на полях института его подвергли оскорблениям, это его не сломило. Он не поступился совестью ученого» [18. Л. 14].

Надо отметить, что упомянутый Владимир Григорьевич Савостин, бывший заместитель начальника Кустанайского областного управления сельского хозяйства, в те годы работал директором Карабалыкской сельскохозяйственной опытной станции. Он был соратником Н.С. Хрущева с начала освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане. В 1953 г., после сентябрьского пленума, заместитель министра сельского хозяйства Казахской ССР К. Дияров вместе с казахстанской делегацией встретился с Н. Хрущевым. Именно тогда они впервые узнали о его грандиозных замыслах [19. Л. 2]. В этой встрече участвовал и заместитель начальника Кустанайского областного управления сельского хозяйства В.Г. Савостин. Как видно, В. Савостин был очень хорошо знаком с Н. Хрущевым с первых дней реализации целинного проекта. Таким образом, у академика А. Бараева появились серьезные оппоненты в решении проблем казахстанской целины.

Кампания против А. Бараева началась в партийном комитете института. Шквал критики был адресован ученым. Партком и первичные партийные организации стали больше заниматься работой научных отделов и лабораторий, научно-производственной деятельностью опытного хозяйства, провели работу по повышению «ведущей роли коммунистов».

Почему члены партийного комитета были так активны в этот период и почему у директора института было мало союзников среди коммунистов? В институте работали близкие соратники А. Бараева – беспартийные ученые Э. Госсен, А. Зайцева, В. Кузьмин. Эрвин Госсен к тому же был депортированным немцем, его приняли в число коммунистов только в 1970-х гг. Александра Зайцева была бывшей узницей Карлага, до конца не реабилитированной, Владимир Кузьмин – бывшим офицером армии адмирала Колчака, который попал на Шортандинскую опытную станцию в конце 1930 гг., оба не стали коммунистами и в последующие годы. Членами же партийного комитета института были в основном не научные сотрудники, а коммунисты из местных органов партии.

Разлад с парткомом постепенно усугублялся. А. Бараев из 24 заседаний партийного комитета присутствовал только на девяти. В протоколах партийного комитета зафиксировано: «Иногда А. Бараев допускал нетактичность, пытался командовать работой парткома, даже без основания на это пытался отложить работу парткома. Примерно с декабря месяца со стороны А. Бараева наблюдается (так в тексте. – *А.М.*) обходить партийную организацию, не опирается и на другие общественные организации. Всю работу дирекции института пытается построить, надеясь на свой авторитет, без опоры на партийную организацию, что иногда приводит к замедлению выполнения приказа и распоряжения директора, а иногда эти распоряжения повторяются. А. Бараев делает попытки ограничить работу парткома» [20. Л. 73].

В январе 1964 г. первичная партийная организация дважды принимала решение провести партийное собрание и обсудить вопрос «О работе ученого совета», где докладчиком должен был быть А. Бараев, но он такого доклада так и не подготовил. А вот 2 января 1964 г. директор Института сделал доклад на другую тему: «Итоги работы декабрьского пленума ЦК КПСС и задачи партийной организации». Критика началась со стороны коллег, секретарь парткома О. Сдобникова говорила: «В свете решений пленума большие задачи стоят перед институтом и опытным хозяйством». А. Гуцаки: «Пленум прошел, а в институте ничего не сделано. Уровень работы в институте не удовлетворяет требованиям института. Надо предъявить требования к ученой части института» [20. Л. 4].

Партийный комитет обязал директора института к 1 февраля разработать мероприятия по дальнейшему, более широкому развертыванию в институте научно-исследовательской работы. 6 февраля А. Бараев выступил с докладом на тему: «Февральский пленум ЦК КПСС и задачи партийной организации ВНИИЗХ» [20. Л. 15].

Конечно, партийное собрание признало, что коллективом института достигнуты определенные успехи, например разработана система земледелия для Целинного края, включающая способ безотвальной обработки почвы, что обеспечивало максимальное накопление влаги и противоэрозийную защиту почв. Кроме того, выявлены оптимальные сроки сева зерновых культур, виды, дозы и способы внесения удобрений и гербицидов, улучшились и разрабатываются конструкции почвообрабатывающих и посевных машин для районов, подверженных ветровой эрозии. Но при этом, были указаны недостатки: «В институте недостаточно изучены наиболее эффективные способы и дозы внесения удобрений, сроки, дозы и способы применения гербицидов под зерновые, кукурузу и сахарную свеклу» [21. Л. 14]. Последовала также критика со словами: «Оторванно от запросов производства ведутся исследования в отделе кукурузы» [21. Л. 10].

Надо было спасать директора. 16 июня 1964 г. ученый из Ленинграда К. Деревянко отправил письмо А. Бараеву. У него было несколько вопросов: какие у академика было споры с Савостиным, в чем он прав и не прав; сколько у института угодий, чистых паров, пшеницы, пропашных, гороха; отвальной и безотвальной пахоты; по каким предшественникам пашня пшеницы; засоренность земель овсюгом; сроки посева в этом году; какие сорта пшеницы и т.д. Он посетил институт в сентябре того же года. Второе письмо было написано 6 октября. В нем еще несколько вопросов к А. Бараеву: какие он считает необходимым поставить вопросы перед ЦК по целине; сколько сдано хлеба; сколько зерна на токах; все данные по Целинному краю и др. [18. Л. 5]. Вскоре именно Деревянко написал письмо поддержки А. Бараева в адрес высших партийных органов, в том числе Первому секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу.

А. Бараев оказался в сложной ситуации. В августе 1964 г. он поссорился с Н. Хрущевым на полях целинных земель, споры продолжились и в стенах института. Ближайший соратник А. Бараева академик Э.Ф. Госсен вспоминает: «В то время я работал заведующим лабораторией и ближайшим помощником Бараева, в белом халате заходил в кабинет, заносил пышущие жаром хлебцы из целинного хлеба и слушал их острый поединок. Вторая встреча была более драматичной. А.И. Бараев зачем-то вышел из кабинета, а Н.С. Хрущев заметил, как бы жалуясь на собеседника: “Ваш директор, Бараев, у него кошачий характер, царапается как кошка. Заладил: пары, пары, пары”. Александр Иванович согнулся, говорил мягко, извиняющимся тоном: “Знаете, Никита Сергеевич, по парам урожай в два раза выше”. Он доказывал, что хлебороб не может безнаказанно из года в год засевать поля, земля может истощиться. Часть полей надо отвести под пар и травы. Хрущев возмущался, кричал, что такой подход является расточительством земли» [22. Л. 1].

О событиях, как очевидец, рассказывал тогдашний сотрудник института академик М. Сулейменов: «Самой драматичной в истории становления почвозащитной системы земледелия стала полемика вокруг чистых паров. Кульминацией этой полемики стал приезд тогдашнего лидера Компартии страны Н.С. Хрущева на целину. В ходе этой поездки он посетил Институт зернового хозяйства для встречи с учеными. У Хрущева в это время была идея сокращения площади паров и замены их посевами кукурузы и зернобобовых культур. А тут Бараев стал настойчиво отстаивать необходимость расширения площади паров. Это, конечно, возмутило генсека, и он стал резко высказываться против чистых паров. Полемика началась в поле при показе опытов и продолжилась в институте, где Бараев пытался убедить лидера партии в том, что для степных регионов чистые пары обязательны и их площади надо не сокращать, а расширять для ведения устойчивого земледелия. Это взбесило Хрущева, и тут в разговор включился Сдобников, который сказал, что чистые пары – это временное явление, и сейчас ведутся успешные опыты по занятым парам. Действительно, такие опыты вел Б. Копеев, аспирант Сдобникова. Это направление устроило Хрущева, и он сказал, что это другая постановка вопроса. Потом заведующая отделом агрохимии О.В. Сдобникова показала опыт по удобрениям, который понравился Хрущеву. Он даже спросил Сдобникова: “Это точно ваша жена?”, – на что С. Сдобников ответил: “Это так же точно, как то, что Сдобников – это я” [23. Л. 2].

Н. Хрущев поддержал позицию С. Сдобникова, который убеждал, что чистые пары применяются временно, для борьбы с сорняками, а по мере очищения полей от сорняков чистые пары будут заменяться занятыми [17. С. 25]. Директора хотели снять с должности. Его соратники говорили, что последовало указание об отставке. Секретарем Целинного крайкома партии Коломийцем уже был подготовлен приказ, но его исполнение не состоялось. Н. Хрущева сняли с должности Первого секретаря ЦК КПСС 14 октября 1964 г. Таким образом, А. Бараев смог противостоять необузданному, властному Н. Хрущеву в трудные годы.

Хотя Н. Хрущева отстранили от власти, директора А. Бараева ждали непростые дни. С подачи и при поддержке Н. Хрущева в институте возникла целая группа оппонентов. Споры между учеными в институте продолжались. Отношения А. Бараева с партийном комитетом института окончательно испортились. 30 октября 1964 г. он во время собрания встал и ушел без разрешения. А. Бараев периодически не участвовал в партийных собраниях. Активизировался заместитель директора института С. Сдобников. Он был заведующим отделом земледелия еще с основания института. После поддержки Н. Хрущева отдел земледелия, возглавляемый С. Сдобниковым, не участвовал в работе над проблемой защиты почв, хотя защита почвы от эрозии была основополагающим направлением работы института.

С годами у С. Сдобникова образовалась своя команда. В нее вошли его единомышленники и ученики:

А. Гуцаки – заместитель директора, ученый секретарь института, А.С. Троянов – ученый секретарь института, А. Абдрахманов – секретарь парткома, Б. Копеев – молодой кандидат наук. Все они были коммунистами и в полной мере участвовали в партийных собраниях института, которые превратились в поле разбора заявлений этих сотрудников.

В первую очередь у А. Бараева испортились отношения с заместителем по науке С. Сдобниковым. Они работали в институте с основания и первоначально не конфликтовали. Скорее всего, конфликт Н. Хрущева с А. Бараевым и его личная поддержка оппонентов Бараева оказали влияние на изменение отношений. С. Сдобникову прочили место директора, так как он был первым заместителем А. Бараева, издал монографию, закончил докторскую диссертацию, собирался защищаться. А. Бараев был только кандидатом наук и в то же время членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, труды которого были известны во всем Советском Союзе.

Партийный комитет подливал масла в огонь спора ученых. В 1964 г. вышла книга С. Сдобникова «Вопросы земледелия в Целинном крае» [24], и партийный комитет планировал принять книгу как ценное руководство по целинному земледелию.

Союзники А. Бараева из Москвы хотели помочь ему в трудные минуты. 14 ноября 1964 г. К.И. Деревянко отправил письмо в Президиум ЦК КПСС, Первому секретарю ЦК КПСС Л.Н. Брежневу, Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину под названием «О положении дел на целине». В письме он написал следующее: «Вот сейчас мы лишний раз убеждаемся, как опасно для нашего великого дела, когда младшие из-за робости поддакивают старшему, не дают отпора диктату и терпят безрассудства. В этом отношении по-рыцарски благородно выглядят поступки и поведение директора Шортандинского института зернового хозяйства А.И. Бараева, у которого, не без тревоги за свою судьбу, хватило гражданского мужества, в отличие от всех, выступить на февральском пленуме, а позже в августе на полях института в единоборство с главой правительства по важнейшим и принципиальным вопросам земледелия на целине. Давно мы такого не слыхали. К сожалению, у нас не замечают, а точнее, опасаются таких людей и не выдвигают в высшие звенья руководства, где бы они могли, невзирая на лица, давать бой волюнтаризму, ибо там он наиболее опасен для судеб народа и наших идей и наделал уже много бед» [18. Л. 3].

Между тем в отчетном докладе партийного комитета института за 1964 г. подвергся критике его ученый совет: «Созывается он беспланово, в его работах нет коллегиальности, некоторые заседания организуются наспех и не способствуют творческому проявлению и активному участию ученых» [25. Л. 72]. В качестве примера показали вопрос о представлении С. Сдобникова к защите докторской диссертации.

1965 год начался с разбирательства в партийном комитете института. В конце 1964 г. заместитель директора С. Сдобников написал заявление в крайком партии, которое подписали сотрудники института – секретарь парткома А. Абдрахманов, заместитель директора А. Гуцаки, ученый секретарь института А.С. Троянов. В нем содержалась жалоба на директора А. Бараева.

26 января 1965 г. на партийном собрании института присутствовали секретарь Целиноградского обкома КП Казахстана Ю.Г. Подтыкайло, секретарь Целиноградского РК КП Казахстана Трофимов. На собрании обсуждали взаимоотношения между членами руководства института. В обсуждении участвовали все сотрудники, как сторонники, так и противники А. Бараева. Сотрудники института Ф.П. Черемичкин, И.Г. Зинченко, Е.В. Колесникова обвинили секретаря парткома Абдрахманова, что он не смог решить эту проблему внутри института: «О взаимоотношениях между директором Института А.И. Бараевым и С.С. Сдобниковым – деловые споры были, но о том, что они дошли до такого обострения, сотрудники не могли знать. Споры в науке должны быть. Споры дошли до такого обострения, в нем повинен партком института, его руководитель Абдрахманов». Сотрудник Г.Т. Дунин отметил: «Взаимоотношения между Бараевым и Сдобниковым скрывались даже от членов парткома. Почему не поставили этот вопрос на парткоме института? Сдобников на бюро крайкома вел себя неправильно. Зачем ему было организовывать какую-то группу?» [26. Л. 4]. Действительно, секретарь парткома Абдрахманов не собирал по этому вопросу общего собрания коллектива. Он хотел решить вопрос с помощью комиссии обкома. Некоторые сотрудники выступили против А. Бараева. Например, С. Синицын отмечал, что медленно ведется селекционная работа, нет теплиц, А. Бараев неправильно относится к сильным пшеницам.

Были и мнения, в которых раскрылась суть вопроса. По словам директора опытного хозяйства А.А. Селезнева, «разногласия между директором института А.И. Бараевым и его заместителем С.С. Сдобниковым особенно обострились с 14 октября 1964 г., т.е. после посещения института Н.С. Хрущевым, после ученого совета по этому вопросу. Через некоторое время распространился ложный слух о том, что А.И. Бараев снят с работы и якобы будет назначен на должность директора С.С. Сдобников. Это внесло еще больше обострения» [26. Л. 5]. И.В. Антонов подчеркнул: «Спор между Бараевым и Сдобниковым – это принципиальный спор. От правильности зависит земледелие Целинного края. А.И. Бараев прав, отстаивал чистые пары, Сдобников в своих рекомендациях не всегда последователен. В книге на одной странице он пишет, что чистые пары для Целинного края – большая роскошь, через несколько страниц встречаются противоположные взгляды. Мне непонятен конфликт между Бараевым А.И. и Сдобниковым С.С. А.И. Бараев, являясь директором Института, совершенно правильно требовал соблюдения С.С. Сдобниковым подчиненности. Я считаю, это основное требование дисциплины» [26. Л. 5].

В конце собрания слушали С. Сдобникова и А. Бараева. Сдобников С.С.: «Неудобно, что вопрос этот на настоящем партийном собрании обсуждается после всех решений. Работаем мы вместе с Бараевым А.И. уже 10 лет. Были за это время споры, разногласия, но они входили в колею. А этот спор вылился вовне.

Ложный слух о том, что Сдобников хотел стать директором доведен до краевого комитета партии и даже до центральных организаций. Это ложный слух, и я к нему не имею никакого отношения. До 1960 г. в разногласиях наших была норма, а с 1960 г. имели место обострения, и на это оказывала отрицательное влияние Зайцева. Я одно время вносил предложение о том, чтобы в разногласиях опираться на парторганизацию, но с этим А. Бараев не считался. Те предложения, которые были сделаны институтом производству до этого времени – они согласованы, я их разделяю. Никто не выступает против паров, но этот вопрос сложный. Главной причиной разногласий являются методы научных доказательств и руководства. То, что сказал А. Бараев, – это выдавалось за мнение института. Оно не обсуждалось и не уточнялось. Были возражения. Из-за этого многие вещи стали восприниматься нервозно. Была необходимость проверки работы отдела почвоведения, но Бараев приказ не подписал. Из-за разногласий я дважды хотел уйти из института» [25. Л. 11].

Бараев А.И.: «Я работаю со дня основания института и все силы отдаю для института. Меня удивило выступление Сдобникова. Нужно было сказать коммунистам, что в письме была написана клевета, а С. Сдобников говорит, что в письме изложены правдивые факты. С. Сдобникову необходимо признать это. Но С. Сдобников идет на усложнение отношений. Я доложил обкому и крайкому разобрать наши взаимоотношения. Сдобников говорит, что причиной конфликта является Зайцева А.А. Но это не так, тов. Зайцева А.А. приносит большую пользу и на директора она никак не влияет. Сдобников С.С. предлагал снять с работы Зайцеву А.А., но я отказал. Сдобников отказался принимать участие в создании противоэрозионных машин. Нужно С. Сдобникову переоценить свои позиции. Не знаю, как после этого можно это понимать, он не выполняет решения крайкома. Ученый должен брать на себя ответственность в деле рекомендаций, даже не ожидая завершения исследований. Сдобников обманул партийное собрание, сказав, что проведение ученого совета по материалам конкурса согласовано со мной. Никакого согласования не было» [26. Л. 11]. Упомянутая А. Зайцева – известный ученый, ученица академика Вавилова, ближайшая соратница А. Бараева, в институте была заведующей отдела агрохимии. Вся работа, связанная с борьбой за защиту почв в институте, была в сфере ее ответственности.

В итоге слово взял секретарь партийного собрания А.Л. Молчанов: «Руководству института необходимо сделать соответствующие выводы из решения крайкома партии. Из выступления С. Сдобникова, которое я вообще считаю примирительным, хорошим, можно заключить, что он учел решение бюро крайкома, однако меня лично настораживает то, что заявление на имя секретаря крайкома он считает в основном правильным. Это далеко не так. В этом заявлении написано очень много неправильного. Это С. Сдобникову надо признать, и только тогда появится основа для совместной работы с директором института Бараевым. Поведение Гуцаки на ученом совете после приезда Хрущева – это приспособленчество. Все это говорит о том, что он не может оставаться на руководящем посту в Институте» [26. Л. 13]. Со стороны казалось, что споры исчерпаны и противники договорились.

В постановлении партийного собрания отмечено, что одной из причин серьезных недостатков в работе института являются неправильные взаимоотношения между директором института А. Бараевым и его заместителем по науке С. Сдобниковым. Партком обязывает их установить между собой нормальные и деловые отношение в работе. Несмотря на споры, и С. Сдобников, и А. Бараев сказали, что могут вместе работать и дальше.

20 июля 1965 г. на партийном собрании на повестку дня был поставлен доклад секретаря парторганизации А. Молчанова «О выполнении уставных требований и партийных поручений коммунистов института». В докладе он остановился на директоре института А.И. Бараеве: «Всем нам известно, что тов. Бараев является крупным ученым, умеющим не только обосновать, но и отстаивать свои идеи и взгляды независимо от каких бы то ни было конъюнктурных соображений. Это одна из самых сильных сторон А. Бараева как ученого. Вам всем известно, что и раньше, и особенно в прошлом году на тов. Бараева периодически обрушивались необоснованные нападки, причем не только извне, со стороны лиц, стремящихся волевыми решениями подменить научно обоснованные факты, но и со стороны своих доморощенных конъюнктурщиков (я имею в виду выступление на ученом совете в прошлом году в сентябре месяце тов. Гуцаки, затем заявление в крайком партии тов. Сдобникова и другие документы). Партийная организация и руководимый ею коллектив ученых поддержали, если хотите, защитили тов. Бараева в то время» [27. Л. 5–10]. Он указал и недостатки: «Во-первых, недостаточное внимание к подбору руководящих кадров. Во-вторых, передоверие управления институтом, в том числе вопросами подбора и подготовки кадров, руководства опытным хозяйством, своим заместителям. В-третьих, неудовлетворительное руководство работой ученого совета. В-четвертых, неудовлетворительное руководство своими аспирантами. В-пятых, проявление чванства, окриков и обрывов в обращении с людьми, в том числе и с отдельными научными сотрудниками». А. Молчанов задается вопросом: «Освободился ли А. Бараев от этих недостатков в настоящее время? Да, от большинства из них он освободился: он крепко взял в свои руки руководство институтом, значительно больше стал уделять внимания подбору и расстановке кадров, безусловно улучшил руководство работой ученого совета» [27. Л. 22].

О заместителе директора А. Гуцаки А. Молчанов говорил следующее: «Я уже указал на выступление А. Гуцаки в прошлом году на заседании ученого совета (он выступил во время конфликта Н. Хрущева и А. Бараева), свидетельствующее о его беспринципности как ученого. Хотелось бы посоветовать А. Гуцаки, чтобы в будущем он этого не делал. Я еще об одном качестве А. Гуцаки – о его пустозвонстве. А. Гуцаки пока еще нигде не заявлял о допущенных ошибках и ни перед кем за них не ответил» [26. Л. 23].

Противостояние А. Бараева и сподвижников С. Сдобникова в институте продолжалось и в последующие годы. В 1965 г. С. Сдобников защитил докторскую диссертацию на тему: «Вопросы земледелия в Целинном крае» в Омском сельскохозяйственном институте им. С.М. Кирова [28]. После этого он ушел из института и стал директором Сибирского НИИ сельского хозяйства.

На его место, заместителем директора по науке, назначили В.М. Слободина. Однако, как говорилось в отчете института, за один год то, что было упущено в предшествующие годы, когда заместителем директора был С. Сдобников, практически невозможно наверстать [29. Л. 45]. Вторым заместителем директора остался соратник С. Сдобникова А.Д. Гуцаки.

Несмотря на трудности, в 1965 г. ученые института достигли серьезных успехов в своей деятельности. Проделана большая работа по всесторонней разработке и совершенствованию новой системы земледелия, созданию новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, по проверке в условиях своего хозяйства рекомендаций ученых института. Сессия ВАСХНИЛ прошла в г. Целинограде.

Теперь А. Бараев хотел сгладить отношения с партийным комитетом, в том числе обратив внимание коммунистов на научно-исследовательскую работу института. 12 апреля 1966 г. на открытом партийном собрании, впервые за много лет, был поставлен отчетный доклад директора института [29. Л. 34–61], в котором изложены и достижения, и недостатки. Например, серьезным недостатком является качество семян по всхожести. По отделу селекции существенным недостатком является то, что за последнее время не районировано ни одного нашего сорта яровой пшеницы. По отделу земледелия – работники оторваны от опытного хозяйства. Агротехнические требования на новые почвообрабатывающие орудия и сеялки вынуждены разрабатывать агропочвоведы. По отделу агропочвоведения проделано немало работы, но специалисты сельского хозяйства ждут от отдела фундаментального труда по ветровой эрозии, а он до сих пор не подготовлен. Отделу механизации были поставлены ответственные задачи по исследованию, а также разработке органов почвообрабатывающих орудий и сеялок для районов, подверженных ветровой эрозии. Однако положение с работой в этом отделе в целом неудовлетворительно. В отделе плодородия почвы работа была развалена.

А. Бараев поставил первостепенной задачей увеличение остепененности кадров института. Доклад отличался критичностью. В прениях участвовали все заведующие отделов. Ученые докладывали о проделанной работе, искали пути дальнейшего улучшения результатов. Обсуждение доклада шло на высоком научном уровне. И впервые за много лет секретарь партийного комитета А. Молчанов одобрил научно-исследовательскую работу Института.

Однако некоторые соратники бывшего заместителя директора С. Сдобникова опять выступили против А. Бараева. Например, в таком ключе выступил А. Гуцаки, заместитель директора по селекции и семеноводству.

В 1966 г. в государственное сортоиспытание были переданы два новых сорта льна и один сорт подсолнечника, выведенные В.П. Кузьминым, Н.Е. Моисеевой и И.Ф. Нетунаевой [29. Л. 42]. Очень серьезные недостатки в институте были в работе отдела селекции. А. Гуцаки курировал этот отдел, но не помогал в работе. С приходом нового заместителя директора – В.М. Слободина – произошло много изменений, но наверстать упущенное было очень трудно. Вновь начались разбирательства на партийном уровне.

13 мая 1966 г. на заседании парткома института обсуждался вопрос о самовольной продаже руководством опытного хозяйства некондиционного зерна совхозу «Октябрь» Целиноградского района. Выступил главный агроном А.Ф. Готовец и признал вину: он продал по просьбе главного агронома совхоза «Октябрь» 200 т пшеницы сорта Саратовская. Такие семена могли производиться с разрешения Министерства сельского хозяйства, областного управления. А. Бараев не знал об этом, продажа семян должна была согласовываться с институтом. Он отметил, что такие вольности не должны повториться. Однако заместитель директора А. Гуцаки говорил очень резко: «Этот поступок руководства опытного хозяйства надо осудить не как дело подрыва престижа института. А надо смотреть с государственной точки зрения. Это зерно, а не семена. Мы не имеем права вывозить такое зерно без согласования с советской властью. Это антигосударственный подход к делу» [30. Л. 5–8]. Он осудил и руководство института, которое продало зерно в Сибирский НИИ зернового хозяйства. А. Гуцаки требовал снять А.А. Селезнева директора опытного хозяйства и упрекал того, что у него среднее образование. Заместитель директора В.М. Слободин, секретарь опытного хозяйства Л.В. Трефилов выступили против снятия директора опытного хозяйства. А. Бараев заявил: «А. Гуцаки задал тон совершенно неправильный. Делать упрек А.А. Селезневу, что он имеет среднее образование, – это бестактность. Когда его ставили на этот пост, все знали о его образовании, даже министр сельского хозяйства. В вопросах сельского хозяйства он компетентен, и ставить вопрос о его пребывании на посту директора нет оснований. А. Гуцаки все время курировал опытное хозяйство, и отрицать вам этого нельзя. Тут, следовательно, и ваша есть вина» [30. Л. 8]. В постановлении заседания партийного собрания объявлен выговор агрономам, а директору предупреждение.

6 июня 1966 г. на заседании рассмотрели заявление заведующего отделом координации Н.И. Ивлиева о снятии с партийного учета в связи с переходом на другое место работы. Одна из причин – недоброжелательное отношение со стороны директора института А.И. Бараева. Объяснялось это так: «История отношений между ними имеет два этапа: а) первые полгода – хорошие, вплоть до приглашения Ивлиева на пост заместителя директора; б) период после проверки работы ученой части комиссией, созданной по решению партбюро. Председателем этой комиссии, которая вскрыла много серьезных недостатков и ошибок в работе администрации, был Ивлиев, ему же было поручено сделать доклад о проверке работы ученой части на партийном

собрании. С этого времени отношение к Ивлиеву со стороны А. Бараева резко ухудшилось. Прекратились разговоры о выдвижении на должность зам. директора. Со стороны А. Бараева стали допускаться грубые и необоснованные нападки, начиная с координационного совещания, нервозная необоснованная критика и изоляция» [31. Л. 25–28].

Ивлиеву задал вопрос А. Гуцаки с целью узнать основную причину его ухода. Н. Ивлиев ответил, что главной причиной является ненормальное отношение к нему со стороны А. Бараева. И начались новые споры по этому вопросу [31. Л. 10]. На вопрос Молчанова Н. Ивлиев ответил, что после поступления приказа Министерства сельского хозяйства, содержащего два пункта: об освобождении С. Сдобникова от обязанностей заместителя директора и о назначении на эту должность Н. Ивлиева, был выполнен лишь первый пункт приказа, освобожден С. Сдобников. Ивлиева же заместителем директора не назначали и распространяли слухи о том, будто Н. Ивлиев отказывается занять эту должность. Причем фактически с Н. Ивлиевым ни А. Бараев, ни какой-либо представитель дирекции на эту тему не беседовали. Позднее, уже по настоянию Молчанова, А. Бараев имел беседу с Н. Ивлиевым. Однако Н. Ивлиев теперь стать заместителем директора отказался, поскольку А. Бараев информировал, что вся черновая работа будет лежать на Н. Ивлиеве, а другой заместитель – Слободин – как имеющий степень доктора наук будет в основном представлять лицо института на совещаниях, комиссиях, делегациях и т.д. В обсуждении принимал участие и заместитель директора Слободин, он не знал об этой ситуации. Выступил А. Гуцаки, приводя аналогичные примеры из недалекого прошлого. В конце концов удовлетворили просьбу Н. Ивлиева.

23 июня 1966 г. на партийном собрании начался разбор заявления Б.А. Копеева, ученика С. Сдобникова, о снятии его с партийного учета в связи с переходом на другую работу. Он объяснял это так: «Я родился в Кокчетавской степи, вырос в степи... Будучи аспирантом С. Сдобникова, я работал над темой о занятых парах, по этой теме успешно защитил диссертацию. Затем произошли известные членам бюро споры между директором института А. Бараевым и его бывшим заместителем С. Сдобниковым. У них были принципиальные расхождения. Я как бывший аспирант С. Сдобникова, естественно, принимал в этом принципиальном споре позицию С. Сдобникова. С. Сдобников ушел из института. С тех пор начались игнорирование меня и изоляция меня от любых проводимых институтом работ, меня перестали приглашать на совещания, директор института А. Бараев ищет повод, чтобы скомпрометировать выводы, которые я получил в своей диссертационной работе, намекает на то, что я подтасовывал факты, фактически закрыл мне пути для общения с производственниками – я являюсь зав. лабораторией агротехники полевых культур, но меня не только не сделали руководителем бригады ученых, шефствующих над одним из хозяйств Шортандинского района, но и не включили ни в одну из бригад» [31. Л. 20–21]. Он даже использовал фактор своей национальности, сказав, что его приглашают на совещания и встречи с делегациями только тогда, когда надо иметь казаха. Таким образом, он обвинил руководство института в принижении его как казаха, что в советское время было серьезным обвинением. Но руководство института быстро решило эту проблему, на его место поставили молодого ученого, казаха М. Сулейменова.

28 июня 1966 г. была создана комиссия по проверке работы отдела семеноводства в связи с разбором заявления А.Д. Гуцаки о привлечении к партийной ответственности за неудовлетворительное руководством отделом семеноводства И.В. Антонова [31. Л. 22–24]. Это тоже было проявлением очередных нападок на руководство, ничем необоснованным.

Осенью второй заместитель директора А.Д. Гуцаки опять выступил против А. Бараева. Приводим выдержку из протокола заседания ученого совета, в которой дается оценка его поведения: «Всем нам, очевидно, известно, что ученые нашего института в свое время выдержали различные нападки на различных уровнях, цель и задача которых состояли в том, что сбить коллектив ученых с правильного пути, навязать сельскохозяйственному производству необдуманные, необоснованные и в высшей степени вредные рекомендации. К чести нашего коллектива ученых нужно сказать, что мы выдержали это тяжелое испытание. Вместе с нами плечом к плечу боролись за наши рекомендации абсолютное большинство специалистов и руководителей совхозов Северного Казахстана. И в эту тяжелую минуту для коллектива заместитель директора по науке А. Гуцаки, используя сложившуюся конъюнктуру, заявляет на ученом совете, что он отмежевывается от взглядов коллектива» [30. Л. 21]. А. Гуцаки был ответствен за тяжелое состояние отдела селекции, работу лаборатории масличных культур и опытного хозяйства. После таких скандалов его не утвердили на должность заместителя директора и областной комитет партии, и Министерство сельского хозяйства СССР. С этого года ученые начали помогать Шортандинскому району, в пяти хозяйствах района начали работать университеты сельскохозяйственных знаний. Руководить этими университетами должен был А. Гуцаки, но он провалил работу.

16 ноября 1966 г. на отчетно-выборном собрании партийной организации института доклад сделал секретарь парткома И.В. Антонов. При обсуждении доклада возникла долгая дискуссия. Выступление А.Д. Гуцаки было направлено против деятельности парткома в лице Антонова, а также своих коллег. Он говорил: «Научная деятельность института была бы более плодотворной, если бы не ряд недостатков, промахов и ошибок. Не все обстоит так гладко, так розово, как доложил Антонов. Институтом даны неправильные рекомендации по загущению посевов пшеницы и более мелкой заделке семян. Это привело к ошибкам в совхозах, о чем было изложено в статье секретаря Есильского района партии в газете “Целиноградская правда”» [29. Л. 62]. А.Д. Гуцаки указал на ошибки в подборе и расстановке научных кадров, допускаемые в результате неправильных указаний директора А. Бараева. Он сказал, что в институте был конфликт между и.о. зав. отде-

лом селекции Л.Д. Тараном и зав. лабораторией селекции яровых пшениц В.И. Кандауровым. По лаборатории масличных культур та же самая ситуация. А опытная станция по просьбе С. Сдобникова и по указанию А. Бараева продала Омскому НИИ 300 т сортовых семян яровой пшеницы [29. Л. 64]. А. Гуцаки использовал этот момент против А. Бараева, он указывал, что все, что было написано в известном заявлении 1964 г., полностью соответствовало действительности. По его мнению, «А. Бараев не сделал должных выводов из решения крайкома партии 1964 г., когда на него наложили партвзыскание, он упорно продолжал насаждать нетерпимые методы в руководстве, игнорирует здоровые устремления подавляющего большинства коммунистов, всячески поощряет угодничество, низкопоклонство, изоляцию первичной организации и особенно отдельных коммунистов» [29. Л. 65]. После таких заявлений А. Гуцаки дискуссия обострилась.

В эти годы Казахстан дал более 1 млрд пудов хлеба. Конечно, в этом была и прямая заслуга работников института, но в самом институте продолжались склоки и дискуссии, мало связанные с подлинной наукой.

Директор института А. Бараев констатировал: «Неоспоримы успехи в институте. Опытное хозяйство становится образцовым. А. Гуцаки в свое время совершенно неправильно подписал документ клеветнического характера. Я в отношении А. Гуцаки никаких мер не принимал, я считал, что А. Гуцаки поймет свои ошибки как старый коммунист. Будет более правильно, если мы попросим РК КПК рассмотреть поведение А. Гуцаки. У нас есть еще недостатки, и эти недостатки, к сожалению, не устранены, но есть и хорошие результаты работы, подготовлено 10 диссертационных работ, 21 ученый у нас со степенью, и будут расти еще кадры. Готовить кадры необходимо» [29. Л. 71].

После него взял слово секретарь парткома А. Молчанов, он сказал, что институт стоит на правильном пути: ученые института и производственники опытного хозяйства делают большое дело. Остановился он и на недостатках: «Главный недостаток директора института А. Бараева – это стремление уйти из-под контроля партийной организации, не считаться с нею. Все вы хорошо знаете, что ученая часть, ученый совет института – это такие органы, от работы которых очень во многом зависит работа института. Так вот работа этих органов у нас стоит не на должном уровне. Партбюро это видело и создало авторитетную комиссию для проверки работы ученой части. Комиссия была создана из 11 наиболее авторитетных ученых института, сделала предложения по устранению очень большого количества крупных недостатков. Предложения не реализованы, потому что А. Бараев не признает этого документа. Только недавно он на заседании парткома заявил, что он и сейчас не понимает, с какой целью этот документ создавался» [29. Л. 72].

В конце заседания выступил секретарь райкома Ю.А. Смирнов и обвинил партком института, который не может найти общий язык с учеными. В прениях участники собрания еще раз поссорились. А. Бараев заявил: «Я действительно заявлял и раньше, и на последнем заседании парткома о том, что мне не понятно, почему партбюро проверяло работу ученой части тогда, когда в институте людей, которые отвечали за постановку работы в ученой части (С. Сдобникова и Троянова), уже не было». А. Гуцаки заявлял, что «заявление, подписанное им, С. Сдобниковым, Абдрахмановым и Трояновым в ЦК, не считает клеветническим и готов... подписать его снова» [29. Л. 74]. Он говорил также, что свое заявление в 1964 г. на ученом совете посвятил вопросу об отмежевании от А. Бараева, а не от коллектива института, по вопросу о чистых парах, упрекая директора в шаблонном подходе к ним. Заявил, что он готов перейти на научную работу в отдел или лабораторию в любое время.

В 1967 г. А. Гуцаки уволился из института, на его место пришел И.С. Бородкин. После этого в институте стало тихо, ученые наконец-то смогли нормально работать и заниматься наукой. Споры, начатые Н.С. Хрущевым, закончились полностью.

Уже в 1970-х гг. ученых Научно-исследовательского института зернового хозяйства признали во всем Советском Союзе. В 1972 г. за разработку и внедрение новой почвозащитной системы земледелия коллектив под руководством академика ВАСХНИЛ А.И. Бараева был удостоен звания лауреата Ленинской премии, первой в области земледелия [32. Л. 1]. Научно-исследовательский институт зернового хозяйства стал главным научным центром по защите почв от ветровой эрозии по всему Советскому Союзу. Александр Иванович Бараев явился основоположником почвозащитной системы земледелия СССР, он проработал долгие годы, до 1986 г., директором Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства, стал доктором сельскохозяйственных наук (1971), академиком ВАСХНИЛ, Героем Социалистического Труда (1980).

Проведенное исследование показало сложные обстоятельства, в которых происходило развитие сельскохозяйственной науки в СССР в условиях существования однопартийной системы управления страной. Первое лицо государства в лице Н.С. Хрущева, совершенно примитивно представляя себе особенности развития целинного земледелия в степных условиях Северного Казахстана, своим спором со «своевольным» А.И. Бараевым фактически задало вектор бесплодных дискуссий внутри Института зернового хозяйства на долгие годы. По существу проанализированных текстов мы можем сказать, что дело заключалось в основном не в принципиальных разногласиях ученых по острым научным проблемам системы земледелия, а в интригах людей, заинтересованных в продвижении по карьерной лестнице. На примере материалов партийной организации ВНИИЗХ мы еще раз убедились в сложности победы подлинно научного, творческого подхода в условиях партийного диктата и преобладания политизированного дискурса советской повседневности.

Несмотря на интриги чиновников от науки и давление со стороны партийных организаций, ученые сумели отстоять свою позицию. В конце концов была утверждена новая система земледелия, а Институт зернового хозяйства стал центром борьбы с эрозией почвы в масштабах всей страны.

Список источников

1. Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане / под ред. П.М. Пахмурного. Алма-Ата : Казахстан, 1969. 604 с.
2. Маданов Х.М. Деятельность КПСС по осуществлению ленинской аграрной политики в Казахстане (1946–1975 гг.). Алма-Ата : Наука КазССР, 1980. 296 с.
3. Шамшатов И.Ш. Колхозы Казахстана: развитие общественного хозяйства и его социально-экономические результаты (1946–1980 гг.). Алма-Ата : Наука, 1985. 252 с.
4. Винокурова Р.Ф. Освоение целинных и залежных земель в Казахстане (1954с1958 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. 20 с.
5. Кадыртаева М.А. Документальные материалы Центрального Государственного архива Казахской ССР по истории освоения целинных и залежных земель как исторический источник (1954–1958 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1974. 24 с.
6. Ковальский С.Л., Маданов Х.М. Освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата : Наука, 1986. 224 с.
7. Шамшатов И. Деятельность партийной организации Казахстана по освоению целинных и залежных земель в 1954–1960 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1964. 20 с.
8. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы : Юат, 1997. 360 с.
9. Абдирайымова А.С. Хозяйственно-экономические, демографические и экологические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1950-е – 1990-е гг. XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007. 133 с.
10. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата : Ғылым, 1991. 192 с.
11. Алексеенко А.Н., Масанов Н.Э. Миграционные процессы в периоды кампании по освоению целинных и залежных земель, промышленного строительства // История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э. и др. Алматы : Дайк-Пресс, 2000. С. 392–400.
12. Жангуттин Б.О. Формирование славянского населения в Казахстане (численность, миграционный процесс в конце XIX – XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2010. 289 с.
13. Поль М. «Планета ста языков». Этнические отношения и советская идентичность на целине / пер. с англ. Н. Космарской // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 5–33.
14. Сактаганова З.Г. Целинная кампания как один из основных компонентов «нового курса» Н.С. Хрущева: особенности реализации // Вестник науки Казахского аграрного университета им. С. Сейфуллина. 2004. № 4. С. 246–251.
15. Шепель В. Хрущев и казахстанская целина // e-history.kz. 2014. 7 марта. URL: https://e-history.kz/ru/publications/view/507 (дата обращения: 20.04.2019).
16. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 292. Оп. 1. Д. 495.
17. Жизнь и деятельность А.И. Бараева / под общ. ред. М.Х. Сулейменова. Алматы : НПЦЗХ им. А.И. Бараева, 2008. 74 с.
18. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 292. Оп. 1. Д. 135.
19. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 648. Оп. 1. Д. 28.
20. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 16.
21. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 19.
22. Каков он был, главный агроном целины Александр Бараев? // NOMAD кочевник. 2004. 4 окт. URL: https://nomad.su/?a=15-200402040013 (дата обращения: 20.04.2019).
23. Латышев Н., Кирюшин В., Сулейменов М. Поиск продолжается // Аграрный сектор. 2019 г. 28 янв. URL: https://agrosektor.kz/agricultural-science/k-110-letiyu-akademika-aleksandra-ivanovicha-baraeva.html (дата обращения: 20.04.2019).
24. Сдобников С.С. Вопросы земледелия в Целинном крае. М. : Колос, 1964. 256 с.
25. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 10.
26. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 23.
27. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 21.
28. Сдобников С. Вопросы земледелия в Целинном крае : автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. Омск, 1965. 43 с.
29. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 28.
30. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 31.
31. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 685. Оп. 1. Д. 32.
32. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 299. Оп. 1. Д. 485.

References

1. Pakhmurniy, P.M. (ed.) (1969) *Kommunisticheskaya partiya v bor'be za osvoenie tselinnykh zemel' v Kazakhstane* [The Communist party in the struggle for the development of virgin lands in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan.
2. Madanov, Kh.M. (1980) *Deyatel'nost' KPSS po osushchestvleniyu leninskoy agrarnoy politiki v Kazakhstane (1946–1975 gg.)* [The activities of the CPSU on the implementation of the Leninist agrarian policy in Kazakhstan (1946–1975 gg.)]. Alma-Ata: Nauka KazSSR.
3. Shamshatov, I.Sh. (1985) *Kolkhozy Kazakhstana: razvitie obshchestvennogo khozyaystva i ego sotsial'no-ekonomicheskie rezul'taty (1946–1980 gg.)* [Collective farms of Kazakhstan: Development of the social economy and its socio-economic results (1946–1980)]. Alma-Ata: Nauka.
4. Vinokurova, R.F.(1962) *Osvoenie tselinnykh i zalezhnykh zemel' v Kazakhstane (1954s1958 gg.)* [Development of virgin and fallow lands in Kazakhstan (1954–1958)]. History Cand. Diss. Moscow.
5. Kadyrtaeva, M.A. (1974) *Dokumental'nye materialy Tsentral'nogo Gosudarstvennogo arkhiva Kazakhskoy SSR po istorii osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel' kak istoricheskiy istochnik (1954–1958 gg.)* [Documentary of the Central State Archive of the Kazakh SSR on the history of development of virgin and fallow lands as a historical (1954–1958)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
6. Kovalskiy, S. L. & Madanov, Kh.M. (1986) *Osvoenie tselinnykh zemel' v Kazakhstane* [Development of virgin lands in Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
7. Shamshatov, I. (1964) *Deyatel'nost' partiynoy organizatsii Kazakhstana po osvoeniyu tselinnykh i zalezhnykh zemel' v 1954–1960 gg.* [Collective farms of Kazakhstan: Development of the social economy and its socio-economic results (1946–1980)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
8. Abylkhozhin, Zh.B. (1997) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek* [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. The 20th century]. Almaty: Yuat.
9. Abdirayymova, A.S. (2007) *Khozyaystvenno-ekonomicheskie, demograficheskie i ekologicheskie posledstviya osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel' v Kazakhstane (1950-e – 1990-e gg. XX v.)* [Economic,demographic and ecological consequences of the development of virgin and fallow lands in Kazakhstan (1950s – 1990s of the 20th century)]. History Cand. Diss. Almaty.
10. Asylbekov, M.Kh. & Galiev, A.B. (1991) *Sotsial'no-demograficheskie protsessy v Kazakhstane (1917–1980)* [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917–1980)]. Alma-Ata: Fylym.
11. Alekseenko, A.N. & Masanov, N.E.(2000) Migratsionnye protsessy v periody kampanii po osvoeniyu tselinnykh i zalezhnykh zemel', promyshlennogo stroitel'stva [Migration processes during the campaign for the development of virgin and fallow lands, industrial construction]. In: Masanov, N.E. et al. (eds) *Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury* [History of Kazakhstan: peoples and cultures]. Almaty: Dayk-Press. pp. 392–400.
12. Zhanguttin, B.O. (2010) *Formirovanie slavyanskogo naseleniya v Kazakhstane (chislennost', migratsionnyy protsess v kontse XIX – XX vv.)* [The Formation of the Slavic population in Kazakhstan (population, migration in the late 19th – 20th centuries)]. History Dr. Diss. Almaty.

13. Paul, M. (2004) “Planeta sta yazykov”. Etnicheskie otnosheniya i sovetskaya identichnost' na tseline [“The Planet of a Hundred Languages.” Ethnic relations and Soviet identity in the virgin lands]. Translated from English. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 5–33.
14. Saktaganova, Z.G. (2004) Tselinnaya kampaniya kak odin iz osnovnykh komponentov “novogo kursa” N.S. Khrushcheva: osobennosti realizatsii [Virgin soil campaign as one of the main components of the “new course” by N. S. Khrushchev: Features of implementation]. *Vestnik nauki Kazakhskogo agrarnogo universiteta im. S. Seyfullina*. 4. pp. 246–251.
15. Shepel', V. (2014) *Khrushchev i kazakhstanskaya tselina* [Khrushchev and Kazakhstan virgin lands]. [Online] Available from: https://e-history.kz/ru/publications/view/507 (Accessed: 20th April 2019).
16. The State Archive of Akmola Region. Fund 292. List 1. File 495.
17. Suleymenov, M.Kh. (2008) *Zhizn' i deyatel'nost' A.I. Baraeva* [Life and work of A. I. Barayev]. Almaty: NPTsZKh im. A.I. Baraeva.
18. The State Archive of Akmola Region. Fund 292. List 1. File 135.
19. The State Archive of Akmola Region. Fund 648. List 1. File 28.
20. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 16.
21. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 19.
22. *NOMAD kochevnik*. (2004) Kakov on byl, glavnyy agronom tseliny Aleksandr Baraev? [What was he like, the chief agronomist of the virgin lands Alexander Baraev?]. [Online] Available from: https://nomad.su/?a=15-200402040013 (Accessed: 4th October 2004).
23. Latyshev, N., Kiryushin, V. & Suleymenov, M. (2019) Poisk prodolzhaetsya [The search continues]. *Agrarnyy sektor*. 28th January. [Online] Available from: https://agrosektor.kz/agricultural-science/k-110-letiyu-akademika-aleksandra-ivanovicha-baraeva.html (Accessed: 20th April 2019).
24. Sdobnikov, S.S. (1964) *Voprosy zemledeliya v Tselinnom krae* [Issues of agriculture in the virgin land]. Moscow: Kolos.
25. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 10.
26. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 23.
27. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 21.
28. Sdobnikov, C. (1965) *Voprosy zemledeliya v Tselinnom krae* [Issues of agriculture in the virgin land]. History Dr. Diss. Omsk.
29. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 28.
30. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 31. pp. 5–8
31. The State Archive of Akmola Region. Fund 685. List 1. File 32. pp. 25–28
32. The State Archive of Akmola Region. Fund 299. List 1. File 485. p. 1

***Сведения об авторах*:**
Мусагалиева Арайлым Сабитовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: arai0410@mail.ru
Кириллов Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета (Нижний Тагил, Россия). E-mail: history_vmk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Mussagaliyeva Arailym S. – Doctor of Historical Sciences, Professor Department of History of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: arai0410@mail.ru
Kirillov Victor M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Sciences, Branch of the Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University (Nizhny Tagil, Russian Fegeration). E-mail: history_vmk@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 27.06.2019; accepted for publication 21.03.2023

.

Научная статья
УДК 94(571.16) "1982–1985":323.23
doi: 10.17223/19988613/82/11

Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске в 1982 – начале 1985 г.

Павел Леонидович Нестеренко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, pavelnesterenko@yandex.ru

Аннотация. Анализируются основные мероприятия, осуществлявшиеся партийно-хозяйственными и медицинскими учреждениями Томска перед началом общесоюзной антиалкогольной кампании 1985 года. На основе доступных архивных материалов, информации местной газетной периодики представлен процесс подготовки и проведения лечебно-профилактических и информационно-пропагандистских мер среди населения Томска в 1982 – первом полугодии 1985 г.
Ключевые слова: борьба с пьянством и алкоголизмом, Томск, областные и городские партийно-административные структуры, органы внутренних дел Томска в 1982–1985 гг., лечебно-профилактические и информационно-пропагандистские мероприятия

Для цитирования: Нестеренко П.Л. Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске в 1982 – начале 1985 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 100–105. doi: 10.17223/19988613/82/11

Original article

Fight against drinking and alcoholism in Tomsk in 1982 – beginning of 1985

Pavel L. Nesterenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, pavelnesterenko@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main events carried out by the party and economic and medical institutions of Tomsk before the start of the All-Union anti-alcohol campaign in May 1985.

The aim of the work was to analyze preventive, information-propaganda work in Tomsk aimed at combating domestic and occupational alcoholism in the period from 1982 till the first half of 1985.

1982 is the starting date of the study, as by this time, the major stage of socio-political and socio-economic development ended in the USSR which was directly related to changes in the highest party-state leadership. During the end of 1982 – 1983 in the USSR, a number of measures were planned and carried out to strengthen labor discipline, including strengthening the fight against alcoholism at the local level.

The archival materials stored in the funds of the Center for Documentation of the Recent History of Tomsk Region CDRHTR) provided the source of the study. Important information on the chosen topic is contained in the central regional Tomsk newspaper “Red Banner”. On its pages, the information regularly appeared regarding the preparation and conducting of anti-alcohol, preventive and awareness-raising measures among the population of Tomsk in 1982 - the first half of 1985.

The key place in the organization and conducting of the anti-alcohol campaign in Tomsk and the region as a whole was given to the legislative formulation of this process. On December 7, 1982, during the work of the 3rd session (eighteenth convocation) of Tomsk Regional Council of People's Deputies, the decision "On Administrative Responsibility for Violating Public Order on the Territory of Tomsk Region" was adopted. Separately, the document stipulated the obligation of the heads of trade organizations, institutions of everyday life and leisure, housing maintenance offices to identify and suppress the facts of drinking alcohol in public places - canteens, shops, sideboards, cinemas, and dormitories.

In addition, the study includes official reporting on anti-alcohol activities, the interaction of the Tomsk health system with law enforcement agencies - the police and the prosecutor's office - in order to present a more objective picture of the fight against alcoholism.

The author focuses not only on achievements, but also on the problems faced by official authorities, doctors and law enforcement officials in implementing the socially significant task of combating domestic and occupational alcoholism. To the greatest extent, this concerned the creation and effective operation of prevention centers and provision of psychological assistance to persons who abused alcohol at industrial enterprises, factories, and institutions of Tomsk

The conclusion drawn from the results of the study indicates a large-scale work on the prevention of alcoholism in Tomsk in 1982 - early 1985, and a number of difficult problems in the fight against these antisocial phenomena.
Keywords: fight against drinking, Tomsk periodicals, Tomsk party-state leadership and internal affairs authority in 1982–1985, medical providers, general health arrangements, outreach activities

© П.Л. Нестеренко, 2023

For citation: Nesterenko, P.L. (2023) Fight against drinking and alcoholism in Tomsk in 1982 – beginning of 1985. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 100–105. doi: 10.17223/19988613/82/11

В мае 1985 г. в СССР был дан старт крупнейшей государственной антиалкогольной кампании. Ее направления, ход, достигнутые успехи и неизбежные промахи включены в сферу внимания исследователей. Буквально за несколько лет до ее начала представителями советской медицины и публицистики был подготовлен обширный материал по профилактике алкоголизма и необходимости по возможности эффективного если не искоренения, то активного противодействия бытовому пьянству. Среди наиболее ярких примеров историографии данного вопроса первой половины 1980-х гг. можно отметить труды Е.В. Борисова [1], В.Г. Запорожченко [2], Ю.П. Лисицына [3]. Будучи профессиональными медиками, перечисленные авторы правомерно концентрировали свое внимание на социально-семейных, педагогических и оздоровительно-гигиенических сторонах проблемы распространения пьянства и алкоголизма в СССР. Историческая составляющая в данном случае играла, скорее, косвенную роль.

Более фундаментально, основываясь на доступном источниковом материале, к данной теме подошел доктор медицинских наук, руководитель отдела информатики и системных исследований Московского НИИ психиатрии А.В. Немцов. Опубликованный за его авторством труд содержит большое количество иллюстративных данных табличного типа по динамике распространения алкоголизма в СССР–России 1980–1990-х гг. и, как неизбежное следствие, росту смертности среди части населения страны, регулярно употреблявшей алкоголь. Согласно данным А.В. Немцова, в 1984 г. прямые и непрямые потери среди населения СССР из-за потребления алкоголя составили 31,8% от общей численности умерших. То есть из 1 650,9 тысяч умерших 525 тысяч смертей пришлось на людей, систематически злоупотреблявших спиртным [4. С. 21].

Вместе с тем перечисленные выше работы рисуют во многом общую по СССР картину профилактики пьянства и алкоголизма. Региональный фактор в силу объективных причин (необходимость долгосрочного скрупулезного сбора, анализа и систематизации местного материала) нередко выпадал из поля зрения исследователей. Изучение проблемы борьбы с пьянством и алкоголизмом на уровне «город – область – регион» позволяет найти и вовлечь в научный оборот уникальные местные источники и тем самым более подробно с фактической стороны проанализировать уровень борьбы с пьянством и алкоголизмом в СССР в первой половине 1980-х гг.

Одним из таких районов и выступает Томск (да и вся Томская область в целом). К настоящему времени данная тематика только начинает активно разрабатываться региональными исследователями. Свой научный вклад в изучение этого вопроса внес омский исследователь А.В. Дорошенко. Его кандидатская диссертация подробно рассказывает о процессе борьбы с пьянством в Западной Сибири в 1970-х – первой половине 1980-х гг. [5].

С другой стороны, обширность местного (в данном случае – томского городского и областного) архивного материала, большой информационный потенциал оригинальной периодической печати позволяют подойти к изучению этой проблемы на микроуровне и еще более продвинуться в понимании условий, характера и результатов противодействия пьянству и алкоголизму накануне общесоюзной кампании 1985 г.

Томск не стал исключением в системе мер информационно-пропагандистского и лечебно-профилактического характера, проводившихся за несколько лет перед общесоюзным партийно-государственным наступлением на пьянство и алкоголизм.

Лучше всего данные шаги можно проиллюстрировать, привлекая неопубликованные архивные материалы, отложившиеся в фондах Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Именно там находится любопытная, а в ряде случаев проходившая под грифами ограниченного доступа информация о первых результатах и проблемах «антиалкогольных баталий» в Томске и Томской области в 1982 – первом полугодии 1985 г.

Не менее ценным источником по теме выступают материалы местной периодической печати. Оперативно реагируя на ряд проблем борьбы с пьянством и алкоголизмом, анализируя достигнутые успехи, проводя пропагандистскую и агитационную работу, томская газетная печать вносила свой существенный вклад в социально важную кампанию по сохранению здоровья томичей и жителей области.

Флагманом среди всех бумажных СМИ Томской области выступал орган Томского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов газета «Красное знамя». Одно из центральных мест на газетных полосах отводилось выступлениям томских медиков. Условно весь массив информации, исходивший от медицинских работников Томска и Томской области по вопросам борьбы с пьянством и алкоголизмом можно разделить на две категории:

1) информационно-аналитическую – отчеты о проделанной работе, количестве открытых наркологических пунктов, численности прошедших в них лечение, случаях алкогольных рецидивов;

2) пропагандистско-профилактическую – разъяснение читателям простым и доступным языком проблем, неизбежно сопровождающих регулярное употребление алкоголя, призывы к осознанному трезвому образу жизни, разумному, творческому, спортивно-физкультурному досугу именно с целью формирования устойчивого отрицательного отношения к бытовому пьянству и еще более пагубному хроническому алкоголизму.

Совокупно доступная архивная и газетная информация позволяет наиболее полно и непредвзято раскрыть и проанализировать ход антиалкогольных мероприятий в Томске и области в целом в 1982 – начале 1985 г.

Уже в начале января 1982 г. в «Красном знамени» была опубликована большая статья заведующего

Томским областным отделом здравоохранения, заслуженного врача РСФСР, кандидата медицинских наук В.Ф. Олейниченко «Наука против алкоголизма».

Акцент в публикации был сделан на работу наркологических кабинетов и пунктов, открытых еще в 1970-х гг. на предприятиях и в учреждениях Томска и области. Отмечались как серьезные успехи, так и ряд недостатков и проблем в реализации наступления на пьянство и алкоголизм.

В частности, говорилось, что на электромеханическом заводе (современный ОАО ТЭМЗ им. В.В. Вахрушева. – *П.Н.*) было развернуто районное наркологическое отделение в составе стационара, наркологического кабинета и кабинета профилактики медвытрезвителя. Аналогичные работы проводились в поселке городского типа Тогур Колпашевского района Томской области, где велось строительство наркологического стационара при Тогурском лесопромышленном комбинате (ЛПК).

Ведущая же роль в этом направлении принадлежала областному наркологическому диспансеру (ныне ОГБУЗ «Томский областной наркологический диспансер») под руководством кандидата медицинских наук Ю.И. Прядухина. Специалистами Облнаркодиспансера активно находились и внедрялись новые формы лечения больных алкоголизмом. К числу наиболее эффективных средств были отнесены массовая антиалкогольная пропаганда в СМИ, наркологические экспедиции в районы области для оказания организационно-методической помощи работникам милиции, культуры, торговли, штабам выходного дня.

Вместе с тем руководитель облздравотдела В.Ф. Олейниченко отметил и ряд серьезных препятствий на пути борьбы с пьянством и алкоголизмом. В основном они касались недостаточной помощи медикам со стороны администрации ряда томских предприятий и учреждений. Например, к началу 1980-х гг. так и не были созданы специальные помещения для наркологических кабинетов в Октябрьском районе Томска, Шегарском, Кожевниковском, Кривошеинском, Молчановском районах области, не организованы фельдшерские пункты в ПО «Полюс», на радиотехническом заводе, заводе измерительной аппаратуры. С большими трудностями велось строительство нового здания областного наркологического диспансера со стационаром и лечебно-трудовыми мастерскими [6. С. 3].

Примечательно и то, что упомянутый выше глава наркологического отделения облздравотдела Ю.И. Прядухин сам был активным корреспондентом «Красного знамени». Из-под его пера за весь изучаемый и последующий период вышло немало заметок, интересных авторских размышлений на антиалкогольную тематику. В них отчетливо виден не только специалист, стремящийся как можно лучше выполнить свой профессиональный долг, но и томич, искренне любящий свой город, переживающий за здоровье земляков.

В заметке «Город трезвости. Каким ему быть?», Ю.И. Прядухин скептически оценил концепцию так называемого «культурного пития», активно внедрявшуюся в общественное сознание в качестве спорной альтернативы неумеренному потреблению спиртного. Доводы Ю.И. Прядухина, на мой взгляд, были просты и убедительны. «Наиболее принято сейчас такое мнение: “сухой закон” – это нереально, нужно научить людей культурно пить. Но и “культурное” отравление организма – это тоже не выход. Я люблю свой город. Город науки, трудовых достижений, массового лыжного спорта. А если это будет и город трезвости? Но, увы, пока в течение года в медвытрезвители Томска попадают 7–8 тысяч человек. Прогулы, травмы, брак на рабочем месте, гибель под колесами автомобилей – всего этого пока много» [7. С. 3].

Свою роль в борьбе с пьянством и алкоголизмом выполняла и партийно-хозяйственная администрация Томска. Непосредственно сбор и обобщение информации антиалкогольной направленности осуществлял Общий отдел Томского горкома КПСС. Особенно эта работа усилилась в рамках общесоюзной кампании 1983 г. по укреплению трудовой дисциплины и усилению борьбы против пьянства и алкоголизма.

К тому времени на местном уровне была подготовлена нормативно-правовая база, определявшая стратегические направления борьбы с многими антисоциальными явлениями, включая злоупотребление спиртным. 7 декабря 1982 г., во время работы III сессии (18-го созыва) Томского областного Совета народных депутатов, было принято решение «Об административной ответственности за нарушение общественного порядка на территории Томской области».

Документ, по своей сути являвшийся продуктом местного законотворчества, устанавливал административную ответственность по фактам многочисленных нарушений. Причем она касалась не только самих пьяных дебоширов, хулиганов и нарушителей общественного порядка. Отдельно в документе прописывалась обязанность руководителей торговых организаций, учреждений быта и досуга, жилищно-эксплуатационных контор (ЖЭКов) выявлять и пресекать факты распития спиртного в общественных местах – столовых, магазинах, буфетах, кинотеатрах, общежитиях [8. С. 4].

Стимулом для более продуктивного административного исполнения данного решения выступал и сугубо материальный фактор. Так, в п. 5 документа отмечалось, что в случае недобросовестного исполнения требований «должностные лица… подвергаются предупреждению или штрафу до 50 рублей, налагаемыми административными комиссиями при исполкомах городских, районных, поселковых и сельских Советов» [8. С. 4].

Контроль за исполнением данного решения возлагался не только на местные органы исполнительной власти, но и на правоохранительные структуры, прежде всего Управление внутренних дел Томской области.

Разумеется, подобная законодательная инициатива затрагивала и большинство населения города и области. Депутаты областного совета справедливо полагали, что именно широкая поддержка населения может способствовать эффективной борьбе с пьянством и алкоголизмом. Призыв, содержащийся в финальной части документа, актуален, по моему мнению, и сегодня. Откинув обязательную для того времени идеологическую риторику социалистического государства, до сих

пор логичным является призыв ко всем гражданам, добровольным народным дружинам (ДНД) и другим общественным организациям «всемерно способствовать строгому соблюдению общественного порядка в городах и населенных пунктах области, создавая обстановку нетерпимости к лицам, нарушающим нормы социалистического общежития» [8. С. 4].

Любопытен и такой факт. Документ вступал в силу через 15 дней после его опубликования, т.е. с 22 января 1983 г., и должен был действовать в течение двух лет. Тем самым к 1985 г. могла потребоваться дополнительная работа по усовершенствованию как местного, так и общесоюзного законодательства в вопросах борьбы с пьянством и алкоголизмом. Отсюда вполне логично сделать вывод, что государственная антиалкогольная кампания, стартовавшая в мае 1985 г. носила заблаговременный, не стихийный, предварительно отработанный в местных условиях характер.

Практическая же реализация как местных, так и общесоюзных антиалкогольных мероприятий происходила достаточно сложно.

3 марта 1983 г. на рабочем заседании бюро Томского горкома КПСС был подготовлен протокол «О работе Советской районной партийной организации по выполнению постановления ЦК КПСС “|О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма”».

Городское партийное руководство не стало игнорировать ряд трудностей и серьезных проблем в системе антиалкогольных мероприятий в Томске.

Причиной не всегда удовлетворительной работы в этом направлении называлась недостаточная требовательность к партийным организациям, руководителям со стороны райкома КПСС и райисполкома за состояние воспитательной работы в коллективах и общую организацию борьбы с пьянством, результатом чего стало распространение пьянства в строительных организациях района, Спецавтохозяйстве, п/о «Томскоблбыттехника», Союзтомскмелиорации и на кондитерской фабрике. В 1982 г. в районе увеличилось число граждан, побывавших в медвытрезвителе, более 38% всех преступлений было совершено в нетрезвом состоянии [9. Л. 9].

Резолютивная часть постановления имела и прямые указания для хозяйственных и медицинских работников Томска. Так, руководству районных исполнительных комитетов было необходимо усилить внимание к работе наркологической службы. Это должно было быть достигнуто за счет открытия фельдшерских наркологических пунктов на ГРЭС-2, Домостроительном комбинате (ДСК) и Заводе крупнопанельного домостроительства (КПД). На базе Манометрового завода было рекомендовано открыть клиническое отделение со стационаром на 100 коек Сибирского филиала Всесоюзного научного центра психического здоровья по изучению алкоголизма.

Наркологическим службам Томска совместно с сотрудниками милиции вменялись в обязанность «выявление и учет лиц, злоупотребляющих спиртным, их своевременное лечение, а также установление действенного контроля за прошедшими антиалкогольное лечение» [9. Л. 10].

Помимо партийно-хозяйственных работников, медиков и пропагандистов к работе по искоренению пьянства и алкоголизма активно должны были подключиться и правоохранительные структуры. Им предписывалось организовывать «рейды по проверке соблюдения правил торговли спиртными напитками, проведение “Дней профилактики” на предприятиях района» [9. Л. 12].

Спустя полтора года, в сентябре 1984 г., заведующей отделом административных и торгово-финансовых органов горкома КПСС Т.С. Мордовиной была подготовлена справка о первых результатах и проблемах исполнения данного постановления.

К положительным сторонам было отнесено то, что на ряде томских предприятий – ПАТП-1, ДСК, заводе КПД, СУ-11, СУ-12, Томскжилстрое, Томском манометровом заводе, ГРЭС-2 – в целом эффективно работали специальные комиссии. Была укреплена материальная база наркологического диспансера. За 7 месяцев 1984 г. 84,3% ответов на сообщения медвытрезвителя было получено своевременно. Позитивным результатом стало и постоянное участие в антиалкогольной борьбе районного общества «Знание». Его членами, многие из которых являлись профессиональными медиками, за отчетный период было прочитано 5 282 лекции, из них 500 лекций – по правовой и противоалкогольной тематике [9. Л. 13].

Вместе с тем фиксировалось и наличие серьезных проблем. Так, за 8 месяцев 1984 г. увеличилось число доставленных в медвытрезвитель на 875 случаев, каждое второе преступление было совершено в состоянии алкогольного опьянения, в том числе несовершеннолетними. Исходя из этого, отдел административных и торгово-финансовых органов внес предложение продлить срок контроля за исполнением постановления от 3 марта 1983 г. до мая 1985 г. [9. Л. 13–14].

К числу сложно поддающихся решению задач антиалкогольных мероприятий можно отнести и не всегда эффективно организованную информационно-профилактическую работу среди населения Томска по вопросу пагубных последствий употребления спиртного.

Парадокс, если не злая ирония ситуации, состоял в том, что одними из первых на подобные проблемы обратили внимание работники торговых предприятий Томска, т.е. те люди, которые с формальной и финансовой точек зрения были заинтересованы в прямо противоположном – более высоких объемах реализации продовольственной продукции, в том числе и алкогольной. Тем не менее, будучи не только работниками торговли, но и коммунистами, активными общественниками, некоторые из них высказывались за обоснованность и своевременность антиалкогольных мер.

30 мая 1985 г. в Управлении торговли Томского облисполкома состоялось открытое партийное собрание первичной партийной организации КПСС. Ключевым событием здесь стало выступление начальника продовольственного отдела З.С. Басалаевой на тему «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма».

Справедливо указывая на то, что «многие еще партийные, советские и общественные организации не дают решительного отпора пьяницам», докладчица

привела и ряд любопытных иллюстративных цифровых данных. Так, по ее информации, в 1984 г. в Томске в медвытрезвителях побывало 52 тыс. человек, что на 5% больше аналогичных показателей 1983 г. [10. Л. 117] Предварительный вывод З.С. Басалаевой касался не только принятия мер по сокращению торговых точек и выпуска винно-водочных изделий, но и необходимости развернуть живую, увлекающую работу по общественному воспитанию. Ее основу должны были составить культурно-просветительская, туристско-экскурсионная работа, самодеятельное творчество, поощрение коллективного садоводства и огородничества.

Данный тезис не вызвал нареканий со стороны партийного актива управления, чего нельзя сказать о радикальных мерах по сокращению общих объемов продажи спиртного. Точнее, речь идет об озвучивании неизбежных сложностей, поскольку именно от объемов реализации спиртного во многом зависело выполнение плановых заданий томской торговой сети.

Об этом и сказала в прениях заместитель начальника управления торговли А.М. Гладышева. В своем выступлении она подчеркнула, что вопрос о сокращении продажи спиртного на 30% является очень сложным. Справедливо было отмечено, что «план товарооборота с нас никто не снимет. Необходимо согласовать дополнительный ассортимент на эту сумму, а также серьезно поработать по вопросу соков и минеральных вод» [10. Л. 121–122].

Свои соображения о масштабах и сложностях предстоящей антиалкогольной борьбы к этому времени имели и сотрудники правоохранительных структур Томска. Так, осенью 1985 г. за подписью председателя координационного совета Томского района И.Л. Горбусенко была подготовлена справка о результатах работы отдела внутренних дел и прокуратуры Томского района по борьбе с пьянством в Томском районе за 9 месяцев 1985 г. По своей форме этот документ являлся сравнительным отчетом табличного типа, где приводились данные о состоянии борьбы с пьянством и алкоголизмом за соответствующие периоды 1984 и 1985 гг.

В разделе об усилении профилактической работы с лицами, злоупотребляющими спиртными напитками, значилось следующее (данные приведены выборочно): «Состоит на учете хронических алкоголиков: 1985 г. – 2059; 1984 г. – 2090. Отобрано подписок о добровольном лечении: 1985 г. – 115; 1984 г. – 83. Направлено на амбулаторное лечение: 1985 г. – 87; 1984 г. – 41. Направлено в ЛТП: 1985 г. – 23; 1984 г. – 32» [11. Л. 37].

Совместная работа медиков, сотрудников МВД и прокуратуры Томска в предшествующий 1985 г. период давала некоторые основания для оптимизма. Однако еще оставались не до конца решенными проблемы совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения. Врачам, так же как и сотрудникам милиции и прокуратуры, приходилось иметь дело с их последствиями. Как отмечалось в цитированном выше документе, за отчетный период «количество преступлений, совершенных в нетрезвом состоянии, увеличилось со 175 (26%) до 201 (40%)» [11. Л. 38].

Сам по себе предшествовавший антиалкогольной кампании 1984 год стал неким маркером, по которому в итоге и начали сравнивать как успехи, так и промахи борьбы с пьянством и алкоголизмом в Томске.

Показателен в этом случае один пример. В фондах ЦДНИ ТО до недавнего времени под грифом «Секретно» хранилась справка Томского горкома КПСС о выполнении постановления бюро Томского горкома КПСС «О работе партийной организации, администрации завода резиновой обуви (ТЗРО) по обеспечению трудовой дисциплины и правопорядка», датированная 18 марта 1986 г. Основное ее содержание касается мероприятий с руководством ТЗРО различных уровней по изучению и применению положений Закона о трудовых коллективах и нового законодательства по борьбе с пьянством.

Отмечалось, что за отчетный период 1984–1985 гг. «активизирована работа комиссий по борьбе с пьянством, товарищеских судов, народных дружин. Каждый факт нарушения трудовой дисциплины становится достоянием гласности в коллективе, по нему дается принципиальная оценка» [12. Л. 10].

Отдельно в документе отмечалось, что в 1985 г. на заводе резиновой обуви сократилось количество прогулов на 2,5%, попаданий в медицинский вытрезвитель на 43,5% по сравнению с 1984 г. [12. Л. 10].

Из этого логично сделать вывод о том, что, во-первых, результаты первого года антиалкогольной борьбы на ТЗРО были вполне обнадеживающими.

Во-вторых, исходя из содержания справки за подписями заведующих промышленно-транспортного и административных и торгово-финансовых органов горкома КПСС Н. Рудого и Ю. Сухоплюева, предыдущий, 1984 год был проблематичным с точки зрения нарушения трудовой дисциплины по причине пьянства на одном из крупнейших промышленных предприятий Томска.

Любопытно и то, что в резолютивной части документа руководство вышеперечисленных отделов вносило предложение о снятии с контроля постановления бюро горкома КПСС как в целом выполненное. 23 марта 1986 г. эта просьба была удовлетворена, о чем на первой странице справки имеется соответствующая рукописная резолюция.

Тем самым к началу общесоюзной антиалкогольной кампании 1985 г. в Томске были проведены необходимые подготовительные работы профилактического и правоохранительного порядка. Предвиденной трудностью могло стать общее сокращение как продажи спиртного, так и торговых точек по его легальной реализации населению города.

Оперативного решения требовал вопрос нарушений трудовой дисциплины из-за злоупотребления алкоголем на предприятиях и в учреждениях города. Сугубо запретительными мерами здесь вряд ли получилось бы ограничиться. В данном случае требовалось серьезное усиление информационно-пропагандистской и воспитательной работы среди томичей. Она должна была мотивировать горожан на более здоровое, спортивно-оздоровительное, творческое проведение досуга.

Последнее обстоятельство подкреплялось и реальными действиями. На протяжении всего года в Томске и области регулярно проводились многочисленные

физкультурно-спортивные мероприятия, спартакиады, массовые лыжные забеги, которые являлись визитной карточкой томичей. В помощь желающим была предоставлена неплохая по тем временам инфраструктура специализированных спортивных учреждений.

Например, в начале марта 1983 г. в Томске был торжественно открыт Спортивно-оздоровительный комплекс «Томь». К тому времени это был единственный в городе полноформатный плавательный бассейн олимпийского международного стандарта с большой чашей 50 м в длину и 8 плавательными дорожками.

О серьезности этого события для нашего города говорит и то, что в числе приглашенных почетных гостей на церемонии открытия выступили академик АМН СССР, один из руководителей филиала Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР в г. Томске Р.С. Карпов, а также известный советский пловец, Заслуженный мастер спорта СССР В.В. Буре [13. С. 4].

Разумеется, никакие официальные меры, продуманные и преследовавшие в целом благие цели, не отменяли личного выбора отдельно взятого человека. Вопрос «пить или не пить» каждый, считавший себя адекватным, взрослым и социально ответственным человеком, решал самостоятельно. В то же время фактом остается то, что партийно-хозяйственное руководство, медицинские работники, сотрудники правоохранительных структур, представители общественности Томска, да и всей области в целом, со своей стороны, в рамках общегосударственной борьбы с пьянством и алкоголизмом делали все возможное для достижения положительного результата.

Список источников

1. Борисов Е.В. Алкоголь и дети. М. : Медицина, 1983. 58 с.
2. Запорожченко В.Г. Образ жизни и вредные привычки. М. : Медицина, 1984. 33 с.
3. Лисицын Ю.П. Алкоголизм : социально-гигиенические аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Медицина, 1983. 262 с.
4. Немцов А.В. Алкогольная смертность в России, 1980–90-е годы. М. : Изд-во Моск. НИИ психиатрии Минздрава Российской Федерации, 2001. 56 с.
5. Дорошенко А.В. Борьба с пьянством в СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг. (на материалах Западной Сибири) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2016. 27 с.
6. Красное знамя. 1982. 8 янв.
7. Красное знамя. 1982. 12 янв.
8. Красное знамя. 1983. 7 янв.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 7. Д. 907.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 1060. Оп. 9. Д. 31.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 296.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 8. Д. 26.
13. Красное знамя. 1983. 8 марта.

References

1. Borisov, E.V. (1983) *Alkogol' i deti* [Alcohol and children]. Moscow: Meditsina.
2. Zaporozhchenko, V.G. (1984) *Obraz zhizni i vrednye privychki* [Lifestyle and bad habits]. Moscow: Meditsina.
3. Lisitsyn, Yu.P. (1983) *Alkogolizm: sotsial'no-gigienicheskie aspekty* [Alcoholism: Social and hygienic aspects]. 2nd ed. Moscow: Meditsina.
4. Nemtsov, A.V. (2001) *Alkogol'naya smertnost' v Rossii, 1980–90-e gody* [Alcohol mortality in Russia, 1980–90s]. Moscow: Moscow Research Institute of Psychiatry of the Ministry of Health of the Russian Federation.
5. Doroshenko, A.V. (2016) *Bor'ba s p'yanstvom v SSSR v 1970-kh – pervoy polovine 1980-kh gg. (na materialakh Zapadnoy Sibiri)* [The fight against drunkenness in the USSR in the 1970s – the first half of the 1980s (on the materials of Western Siberia)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
6. *Krasnoe znamya*. (1982a) 8th January.
7. *Krasnoe znamya*. (1982b) 12th January.
8. *Krasnoe znamya*. (1983a) 7th January.
9. The Documentation Center of the Recent History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 80. List 7. File 907.
10. The Documentation Center of the Recent History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1060. List 9. File 31.
11. The Documentation Center of the Recent History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 31. File 296.
12. The Documentation Center of the Recent History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 80. List 8. File 26.
13. *Krasnoe znamya*. (1983b) 8th March.

***Сведения об авторе*:**
Нестеренко Павел Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: pavelnesterenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Nesterenko Pavel L. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies of Tomsk State Pedagogical University. Tomsk, Russian Federation. E-mail: pavelnesterenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 14.09.2019; accepted for publication 21.03.2023

Статья поступила в редакцию 14.09.2019; принята к публикации 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(47).08
doi: 10.17223/19988613/82/12

Провинциальные проекты преобразований полиции Урала во второй половине XIX в.

Сергей Михайлович Рязанов

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Россия, s_ryazanov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются пути и средства усиления полиции, предложенные властями Урала в 1862–1900 гг. По результатам проведенного исследования можно заключить, что большинство местных предложений касалось количественных изменений состава полицейских команд, числа полицейских станов, денежного содержания полицейских и т.д. Изучение канцелярского творчества полицейских властей Урала позволяет проследить эволюцию взглядов руководителей полиции и констатировать недостаточное внимание властей к нуждам правоохранительных органов российской провинции.
Ключевые слова: Оренбургская губерния, Пермская губерния, полицейская стража, реформа, Уфимская губерния

Для цитирования: Рязанов С.М. Провинциальные проекты преобразований полиции Урала во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 106–113. doi: 10.17223/19988613/82/12

Original article

Provincial projects of the transformations of the Ural police in the second half of the 19th century

Sergey M. Ryazanov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russian Federation, s_ryazanov@mail.ru

Abstract. The topic of this article is the ways and means of strengthening the police, proposed by the authorities of the Orenburg, Perm and Ufa provinces in 1862–1900. If the ideas of the top management of the police are sufficiently known and studied, the projects of local governors and police chiefs remained almost entirely without any attention of historians. To fill this lacuna is the purpose of the article. The study is based on office materials that have been produced during the correspondence between the Department of the Executive Police (the Police Department) of the Ministry of Internal Affair and the Ural local authorities. The article demonstrates the project of creation of police guard in Perm province (1864) and the plan of its reorganization (1878–1879), projects of the city police straitening (1878) and the country police increasing (1890s). Then the author emphasizes the police guard projects of 1900, first the ideas of N.A. Klyuchnikov. According to the results of the study, it can be concluded that most of the local proposals naturally dealt with quantitative changes in the composition of police teams, an increase in the number of police camps, money support for police staff, etc. At the same time, for economic reasons, the government often refused to carry out these reforms, sometimes even those initiated by itself. One of the important innovations was the organization of the police guard of the Perm province in 1870. It is noteworthy that most of the Perm police officers and the governor, when discussing the project, advocated its organization on "non-professional", pre-reform principles. By 1900, when discussing a new draft of the police guard, almost all the leaders of the Urals were in favor of moving from police duty to free recruitment of lower ranks. An interesting project is that of the Zlatoust district police officer N.A. Klyuchnikov, who proposed the "professionalization" of the electoral rural police: the election of tenths and hundredths for a longer period and the payment of these posts by the rural community. His projects of increasing the salaries of policemen and class police officers were topical, the system of hiring police guards, based on the calculation of 1 guard per 1,000 population, is interesting. The timeliness of the corrector's proposals is partially confirmed by the actual implementation of the part of them during the years of the First Russian Revolution. Thus, the study of the stationery of the police authorities of the Urals allows both to trace the evolution of the views of the police leaders themselves and the insufficient attention of the state to the needs of the provincial law enforcement agencies.
Keywords: Orenburg province, Perm province, police guard, reform, Ufa province

For citation: Ryazanov, S.M. (2023) Provincial projects of the transformations of the Ural police in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 106–113. doi: 10.17223/19988613/82/12

© С.М. Рязанов, 2023

Проекты преобразований полиции Российской империи достаточно подробно изучены в отечественной историографии. В 1999 г. А.Ю. Фомичевым была успешно защищена диссертация «Проекты реформы российской полиции в конце XIX – начале XX века» [1]. Более ранние планы преобразования полиции нашли отражение в диссертации Ю.В. Тота «Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке» (2003) [2]. Несмотря на это, поток журнальных публикаций, посвященных проектам преобразований полиции Российской империи, не прекратился [3–5]. Однако внимание прежде всего уделяется планам радикального переустройства полиции, создававшимся на высшем уровне. В то же время, проводя с 1862 г. ограниченные, нередко локальные, реформы полиции, законодатель обращался на места с просьбой предложить свои пути улучшения «полицейского вопроса», «сообразуясь с местными условиями». Именно эти, ни разу не выступавшие в качестве самостоятельного объекта изучения, предложения по улучшению полицейского аппарата Урала и составляют тематику настоящей статьи.

«Временные правила» 1862 г. заменили принцип формирования чинов полиции с характерного для традиционного общества сословно-выборного на назначение губернатором. Дворянские выборы или назначения «Комитетом о раненых» отставных военных, как правило, выдвигали на руководящие посты людей, мало пригодных к полицейской службе. «Новый порядок открывал возможность обновления руководящего состава полиции, позволяя выдвинуться на эти должности лицам, профессионально пригодным для их исполнения», – писал исследователь уральской полиции Е.П. Сичинский [6. С. 54].

В силу увеличения объема делопроизводства уездной полиции появилась новая должность помощника исправника. Однако реформа сохранила двух выборных заседателей от сословий. Впрочем, роль их была теперь формальна. Так, ревизор Оренбургского уездного полицейского управления отмечал в 1875 г.: «…Я ни разу не встретил в присутственной комнате третьего члена, и когда спросил уездного исправника: “Где третий член присутствия”, – то полковник Чернев указал мне на человека, проходившего в это время через залу… ранее сего я встретил этого человека в передней прихожей вместе с посторонними приходящими, – то был заседатель от поселян Епифанцев, – и сколько раз ни был я в полицейском управлении, – в присутственной комнате никогда не встречал ни Епифанцева, ни заседателя от казачьего сословия…» [7. Ф. 27. Оп. 5. Д. 7. Л. 22 об.]. В 1889 г. должности заседателей от сословий были упразднены.

Кроме того, реформа 1862 г. содержала в себе элемент централизации. Если ранее полиция уездных городов была самостоятельна и подчинялась городничим, то теперь она была объединена с земским судом под единым началом уездного исправника. Сами же земские суды переименованы в уездные полицейские управления. Однако дальше централизация полиции не пошла. В губернских и крупных уездных городах сохранялись самостоятельные органы общей полиции во главе с полицмейстерами, названные городскими полицейскими управлениями. Значительно было увеличено жалование классных чинов полиции.

Однако местные власти далеко не были удовлетворены новой структурой. Уже в 1863 г. пермский полицмейстер ходатайствовал о присоединении к г. Перми «в полицейском отношении» близлежащих деревень и крупного селения Мотовилихи (на тот момент 8 тыс. жителей). «Городское полицейское управление постоянно входит в сношение с уездным управлением, а сие последнее с городским, ибо близость расстояния Мотовилихи способствует беспрерывному переходу людей из одного ведомства в другое, от этого происходит затруднение в производстве дел в разыскании преступлений, которые совершались в городе, нередко укрываются в Мотовилихе или же в пригородных деревнях… и вообще неудобство в полицейском надзоре по ближайшему положению к городу тех селений…» – отмечал пермский полицмейстер [8. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 45 об.–46]. С присоединением новых селений Пермское губернское правление просило перевести город в первый разряд с учреждением должностей помощника полицмейстера и особого мотовилихинского пристава. Стоит отметить, что МВД легко согласилось на присоединение новых территорий к губернскому центру, однако требуемое в донесении увеличение штатов полиции произошло лишь спустя 40 (!) лет. Вообще на протяжении всего периода предложения со стороны полицейского руководства и губернских властей Урала, как правило, касались именно изменения штатной численности –за счет либо введения новых должностей, либо перераспределения существующих. Такие запросы, как правило, поступали на имя губернатора от уездных исправников или полицмейстеров, а губернатор доводил их до сведения Министерства внутренних дел. Однако, как видно из вышеприведенного примера, на введение этих должностей и действительное увеличение расходов на полицию власти шли с большой неохотой.

Так, несмотря на то что штаты городовых были учреждены в 1853 г. и изо всех почти губерний в Департамент полиции исполнительной приходили предложения о их пересмотре, в течение четверти века Правительство на них никак не реагировало. Катализатором, заставившим власти пересмотреть свои взгляды, выступили политические беспорядки в Москве и Санкт-Петербурге. В 1878 г., осознавая, что для разгона «незаконных сборищ» необходима крупная сила, Департамент полиции исполнительной обратился ко всем губернаторам с циркуляром об указании «потребной» для городов конной стражи и необходимых расходов на нее. Данное предложение касалось, однако, только крупных городов, имевших самостоятельную полицию [8. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 16. Л. 6]. С целью учреждения в Екатеринбурге 20 конных городовых 15 июля 1878 г. пермский губернатор В.А. Енакиев выстраивал следующую систему аргументов: «…Когда заводы были в полном действии, все горнозаводское население было занято работами и обеспечено в средствах к жизни; с сокращением же… действия заводов до половины бывших горнозаводских людей осталось без занятий… и… стали, естественно, крайне нуждаться в средствах

к жизни; нужда же всегда вызывает за собой разные пороки и преступления… В прежнее время… (до отмены крепостного права. – *С.Р.*) Городская полиция имела… 16 конных казаков, ныне же она конной стражи вовсе не имеет». Однако «ввиду затруднительного положения Государственного казначейства» штаты екатеринбургской полиции увеличены не были. За государственный счет были усилены полицейские команды только 9 городов, остальным было предложено произвести введение стражи на городские средства [8. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 81. Л. 4 об.–5 об., 12–13]. Городское же самоуправление, хотя и признавало необходимость расширения штатов полиции, но, ссылаясь на постоянный дефицит бюджета, из своих средств делать это также не желало.

Частым было требование увеличения числа станов и, соответственно, становых приставов, что было связано как со значительным ростом населения, так и с характерным для модернизирующегося общества увеличением числа преступлений. В частности, Уфимское губернское правление, «усмотрев из делопроизводства», что в губернии необходимо увеличить число станов, 16 августа 1893 г. обратилось к исправникам с целью собрать на этот предмет в двухнедельный срок подробные сведения. Уфимский уездный исправник доносил, что в уезде действительно наблюдается «крайняя необходимость» в увеличении числа станов. «…Местное население густое и бойкое, как вообще расположенное при губернском торговом городе, и притом в нем организуется масса ищущих заработки, проходящих и т.п. лиц с сомнительной нравственностью», – сообщал исправник. Приставы обширных районов не в состоянии были с этим справится. Например, в 1-м стане ежегодно обнаруживалось до сотни трупов с признаками насильственной смерти. По поводу каждого случая приставу приходится выезжать по несколько раз. В результате у пристава не хватало времени на производство дознаний по иным преступлениям, совершенным в уезде. К этому исправник добавлял, что ежегодный документооборот стана составлял до 8 тыс. входящих бумаг. В аналогичной ситуации находились приставы 3-го и 4-го станов; чтобы разгрузить, их исправник просил создать в уезде два или хотя бы еще один новый стан. С просьбой увеличить количество станов выступили и иные исправники. В ответ Государственный совет согласился с предложениями уфимского губернатора и с 1 января 1895 г. создал в губернии 7 новых станов, в том числе один – в Уфимском уезде [9. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 561. Л. 1, 5–6 об., 32].

В отдельных случаях по требованию МВД уездные исправники составляли проекты более значительных преобразований. В законе 1862 г. содержалось указание на возможность учреждения в некоторых губерниях полицейской стражи. С целью собрать сведения на этот предмет министерство обратилось к губернаторам. В мае 1864 г. пермский военный губернатор В.А. Лашкарев предоставил министру внутренних дел «соображения» исправников и екатеринбургского полицмейстера. Какого-либо единства относительно начал, на которых стража должна быть основана, среди руководителей пермской полиции не было. «Одни из уездных исправников признают необходимым иметь в своем уезде часть из двухсотенного отряда Оренбургского казачьего войска; другие как казаков, так и исполнительных чиновников, третьи… более удобным находят учредить полицейскую стражу из отставных нижних чинов… четвертые признают со своей стороны гораздо более полезным и выгодным для Государства назначить полицейских чиновников в местах, ими указанных, установить конную стражу из местных обывателей разного сословия по контрактам или с зачислением на действительную службу…» – указывал пермский военный губернатор. Причем, за современный (вольнонаемный) путь формирования сил полиции выступили лишь 4 уездных исправника из 12. Сам же В.А. Лашкарев резюмировал: «В сем отношении предпочтение следует отдать казачьим отрядам, так как люди, их составляющие, не принадлежа к местным обывателям и будучи приучены к дисциплине, представляют из себя более надежных полицейских служителей…» [8. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 80, 80 об., 92 об.].

Тем не менее в 1870 г. в Пермской губернии вместо казаков была введена полицейская стража по вольному найму. Однако процесс модернизации в это время затронул уральскую деревню в незначительной степени, и необходимости в профессиональной полиции за пределами урбанизированного пространства местные власти не видели. И хотя, по замыслу законодателя, стража должна была быть распределенной по участкам и следить за ситуацией в сельской местности, в Пермской губернии она была фактически обращена в городовых.

Помимо общей, на Урале еще до отмены крепостного права существовала горная полиция, подчиненная Министерству финансов и главной своей целью имеющая предупреждение «хищничества» на золотых приисках. Освобождение горнозаводского населения вызвало необходимость в учреждении приисковой полиции на новых началах. 18 ноября 1869 г. троицкий уездный исправник обратился к оренбургскому гражданскому губернатору К.Н. Боборыкину с просьбой об упразднении горной полиции в уезде и передаче приисков в ведение уездного полицейского управления. В то же время исправник полагал, что уж если даже горные исправники были не в состоянии прекратить хищничества золота, то приставам, у которых и без того масса обязанностей, это точно будет не под силу. В связи с этим полицейский чиновник просил учредить особую должность «заведующего полицейской частью на частных золотых приисках Троицкого уезда», подчиненного полицейскому управлению с правами станового пристава. В обоснование своей мысли исправник приводит ненормальность настоящего устройства полиции на приисках. Там продолжала существовать «полиция двоякого рода»: утвержденные правительством горные исправники, подчиненные Уральскому горному правлению; «коштные», служба которых всецело зависела от владельцев приисков. И те и другие выполняли полицейские обязанности: проводили дознания о происшествиях и даже следствия по разным предметам, которые не передавали общей полиции. В доказательство «ненормальности» данного положе-

ния исправник привел многочисленные случаи незаконных и непрофессиональных действий горной полиции. Например, когда в шурфе барона Котца было найдено тело с признаками насильственной смерти, горный исправник 1-го округа возил его по всем приискам с целью установить личность. 15 января 1870 г. оренбургский гражданский губернатор К.Н. Боборыкин обратился к генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому с просьбой ходатайствовать перед МВД об упразднении горной полиции и усилении на приисках общей. Однако независимо от этого 5 июня 1870 г. горная полиция была упразднена правительством, а ее дела переданы общей. На практике же получилось так, что горные исправники перешли в подчинение уездных полицейских управлений. Кредит на их содержание по-прежнему выплачивался Уральским горным правлением. В то же время, несмотря на правительственную реформу, отдельные «коштные» исправники продолжали служить в Оренбургской губернии до 1873 г. [7. Ф. 11. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–14 об., 29–30, 63–63 об., 193–194].

В 1878 г., в ответ на «хождение в народ», во всей стране были введены новые нижние должности – полицейские урядники. Помимо контроля за настроениями сельского населения на территории «вверенного участка» в их обязанности входили борьба с общеуголовной преступностью и руководство сотскими и десятскими, которые по-прежнему оставались главной полицейской силой за пределами городов. Во всей Российской империи вводилось около 5 тыс. урядников. Данное число было явно недостаточным, к тому же распределены они были крайне неравномерно. Если в малонаселенных регионах, например в Архангельской губернии, урядник действительно был в состоянии контролировать «вверенный участок», то на Урале дело обстояло сложнее. Особенно тяжелая ситуация складывалась в Пермской губернии. На одного урядника приходился участок, в среднем состоящий из 4,2 волостей, 98 населенных пунктов, протяженностью 93,2 км и населением 18 090 чел. При этом в некоторых уездах ситуация была значительно хуже общегубернской. Например, Чердынский уезд делился всего на 5 участков средней протяженностью 203,76 км. Представляется весьма сомнительным, чтобы один всадник действительно мог быть в курсе происходящего на такой огромной территории. Однако наиболее абсурдная ситуация сложилась в Шадринском уезде. Здесь не только находился самый густонаселенный урядниче-ский участок – 45 378 чел., объединяющий 7 волостей, но и средние показатели значительно превышали общегубернские – 28 474,2 чел. и 176,14 км [8. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85 об.–118 об.]. К этому стоит добавить, что Шадринский уезд в рассматриваемый период был едва ли не самым сложным в криминальном отношении. Из Сибири сюда ежегодно проникало значительное число бродяг и беглых преступников, которых задерживалось здесь в год до 450 чел. К тому же в уезде среди башкир процветала этническая преступность. У крестьян одной только Градоколматской волости башкирами Шадринского уезда было украдено 690 лошадей, а в 4 башкирских волостях (Козылоевской, Усть-Багарятской, Тюляковской и Буршитской) оштрафованных за разные кражи насчитывалось 520 чел. [8. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 282. Л. 66 об.–67].

В данной ситуации министр внутренних дел обратился к пермскому губернатору В.А. Енакиеву с резонным предложением – упразднить или существенно сократить стражу, а на вырученный «кредит» организовать дополнительные должности урядников. Пермский губернатор, в свою очередь, дал распоряжение уездным исправникам предоставить свои «соображения» на этот счет, однако на основании собранных сведений не смог составить представления о реформе стражи, в связи с чем был вынужден «обозреть» полицейскую стражу лично и через специально командированных чиновников. На основании ревизии губернатор пришел к выводу, что «при существовании полицейских урядников уездную стражу следовало бы сохранить с некоторым только уменьшением ее состава и особенно числа конных стражников». В.А. Енакиев привел следующие аргументы против упразднения полицейской стражи:

1. «При постоянном наплыве в губернию из Сибири беглых и бродяг», «высылке сюда порочных лиц под надзор полиции», «при значительной массе совершающихся преступлений», «при характере горнозаводского населения» в помощь уряднику необходима вооруженная полицейская сила.

2. Стражники охраняют арестантов при становых квартирах и в целом «для исполнения распоряжений станового пристава представляют вообще более надежную силу, чем сотские и десятские». К тому же ряд становых квартир был расположен в крупных населенных пунктах, «не имеющих другой полиции, кроме выборной». В одном только Нижнетагильском заводе насчитывалось 29 055 жителей.

3. В городах стража необходима «для усиления везде недостаточного состава городских полицейских команд».

4. Кроме того, важность иметь в губернии возможно большее число вооруженной и подвижной, в отличие от урядников, «полицейской силы» диктовалась отсутствием в регионе войск.

Губернатор В.А. Енакиев обратил также внимание на то, что назначенные 8 лет назад «оклады содержания» стражников не соответствуют изменившимся условиям, и «при усилившейся дороговизне в большей части уездов нанимать стражников… представляется крайне затруднительным».

Саму же стражу губернатор предложил перераспределить следующим образом: 1) до учреждения постоянной конно-полицейской команды в Перми и Екатеринбурге держать там по 10 конных стражников; 2) при уездных полицейских управлениях оставить по одному конному стражнику, за исключением г. Шадринска, где из-за большого числа бродяг и Крестовской ярмарки – четырех; 3) в уездах, где при становых квартирах были конные стражники, оставить по одному, за исключением пристава 2-го стана Верхотурского уезда, при котором из-за «значительности и обширности» Нижнетагильского завода оставить прежнее число конной стражи, сохранить также 10 конных стражни-

ков «для командирования» на Сибирский тракт; 4) при каждом уездном полицейском управлении держать 3–6 пеших стражников; 5) для становых приставов оставить прежнее число пешей стражи; 6) при городских полицейских управлениях оставить пеших стражников только в Перми, Екатеринбурге и Камышлове.

Таким образом, общее число конной стражи сравнительно со штатами 1870 г. сокращалось со 112 до 68, а пеших увеличивалось со 110 до 111. Полученная экономия более чем в 9 тыс. руб. в год подлежала бы на выплату повышенного содержания стражникам, а оставшаяся сумма в 3 340 руб. «могла бы быть обращена на увеличение числа урядников, которых в Пермской губернии относительно ее пространства и населения весьма мало» [8. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 282. Л. 2–14 об.].

МВД, однако, продолжало настаивать на упразднении полицейской стражи в связи с тем, что последняя несла фактически обязанности городовых, которые должны были, по законодательству того времени, содержаться за счет бюджета поселений, а не государства. Однако органы местного самоуправления не имели ни средств, ни желания усиливать полицию. Губернские власти в конце концов вынуждены были согласиться с планом правительства. При этом на практике ликвидация стражи осуществлена не была.

Новый этап в преобразовании полиции наступил в 1900 г., когда правительство готовилось к введению полицейской стражи на всей территории империи. Как отмечал особый циркуляр Департамента полиции, со дня издания Временных правил и штатов полиции прошло 37 лет, и за это время «изменились в значительной степени и самыя условия жизни»: оклад и штаты, утвержденные в 1862 г., были уже явно недостаточны. В ряде мест положение улучшилось, но преимущественно в городах, которые обладали на то средствами. Уездная полиция осталась практически неизменной. Правительство планировало произвести отчуждение сельской полиции от «местных общественных органов», упразднить должности сотских и десятских, ввести вместо них особых наемных сельских стражников, подчиненных непосредственно урядникам. Каждому стражнику планировалось предоставить определенный район, установленный «по цифре населения». Губернаторам предлагалось изложить свои соображения по предстоящей реформе до 1 ноября 1900 г. [10. Ф. 132. Оп. 3. Д. 56. Л. 1 об.–2].

Начальники губерний вновь обратились за сведениями к уездным исправникам. Пожалуй, наиболее обстоятельный и аргументированный проект преобразований составил руководитель златоустовской полиции Уфимской губернии Н.А. Ключников. Подготовленная им 25 сентября 1900 г. «Записка… по вопросу о преобразовании уездной полиции» состояла из 4 разделов: «Об увеличении содержания чинам уездной полиции»; «Об изменении станов и уряднических участков»; «О замене сельской полиции стражниками»; «По вопросу о сложении полицейских обязанностей с волостных старшин и сельских старост и об отделении полиции от органов общественного управления».

Наибольшее внимание исправник уделил первой проблеме. «Хотя со времени начала реформ… наша полиция сильно двинулась вперед, вооружилась некоторым достоинством, облагородилась, но, по случаю материальной необеспеченности… принуждена занимать даже и среди уездного общества приниженное положение», – утверждал Н.А. Ключников. По причине материальной необеспеченности чинов полиции и «исторически сложившегося о ней невыгодного мнения» люди, которые идут служить в ней, мало соответствуют своему назначению как в нравственном, так и в интеллектуальном плане. Улучшение материального положения привлекло бы на службу в полицию «лучшее силы». Так, оплата практически всех руководящих «чинов уездного управления» (1 800–3 300 руб.) превышает жалование даже уездного исправника (1 500 руб.), не говоря уже о становом приставе (600 руб.) и полицейском надзирателе (400 руб.). «На эти несчастные деньги они вынуждены содержать себя и семью… – сокрушался златоустовский исправник, – иметь постоянную приличную форменную одежду… становые приставы, кроме того, находясь постоянно в разъездах, должны иметь экипажи и дорожное платье». По утверждению Н.А. Ключникова, если посчитать одни только служебные расходы, то на содержание себя и семьи средств совершенно не оставалось. Недостаточными являлись, по мнению руководителя полиции, и 1 000 руб., выделяемые на канцелярские нужды, в связи с чем полицейское управление незаконно содержит одного городового в качестве писца и одного – рассыльным, «в ущерб наружной службе». Недостаточно и канцелярских средств, отпускаемых полицейским надзирателям, так как за 8–10 руб. нигде нельзя найти «порядочного писца». Обращает исправник внимание и на крайне скудное пенсионное обеспечение полицейских, предлагая создать при МВД «эмеритальную кассу».

Переходя к ненормальному положению нижних чинов, Н.А. Ключников отмечает, что общее число городовых по штату составляло 50 человек, что для города в 20 тыс. жителей вполне достаточно. Однако из-за того, что содержание, выплачиваемое городовым (кроме 10 фабрично-заводских), не соответствовало «труду и местным условиям», люди на службу в полицию не шли, а если и устраивались, то только на короткий срок, пока не найдут заработка на местном заводе. В летнее время, когда начинались «страдные работы», комплект городовых уменьшался до половины. «Текучка кадров» вела также к тому, что городовые не успевали «усвоить обязанности службы». Тяжесть службы городовых объяснялась как суровым климатом, так и «низким нравственным уровнем» населения. Задержанных за пьянство и буйство при 20 тыс. населения – до 2,2 тыс. ежегодно. Исправник предложил увеличить квартирные городовым в 3,5–4,3 раза и, кроме того, на 28–30% усилить жалование.

Во второй части своей «Записки» Н.А. Ключников, «чтобы сделать труд Златоустовской полиции продуктивным», предложил разделить уезд вместо нынешних 4 на 5 станов, соразмерных по количеству населения (в 3-м и 4-м станах населения было вдвое больше, чем в 1-м и 2-м), а также учредить 2 новых уряднических участка. В качестве главных аргументов в пользу

«становой реформы» исправник привел следующие доводы: «отсутствие надлежащего понятия о собственности» у местного населения вызывает массу дел о пользовании чужим имуществом; торгово-промышленные заведения, которых в уезде 1 345, не выполняют без «принудительных мер» установленные законом санитарные требования; башкирское население, составляющее почти половину жителей, «не желает принимать самых простых обязанностей перед государством и обществом», а к «сделанным в их же интересах» мерам «относится недоверчиво и даже враждебно»; наконец, «ряд последовавших законоположений, вызвавших серьезные изменения в положении учреждений и ведомств юстиции, финансов, а также городской земской и крестьянской администраций, значительно отразился на увеличении работы полицейских чинов».

В третьем разделе Н.А. Ключников дал весьма нелестную характеристику сотским и десятским. В большинстве селений они не получали никакого вознаграждения за свой труд, причем люди это были «бедные и забитые». При избрании вопроса об умственном развитии и готовности к полицейской службе не возникало. С «такими помощниками» у станового пристава и урядника, несмотря на то что на уезд выборной полиции приходилось до 700 чел., дела шли медленно. Когда же к концу года из меньшинства сотских и десятских все-таки удавалось сформировать «что-то похожее на полицейского деятеля», их состав обновлялся. Для того чтобы стражники, призванные заменить сельскую полицию, действовали эффективно, их необходимо было 160 (1 на 1 тыс. жителей), из которых 67 конных. Кроме того, 12 стражников (по двое) должны были находиться при становых квартирах и при квартире полицейского надзирателя Юрюзаньского завода. Содержание стражников Н.А. Ключников предложил назначить в 180 р. при 48 р. квартирных, 25 р. на обмундирование и 80 р. «фуражных» для конных стражников.

Однако стражу исправник предлагал вводить не сразу, а постепенно, сначала, в качестве эксперимента, – в наиболее «бойких» частях Златоустовского уезда. В случае, если назначение стражников не состоится, необходимо было, по его мнению, реорганизовать сельскую полицию: увеличить время службы сотских до 3 лет, назначить им содержание «от общества», а также предоставить право сельским полицейским на медаль «за беспорочную службу».

На последний вопрос златоустовский исправник смотрел двояко. С одной стороны, старосты и старшины проявляют полный «индеферентизм» к полицейским функциям, прямо их не касающимся, а потому снять с них полицейские обязанности не представляло, по его мнению, особого труда. С другой стороны, чины полиции при самостоятельном использовании обывателей как полицейской силы могли встретить затруднения, так как не были наделены правом наложения административных взысканий, в отличие от чинов сельской администрации. Что же касается разграничения функций «органов общественного управления» и полиции, то его исправник только приветствовал, поскольку при пересечении полномочий тех и других «возможны недоразумения и несогласия».

Хотя система аргументации Н.А. Ключникова в силу краткости составленного в Департамент полиции донесения и не была воспроизведена уфимским губернатором Н.М. Богдановичем, основные его предложения, как, впрочем, и других исправников, были переданы вышестоящим властям [9. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 622. Л. 23–32, 111–112 об.].

При создании законов о полицейской страже в начале XX в. центральные власти, обобщая предложения сотен уездных исправников, вряд ли обратили особое внимание на требования уфимского. Тем не менее сравнение преобразования сельской полиции в начале XX в. может служить показателем актуальности или неактуальности предложений Н.А. Ключникова; в связи с этим есть смысл выйти за указанные в заглавии хронологические рамки и рассмотреть введение полицейской стражи на Урале. В материальном обеспечении стражи реформа превзошла предложения златоустовского исправника. Жалование стражника, включая квартирные, составило с 1 января 1906 г. от 300 до 360 руб. вместо предложенных исправником 253 руб., «фуражные» – 100 руб. [10. Ф. 132. Оп. 3. Д. 56. Л. 15 об.–16] вместо 80 руб. Закон от 31 января 1906 г. увеличил жалование старших городовых до 300 руб., а младших – до 240 руб. [11. С. 64], что, в свою очередь, также было выше предложенных исправником 252 и 216 руб. Однако в связи со скачком инфляции, произошедшим параллельно с этим, сложно сказать, насколько данная мера действительно улучшила положение нижних полицейских чинов. Увеличилось в 1906 г. и содержание классных чинов полиции, а также был создан необходимый 5-й стан в Златоустовском уезде. Число урядниче ских участков вместо предложенных исправником 20 на практике составило в уезде 23, согласно числу волостей. Количество стражников в то же время оказалось значительно ниже «потребного», по мнению Н. А. Ключникова: на 1907 г. – всего 116 человек. Правительство исходило не из предложенного исправником принципа – один стражник на 1 тыс. населения, а из расчета один стражник на 2 тыс. жителей. Кроме того, расположена стража была лишь в самых «бойких» местах уезда, отрядами [12. С. 103], что оставляло большую часть территории по-прежнему на попечении неэффективной сельской полиции.

Таким образом, в переписке местных властей с МВД и Департаментом полиции можно отметить несколько тенденций. Во-первых, из соображений экономии правительство на протяжении практически всего рассматриваемого периода крайне неохотно шло на удовлетворение проектов местных властей по увеличению штатного состава полиции и ее окладов, порой даже тех, которые составлялись по инициативе МВД. Вообще для правительства гораздо более весомым аргументом к преобразованиям служили действительные беспорядки в той или иной местности, нежели все уверения губернаторов о том, что с наличными штатами и окладами полиция не способна выполнять свои обязанности сколько-нибудь эффективно. Другим очевидным трендом стало то, что сами предложения с мест, как правило, касались не качественных, а ко-

личественных изменений штатов полиции. Предложения о каких-либо более глубоких изменениях устройства полиции предоставлялись уральскими властями, как правило, только по требованию МВД. И в этом направлении, пусть и крайне медленно, но предложения полицейских и губернаторов приобретали все более прогрессивный характер. Это можно видеть, к примеру, при сравнении проектов введения полицейской стражи 1864 и 1900 гг. Если в первом случае местные власти Пермской губернии все еще держались за старые архаичные формы охраны общественного порядка в виде осуществления полицейских функций казаками, то к концу XIX в. предлагались реформы, направленные на некоторую профессионализацию общей полиции в существующих условиях. Показательно в этом смысле не только содержание пермского проекта, но и отсутствие каких-либо предложений в 1860-е гг. от оренбургских властей. Видимо, имея в своем распоряжении значительное число казаков, власти даже и не думали, что полицейская старжа может быть основана на иных – профессиональных – началах. В то же время в 1900 г. руководители уральской полиции приветствовали замену сотских и десятских стражниками, а также размежевание функций полиции и выборной сельской администрации. В «Записке…» златоустовского уездного исправника, прекрасно знавшего, как часто правительство затягивало преобразования полиции по экономическим соображениям, содержался также интересный проект усиления, насколько это было возможно, «профессионализации» самих сотских и десятских, не требовавший дополнительных расходов «от казны». Однако центральными властями эти предложения рассмотрены не были.

Список источников

1. Фомичев А.Ю. Проекты реформы российской полиции в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 190 с.
2. Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. 489 с.
3. Касьянов А.В. К вопросу о реформе полиции Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны // Черные дыры в Российском законодательстве. 2014. № 1. С. 32–35.
4. Токарева С.Н. К вопросу о реформе полиции Российской империи начала XX века: кристаллизация полномочий // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 4. URL : http://scientific-notes.ru/pdf/022-008.pdf (дата обращения: 20.08.2019).
5. Тот Ю.В. Сенатор Ф.П. Ключарев и его записка «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления» // Российская история. 2017. № 1. С. 80–90.
6. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М. : Майор, 2005. 224 с.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).
8. Российский государственный исторический архив (РГИА).
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ).
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. СПб. : Гос. тип., 1909. Т. 26, ч. 1. 1157 с.
12. Петров А.В. Организационно-правовые основы деятельности общей полиции Урала и Сибири в начале XX века // Полицейское право: история и современность. 2005. № 3. С. 101–105.

References

1. Fomichev, A.Yu. (1999) *Proekty reformy rossiyskoy politsii v kontse XIX – nachale XX veka* [Projects of reform of the Russian police in the late 19th – early 20th century]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Tot, Yu.V. (2003) *Reforma uezdnoy politsii v pravitel'stvennoy politike Rossii v XIX veke* [Reform of the district police in the government policy of Russia in the 19th century]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Kasyanov, A.V. (2014) K voprosu o reforme politsii Rossiyskoy imperii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [On the issue of police reform of the Russian empire on the eve and during the First World War]. *Chernye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve*. 1. pp. 32–35.
4. Tokareva, S.N. (2011) K voprosu o reforme politsii Rossiyskoy imperii nachala XX veka: kristallizatsiya polnomochiy [On the issue of police reform in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: Crystallization of powers]. *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. [Online] Available from: http://scientific-notes.ru/pdf/022-008.pdf
5. Tot, Yu.V. (2017) Senator F.P. Klyucharev i ego zapiska “O luchshem ustroystve grazhdanskogo v guberniyakh upravleniya” [Senator F.P. Klyucharev and his note “On the Best Structure of Civilian Government in the Provinces”]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 80–90.
6. Sichinskiy, E.P. (2005) *Politsiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samoderzhaviya* [Police of the Southern Urals during the crisis of autocracy]. Moscow: Mayor.
7. The State Archives of Orenburg Region (GAOO).
8. The Russian State Historical Archive (RGIA).
9. The National Archives of the Republic of Bashkortostan (NARB).
10. The State Archives of the Perm Krai (GAPK).
11. Russia. (1916) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. St. Petersburg: Gos. tip.
12. Petrov, A.V. (2005) Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti obshchey politsii Urala i Sibiri v nachale XX veka [Organizational and legal foundations of the general Police of the Urals and Siberia in the early 20th century]. *Politseyskoe pravo: istoriya i sovremennost'*. 3. pp. 101–105.

***Сведения об авторе*:**
Рязанов Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Пермского института Федеральной службы исполнения наказания России (Пермь, Российская Федерация). E-mail: s_ryazanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ryazanov Sergey M. – Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm, Russian Federation). E-mail: s_ryazanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 20.08.2019; accepted for publication 21.03.2023

Статья поступила в редакцию 20.08.2019; принята к публикации 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(47).08 + 94(510)
doi: 10.17223/19988613/82/13

Таможенные пошлины как инструмент регулирования торговых отношений России и Китая: первая половина 60-х гг. XIX в.

Ильдар Рашидович Хамзин

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ildar.hamzin1991@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ дискуссии о таможенных пошлинах на китайский чай, ввозимый в Российскую империю, происходившей на высшем уровне власти в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XIX в. Выделено два этапа этого обсуждения, в ходе которых было создано морское направление русско-китайской торговли и определены таможенные пошлины для чая, ввозимого через разные участки границы России. Проведен анализ позиций государственных лиц. В выводах отмечены противоречивые итоги обсуждения таможенных пошлин на импортный чай и их негативное влияние на развитие русско-китайской торговли.
Ключевые слова: таможенная политика, русско-китайская торговля, морская торговля, чай, Кяхта

Для цитирования: Хамзин И.Р. Таможенные пошлины как инструмент регулирования торговых отношений России и Китая: первая половина 60-х гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 114–120. doi: 10.17223/19988613/82/13

Original article

Customs duties as a method for regulating trade relations between Russia and China: the first half of the 60s of the 19th century

Ildar R. Hamzin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, ildar.hamzin1991@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of customs duties on Chinese tea in the Russian Empire. The aim of the article is to analyze the discussion of the issue of customs rates in the government of Russia and determine the results of it for the further development of the Russian-Chinese trade. In the late 1850-is, the main problem of the Russian-Chinese trade was the smuggling of tea along the Western borders of the Russian Empire. Tea from Guangzhou was illegally imported into Russia by transit through Europe. The only way to combat smuggling was the official permission to import tea on the Western borders of Russia. But the tea from Guangzhou was a great competition for tea which was brought to Russia by land through Kyakhta. Therefore, in the late 1850s, a discussion began on the customs rates that should be set for tea imported to Russia by sea and tea imported by land. Russian merchants trading in Kyakhta advocated a ban on the importation of tea on the Western borders of Russia. From this point of view, Kyakhta was a source of economic stability in Eastern Siberia and a factor of Russia's political influence on the Qing Empire. However, the majority of high-ranking officials of Russia called for the authorization of the importation of tea from Guangzhou. Their opinion was based on the fact that this tea will not harm the trade in Kyakhta and will bring income to the Russian Treasury. The question of the factory industry of Eastern Siberia which was connected with Kyakhta was raised. It has been proven that this production will decline regardless of trade with China. Another issue concerned the introduction of customs seals for tea boxes. This measure was to contribute to the fight against smuggling. In 1860, Minister of Finance A. Knyazevich proposed to establish higher duties on tea brought to the Western borders of Russia and reduced duties in Kyakhta. In addition, there were two directions of import of Cantonese tea to Russia: transit through Europe and directly to Russian ports. Since the first direction (transit through Europe) was by smuggling, customs duties here were set lower than in seaports. In March 1861 it was decided to allow the import of Cantonese tea to Russia. However, the customs rates for this tea were set much higher than in Kyakhta. Thus, the beginning of the sea Russian-Chinese trade was laid. In 1864, the second stage of the discussion of customs duties for Chinese tea began. The government decided to reduce customs rates for tea brought to Kyakhta. Duties for the Western land borders of Russia and seaports were set equal for different varieties of tea. Thus, the difference in customs rates at different parts of the Russian border was from 20 to 35 kopecks. This decision determined the further development of Russian-Chinese trade. A more efficient method of sea delivery of tea was put in unequal conditions in comparison with land trade. This was the main contradiction of the Russian government's decision.
Keywords: customs policy, Russian-Chinese trade, maritime trade, tea, Kyakhta

© И.Р. Хамзин, 2023

For citation: Hamzin, I.R. (2023) Customs duties as a method for regulating trade relations between Russia and China: the first half of the 60s of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 114–120. doi: 10.17223/19988613/82/13

Русско-китайские договоры, заключенные в 50–60-е гг. XIX в., позволили развивать торговлю между Россией и Китаем сразу по нескольким направлениям. Одним из наиболее перспективных стало морское направление русско-китайской торговли. Однако проблема заключалась в том, что новый морской транзит создал бы неизбежную конкуренцию для традиционной сухопутной торговли России и Китая через слободу Кяхта. В начале 60-х гг. XIX в. решение данной проблемы было найдено в таможенной политике с использованием *дифференциальных пошлин* – разных таможенных ставок на один и тот же товар (в данном случае китайский чай) на разных участках границы России.

Китайский чай к рассматриваемому периоду стал главным товаром, ввозимым в Россию из империи Цин [1. С. 265]. В 1860 г., рассуждая о новых правилах для русско-китайской торговли, министр финансов А.П. Княжевич указывал, что «чай составляет одну из важнейших статей таможенного дохода», приносящую русской казне среднегодовую сумму, превышающую 5 млн рублей [2. Л. 393 об.].

В отечественной историографии вопрос о таможенных ставках на импортный чай в Российской империи затрагивался в основном в дореволюционных работах. В этой связи можно отметить работу М.Н. Соболева, посвященную истории русской таможенной политики, в которой автор анализирует обсуждения интересующего нас вопроса таможенных ставок, но без учета их значения для развития русско-китайской торговли [3. С. 203–212]. То же самое можно сказать и о работе К.Н. Лодыженского [4. С. 274–275] и публикации по истории Министерства финансов Российской империи [5. С. 548–552]. В советский период исследователи истории торговых отношений России и Китая упоминали введение разных таможенных ставок для морской и сухопутной русско-китайской торговли, но не делали на этом большого акцента. Современные работы обращаются к вопросу дореволюционных таможенных тарифов, введенных в Забайкалье (Кяхте), но проблема регулирования с их помощью развития разных направлений торговли России и Китая также не выдвигается на передний план [6].

Между тем на рубеже 50–60-х гг. XIX в. в правительственных кругах Российской империи развернулась настоящая дискуссия о таможенных ставках на китайский чай, который доставлялся сухопутно через Кяхту и ввозился морским транзитом к западным границам России. Решение этого вопроса во многом определило дальнейшее развитие русско-китайской торговли. Таким образом, задача данной статьи – провести анализ обсуждения вопроса о введении дифференциальных пошлин для чая, ввозимого в Российскую империю, и определить результаты этого обсуждения для последующего развития русско-китайской торговли.

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. главным местом осуществления русско-китайской торговли являлась слобода Кяхта, расположенная на границе цинской Монголии и Восточной Сибири (Забайкалье). Однако в середине XIX в. в кяхтинской торговле наметился застой товарооборота [1. С. 267]. Причиной этого стало открытие Китая для международной торговли после Первой Опиумной войны 1840–1842 гг., что привело к росту конкуренции английских шерстяных и хлопчатобумажных тканей с русскими на рынке империи Цин. В это же время в самой России все большую конкуренцию чаю, привозимому через Кяхту, составляет так называемый *кантонский чай*[1], ввозимый морским транзитом к западным границам Российской империи.

В течение первой половины XIX в. сформировалось два направления ввоза кантонского чая: морским путем напрямую к русским портам и транзитом через Европу к европейским сухопутным границам России. Исследователи отмечали, что чай был разрешен к привозу в Одессу в период существования в данном порте режима порто-франко (с 1819 по 1857 г.) [2. Л. 270 об.]. Однако этот транзит осуществлялся в совершенно ничтожном количестве и практически игнорировался официальной статистикой [7. С. 526]. С другой стороны, ввоз китайского чая по западным сухопутным границам был разрешен в период с 1724 по 1816 г., а затем с 1819 по 1822 г. [2. Л. 253]. Протекционистский таможенный тариф 1822 г., введенный министром финансов Е.Ф. Канкрином, запретил транзит кантонского чая в Россию через Европу и вместе с тем способствовал широкому развитию чайной контрабанды по этому направлению.

Покинув порты Южного Китая, кантонский чай доставлялся в крупнейшие портовые города Европы – Лондон, Гамбург или Кёнигсберг, откуда уже контрабандой направлялся в Россию либо через Пруссию, либо через Польшу в составе Российской империи (Царство Польское). Морской транзит обходился значительно дешевле и быстрее сухопутного (через Монголию в Кяхту), а, следовательно, кантонский чай на русском рынке выигрывал в цене у кяхтинского. Объем контрабанды был огромен. Современники подсчитывали, что в течение 7 лет (1849–1856) в России было употреблено (продано) китайского чая в количестве 82 479 840 фунтов. За это же время, по официальным данным, ввоз чая из Китая составил 49 962 120 фунтов [2. Л. 262 об.]. Следовательно, более 30 млн фунтов чая приходилось на контрабанду. Таким образом, угроза упадка русско-китайской торговли в Кяхте подтолкнула русское правительство к обсуждению актуальных мер для борьбы с контрабандной торговлей кантонским чаем.

Данное обсуждение можно разбить на два этапа: *период 1855–1862 гг.*, когда был поставлен вопрос о мерах борьбы с контрабандой кантонского чая, обсуждалась возможность разрешения ввоза чая через западные границы Российской империи и рассматривались допустимые в этом случае таможенные ставки, и *период 1864–1865 гг.*, когда допуск кантонского чая

в Россию уже показал свои первые (весьма успешные) результаты, но в связи с кяхтинским фактором потребовал корректировки, и вопрос о пошлинах был пересмотрен.

Этап I: 1855–1862 гг.

В 1855 г. Особый комитет, собранный для решения проблемы контрабанды китайского чая, постановил, что «для противодействия оной представляется только два способа: или *дозволить ввоз чая по западной нашей границе* с такою малою пошлиною, чтобы тайное его водворение не могло доставить никаких выгод контрабандистам… или же *ввести в чайную торговлю бандерольную систему*[2]…» [2. Л. 254]. Оба предложения были приняты в российском правительстве весьма неоднозначно. Началась дискуссия, в ходе которой выдвигались мнения как за, так и против названных мер борьбы с контрабандной торговлей.

В 1856 г. представители русских купцов, торгующих в Кяхте, направили в Министерство финансов записку, в которой была отражена позиция в защиту кяхтинской торговли. Купцы указывали на то, что Кяхта имеет важное *экономическое значение для Восточной Сибири*, поскольку чайная торговля обеспечивает сибирский извозный и пушной промысел, а также способствует развитию местной фабричной промышленности. Кроме того, русско-китайская торговля в Кяхте имеет важное *политическое значение* для поддержания влияния России на империю Цин [2. Л. 256].

С критикой вышеназванных аргументов выступили члены Государственного совета Российской империи. Так, управляющий Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии граф Д.Н. Блудов высказался за дозволение ввоза кантонского чая [2. Л. 255]. Чиновник считал, что русский товар, несмотря ни на что, будет продолжать пользоваться спросом среди китайцев, а следовательно, восточносибирская промышленность не пострадает. По мнению Д.Н. Блудова, не было угрозы вытеснения кяхтинского чая кантонским, поскольку и тот и другой вполне могли бы разделить русский рынок: азиатская Россия – для кяхтинского чая, европейская, соответственно, – для кантонского. Таможенные доходы также не пострадали бы, поскольку пошлина с кантонского чая вполне могла бы возместить потери от снижения пошлин с чая, привозимого в Кяхту. Что же касалось других экономических факторов Восточной Сибири, Д.Н. Блудов не без сарказма отмечал: «Если признать необходимость поддержания сухопутной перевозки по китайской торговле потому только, что сия перевозка доставляет занятие большому числу рабочих и разливает по Сибири и Восточной России несколько миллионов рублей, то не должно ли утверждать, что устройство железной дороги из Санкт-Петербурга в Москву вредно: ибо прежняя шоссейная дорога на протяжении 700 верст доставляла занятие большому числу постоялых дворов, ямщиков и т.д.?» [2. Л. 255 об.].

Несколько позже, в 1857 г., мнение управляющего Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии разделили граф А.Д. Гурьев и адмирал В.И. Мелихов [2. Л. 258]. Сибирь, как считали два члена Государственного совета, может вполне благополучно пережить упадок извозного промысла, так как в регионе вполне хватает рабочих мест. Пушной сибирский промысел давно перестал иметь значение для кяхтинской торговли, так как не выдержал конкуренции с отечественной торговлей шерстяными и хлопчатобумажными изделиями. Более того, в самой кяхтинской торговле как считали А.Д. Гурьев и В.И. Мелихов, не наблюдается упадка – привоз чая только возрастал: «С 1841 года до 1844 года выменивалось чая по 165 000 (пудов. – *И.Х.*), с 1844 до 1847 года по 199 000; с 1847 до 1850 года по 214 000, а с 1850 по 1853 год по 231 000 пуд. ежегодно» [2. Л. 258 об.]. Следовательно, кантонский контрабандный чай не наносил видимого вреда чайной торговле Кяхты, поэтому и легализация его ввоза не могла бы привести к серьезному ущербу для Восточной Сибири и кяхтинской торговли в частности.

Адмирал В.И. Мелихов дополнил эти аргументы отдельной запиской, в которой более подробно разобрал актуальные меры борьбы с контрабандой. «Для снабжения чаем Империи и Царства (Царства Польского. – *И.Х.*) открывается новый источник: разрешение правильного ввоза кантонского чая – источник, обещающий чрез удешевление чаев большие выгоды для казны и потребителей», – пишет русский адмирал, считая, что основания для поддержки Кяхты отсутствуют [2. Л. 261]. В доказательство своей позиции В.И. Мелихов приводит весьма любопытные данные, согласно которым в 1845 г. в Москве и Московской губернии из работающих здесь 132 фабрик 11 производили текстиль исключительно для Кяхты. Однако в конце 1840-х – первой половине 1850-х гг. наблюдалось значительное сокращение производительности названных фабрик: в 1849 г. – на 34%, в 1851 г. – на 16%, в 1853 г. – на 68%. Резкое сокращение производства в 1853 г. напрямую связанно с упадком кяхтинской торговли в этом году из-за восстания тайпинов, блокировавшего чайные провинции Китая. Однако далее работа фабрик не восстановилась в полной мере, что позволило В.И. Мелихову прийти к выводу, что введение товарно-денежных отношений в Кяхте в 1855 г. еще более уменьшит сбыт русских фабричных изделий: это неизбежно, и, следовательно, не имеет смысла приводить в качестве аргумента защиты сухопутной торговли с Китаем ее значимость для русской фабричной промышленности [2. Л. 261].

Итак, аргументы в поддержку открытия западных границ России для чайной торговли в 1855–1857 гг. сводились к тому, что кантонский чай: а) принесет доход русским таможням; б) не навредит чайной торговле в Кяхте и экономике восточной Сибири; в) наполнит чаем рынок европейской части России. При этом все названные члены Государственного совета, будучи сторонниками допуска кантонского чая в Россию в конце 50-х гг. XIX в., выступали против введения бандерольной системы для чайной торговли. Указывалось на возможное в случае применение данной меры сокращение потребления чая, дополнительные расходы на организацию контроля за бандеролями,

подмеси чая и, как следствие, – продолжение контрабанды в еще больших размерах [2. Л. 262 об.].

Некоторую среднюю позицию занял еще один член Государственного совета – тайный советник Н.И. Бахтин, который считал, что введение бандеролей можно принять как временную меру для кяхтинской торговли, а легализацию торговли кантонским чаем – допустить, но постепенно, посмотрев, как покажет себя мера с введением бандеролей, и предварительно «морально» подготовив кяхтинское купечество [2. Л. 257–258].

Как уже было замечено, главное опасение сторонников поддержки сухопутной торговли через Кяхту вызывало то, что кантонский чай, будучи легализованным, попросту вытеснит кяхтинский с русского рынка. Если же его все-таки допустить к привозу в Россию, то необходимо ввести таможенные ставки, которые обезопасили бы Кяхту от упадка и в то же время реализовали ту благоприятную перспективу, на которую указывали все сторонники кантонского чая, – увеличили бы доход казны. Именно этот вопрос стал предметом размышлений министра финансов А.М. Княжевича в 1860 г.

Министр финансов разделил точку зрения членов Государственного совета на то, что открытие западных границ Российской империи для ввоза кантонского чая будет наиболее адекватным способом борьбы с контрабандой. Поэтому, считал министр, ввоз кантонского чая необходимо разрешить [2. Л. 279]. Но здесь возник вопрос: нужно ли допустить ввоз кантонского чая в Россию морем или ограничиться только допуском его через европейские сухопутные границы? А.М. Княжевич посчитал, что верным решением будет открытие обоих направлений ввоза кантонского чая.

Обратившись к определению таможенных ставок, министр исходил из того, что более высокие таможенные пошлины на кантонский чай должны компенсировать потери казны от снижения пошлины на чай, привозимый в Кяхту. Таким образом, А.М. Княжевич определил следующие размеры чайного тарифа:

1. *На азиатской границе Российской империи* (*Кяхта, Семипалатинск*[3]):
– на торговый, черный чай – 15 коп. с фунта;
– на цветочный чай – 40 коп. с фунта;
– на кирпичный чай – 2 коп. с фунта.
2. *На сухопутной европейской границе:*
– на торговый, черный чай – 30 коп. с фунта;
– на цветочный чай – 60 коп. с фунта.
3. *В морских портах европейской России*:
– на торговый, черный чай – 35 коп. с фунта;
– на цветочный чай – 65 коп. с фунта[4].

Хотя соображения министра финансов были в данном случае наиболее значимыми, обсуждение на этом не закончилось: мнения по вопросу таможенных ставок для морского и сухопутного кантонского чая разделились.

На заседании Государственного совета 14 марта 1861 г. 15 членов Совета поддержали мнение А.М. Княжевича. Во внимание ставилось, что большая разница в тарифе для азиатской и европейской границы Российской империи должна обезопасить торговлю в Кяхте от упадка. В то же время более низкий тариф для кантонского чая, привозимого сухим путем, являлся мерой борьбы с контрабандой, так как снижал стоимость чая, привезенного через Пруссию или в Царство Польское, тем самым делая невыгодной контрабандную торговлю [2. Л. 469–472].

Им возражали 21 участник заседания Государственного совета, которые указывали на выгоды развития прямой морской торговли с Китаем без посредничества Лондона и европейского транзита. Преимущество чайной торговли через русские порты виделось в невозможности развития здесь контрабанды, тогда как на европейской сухопутной границе нелегальная торговля чаем вряд ли исчезла бы сразу же после введения обсуждаемых мер [2. Л. 473–475].

Вопрос введения бандерольной системы к этому времени поменял свое содержание. Видимо, доводы противников введения бандеролей для кяхтинского чая, которые приводились в течение 1857–1860 гг., оказали свое влияние: на совещании в марте 1861 г. это вопрос не поднимался. Однако его сменило другое предложение министра финансов – о введении бандеролей для кантонского чая. Оно также подверглось обсуждению членами Государственного совета: сторонники равных пошлин для морского и сухопутного кантонского чая (Д.Н. Блудов, В.И. Мелихов, А.М. Горчаков, Н.Н. Муравьев-Амурский) выступали против введения бандеролей, а сторонники разницы для этих пошлин в 5 коп. (П.К. Мейендорф, Н.И. Бахтин, П.Ф. Брок) считали, что таможенные пломбы будут способствовать борьбе с контрабандой [2. Л. 434–436, 465–465 об.]. Решение оставалось за русским императором.

25 марта 1861 г. Александр II напротив предложений А.М. Княжевича касательно таможенных ставок для кяхтинского и кантонского чая, а также вопроса введения бандеролей для кантонского чая добавил свое согласие – «и Я» [2. Л. 488 об.]. Решение во многом было историческим: *30 марта 1861 г. морская торговля России и Китая получила официальное оформление на государственном уровне.*

Таким образом, были утверждены новые таможенные ставки для чая, который ввозился в Россию. Во-первых, для Кяхты: «В Кяхтинской и других таможнях по сухопутной Азиатской границе взимать с 1-го октября 1861 г. в следующем размере: 1) С байховых цветочных черных; зеленых и желтых по 40 к.; 2) с байховых торговых по 15 коп. и 3) с кирпичного каменного лугана, и так называемого «плохого» чая (кирпичного. – *И.Х.*) по 2 к. фунта» [2. Л. 464 об.].

Во-вторых, для кантонского чая: «Чаи, вывозимые из Китая морем, дозволить к привозу: а) с 1-го апреля 1862 г. чрез сухопутную западную границу Российской империи, к таможням: Юрбургской, Таурогенской, Радзивиловской, Новоселицкой, Вержболовской, Нешавской, Щипиористкой, Сосновицкой и Границкой с пошлиною на чай: торговый черный по 30 коп., а на цветочный черный, зеленый и желтый по 60 коп. с фунта; и б) с 1-го апреля 1862 года, в порты: С-Петербургский, Архангельский, Рижский, Ревельский, Либавский, Одесский, Феодосийский и Таганрогский, с пошлиною на чай торговый черный по 35 к., а на цветочный черный, зеленый и желтый по 65 к. с фунта» [2. Л. 465].

Этап II: 1864–1865 гг.

В начале 60-х гг. XIX в. русско-китайская торговля претерпела серьезную реорганизацию. В феврале 1862 г. Л.Ф. Баллюзек и князь Гун подписали «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем», которые регламентировали организацию транзита между двумя странами по монгольскому направлению торговли [8. С. 42]. Параллельно в самой России вводились новые правила для торговых отношений с империей Цин. В марте 1861 г., как мы видели, было решено снизить таможенные ставки для кяхтинского чая и открыть западные границы России для ввоза кантонского чая. Дифференциальные пошлины должны были защитить Кяхту от упадка и одновременно принести доход русской казне. 10 апреля 1862 г. было решено в виде опыта дозволить привоз кирпичного чая морским путем к русским портам и транзитом через Европу [9. Л. 113 об.].

Помимо названного, вводились дополнительные облегчающие правила для торговли с Китаем по азиатской границе: была снята регламентация на торговлю золотой и серебряной монетой; разрешены товарно-денежные операции в Синьцзяне (Кульдже, Чугучаке, Кашгаре); купцы 3-й гильдии получили право участвовать в русско-китайской торговле [2. Л. 464]. Новые территориальные приобретения России на Дальнем Востоке требовали реорганизации таможенной линии в азиатской России, и в этой связи в 1861 г. было принято решение о переносе таможенной линии из Кяхты в Иркутск [10].

Наиболее значимым фактором новой развивающейся формы русско-китайских торговых отношений стал ввоз кантонского чая. В первые годы после официального дозволения чайной торговли по западной границе Российской империи кантонский чай сразу же зарекомендовал себя как выгодная статья таможенного дохода (таблица).

Ввоз чая в Россию в 1863 г.

Направление	Ввезено чая, пуд.		Пошлина, руб.
	Цветочный чай	Торговый чай	
Западная граница	10 000	250 000	4 700 000
Кяхта	40 000	200 000	1 850 000

Примечание. Составлено по: [9. Л. 20].

За счет высоких таможенных ставок кантонский чай принес русской казне доход, как отмечали современники, равный доходу от кяхтинского сбора в лучшие годы торговли Кяхты [9. Л. 20]. Самый же «провокационный» момент заключался в том, что общий ввоз байхового чая по западной границе в 1863 г. превзошел ввоз по азиатской границе: 260 000 пудов против 240 000. Это вызвало новую волну обсуждения дальнейшего развития морской и сухопутной торговли с Китаем.

В 1864 г. русские купцы, торгующие в Кяхте, направили в Министерство финансов ряд записок, в которых были обозначены новые предложения и просьбы в связи с первым опытом сосуществования легального кантонского и сухопутного кяхтинского чая на русском рынке [9. Л. 1–22]. Принципиально новых позиций в этих документах мы не увидим: торговцы попрежнему указывали на неизбежное падение Кяхты в связи с развитием морской русско-китайской торговли и последующий за этим общий экономический упадок Восточной и Западной Сибири. Относительно кантонского чая предложения варьировали от умеренных, с просьбой ограничить ввоз данного товара только морскими портами, до радикальных – полностью запретить ввоз чая по западной русской границе. Для Кяхты предлагалось дальнейшее снижение таможенных ставок, и, что было наиболее распространенным мнением, – полное освобождения чая, привозимого через азиатскую границу Российской империи, от пошлинного сбора.

На самом деле вопрос о предоставлении кяхтинской таможне (затем иркутской таможне) режима порто-франко ставился еще Н.Н. Муравьевым-Амурским в ходе обсуждения открытия западных границ России для кантонского чая в 1860 г. [2. Л. 391 об.]. В то время министр финансов А.М. Княжевич не поддержал генерал-губернатора Восточной Сибири, посчитав, что потеря таможенного дохода в таком случае не сможет быть ничем компенсирована [2. Л. 393–393 об.]. Преемник графа Муравьева-Амурского, новый генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, снова поднял этот вопрос в записке, направленной в Министерство финансов в феврале 1865 г. [9. Л. 190–215 об]. Пошлину в Кяхте, как считал М.С. Корсаков, можно снижать постепенно, но с целью ее полной ликвидации. Аргументировалось это предложение все теми же доводами о необходимости спасения сибирского региона от экономического упадка.

Особый комитет по вопросам торговли с Китаем, заседавший 30 октября – 5 ноября 1864 г., «пришел к выводу в невозможности удовлетворить… ходатайство кяхтинского купечества, так как испрашиваемое ими увеличение премии в пользу кяхтинского чая против кантонского, чрез сбавку или отмену нынешней кяхтинской пошлины, было бы сопряжено с ощутимым для таможенного дохода убытком, который не может допущен при настоящем положении Государственного казначейства» [9. Л. 111].

Предложение об ограничении ввоза кантонского чая в Россию только через русские порты (балтийские и черноморские) также было отвергнуто, что вполне закономерно, поскольку в первые же годы после легализации торговли кантонским чаем его ввоз через сухопутную европейскую границу был значительно выше прямого морского транзита. В 1862 г. к русским портам было привезено цветочного чая 3 345 пуд., через сухопутную европейскую границу – 6 455 пуд. В этом же году торгового чая привезено к портам 63 202 пуд., сухопутно – 184 301 пуд. Особенно бросалась в глаза разница в таможенном доходе: с торгового чая, ввезенного в русские порты, было собрано пошлины на сумму 884 829 руб., с этого же сорта ввезенного сухопутно через Европу – 2 211 018 руб. [9. Л. 239]. Отказываться от европейского транзита чайной торговли было не в интересах государства.

Но изменения в таможенных ставках все же были приняты. На заседаниях Особого комитета 26 ноября 1864 г. и затем 16 января 1865 г. было решено, что для повышения конкурентоспособности кяхтинского чая

на русском рынке необходимо снизить пошлину на цветочный, зеленый и желтый чай, привозимый в Кяхту, с 40 до 15 коп. с фунта чая. Таким образом, пошлина для всех сортов байхового чая, привозимого в Кяхту, стала одинаковой.

Изменения коснулись и кантонского чая. Согласно постановлению от 30 марта 1860 г. таможенная ставка на торговый чай, привозимый в Россию через западные сухопутные границы империи, составляла 30 коп. с фунта чая, и одновременно ставка для торгового чая в европейских портах России была на 5 коп. больше – 35 коп. с фунта чая. Новые правила, имея в виду поощрение развития морской торговли, установили пошлину на сухопутный торговый кантонский чай 35 коп. с фунта, т.е. уравняли ее с таможенной ставкой морского транзита [9. Л. 239].

Весьма любопытным было решение об изменении таможенных ставок на цветочный кантонский чай. В ходе обсуждения вопроса было замечено, что цветочный чай, продаваемый в Санкт-Петербурге и Москве в 1862 и 1863 гг., доставлялся в подавляющем большинстве по железной дороге через Вержболовскую таможенную линию. Таким образом, железнодорожное сообщение позволило цветочному чаю, привозимому к европейской границе России, вытеснить тот же сорт чая, доставляемый морским путем к русским портам. Это расходилось с изначальным проектом правительства по развитию чайной торговли на европейских рубежах: «возрастающий привоз кантонского чая этим путем (железнодорожным. – *И.Х.*) обращается в ущерб морской торговле и пошлинному сбору и облегчает соперничество этого чая с кяхтинским на внутренних рынках» [9. Л. 113–113 об.]. Отсюда было решено снизить таможенные ставки для цветочного чая, доставляемого морским путем, до 55 коп., а пошлину на цветочный чай, привозимый по железной дороге, до 55 коп. увеличить.

Заметно, что русская политика была нацелена на поощрение морского ввоза кантонского чая. Связать это стоит, скорее, с необходимостью борьбы с контрабандой, но и фактор развития морских коммуникаций также сыграл здесь не последнюю роль. Итоговым стало решение, принятое на Государственном совете 18 мая 1865 г., согласно которому были установлены следующие таможенные ставки на импортный чай:

1. *На азиатской границе Российской империи*:
– торговый и цветочный чай – 15 коп. с фунта;
– кирпичный чай – 2 коп. с фунта.
2. *На европейской границе Российской империи*:
– торговый чай – 35 коп. с фунта;
– цветочный чай – 50 коп. с фунта;
– кирпичный чай – 35 коп. с фунта [3. С. 211].

В ходе обсуждения новых таможенных ставок от морского транзита кирпичного чая в Россию первоначально вообще хотели отказаться [9. Л. 113 об.–114], но министр финансов М.Х. Рейтерн весной 1865 г. предложил вести пошлину на данный сорт чая в размере 35 коп. с фунта [3. С. 211], что было в итоге узаконено. Учитывая, что на азиатской границе пошлина с кирпичного чая составляла 2 коп. с фунта, подобное решение было равносильно полному запрещению торговли низшим сортом чая по европейской границе России.

Итак, в начале 60-х гг. XIX в. в России были установлены дифференциальные пошлины для импортного чая. Какие цели преследовали русские власти в ходе дискуссии о таможенных ставках? Дореволюционный исследователь А.П. Субботин, критикуя существующие в Российской империи чайные пошлины, писал, что ошибка заключалась в том, что при фискальном характере пошлины (т.е. нацеленном на увеличение таможенных сборов) она была установлена в размере охранительно-протекционистском (для защиты внутреннего рынка, в нашем случае – кяхтинской торговли) [7. С. 475]. Действительно, обзор русской таможенной политики конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. показал, что при обсуждении пошлин на импортный чай русские власти хотели решить весьма противоречивые задачи.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. огромная контрабанда кантонского чая требовала открытия западных границ России для чайной торговли. Однако в таком случае кантонский чай, более эффективный в своей доставке и более дешевый, неизбежно бы вытеснил кяхтинский на рынке центральной России. Это, в свою очередь грозило упадком торговли в Кяхте, что сильно отразилось бы на экономике Восточной Сибири, тесно связанной с русско-китайской сухопутной торговлей. Для того чтобы предотвратить подобные последствия, было решено ввести дифференциальные пошлины для чая, привозимого по разным участкам границы России, – высокие для европейской и низкие для азиатской таможенной линии. Необходимо было учитывать также, что высокий тариф на кантонский чай должен компенсировать убыток таможенных сборов от снижения ставки на кяхтинский чай. С другой стороны, слишком высокие пошлины для кантонского чая не предотвратили бы контрабандной торговли, поскольку нелегальный ввоз обходился бы значительно дешевле. По этой причине было решено снизить пошлины для чая, который привозился в Россию по сухопутной европейской границе (транзитом через Европу) и сделать выше тариф для чая, привозимого к русским портам. Подобное решение расходилось с позицией о необходимости развития морской русской торговли.

В 1865 г. было решено уравнять таможенные ставки для сортов чая, привозимых транзитом через Европу и в морские русские порты: 35 коп. для торгового и 50 коп. для цветочного. В то же время были снижены ставки для чая, привозимого в Кяхту, – до 15 коп., со всех сортов одинаково. Таким образом, разрыв в сумме уплачиваемой за чай пошлины составил от 20 до 35 коп. Эта разница обеспечила существование чайной торговли в Кяхте на ближайшие десятилетия и одновременно искусственно затормозила развитие морской торговли России и Китая. Противоречие заключалась в том, что морской транзит был, безусловно, удобнее и эффективнее, тогда как поддержка Кяхты упиралась в ее экономическое значение для сибирского региона и политические интересы России в Китае. На основе этого противоречия будет развиваться русско-китайская торговля в последующий период.

Примечания

[1] Под кантонским чаем в дореволюционной России понимали все сорта чая, привозимые к русским западным границам морским путем. Данное наименование подразумевает, что эти сорта чая вывозились из Гуанчжоу (Кантона), но по факту они могли отправляться в Россию из любых южных портов Китая (Фучжоу, Амой и др.).

[2] В данном случае под бандеролями подразумевается наложение на ящики импортного чая таможенных пломб.

[3] Семипалатинская таможня играла главную роль в русской торговле с Западным Китаем (Синьцзяном), и, хотя в ходе обсуждения таможенных ставок для чайной торговли в 1855–1862 гг. Синьцзян практически не упоминался, все же это направление русско-китайской торговли всегда имели в виду, говоря про азиатскую границу Российской империи.

[4] Русская статистика второй половины XIX в. преимущественно использовала деление на *байховый* и *кирпичный чай*, т.е. дорогие сорта чайных листьев и дешевые остатки от их производства, спрессованные в форму кирпичей. *Цветочный чай* – это черный байховый чай, к которому примешивались листки чайного дерева (цветки), улучшающие его вкус. *Торговым чаем* именовался любой другой сорт черного байхового чая без примеси цветков. *Зеленый чай* – тот же байховый чай, листки которого не проходили термообработку. Кроме перечисленных названий в статистике и таможенных положениях можно встретить названия *обыкновенный (ординарный), фамильный, желтый чай*; они также являлись разновидностями дорогих сортов черного байхового чая [8. С. 42–48].

Список источников

1. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М. : Наука, 1974. 363 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1152. Оп. 5. Д. 215 а.
3. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печатного дела, 1911. 850 с.
4. Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб. : тип. В.С. Балашева, 1886. 312 с.
5. Министерство финансов 1802–1902. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 1. 640 с.
6. Переслегина И.В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни: 20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Улан-Удэ, 2004. 222 с.
7. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб. : тип. Северного Телеграфного агентства, 1892. 657 с.
8. Русско-китайские отношения. 1689–1916 : официальные документы. М. : Изд-во вост. лит., 1958. 139 с.
9. РГИА. Ф. 20. Оп. 15. Д. 949.
10. Неклюдова А.В. Развитие кяхтинской таможни во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 2. С. 272–278.

References

1. Sladkovskiy, M.I. (1974) *Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.)* [History of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. Moscow: Nauka.
2. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1152. List 5. File 215 a.
3. Sobolev, M.N. (1911) *Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Customs policy of Russia in the second half of the 19th century]. Tomsk: Tipo-lit. Sib. t-va pechatnogo dela.
4. Lodyzhenskiy, K.N. (1886) *Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa* [History of the Russian customs tariff]. St. Petersburg: V.S. Balashev.
5. Brzheskiy, N.K. (ed.) (1902) *Ministerstvo finansov 1802–1902* [Ministry of Finance 1802–1902]. Vol. 1. St. Petersburg: State Printing Office.
6. Pereslegina, I.V. (2004) *Istoriya formirovaniya i deyatel'nosti Kyakhtinskoy tamozhni: 20-e gg. XVIII – nachalo 60-kh gg. XIX vv*. [The history of the formation and activities of the Kyakhta customs: 1720s – early 1860s]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
7. Subbotin, A.P. (1892) *Chay i chaynaya torgovlya v Rossii i drugikh gosudarstvakh. Proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya* [Tea and tea trade in Russia and other countries. Production, consumption and distribution of tea]. St. Petersburg: Northern Telegraph Agency.
8. Duman, L.I. (ed.) (1958) *Russko-kitayskie otnosheniya. 1689–1916: ofitsial'nye dokumenty* [Russian-Chinese relations. 1689–1916: official papers]. Moscow: Izd-vo vost. lit.
9. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 20. List 15. File 949.
10. Neklyudova, A.V. (2014) Razvitie kyakhtinskoy tamozhni vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX vv. [The development of the Kyakhta customs in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2. pp. 272–278.

***Сведения об авторе*:**
Хамзин Ильдар Рашидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, младший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khamzin Ildar R. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of the Ural Federal University, a Junior Researcher at the Laboratory of Natural Science Methods in Humanitarian Studies of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 08.10.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.17223/19988613/82/14

История государственной политики в области библиотечного дела в России в 1917–1991 гг.

Геннадий Николаевич Храпков

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, hrapkov-gn@sziu.ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению политики органов государственной власти в области библиотечного дела на территории Советского Союза в 1917–1991 гг., рассмотрению ряда законодательных актов, принятых советской властью в указанный период, и определению положительных и отрицательных результатов реализации такой политики в работе библиотек, в том числе и в отдельных регионах государства.
Ключевые слова: Библиографическое общество, постановление, Главполитпросвет, библиотечный поход, фонд

Для цитирования: Храпков Г.Н. История государственной политики в области библиотечного дела в России в 1917–1991 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 121–128. doi: 10.17223/19988613/82/14

Original article

History of state policy in the field of library science in Russia in 1917–1991

Gennady N. Khrapkov

North-West Institute of management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg. Russian Federation, hrapkov-gn@sziu.ranepa.ru

Abstract. This article is devoted to the study of policy of public authorities in the field of library science in the territory of the Soviet Union in 1917 – 1991, consideration of a number of legislative acts adopted by the Soviet authorities in the specified period of time and the desire to highlight the positive and negative aspects of such policy in the work of libraries, including in some regions of the state. The purpose of the study is to present the general picture of the activities of the Soviet authorities in the creation and development of a unified library system in the country, to emphasize the need to use the previous experience and the results achieved then at the present time on the basis of the study of legislative sources, studies on specific aspects of the study of the history of Soviet policy in the field of library science. The author seeks to emphasize that library activities undoubtedly considered as an integral part of the overall optimal development of the whole state and society in the conditions of the need to maintain a high level of authority and leading positions in the eyes of the population of Russia and the rest of the world. At the same time, the author notes that one of the most acute problems in the modern period is still the lack of work at the legislative level of the policy of the Russian authorities in this sphere of activity. When writing the article, the author used the following methods: systematic (study of legislative acts, as well as measures consistently carried out by the authorities in relation to the internal structure, material and personnel support and the activities of the entire system of libraries in the country), comparative (a comparison with the policy in the field of library affairs, conducted by the authorities during the existence of the Russian Empire). The result of the work was that the policy of state authorities in the field of library science in the territory of the Soviet Union from 1917 to 1991 was a number of quite diverse measures and principles that established either very strict restrictions or provided very extensive opportunities and powers. The results of the study make it possible to draw attention again to the need to take into account the experience of the Soviet authorities in the Soviet period in the field of library science, which will strengthen and optimize the activities in the field of general implementation of the practical value of Russian libraries as centers that provide useful information to the population, concerning also decrees, resolutions and activities directly of public authorities in the territory of the modern Russian Federation in the center and in the regions.
Keywords: Bibliographic society, resolution, Glavpolitprosvet, library campaign, collection

For citation: Khrapkov, G.N. (2023) History of state policy in the field of library science in Russia in 1917–1991. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 121–128. doi: 10.17223/19988613/82/14

© Г.Н. Храпков, 2023

Деятельность органов государственной власти в области разработки и принятия решений в отношении различного рода проблем и вопросов, остро касающихся жизни как отдельных категорий населения, так и всей страны, является необходимой составляющей для каждого государства, которое стремится развиваться оптимальными темпами с целью сохранения приоритетных позиций в ряде сфер деятельности, имеющих также весьма важное значение в роли катализаторов, в целом обеспечивающих всему обществу достойное существование. Для достижения поставленных целей власти необходимо использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства и ресурсы, в том числе и огромные объемы информации, основным источником которых были и остаются библиотеки.

Эффективное использование данного ресурса, применение опыта, накопленного предыдущими поколениями и зафиксированного в книгах, научных трудах, монографиях, газетах и журналах, уничтожение бесполезного и опасного с политической и социальной точек зрения материала невозможны при полном или частичном отсутствии тщательно подготовленной властями законодательной базы, формирование и развитие которой не могут не опираться на прежний опыт работы в сфере библиотечного дела законодательных органов власти, прежде всего советских, принявших наибольшее число постановлений и распоряжений в вышеуказанной области.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что автор на основе анализа и характеристики политики органов государственной власти в области создания, укрепления и поддержки в ходе дальнейшего развития библиотечного дела в стране, как положительных, так и негативных ее сторон, обращает внимание на весьма актуальную сегодня проблему, связанную с недостаточным учетом современными властями опыта и результатов предыдущих государственных реформ и преобразований в сфере библиотечной деятельности, особенно в работе с частными библиографическими обществами и коллективами, в результате чего деятельность всей российской библиотечной системы не может считаться в полной мере оптимальной.

Объектом исследования в данной статье являются государственная политика в области библиотечного дела в советской России в период с 1917 по 1991 г. и ее влияние на создание и развитие единой библиотечной системы в Советском Союзе и работу библиотек в регионах. Предмет исследования – декреты, распоряжения, постановления Совета Народных Комиссаров, Народного комиссариата просвещения, Главполитпросвета, Президиума Верховного Совета СССР, использовавшиеся в деятельности старых и заново созданных библиотечных учреждений.

Цель исследования – на основе анализа ряда источников законодательного характера, исследований, посвященных отдельным сторонам истории советской политики в области библиотечного дела в как общем, так и в региональном аспекте, выделить положительные и отрицательные стороны влияния советских органов власти на развитие библиотечного дела в стране, а также подчеркнуть необходимость использования опыта и результатов, достигнутых в ходе реализации законов и проведения ряда мероприятий на общесоюзном уровне, в современном законодательстве.

В первую очередь необходимо отметить, что советские власти начинали проводить свои реформы и нововведения в области библиотечной деятельности не с чистого листа. Первые законодательные акты и правила в отношении создания и работы библиотек принимались еще в период существования Российской империи, начиная с XVIII в. Например, в одной из работ, посвященных непосредственно данной проблематике, было отмечено, что первыми законодательными актами в области библиотечного дела России были указы Петра I об основании библиотеки при типографии в Москве в 1706 г. (позднее она называлась «Публичная всенародная библиотека») и об открытии в Санкт-Петербурге Кунсткамеры и библиотеки. Важным законодательным актом был указ Екатерины II об основании в Санкт-Петербурге публичной библиотеки (1795), которая по ряду причин (смерть Екатерины II, Отечественная война 1812 г.) была открыта только в 1814 г. (Российская национальная библиотека) [1].

Кроме того, в работе также упоминаются следующие законодательные акты: решение Правительства 1830 г. об открытии 52 публичных библиотек в губерниях и областных городах, решение Комитета министров о переводе в Москву коллекции Н.П. Румянцева и создании на ее базе музея и библиотеки (сейчас – Российская государственная библиотека, бывшая Государственная библиотека им. В.И. Ленина), указ 1865 г. «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях» (отмечено, что именно с этого указа некоторые историки ведут начало библиотечного законодательства в России), положение 1884 г. «О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения» и, наконец, изданные Министерством внутренних дел в 1890 г. «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора над ними» (действовали вплоть до Февральской революции 1917 г.) [1].

Развитие библиотечного дела происходило не только в европейской части Российской империи, но и на востоке страны. Так, в исследовании Н.П. Игумнова отмечено, что к 1917 г. в Узбекистане работало 14 городских общедоступных библиотек, а также мусульманские библиотеки-читальни, где имелись книги и на узбекском языке; работали библиотеки на Кавказе, в Киргизии, Таджикистане [2].

Тем не менее последовательной законодательной политики в отношении библиотечного дела государством не проводилось. Подавляющее большинство мер сводилось к открытию библиотек (общественных или частных), которые существовали, работали и в дальнейшем пополняли собственные фонды за счет общественного участия или пожертвований, преимущественно частного характера.

Также необходимо отметить, что органы государственной власти оказывали недостаточное внимание регламентации и контролю деятельности русских библиографических обществ, которая во многом оказыва-

ла положительное влияние на развитие библиотечного дела в российском государстве и дала начало науке библиографии.

Следует сказать, что еще до появления библиографических обществ в России, начиная с XVIII в., предпринимались попытки создать систематизированные каталоги русских печатных книг. Так, А.А. Гречихин в качестве одного из лучших примеров того времени выделял труд В.С. Сопикова «Опыт российской библиографии», который стал «единственным за всю историю русской дореволюционной библиографии до конца составленным и полностью опубликованным репертуаром русской книги от начала заведения типографий до 1813 г. в виде словарного указателя» [3. С. 61–62].

Но, несмотря на огромный труд и время, затраченное на создание каталога, указатель В.С. Сопикова имел пробелы и недостатки, восполнить и исправить которые в одиночку было просто невозможно, не говоря уже о создании нового каталога. Имея в виду необходимость продолжить данный вид деятельности и появляются библиографические общества, одним из ярких примеров которых стал Московский библиографический кружок, позже преобразованный в Русское библиографическое общество при Московском университете.

Как отмечено в исследованиях, история деятельности общества начинается с 1890 г., когда был разработан Устав, утвержденный 31 июля, и с октября официально началась работа Московского библиографического кружка, который изначально в своем составе насчитывал 59 человек, имел библиографическую картотеку на 66 000 книг, а также библиотеку на 800 книг библиографического содержания [4].

Деятельность общества была в основном направлена на решение двух главных проблем: создание общего систематического каталога всех русских книг и подбор для каталога подходящей библиографической классификации. Над достижением поставленных целей общество трудилось вплоть до ликвидации в 1930 г.

За 40 лет существования члены общества сумели добиться определенных результатов и успехов: ими была начата библиография всех книг, выпущенных в России с 1708 г., организована и проведена большая работа по введению в оборот универсальной десятичной классификации, активным сторонником которой был секретарь и последний председатель общества, первый директор Книжной палаты Б.С. Боднарский, организованы празднования двухсотлетия русской периодики, двухсотлетия русского гражданского шрифта. Члены общества стали инициаторами первого всероссийского конгресса по библиотечному делу, а в советский период деятельности – всероссийского библиографического съезда в Москве.

Кроме того, при обществе в разное время были созданы: комиссия по организации юбилеев периодической печати и гражданского шрифта, комиссия по созыву съездов, специальная комиссия Толстого по библиографии поздних работ писателя, комиссия по доставке книг раненым солдатам во время Первой мировой войны, кружок Сибирской библиографии при обществе и комиссия по устройству курсов библиотековедения [5].

Тем не менее в истории общества были и определенные периоды спада деятельности, например когда председателем общества стал известный библиограф и библиофил Дмитрий Васильевич Ульянинский, родом из семьи тульского врача и потомственного дворянина, бывший репетитор детей самого Л.Н. Толстого, до 1917 г. служивший в Управлении Московского удельного округа [6. С. 3–4]. Этот период сказался «губительно для Общества почти на целое десятилетие. Оно не стало научно-теоретическим центром русской библиографии, отрешалось от больших ранее поставленных задач, отказалось от устава, в свое время принятого Кружком» [4].

Деятельность общества почти не имела результатов, пока его не возглавил секретарь общества Б.С. Боднарский, восстановивший работу по достижению поставленных в свое время целей и способствовавший проведению ряда вышеуказанных мероприятий, особенно по внедрению универсальной десятичной классификации, а также инициировавший издание журнала и ряда подробных обзоров по деятельности самого общества, подъем которой, как отмечает ряд исследователей, пришелся именно на первые пять лет после революционных событий 1917 г.

В статье, посвященной работе общества под руководством Б.С. Боднарского в период 1917–1921 гг., дается весьма положительная характеристика трудам Русского библиографического общества в эти годы и отмечается, что общество стремилось быть одним из центров библиографической, книговедческой мысли страны, и во многом ему это удалось [7. С. 65].

Необходимо отметить, что, несмотря на активное участие общества в деле становления и развития библиотечной системы и организации ряда важных мероприятий, связанных с сохранением и развитием российского образования и культуры, участие государственных органов власти в подобной деятельности либо отсутствует, либо представлено достаточно условно, не говоря уже о поддержке или регламентации деятельности вышеуказанных организаций в нормативно-правовом отношении и создании единой системы работы обществ подобного рода в России.

Оформление законодательной базы, регулирующей создание и деятельность библиотечной системы, которую предполагалось сформировать на территории страны, стало, по существу, одной из приоритетных задач советского правительства, стремившегося, помимо установления тотального контроля над всеми гражданами нового государства, решить и ряд таких задач, как построение работы библиотек по новому принципу – в соответствии с задачей формирования нового общества, создание новых библиотек на местах, привлечение к участию в библиотечном деле массы трудящихся, участие библиотек в решении проблемы неграмотности большей части населения и т.д.

Вот что отмечено в одной из работ, посвященных деятельности библиотек Карелии после событий 1917 г.: библиотеки стали одной из важнейших опор в осуществлении большевистского проекта ликвидации неграмотности – беспрецедентного для своего времени по масштабу и результатам. Эта работа нередко при-

обретала характер чрезвычайных, мобилизационных мер [8. С. 10].

Первоначально библиотечное дело было отдано под контроль Народному комиссариату просвещения (Наркомпрос), при нем был образован Библиотечный отдел, позднее переименованный в Отдел научных библиотек Наркомпроса, на местах работали сначала губернские, впоследствии областные и районные комиссии. Однако законодательной базы, специально направленной на регламентацию деятельности всех библиотек страны, в этот период разработано еще не было. Отмечалось, что в данной области Совет Народных Комиссаров рассматривал вопросы на заседаниях отдельно; так, за 1918 г. СНК рассматривал вопросы библиотечного дела 13 раз, в 1919 г. – 11 раз, в 1920 г. – 9 раз. При отсутствии специального закона в период советской власти деятельность библиотек регламентировалась огромным количеством различных актов, принимавшихся как государственными, так и партийными органами [1].

Своеобразным рубежом, положившим начало созданию законодательства в отношении библиотечного дела, стало 3 ноября 1920 г., когда был утвержден декрет правительства «О централизации библиотечного дела в РСФСР», в котором утверждались такие принципы, как установление планомерной организации работы всех библиотек, полная ликвидация ведомственной разобщенности, что в конечном итоге и приводило к достижению итоговой цели – созданию единой централизованной библиотечной сети в государстве. Кроме того, практически неделю спустя декретом того же СНК от 12 ноября 1920 г. был создан Главный политико-просветительный комитет республики (Главполитпросвет), главой которого стала Н.К. Крупская.

В декрете говорилось, что Главполитпросвет учреждается при Наркомпросе с целью объединения всей политико-просветительной, агитационно-просветительной работы и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства страны (ч. 1), а все прочие учреждения, ведущие постоянную или временную политико-просветительную работу, кроме ряда исключений, указанных в декрете, ведут ее под руководством и фактическим контролем Главполитпросвета (ч. 3) [9]. Поскольку основная деятельность библиотек в данный период сводилась именно к просветительной работе, то они уже оказались под контролем Главполитпросвета.

Политика советских органов власти в области библиотечного дела с течением времени смогла достичь определенных положительных результатов. Например, к 1926–1927 гг. в республике Карелия сложилась стационарная библиотечная сеть, включавшая кроме небольших изб-читален центральную областную и 6 уездных центральных библиотек [8. С. 10]. Создавались курсы и открывались специальные учебные заведения с целью подготовки кадров для работы в библиотеках, но ряд весьма острых проблем, в том числе и кадровый вопрос, оставался неразрешенным.

Следующим этапом законодательной деятельности советских властей, после которого наступает качественный перелом в сторону улучшения работы библиотечной системы в государстве, становится постановление ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 г. «Об улучшении библиотечной работы». В нем было указано, что необходимо «решительно перестроить библиотечную работу в соответствии в возрастающим положительным значением и превратить библиотеки в культурные центры, активно содействующие мобилизации масс на выполнение пятилетнего плана социалистического строительства». Партийным организациям, профсоюзам, наркомпросам союзных республик также предписывалось расширять сеть библиотек и улучшать их материальное положение, привлекая к библиотечному строительству трудящихся, признавалось необходимым в ближайшее время расширить сеть детских отделений при библиотеках [10].

В одной из статей, посвященных политике местных властей в области библиотечного дела, значится следующее: по сравнению с дореволюционным периодом были сделаны определенные успехи. Количество массовых и передвижных библиотек к 1932 г. превысило 100 тысяч. Совокупный книжный фонд массовых библиотек возрос с 9 млн экземпляров в 1911 г. до 124 млн в 1932 г. Общее количество читателей массовых библиотек достигло 15 млн человек за счет привлечения к чтению рабочих и крестьян» [11. С. 16]. При этом отмечается, что это лишь официальные цифры, фиксировавшие количество, но не качество работы.

Следует отметить, что новые власти не могли не учитывать данный факт, вследствие чего проводился ряд мероприятий, направленных на улучшение качества работы общей библиотечной системы страны; среди них необходимо выделить «библиотечный поход», проводившийся в 1929–1930 г. В работе Н.К. Крупской «В поход за библиотеку» представлено обоснование проведения указанного мероприятия, которое заключалось в следующем: «…ликвидировать безграмотность можно очень быстро, но при одном условии, если массы сами возьмутся за это дело… но проводилась ликвидация безграмотности до последней зимы в обычном ведомственном порядке, и год от года это дело глохло. Но последнюю зиму массы сами взялись за дело ликвидации безграмотности, первыми застрельщиками была молодежь, но примкнули и взрослые работницы, рабочие, крестьянки, крестьяне. Партия, городские и сельские советы, политпросветы, ОДН поддержали массы, и в этом году мы видим, как благодаря культпоходу дело стало быстро продвигаться вперед. Надо полностью использовать опыт культпохода. Надо организовать библиотечный поход, который, несомненно, поддержат партия, комсомол, женотделы, советы, политпросветы, культотделы, профсоюзы и другие организации» [12].

Постановление о библиотечном походе было принято Главполитпросветом в 1929 г., его проведение было поручено внутреннему структурному подразделению данного органа – Центральной библиотечной комиссии; постановление было разослано органам власти на местах, которые должны были его выполнять. Например, в Тамбовском крае при центральной окружной библиотеке было организовано библиотечное бюро, которое и руководило всей работой по биб-

лиотечному походу, осуществляло анализ и утверждение планов мероприятий, заслушивало информационные отчеты библиотек.

Итоги похода в Тамбовском крае были следующими: во время библиотечного похода в Тамбовском округе несколько улучшилась деятельность по обслуживанию пользователей, получила развитие передвижная и книгоношеская работа, массовая и индивидуальная пропаганда литературы» [13. С. 25]. Также отмечались и отрицательные моменты в ходе реализации мероприятия: неоправданные завышения выполненных показателей, отсутствие со стороны районных властей должного внимания к организации и проведению библиотечного похода и его финансированию, недостаток освещения вопроса в местной периодической печати [13. С. 25].

Таким образом, законодательная политика в области библиотечного дела по сравнению с дореволюционным периодом велась более активно и централизованно, ряд действий органов власти значительно улучшил работу библиотечных учреждений. Безусловно, как и в каждой политической системе, у данного вида деятельности имелись собственные недоработки и перегибы, связанные как с излишней политизированностью работы, так и с бюрократией управленческого аппарата и незаконченностью проведения органами власти социальной перестройки самого общества.

Одной из мер, имевших отрицательные последствия для библиотечной системы страны, стало изъятие трудов и произведений, отнесенных к категориям идеологически вредной, устаревшей или неподходящей для данного вида библиотек литературы. В центре и на местах с начала 30-х гг. XX в. проводились мероприятия, получившие название «библиотечных чисток». Как отмечено в одной из работ, посвященных данной проблеме, за две недели до начала кампании в официальном органе Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) – газете «Труд» – появился циркуляр № 242 «Учесть уроки Днепропетровского вредительства», в котором прозвучал плохо скрываемый призыв к изъятию «вредной» литературы. Несмотря на противодействие Крупской, анонимный руководитель Наркомпроса принимает решение изъять до 80% литературы из библиотек массового пользования. Летом 1932 г. эти чистки достигли пика. Из библиотек изымались книги не только классиков литературы, но и работы Маркса, Ленина, Сталина» [14].

Необходимо отметить, что советское руководство с течением времени сумело учесть ошибки и просчеты, допущенные в процессе изъятия слишком большого количества трудов из библиотек, и предприняло попытки решить указанную проблему на законодательном уровне. Одним из таких примеров является секретный циркуляр ЦК ВКП(б) от 16 июня 1993 г. № 113/79 «О спецхранах и библиотеках». В данном документе значилось: «Несмотря на решение ЦК ВКП(б), категорически запрещающее производить массовые чистки библиотек, в ряде областей, краев и республик это постановление не выполняется. Культпропы не извлекли необходимый урок из допущенных извращений. Случаи массовых чисток библиотек имеют место до самых последних дней» [15. Л. 27–28].

Меры по установлению контроля за проведением «библиотечных чисток» предписывались следующие: изъятие книг из библиотек по специальному указанию Центральной комиссии; изъятие только явно контрреволюционной и религиозной литературы (Евангелия, Четьи-Минеи, проповеди); литература, имевшая исторический интерес, в крупных библиотеках оставалась в открытом доступе; книги Троцкого и Зиновьева, объявленных «врагами народа» в ходе партийных чисток 1920–1930-х гг., должны храниться исключительно в областных библиотеках, и доступ к ним жестко ограничен, запрещалась организация «специальных» или «закрытых» фондов; отменялась инструкция Главполитпросвета от 1930 г. о пересмотре книжного состава массовых библиотек; ответственность за изъятие книг и правильность использования имеющихся книжных фондов непосредственно возлагалась на заведующего библиотекой [15. Л. 27–28].

Тем не менее даже постановления вышестоящих органов власти исполнялись крайне медленно, а на местах и с опозданием. Кроме того, продолжали существовать специальные и закрытые фонды при библиотеках, официально утвержденные приказом от 25 октября 1938 г. Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главного управления по делам литературы и издательств. К сожалению, руководство страны не учитывало, что большинство членов комиссий, проводивших чистки, были представителями партийной номенклатуры, не вникавшими в особенную специфику порученного им дела. Имеющие профильное образование специалисты к такой работе либо не привлекались, либо выполняли ее по рекомендациям начальства, чтобы не попасть под очередную волну репрессий.

Отрицательный опыт проведения подобных мероприятий руководством был все-таки учтен и использовался при составлении нового документа, который в течение следующих 50 лет регламентировал деятельность всей библиотечной системы Советского Союза. 27 марта 1934 г. было утверждено постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР», состоявшее из четырех параграфов, которые были разделены следующим образом: организация библиотечного дела и руководство им, комплектование библиотек и критико-библиографическая работа, кадровый состав библиотечных работников, материальное положение библиотек.

Основная регламентация библиотечного дела в стране содержалась в первом пункте первого параграфа постановления ЦИК, в котором значилось: «…образовать в народных комиссариатах просвещения союзных республик библиотечные управления и возложить на них: а) государственный контроль за деятельностью всех библиотек, независимо от того, какой организации они принадлежат; б) руководство комплектованием библиотек и библиографическими институтами; в) составление рекомендательных списков изданий для библиотек; г) систематическое изучение, подбор и подготовку библиотечных кадров; д) собирание общих библиотечных статистических данных; е) учет всех библиотек; ж) организацию библиотечной сети органов народного

образования в городских поселениях и сельских местностях» [16].

В одной из работ, посвященных Всесоюзной библиотечной переписи в стране, проходившей в 1934 г., отмечалось, что «постановление о библиотечном деле в Союзе ССР от 27.03.1934 обозначило комплекс действий, которые должны были вывести работу библиотек на качественно новый уровень» [17. С. 89]. Также был выделен комплекс новых задач, выявленных в ходе проведения по инициативе властей указанного мероприятия, например необходимость организации передвижных, внестационарных форм библиотечного обслуживания, более активное привлечение общественности к помощи библиотеке и т.д. [17. С. 96].

Таким образом, законодательная деятельность советских органов власти не только обеспечивала решение и исполнение первоначально стоявших перед ними вопросов обеспечения организации библиотечного дела в государстве, но и ставила ряд новых, позволявших преобразовать деятельность библиотек в лучшую сторону.

При этом следует отметить, что при создании совершенно новой системы управления библиотечным делом в стране советские власти допустили тот же просчет, который был допущен государством в эпоху существования Российской империи: недостаток внимания по отношению к библиографическим обществам, которые появлялись и работали уже в Советском Союзе. В качестве примера можно назвать следующие организации: секцию коллекционеров при Ленинградском Доме ученых, секцию книги при Московском Доме ученых, клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств.

Деятельность подобных организаций достаточно хорошо отражена на примере работы членов секции коллекционеров при Ленинградском Доме ученых: доклады и сообщения постоянных участников секции и гостей, обмен информацией о новых поступлениях в собрания членов секции или об интересных коллекциях книжного, графического и иного характера, организация выставок из числа экспонатов, представленных из собраний членов секции (выставки организовывались, помимо Дома ученых, также в Доме писателей, Доме офицеров, в Выборгском и других дворцах и домах культуры; за 20 лет деятельности секции всего было осуществлено около 100 юбилейных, отчетных и тематических выставок) [18].

Использование опыта работы членов секций, привлечение их в качестве экспертов при разработке очередного документа, регламентирующего деятельность всех библиотек Советского Союза, могло принести ощутимый положительный результат. Но такие меры советские органы власти в своей законодательной деятельности в данной области не учитывали, вследствие чего и снижался результат, а задачи, которые необходимо было решить за определенный срок, выполнялись с опозданием или не выполнялись совсем, что не могло не привести к отрицательным последствиям.

Последним крупным законодательным документом, принятым в период существования Советского Союза в отношении библиотечного дела, следует считать указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1984 г. № 10926-X «Об утверждении Положения о библиотечном деле в СССР». Данный документ состоял из шести частей и 32 статей, по объему и количеству информации превышая Постановление ЦИК от 27 марта 1934 г. В указе были представлены разделы: общие положения, о единой системе библиотек в СССР, о формировании и обеспечении сохранности фондов библиотек, о системе обслуживания в библиотеках, материально-техническое обеспечение и подготовка кадров, установление международных связей с библиотеками других стран.

Последняя часть состояла из одной статьи, где значилось: «В целях расширения культурного обмена, развития взаимопонимания и сотрудничества между народами, изучения достижений библиотечной науки и практики зарубежных стран, пропаганды опыта развития библиотечного дела в СССР библиотеки в установленном порядке участвуют в деятельности соответствующих международных организаций и осуществляют международные связи с библиотеками зарубежных стран» [19].

Результаты, полученные от введения нового Положения, и его влияние на работу единой системы библиотек в стране, как положительное, так и отрицательное, получили отражение в решении Министерства культуры СССР от 14 декабря 1984 г. «О ходе реализации Положения о библиотечном деле в СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР». Из положительного было отмечено следующее. «Положение принято к неуклонному исполнению: изданы приказы, разработаны и утверждены соответствующие планы мероприятий, проводится определенная работа по их реализации. Задачи органов руководства и библиотек по выполнению Положения рассмотрены на заседаниях государственных республиканских межведомственных библиотечных комиссий, коллегий министерств культуры союзных республик, обсуждены на всесоюзных и региональных совещаниях библиотечных работников» [20].

Среди недоработок и отрицательных последствий было выделено следующее: «…не в полной мере реализуются предоставленные библиотекам права первоочередного приобретения книг и других произведений печати и взимания с читателей за утраченные книги их стоимости в десятикратном размере, не везде принимаются эффективные меры по обеспечению сохранности библиотечных фондов, организации депозитарного хранения, перераспределению литературы между библиотеками, медленными темпами ведется подготовка межведомственных документов, регламентирующих деятельность библиотек, необходимость дальнейшего улучшения работы по подбору и воспитанию кадров, материально-техническому обеспечению библиотек, недостаточно широко используются в целях пропаганды Положения среди читателей средства массовой информации» [20].

Таким образом, становится очевидным преобладание теоретико-управленческой деятельности над практической, что всегда было характерно для государственной политики в советскую эпоху, но отрицательно

сказывалось на многих сферах жизни общества, в том числе и культурной, неотъемлемой частью которой являлись библиотеки.

Реализация Положения, утвержденного Президиумом Верховного Совета СССР в 1984 г., продолжалась относительно недолго: в 1991 г. прекратил свое существование Советский Союз, а в 1994 г. на территории Российской Федерации был введен федеральный закон «О библиотечном деле», принятый Государственной Думой 23 ноября и подписанный Президентом РФ 29 декабря [21. С. 3].

В итоге следует отметить, что политика государственных органов власти в области библиотечного дела с 1917 по 1991 г. носила многоступенчатый и неравномерный характер и представляла комплекс самых разнообразных мер: от жестких ограничений до предоставления широких полномочий и возможностей. Тем не менее на протяжении всего указанного периода ряд недостатков в данной сфере так и не был ликвидирован, особенно политизированность, очень слабый подход к практической стороне дела и отсутствие плотного привлечения к работе членов библиографических и библиофильских обществ. Вместе с тем современным властям необходимо учитывать опыт работы, проделанной в библиотечном деле в советскую эпоху, что поможет оптимально реализовать практический потенциал деятельности библиотек страны, до сих пор являющихся основными центрами информации, в том числе и относительно работы российских органов власти во многих областях жизни общества.

Список источников

1. Братановский. С.Н., Линник, В.В. Исторический очерк эволюции форм осуществления государственной политики в области управления библиотечным делом // Отрасли права. URL: http://отрасли-права.рф/article/14826 (дата обращения: 27.05.2019).
2. Игумнова Н.П. Евразийское библиотечное пространство (1991–2005 гг.). Теоретические аспекты и организационно-правовое регулирование : дис. … д-ра пед. наук // Право. URL: http://p.120-bal.ru/kultura/14513/index.html?page=7 (дата обращения: 27.05.2019).
3. Гречихин А.А. Общая библиография : учебник для вузов. М. : Изд-во МГУП, 2000. 588 с.
4. Общая библиография : электронный учебник // Центр дистанционного образования МГУП. URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/CB/index.htm (дата обращения: 28.05.2019).
5. Русское библиографическое общество при Московском университете // Справочник научных обществ России. URL: http://www.snor.ru/?an=sc_410 (дата обращения: 29.05.2019).
6. К 150-летию Д.В. Ульянинского (1861–1918) : заседание клуба «Библиофильский улей», 18 июня 2011 года / сост.: Л.Г. Якунина. М. : Нац. союз библиофилов, 2011. 28 с. (Памятка / Нац. союз библиофилов; № 8).
7. Михеева Г.В. Деятельность Русского библиографического общества в 1917–1921 гг. // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 3. С. 61–67.
8. Библиотеки Карелии. XX век : библиографический указатель литературы / Нац. б-ка республики Карелия; сост.: Е.В. Борецкая и др. Петрозаводск : Периодика, 2008. 1020 с.
9. О Главном Политико-Просветительном Комитете Республики (Главполитпросвет) : декрет Совета Народных Комиссаров / Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 687–689.
10. Библиотечная наука 20 века. 1917–1945 гг. // Мировая культура. URL: http://www.woldculture.ru/woculs-357-2.html (дата обращения: 29.05.2019).
11. Головина Э.Т. Библиотечное дело в политике местных властей Ставрополья в 1930-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 3. С. 16–20.
12. Крупская Н. В поход за библиотеку // Электронная библиотека. URL: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/krupskaya/7/j50.html (дата обращения: 30.05.2019).
13. Ураева И.В. Динамика системы библиотек Тамбовского края (1930-е – начало 1940-х гг.). // Библиосфера. 2017. № 2. С. 23–31.
14. Зеленов М.В. Библиотечные чистки в 1932–1937 гг. в Советской России // Открытый текст : электронное периодическое издание. URL: http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/index.html@id=1218 (дата обращения: 30.05.2019).
15. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. О. 120. Д. 87.
16. О библиотечном деле в Союзе ССР : постановление Центрального Исполнительного Комитета // Исторические материалы. URL: http://istmat.info/node/40091 (дата обращения: 31.05.2019).
17. Масяйкина Е.В. Материалы Всесоюзной библиотечной переписи 1934 года как источник изучения деятельности сельских библиотек // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 87–97.
18. Берков П.Н. История советского библиофильства // Библиотека электронной литературы. URL: https://litra.pro/istoriya-sovetskogo-bibliofiljstva/berkov-pavel-naumovich/read/11 (дата обращения: 01.06.2019).
19. Об утверждении Положения о библиотечном деле в СССР : указ Президиума ВС СССР от 13.03.1984 № 10926-X // Правовая Россия. URL: https://www.lawru.info/dok/1984/03/13/n1183385.htm (дата обращения: 01.06.2019).
20. О ходе реализации Положения о библиотечном деле в СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР : решение Минкультуры СССР от 14.12.1984 // Правовая Россия. URL: https://www.lawru.info/dok/1984/12/14/n1182876.htm (дата обращения: 01.06.2019).
21. Карташов Н.С., Скворцов В.В. Общее библиотековедение : учебник : в 2 ч. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1996. Ч. 1: Теоретические основы библиотековедения. 88 с.

References

1. Bratanovskiy, S.N. & Linnik, V.V. (n.d.) *Istoricheskiy ocherk evolyutsii form osushchestvleniya gosudarstvennoy politiki v oblasti upravleniya bibliotechnym delom* [Historical outline of the evolution of the forms of state policy implementation in the field of library management]. [Online] Available from: http://otrasli-prava.rf/article/14826 (Accessed: 27th May 2019).
2. Igumnova, N.P. (2009) *Evraziyskoe bibliotechnoe prostranstvo (1991–2005 gg.). Teoreticheskie aspekty i organizatsionno-pravovoe regulirovanie* [Eurasian Library Space (1991–2005). Theoretical aspects and organizational and legal regulation]. Pedagogy Dr. Diss. [Online] Available from: http://p.120-bal.ru/kultura/14513/index.html?page=7 (Accessed: 27th May 2019).
3. Grechikhin, A.A. (2000) *Obshchaya bibliografiya* [General Bibliography]. Moscow: MSUP.
4. The Center for Distance Education MSUP. (n.d.) *Obshchaya bibliografiya* [General Bibliography]. [Online] Available from: http://www.hi-edu.ru/e-books/CB/index.htm (Accessed: 28th May 2019).
5. Snor.ru. (n.d.) *Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo pri Moskovskom universitete* [Russian Bibliographic Society at Moscow University]. [Online] Available from: http://www.snor.ru/?an=sc_410 (Accessed: 29th May 2019).
6. Yakunina, L.G. (2011) *K 150-letiyu D.V. Ul'yaninskogo (1861–1918): zasedanie kluba "Bibliofil'skiy uley", 18 iyunya 2011 g*oda [To the 150th anniversary of D.V. Ulyaninsky (1861–1918): A meeting of the Bibliophile Hive Club, June 18, 2011]. Moscow: Nats. soyuz bibliofilov.

7. Mikheeva, G.V. (2014) Deyatel'nost' Russkogo bibliograficheskogo obshchestva v 1917–1921 gg. [Activities of the Russian Bibliographic Society in 1917–1921]. *Vestnik SPbGUKI*. 3. pp. 61–67.
8. Boretskaya, E.V. et al. (2008) *Biblioteki Karelii. XX vek: bibliograficheskiy ukazatel' literatury* [Libraries of Karelia. The 20th century: A bibliographic index of literature]. Petrozavodsk: Periodika.
9. The Council of People's Commissars. (1943) *O Glavnom Politiko-Prosvetitel'nom Komitete Respubliki (Glavpolitprosvet): dekret Soveta Narodnykh Komissarov / Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [On the Main Political and Educational Committee of the Republic (Glavpolitprosvet): Decree of the Council of People's Commissars / Collection of legalizations and government orders for 1920. Administration of the USSR Council of People's Commissars]. Moscow: [s.n.]. pp. 687–689.
10. Woldculture.ru. (n.d.) *Bibliotechnaya nauka 20 veka. 1917–1945 gg.* [Library science of the 20th century. 1917–1945]. [Online] Available from: http://www.woldculture.ru/woculs-357-2.html (Accessed: 29th May 2019).
11. Golovina, E.T. (2015) Bibliotechnoe delo v politike mestnykh vlastey Stavropol'ya v 1930-e gody [Librarianship in the policy of local authorities of Stavropol in the 1930s]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 3. pp. 16–20.
12. Krupskaya, N. (n.d.) *V pokhod za biblioteku* [In a campaign for the library]. [Online] Available from: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/krupskaya/7/j50.html (Accessed: 30th May 2019).
13. Uraeva, I.V. (2017) Dinamika sistemy bibliotek Tambovskogo kraya (1930-e – nachalo 1940-kh gg.) [Dynamics of the system of libraries in the Tambov region (1930s – early 1940s)]. *Bibliosfera*. 2. pp. 23–31.
14. Zelenov, M.V. (n.d.) *Bibliotechnye chistki v 1932–1937 gg. v Sovetskoy Rossii* [Library purges in 1932–1937 in Soviet Russia]. [Online] Available from: http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/index.html@id=1218 (Accessed: 30th May 2019).
15. The Russian Center for the Storage and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). Fund 17. List 120. File 87.
16. The Central Executive Committee. (n.d.) *O bibliotechnom dele v Soyuze SSR: postanovlenie Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta* [About librarianship in the USSR: Resolution of the Central Executive Committee]. [Online] Available from: http://istmat.info/node/40091 (Accessed: 31st May 2019).
17. Masyaykina, E.V. (2011) Materials of the USSR library census of 1934 as a source of study of rural libraries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4. pp. 87–97. (In Russian).
18. Berkov, P.N. (n.d.) *Istoriya sovetskogo bibliofil'stva* [History of Soviet Bibliophilia]. [Online] Available from: https://litra.pro/istoriya-sovetskogo-bibliofiljstva/berkov-pavel-naumovich/read/11 (Accessed: 1st June 2019).
19. Presidium of the USSR Supreme Court. (1984) *Ob utverzhdenii Polozheniya o bibliotechnom dele v SSSR: ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 13.03.1984 № 10926-Kh* [On the approval of the Regulations on librarianship in the USSR: Decree No. 10926-X of the Presidium of the USSR Supreme Court of March 13, 1984]. [Online] Available from: https://www.lawru.info/dok/1984/03/13/n1183385.htm (Accessed: 1st June 2019).
20. Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. (1984) *O khode realizatsii Polozheniya o bibliotechnom dele v SSSR, utverzhdennogo Ukazom Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR: reshenie Minkul'tury SSSR ot 14.12.1984* [On the implementation of the Regulations on librarianship in the USSR, approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR: Decision of the USSR Ministry of Culture of December 14, 1984]. [Online] Available from: https://www.lawru.info/dok/1984/12/14/n1182876.htm (Accessed: 1st June 2019).
21. Kartashov, N.S. & Skvortsov, V.V. (1996) *Obshchee bibliotekovedenie* [General Library Science]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University of Culture.

***Сведения об авторе*:**
Храпков Геннадий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: hrapkov-gn@sziu.ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khrapkov Gennady N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of state and municipal Management North-West Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: hrapkov-gn@sziu.ranepa.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.06.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 18.06.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/82/15

Продовольственные капиталы Вологодской губернии в 1871–1917 гг.

Сергей Игоревич Чудов

Контрольно-счетная палата Республики Коми, Сыктывкар, Россия, chudovx@gmail.com

Аннотация. Исследуется на основании ранее неопубликованных архивных данных период существования продовольственных капиталов в Вологодской губернии с 1871 по 1917 г. Средний уровень возможного обеспечения населения продовольственными капиталами за исследуемый период на территории Вологодской губернии составлял 67,82% от законодательно установленной нормы. Доказывается, что этого было недостаточно для гарантированного обеспечения хлебом населения губернии.
Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственные капиталы, Российская империя, хлебные запасные магазины, Вологодская губерния, обеспечение населения, XIX век, XX век

Для цитирования: Чудов С.И. Продовольственные капиталы Вологодской губернии в 1871–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 129–136. doi: 10.17223/19988613/82/15

Original article

Food capitals of the Vologda province in 1871–1917

Sergey I. Chudov

Chamber of Control and Accounts of the Komi Republic, Syktyvkar, Russian Federation, chudovx@gmail.com

Abstract. Ensuring food security remains one of the priorities of the domestic policy of the Russian Federation. In this context, it is particularly important to emphasize the need to study the history of the food security system, and its individual parts, including food capital. Food capital is the General monetary Fund for providing the population with food in case of crop failure and possible subsequent famine. The formation of food capital was at the expense of the population in the amounts prescribed by law, which fluctuated during the existence of the Institute. The purpose of the article is to investigate the degree of real provision of the population in case of the need to use food capital in case of crop failure, the assessment is made by determining the percentage of collecting the amount of food capital from the required by law norms. This rule varies depending on the time of the study. The sources of writing the work are archival materials of the Russian state historical archive, in particular, the reports of the governors of the Vologda province for the period from 1871 to 1914, since 1915, data on food capital and grain spare stores are not available in the reports of the governors. Some data were introduced into scientific circulation for the first time. The historiography of the study includes a wide range of works both written in the Russian Empire and works of contemporaries, however, works devoted specifically to the problem of food capital in the Vologda province in 1871 – 1917, there is no information about food capital is included in the context of economic and agricultural history and is included in the General concept of food security. The work is based on the principles of historicism and objectivity, supported by comparative historical, typological, retrospective, statistical and systematic methods of historical science. Food capital was part of the food security system of the Russian Empire on a par with the system of granaries, which was created under Peter I. During the systematization and analysis of archival materials, it was found that the level of possible provision of the population with food capital in accordance with the legally established norms was 67.82 % for the period from 1871 to 1917. Judging by the average level of possible provision of the population with food in case of crop failure during the study period in the Vologda province, food capital was enough to meet the necessary needs of the population, given that the level of loans of food capital issued to the population did not exceed the indicator of food capital available. The article additionally examines the level of production of winter and spring bread in the Vologda province to determine the degree of self-provision of the population of the Vologda province with food to understand the level of need for food capital.
Keywords: food security, food capitals, Russian Empire, grain spare shops, Vologda province, provision of the population, XIX century, XX century

For citation: Chudov, S.I. (2023) Food capitals of the Vologda province in 1871–1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 129–136. doi: 10.17223/19988613/82/15

© С.И. Чудов, 2023

Система продовольственной безопасности Российской империи включала в себя две основные составляющие: хлебные запасные магазины как склады зерновых культур и продовольственные капиталы, которые представляли собой денежный фонд для закупки продовольствия в других регионах в случае неурожая, его формирование полностью ложилось на население губерний империи. Продовольственные капиталы выступали альтернативой или дополнением к хлебным запасным магазинам для обеспечения населения в случае неурожая и возможного последующего голода.

Существование системы продовольственной безопасности Российской империи охватывает период с царствования Петра I до Николая II. Хронологически система продовольственной безопасности на Европейском Севере России делится на четыре основных этапа:

1. Первый этап (подготовительный) – развитие идеи о продовольственной безопасности и формирование организационных основ деятельности хлебных запасных магазинов (XVIII в.).

2. Второй этап – функционирование хлебных запасных магазинов в условиях феодальных отношений (29 ноября 1799 г. – 4 июля 1834 г.).

3. Третий этап – эволюция системы хлебных запасных магазинов в условиях кризиса феодальных отношений (5 июля 1834 г. – 1870 г.).

4. Четвертый этап – хлебные запасные магазины и продовольственные капиталы в эпоху капиталистических отношений (1871–1917 гг.).

Разделение на четыре этапа связанно с основными вехами законодательного развития системы продовольственной безопасности Российской империи, в первую очередь с изменениями в объемах формирования, порядке и объемах сбора продовольствия в хлебные запасные магазины, так как они составляли основу продовольственной безопасности Российской империи. Более подробно с обоснованиями хронологического разделения системы продовольственной безопасности Российской империи можно ознакомиться в автореферате диссертации С.И. Чудова [1]. Выделение четвертого этапа в отдельный определяется изменениями формы отчетности губернаторов о системе продовольственной безопасности, формированием земств и передачей земствам части функций по управлению хлебными запасными магазинами и продовольственными капиталами.

Актуальность темы исследования связана с современной геополитической обстановкой, общемировыми тенденциями в формировании санкционной политики в отношении России и формированием собственной продовольственной безопасности Российской Федерации в XXI в. на базе предыдущего исторического опыта и современных инновационных трендов.

Хронологические рамки исследования ограничиваются четвертым этапом развития системы продовольственной безопасности Российской империи. Территориальные рамки статьи определены Вологодской губернией, которая была частью Европейского Севера России и имела свои географические и исторические особенности развития. Она входила в зону рискованного земледелия, где природно-географический фактор отрицательно сказывался на урожайности зерновых культур, которые составляли основу рациона питания населения.

Цель исследования – определить объем формирования продовольственного капитала Вологодской губернии на четвертом этапе развития системы продовольственной безопасности Российской империи. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: собрать, систематизировать, проанализировать архивные данные по наполняемости продовольственных капиталов Вологодской губернии с 1871 по 1917 г., определить общий уровень наполняемости продовольственных капиталов на исследуемой территории. Источниками изучения динамики собираемости продовольственных капиталов выступают отчеты губернаторов Вологодской губернии и обзоры губерний, в которых отражены данные об уровне собираемости продовольственных капиталов, количестве населения, проживающего на территории Вологодской губернии, и другие необходимые для исследования данные.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективности исторического исследования. Историко-статистический, историко-сравнительный, ретроспективный и системный методы позволяют в полной мере использовать все имеющие методические и методологические основы при исследовании темы продовольственных капиталов Вологодской губернии в период с 1871 по 1917 г.

Продовольственные капиталы Вологодской губернии не выступали темой отдельного исследования в историографии продовольственной безопасности Российской империи. Отдельных исследований, посвященных именно продовольственным капиталам Российской империи, за все три периода историографии проблемы нет; эта тема рассматривалась в общих работах, посвященных продовольственной безопасности или хлебным запасным магазинам Российской империи. Формирование продовольственных капиталов в дореволюционный период анализировалось в рамках исследования системы продовольственной безопасности и деятельности хлебных запасных магазинов в имперской России на волне протестного движения против царской власти. В советское время она практически исчезла из поля деятельности исследователей, либо ее включали в контекст общей аграрной истории Российской империи. В современной историографии исследовательская оптика направлена на изучение системы хлебных запасных магазинов, изучением которых занимаются А.С. Рогожина [2–6], Е.В. Комлева [7, 8], П.П. Котов [9–12], С.А. Пьянков [13, 14], И.А. Тарасова [15, 16], Д.А. Ялтаев [17] и автор данного исследования [18–25]. При изучении темы историки обращаются к архивным материалам, в числе которых отчеты губернаторов, глав уездов и другие внутренние документы статистического характера, которые отложились в фондах российских архивов, часть которых была опубликована во Временнике центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (Временник ЦСК МВД).

Архивные материалы, подтверждающие практику формирования продовольственных капиталов на пер-

вых двух этапах развития системы продовольственной безопасности Российской империи, отсутствуют. Начало формирования системы продовольственных капиталов связано с законом 1822 года [26. С. 146–153], дальнейшее развитие отражено в продовольственном уставе 1834 года [27. С. 691–705]. Продовольственные капиталы создавались с целью дополнительного обеспечения населения продовольствием в случае чрезвычайных ситуаций, а в некоторых регионах, которые не могли обеспечить себя собственными зерновыми культурами в силу суровых природно-климатических условий, они заменяли сбор зерна в хлебные запасные магазины. Изначально формированием продовольственного капитала занимались губернские власти. Согласно реформе земского самоуправления 1864 г. государство передало полномочия по формированию продовольственных капиталов земствам, но после голода 1891–1892 гг. правительство вновь решило возвратить полномочия губернии. В 1900 г. в соответствии с «Временными правилами по обеспечению продовольствием сельских обывателей» [28. С. 764–778] полномочия по формированию продовольственных капиталов получила губернская администрация.

Объем сбора денежных средств для обеспечения одного человека менялся в ходе эволюции законодательства по организации системы продовольственной безопасности Российской империи. До 1834 г. норма сбора денег на пополнение продовольственного капитала законодателем не определялась. С 1834 г. продовольственный капитал по Российской империи на одного человека, согласно Уставу о народном продовольствии 1834 г., составлял 1,6 руб., а с 1842 г. он снизился до 48 коп., сбор осуществлялся по 6 коп. в год. С 1900 г., с принятием временных правил о народном продовольствии, норма сбора денег на одного человека соотносилась со средней справочной ценой на хлеб за последние 10 лет. При этом законодатель не определял, цена какого хлеба должна учитываться, озимого или ярового, не было уточнений, какую среднюю справочную цену брать для формирования продовольственного капитала, общероссийскую или отдельно по каждой губернии. Правила были расплывчатыми и требовали практической доработки.

В отчетах губернатора Вологодской губернии не отражено, сколько денег необходимо было собирать для формирования продовольственного капитала. Данные по средним ценам за десятилетие 1891–1900 гг. отражены в табл. 1 [29. С. 295]. Определить норму сбора денег на формирование продовольственного капитала с 1900 по 1917 г. можно, выяснив среднюю цену на все четыре злака (рожь, пшеница, овес, ячмень). Средняя цена за пуд на все четыре злака в Вологодской губернии составляла 0,76 руб. Исходя из этой цифры будет определяться норма сбора денег на пополнение продовольственного капитала на одного человека в губернии.

Таблица 1

Средняя цена на ячмень, рожь, овес и пшеницу в Вологодской губернии за 1891–1900 гг.

Культура	Цена, коп. за пуд
Ячмень	0,76
Овес	0,52
Рожь	0,77
Пшеница	1,01
Общая средняя цена по всем культурам	0,76

В табл. 2 представлены цифровые показатели о собираемости продовольственного капитала в Вологодской губернии в период с 1871 по 1917 г. Архивные материалы за 1915–1917 гг. отсутствуют, поэтому цифровые показатели о собираемости продовольственного капитала представлены только до 1914 г. включительно, хотя верхняя граница четвертого этапа системы продовольственной безопасности определена 1917 годом. Отсутствие сведений о денежных сборах можно связать с началом Первой мировой войны.

Таблица 2

Продовольственные капиталы Вологодской губернии на четвертом этапе в 1871–1917 гг.

Год	Население губернии, чел.	Количество денег, необходимое для обеспечения народного продовольствия в соответствии с законодательно установленной нормой (норма с 1871 г. – 48 коп., с 1901 г. – 76 коп.), руб.	В ссудах, руб.	Всего капиталов, руб.	Уровень обеспечения населения продовольственными капиталами в процентном соотношении, %
1871	1 008 878	484 261,44	–	–	–
1872	1 024 865	491 935,20	–	–	–
1873	1 039 596	499 006,08	–	–	–
1874	1 050 448	504 215,04	–	–	–
1875	1 064 393	510 908,64	–	–	–
1876	1 077 640	517 267,20	–	–	–
1877	1 098 669	527 361,12	–	–	–
1878	1 117 244	536 277,12	–	–	–
1879	1 131 584	543 160,32	–	336 228, 92	61,90
1880	1 139 982	547 191,36	–	372 346, 54	68,05
1881	1 149 167	551 600,16	–	405 068, 10	73,43
1882	1 167 004	560 161,92	–	403 095,47	71,96
1883	1 177 706	565 298,88	–	418 675, 22	74,06
1884	1 199 577	575 796,96	157 851, 40	473 634, 10	82,26
1885	1 204 055	577 946,40	186 516, 57	558 862, 91	96,69
1886	1 224 631	587 822,88	269 376, 09	641 704, 92	109,17
1887	1 243 773	597 011,04	198 996, 03	335 404, 88	56,18
1888	1 262 164	605 838,72	130 483, 57	498 392,09	82,26

Окончание табл. 2

Год	Население губернии, чел.	Количество денег, необходимое для обеспечения народного продовольствия в соответствии с законодательно установленной нормой (норма с 1871 г. – 48 коп., с 1901 г. – 76 коп.), руб.	В ссудах, руб.	Всего капиталов, руб.	Уровень обеспечения населения продовольственными капиталами в процентном соотношении, %
1889	1 271 813	610 470,24	112 527,50	365 996,63	59,95
1890	1 285 342	616 964,16	247 466,29	573 704,44	92,99
1891	1 309 304	628 465,92	194 535, 65	319 030,40	50,76
1892	1 317 013	632 166,24	–	544 626,93	86,15
1893	1 342 674	644 483,52	–	572 358,34	88,81
1894	1 362 009	653 764,32	–	620 453,70	94,90
1895	1 383 874	664 259,52	–	577 228,16	86,90
1896	1 399 366	671 695,68	293 425,50	658 764,48	98,07
1897	1 431 336	687 041,28	–	664 870,00	96,77
1898	1 436 783	689 655,84	–	689 000,00	99,90
1899	1 464 992	703 196,16	260 064,93	633 284,00	90,05
1900	1 477 717	709 304,16	283 903,07	626 523,34	88,33
1901	1 480 065	1 124 849,40	142 824,00	537 779,25	47,80
1902	1 446 168	1 099 087,68	–	560 083,00	50,96
1903	1 468 565	1 116 094,40	264 362,75	530 949,00	47,57
1904	1 496 984	1 137 707,84	281 756,23	424 530,62	37,31
1905	1 511 005	1 148 363,80	401 971,38	375 115,83	32,66
1906	1 530 227	1 162 972,52	328 041,44	444 523,83	38,22
1907	1 560 161	1 185 722,36	274 771,32	445 687,78	37,59
1908	1 577 216	1 198 684,16	320 233,68	438 537,43	36,58
1909	1 602 926	1 218 223,76	–	469 470,31	38,53
1910	1 602 926	1 218 223,76	–	–	–
1911	1 655 151	1 257 914,76	99 333,00	407 400,58	32,39
1912	1 464 992	1 113 393,92	63 779,00	572 580,00	51,43
1913	1 770 390	1 345 496,40	80 656,00	800 785,00	59,51
1914	1 734 177	1 317 974,52	90 320,27	711 016,56	53,95
1915	–	–	–	–	–
1916	–	–	–	–	–
1917	–	–	–	–	–

Примечания. Знак «–» в ячейке таблицы означает отсутствие данных в источнике. Составлено по: [30–65].

Анализ цифровых показателей табл. 2 позволяет констатировать следующее. За исследуемый период естественный рост численности населения составил 761 512 человек, население губернии увеличилось на 75,48%, при этом единственный год, когда численность населения снизилась, был 1914, что можно связать с началом Первой мировой войны, на фронты которой было мобилизовано мужское население. Сумма капитала, необходимая для обеспечения народного продовольствия в соответствии с законодательно установленной нормой, варьировала от 484 261,44 руб. в 1871 г. до 1 345 496,40 руб. в 1913 г. Востребованность денег на закупку зерна отражалась на их количестве. Взятые в ссуду суммы менялись в пределах от 63 779,00 руб. в 1912 г. до 401 971,38 руб. в 1905 г.

Уровень собираемости денег на пополнение продовольственного капитала можно определить формулой процентного соотношения двух чисел. Первое число – сумма продовольственного капитала, которая должна была находится в Вологодской губернии в соответствии с законодательно определенной нормой. Число жителей Вологодской губернии умножаем на законодательно определенную норму сбора денег на одного человека на пополнение продовольственного капитала. Второе число – фактическая сумма денег, имеющаяся в Вологодской губернии, что отражено в отчетах губернаторов. В итоге можно получить процент собираемости денег на формирование продовольственных капиталов в Вологодской губернии.

Минимальный размер продовольственного капитала в губернии составлял 336 228,92 руб. в 1879 г., максимальный уровень был отмечен в 1913 г. в размере 800 785,00 руб. Минимальный уровень собираемости в Вологодской губернии на четвертом этапе развития системы продовольственной безопасности равнялся 32,39% в 1911 г. В 1911 г. был абсолютно ординарный урожай, соответственно, население, казалось бы, не должно было нуждаться в больших суммах на приобретение зерна. Тем не менее уровень собираемости денег был самым низким. Максимальный уровень собираемости продовольственного капитала на четвертом этапе составлял 109,17% в 1886 г. при том, что и в этом году урожай в губернии был таким же ординарным, как и в 1911 г., когда отмечался минимальный уровень сбора продовольственного капитала. Определить факторы, влияющие на уровень собираемости продовольственного капитала, весьма сложно. Всего за исследуемый период в 46 лет превышение порога наполняемости в 75% происходило 14 раз, в то время как полная 100%-ная наполняемость отмечалась всего олнажды. Средний уровень собираемости продовольственных капиталов на четвертом этапе равнялся 67,82%, т.е. Вологодская губерния на этом этапе в совокупности с хлебными запасами могла бы справиться практически с любым локальным неурожаем.

В табл. 3 отражены уровни урожайности и обеспечения населения Вологодской губернии озимыми и яровыми культурами на душу населения. Анализ табл. 3

по Вологодской губернии позволяет утверждать, что на одного человека собирали в среднем 1,93 четверти зерна. Норма наполняемости хлебных запасных магазинов была установлена в размере 1,5 четверти на душу населения [27. С. 692]. Конечно же, эта норма наполнялась не единовременно, а в течение нескольких лет. Данная норма сбора сохранялась до 1917 г. П.П. Котов определил норму потребления на Европейском Севере России на одного человека в 3 четверти озимых и яровых культур в год [9. С. 75]. Соответственно, Вологодская губерния не была в состоянии обеспечивать население продовольствием за счет собственной зерновой отрасли в силу суровых климатических условий, а тем более сдавать необходимые нормы продовольствия в хлебные запасные магазины, обеспечивая продовольственную безопасность Вологодской губернии. Недостаток зерна вынуждал крестьян тратить деньги на его закупку.

Таблица 3

Уровень урожайности и обеспеченность населения Вологодской губернии продовольствием в период с 1871 по 1917 г.

Год	Урожайность, четвертей		Общий уровень урожайности зерновых культур, четвертей	Население губернии обоего пола	Уровень обеспечения продовольствием, четвертей на душу населения		Уровень обеспечения озимыми и яровыми культурами на душу населения, четвертей
	Озимые	Яровые			Озимые	Яровые	
1871	737 228	1 250 889	1 988 117	1 008 878	0,73	1,23	1,96
1872	613 946	1 135 375	1 749 321	1 024 865	0,59	1,10	1,69
1873	776 595	1 246 715	2 023 310	1 039 596	0,74	1,19	1,94
1874	743 826	1 199 456	1 943 282	1 050 448	0,70	1,14	1,84
1875	805 918	1 303 965	2 109 883	1 064 393	0,75	1,22	1,97
1876	788 289	1 327 533	2 115 822	1 077 640	0,73	1,23	1,96
1877	763 075	1 214 769	1 977 844	1 098 669	0,69	1,10	1,79
1878	729 553	1 223 649	1 953 202	1 117 244	0,65	1,09	1,74
1879	687 465	1 329 471	2 016 936	1 131 584	0,60	1,17	1,77
1880	766 374	1 327 732	2 094 106	1 139 982	0,67	1,16	1,83
1881	745 526	1 104 072	1 849 598	1 149 167	0,65	0,96	1,61
1882	–	–	2 346 312	1 167 004	–	–	2,01
1883	666 328	1 593 364	2 259 692	1 177 706	0,56	1,35	1,91
1884	753 631	1 236 212	1 989 843	1 199 577	0,63	1,03	1,66
1885	826 854	1 209 926	2 036 780	1 204 055	0,68	1,00	1,68
1886	1 048 688	1 150 121	2 198 809	1 224 631	0,85	0,93	1,78
1887	883 972	1 751 970	2 635 942	1 243 773	0,71	1,40	2,11
1888	649 281	1 497 494	2 146 775	1 262 164	0,51	1,18	1,69
1889	612 636	1 168 684	1 781 320	1 271 813	0,48	0,91	1,39
1890	993 952	1 864 934	2 858 886	1 285 342	0,75	1,45	2,20
1891	967 832	1 578 341	2 546 173	1 309 304	0,73	1,20	1,93
1892	1 034 945	1 772 390	2 807 335	1 317 013	0,78	1,34	2,12
1893	974 244	1 652 438	2 626 682	1 342 674	0,72	1,23	1,95
1894	894 937	1 847 888	2 742 825	1 362 009	0,65	1,35	2,00
1895	951 859	1 708 400	2 660 259	1 383 874	0,68	1,23	1,91
1896	848 315	1 646 405	2 494 720	1 399 366	0,60	1,17	1,77
1897	1 123 808	1 920 291	3 044 099	1 431 336	0,78	1,34	2,12
1898	820 519	1 568 647	2 389 166	1 436 783	0,57	1,09	1,63
1899	960 812	2 033 827	2 994 639	1 464 992	0,65	1,39	2,04
1900	914 235	1 749 012	2 663 247	1 477 717	0,62	1,18	1,80
1901	1 164 099	1 915 457	3 079 556	1 480 065	0,79	1,29	2,08
1902	1 371 843	1 930 612	3 302 455	1 446 168	0,95	1,33	2,28
1903	1 348 184	1 863 395	3 211 579	1 468 565	0,92	1,29	2,21
1904	1 431 565	1 984 770	3 416 335	1 496 984	0,96	1,32	2,28
1905	1 545 456	1 788 106	3 333 562	1 511 005	1,02	1,18	2,20
1906	1 349 044	1 681 821	3 030 856	1 530 227	0,88	1,10	1,98
1907	1 477 917	1 451 070	2 928 987	1 560 161	0,95	0,93	1,88
1908	1 461 762	1 845 620	3 307 382	1 577 216	0,93	1,17	2,10
1909	1 047 864	1 854 269	2 902 133	1 602 926	0,65	1,16	1,81
1911	1 502 189	2 107 374	3 609 563	1 655 151	0,91	1,27	2,18
1912	1 786 355	2 167 745	3 954 100	1 464 992	1,21	1,47	2,68
1913	1 735 148	2 133 517	3 868 665	1 770 390	0,98	1,20	2,18
1914	1 415 041	1 178 740	2 593 781	1 734 177	0,68	0,81	1,49
1915	–	–	–	–	–	–	–
1916	–	–	–	–	–	–	–
1917	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. Составлено по: [29–65].

Таким образом, анализ архивных и статистических материалов, а также законодательства о системе продовольственной безопасности Российской империи позволяет утверждать, что наличие продовольственного капитала давало возможность обеспечить продовольственную безопасности в губернии при локальном неурожае. Средний уровень возможного обеспечения населения продовольственными капиталами на чет-

вертом этапе развития системы продовольственной безопасности Российской империи по Вологодской губернии составлял 67,82%, среднедушевая норма сбора озимых и яровых культур в губернии равнялась 1,93 четверти. В своей совокупности система продовольственной безопасности Вологодской губернии могла обеспечить население в случае локального неурожая, распространившегося на 1–2 волости, до следующего года. В случае более крупномасштабного неурожая, затрагивающего более двух волостей губернии, проблему необходимо было решать на общеимперском уровне.

Список источников

1. Чудов С.И. Хлебные запасные магазины на Европейском Севере России в XVIII начале XX вв. : автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 2017. 29 с.
2. Рогожина А.С. Земства и обеспечение продовольствием сельского населения России во второй половине XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России. 2012. № 19. С. 109–119.
3. Рогожина А.С. Хлебные запасные магазины в продовольственной политике России до начала реформ Александра II // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2. С. 143–153.
4. Рогожина А.С. Губернская делопроизводственная документация как источник по истории продовольственного дела в имперской России // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5 (68). С. 62–67.
5. Рогожина А.С. С.Ю. Витте и продовольственный вопрос в России // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 75–88.
6. Рогожина А.С. Продовольственный устав 1834 года как правовая основа государственной политики продовольственного обеспечения российской деревни в 1830–90-е годы XIX века // История государства и права. 2016. № 18. С. 29–34.
7. Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины Туруханского края в первой половине XIX века // Енисейский север: история и современность. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2016. С. 16–47.
8. Комлева Е.В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 13–18.
9. Котов П.П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII начале XX века. Сыктывкар : Сыктывкар. ун-т, 1996. 166 с.
10. Котов П.П. Натуральные повинности крестьян Яренского уезда в конце XVIII первой половине XIX веков // Занятия, промышленность, духовная и материальная культура населения вычегодского края : тез. докл. науч. конф. Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 2000. С. 92–96.
11. Котов П.П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. Вып. 25, № 1 (144). С. 90–96.
12. Котов П.П. Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожаев в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28), ч. 1. С. 91–95.
13. Пьянков С.А. Сельская хлебозапасная система Пермской губернии накануне голода 1891 года // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. № 17. С. 519–526.
14. Пьянков С.А. Общественная польза и личная позиция: продовольственная кампания 1891–92 гг. в оценке современников // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УРО РАН, 2015. С. 34–42.
15. Тарасова И.А. К вопросу о деятельности министерства внутренних дел Российской империи по управлению системой продовольственного обеспечения населения в первой половине XIX века // Бизнес в законе : экономико-юридический журнал. 2012. № 4. С. 19–22.
16. Тарасова И.А. К вопросу о взаимодействии министерства внутренних дел Российской империи и органов местного самоуправления в деятельности по нейтрализации последствий неурожая 1891 года // Юридические записки. 2013. № 1. С. 51–57.
17. Ялтаев Д.А. Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформ 1900 года // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 195–201.
18. Чудов С.И. Хлебные запасные магазины Яренского уезда Вологодской губернии // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 10-2 (37). С. 352–360.
19. Чудов С.И. Проблема обеспечения продовольствием населения России в неурожайные годы XIX в. // Вестник Алтайской науки. 2014. № 2-3. С. 300–303.
20. Чудов С.И. Законодательное регулирование и эффективность деятельности института хлебных запасных магазинов в Вологодской губернии в XIX начале XX вв. // Вестник БФУ им. И. Канта. 2015. № 6. С. 109–113.
21. Чудов С.И. Уровень обеспечения продовольственной безопасности на Русском Севере в XIX начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57). С. 194–197.
22. Чудов С.И. Особенности функционирования хлебных запасных магазинов в Олонецкой губернии в XIX начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148), т. 1. С. 35–39.
23. Чудов С.И. Сравнительный анализ цифровых показателей о посевах, урожае и количестве зерна в сельских запасных магазинах Архангельской губернии в 1870–1886 гг. по материалам ГААО и РГИА // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 2. С. 80–84.
24. Чудов С.И. Bakery spare shops of Ust-Sysolsk in the 19th century // Young Researchers of the XXIst Century Science and Entrepreneurship without Borders. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. С. 131–134.
25. Чудов С.И. К вопросу о достоверности сведений о наполняемости хлебных запасных магазинов Архангельской губернии во второй половине XIX века // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 2. С. 102–106.
26. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб. : тип. Второго отделения собственного ЕИВ канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. 1352 с.
27. Полное собрание законов Российской Империи. СПб. : тип. Второго отделения собственного ЕИВ канцелярии, 1835. Собрание второе. Т. IX, отд-ние первое. 891 с.
28. Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: тип. Второго отделения собственного ЕИВ канцелярии, 1902. Собрание третье. Т. XX, отд-ние первое. 1168 с.
29. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л. : Наука, 1985. 295 с.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3595.
31. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 217.
32. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 256.
33. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3787.
34. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3852.
35. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 264.
36. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3976.
37. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4054.
38. РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 255.
39. РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 247.
40. РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 282.
41. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 138.
42. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 153.

43. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4533.
44. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4606.
45. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4672.
46. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4736.
47. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4799.
48. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4866.
49. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 146.
50. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 216.
51. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 173.
52. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 154.
53. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 50.
54. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 31.
55. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5345.
56. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5448.
57. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5499.
58. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5612.
59. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5715.
60. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5752.
61. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 67.
62. РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 356.
63. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 43.
64. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 43.
65. Обзоры Вологодской губернии с 1870 по 1914 г. // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32015 (дата обращения: 29.04.2019).

References

1. Chudov, S.I. (2017) *Khlebnye zapasnye magaziny na Evropeyskom Severe Rossii v XVIII nachale XX vv*. [Bread spare shops in the European North of Russia in the 18th and early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Izhevsk.
2. Rogozhina, A.S. (2012a) Zemstva i obespechenie prodovol'stviem sel'skogo naseleniya Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Zemstvos and provision of food for the rural population of Russia in the second half of the 19th century]. *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*. 19. pp. 109–119.
3. Rogozhina, A.S. (2012b) Khlebnye zapasnye magaziny v prodovol'stvennoy politike Rossii do nachala reform Aleksandra II [Bread spare shops in the food policy of Russia before the reforms of Alexander II]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2. pp. 143–153.
4. Rogozhina, A.S. (2015) Gubernskaya deloproizvodstvennaya dokumentatsiya kak istochnik po istorii prodovol'stvennogo dela v imperskoy Rossii [Provincial office documentation as a source on the history of food business in imperial Russia]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5(68). pp. 62–67.
5. Rogozhina, A.S. (2016) S.Yu. Vitte i prodovol'stvennyy vopros v Rossii [S.Yu. Witte and the food question in Russia]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 75–88.
6. Rogozhina, A.S. (2016) Prodovol'stvennyy ustav 1834 goda kak pravovaya osnova gosudarstvennoy politiki prodovol'stvennogo obespecheniya rossiyskoy derevni v 1830–90-e gody XIX veka [The Food Charter of 1834 as a legal basis for the state policy of food supply for the Russian village in the 1830s–1890s]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 18. pp. 29–34.
7. Komleva, E.V. (2016) Kazennye zapasnye khlebnye magaziny Turukhanskogo kraya v pervoy polovine XIX veka [State spare bread shops of Turukhansk region in the first half of the 19th century]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Eniseyskiy sever: istoriya i sovremennost'* [The Enisei North: History and modernity]. Krasnoyarsk: Krasnoyask State Pedagogical University. pp. 16–47.
8. Komleva, E.V. (2016) Snabzhenie khlebom severnykh rayonov Sibiri (XVII–XIX vv.) [The supply of bread to the northern regions of Siberia (17th – 19th centuries)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 13–18.
9. Kotov, P.P. (1996) *Dinamika urovnya zemledeliya v Komi krae v kontse XVIII nachale XX veka* [Dynamics of the level of agriculture in the Komi region in the late 18th and early 20th centuries]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
10. Kotov, P.P. (2000) Natural'nye povinnosti krest'yan Yarenskogo uezda v kontse XVIII pervoy polovine XIX vekov [Natural duties of the peasants of the Yarensky district at the end of the 18th and first half of the 19th centuries]. In: *Zanyatiya, promyshlennost', dukhovnaya i material'naya kul'tura naseleniya vychegodskogo kraya* [Occupations, industry, spiritual and material culture of the Vychegoda region population]. Syktyvkar: Goskomstat of the Komi Republic. pp. 92–96.
11. Kotov, P.P. (2013) Khlebnye zapasnye magaziny po zakonodatel'nym istochnikam Rossii XVIII – pervoy poloviny XIX vekov [Bread spare shops according to the legislative sources of Russia in the 18th – first half of the 19th centuries]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 25(1-144). pp. 90–96.
12. Kotov, P.P. (2013) Formirovanie sistemy khlebnykh i denezhnykh zapasov na sluchay neurozhaev v zakonodatel'stve Rossii XVIII – pervoy poloviny XIX veka [Formation of a system of grain and cash reserves in case of crop failures in the legislation of Russia in the 18th – first half of the 19th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2(28-1). pp. 91–95.
13. Pyankov, S.A. (2013) Sel'skaya khlebozapasnaya sistema Permskoy gubernii nakanune goloda 1891 goda [Rural grain storage system of the Perm province on the eve of the famine of 1891]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 17. pp. 519–526.
14. Pyankov, S.A. (2015) Obshchestvennaya pol'za i lichnaya pozitsiya: prodovol'stvennaya kampaniya 1891–92 gg. v otsenke sovremennikov [Public Benefit and Personal Position: The Food Campaign of 1891–92 in the assessment of contemporaries]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv*. [Human in the context of modernization of the 18th – 20th centuries]. Ekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 34–42.
15. Tarasova, I.A. (2012) K voprosu o deyatel'nosti ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii po upravleniyu sistemoy prodovol'stvennogo obespecheniya naseleniya v pervoy polovine XIX veka [On the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in managing the food supply system for the population in the first half of the 19th century]. *Biznes v zakone: ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*. 4. pp. 19–22.
16. Tarasova, I.A. (2013) K voprosu o vzaimodeystvii ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii i organov mestnogo samoupravleniya v deyatel'nosti po neytralizatsii posledstviy neurozhaya 1891 goda [On the interaction between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and local governments in activities to neutralize the consequences of a crop failure in 1891]. *Yuridicheskie zapiski*. 1. pp. 51–57.
17. Yaltaev, D.A. (2015) Obespechenie prodovol'stvennoy bezopasnosti v Kazanskoy gubernii na osnove reform 1900 goda [Ensuring food security in the Kazan province on the basis of the reforms of 1900]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 195–201.
18. Chudov, S.I. (2013) Khlebnye zapasnye magaziny Yarenskogo uezda Vologodskoy gubernii [Bread spare shops of the Yarensky district of Vologda Province]. *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. 10-2(37). pp. 352–360.
19. Chudov, S.I. (2014) Problema obespecheniya prodovol'stviem naseleniya Rossii v neurozhaynye gody XIX v. [The problem of providing food to the population of Russia in the lean years of the 19th century]. *Vestnik Altayskoy nauki*. 2-3. pp. 300–303.
20. Chudov, S.I. (2015a) Zakonodatel'noe regulirovanie i effektivnost' deyatel'nosti instituta khlebnykh zapasnykh magazinov v Vologodskoy gubernii v XIX nachale XX vv. [Legislative regulation and efficiency of the institute of grain spare shops in the Vologda province in the 19th and early 20th centuries]. *Vestnik BFU im. I. Kanta*. 6. pp. 109–113.

21. Chudov, S.I. (2015b) Uroven' obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti na Russkom Severe v XIX nachale XX veka [The level of food security in the Russian North in the 19th – early 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7(57). pp. 194–197.
22. Chudov, S.I. (2015c) Osobennosti funktsionirovaniya khlebnykh zapasnykh magazinov v Olonetskoy gubernii v XIX nachale XX veka [Peculiarities of the functioning of grain spare shops in the Olonets province in the 19th and early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3-1(148). pp. 35–39.
23. Chudov, S.I. (2015d) Sravnitel'nyy analiz tsifrovykh pokazateley o posevakh, urozhae i kolichestve zerna v sel'skikh zapasnykh magazinakh Arkhangel'skoy gubernii v 1870–1886 gg. po materialam GAAO i RGIA [Comparative analysis of digital indicators on crops, yield and quantity of grain in rural reserve stores of the Arkhangelsk province in 1870–1886 based on the materials of GAAO and RGIA]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 2. pp. 80–84.
24. Chudov, S.I. (2018a) Bakery spare shops of Ust-Sysolsk in the 19th century. In: *Young Researchers of the 21st Century Science and Entrepreneurship without Borders*. Syktyvkar: SSU. pp. 131–134.
25. Chudov, S.I. (2018b) K voprosu o dostovernosti svedeniy o napolnyaemosti khlebnykh zapasnykh magazinov Arkhangel'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka [On the reliability of information about the filling capacity of the Arkhang grain reserve stores in the second half of the 19th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 102–106.
26. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii s 1649 goda* [Complete laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 38. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
27. Russia. (1835) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete laws of the Russian Empire]. Vol. 9. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
28. Russia. (1902) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete laws of the Russian Empire]. Vol. 20. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery.
29. Mironov, B.N. (1985) *Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletiya (XVIII–XIX vv.)* [Grain prices in Russia for two centuries (18th –19th centuries)]. Leningrad: Nauka.
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 3595.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. File 217.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. File 256.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 3787.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 3852.
35. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. File 264.
36. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 3976.
37. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 4054.
38. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 70. File 255.
39. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 70. File 247.
40. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 70. File 282.
41. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 138.
42. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 153.
43. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 4533.
44. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 4606.
45. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 4672.
46. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 4736.
47. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 4799.
48. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 4866.
49. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 146.
50. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 216.
51. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 173.
52. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 154.
53. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 50.
54. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 223. File 31.
55. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5345.
56. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5448.
57. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5499.
58. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5612.
59. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5715.
60. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 2. File 5752.
61. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 194. File 67.
62. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 17. File 356.
63. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 194. File 43.
64. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 194. File 43.
65. The State Public Historical Library of Russia. (n.d.) *Obzory Vologodskoy gubernii s 1870 po 1914 g.* [Reviews of the Vologda province from 1870 to 1914]. [Online] Available from: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32015 (Accessed: 29th April 2019).

***Сведения об авторе*:**
Чудов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, инспектор Контрольно-счетной палаты Республики Коми (Сыктывкар, Российская Федерация). E-mail: chudovx@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Chudov Sergey I. – Candidate of Historical Sciences, Inspector of the Chamber of Control and Accounts of the Komi Republic (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: chudovx@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 19.06.2019; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(571.16)
doi: 10.17223/19988613/82/16

Школы Томска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Александр Семенович Шевляков[1], Ольга Алексеевна Горбунова[2]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия, Shevlyakov54@rambler.ru
[2] Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия, olqga375@mail.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов раскрывается развитие школьного образования в Томске в годы Великой Отечественной войны. В трудных условиях военного времени первоочередной задачей школы являлось обеспечение всеобуча и поддержание на должном уровне качества обучения. Исследуется основные направления деятельности городских органов народного образования, школ и педагогов по сохранению контингента учащихся и организации процесса обучения.
Ключевые слова: школы, Томск, Великая Отечественная война

Для цитирования: Шевляков А.С., Горбунова О.А. Школы Томска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/82/16

Original article

Tomsk schools in the Great Patriotic War (1941–1945)

Alexander S. Shevlyakov[1], Olga A. Gorbunova[2]

[1] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Shevlyakov54@rambler.ru
[2] Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation, olqga375@mail.ru

Abstract. The article analyzes the work of Tomsk schools during the Great Patriotic War. The aim of the study is to reveal the changes that took place in the sphere of secondary general education in Tomsk during the war. The study is based on the materials from the State Archive of the Tomsk Region.

Tomsk, as well as other rear cities of the country, faced a number of problems from the first months of the war. Schools of the city worked in extremely difficult conditions. When the war began, 20 school buildings were transformed into hospitals for wounded soldiers. More than 30% of the city schools had to operate three shifts a day, one of them even four. Throughout the war, Tomsk schools experienced the lack of fuel for heating and shortage of writing utensils, paper and textbooks. They addressed this problem differently: schoolchildren wrote on kraft paper, in the margins and between the lines in old books as well as collected old textbooks from residents to restore them.

One of the biggest wartime problems was the fact that many children did not attend school. Lack of clothing and shoes became one of the most common reasons for not showing up at school. The same grounds made pupils miss many classes, especially in autumn slush and severe frosts. The city and local public education authorities, schools and teachers did a lot to provide Vseobuch. They offered material assistance to children in need, many schools organized the collection and restoration of old things and encouraged sponsoring organizations to help. On the whole, they managed to maintain student population size in this difficult time.

Therefore, the war significantly changed the sphere of secondary general education in Tomsk. The specific wartime conditions influenced the nature and content of school education. Many students had to abandon their studies for various reasons. They needed to take care of their younger siblings and manage their household. Increased numbers of orphans along with the lack of clothes and shoes prevented many schoolchildren from attending classes. Throughout the war, public education authorities and school teachers tried to keep student population of general education schools at the same level and avert child neglect.

The transformation of school buildings into hospitals, lack of textbooks and copybooks, inability to provide the educational process with necessary visual aids, worn-out furniture and school equipment are the main characteristics of the material and technical situation in wartime schools.

The war significantly weakened school teaching staff. There were very limited opportunities for schools to be replenished with university graduates. All these circumstances affected the quality of education. However, schools in Tomsk and nationwide mostly retained their student population, organizational structure and teaching traditions, which paved the way for further development and improvement of the quality of education.
Keywords: school, Tomsk, the Great Patriotic War

© А.С. Шевляков, О.А. Горбунова, 2023

For citation: Shevlyakov, A.S., Gorbunova, O.A. (2023) Tomsk schools in the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 137–141. doi: 10.17223/19988613/82/16

Всестороннее исследование различных аспектов истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. является непреходящей задачей российских историков. Представляется, что в современных условиях тема повседневной жизни людей в годы войны выступает одной из приоритетных. Актуальность изучения повседневной жизни заключается в том, что нельзя понять механизм перестройки народного хозяйства на военные рельсы и достижения победы без анализа глубоких количественных и качественных изменений в жизни людей. Одновременно изучение различных сторон трудной повседневной жизни людей, в том числе связанных с работой школ, обучением и воспитанием детей, ведет к исследованию структур человеческого повседневного бытия в контексте событий войны для более объемного и цельного понимания самого этого исторического явления.

В военное время Томск был городом глубокого тыла. Мобилизации в армию, высокая смертность населения в результате болезней, снижение рождаемости вызвали сокращение городского населения и качественные изменения в его составе. С другой стороны, в Томск из европейской части страны были перемещены промышленные предприятия, учреждения, научно-исследовательские институты, учебные заведения, развернуты госпитали. Приток эвакуированных граждан и местного сельского населения, мобилизованного для работы на городских предприятиях, раненых и инвалидов значительно увеличил городское население. К концу войны в городе проживало людей больше, чем до нее.

С первых месяцев войны жители Томска, как и других тыловых городов, столкнулись с целым рядом проблем. В августе 1941 г. в городе было введено нормированное продовольственное снабжение (карточки). Эвакуация граждан из западных регионов страны и недостаток жилых площадей вызвали перенаселенность и скученность населения, эпидемиологическое неблагополучие. Возник острый дефицит топлива для отопления помещений, не хватало транспорта, неудовлетворительно работали многие предприятия жилищно-коммунального хозяйства и др. В крайне трудных условиях оказались учебные заведения всех уровней, в том числе и школы города. Центральной задачей школы являлось обеспечение всеобуча, поддержание на должном уровне качества образования. Составной частью этой работы стало углубление идейно-политического и военно-патриотического воспитания.

В Томске к началу войны осуществляли деятельность 56 школ. Специфические условия военного времени наложили отпечаток на характер и содержание школьного образования. Уже в первый военный учебный год здания 20 школ были переданы под организацию госпиталей. Из 36 школ в первые два года войны в одну смену занималась только одна школа, в две – 24, в три – 11 [1. Л. 20]. Имели место и занятия в четыре смены. Так, в протоколе заседания горисполкома от февраля 1942 г. отмечалось, что средняя школа № 4 работала в «четыре смены в тесном неблагоустроенном здании» [2. Л. 101].

Ситуация изменилась только к 1944 г.: из 33 школ занимались в две смены 30, две школы – в одну смену и одна в три. Количество учащихся, занимавшихся в первую смену, составляло 6 706 чел., во вторую – 4 744, в третью смену – 159 чел. [3. Л. 19].

Отметим, что на 1944/1945 учебный год была утверждена новая сеть школ города в количестве 33, в том числе: средних мужских – 5, 7-летних мужских – 2, средних женских – 9, 7-летних женских – 1, средних смешанных – 2, 7-летних смешанных – 3, начальных – 11. Всего средних школ – 16, семилетних – 6, начальных – 11 с количеством учащихся 16 049 чел. в 406 классах [4. Л. 173]. Кроме того, 27 ноября 1944 г. Томским горисполкомом было принято решение об открытии четырехкомплектной школы № 28 для детей калмыков. В этот же день была утверждена смета на содержание школы на 1944 г., предоставленная городским отделом образования, в сумме 13 600 руб. [5. Л. 27].

В годы войны острой проблемой стало посещение школ детьми. В сентябре 1942 г. на занятия в Новосибирской области (до 1944 г. Томск находился в ее составе) не явилось огромное количество учащихся (из 107 657 не явились 22 000). Многие школьники старших классов, прервав обучение, уходили в школы ФЗО или заменяли своих отцов и братьев на фабриках и заводах [6. Л. 44]. Одной из самых распространенных причин непосещения детьми школ стало отсутствие обуви и одежды. Например, из 334 детей, не охваченных обучением в октябре 1944 г. в Томске, 214 человек не имели обуви и одежды. В конце учебного года 30 чел. не посещали школу по причине отсутствия обуви и одежды, 29 чел. по болезни, 15 чел. по домашним обстоятельствам, 7 чел. по другим причинам. Из-за отсутствия обуви и одежды было большое количество пропусков занятий, особенно в дни осенней слякоти и в сильные морозы [7. Л. 146].

В этих условиях вынужденной мерой стало принятие в 1943 г. СНК РСФСР постановления «Об организации учета детей школьного возраста», согласно которому силами исполкомов, домоуправлений и школ в пределах каждого школьного участка организовывался учет детей школьного возраста [8. Л. 17].

В соответствии с этим постановлением на протяжении всего учебного года велась работа по вовлечению детей в школы. С этой целью школы использовали различные средства, прежде всего оказание материальной помощи. Городской и районные отделы народного образования в 1943/1944 учебном году обеспечили выдачу школьникам брезентовых сапожек – 300 пар, ботинок школьных – 750 пар, ботинок меховых – 300 пар. Дети получили: костюмов для мальчиков – 700 штук, платьев для девочек – 780 штук, чулок – 600 пар, юбок – 750 штук, толстовок – 150 штук, шапок – 450 штук,

валенок – 100 пар, полушубков – 55 штук [8. Л. 17]. В начале 1944 учебного года школьниками было получено по ордерам Горторготдела: ботинок – 1 000 пар, галош – 900 пар, валенок – 20 пар, тапочек – 700 пар, костюмов – 300 штук, гимнастерок – 500 шт., платьев – 40 шт., юбочек – 3 350 шт., кофточек – 2 000, полушубков – 20 [7. Л. 14б].

Многие школы пытались самостоятельно оказать посильную помощь нуждающимся детям. Так, школы № 5, 10, 14, 30, 32 организовывали сбор и реставрацию одежды и обуви для школьников. Кроме того, к оказанию помощи нуждающимся детям школы привлекали шефствующие организации, родительские комитеты. Разумеется, еще одним способом вовлечения детей в школы была большая разъяснительная работа учителей среди родителей [8. Л. 18].

Процесс вовлечения детей в школы был довольно эффективным. Например, из 400 чел., не обучавшихся в школах в начале 1942/1943 учебного года, 157 чел. было вовлечено в школу, 79 охвачено обучением на дому, остальные устроены в ремесленные училища и школы ФЗО или на производство [9. Л. 34].

К концу 1943/1944 учебного года лишь 70 человек не были охвачены обучением [8. Л. 1]. Наполняемость классов выглядела следующим образом: 1–4-е классы – 38 учащихся (вместо 42 по норме), 5–7-е классы – 35 учащихся (вместо 40 по норме), 8–10-е классы – 28 чел. (вместо 38 по норме) [10. Л. 34].

По состоянию на 20 октября 1944 г. в школах города не обучались 334 чел. В течение учебного года эта цифра значительно снизилась: на 1 ноября 1944 г. не были охвачены обучением 292 чел., на 10 ноября – 265, на 1 января 1945 г. – 138, на конец учебного года – 81 чел. [7. Л. 14б].

Конечно, огромную роль в деле сохранения контингента учащихся сыграло организованное в детских столовых питание детей, которое осуществлялось на первых порах во всех школах города через буфеты. В начале 1942 г. дети получали кроме 50 граммов хлеба горячий завтрак из овощей или крупы либо сладкий чай. С октября горячие завтраки были прекращены, детям выдавалось только 50 граммов хлеба [1. Л. 19]. Большинство школ не было обеспечены столовыми и кухонной посудой, инвентарем и столовым бельем [11. Л. 2]. Ситуация коренным образом не изменилась и к 1944/1945 учебному году. В материалах 40-й сессии Томского горисполкома от 20 июля 1945 г. констатировалось: «Что касается питания школьников, то по школам оно почти не организованно. Горячие завтраки были только в школах № 22, 24, 27, 35. В остальных школах дети получали только 50 граммов хлеба и небольшое количество сахара, и то с перебоями» [7. Л. 14п].

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 23 июля 1943 г. № 671 школы были преобразованы в мужские и женские [9. Л. 34]. К сентябрю 1943 г. в Томске насчитывалось 7 мужских и 10 женских школ [8. Л. 20], а число начальных классов увеличилось до 51 (против 49 в 1942 г.), средних – до 406 (против 361). Выросло количество учеников в начальных классах до 1 210 (1 170 в 1942 г.), в средних – до 15 202 (13 072 в 1942 г.). Увеличилось даже число яслей с 19 в 1942 г. до 20 [12. Л. 3]. В протоколах заседаний Томского горисполкома за 1944 г. отмечалось: «В итоге правильного использования преимуществ раздельного обучения увеличилось количество лучших школ. К ним относятся женские средние школы № 1, 2, 5, 6, мужская средняя школа № 8». Горисполком считал, что названные школы отличались организованностью и порядком, хорошим выполнением правил поведения учащихся, развернутой внеклассной работой с детьми и методической работой с учителями» [9. Л. 34].

Следует отметить, что в августе 1943 г. вышло постановление Совнаркома СССР «О повышении заработной платы учителям, завучам, директорам школ», в соответствии с которым оплата труда педагогов увеличилась почти на 50% [8. Л. 15].

Одним из главных решений военного времени стало постановление Совнаркома Советского Союза «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», принятое 21 июля 1944 г. Впервые в истории советской школы этим постановлением вводились обязательные выпускные экзамены по окончании начальной и семилетней школы, экзамены на аттестат зрелости по окончании средней школы. Для награждения тех учеников и учениц, которые, сдавая экзамены на аттестат зрелости, показывали выдающиеся успехи в науках и имели отличное поведение, правительство учредило золотую и серебряную медали [7. Л. 14а].

Кроме того, в 1944/1945 учебном году впервые вводилось обучение детей семилетнего возраста. В 1944 г. таких детей было принято 1 646 чел. Из них 1 534 чел. перешли во второй класс, 37 получили работу на осень по одному предмету, 75 остались на второй год [7. Л. 14в].

Военное время внесло свои коррективы в учебный процесс. Учащиеся и учителя привлекались к оказанию помощи колхозам и совхозам в уборке урожая, активно участвовали в различных общественных кампаниях в помощь фронту. Около 3 000 школьников и учителей приняли участие в уборочных работах на колхозных полях Новосибирской области. Учащиеся собрали 487,5 кг лекарственных трав, большое количество цветного и черного металлолома и 61 869 бутылок. Учителями и учащимися было сдано 17 600 теплых вещей и 31200 руб. на приобретение теплой одежды для бойцов Красной Армии. В помощь детям, эвакуированным из прифронтовой полосы, было собрано 12 218 вещей. В фонд обороны на эскадрилью «Советский Учитель» учителями города было сдано 28 000 руб. [2. Л. 101]. Чаще всего школьники работали на колхозных полях во время каникул, а то и до октября. Только по 28 районам Новосибирской области к сентябрю 1942 г. школьниками было выработано 1,1 млн трудодней [13. С. 235]. Помощь колхозам была крайне необходима, но она не проходила бесследно для учебного процесса.

На протяжении всего военного времени успеваемость школьников оставалась низкой. Абсолютная успеваемость учащихся в 1941/1942 учебном году составила только 88%. Большой процент школьников были оставлены на второй год обучения [14. Л. 3]. В 1943/1944 учебном году абсолютная успеваемость учащихся состави-

ла 87,2%. Невысокими были и качественные показатели. Во второй четверти отличные оценки составили 21,8%, хорошие – 26,4% [9. Л. 34]. В 1944/1945 учебном году из 12 263 учащихся были переведены в следующие классы 9 110 чел., оставлены на второй год 1 705 чел., получили испытание на осень 1 438 чел. [8. Л. 20].

На низкую успеваемость влияли и такие факторы, как изношенность мебели и школьного оборудования, отсутствие необходимого количества учебников [8. Л. 20]. Имевшиеся учебники находились в очень плохом состоянии, хотя в Томске были организованы мастерские по их реставрации. Однако, несмотря на нехватку, учебники можно было свободно приобрести на базаре. Городской отдел народного образования располагал сведениями о том, что имелись случаи их покупки не для учебных целей, а для раскура [8. Л. 33]. Помимо проблемы с учебниками, школы также ощущали нехватку учебно-письменных принадлежностей. Мало сказать, не хватало тетрадей, – их почти не было. Школьники писали на старых газетах, обоях, канцелярских книгах, сшивали тетради из оберточной бумаги, афиш и плакатов [13. С. 233].

Школы Томска постоянно ощущали недостаток топлива. Например, на 22 сентября 1942 г. запасы составили 28% годовой потребности дров и 20% угля, поэтому занятия в пальто, шапках, валенках были обычным явлением. По состоянию на октябрь 1942 г. обеспеченность школ топливом выглядела следующим образом: школы Вокзального района на 100% обеспечены углем и на 83% дровами; Куйбышевского района – на 72% углем и на 49% дровами; Кировского района – на 68% углем и на 74% дровами. Приходилось принимать экстренные меры и исправлять положение. На 30-й сессии Томского горисполкома 16 июня 1944 г. в качестве достижения отмечалось, что в 1943/1944 учебном году школы были обеспечены топливом, срыва занятий по причине низкой температуры в зданиях не было. Исключением оказалась начальная школа № 18, которая потеряла 5 учебных дней из-за отсутствия топлива [8. Л. 19].

В годы войны школы испытывали острую потребность в учительских кадрах. В первый военный учебный год в школах Новосибирской области (включая Томск) не хватало 590 учителей [6. Л. 44]. В 1944/1945 учебном году в средние школы Томска требовалось более 70 учителей. Из 469 учителей только 85 имели оконченное высшее образование, 93 чел. с незаконченным высшим образованием работали в средних школах, в начальных школах трудились учителя с неоконченным средним образованием [7. Л. 38]. Органы народного образования вынуждены были организовывать краткосрочные учительские курсы хотя бы для минимального повышения квалификации педагогов военного времени.

Таким образом, война внесла серьезные изменения в сферу среднего общего образования. Многие школьники были вынуждены прервать обучение в школе по различным причинам. На их плечи легла забота о младших братьях и сестрах, необходимость вести домашнее хозяйство. Школьники старших классов уходили в школы ФЗО и на производство. Это давало возможность получать продовольственные карточки и вносить свой вклад в семейный бюджет, ибо проблема продовольствия и питания была одной из самых острых. Препятствием в посещении школы для многих стало возросшее сиротство, отсутствие одежды и обуви. Все годы войны органы народного образования, учителя школ решали задачу сохранения контингента учащихся общеобразовательной школы, предотвращения безнадзорности детей.

Утрата школами своих зданий, недостаток учебников, отсутствие тетрадей, невозможность обеспечить учебный процесс необходимыми наглядными пособиями, изношенность мебели и школьного оборудования стали главными характеристиками материально-технического положения школ в годы войны.

В военный период был существенно ослаблен педагогический состав школ. Многие учителя ушли на фронт, другие были привлечены к работе не по специальности. Возможности пополнения школ выпускниками вузов были весьма ограниченными. Все эти обстоятельства отразились на качестве образования. Школы Томска, как и всей страны, сохранили в основном контингент учащихся, организационную структуру, традиции обучения, что в дальнейшем открывало путь к развитию и повышению качества образования.

Список источников

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 820.
2. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 813.
3. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 885.
4. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 865.
5. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 839.
6. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 788.
7. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 882.
8. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 858.
9. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 863.
10. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 856.
11. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 860.
12. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 794.
13. Подвиг земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1970. 363 с.
14. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 808.

References

1. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 820.
2. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 813.

3. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 885.
4. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 865.
5. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 839.
6. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 788.
7. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 882.
8. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 858.
9. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 863.
10. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 856.
11. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 860.
12. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 794.
13. Akulov, M.R. (1970) *Podvig zemli bogatyrskoy: Sibir v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Feat of the Heroic Land (Siberia in the Years of the Great Patriotic War)]. Moscow: Mysl'.
14. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-430. List 1. File 808.

***Сведения об авторах*:**
Шевляков Александр Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

Горбунова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры философии и истории общеобразовательного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: olqga375@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Alexander S. Shevlyakov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

Olga A. Gorbunova – Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of Philosophy and History of the General Education Faculty of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olqga375@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 09.12.2021; accepted for publication 21.03.2023

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 324, 329.058
doi: 10.17223/19988613/82/17

Влияние экологического фактора на трансформацию основных политических партий Германии

Алена Денисовна Лисенкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, alena.denisovna@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается влияние экологического фактора на политическую борьбу в Германии. К выборам 2021 г. произошла экологическая переориентация основных партий с акцентом на изменение климата. Автор приходит к выводу о зависимости популярности партий от этого и иных факторов, таких как репутация лидеров или исторически сформировавшиеся предпочтения граждан. Прежде всего это отразилось на рейтинге наиболее экологически ориентированного «Союза 90 / Зеленые».
Ключевые слова: политическая партия, выборы, окружающая среда, климат, «Союз 90 / Зеленые»

Для цитирования: Лисенкова А.Д. Влияние экологического фактора на трансформацию основных политических партий Германии // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 142–150. doi: 10.17223/19988613/82/17

Original article

The influence of the environmental factor on the transformation of the main political parties in Germany

Alena D. Lisenkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, alena.denisovna@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the influence of the ever-increasing importance of measures to protect the environment and combat climate change in the political course of the European Union and Germany on the transformation of the main German national political parties (the Christian Democratic Union of Germany and the Christian Social Union in Bavaria, the Social Democratic Party, the Alliance 90/The Greens, the Free Democratic Party, the Alternative for Germany and the Left). According to the opinion polls in Germany, the environmental issues (the protection of the environment, the fight against climate change, and the energy turnaround) before the 2021 Bundestag elections were causing citizens' concern even more than the coronavirus pandemic. A similar environmental trend was observed before the 2019 European elections when climate change also came to the fore. As a result, the significant growth of the Alliance 90/The Greens in 2019 triggered the other German parties to think of the substantial environmental transformation of their political courses. The reason for it was the need both to preserve the current political influence in parliaments and to expand it further. This article aims to characterize the environmental evolution of the discourses, priorities, and influences of the main parties in Germany. For this aim, the author used the programmes and manifestos of the parties, opinion polls, statistics of election results, speeches of party leaders, etc. Based on the result of the research, the author concludes a significant shift in priorities and deepening of the environmental agenda of all the mentioned parties with an emphasis on climate change. It is also possible to trace that the competition on the proposed climate change targets reaches populist trends in some cases (e.g., in the cases of the Alternative for Germany and the Left). However, the opinion polls and other statistics show that the popularity of parties depends not only on the most important political topics such as the protection of the environment and the fight against climate change (i.e., the environmental factor) but also on other factors, where the reputation of party leaders, as well as historically formed traditional preferences of citizens, are crucial. In particular, it was reflected in the downgrade of the Alliance 90/The

© А.Д. Лисенкова, 2023

Greens, which reached the highest popularity in the 2021 spring. The party achieved record results in the Bundestag elections in September of 2021, but it could not claim the victory.
Keywords: political party, elections, environment, climate, the Alliance 90/The Greens

For citation: Lisenkova, A.D. (2023) The influence of the environmental factor on the transformation of the main political parties in Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 142–150. doi: 10.17223/19988613/82/17

Введение

Совокупность экологических вопросов, касающихся окружающей среды, климата и «энергетического поворота», уже долгое время находится в числе ключевых политических тем в Германии. Согласно опросам Statista, после продолжительного и достаточно стабильного наращивания своих позиций именно экологический комплекс вопросов вышел на первое место по популярности в стране незадолго до выборов в Европейский парламент в 2019 г. [1]. Наметившийся на тот момент во всем Европейском союзе тренд подтолкнул даже к нарицательному названию «климатические выборы» [2. S. 374]. Среди прочего приоритет климатического вектора объяснили отчеты Евробарометра за 2019 г., иллюстрирующие разницу в озабоченности граждан Германии как европейского лидера отдельно вопросами окружающей среды, энергетики и климата, где особое предпочтение отдавалось именно последнему. Так, в списке проблем, с которыми сталкивается ЕС, климат уступал только иммиграции. Для сравнения, окружающая среда заняла четвертое место, а энергетические поставки как единственный касающийся энергетики пункт даже не попали в десятку [3. P. 14].

В период с мая 2019 по сентябрь 2021 г. в Германии только два других направления смогли составить конкуренцию совокупности экологических вопросов в борьбе за внимание граждан. Сюда можно отнести ряд непродолжительных всплесков популярности комплекса миграционных проблем (прежде всего, в марте и сентябре 2020 г.), связанных в том числе с европейским Новым пактом по миграции и предоставлению убежища. Гораздо большую озабоченность вызвала коронавирусная инфекция (COVID-19), но уже с марта 2021 г. происходило стабильное снижение и ее показателей. Тогда как окружающая среда, климат и «энергетический поворот» начали новый рост еще годом ранее, выйдя на единоличное первое место к сентябрю 2021 г. Данное событие произошло аналогично накануне выборов, проводимых на этот раз в Бундестаг [1].

Подобная популярность вполне объяснима. Если в 2009 г. на конференции в Копенгагене в намерении создать юридически обязательный международный документ Европейский союз постигла неудача [4. P. 309], то в сочетании с подписанием и вступлением в силу знаменательного и самого по себе Парижского соглашения начался ряд других громких политических преобразований и инициатив (например, адаптация Рамочной стратегии по климату и энергетике до 2030 г., появление европейской «Зеленой сделки» и др.) [5. P. 26, 32]. Европейские амбиции сопровождаются регулярными заявлениями первых лиц союза, например Президента Европейской комиссии У. фон дер Ляйен в 2021 г. на Саммите партнёрства ради зеленого развития и глобальных целей до 2030 года (P4G): «Европа готова брать на себя лидирующую роль, а также поделиться нашими идеями и стратегиями по борьбе с изменением климата» [6]. Подобные высказывания подкрепляются аргументацией в виде достаточно конкретных целей ЕС, таких, например, как достижение «климатической нейтральности» к 2050 г. [6]. Стоит подчеркнуть, что на национальном уровне в Германии в том же году была принята поправка к Закону о защите климата, в соответствии с которой федеральное правительство стремится достичь аналогичной цели уже к 2045 г., в том числе при помощи использования отрицательных выбросов [7. S. 1].

Одним из ключевых следствий подобной ценностной ориентации граждан является трансформация политических партий Германии под влиянием экологического фактора, под которым здесь и далее стоит понимать влияние значимости мер по защите окружающей среды и борьбе с изменением климата. Данная трансформация включает в себя эволюцию дискурса, приоритетов и влияния основных национальных партий Германии, в число которых входят блок «Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз» (ХДС / ХСС), Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), «Союз 90 / Зеленые» («зеленые»), Свободная демократическая партия (СвДП) Германии, «Альтернатива для Германии» (АдГ) и «Левая» партия. Именно партии наиболее заинтересованы в адаптации под существующие предпочтения граждан ввиду зависимости от голосов последних на каждых очередных выборах.

Характеризуя данные изменения, автор прибегает к сравнительному и дискурс-анализу риторики партий и их лидеров перед выборами в Европейский парламент в 2019 г. и Бундестаг в 2021 г., а в ряде случаев – в Бундестаг в 2017 г. Для этого используются программы и манифесты партий, а также выступления первых партийных лиц (например, О. Шольца от СДПГ, А. Лашета от ХДС и др.). Дополнительно анализируются статистические данные Евробарометра, Infratest Dimap и Statista, что необходимо для определения партийных и тематических приоритетов граждан на разных исторических этапах, а также выявления их корреляции с результатами выборов в 2019 и 2021 гг. Данные источники также имеют существенное значение для оценки места иных факторов (в том числе роли партийных лидеров и исторической преемственности), оказавших влияние на итоги кампании 2021 г. Кроме того, текст обращается к работам авторов, разработавших концепцию выборов «второго порядка» (К. Райф и Г. Шмитт), а также исследовавших экологическую и

энергетическую политику Германии (Т. Шёб, П. Маркевиц и др.), национальные политические партии страны (например, В. Рюдиг, Х. Гиблер и др.) и других членов ЕС (например, Л. Каррьери, Д. Виттори и др.).

Эволюция повестки основных политических партий Германии под влиянием экологического фактора

Первым и очевидным следствием из представленного выше экологического подъема стали результаты в 2019 г. «Союза 90 / Зеленые», который не только практически удвоил свои предыдущие показатели (с 10,7 до 20,5%), но и побил ранее установленный шведский рекорд (17,9%) среди европейских национальных «зеленых» партий, полученный еще в 1995 г. [8. P. 337]. По данным Infratest Dimap, в 2019 г. климатическое и остальные направления экологической политики оказали влияние на принятие решения при голосовании сразу для 48% граждан [9], а 56% посчитали, что наиболее привлекательный экологический курс именно у «Союза 90 / Зеленые» [10]. «Зеленые» смогли даже занять второе место, потеснив СДПГ. Это означает, что впервые в истории проводимых с 1979 г. прямых выборов в Европейский парламент какая-либо еще политическая сила в Германии, кроме христианских демократов и социал-демократов, смогла подняться выше третьего места [11]. Даже опираясь на концепцию выборов «второго порядка» К. Райфа и Г. Шмитта, в соответствии с которой европейские выборы менее значимы и предполагают более высокие шансы для «малых» партий, а также низкую явку, зависимость выбора граждан от национальных проблем и от внутригосударственных циклов, можно определить, что данная ситуация позволила «Союзу 90 / Зеленые» выйти на новый этап своего эволюционного развития и приобрести больший политический вес [12. P. 9–10].

Подобный расклад вынудил христианских демократов и социал-демократов согласиться с недостаточностью своего внимания к климатическому вопросу [13]. Как ХДС / ХСС (28,9 вместо 35,3%), так и СДПГ (15,8 вместо 27,3%) ухудшили свои позиции в сравнении с 2014 г.[11, 14]. Логичным следствием стало формулирование к 2021 г. СДПГ четырех миссий будущего, куда вошли борьба с изменением климата, будущее мобильности, цифровизация и система здравоохранения. Именно климатическая миссия идет под первым номером, что отдельно подчеркивается в предвыборной программе партии [15. S. 8]. А. Лашет от ХДС / ХСС представил шесть приоритетных пакетов: семейный, безопасности, ускорения (процедур утверждения чего бы то ни было), защиты климата, помощи (в виде выплат и надбавок), а также пакет для малого и среднего бизнеса [16]. Это сопровождалось и лозунгом ХДС / ХСС о том, чтобы «сделать Германию страной № 1 по производству водорода», так как «важные производственные процессы, например в сталелитейной и цементной промышленности, можно сделать “климатически нейтральными” только с помощью [углеродно-нейтрального] водорода» [17. S. 44]. К другим затронутым обеими партиями экологическим темам можно отнести переработку отходов, защиту животных, лесов и биоразнообразия, развитие более экологичного железнодорожного транспорта. Не обошлось и без разногласий. Например, ХДС / ХСС выступил против запрета на ограничение скорости в пользу более современного управления трафиком, тогда как СДПГ настаивала на ограничении в 130 км/ч на автомагистралях, что среди прочего предполагает экономию топлива и сокращение выбросов [18]. При этом роль СДПГ на протяжении многих лет как менее влиятельного партнера по «Большой коалиции» заставляет задуматься о недостаточно раскрытом экологическом потенциале партии, находящейся под влиянием христианских демократов. К этому подводят и более левые взгляды социал-демократов (в том числе на европейском уровне).

Но не только СДПГ, ХДС / ХСС тоже зависим от своей предыдущей политики в «Большой коалиции». В частности, пока ряд других партий мог себе позволить соревноваться по будущим целевым показателям (прежде всего по проценту сокращения выбросов парниковых газов или дате достижения «климатической нейтральности»), христианские демократы и социал-демократы оставались при своем. В их оправдание можно привести аргумент, касающийся принятой также в 2021 г. поправки к Закону о защите климата, определяющей новые амбициозные цели [7. S. 1]. Правда, это не помешало О. Шольцу и А. Лашету на дебатах кандидатов в канцлеры перейти к взаимным обвинениям в блокировании важных решений по климату [19]. При этом в сравнении с 2017 и 2019 гг. в своих программах 2021 г. обе партии действительно увеличили внимание к вопросам защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата с ожидаемым акцентом на последнем. В частности, ХДС / ХСС было отмечено: «Мы хотим, чтобы Германия как ведущая и современная промышленно развитая страна в мире внесла здесь [в борьбе с глобальным потеплением] всеобъемлющий вклад в рамках международного сообщества» [17. S. 15].

Другие национальные партии по-разному отнеслись к опыту, полученному в мае 2019 г. Например, крайне правая «Альтернатива для Германии» решила продолжить антагонистический к климатической повестке курс. Аналогично противодействию евро и миграции партия предпочла добавить в перечень ключевых тем и изменение климата. АдГ аргументирует свое решение научной недоказанностью антропогенного влияния на изменение климата. Как следствие, партия продолжает считать нецелесообразными участие в различных климатических международных соглашениях и организациях, отказ от угля и атома и др. Через подобное возвышение климата над другими вопросами раскрываются и другие экологические направления, что наиболее наглядно иллюстрирует запущенная программа «Остановить “Зеленых” – спасти окружающую среду!», в которой подчеркивается вред от проводимых климатических действий (например, угроза от использования ветряных турбин для насекомых, птиц и летучих мышей) [20. С. 49–50].

Куда более амбициозные положения транслирует противоположный фланг. Несмотря на некоторую до-

лю евроскептицизма, свойственную крайне левым партиям [21. P. 7], раскрываемые ими социалистические идеи за последние десятилетия все более наполняются феминистическими и экологическими настроениями, что позволяет говорить о некотором «эко-социализме» «Левой» партии Германии [22. P. 498]. В 2021 г. ее члены даже дали название своей программе «Время действовать. За социальную безопасность, мир и климатическую справедливость!». Интерпретация «левых» несколько уникальна в сравнении с другими партиями страны. Определяется, что «изменение климата неизменно и ускоренно указывает на связь капиталистической экономической системы с потреблением ресурсов и выбросами загрязнителей, с устойчивым потеплением мирового климата, с неизлечимой угрозой биоразнообразию и всей биосфере, что может поставить под угрозу жизнь на Земле даже в краткосрочной перспективе» [23. S. 7]. В качестве альтернативы капитализму партия предлагает «экологический и демократический социализм» [23. S. 9].

Подобная риторика предполагает попытку сохранения своих традиционных идеологических приоритетов, которые корректируются и впоследствии углубляются с учетом популярных в Европейском союзе и Германии трендов. В частности, только «Левая» партия предложила в 2021 г. более амбициозные климатические цели, чем «Союз 90 / Зеленые», а именно, сокращение выбросов парниковых газов на 80% к 2030 г. против 70% от «зеленых» [24].

Взгляды Свободной демократической партии Германии по некоторым аспектам схожи с АдГ, прежде всего в вопросах отказа от угля и атома. Однако определяющим экологическое видение фактором здесь является экономическая ориентация партии, заключающаяся в нацеленности на социальную рыночную экономику. Прежде всего это объясняет приоритет Системы торговли выбросами над другими климатическими инструментами, в том числе из-за их дороговизны. Предполагается, что данная Система сама по себе вынудит сокращать выбросы, так как предприятия будут заинтересованы в перспективе не покупать сертификаты и потому сокращать выбросы.

В случае СвДП климат аналогично превалирует над другими экологическими направлениями. Кроме того, в 2020 г. борьба с изменением климата, а также защита природы и биоразнообразия были включены в перечень основных социально-политических проблем, по мнению либерал-демократов. Кроме того, партия призывает к экономике замкнутого цикла, увеличению лесных территорий и др. [25; 26. S. 45]. При этом СвДП стала единственной из шести партий, хоть и признавшей рукотворность изменения климата, но предпочетшей сохранить 2050 год как срок достижения «климатической нейтральности» [26. S. 45]. В целом, благодаря широкому вниманию населения к этому показателю, а также к проценту сокращения парниковых газов, партии стали все более активно включать их в свои программы. В результате началось своего рода соревнование, где ставки в погоне за голосами избирателей могут доходить до популистских крайностей.

Влияние экологического фактора на результаты выборов 2021 г.

Полученный в 2019 г. прогресс «Союза 90 / Зеленые», а также новый подъем экологических настроений заставил весной 2021 г. впервые всерьез задуматься о шансах партии на победу на выборах в Бундестаг. Согласно опросу Statista за 19–20 апреля, «Союз 90 / Зеленые» занял бы первое место с 28% голосов. В свою очередь, блок ХДС / ХСС получил бы только 21%, СДПГ – 13%, СвДП – 12%, АдГ – 11%, а «Левая» партия только 7% [27]. Это означало и шанс на получение места канцлера, кандидатом на которое была выдвинута сопредседатель партии с 2018 г. и депутат Бундестага двух последних созывов А. Бербок [28].

Перед выборами в Бундестаг в 2021 г. на земельном уровне парламенты избирались только в трех федеральных землях: Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц и Саксонии-Анхальт. Радикальной смены лидерства не произошло ни в одном из трех случаев, однако только «зеленым» из прошедших в парламенты партий удалось упрочить свои позиции сразу во всех трех землях. Победителем партия по-прежнему осталась только в Баден-Вюртемберге [29. S. 23, 78, 90].

В конечном итоге на федеральном уровне партия стала только третьей, хотя ей и удалось существенно улучшить свои результаты в сравнении с 2017 г., получив на 53 места больше. Также упрочнили свои позиции победитель в лице СДПГ (+ 53 места) и ставшая четвертой СвДП (+ 12 мест). Тогда как потеряли места ставший вторым блок ХДС / ХСС (– 49 мест), пятой АдГ (– 11 мест) и шестой «Левая» (– 30 мест) [30].

Повторения европейского успеха у «Союза 90 / Зеленые» не случилось. Прежде всего другие партии преимущественно учли опыт 2019 г. Несмотря на разницу интерпретаций, каждая из них включила изменение климата в список ключевых тем. В то же время ассоциативно «зеленые» все еще остаются основной экологической силой, а популярность вопросов защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата позволила им добиться наилучшего в своей истории результата на национальном уровне. Согласно опросам Infratest dimap, сразу 82% их избирателей голосовали за «зеленых» из-за таких тем, как окружающая среда и климат. Это наивысший показатель среди шести партий. На втором месте ожидаемо расположилась «Левая» партия с 32%, хотя приоритетной темой ее избирателей с 39% стала социальная безопасность [31]. Однако климатический популизм «левых» несильно увеличил потенциал их непривлекательной в целом для избирателей Германии крайне левой партийной повестки, в том числе из-за наличия на том же фланге более еврооптимистичного «Союза 90 / Зеленые».

Замкнула тройку СДПГ, победитель выборов, с 18%. Приоритетами ее избирателей стали социальная безопасность (44%), а также экономика и труд (20%) [31]. Безусловно, больший экологический потенциал СДПГ в сравнении с ХДС / ХСС можно оценивать как благоприятствующий фактор. У последнего показатель только 8%, уступая экономике и труду (43%), соци-

альной безопасности (21%), а также Европе и международной политике (9%) [31].

В свою очередь, социально-рыночный экономический подход СвДП, в том числе к проблеме изменения климата, встретил более положительный отклик в сравнении с ХДС / ХСС, несмотря на меньшую прогрессивность партии, чем у ее оппонентов, и менее быстрые темпы экологической трансформации. В результате у СвДП окружающая среда и климат получили 11%, уступив экономике и труду (34%), налогам и финансам (20%), а также социальной безопасности (19%) [31].

Обратное влияние экологический фактор оказал на результаты АдГ. Наиболее критично настроенная к климатической политике партия потеряла часть своих мест, так как ее экологическая риторика не была встречена позитивно. Только 2% избирателей партии голосовали, руководствуясь ею [32].

Основные неэкологические факторы, повлиявшие на трансформацию партий Германии

Нельзя отрицать, что в 2019 г. успех «зеленых» был также тесно связан с проблемами традиционных партий-лидеров в лице ХДС / ХСС и СДПГ, а также с заработанной социально-экономической привлекательностью для центристских избирателей, в том числе через демонстрацию внутрипартийного единства в отличие от других партий [33. S. 151]. В 2021 г. помимо экологического также можно определить ряд других ключевых факторов, оказавших влияние на результаты кампании для всех шести основных партий.

Роль партийных лидеров. Не последний вклад в результаты «Союза 90 / Зеленые» внесла А. Бербок как лидер, оказавшись в центре ряда скандалов. В частности, оказалось, что политик утаила часть доходов в период с 2018 по 2020 г. [34], подверглась обвинениям в использовании неправомерных заимствований в своей книге «Сейчас. Как мы обновляем свою страну» [35], употребила слово «ниггер» в собственном же монологе, критикующем расизм и антисемитизм, в интервью Tachles Arena – Zentralrat der Juden [36]. В расистских высказываниях ранее был замечен и Борис Палмер, мэр Тюбингена, также член «Союза 90 / Зеленые» [37]. К другим претензиям избирателей в адрес А. Бербок можно отнести желание отменить авиарейсы на близкие расстояния, повысить цены на бензин и др. [35]. Их дополнил ряд фейков, как, например, публикация обнаженных фотографий якобы А. Бербок, а также информация о ее намерении запретить домашних животных и шашлыки [38].

Согласно рейтингу политиков Forsa за август 2021 г., наиболее популярным среди политиков Германии из кандидатов на пост канцлера стал О. Шольц от СДПГ (3-е место), тогда как А. Бербок стала 5-й, а А. Лашет от ХДС / ХСС 11-м. Его обогнал даже лидер СвДП К. Линднер (7-е место) [39]. Непопулярность А. Лашета (ХДС) связывается с большим желанием граждан видеть на этой позиции М. Зёдера (ХСС) [40]. Кроме того, политик критиковался за неуместный смех на пресс-конференции по наводнению, а также его политику по борьбе с COVID-19 в земле Северный Рейн-Вестфалия [41]. В свою очередь, О. Шольц не допускал схожих ошибок при посещении затопленных районов [40], а также, будучи ответственным за выделение средств кризисным фондам в период пандемии, заработал себе дополнительную популярность. Авторитет кандидата от СДПГ значительно компенсировал общий недостаточно высокий рейтинг партии [42]. С другой стороны, согласно опросу Infratest dimap, определяющей темой при голосовании была именно социальная безопасность (28%), которая также отмечена приоритетной причиной выбора СДПГ сразу у 44% (первое место) ее избирателей. Это наиболее высокий показатель среди партий [31].

Историческая преемственность. Все еще высокие позиции ХДС / ХСС и СДПГ также обусловлены исторической преемственностью, заключающейся в многолетнем периоде правления «Большой коалиции» во главе с А. Меркель. С другой стороны, уход самой А. Меркель, естественная усталость от долгосрочного «черно-красного» управления и ряда неудачных политических решений (например, в миграционной политике или недооценке ситуации в Афганистане) [40], а также ряд коррупционных скандалов оказали отталкивающее воздействие на часть избирателей [43]. СДПГ, в свою очередь, еще в 2019 г. критиковалась политологом О. Бёнке из Rasmussen Global за переориентацию с классической социалистической рабочей партии на бизнес-интересы среднего класса, что гораздо меньше коррелирует с идеями социальной справедливости [44]. Подобные тенденции также стали поводом для поиска альтернатив, при этом двумя наименее радикальными и популистскими, а также достаточно стабильными вариантами показались «Союз 90 / Зеленые» и СвДП, чей рост был отмечен еще в 2019 г., сопровождаемый совокупным ростом их европейских аффилиаций, Европейской партии зеленых и Альянса либералов и демократов за Европу, чего нельзя сказать о «Европейских левых» [45]. Тематическая переориентация «Левой» партии не получает достаточной поддержки в западных землях, зато отталкивает традиционных восточногерманских избирателей [46]. В свою очередь, «Альтернатива для Германии» столкнулась со снижением внимания к ее ключевой миграционной повестке ввиду определенных ограничений на перемещения из-за пандемии коронавирусной инфекции [47]. И если ранее граждане, разочаровывающиеся в христианских демократах и социал-демократах, переключались на «зеленых» и АдГ, то в 2021 г. место последней заняла СвДП, в том числе из-за экономических последствий COVID-19.

Заключение

Если в 2019 г. основные политические партии Германии уделили недостаточно внимания экологическим проблемам в целом и изменению климата как наиболее популярному из них в частности, то к 2021 г. они постарались заметнее трансформировать свои курсы и транслируемый экологический дискурс для сохранения и дальнейшего улучшения своих позиций. В 2021 г. уже все шесть партий включили изменение климата

в число своих ключевых приоритетов, а внимание к экологии в целом было существенно увеличено. Ожидаемым следствием стали и популистские методы привлечения внимания граждан, развивавшиеся и ранее, но достигшие своего пика именно после кампании 2019 г. Они заключались как в попытке максимально демонстративно отрицать изменение климата в случае «Альтернативы для Германии», так и, наоборот, предлагать целевые показатели, превышающие даже «зеленые» амбиции в случае «Левой» партии.

По результатам выборов наиболее экологичный «Союз 90 / Зеленые» все равно существенно преумножил свое парламентское присутствие, однако остальные партии предприняли значительные усилия для пресечения дальнейшего роста партии, чья центральная политическая тема оказалась самой популярной в стране. После успеха на выборах в Европейский парламент, где партия впервые в истории заняла второе место, она имела шансы одержать победу на выборах 2021 г. Тем не менее «Союз 90 / Зеленые» занял только третье место. Несмотря на то, что центральная тема «зеленых» была самой популярной накануне выборов, здесь влияние оказали как экологическая трансформация остальных пяти партий, так и ошибки А. Бербок как кандидата на пост канцлера, а также исторически сформировавшиеся партийные предпочтения граждан.

Список источников

1. Was ist Ihrer Meinung nach gegenwärtig das wichtigste Problem in Deutschland? // Statista. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1062780/umfrage/umfrage-zu-den-wichtigsten-problemen-in-deutschland/ (accessed: 08.11.2021).
2. Albrecht J. Das Klimaschutzgesetz des Bundes – Hintergrund, Regelungsstruktur und wesentliche Inhalte // Natur und Recht. 2020. № 42. S. 370–378.
3. Special Eurobarometer 486 “Europeans in 2019” // European Commission. URL: https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=70222 (accessed: 08.11.2021).
4. Groen L., Niemann A. The European Union at the Copenhagen climate negotiations: A case of contested EU actorness and effectiveness // International Relations. 2013. Vol. 27, № 3. P. 308–324.
5. Skjærseth J.B. Towards a European Green Deal: The evolution of EU climate and energy policy mixes // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2021. Vol. 21, № 1. P. 25–41.
6. Europe “ready” to take leadership in addressing climate change: von der Leyen // Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-06/01/c_139981481.htm (accessed: 08.11.2021).
7. Schöb T., Markewitz P., Kotzur L., Stolten D. Die Notwendigkeit negativer Emissionen für ein treibhausgasneutrales Deutschland – eine modellgestützte Analyse // IEWT 2021. 2021. S. 1–7. URL: https://juser.fz-juelich.de/record/905110/files/Sch%C3%B6b_Thomas_Kurzfassung%20Vortrag%20zum%20V%C3%96-Antrag.pdf (accessed: 08.11.2021).
8. Pearson M., Rüdig W. The Greens in the 2019 European elections // Environmental Politics. 2020. Vol. 29, № 2. P. 336–343.
9. Deutschland. Europawahl 2019 // Tagesschau. URL: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2019-05-26-EP-DE/umfrage-wahlentscheidend.shtml (accessed: 08.11.2021).
10. Wer wählte die Grünen – und warum? Welches Image hat die Partei? // Tagesschau. URL: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2019-05-26-EP-DE/umfrage-gruene.shtml (accessed: 08.11.2021).
11. Results by national party: 2019–2024. Germany – Official results // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/national-results/germany/2019-2024/ (accessed: 08.11.2021).
12. Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections: A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results // European Journal of Political Research. 1980. Vol. 8, № 1. P. 3–44.
13. Ригерт Б., Коваль И. Главное о результатах выборов в Европарламент // Deutsche Welle. URL: https://p.dw.com/p/3J9Hp (дата обращения: 08.11.2021).
14. Results by national party: 2014–2019. Germany – Official results // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/national-results/germany/2014-2019/constitutive-session/ (accessed: 08.11.2021).
15. Aus Respekt vor Deiner Zukunft // SPD. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf (accessed: 08.11.2021).
16. Sechs Pakete für den Neustart nach der Krise // Christlich Demokratische Union Deutschlands. URL: https://web.archive.org/web/20210926152449mp_/https://www.cdu.de/artikel/sechs-pakete-fuer-den-neustart-nach-der-krise (accessed: 08.11.2021).
17. Das Programm für Stabilität und Erneuerung // CDU / CSU. URL: https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf (accessed: 08.11.2021).
18. Klima, Umwelt und Verkehr // Landeszentrale für politische Bildung Baden-Württemberg. URL: https://www.bundestagswahl-bw.de/wahlthema-klima-umwelt#c69415 (accessed: 08.11.2021).
19. So lief das zweite TV-Triell zwischen Baerbock, Laschet und Scholz // SPIEGEL Politik. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-armin-laschet-und-olaf-scholz-so-lief-das-tv-triell-auf-ard-und-zdf-a-6a5fea84-cb1e-410a-9720-2a99e464a351 (accessed: 08.11.2021).
20. Лисенкова А.Д. Трансформация климатической повестки праворадикальных партий Европейского парламента // Вестник ученых-международников. 2021. Т. 2, № 16. С. 46–56.
21. Carrieri L., Vittori D. Defying Europe? The Euroscepticism of radical right and radical left voters in Western Europe // Journal of European Integration. 2021. Vol. 43 (3). P. 1–17.
22. Wang C., Keith D. The greening of European radical left parties: red and green politics // Journal of Contemporary European Studies. 2020. Vol. 28, № 4. P. 494–513.
23. Zeit zu handeln! Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit // Die Linke. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2021/Wahlprogramm/DIE_LINKE_Wahlprogramm_zur_Bundestagswahl_2021.pdf (accessed: 08.11.2021).
24. Wie die Parteien das Klima schützen wollen // Tagesschau. URL: https://www.tagesschau.de/inland/btw21/programmvergleich-klimaschutz-107.html (accessed: 08.11.2021).
25. Beschluss des Bundesvorstands der FDP, Berlin, 18. Mai 2020 // FDP. URL: https://www.fdp.de/sites/default/files/import/2020-05/8614-2020-05-18-buvo-freiheit-und-verantwortung-fur-die-zukunft.pdf (accessed: 08.11.2021).
26. Nie gab es mehr zu tun // FDP. URL: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-08/FDP_BTW2021_Wahlprogramm_1.pdf (accessed: 08.11.2021).
27. Welche Partei würden Sie wählen, wenn am Sonntag (25. April 2021) Bundestagswahl wäre? // Statista. URL: https://web.archive.org/web/20210427063608/https://de.statista.com/statistik/daten/studie/953/umfrage/aktuelle-parteipraeferenz-bei-bundestagswahl (accessed: 08.11.2021).
28. Annalena Baerbock // Bündnis 90 / Die Grünen. URL: https://www.gruene.de/leute/annalena-baerbock (accessed: 08.11.2021).
29. Ergebnisse früherer Landtagswahlen // Der Bundeswahlleiter. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/a333e523-0717-42ad-a772-d5ad7e7e97cc/ltw_erg_gesamt.pdf (accessed: 08.11.2021).

30. Bundestagswahl 2021 // Der Bundeswahlleiter. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html (accessed: 08.11.2021).
31. Welche Themen entschieden die Wahl? // Tagesschau. URL: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2021-09-26-BT-DE/umfrage-wahlentscheidend.shtml (accessed: 08.11.2021).
32. Bundestagswahl 2021. Ergebnis // Tagesschau. URL: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2021-09-26-BT-DE/ (accessed: 08.11.2021).
33. Giebler H. Germany: Second order but still groundbreaking? // The European Parliament Elections of 2019 / ed. by L. De Sio, M.N. Franklin, L. Russo. Rome : Luiss University Press, 2019. P. 147–153.
34. Кандидат в канцлеры ФРГ от «Зеленых» признала ошибку в декларации о доходах // ИА Красная Весна. URL: https://rossaprimavera.ru/news/d8272fc1 (дата обращения: 08.11.2021).
35. Турау Й., Польская К. Почему кандидат в канцлеры ФРГ Анналена Бербок попала под шквал критики? // Deutsche Welle. URL: https://p.dw.com/p/3vxOr (дата обращения: 08.11.2021).
36. Gepflegte Feindbilder // Die Tageszeitung. URL: https://taz.de/Shitstorm-gegen-Baerbock-wegen-N-Wort/!5785785/ (accessed: 08.11.2021).
37. Oltermann P. German Greens vote to expel city mayor over online racial slur // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2021/may/10/boris-palmer-german-greens-vote-expel-city-mayor-online-racial-slur (accessed: 08.11.2021).
38. Svenska Dagbladet (Швеция): откровенные фотографии и российское влияние на немецкую предвыборную кампанию // ИноСМИ.Ru. URL: https://inosmi.ru/politic/20210526/249803159.html (дата обращения: 08.11.2021).
39. Politiker-Ranking | Scholz gewinnt – Laschet größter Verlierer // Presse Augsburg. URL: https://presse-augsburg.de/politiker-ranking-scholz-gewinnt-laschet-groesster-verlierer/745557/ (accessed: 08.11.2021).
40. Вишнякова В. Битва личностей: как действия кандидатов в канцлеры влияют на парламентские выборы в ФРГ // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-lichnostey-kak-deystviya-kandidatov-v-kantslery-vliyayut-na-parlamentskie-vybory-v-frg/ (дата обращения: 08.11.2021).
41. Germany election: SPD overtakes Merkel's CDU in polls for first time in 15 years // Euronews. URL: https://www.euronews.com/2021/08/24/germany-election-spd-overtakes-merkel-s-cdu-in-polls-for-first-time-in-15-years (accessed: 08.11.2021).
42. Забродина Е. Олаф Шольц вырвался вперед в гонке кандидатов в канцлеры Германии // Российская Газета. URL: https://rg.ru/2021/08/08/olaf-sholc-vyrvalsia-vpered-v-gonke-kandidatov-v-kanclery-germanii.html (дата обращения: 08.11.2021).
43. Вендик Ю. Анналена Бербок выдвинута немецкими зелеными кандидатом в канцлеры. Она вполне может им стать // BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/news-56806704 (дата обращения: 16.05.2021).
44. The surprising success of Germany's Green party // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/en/the-surprising-success-of-germanys-green-party/a-45864675 (accessed: 08.11.2021).
45. European Union // Parties and Elections in Europe. URL: http://www.parties-and-elections.eu/eu.html (accessed: 08.11.2021).
46. Никифоров О. Левые в Германии теряют идентичность и избирателей // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2021-06-10/3_8171_kartblansh.html (дата обращения: 08.11.2021).
47. Migration 2020: strong decline in registered arrivals and departures // Destatis. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2021/06/PE21_306_12411.html;jsessionid=3F22D65159B9F2623051E87EA7FA85F3.live741 (accessed: 08.11.2021).

References

1. Statista. (2021) *Was ist Ihrer Meinung nach gegenwärtig das wichtigste Problem in Deutschland?* [Online] Available from: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1062780/umfrage/umfrage-zu-den-wichtigsten-problemen-in-deutschland/ (Accessed: 8th November 2021).
2. Albrecht, J. (2020) Das Klimaschutzgesetz des Bundes – Hintergrund, Regelungsstruktur und wesentliche Inhalte. *Natur und Recht*. 42. pp. 370–378. DOI: 10.1007/s10357-020-3692-3
3. European Commission. (2019) *Special Eurobarometer 486 "Europeans in 2019."* [Online] Available from: https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=70222 (Accessed: 8th November 2021).
4. Groen, L. & Niemann, A. (2013) The European Union at the Copenhagen climate negotiations: A case of contested EU actorness and effectiveness. *International Relations*. 27(3). pp. 308–324. DOI: 10.1177/0047117813497302
5. Skjærseth, J.B. (2021) Towards a European Green Deal: The evolution of EU climate and energy policy mixes. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. 21(1). pp. 25–41. DOI: 10.1007/s10784-021-09529-4
6. Xinhuanet. (2021) *Europe "ready" to take leadership in addressing climate change: von der Leyen.* [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/english/2021-06/01/c_139981481.htm (Accessed: 8th November 2021).
7. Schöb, T., Markewitz, P., Kotzur, L. & Stolten, D. (2021) Die Notwendigkeit negativer Emissionen für ein treibhausgasneutrales Deutschland – eine modellgestützte Analyse. *IEWT 2021*. pp. 1–7.
8. Pearson, M. & Rüdig, W. (2020) The Greens in the 2019 European elections. *Environmental Politics*. 29(2). pp. 336–343. DOI: 10.1080/09644016.2019.1709252
9. Tagesschau. (2019) *Deutschland. Europawahl 2019*. [Online] Available from: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2019-05-26-EP-DE/umfrage-wahlentscheidend.shtml (Accessed: 8th November 2021).
10. Tagesschau. (2019) *Wer wählte die Grünen – und warum? Welches Image hat die Partei?* [Online] Available from: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2019-05-26-EP-DE/umfrage-gruene.shtml (Accessed: 8th November 2021).
11. European Parliament. (2019) *Results by national party: 2019–2024. Germany – Official results*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/national-results/germany/2019-2024/ (Accessed: 8th November 2021).
12. Reif, K. & Schmitt, H. (1980) Nine Second-Order National Elections: A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results. *European Journal of Political Research*. 8(1). pp. 3–44. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1980.tb00737.x
13. Rigert, B. & Koval, I. (2019) *Glavnoe o rezul'tatakh vyborov v Evroparlament* [The main thing about the results of the elections to the European Parliament]. [Online] Available from: https://p.dw.com/p/3J9Hp (Accessed: 8th November 2021).
14. European Parliament. (2014) *Results by national party: 2014–2019. Germany – Official results*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/national-results/germany/2014-2019/constitutive-session/ (Accessed: 8th November 2021).
15. SPD. (2021) *Aus Respekt vor Deiner Zukunft*. [Online] Available from: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf (Accessed: 8th November 2021).
16. Christlich Demokratische Union Deutschlands. (2021) *Sechs Pakete für den Neustart nach der Krise.* [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20210926152449mp_/https://www.cdu.de/artikel/sechs-pakete-fuer-den-neustart-nach-der-krise (Accessed: 8th November 2021).
17. CDU/CSU. (2021) *Das Programm für Stabilität und Erneuerung.* [Online] Available from: https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf (Accessed: 8th November 2021).
18. Landeszentrale für politische Bildung Baden-Württemberg. (n.d.) *Klima, Umwelt und Verkehr*. [Online] Available from: https://www.bundestagswahl-bw.de/wahlthema-klima-umwelt#c69415 (Accessed: 8th November 2021).

19. SPIEGEL Politik. (2021) *So lief das zweite TV-Triell zwischen Baerbock, Laschet und Scholz*. [Online] Available from: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-armin-laschet-und-olaf-scholz-so-lief-das-tv-triell-auf-ard-und-zdf-a-6a5fea84-cb1e-410a-9720-2a99e464a351 (Accessed: 8th November 2021).
20. Lisenkova, A.D. (2021) Transformatsiya klimaticheskoy povestki pravoradikal'nykh partiy Evropeyskogo parlamenta [Transformation of the Climate Change Agenda of Far-Right Parties in the European Parliament]. *Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov*. 2(16). pp. 46–56.
21. Carrieri, L. & Vittori, D. (2021) Defying Europe? The Euroscepticism of radical right and radical left voters in Western Europe. *Journal of European Integration*. 43(3). pp. 1–17. DOI: 10.1080/07036337.2021.1882454
22. Wang, C. & Keith, D. (2020) The greening of European radical left parties: red and green politics. *Journal of Contemporary European Studies*. 28(4). pp. 494–513. DOI: 10.1080/14782804.2020.1792280
23. DIE LINKE. (2021) *Zeit zu handeln! Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit*. [Online] Available from: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2021/Wahlprogramm/DIE_LINKE_Wahlprogramm_zur_Bundestagswahl_2021.pdf (Accessed: 8th November 2021).
24. Tagesschau. (2021) *Wie die Parteien das Klima schützen wollen.* [Online] Available from: https://www.tagesschau.de/inland/btw21/programmvergleich-klimaschutz-107.html (Accessed: 8th November 2021).
25. FDP. (2020) *Beschluss des Bundesvorstands der FDP, Berlin, 18. Mai 2020*. [Online] Available from: https://www.fdp.de/sites/default/files/import/2020-05/8614-2020-05-18-buvo-freiheit-und-verantwortung-fur-die-zukunft.pdf (Accessed: 8th November 2021).
26. FDP. (2021) *Nie gab es mehr zu tun*. [Online] Available from: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-08/FDP_BTW2021_Wahlprogramm_1.pdf (Accessed: 8th November 2021).
27. Statista. (2021) *Welche Partei würden Sie wählen, wenn am Sonntag (25. April 2021) Bundestagswahl wäre?* [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20210427063608/https://de.statista.com/statistik/daten/studie/953/umfrage/aktuelle-parteipraeferenz-bei-bundestagswahl (Accessed: 8th November 2021).
28. BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. (n.d.) *Annalena Baerbock*. [Online] Available from: https://www.gruene.de/leute/annalena-baerbock (Accessed: 8th November 2021).
29. Der Bundeswahlleiter. (2021) *Ergebnisse früherer Landtagswahlen.* [Online] Available from: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/a333e523-0717-42ad-a772-d5ad7e7e97cc/ltw_erg_gesamt.pdf (Accessed: 8th November 2021).
30. Der Bundeswahlleiter. (2021) *Bundestagswahl 2021*. [Online] Available from: https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html (Accessed: 8th November 2021).
31. Tagesschau. (2021) *Welche Themen entschieden die Wahl?* [Online] Available from: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2021-09-26-BT-DE/umfrage-wahlentscheidend.shtml (Accessed: 8th November 2021).
32. Tagesschau. (2021) *Bundestagswahl 2021. Ergebnis*. [Online] Available from: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2021-09-26-BT-DE/ (Accessed: 8th November 2021).
33. Giebler, H. (2019) Germany: Second order but still groundbreaking? In: De Sio, L., Franklin, M.N. & Russo, L. (eds) *The European Parliament Elections of 2019*. Rome: Luiss University Press. pp. 147–153.
34. IA Krasnaya Vesna. (2021) *Kandidat v kantslery FRG ot "Zelenykh" priznala oshibku v deklaratsii o dokhodakh* [The candidate for chancellor of Germany from the Greens admitted the error in the income statement]. [Online] Available from: https://rossaprimavera.ru/news/d8272fc1 (Accessed: 8th November 2021).
35. Turau, J. & Polskaya, K. (2021) *Pochemu kandidat v kantslery FRG Annalena Berbok popala pod shkval kritiki?* [Why did the candidate for chancellor of Germany Annalena Baerbock come under a storm of criticism?]. [Online] Available from: https://p.dw.com/p/3vxOr (Accessed: 8th November 2021).
36. Die Tageszeitung. (n.d.) *Gepflegte Feindbilder*. [Online] Available from: https://taz.de/Shitstorm-gegen-Baerbock-wegen-N-Wort/!5785785/ (Accessed: 8th November 2021).
37. Oltermann, P. (2021) *German Greens vote to expel city mayor over online racial slur*. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2021/may/10/boris-palmer-german-greens-vote-expel-city-mayor-online-racial-slur (Accessed: 8th November 2021).
38. InoSMI.Ru. (2021) *Svenska Dagbladet (Shvetsiya): otkrovennye fotografii i rossiyskoe vliyanie na nemetskuyu predvybornuyu kampaniyu* [Svenska Dagbladet (Sweden): explicit photos and Russian influence on the German election campaign]. [Online] Available from: https://inosmi.ru/politic/20210526/249803159.html (Accessed: 8th November 2021).
39. Presse Augsburg. (2021) *Politiker-Ranking | Scholz gewinnt – Laschet größter Verlierer.* [Online] Available from: https://presse-augsburg.de/politiker-ranking-scholz-gewinnt-laschet-groesster-verlierer/745557/ (Accessed: 8th November 2021).
40. Vishnyakova, V. (n.d.) *Bitva lichnostey: kak deystviya kandidatov v kantslery vliyayut na parlamentskie vybory v FRG* [The battle of personalities: how do the actions of candidates for chancellor affect the parliamentary elections in Germany]. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-lichnostey-kak-deystviya-kandidatov-v-kantslery-vliyayut-na-parlamentskie-vybory-v-frg/ (Accessed: 8th November 2021).
41. Euronews. (2021) *Germany election: SPD overtakes Merkel's CDU in polls for first time in 15 years*. [Online] Available from: https://www.euronews.com/2021/08/24/germany-election-spd-overtakes-merkel-s-cdu-in-polls-for-first-time-in-15-years (Accessed: 8th November 2021).
42. Zabrodina, E. (2021) Olaf Shol'ts vyrvalsya vpered v gonke kandidatov v kantslery Germanii [Olaf Scholz has raced ahead among the candidates for chancellor of Germany]. *Rossiyskaya Gazeta*. 8th August. [Online] Available from: https://rg.ru/2021/08/08/olaf-sholc-vyrvalsia-vpered-v-gonke-kandidatov-v-kanclery-germanii.html (Accessed: 8th November 2021).
43. Vendik, Yu. (n.d.) *Annalena Berbok vydvinuta nemetskimi zelenymi kandidatom v kantslery. Ona vpolne mozhet im stat'* [The German Greens have nominated Annalena Baerbock as a candidate for chancellor, and she may well become one]. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/news-56806704 (Accessed: 8th November 2021).
44. Deutsche Welle. (n.d.) *The surprising success of Germany's Green party*. [Online] Available from: https://www.dw.com/en/the-surprising-success-of-germanys-green-party/a-45864675 (Accessed: 8th November 2021).
45. European Union. (n.d.) *Parties and Elections in Europe*. [Online] Available from: http://www.parties-and-elections.eu/eu.html (Accessed: 8th November 2021).
46. Nikiforov, O. (2021) Levye v Germanii teryayut identichnost' i izbirateley [The Left in Germany is losing identity and voters]. *Nezavisimaya gazeta*. 10th June. [Online] Available from: https://www.ng.ru/kartblansh/2021-06-10/3_8171_kartblansh.html (Accessed: 8th November 2021).
47. Destatis. (2020) *Migration 2020: strong decline in registered arrivals and departures*. [Online] Available from: https://www.destatis.de/EN/Press/2021/06/PE21_306_12411.html;jsessionid=3F22D65159B9F2623051E87EA7FA85F3.live741 (Accessed: 8th November 2021).

***Сведения об авторе*:**
Лисенкова Алена Денисовна – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Lisenkova Alena D. – Postgraduate Student at the School of International Relations of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alena.denisovna@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 26.11.2021; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 327(410)
doi: 10.17223/19988613/82/18

«Хвост, виляющий собакой»: колония Аден и трансформация британской политики в Южной Аравии, 1959–1964 гг.

Владимир Петрович Румянцев

Томский государственный университет, Томск, Россия, rumv1975@gmail.com

Аннотация. В истории деколонизации Британской империи особое место занимает уход Соединенного Королевства из Адена – небольшой колонии, расположенной на юге Аравийского полуострова и окруженной британскими монархическими протекторатами. На основе архивных и опубликованных документов и мемуаров в данной статье прослеживается дихотомия британских интересов между возможностью предоставления независимости Адену и сохранением лояльности южноаравийских шейхов. Великобритания поддержала монархии, что привело в долгосрочном плане к возникновению длительной нестабильности в этой части Арабского Востока и уходу Соединенного Королевства «к востоку от Суэца».
Ключевые слова: Аден, Гарольд Макмиллан, Британская империя, деколонизация, Ближний и Средний Восток

Для цитирования: Румянцев В.П. «Хвост, виляющий собакой»: колония Аден и трансформация британской политики в Южной Аравии, 1959–1964 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 151–157. doi: 10.17223/19988613/82/18

Original article

“The tail wagging the dog”: the colony of Aden and the transformation of British policy in South Arabia, 1959–1964

Vladimir P. Rumyantsev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, rumv1975@gmail.com

Abstract. This article analyses the transformation of British policy in South Arabia in connection with the discussions on granting independence to the colony of Aden and the civil war that began in Yemen in 1962.

Aden was a relatively small British colony located in the southern part of the Arabian Peninsula. The presence of the British military base here attached particular importance to this colony. This base was considered an important outpost in the defense of British interests in the Eastern Hemisphere. It was central to the chain of military bases that stretched from Gibraltar to Hong Kong. The security of Aden was provided by a “buffer” in the form of British protectorates located around the colony. These protectorates were presented by small monarchies ruled by sheikhs loyal to London but conflicting with each other.

Since the mid of 1950s the national liberation movement in Aden grew, and it advocated independence from the United Kingdom. In order to maintain its influence in Aden, Great Britain proposed creating a federation of protectorates and including Aden in it, giving it some degree of independence. An alternative option was to grant independence to Aden while maintaining British sovereignty over the territory of the military base. Ultimately, it was recognized that the unification of Aden with the federation of protectorates could ensure more peaceful transformation of British interests in South Arabia and maintenance of military presence until at least 1970. The reality turned out to be completely different. The refusal to grant independence to Aden hastened the withdrawal of the British “East of Suez”.

The situation was complicated by the outbreak of the civil war in Yemen. The emirs and sultans of the protectorate federation preferred to support the royalist camp in this war while the population of Aden sympathized with the Yemeni republicans. These preferences predetermined the choice of London.

The British conservatives chose not to take risks and decided to rely on the monarchies of the south of Arabia that seemed tried and trusted. But such a decision only aggravated the situation in South Arabia and accelerated Britain’s withdrawal from Aden.
Keywords: Aden, Harold Macmillan, The British Empire, decolonization, the Middle East

For citation: Rumyantsev, V.P. (2023) “The tail wagging the dog”: the colony of Aden and the transformation of British policy in South Arabia, 1959–1964. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 151–157. doi: 10.17223/19988613/82/18

© В.П. Румянцев, 2023

Распад мировых империй – процесс, который неизменно приковывает внимание исследователей. В этом процессе отражаются специфические черты отмирающего прошлого в лице метрополии, но в нем же и закладываются основы жизни будущего, т.е. новых территорий, бывших когда-то колониями. От того, как пройдет этот процесс, зависят и те проблемы, которые государствам, возникшим на обломках империи, придется решать.

Распад Британской империи не был исключением. Не всегда он проходил по сценарию Лондона. Зачастую британскому руководству приходилось учитывать сложные хитросплетения интересов местных элит, а порой именно эти элиты и диктовали Соединенному Королевству свои правила. В этом отношении показательной стала история британского ухода из Адена – колонии и военной базы на юге Аравийского полуострова, которая, несмотря на незначительный размер, считалась важнейшим звеном в цепи обороны британских интересов от Гибралтара до Гонконга.

Британское присутствие в южной части Аравии имело длительную историю. В 1839 г. Великобритания захватила контроль над Аденом, где образовала свою колонию, ставшую важнейшим стратегическим пунктом на морских коммуникациях империи. К этой небольшой колонии примыкали земли многочисленных местных султанов и эмиров, искавших у Лондона поддержки и защиты от Стамбула. В 1886 г. на этих землях были созданы два британских протектората – Западный и Восточный Аден, сформировавшие некое подобие буфера вокруг колонии Аден.

Рост арабского национально-освободительного движения после Второй мировой войны затронул и Южную Аравию. В 1958 г. часть правителей протекторатов выступила за полную независимость от Лондона и объединение всей Южной Аравии в единое государство [1. P. 95]. Пытаясь сбить волну националистических настроений, британские власти разработали план одновременного создания федерации протекторатов и предоставления некоторой доли самоуправления колонии. В 1959 г. шесть государств, находившихся под британским протекторатом (Бейхан, Аудхали, Эль-Фадли, Эд-Дали, Верхняя Ауляки и Нижняя Яфаи) образовали Федерацию арабских эмиратов Юга (ФАЭЮ). Позже в нее вступили Лахдж, Нижняя Ауляки, Датина и Эль-Акариб. Правитель каждого из этих государств назначал шесть членов в общий Федеральный совет. В январе 1959 г. колонии Аден была предложена конституция, предусматривавшая выборы в Законодательный и Исполнительный советы, компетенция которых ограничивалась второстепенными вопросами жизнедеятельности колонии. Внешняя политика, оборона, внутренняя безопасность и гражданские службы оставались прерогативой колониальных властей [2. P. 596].

Значение Адена в британской заморской политике возросло после того, как Соединенное Королевство эвакуировало в конце 1950-х – начале 1960-х гг. военные базы из Ирака, Шри-Ланки и Кении. Фактически в Адене оставалась единственная в этом регионе военная база, ставшая краеугольным камнем британской оборонной политики в районе Персидского залива и западной части Индийского океана. В 1959 г. в Адене была размещена штаб-квартира Ближневосточного командования вооруженных сил Соединенного Королевства.

Таким образом, структура британского влияния в Южной Аравии имела три точки опоры: федерацию протекторатов, военную базу и колонию Аден. Ослабление любой из этих опор грозило коллапсом всей системы британских интересов в Персидском заливе и в первую очередь ее центральному компоненту – обеспечению бесперебойных поставок нефти. Данная структура подтачивалась, с одной стороны, пропагандой арабского национализма, а с другой – развалом мировых колониальных систем. Наибольшую тревогу у англичан вызывала быстрая социальная трансформация колонии Аден. Значительное число рабочих-арабов, в числе которых было много йеменцев, занятых на работах в доках, порту, нефтеочистительном заводе, как признавал премьер-министр Соединенного Королевства Г. Макмиллан, создавало благоприятную почву как для коммунистической, так и для панарабистской агитации, исходившей от египетского президента Г.А. Насера [3. P. 265]. Несколько крупных забастовок аденских рабочих в начале 1960-х гг. едва не парализовали всю жизнь в колонии, включая функционирование военной базы.

Необходимость изменений в политике Великобритании в Южной Аравии стала очевидной. Губернатор Адена У. Льюс предлагал трансформировать колонию в протекторат, расширив тем самым полномочия местных властей. Но такой вариант, как указывало министерство по делам колоний, нес риски в отношении британской военной базы, для сохранения которой пришлось бы пересматривать юридические основания [2. P. 598].

Новый губернатор Адена Ч. Джонстон, назначенный на этот пост в 1959 г., предлагал использовать диалектический характер интересов различных националистических групп в Адене и властей ФАЭЮ. По его мнению, Лондону следовало сыграть на боязни колонии оказаться поглощенной Федерацией арабских эмиратов Юга и на этой почве привлечь на свою сторону так называемых «умеренных» аденских лидеров, и в то же время использовать опасения султанов и эмиров федерации, что Аден станет форпостом «насеристов», что позволяло нейтрализовать планы аннексии Адена султанатом Лахдж, к которому он когда-то принадлежал. «Мы должны использовать взаимные подозрения и опасения колонии и федерации, чтобы создать баланс сил, обеспечивающий нам необходимые условия… Хоть это и звучит цинично, по-макиавеллиевски и в худших традициях европейской дипломатии», – настаивал Ч. Джонстон [2. P. 598–599]. Он предлагал объединить Аден и ФАЭЮ, возможно, в рамках новой федерации, но сделать это осторожно, не торопясь, давая возможность окрепнуть «умеренным». Для этого требовался переходный период сроком в несколько лет, в течение которых Адену будет предложена новая конституция, расширяющая полномочия Законодательного совета [2. P. 600–601].

Замысел Ч. Джонстона заключался в том, чтобы попытаться решить несколько задач: во-первых, цен-

трализовать управление федерацией и колонией, во-вторых, сбалансировать новую федерацию, уравновесив ее двумя примерно равными центрами силы – монархиями протекторатов и хоть и небольшим, но экономически и стратегически важным Аденом, в-третьих, сдержать рост влияния «радикального» национализма аденских профсоюзов, пестуя консерватизм султанов и эмиров. Все эти задачи должны были способствовать достижению главной цели – обеспечению безопасности британской военной базы. Существовало еще одно соображение, на которое обращал внимание отечественный исследователь И.А. Александров, – интегрируя федерацию протекторатов с Аденом, Великобритания пыталась обеспечить «арабизацию» карательных экспедиций колониальных войск в повстанческие районы [4. С. 80].

Предложение губернатора Адена вызвало неоднозначную реакцию в Лондоне. Самый негативный прием выказал министр авиации Дж. Эмери. Он выступал против каких бы то ни было конституционных изменений в Адене, считая, что Великобритания сможет сохранить доступ к военной базе, лишь напрямую управляя колонией, не допуская ее интеграции с протекторатами, и если понадобится, то как можно дольше силой удерживая Аден, даже если ситуация будет напоминать осажденную крепость [2. P. 605].

Ч. Джонстона поддержал министр по делам колоний Я. Маклеод, полагавший, что нормальное функционирование британской базы в Адене будет невозможно во враждебном окружении, ненависть которого к англичанам будет расти по мере крепнущего нежелания Лондона передавать власть местным лидерам. Закончится это тем, что «умеренные» отвернутся от Великобритании [2. 607–611]. В Адене действовало около десяти политических партий и организаций. Практически все они выступали за независимость Адена, даже так называемые «умеренные» политики, которые признавали наличие интересов Великобритании в сохранении доступа к военной базе на юге Аравии на условиях, например, аренды. В это же время так называемые «экстремисты», или «радикалы», (по британской классификации), лидером которых являлся Генеральный секретарь конгресса профсоюзов Адена А. Аль-Аснадж, выступали за бесповоротный уход англичан. В итоге в середине мая 1961 г. было принято принципиальное решение по Адену – «взять курс на объединение колонии с федерацией шейхов» [5]. Оставалось определиться с тем, как будет осуществлено это объединение.

Я. Маклеод выступал за то, чтобы инициатива слияния колонии Аден и ФАЭЮ исходила от самой Великобритании, что соответствовало бы официальной британской политике «ветра перемен» во взаимоотношениях метрополии и колоний и позволяло надеяться на то, что так Лондону будет легче контролировать процесс объединения. Его оппонентом вновь выступил Дж. Эмери. Признавая некоторые преимущества, которые нес проект объединения Адена с ФАЭЮ («националистические и потенциально неспокойные власти колонии окажутся под контролем федерации, правители которой лояльны британским интересам, и тогда в случае волнений в колонии, не мы, а они будут подавлять мятеж»), министр авиации уверял, что новое государственное образование в Южной Аравии рано или поздно потребует полной независимости, что будет означать для Соединенного Королевства потерю базы, которая «нужна во многом для операций против других арабских государств». Поэтому, если избежать объединения не удастся, то нужно хотя бы не торопить события, не подталкивать власти Адена и протекторатов к интеграции [6].

Предстоящие переговоры по вопросам интеграции осложнялись расхождениями между представителями колонии Аден и ФАЭЮ по видению будущего Южной Аравии. Султаны и эмиры протекторатов считали, что новую федерацию создавать не нужно, ведь Аден может просто войти в состав султаната Лахдж. Колония же настаивала на своем особом статусе в федерации. Лавировать между партнерами по переговорам Великобритании нужно было таким образом, чтобы обеспечить выполнение поставленной Г. Макмилланом задачи – сохранить британское военное присутствие в Адене как минимум до 1970 г. [7. P. 34].

Дискуссии в правящих кругах Великобритании по колониальным проблемам в районе «к востоку от Суэца» продолжились и касались теперь очередности планируемых перемен на юге Аравийского полуострова. Эксперты министерства по делам колоний предлагали сначала провести конституционную реформу в Адене, организовать в 1962–1963 гг. выборы в новый Законодательный совет, предоставив голоса лишь так называемым «подлинным аденцам». Согласно принятому британскими властями в 1958 г. постановлению, гражданами Адена считались: любой человек, представитель любой нации и любого цвета кожи, родившийся в Адене или проживающий в нем в течение 10 из 12 последних лет; граждане Британского Содружества, проживавшие в Адене в течение 2 из 3 последних лет [8. С. 36–37]. И лишь потом предполагалось начать процесс объединения с федерацией, завершив его к 1964 г. Такая последовательность устраивала лидеров Адена, что позволяло надеяться на их благожелательное отношение к идее вхождения в состав федерации. Противники подобного курса указывали на то, что выборы в Адене, скорее всего, выиграют националистические элементы, среди которых «умеренных» будет немного. И тогда объединение с федерацией будет сорвано, а доверие правителей протекторатов утрачено [2. P. 616–624]. Чтобы сделать идею объединения Адена с ФАЭЮ более привлекательной для аденских политиков, 4 апреля 1962 г. федерация протекторатов была переименована в Федерацию Южной Аравии (ФЮА).

1 августа 1962 г. состоялось заседание правительства Великобритании, посвященное колониальным проблемам на юге Аравийского полуострова. Министр по делам Содружества Д. Сэндис, который с июля 1962 г. занимал еще и пост министра по делам колоний, совмещая эти должности, выразил общее мнение собравшихся, что объединение Адена и ФЮА сулит массу проблем, но если его не провести сейчас, то рост национализма в Адене станет совершенно неуправляемым, и независимость колонии придется предоста-

вить уже в 1965 г., а не в 1970 г. Д. Сэндис обрисовал два возможных варианта обеспечения военных интересов Великобритании в Южной Аравии: либо пойти по «кипрскому сценарию» и предоставить независимость Адену, сохранив британский суверенитет над территорией военной базы, либо заключить соответствующий договор с ФЮА, в котором признавались бы особые интересы Соединенного Королевства в Адене. «Кипрский» вариант был отвергнут по настоянию министра обороны П. Торнейкрофта, обратившего внимание на тесноту расположения военных и гражданских объектов в Адене и на компактность самой колонии, не позволявшей рассчитывать на эффективную оборону базы в случае отделения от нее какой-либо части [2. P. 627–628].

В конечном счете с протекторатами и властями колонии был согласован текст договора о вхождении Адена в ФЮА. В преамбуле договора говорилось, что союз между Аденом и федерацией британских протекторатов является необходимым шагом на пути к достижению полной независимости Южной Аравии. При этом, «признавая различия политической и социальной жизни между Аденом и другими членами федерации», оговаривалось, что представительство Адена в Федеральном совете (ФС) будет шире, чем у других членов. Аден получал право ввести 24 члена в ФС, при том что другие участники – не больше шести, но одновременно с этим снижался кворум при принятии решений – с 2/3 до 1/2 голосов. Последний шаг был вызван стремлением обеспечить принятие решений в случае бойкота заседаний ФС представителями Адена. Наиболее важная для Лондона часть договора гласила: «Учитывая стратегическое значение Адена и для самого Соединенного Королевства, и для жителей региона, суверенные права Соединенного Королевства над Аденом сохраняются» [9]. Это означало, как пояснял Д. Сэндис, что Великобритания не только сохраняет свое военное присутствие на юге Аравии, но и имеет право в любой момент как до объединения Адена с федерацией, так и после отторгнуть у ФЮА любые части Адена, представляющие ценность с точки зрения военных нужд [10]. Предполагалось, что как только произойдет официальное вхождение Адена в ФЮА, пост губернатора будет переименован в должность верховного комиссара.

17 августа 1962 г. договор был подписан. Он не являлся отражением чаяний большинства жителей Адена, на что обращала внимание британская пресса, включая «Таймс». Профсоюзы Адена выступили резко против вхождения в ФЮА. Тем не менее 26 сентября 1962 г. Законодательный совет Адена проголосовал за присоединение к федерации. Накануне голосования 8 из 12 членов совета отказались участвовать в этой процедуре, но губернатор их тут же заменил на других, более лояльных политиков [11. С. 324]. Обстоятельства сложились удачно для Великобритании. Случись голосование всего на один день позже, как признавал Ч. Джонстон, результат мог бы быть совершенно иным [12. P. 124]. Ровно в эти же самые дни произошли неожиданные перемены в Йемене, оказавшие значительное влияние на всю последующую историю Южной Аравии.

Имамат Йемен никогда не скрывал своих претензий на юг Аравии, включая, разумеется, Аден, хотя ко времени захвата Адена англичанами власти Йемена уже утратили контроль над этой территорией. В 1914 г. была заключена англо-турецкая конвенция, разграничивавшая сферы влияния Лондона и Стамбула в Южной Аравии по линии, ставшей в 1970-е гг. границей между Северным и Южным Йеменом. В 1918 г. в северной части исторического Йемена был воссоздан имамат, поставивший своей целью возвращение контроля над всей южной частью Аравийского полуострова.

Отношения между Великобританией и Йеменом никогда не были простыми. В 1934 г. между двумя государствами было подписано соглашение («договор Саны»), закреплявшее сложившийся статус-кво в Южной Аравии сроком на 40 лет, но не зафиксировавшее четко границы в регионе. Демаркацию границ планировали осуществить в ходе будущих переговоров, которые так и не начались [13]. «Договор Саны» периодически нарушался то Йеменом, то протекторатами юга. Время от времени возникали пограничные конфликты [14. P. 215]. Антибританские чувства сближали имама с Г.А. Насером, но подлинного союза Каира и Саны не получилось в силу большой разницы во взглядах египетского и йеменского руководства.

19 сентября 1962 г. имам Йемена А. Яхья умер. Ему наследовал сын М. Аль-Бадр, но продержался у власти он совсем недолго – в ночь с 26 на 27 сентября 1962 г. королевская гвардия во главе с полковником А. Салялем свергла нового имама, провозгласив создание Йеменской Арабской Республики (ЙАР). М. Аль-Бадру удалось бежать на север страны, где проживали преданные монархии племена.

В Йемене началась гражданская война, в которой новую власть поддерживало в основном городское население западной и южной частей страны, а свергнутого имама – некоторые племена горной местности севера и востока. Ситуация в роялистском лагере была запутанной. На должность имама претендовал еще и дядя Аль-Бадра принц Хасан. Обоим претендентам удалось договориться между собой о разделе власти в случае успеха в борьбе за возвращение трона [15. С. 170]. Договоренность эта была хрупкой и объяснялась задачей консолидации промонархических сил. На деле скрытое соперничество между М. Аль-Бадром и Хасаном сохранялось.

Лондон беспокоился из-за того, как переворот в Сане скажется на положении дел в Адене и ФЮА. Г. Макмиллан отмечал в своем дневнике: «Если новое революционное правительство консолидирует власть, то давление на протекторат Аден и колонию Аден станет очень опасным» [16]. Великобритания решила помочь принцу Хасану, оказывая ему содействие в поездке в британский протекторат Бейхан, откуда он планировал перебраться в Йемен, чтобы возглавить антиреспубликанское движение [17].

Д. Сэндис разъяснял, что дальнейшая помощь Хасану должна поступать от арабских стран, а не от Великобритании, в противном случае открытая британская поддержка брата умершего имама станет подобна для Соединенного Королевства «поцелую смерти»,

она ополчит против Лондона весь арабский мир. Министр по делам колоний выразил надежду, что если принцу Хасану удастся захватить контроль хотя бы над частью территории Йемена, то ситуация в этой арабской стране может измениться [18].

Мнения среди британских дипломатов, политиков и военных о дальнейших действиях Соединенного Королевства в Йемене разделились. За признание республиканского режима в Сане активно выступал поверенный в делах Великобритании в Йемене К. Ганди. Его поддерживали эксперты-арабисты из Форин оффис. Они доказывали, что восстановление монархии в Йемене невозможно, и рано или поздно Лондону придется иметь дело с республиканцами. В случае же признания ЙАР Великобритания могла получить возможность влиять на руководство постмонархического Йемена. Непризнание, наоборот, усилило бы подозрительность йеменской республики в отношении замыслов «коварного Альбиона», укрепило бы позиции наиболее радикальных республиканских лидеров, что неминуемо могло сказаться на положении дел в Адене и повысило бы зависимость Саны от Каира. «И вообще, – задавался вопросом К. Ганди, – можем ли мы быть уверены в том, что реставрация монархии в долгосрочной перспективе будет на руку нашей политике в Адене? Старый режим был хорош для нас тем, что он был непопулярным и непривлекательным. Реставрация [монархии] возможна лишь при резком росте ее популярности [среди йеменского населения. – *В.Р.*]», но тогда, – уверял британский дипломат, – неизбежна ирредентистская политика нового имама в отношении ФЮА и Адена [19. P. 254–259; 20]. Эту же позицию разделял и министр иностранных дел Соединенного Королевства А. Дуглас-Хьюм.

Совсем иную точку зрения отстаивала группа влиятельных британских политиков во главе с Д. Сэндисом, П. Торнейкрофтом и Дж. Эмери. В Ближневосточном регионе их взгляды всецело разделялись Ч. Джонстоном. В отличие от экспертов Форин оффис, они доказывали, что признание ЙАР вызовет разочарование в действиях Великобритании со стороны султанов и эмиров протекторатов, а также королевских дворов Саудовской Аравии и Иордании. Подобный шаг мог привести к тому, что союзники Лондона в этом регионе отвернутся от него, а победа республиканцев в Йемене приведет к ускоренному вытеснению англичан из Адена. Далее могла последовать цепная реакция в Маскате, Бахрейне, Катаре, Кувейте. В итоге будут разрушены основы нефтяной политики Соединенного Королевства на Ближнем и Среднем Востоке. Сопротивление же действиям Г.А. Насера позволит поквитаться с ним за Суэцкий кризис, поскольку имеются все основания считать, что Йемен станет ловушкой для египетского лидера. По аналогии с известным объединением британских парламентариев 1950-х гг., так называемой «Суэцкой группой», сторонников этих взглядов вскоре стали именовать «Аденской группой» [21. P. 100].

Британское правительство все же решило прозондировать позицию лидеров ФЮА на предмет их отношения к возможному признанию Лондоном ЙАР при условии официального обещания Саны не вмешиваться в дела ее южных соседей. Реакция руководства федерации была негативной, что привело правительство Г. Макмиллана к выводу о том, что потеря доверия со стороны глав протекторатов является слишком высокой ценой, которую пришлось бы заплатить за признание республиканского Йемена [22, 23].

Тем временем дебаты по трансформации британской политики в Южной Аравии начались и в парламенте Соединенного Королевства. Представляя план объединения Адена с ФЮА, Д. Сэндис обратил внимание парламентариев на то, что с момента подписания договора от 17 августа 1962 г. устанавливается переходный период сроком на шесть лет, по истечении которого власти Адена могут отказаться от членства в федерации [24. P. 245–246]. Во время последовавшей за этим выступлением дискуссии особенно активно вела себя лейбористская оппозиция. Д. Хили (будущий министр обороны Великобритании – после победы лейбористов в октябре 1964 г.), например, заявлял: «У нас есть великолепная возможность добиться доверия со стороны населения Адена, проявляя энтузиазм или по крайней мере симпатию в адрес нового режима в Йемене. А вместо этого правительство, которое признало убийц Нури Саида спустя несколько часов[1] после того, как его тело было протащено по улицам [Багдада], все еще колеблется – признавать или нет новый режим в Йемене» [24. P. 258].

Больше всего вопросов у членов палаты общин вызывала позиция населения Адена. Тот же Д. Хили указывал, что если бы был проведен референдум среди жителей британской колонии по вопросу присоединения к ФЮА, то его результат явно был бы не в пользу объединения. Во-первых, потому что Великобритания в любой момент и без предварительной консультации могла отторгнуть у федерации какую-либо часть Адена, объясняя это стратегическими нуждами Лондона. Во-вторых, у колонии не было никакого шанса выйти из федерации до 1968 г. И, в-третьих, аденцам не нравилась передача контроля над портом Адена, от которого зависела вся экономика колонии, под юрисдикцию федеральных властей [24. P. 261]. При этом Д. Хили не назвал главную причину: большинство населения Адена выступало за полную независимость от Великобритании, без всяких переходных периодов.

В прениях активное участие принял член палаты общин, в свое время служивший в британской разведке подполковник Н. Маклин, совершивший тайную поездку в Йемен, в районы роялистского сопротивления. Он настаивал на том, что у Великобритании нет и не будет альтернативы аденской военной базе в этом регионе. Бывший разведчик опровергал неизбежность победы республиканцев в Йемене, указывая, что йеменцы – очень религиозный народ, а имам не только является духовным лидером зейдитов (приверженцев одного из шиитских направлений в исламе), но и пользуется уважением религиозного меньшинства – шафиитов (йеменских суннитов). «Что же касается Саляля, то он просто никому не известный выскочка из города, сын кузнеца», – утверждал Н. Маклин [24. P. 272–273].

Завершил дебаты в палате общин парламентский заместитель министра по делам колоний Н. Фишер,

вновь обративший внимание собравшихся на стратегическое значение базы в Адене, от которой зависят защита британских нефтяных интересов и оборона линий коммуникаций Содружества. Итоговое голосование в палате общин позволило ратифицировать договор с ФЮА: 253 депутата высказались за и 181 против [24. P. 333–337].

Объединение Адена с федерацией британских протекторатов, казалось, позволяло достичь главной цели британских действий – сохранения доступа к военной базе в Адене. Планы Лондона были нарушены переворотом в Йемене, который создавал, однако, не только проблемы для британской дипломатии, но и новые возможности.

18 января 1963 г. произошло официальное вхождение Адена в ФЮА, а через два дня в Лондоне начались консультации по вопросу о политике в Йемене. К. Ганди доказывал, что правительству не следует так серьезно относиться к предъявляемым Саной претензиям на Аден. Это – традиция йеменской политики, отказ от которой приведет к обвинениям (и в первую очередь со стороны роялистов) в предательстве национальных интересов Йемена. Британский дипломат уверял руководство Соединенного Королевства, что даже спустя 4 месяца непризнания нельзя сказать, что йеменцы решительно настроены враждебно по отношению к Великобритании. «Имам Ахмед отказывался принимать каких-либо британских дипломатов с 1957 по 1962 гг., а сейчас у нас есть возможность встречаться и говорить с любым из министров [правительства А. Саляля. – *В.Р.*]», – защищал свою точку зрения К. Ганди [25].

На самом деле надежды на относительное спокойствие в Адене оказались иллюзорными. В ноябре–декабре 1963 г. на территории ФЮА вспыхнуло антианглийское восстание, руководимое Национальным фронтом – организацией, созданной под эгидой Движения арабских националистов. Центром активности мятежников стали горы Радфан. Росло число терактов и в Адене. 10 декабря 1963 г. было организовано покушение на верховного комиссара Адена К. Треваскиса, которому посчастливилось отделаться лишь легкими ранениями [21. P. 101]. Солдаты британской армии стали воспринимать назначение на службу в Адене как самое тяжелое наказание, которое может постичь их на службе Ее Величества: палящее солнце, назойливые мухи, тропические болезни и опасность, подстерегающая за каждым углом [1. P. 103].

Хуже всего было то, что британские власти видели лишь один способ сохранения своих интересов на юге Аравии – снабжать оружием противников Национального фронта. Но одним только «подливанием масла в огонь» дело не ограничилось. Британские войска оказались вовлеченными в боевые действия. Королевские военно-воздушные силы обстреливали и бомбили деревни мятежников. Дошло до того, что британские летчики поливали сельскохозяйственные посевы ядом, надеясь заставить восставших покориться [26. С. 645].

Аден, когда-то считавшийся «тихой заводью» британской империи, превратился для англичан в источник нескончаемых проблем. Если в 1964 г. было зарегистрировано 36 вооруженных нападений на англичан в Адене, то на следующий год их было уже 239, а в 1966 г. – 537 [4. С. 81–83]. В 1967 г. правительство Г. Вильсона осуществило вывод британских войск из Адена, предоставив независимость Федерации Южной Аравии. Г. Макмиллан с горечью отмечал: «Все наши друзья в ноябре 1967 г. были брошены, а враги ликовали» [3. P. 278]. На самом деле проблема была не в предательстве «друзей», т.е. монархий ФЮА. Проблема заключалась как раз в обратном – в том, что, как заметил К. Ганди спустя 30 лет после ухода Великобритании с территорий «к востоку от Суэца», политика Лондона в Южной Аравии провалилась, потому что «хвост начал вилять собакой», т.е. интересы протекторатов стали превалировать над британскими интересами в Адене [19. P. 248]. Иначе говоря, Соединенному Королевству пришлось расплачиваться за игнорирование своих долгосрочных интересов в угоду краткосрочным целям.

Инерция колониального мышления вытеснила креативность и здравый смысл в вопросе британского присутствия в Адене. Стремительно менявшаяся ситуация в странах Арабского Востока требовала такой же, если не большей, скорости принятия решений в Лондоне. И вместо того чтобы пойти на признание ЙАР и предоставить полную независимость Адену еще в начале 1960-х гг., не доводя дело до болезненного и затянувшегося на многие годы конфликта, британские консерваторы предпочли не рисковать и опереться на казавшиеся проверенными и надежными монархии юга Аравии. Опора оказалась крайне ненадежной. Юг Аравии погрузился в бесконечные распри, последствия которых не решены и в начале XXI в.

Примечание

[1] Речь шла об убийстве иракского премьер-министра Нури Саида военными, пришедшими к власти в Багдаде в июле 1958 г. Но на самом деле официальное признание Великобританией нового иракского режима произошло почти две недели спустя после убийства Нури Саида.

Список источников

1. Holt M. Memories of Arabia and Empire: An Oral History of the British in Aden // Contemporary British History. 2004. Vol. 18 (4). P. 93–112.
2. British Documents on the End of Empire (BDEE). London : The Stationary Office, 2000. Series A. Vol. 4: The Conservative Government and the End of Empire, 1957–1964, part I: High Policy, Political and Constitutional Change. cix, 825 p.
3. Macmillan H. At the End of the Day, 1961–1963. London : Macmillan, 1973. 572 p.
4. Александров И.А. Народная Демократическая Республика Йемен : справочник. М. : Наука, 1976. 320 с.
5. Harold Macmillan Papers (HMP). Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. Second Series. dep. d. 42. May 16, 1961.
6. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 120/105. “Aden”. Memorandum by the Secretary of State for Air. May 29, 1961.
7. Dockrill S. Britain's Retreat from East of Suez. The Choice between Europe and the World? New York : Palgrave Macmillan, 2002. xvi, 293 p.
8. Валькова Л.В. Английская колониальная политика в Адене и аденских протекторатах. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1968. 158 с.

9. NAUK. CAB 129/110. Letter from Ministers of the Federation and Aden to the Secretary of State for Colonies. August 16, 1962.
10. NAUK. CAB 129/110. “Aden”. Memorandum by the Secretary of State for Commonwealth Relations and Secretary of State for Colonies. August 21, 1962.
11. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1965 гг.) / отв. ред. Г.Л. Бондаревский. М. : Наука, 1966. 432 с.
12. Johnston C. The View from Steamer Point: Being an Account of Three Years in Aden. London : Collins, 1964. 224 p.
13. NAUK. PREM 11/4357. Report by Aden Department, Colonial Office. “Yemeni Frontier”. February 25, 1963.
14. Gavin R.J. Aden Under British Rule, 1839-1967. London : Hurst, 1975. x, 472 p.
15. Голубовская Е.К. Революция 1962 г. в Йемене. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1971. 207 с.
16. HMP. Diaries. dep. d. 47. October 6, 1962.
17. NAUK. PREM 11/3877. Dundee to H. Macmillan. September 28, 1962.
18. NAUK. PREM 11/3877. D. Sandys to C. Johnston. October 4, 1962.
19. Gandy C. A Mission to Yemen: August 1962 – January 1963 // British Journal of Middle Eastern Studies. 1998. Vol. 25 (2). P. 247–274.
20. NAUK. PREM 11/3877. C. Gandy to Foreign Office. Tel. №144. October 10, 1962.
21. Jones C. “Among Ministers, Mavericks and Mandarins”: Britain, Covert Action and the Yemen Civil War, 1962–64 // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40 (1). P. 99–126.
22. NAUK. PREM 11/3878. D. Sandys to C. Johnston. November 1, 1962.
23. NAUK. PREM 11/3878. C. Johnston to D. Sandys. Tel. № 1033. November 8, 1962.
24. Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth series. London : H.M. Stationery Office, 1962. Vol. 667. 812 p.
25. NAUK. PREM 11/4357. Record of Meeting Held at №1 Carlton Gardens at 4.00. P.M. on January 20 [1963].
26. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 / пер. с англ. М.В. Жуковой. М. : АСТ : Астрель, 2011. 957 с.

References

1. Holt, M. (2004) Memories of Arabia and Empire: An Oral History of the British in Aden. *Contemporary British History*. 18(4). pp. 93–112.
2. UK. (2000) *British Documents on the End of Empire (BDEE)*. Series A. Vol. 4. London: The Stationary Office.
3. Macmillan, H. (1973) *At the End of the Day, 1961–1963*. London: Macmillan.
4. Aleksandrov, I.A. (1976) *Narodnaya Demokraticheskaya Respublika Yemen* [People's Democratic Republic of Yemen]. Moscow: Nauka.
5. Harold Macmillan Papers (HMP). (1961) *Diaries*. Oxford: The Bodleian Library; MSS. Macmillan. Dep. d. 42. May 16.
6. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 120/105. “Aden”. *Memorandum by the Secretary of State for Air. May 29, 1961*.
7. Dockrill, S. (2002) *Britain's Retreat from East of Suez. The Choice between Europe and the World?* New York: Palgrave Macmillan.
8. Valkova, L.V. (1968) *Angliyskaya kolonial'naya politika v Adene i adenskikh protektoratakh* [English colonial policy in Aden and the Aden protectorates]. Moscow: Nauka.
9. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 129/110. *Letter from Ministers of the Federation and Aden to the Secretary of State for Colonies*. August 16, 1962.
10. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 129/110. *“Aden”. Memorandum by the Secretary of State for Commonwealth Relations and Secretary of State for Colonies*. August 21, 1962.
11. Bondarevskiy, G.L. (1966) *Politika Anglii na Blizhnem i Srednem Vostoke (1945–1965 gg.)* [England's policy in the Near and Middle East (1945–1965)]. Moscow: Nauka.
12. Johnston, C. (1964) *The View from Steamer Point: Being an Account of Three Years in Aden*. London: Collins.
13. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/4357. *Report by Aden Department, Colonial Office. “Yemeni Frontier.”* February 25, 1963.
14. Gavin, R.J. (1975) *Aden Under British Rule, 1839–1967*. London: Hurst.
15. Golubovskaya, E.K. (1971) *Revolyutsiya 1962 g. v Yemene* [Revolution of 1962 in Yemen]. Moscow: Nauka.
16. Harold Macmillan Papers (HMP). (1962) *Diaries*. dep. d. 47. October 6, 1962.
17. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/3877. *Dundee to H. Macmillan*. September 28, 1962.
18. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/3877. *D. Sandys to C. Johnston*. October 4, 1962.
19. Gandy, C. (1998) A Mission to Yemen: August 1962 – January 1963. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 25(2). pp. 247–274.
20. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/3877. *C. Gandy to Foreign Office*. Tel. №144. October 10, 1962.
21. Jones, C. (2004) “Among Ministers, Mavericks and Mandarins”: Britain, Covert Action and the Yemen Civil War, 1962–64. *Middle Eastern Studies*. 40(1). pp. 99–126.
22. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/3878. *D. Sandys to C. Johnston*. November 1, 1962.
23. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/3878. *C. Johnston to D. Sandys*. Tel. № 1033. November 8, 1962.
24. UK Parliament. (1962) *Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report*. 5th series. Vol. 667. London: H.M. Stationery Office.
25. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/4357. *Record of Meeting Held at №1 Carlton Gardens at 4.00. P.M. on January 20 [1963]*.
26. Brendon, P. (2011) *Upadok i razrushenie Britanskoy imperii 1781–1997* [The Decline and Fall of the British Empire 1781–1997]. Translated from English by M.V. Zhukova. Moscow: AST: Astrel'.

***Сведения об авторе*:**
Румянцев Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация). E-mail: rumv1975@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Rumyantsev Vladimir P. – Doctor of Science in History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk? Russian Federation). E-mail: rumv1975@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 27.01.2022; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(410)
doi: 10.17223/19988613/82/19

Особенности студенческого протестного движения в Великобритании 1960–1970-х гг.

Никита Юрьевич Самойлов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, nicksamoylov@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы особенности протестного студенческого движения в Великобритании 1960–1970-х гг. Изучены причины формирования данного явления, классифицированы основные поводы для студенческих протестов. Установлено, что наиболее часто поводами для протестных выступлений становились локальные вопросы бытового характера, такие как плата за проживание в студенческих общежитиях и качество питания в университетских столовых, а также протесты против конкретных лиц. Формы студенческого протеста в Великобритании были теми же, что и в других западных странах.
Ключевые слова: Великобритания, студенческое движение, молодежное движение, молодежный протест

Для цитирования: Самойлов Н.Ю. Особенности студенческого протестного движения в Великобритании 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 158–162. doi: 10.17223/19988613/82/19

Original article

Features of the 1960–1970s students' protest movement in Great Britain

Nikita Yu. Samoylov

Altai State University, Barnaul, Russia, nicksamoylov@yandex.ru

Abstract. The article covers the features of the 1960–70s student protest movement in Great Britain. The aim of the article is to identify the reasons of the appearance of the mass student protest movement in Great Britain in the second half of the 1960s, to classify the main reasons of the student protests, and to find out the features of the student protest movement in Britain in comparison with the student protest movement in continental Western Europe and the USA.

The data of the research was collected from different modern scientific works devoted to the 1960–70s youth protest in Great Britain, the USA and Western Europe. Furthermore, British law acts and the materials of British press were used.

There are external and domestic reasons of the mass student protest movement of the 1960–70s. The domestic reasons are the social and the economic policy of Clement Attlee's government that created a «welfare state» in the UK. The next reason is the growing number of universities that increased the number of students from 82 thousand in 1954–1955 to 235 thousand in 1970–1971. Also in the 1960s the UK became more liberal than ever before. The abortion became legal, the divorce became more accessible, in England and Wales the age of adulthood was lowered to 18. All people of the United Kingdom got the right to vote at the age of 18. All these factors caused the growth of life expectations of the young people. The external reasons of the mass student protest movement are the Cold War and especially the Vietnam War and the left-wing ideologies.

According to E.S. Hanna's research, the most frequent occasions of the student protests were the questions of domestic character, such as the increasing of hostel fee, the quality of food at university cafeterias, and the protests against specific individuals. Most of the reasons were politicized, except the questions of the domestic character. Students protested against the Vietnam War and organized actions in support of foreign students. In contrast with the USA, France and West Germany, there were no nationwide problems in the UK, which worried the youth, despite the aggravation of the Ulster conflict. The main forms of the student protest in Great Britain were sit-in and teach-in. It was typical not only for Great Britain, but also for the USA, France, Italy and West Germany.

Therefore, the British student protest was narrowly focused, except anti-war demonstrations. It was intended to solve a particular problem in a particular educational institution. The British student movement of the 1960–70s cannot be called homogeneous. However, despite this fact it had a serious impact on the transformation of the British higher education system. The influence of the student unions had grown and the educational programs were reformed. At the end of the 1960s in many universities students' representatives were admitted to senates and faculty councils where they could represent the interest of students.
Keywords: Great Britain, student movement, youth movement, youth protest

For citation: Samoylov, N.Yu. (2023) Features of the 1960–1970s students' protest movement in Great Britain. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 158–162. doi: 10.17223/19988613/82/19

© Н.Ю. Самойлов, 2023

Молодежное движение 1960–1970-х гг. в Великобритании менее изучено, чем схожее явление в других крупных европейских странах – ФРГ, Франции, Италии – и США. Причина этого – сравнительно невысокая протестная активность британской молодежи и отсутствие значительных событий, подобных «Красному маю» 1968 г. во Франции, а также то, что молодежный протест в Великобритании не оказал такого очевидного влияния на власть, как в других крупных странах Европы и США. Однако волна молодежного протеста, захлестнувшая многие государства мира во второй половине 1960-х гг., не обошла Великобританию стороной.

В молодежном движении Великобритании значительную роль играло студенчество. О роли студентов как движущей силы молодежного протеста в Европе и США существует множество опубликованных работ, из современных авторов выделяется М. Климке [1]. В свою очередь, изучением студенческого движения Великобритании 1960–1970-х гг. занимаются преимущественно британские исследователи, из работ которых наиболее интересны книги Э.С. Ханны [2], К. Хофферл [3], диссертация С.Л. Вэбстер [4]. Кроме того, студенческое движение Великобритании 1960–1970-х гг. иногда оказывается в поле зрения авторов, изучающих протестные события 1960–1970-х гг. на примере ряда стран или регионов мира [5] или подробно исследующих студенчество как особую социальную группу [6].

Цель данной статьи – рассмотрение причин зарождения и характерных черт студенческого движения Великобритании 1960–1970-х гг. и выявление его особенностей по сравнению со студенческим движением в крупных странах Западной Европы и США.

Причины зарождения массового студенческого протестного движения в Великобритании стоит искать в контексте европейской и мировой истории того периода времени. Применительно к Великобритании их условно можно разделить на внутригосударственные и внешние. К числу внутригосударственных причин относятся социально-экономические, культурные и внутриполитические. После окончания Второй мировой войны происходило восстановление экономики, лейбористское правительство К. Эттли проводило реформы, призванные создать так называемое Welfare State [7] и обеспечить каждому подданному Соединенного Королевства достойный уровень жизни. Это привело к тому, что послевоенное поколение так называемых бэбибумеров (подробнее см. работу Дж. Бристоу [8]) в целом имело более высокий уровень жизни, чем любое более раннее поколение. Важнейшей причиной появления массового протестного студенческого движения в Великобритании стало распространение высшего образования. К началу 1960-х гг. в Великобритании существовали основанные еще в Средние века высшие образовательные учреждения, или старинные университеты (Ancient Universities), например Оксфордский и Эдинбургский, и массово открывавшиеся в начале XX в. так называемые краснокирпичные университеты (Red Brick Universities), такие как университеты Бирмингема и Ливерпуля. Вторая половина 1950-х гг. и начало–середина 1960-х гг. были ознаменованы новой волной массового открытия учреждений высшего образования, их обобщенное наименование – «университеты из листового стекла» (Plate Glass Universities), например Университет Сассекса. В это же время некоторым ранее основанным учебным заведениям присваивался статус университета. Таким образом, за короткий срок появились университеты Эссекса, Эксетера, Йорка, Уорика, Кента, Ланкастера, Саутгемптона. Количество студентов быстро росло. Если в 1954–1955 гг. в Великобритании было 82 тыс. студентов, то в 1962–1963 гг. их стало 118 тыс. К 1970–1971 гг. число студентов достигло 235 тыс. [9. P. 125]. Стоит отметить, что рост доступности высшего образования происходил не только в Великобритании, это была общая для большинства западных стран тенденция [10. P. 211–220; 11].

Во внутренней политике Соединенного Королевства происходила либерализация законодательства. Легальным стал аборт [12], упростилась процедура развода [13], были снижены возраст наступления совершеннолетия с 21 года до 18 лет (для жителей Англии и Уэльса) [14] и возраст, дающий право всем жителям Соединенного Королевства голосовать на выборах (с 18 лет) [15. P. 228].

Таким образом, высшее образование стало более доступным, вырос жизненный уровень молодежи, а либерализация законодательства смягчила нравы в вопросах личной жизни и расширила пространство свободы. Это привело к росту так называемых жизненных экспектаций, или жизненных ожиданий молодежи.

К числу внешних причин зарождения массового молодежного движения в целом и студенческого движения в частности стоит отнести холодную войну, в особенности военные действия во Вьетнаме, и идеологию, по преимуществу левого толка. Наиболее распространенная именно в студенческой среде, она подпитывала стремление учащихся бороться за свои права (как бы они ни были истолкованы в зависимости от того или иного идеологического направления), а в качестве ориентиров для британских студентов выступали как классические учения К. Маркса, В. Ленина, Л. Троцкого, М. Бакунина, так и труды современников событий – Мао Цзэдуна, Т. Адорно, Ж-П Сартра, Г. Маркузе и особенно популярных среди молодежи новых левых [16. С. 135–136].

Таким образом, имело место сочетание внешних и внутригосударственных причин зарождения массового студенческого протестного движения.

Исследовательница Э.С. Ханна в своей работе приводит перечень основных протестных событий в британских университетах в 1965–1973 гг. [2. P. 40]. Основываясь на нем, главными поводами для протеста можно выделить следующие: протесты против конкретных лиц – 7 выступлений; протесты против качества питания в университетских столовых и повышения платы за учебу и проживание в общежитии – 7; протесты против войны во Вьетнаме или протесты из солидарности с зарубежными студентами, под влиянием других внешнеполитических событий – 4 (из них 3 – в 1960-х гг.); выступления против ведения досье и шпионажа за студентами-активистами – 3; выступления, призванные увеличить роль студентов в управле-

нии учебным заведением – 2; прочее (или совокупность поводов) – 11.

Как в Соединенном Королевстве, так и в Европе и США генезис студенческих протестов происходил под влиянием различных факторов. Тем не менее в каждом государстве возможно определить причину, выделяющуюся среди остальных. Для студентов в США это была война во Вьетнаме, для студенчества ФРГ – борьба за очищение государственного аппарата от ранее состоявших в НСДАП чиновников, во Франции студенты выступали против устаревших учебных программ и несоответствия их реальным потребностям студентов и общества, причем эта борьба велась в рамках не отдельного вуза, а многих учебных заведений.

Для Великобритании же главным поводом для студенческих выступлений были «бытовые» вопросы и протесты против отдельных лиц, но не системы в целом. Хотя в конце 1960-х гг. обострился североирландский конфликт, вызванных им выступлений среди студентов за пределами Ольстера не было. Это характеризует отсутствие серьезных общенациональных проблем, волнующих именно студенчество. Однако только «бытовые» протесты против качества питания и платы за проживание не имели выраженной политической окраски, в отличие от остальных. Протесты против конкретных лиц были вызваны политическим имиджем того или иного политика. В качестве примера можно привести сэра Патрика Уолла, чей визит в Лидс спровоцировал сидячую забастовку в 1968 г. [17]. Патрик Уолл был членом Консервативной партии, состоял в Monday Club – группе влияния, тесно связанной с Консервативной партией. Он поддерживал создание отделений Клуба в 55 университетах Великобритании, а также был представителем парламентского Отдела связей с университетами. Консервативные и «империалистические» взгляды Уолла сделали его мишенью левого студенчества. В схожей ситуации оказался Уолтер Адамс, глава Лондонской Школы Экономики, подвергшийся обструкции за связь с расистским режимом Яна Смита в Родезии [18]. Даже визит королевы Елизаветы II в Университет Восточной Англии (UEA) в 1968 г. сопровождался недовольством студентов [19]. Протесты против Вьетнамской войны были тем более политизированы, она являлась главным внешним катализатором протестов в студенческой среде [5. P. 54–69]. Впрочем, она объединяла многие элементы молодежного движения, крупнейшие молодежные демонстрации 1960-х гг. на Гросвенор-Стрит были вызваны именно ею.

Однако представляется невозможным четко отделить здесь студенческий протест от других элементов молодежного движения, поскольку невозможно узнать достоверно, кто именно участвовал в протестных акциях: сколько участвовало студентов, рабочей молодежи, учащихся школ и т.д. Достоверно можно говорить лишь о том, что весомую роль в организации таких акций играло студенчество, в частности придерживавшийся троцкистских взглядов студент Оксфорда Тарик Али [20. P. 233–234]. Акции в поддержку зарубежных студентов в Великобритании были, напротив, прерогативой самих студентов. В частности, такую акцию в мятежном мае 1968 г. устраивали учащиеся Лондонской Школы Экономики [2. P. 40], в 1960-е гг. ставшей главным очагом протеста по самым различным поводам.

Акции против ведения досье на активистов из студенчества и выступления за большее представительство в университетских органах управления носили локальный характер. Они не поддерживались из единого центра, в качестве которого мог бы выступить, например, Национальный союз студентов (National Union of Students, NUS), но зачастую поддерживались студенческими союзами конкретного вуза (примером может служить упоминавшийся выше визит Патрика Уолла в Лидс в 1968 г.). Впрочем, Национальный союз студентов являлся в политическом смысле системной организацией и не мог поднимать радикальную протестную повестку. Говоря об организациях, призванных координировать и аккумулировать студенческий протест, мы можем выделить Радикальный студенческий альянс (Radical Student Alliance, RSA) и Революционную социалистическую студенческую федерацию (Revolutionary Socialist Student Federation, RSSF). Обе эти организации представляли леворадикальное направление молодежного движения, были немногочисленны и непопулярны. В основном они пытались привлечь студентов через распространение агитационных материалов и массовые акции или собрания [21]. Но леворадикальные идеи как среди студентов Соединенного Королевства, так и в большинстве крупных западноевропейских стран (исключениями были Италия и Франция) остались прерогативой относительно небольшой прослойки наиболее радикальных молодых активистов.

Основными формами студенческого протеста в британских университетах в 1960–1970-х гг. стали так называемые Sit-in (сидячая забастовка на территории вуза) и Teach-in (лекция, публичное выступление). В контексте европейских и американских событий 1960–1970-х гг. это не являлось необычным явлением, характерным только для Великобритании. Примером сидячей забастовки могут служить события в Бристольском университете в декабре 1968 г., когда территория Дома Сената (Senate House) удерживалась студентами в течение 11 дней. Требования бастующих включали большее представительство студентов в органах управления университетом и так называемое взаимное членство для всех городских студентов, что позволило бы пользоваться возможностями Бристольского университета учащимся всего города [22]. Характерно, что протест начался с выступления двух студентов-активистов, устроивших публичное выступление с изложением своих позиций и призывами к действию. То есть две основные формы протеста, Teach-in и Sit-in, зачастую были взаимосвязаны.

Таким образом, можно сделать вывод, что студенческий протест в Великобритании 1960–1970-х гг. был в большей степени узконаправленным, кроме антивоенных демонстраций, он, как правило, имел целью решение отдельной проблемы, причем имевшей место в конкретном учебном заведении, или отстранение от должности конкретного лица. Несомненно, молодых

бунтовщиков вдохновлял опыт прошлых поколений британского студенчества, например датируемый 1238 г. бунт студентов Оксфорда против папского легата и его свиты [23. P. 49–52]. Давняя традиция борьбы различных социальных групп Великобритании за свои права мотивировала студенчество к действию.

В силу того что внутри Великобритании в данный период времени не было повестки, способной объединить студентов разных вузов, британское студенческое движение 1960–1970-х гг. нельзя назвать однородным. Однако даже в таком разрозненном виде оно оказало серьезное влияние на трансформацию британской системы высшего образования, что проявилось в усилении влияния студенческих союзов, реформировании образовательных программ. Руководство высших учебных заведений пошло на уступки бунтовщикам. С конца 1960-х гг. во многих университетах представители студентов были допущены в университетские сенаты и советы факультетов, где они могли представлять интересы учащихся.

Список источников

1. Klimke M. The Other Alliance: Student Protest in West Germany and the United States in the Global Sixties. Princeton : Princeton University Press, 2011.
2. Hanna E.S. Student Power! The Radical days of the English Universities. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2014.
3. Hoefferle C. British Student Activism in the Long Sixties. New York : Routledge, 2013.
4. Webster S.L. Protest Activity in the British Student Movement, 1945 to 2011. Manchester : The University of Manchester, 2013.
5. DeGroot G.J. Student Protest: The Sixties and After. London : Longman, 1998.
6. Boran E., Dhondt P. Student Revolt, City, and Society in Europe: From the Middle Ages to the Present. New York : Routledge, 2017.
7. Lowe R. The Welfare State in Britain since 1945. London : Macmillan Education UK, 2004.
8. Bristow J. Baby Boomers and Generational Conflict. New York : Springer, 2015.
9. Klimke M., Scharloth J. 1968 in Europe: A History of Protest and Activism. New York : Springer, 2008.
10. Karen D. The Politics of Class, Race, and Gender: Access to Higher Education in the United States, 1960–1986 // American Journal of Education. 1991. Vol. 99 (2). P. 208–237.
11. Fornasari A. Access to Higher Education in Europe: Policies on Access and Admissions, Guidance Policy, Role of Gender. A Case-study: Italian University Policy. URL: http://academia.lis.upatras.gr/index.php/academia/article/view/2261/2423 (accessed: 24.10.2018).
12. Abortion Act 1967. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/pdfs/ukpga_19670087_en.pdf (accessed: 24.10.2018).
13. Divorce Reform Act 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/55/pdfs/ukpga_19690055_en.pdf (accessed: 24.10.2018).
14. Family Law Reform Act 1969. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/46/pdfs/ukpga_19690046_en.pdf (accessed: 24.10.2018).
15. Halsey A.H. Trends in British Society since 1900: A Guide to the Changing Social Structure of Britain. New York : Springer, 1972.
16. Самойлов Н.Ю. Влияние левых идеологий на молодежное движение Великобритании 1960-х гг. // Известия Алтайского государственного университета, 2016. № 2 (90). С. 134–138.
17. The Students Were Revolting. URL: http://www.bbc.co.uk/leeds/content/articles/2008/06/24/jack_straw_1968_feature.shtml (accessed: 24.10.2018).
18. 1967: Protest Over Student Suspensions. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/march/13/newsid_2542000/2542639 .stm (accessed: 24.10.2018).
19. Demonstrations at Queen's Visit to University of East Anglia, 1968, Norwich, Norfolk // East Anglian Film Archive. Anglia News. URL: http://www.eafa.org.uk/catalogue/224247 (accessed: 24.10.2018).
20. Ali T. Street-Fighting Years: An Autobiography of the Sixties. London : Verso, 2005.
21. Revolutionary Socialist Student Federation is Launched at Conference Held at the London School of Economics // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/theguardian/2013/jun/15/student-politics-lse-revolution-1968 (accessed: 24.10.2018).
22. Connet J. Fifty Years of Student Protest at the University of Bristol // Bristol 24/7. URL: https://www.bristol247.com/lifestyle/learning/the-power-of-protest/ (accessed: 24.10.2018).
23. Williams J. Life in the Middle Ages. Cambridge : CUP Archive, 1967.

References

1. Klimke, M. (2011) *The Other Alliance: Student Protest in West Germany and the United States in the Global Sixties*. Princeton: Princeton University Press.
2. Hanna, E.S. (2014) *Student Power! The Radical Days of the English Universities*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
3. Hoefferle, C. (2013) *British Student Activism in the Long Sixties*. New York: Routledge.
4. Webster, S.L. (2013) *Protest Activity in the British Student Movement, 1945 to 2011*. Manchester: The University of Manchester.
5. DeGroot, G.J. (1998) *Student Protest: The Sixties and After*. London: Longman.
6. Boran, E. & Dhondt, P. (2017) *Student Revolt, City, and Society in Europe: From the Middle Ages to the Present*. New York: Routledge.
7. Lowe, R. (2004) *The Welfare State in Britain since 1945*. London: Macmillan Education UK.
8. Bristow, J. (2015) *Baby Boomers and Generational Conflict*. New York: Springer.
9. Klimke, M. & Scharloth, J. (2008) *1968 in Europe: A History of Protest and Activism*. New York: Springer.
10. Karen, D. (1991) The Politics of Class, Race, and Gender: Access to Higher Education in the United States, 1960–1986. *American Journal of Education*. 99(2). pp. 208–237.
11. Fornasari, A. (n.d.) *Access to Higher Education in Europe: Policies on Access and Admissions, Guidance Policy, Role of Gender. A Case-Study: Italian University Policy*. [Online] Available from: http://academia.lis.upatras.gr/index.php/academia/article/view/2261/2423 (Accessed: 24th October 2018).
12. UK. (1967) *Abortion Act 1967*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/pdfs/ukpga_19670087_en.pdf (Accessed: 24th October 2018).
13. UK. (1969a) *Divorce Reform Act 1969*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/55/pdfs/ukpga_19690055_en.pdf (Accessed: 24th October 2018).
14. UK. (1969b) *Family Law Reform Act 1969*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/46/pdfs/ukpga_19690046_en.pdf (Accessed: 24th October 2018).
15. Halsey, A.H. (1972*) Trends in British Society since 1900: A Guide to the Changing Social Structure of Britain*. New York: Springer.
16. Samoylov, N.Yu. (2016) Vliyanie levykh ideologiy na molodezhnoe dvizhenie Velikobritanii 1960-kh gg. [The Influence of the Left-Wing Ideologies on Youth Movement of Great Britain in the 1960s]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(90). pp. 134–138.
17. Straw, J. (2008) *The Students Were Revolting*. [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/leeds/content/articles/2008/06/24/jack_straw_1968_feature.shtml (Accessed: 24th October 2018).

18. BBC. (n.d.) *1967: Protest Over Student Suspensions*. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/march/13/newsid_2542000/2542639.stm (Accessed: 24th October 2018).
19. UK. (n.d.) *East Anglian Film Archive. Anglia News: Demonstrations at Queen's Visit to University of East Anglia 1968 Norwich, Norfolk*. [Online] Available from: http://www.eafa.org.uk/catalogue/224247 (Accessed: 24th October 2018).
20. Ali, T. (2005) *Street-Fighting Years: An Autobiography of the Sixties*. London: Verso.
21. Bourne, R. (2013) *The Guardian: Revolutionary Socialist Student Federation is Launched at Conference Held at the London School of Economics*. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/theguardian/2013/jun/15/student-politics-lse-revolution-1968 (Accessed: 24th October 2018).
22. Connet, J. (2018) *Bristol 24/7: Fifty Years of Student Protest at the University of Bristol*. [Online] Available from: https://www.bristol247.com/lifestyle/learning/the-power-of-protest/ (Accessed: 24th October 2018).
23. Williams, J. (1967) *Life in the Middle Ages*. Cambridge: CUP Archive.

***Сведения об авторе*:**
Самойлов Никита Юрьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: nicksamoylov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Samoilov Nikita Y. – postgraduate student of the Department of General History and International Relations of the Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: nicksamoylov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.11.2018; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 03.11.2018; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 94(44)
doi: 10.17223/19988613/82/20

Когда стол перестал быть круглым. Старшинство и способы предотвращения конфликтов за старшинство в период «Второго Средневековья» (XII–XVI вв.)

Евгения Александровна Шелина

Туринский Университет, Италия, jshelina@gmail.com

Аннотация. Реконструкция способов выстраивания связей между индивидами, а также различными институциональными позициями в период Второго Средневековья позволяет предположить, что для западно-христианского общества этого периода «старшинство» было одним из структурных отношений. В статье рассматривается частный вопрос из истории данных отношений: предлагаются наблюдения о возможных причинах жесткости конфликтов за старшинство в период Второго Средневековья, а также обсуждаются те превентивные меры, к которым должны были прибегать власть имущие, чтобы обеспечить стабильное функционирование ассамблей исследуемого периода.
Ключевые слова: конфликты за старшинство, превентивные меры, Западный христианский мир, Второе Средневековье, аналогизм

Для цитирования: Шелина Е.А. Когда стол перестал быть круглым. Старшинство и способы предотвращения конфликтов за старшинство в период «Второго средневековья» (XII–XVI вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 163–167. doi: 10.17223/19988613/82/20

Original article

When the table ceased to be round. The precedence and the ways to avoid the conflicts for precedence during the Second Middle ages (12th–16th centuries)

Evgeniya A. Shelina

University of Turin, Turin, Italy, jshelina@gmail.com

Abstract. If we follow French historians' hypothesis that analogism as ontology ruled in the medieval society, while naturalism rules in the modern European society, then we inevitably come to the idea that the ways of constructing the hierarchies in these societies are drastically different. A particular instance of these differences is constant constructing of the orders of precedence in the medieval western society, which were structural for the whole society (precedence being one of the relations within a hierarchy), while such orders are not so typical for the modern naturalist society of Europe. Those who are considered formally equals in the modern society, in particular the holders of the same power position, during the period of the Second Middle Ages (12th-16th centuries) were lined up according to the distance of each one from the prototype or the center. From the practical point of view a higher place in the order of honor gave more possibilities for vertical social mobility in some territories of the region. The struggle for places mainly took place in the assemblies. By the 13th-14th centuries several ways to construct the order of precedence can be observed: a) according to the time of arrival at the assembly; b) according to the seniority of the holders of the same position; c) according to the antiquity of the bishopric, of the realm, of the city; and two multi-criteria principles: d) according to a sum of the characteristics of the territory/place under the rule; e) according to a sum of the characteristics of the persons (age, the number of the positions, nobility). The adoption of the system of polyhierarchies, the transition from the system of ranking according to one principle (a-c) to the multi-criteria systems (d-e), and the emerging necessity to construct order among the holders of different positions resulted in the growing number of conflicts for precedence. In this situation, the 'centers' of the medieval world (the popes, the emperors, the kings, and the archbishops) had to resort to preventive measures to sustain the productive functioning of the assemblies. The documentations and the descriptions of the assemblies have enabled us to reconstruct that by the 15th-16th centuries the main ways to regulate such conflicts were a waiver of the *ordo sedendi,* a return to the ancient neutral ways of seating arrangements according to seniority or according to the time of arrival at the assembly, and the construction of the seating order according to the principles of *alternatio* depending on: a) the concrete acts, б) the different days of the same assembly (the rotation), c) the different places where the assembly was held; d) the different types of ceremonies.
Keywords: conflicts for precedence, preventive measures, Western Christianity, Second Middle Ages, analogism

For citation: Shelina, E.A. (2023) When the table ceased to be round. The precedence and the ways to avoid the conflicts for precedence during the Second Middle ages (12th–16th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 163–167. doi: 10.17223/19988613/82/20

© Е.А. Шелина, 2023

В последнее десятилетие все больше исследователей-медиевистов относят эпоху до начала XVI в. ко времени господства аналогизма как онтологии (А. Еро-Жалабер [1], Ж. Морсель [2], Ж. Баше [3]), в отличие от последующих веков, времени господства натурализма как онтологии, в соответствии с классификационной схемой Ф. Дескола [4]. При таком подходе западный средневековый мир представляется как мир, где происходит постоянное умножение различий между вещами и отношениями, как мир градаций, где каждый элемент почти всегда незначительно отличается от предыдущего и последующего. Если принять за основу гипотезу принадлежности средневекового и современного европейских обществ к различным онтологиям, то можно предположить, что таксономии, т.е. классификационные серии, сквозь призму которых средневековое и современное общества представляют мир, с необходимостью различны. Это допущение затрагивает базовые схемы построения отношений внутри социальных иерархий двух обществ. Средневековые иерархии были другими не только потому, что связывали уже не существующие в современном мире социальные группы, но и потому, что способы соотнесения групп и элементов групп друг с другом были иными.

Как частный случай различий могут быть представлены отношения внутри «линий старшинства». Эти «линии старшинства», столь важные для европейских обществ до эпохи модерна, потеряли свою роль в обществе современном. Они не могут быть описаны при помощи большинства современных определений иерархии, таких как, например, «иерархия – это лестница командования, где нижние уровни интегрированы в соответствующем порядке в верхние» [5. S. 91]: позиции, связывавшиеся в «линии старшинства», которые во властных группах были также «линиями почета», не были соподчинены. Тем не менее речь шла об особом типе ранжирования этих позиций. Поэтому, если отталкиваться от более широкого определения «иерархии» как сознательной формы отношения частей к целому внутри системы» [5. S. 91], то средневековые «линии почета» могут быть определены как формы, внутри которых части / элементы занимают свое место в общем порядке в зависимости от отношений каждого из них к прототипу-центру в каждой конкретной ситуации. Помимо отношений доминирования, примером которых могут быть отношения «отец–дети» или «господин–подчиненные» («иерархия субординации»), отношения старшинства, примером которых могут быть отношения детей одного отца по отношению друг к другу или подчиненных одного господина друг к другу, были структурным элементом средневекового миропорядка. Если ключевым отношением эпохи являлось отношение *simulitudo*, то различное распределение «схожести» с «прототипом / центром» между детьми и подчиненными определяло место каждого как по отношению к прототипу / центру, так и по отношению к другим элементам в каждой последовательности [6].

В данной статье мы исследуем «порядок старшинства» среди групп власть имущих. Классификации по принципу «старшинства», в частности, помогали в неравной мере распределять власть между теми, кто занимал одинаковую позицию, в зависимости от дистанции каждого от «властного центра» (и кого мы, исходя из наших современных социальных схем, нередко рассматриваем как «равных»). Отношения старшинства выстраивались постоянно (любой средневековый документ, где присутствует перечисление хотя бы двух носителей одной позиции, является свидетельством выстраивания «порядка по старшинству»), а местом, где возможно было частично переделать порядок в отдельных звеньях последовательности, были ассамблеи. Необходимость выстраивания отношений старшинства появлялась всегда в ситуациях совместного действия.

Ранее мы выделили пять принципов выстраивания «линий почета», которые наблюдаются на различных территориях западного христианства в исследуемый период [7]. Три из них (каждый) основаны на одном критерии: времени прибытия на ассамблею; принципе «старшинства» по времени рукоположения носителей одной позиции; древности епархий, королевств, городов, чьи представители выстраивают линию почета. Два других принципа имеют в своей основе несколько критериев: первый – арифметическую сумму характеристик, приписываемых руководимой институции или территории; второй – арифметическую сумму характеристик конкретных персон, выстраивающих порядок между собой.

Видимым проявлением порядка старшинства на всех ассамблеях, который был проявлением универсального порядка, внутри которого каждый участник занимал свое место, было распределение посадочных мест между участниками. Данный порядок также нередко отражается в порядке подписей в документах, составленных во время ассамблеи, и в порядке письменного перечисления участников. «Сидение», в свою очередь, определяло порядок высказывания мнения по обсуждаемым вопросам (и этот порядок был не менее важным).

Гипотетически чем «первее» была позиция человека в линии почета, тем больше он мог претендовать на действительное участие в управлении. Когда мы сравниваем порядок подписей документов и списки тех, кто участвовал в сериях собраний, то видна корреляция между позицией в порядке перечисления и частотностью участий в принятии решений. Следующая слегка модифицированная нами таблица, составленная Карлосом Эстепой Диасом, представляет пример такой корреляции [8. S. 50]. В столбце «число документов» мы видим данные о количестве документов, подтвержденных тем или иным кастильским епископом, а в последних трех столбцах указано число, соответствующее количеству раз, которое епископ поставлен в перечислении на 1-е, 2-е или 3-е место.

Так, наиболее часто упоминаемые епископы Паленсии и Бургоса чаще всего занимают 1-е или 2-е место в перечислениях. Наиболее редко упоминавшийся епископ Плазенсии практически всегда упоминается в конце списка епископов.

Эту же логику несложно проследить и на другом примере. Количество участников от каждой «нации» было неизменно для представителей разных «наций»

в сравнении друг с другом. Уже на II Лионском соборе 1274 г., в то время как от Франции, Германии, Испанских королевств, Англии было по четыре представителя, от Сицилии и Ломбардии – по два, от Шотландии, Тосканы, Норвегии, Швеции, Венгрии, Богемии, Польши только по одному представителю [9]. Перечисление их в документах начиналось с тех, кто имел большее представительство.

Корреляция между позицией в порядке перечисления кастильских епископов и частотностью участий в принятии решений на основе таблицы К.Э. Диаса

Епархия	Число документов	1-е место	2-е место	3-е место
Паленсия	634	266	227	62
Бургос	574	238	178	31
Сеговия	513	41	89	127
Авила	499	38	77	86
Сигуэнца	485	72	60	134
Осма	451	22	71	157
Куэнка	365	51	14	28
Калаорра	336	31	32	72
Плазенсия	158	1	2	3

Для тех, кто входил в менее почетные группы, вопрос о месте в «линии почета» являлся вопросом о включении или исключении их из неформализованной, но де факто существовавшей группы принимавших решения по обсуждаемым на ассамблеях вопросам. Для тех, кто занимал верхние позиции, появлялся дополнительный интерес в возможности вертикальной социальной мобильности. Тот, кто занимал первое место в «линии почета», имел больше шансов, нежели остальные члены «группы», быть выбранным / назначенным на более высокую ступень уже в функциональной иерархии соподчинения. Такое влияние начинает прослеживаться довольно рано: уже в конце XI в. папа Урбан II в 1097 г., а затем Паскаль II в 1099 и 1107 гг. подтвердили примат Нарбонны над провинцией Экс, основываясь на «линии почета» между двумя провинциями. Чуть позднее Руан претендует на примат над провинциями Тура и Санса на том основании, что эти провинции в списках перечисляются после него [10. S. 256]. Между тем место в иерархии соподчинения и юрисдикции могло зависеть от места в иерархии почета лишь на определенных территориях западного христианства (особенно во Франции). На других территориях речь шла лишь о «счетах символического капитала» (в Англии, Испании и Ирландии) [11. S. 406].

Помимо возможностей вертикальной мобильности, в рассматриваемый период говорить первым практически везде обозначало, что мнение и голос человека имели бóльшую ценность, чем голоса тех, кто занимал менее престижные позиции в линии старшинства. Особенно это касалось тех обществ, где отказ от принципа принятия решений *maior et sanior pars* еще не был полностью забыт. То есть в случае, если говоривший первым обладал хорошими ораторскими способностями, он мог повлиять на мнение группы прежде, чем это сделают его оппоненты [12. S. 130]. В то же время все часто упиралось в право говорить от лиц, занимавших ту же позицию, и решать то, что будет обязательным к исполнению ими.

В рассматриваемом обществе фиксирование предшествующего места в «порядке» создавало прецедент на будущее. В период, когда все чаще распределение мест было основано на владении определенными территориями, чей набор характеристик был более или менее стабильным, значение прецедента усиливалось. Тогда речь шла уже не только о месте конкретного носителя позиции, но и о его последователях. Здесь уже вступало правило: все сохранить и желательно приумножить.

Когда начиная с XIV в. наблюдается переход к «полииерархиям» и когда происходит переход от первой из выделенных выше групп принципов построения линий почета ко второй, наступает, с одной стороны, период «воспроизведения» более фиксированных последовательностей, а с другой – период «локальных конфликтов» за места внутри отдельных групп из 2–3 звеньев выстраиваемых последовательностей. Так, в XV в. Франция оспаривает старшинство с Англией и Кастилией, а Бургундия и Савоя, не претендуя на места первых трех королевств, спорят за старшинство между собой. Такие же конфликты происходят на протяжении нескольких веков и на локальных ассамблеях, в частности спорят между собой епископы, города и прочие звенья институциональной иерархии, имеющие власть и общий «центр» подчинения.

Важность места в линии старшинства для людей «Второго Средневековья», а также ряд особенностей построения рассматриваемых отношений способствовали увеличению числа конфликтов на протяжении рассматриваемого периода. Во-первых, в это время линии почета уже связывают различные позиции, что в разы увеличивает возможность потенциальных конфликтных ситуаций. Во-вторых, изначально не была фиксирована иерархия значимостей каждого из критериев, по которым можно было судить о важности того или иного элемента в последовательности (такие фиксации постепенно начинают возникать ближе к периоду установления «придворного общества»).

Описания отдельных конфликтов можно найти в значительном количестве исследований, большинство из которых исходят из позиции конфликтующих сторон. Но в этих конфликтах всегда была третья сторона – регулирующий центр, чья позиция усиливалась благодаря функции судьи в случае наличия конфликта, но также и благодаря роли «организатора», в чьей власти было заранее создать условия для предотвращения конфликта. Мы предлагаем рассмотреть те превентивные меры, к которым прибегали носители высших по-

зиций христианского мира (папы, императоры, короли, архиепископы), чтобы «ассамблеи» могли проходить не только в режиме конфликтов за старшинство, но и в режиме обсуждения «рабочих вопросов».

Мы наблюдаем, что одна группа мер базируется на отказе от порядка почета вообще, вторая – на возвращении к более древним схемам выстраивания линий старшинства, основанных на одном критерии, третья – на принципе *alternatio*.

1. Первый принцип «регулирования» – самый древний, сводится к отказу от *ordo sedendi*. Примеры такого отказа могут быть найдены на протяжении длительного времени. Ранней формой такого отказа может считаться расположение участников собрания вокруг круглого стола. Папа Лев IX дал распоряжение о таком устройстве стола, чтобы на соборе в Реймсе в 1049 г. временно избежать решения вопроса о первенстве Реймса против Трира. Случай отказа от выяснения отношений старшинства через порядок рассадки зафиксирован на соборе в Туре в 1163 г. под руководством папы Александра III [13]. Отказ от определенного порядка рассадки лег в основу функционирования многих институтов Нового времени. Этот принцип был и в основе рассадки в Английской палате общин к XVI в., где только у представителей Лондона и Йорка были традиционные места, а все остальные участники рассаживались там, где было свободно. В Польском сейме Нового времени все могли говорить на равных началах, т.е. официально не существовало старшинства в порядке высказываний. В некоторых случаях данный принцип действовал на постоянной основе, в других к нему прибегали по мере необходимости. Уравнивание было в этом случае часто не целью, а необходимостью, чтобы избежать конфликта.

2. Возвращение к «нейтральным», ранним принципам построения линии старшинства, например заключение договора об использовании принципа «первый пришел – первый сел – первый заговорил» в рамках конкретного мероприятия, также наблюдается на протяжении XIV–XVI вв. Примером может служить рейхстаг в Вормсе (1521), когда герцог Баварский пришел ранее, нежели герцог Саксонский, претендовавший на старшинство в их паре, но по факту прибытия первым герцог Баварский получил более почетное место [14. S. 39].

3. Принципы *mixtura* и *alternatio* имели несколько различных выражений:

а) признавался приоритет одного индивида в одном действии, другого индивида в другом действии; например, в 1425 г. на соборе в Вальядолиде был принят принцип первенства города Бургоса в процедуре *besamanos* и приоритет Леона, когда речь шла о том, кто говорит первым [15. S. 28];

б) признавался приоритет одного быть первым на одном мероприятии, другого – на другом (можно обозначить этот принцип как принцип ротации); например, на соборе в Констанце (1414–1418) так были выстроены отношения между университетами Авиньона и Анжера [16. S. 24];

в) позиция каждого определялась в зависимости от того, в каком месте происходит ассамблея или какое-либо иное властное событие. Например, в 1345 г. на ассамблее в кастильском городе Леоне Альфонсо XI согласился поставить Леон выше Толедо в письменных документах, но это правило не распространялось на грамоты, которые создавались в Толедо [17. S. 61]. Сходное правило вычисления первого действовало для Брабанта и Фландрии [12]. Также и в Португалии Эвора и Коимбра менялись местами в зависимости от того, на правом или на левом берегу Тежу (Тахо) происходила ассамблея [18. S. 46];

г) позднее появился еще один принцип: старшинство зависело от характера происходившего события и от типа церемонии, где места распределялись в соответствии с функциями участников в каждой церемонии. Так, во время одного спора о старшинство, произошедшего в 1572 г., король Карл IX постановил о старшинство одного из участников спора в тех ситуациях, когда в церемонии важнее статус герцога, и второго, когда важнее статус пэра [19. S. 171].

Между тем позиция самих участников конфликтов нередко и все больше сводилась к постепенному отказу от признания равенства или возможности альтернации 2–3 позиций. Например, уже на Базельском соборе в 1434 г. «нейтральные» принципы *mixture* / *alternatio* и принцип старшинства, предлагаемые папой римским, были отвергнуты враждующими сторонами, которые настаивали на решении вопроса в пользу построения четкой линии почета [20. S. 198].

Когда столы перестали быть «круглыми», когда наступило время «почетной рассадки» по трем направлениям (право–лево, ближе–дальше, выше–ниже), число конфликтов внутри средневековых властных групп возросло. Между тем наличие самих конфликтов, а также наличие воспроизводимых и вновь создаваемых обществом моделей урегулирования описываемых типов конфликтов показывает, что «старшинство» было структурным отношением для общества. С возникновением современного общества и со сменой господствующей онтологии изменилось и структурное место отношений старшинства: отношения «старшинства» относятся современным обществом, скорее, к «церемониалу», противопоставляемому «реальному исполнению власти». Никто из министров уже не будет игнорировать заседание, узнав, что его политический оппонент претендует на его кресло.

Список источников

1. Guerreau-Jalabert A. Occident médiéval et pensée analogique : le sens de spiritus et caro // La légitimité implicite. Paris, 2015. S. 457–476.
2. Morsel J. Soziale Kategorisierung oder historische Phantasmagorie? Erkundungen zum historischen Gebrauch von mittelalterlichen sozialen Kategorien // Wirtschaft – Gesellschaft – Mentalitäten im Mittelalter. Festschrift zum 75. Geburtstag von Rolf Sprandel. Stuttgart, 2006. S. 211–237.
3. Baschet J. Entre le Moyen Age et nous // Pourquoi étudier le Moyen Age ? Les médiévistes face aux usages sociaux du passé. Paris, 2012. S. 215–232.
4. Descola Ph. Par-delà nature et culture. Paris, 2005.
5. Dumont L. Homo hierarchicus. Essai sur le système des castes. Paris : Éditions Gallimard, 1967. S. 91.

6. Morsel J. Dieu, l'homme, la femme et le pouvoir. Les fondements de l'ordre social d'après le " Jeu d'Adam " // Retour aux sources. Textes, études et documents d'histoire médiévale offerts à Michel Parisse. Paris, 2004. S. 537–549.
7. Шелина Е.А. О некоторых способах построения «иерархий равных» в период «Второго Средневековья» // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 271–286.
8. Estepa D.C. Los confirmantes en los diplomas de Alfonso VIII (1158–1214) // Chartes et cartulaires comme instruments de pouvoir. Espagne et Occident chrétien (VIIIe–XIIe siècles). Toulouse ; Madrid, 2013. S. 45–69.
9. Second council of Lyons (1274). URL: http://www.legionofmarytidewater.com/faith/ECUM14.HTM#01
10. Caillemer E. Des Conflits entre l'église de Lyon et l'église de Rouen relativement à la primatie. Lyon : Creative Media Partners, LLC, 1913.
11. Delivré F. The Foundations of Primatial Claims in the Western Church (Eleventh–Thirteenth Centuries) // The Journal of Ecclesiastical History. 2008. Vol. 59 (03). P. 383 – 406.
12. Hébert M. L'ordre des discours : les conflits de préséance dans les assemblées parlementaires de la fin du Moyen Âge. // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 2009. S. 125–151.
13. Delivré F. Les évêques face au pape. Les conflits de préséance en concile général (XIe–XVe siècles) // Violences souveraines au Moyen Age. Paris, 2010. S. 175–183.
14. Stollberg-Rilinger B. Les vieux habits de l'empereur : Une histoire culturelle des institutions du Saint-Empire à l'époque moderne. Paris : MSH, 2013.
15. Benito Ruano E. La prelación ciudadana: las disputas por la precedencia entre las ciudades de la Corona de Castilla. Toledo : Centro Universitario, 1972.
16. Müller H. Théâtre de la préséance. Les ducs de Bourgogne face aux grandes assemblées dans le Saint-Empire. Ostfildern : Jan Thorbecke Verlag, 2007.
17. O'Callagan J. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria. Leiden : Brill Academic Pub, 1998.
18. Caetano de Sousa A. Provas da Historia genealogica da casa real portugueza : tirados dos instrumentos dos archivos da Torre do Tombo, da serenissima casa de Bragança, de diversas cathedraes, mosteiros, e outros particulares deste reyno. Coimbra : Nabu Press, 1948.
19. Cosandey F. Le rang. Préséances et hiérarchies dans la France d'Ancien Régime. Paris : Editions Gallimard, 2016.
20. Müller H. Siège, rang et honneur : la querelle de préséance entre la Bretagne et la Bourgogne au concile de Bâle (1434) // Le prince, l'argent, les hommes au Moyen Age. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2008. S. 195–205.

References

1. Guerreau-Jalabert, A. (2015) Occident médiéval et pensée analogique : le sens de spiritus et caro. *La légitimité implicite*. Proceedings of the conferences organized in Rome in 2010 and 2011 by SAS, in collaboration with the French School of Rome. Roma: French School of Rome. pp. 457–476. DOI: 10.1400/236264
2. Morsel, J. (2006) Soziale Kategorisierung oder historische Phantasmagorie? Erkundungen zum historischen Gebrauch von mittelalterlichen sozialen Kategorien. In: Baum, H.P., Leng, R. & Schneider, J. (eds) *Wirtschaft – Gesellschaft – Mentalitäten im Mittelalter. Festschrift zum 75. Geburtstag von Rolf Sprandel*. Stuttgart. pp. 211–237.
3. Baschet, J. (2012) Entre le Moyen Age et nous. In: Méhu, D., de Barros Almeida, N. & Cândido da Silva, M. (eds) *Pourquoi étudier le Moyen Age ? Les médiévistes face aux usages sociaux du passé*. Paris: Publication de la Sorbonne. pp. 215–232.
4. Descola, Ph. (2005) *Par-delà nature et culture*. Paris.
5. Dumont, L. (1967) *Homo hierarchicus. Essai sur le système des castes*. Paris: Éditions Gallimard.
6. Morsel, J. (2004) Dieu, l'homme, la femme et le pouvoir. Les fondements de l'ordre social d'après le "Jeu d'Adam." In: Gerzaguet J.-P., Lebecq, S., Gaillard, M., Gauvard, C. Et al. *Retour aux sources. Textes, études et documents d'histoire médiévale offerts à Michel Parisse*. Paris: Picard. pp. 537–549.
7. Shelina, E.A. (2018) O nekotorykh sposobakh postroeniya "ierarkhiy ravnykh" v period "Vtorogo Srednevekov'ya." [About some ways of building "hierarchies of equals" in the period of the "Second Middle Ages"]. *Dialog so vremenem*. 65. pp. 271–286.
8. Estepa, D.C. (2013) Los confirmantes en los diplomas de Alfonso VIII (1158–1214). In: *Chartes et cartulaires comme instruments de pouvoir. Espagne et Occident chrétien (VIIIe–XIIe siècles)*. Toulouse; Madrid. pp. 45–69.
9. France. (1274) *Second council of Lyons*. [Online] Available from: http://www.legionofmarytidewater.com/faith/ECUM14.HTM#01
10. Caillemer, E. (1913) *Des Conflits entre l'église de Lyon et l'église de Rouen relativement à la primatie*. Lyon: Creative Media Partners, LLC.
11. Delivré, F. (2008) The Foundations of Primatial Claims in the Western Church (Eleventh–Thirteenth Centuries). *The Journal of Ecclesiastical History*. 59(03). pp. 383–406.
12. Hébert, M. (2009) L'ordre des discours: les conflits de préséance dans les assemblées parlementaires de la fin du Moyen Âge. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 151(3). pp. 125–151.
13. Delivré, F. (2010) Les évêques face au pape. Les conflits de préséance en concile général (XIe–XVe siècles). In: Foronda, F., Barralis, Ch. & Sère, B. (eds) *Violences souveraines au Moyen Age*. Paris: Presses Universitaires de France. pp. 175–183.
14. Stollberg-Rilinger, B. (2013) *Les vieux habits de l'empereur : Une histoire culturelle des institutions du Saint-Empire à l'époque moderne*. Paris: MSH.
15. Benito Ruano, E. (1972) *La prelación ciudadana: las disputas por la precedencia entre las ciudades de la Corona de Castilla*. Toledo: Centro Universitario.
16. Müller, H. (2007) *Théâtre de la préséance. Les ducs de Bourgogne face aux grandes assemblées dans le Saint-Empire*. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag.
17. O'Callagan, J. (1998) *Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria*. Leiden: Brill Academic Pub.
18. Caetano de Sousa, A. (1948) *Provas da Historia genealogica da casa real portugueza : tirados dos instrumentos dos archivos da Torre do Tombo, da serenissima casa de Bragança, de diversas cathedraes, mosteiros, e outros particulares deste reyno*. Coimbra: Nabu Press.
19. Cosandey, F. (2016) *Le rang. Préséances et hiérarchies dans la France d'Ancien Régime*. Paris: Editions Gallimard.
20. Müller, H. (2008) Siège, rang et honneur: la querelle de préséance entre la Bretagne et la Bourgogne au concile de Bâle (1434). In: Cassard, J.-C., Coativy, J., Gallicé, A. & Le Page, D. (eds) *Le prince, l'argent, les hommes au Moyen Age*. Rennes: Presses universitaires de Rennes. pp. 195–205.

***Сведения об авторе*:**
Шелина Евгения Александровна – PhD Университета Париж-1 Пантеон-Сорбонна и Высшего Совета по Научным Исследованиям Испании, постдок Фонда 1563, Туринский Университет (Турин, Италия). E-mail: jshelina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Shelina Evgeniya A. – PhD (Univerity of Paris-1 Pantheon-Sorbonne and CCHS-CSIC, Madrid), Postdoctoral Fellow, Fondazione 1563, University of Turin (Turin, Italy). E-mail: jshelina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 26.07.2019; accepted for publication 21.03.2023

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья
УДК 903.59 (393.05)
doi: 10.17223/19988613/82/21

Мясная напутственная пища в погребальном обряде населения Гонур-депе

Роберт Мидхатович Сатаев[1], Владимир Владимирович Куфтерин[2], Надежда Анатольевна Дубова[3], Лилия Вакиловна Сатаева[4]

[1, 2, 3] Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
[4] Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
[1] rob-sataev@mail.ru
[2] vladimirkufterin@mail.ru
[3] dubova_n@mail.ru
[4] lvsataeva@mail.ru

Аннотация. С опорой на зооархеологические данные рассматривается вопрос о регламентации мясной напутственной пищи в погребальном обряде населения Гонур-депе (Бактрийско-Маргианская археологическая культура, Южный Туркменистан). На основе рассмотрения видового и элементного состава остатков животных анализируется связь между компонентами напутственной пищи и гендерными характеристиками погребенных, а также конструкциями погребений. Делается заключение о существовании определенного регламента «сервировки» мясных подношений умершим в зависимости от их пола и социального статуса.
Ключевые слова: зооархеология, Туркменистан, эпоха бронзы

Благодарности: Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Дубова Н.А., Сатаева Л.В. Мясная напутственная пища в погребальном обряде населения Гонур-депе // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 168–175. doi: 10.17223/19988613/82/21

Original article

Meat funeral offerings in the burial rite of Gonur Depe Bronze Age community

Robert M. Sataev[1], Vladimir V. Kufterin[2], Nadezhda A. Dubova[3], Liliia V. Sataeva[4]

[1, 2, 3] N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[4] Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation
[1] rob-sataev@mail.ru
[2] vladimirkufterin@mail.ru
[3] dubova_n@mail.ru
[4] lvsataeva@mail.ru

Abstract. The topic of the article is about the meat funeral food regulation in the burial rite of the Bronze Age population of Southern Turkmenistan based on zooarchaeological evidence. The studied material comes from the excavations of Gonur Depe site – proto-urban centre and presumable capital of Ancient Margiana (2300–1500 BCE). The species composition, anatomical portions and body part frequencies of animal remains used in rituals are analyzed, as well as the relationship between the components of funeral food and the characteristics of buried individuals. The latter includes gender, age and reconstructed social status. Differences in the burial constructions are assumed as possible social status indicator. Evaluation of a connection between the composition of meat portions and the characteristics of buried individuals is implemented using data on the remnants of funeral food from 28 graves at area 16 (11 male and 17 female). The analyzed burials were arranged in cists (12), shaft (7) and pit (7) graves, as well as chambers (2). As a result of the study, the following theses are formulated. 1) Meat of small ruminants (sheep and goats) was predominantly placed in the burials, and only in rare cases cattle and pig meat. 2) The sheep and goat skeletal remains, originating from funeral food and

© Р.М. Сатаев, В.В. Куфтерин, Н.А. Дубова, Л.В. Сатаева, 2023

"kitchen waste" assemblages, statistically differs, which indicates certain selectivity in the choice of meat portions placed in the graves. Since the vertebral and costal segments sharply predominate in faunal remains from the graves, one can speak of the special importance of these body parts in the burial rite. 3) In more complex burial constructions – cists and chambers, the composition of meat portions was more varied than in pit and shaft graves. In this case there is no connection with the sex and age of buried individuals, therefore this fact can be explained by the higher social status of those buried in cists. At the same time, the amount of meat placed in varies grave types did not differ. 4) Male and female burials reveal a number of significant differences in the composition of meat portions placed in them. Parts of the spine, shoulder girdle, and distal limbs were placed in male graves significantly more often than in female ones. In addition, the composition of different meat portions in them was richer. In terms of the amount of meat placed in the graves, the male and female burials did not differ significantly. It is concluded that the ancient Gonur Depe inhabitants had a certain regulation for "serving" meat offerings to deceased tribesmen, depending on their gender and social status.
Keywords: zooarchaeology, Turkmenistan, Bronze Age

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Sataev, R.M., Kufterin, V.V., Dubova, N.A., Sataeva, L.V. (2023) Meat funeral offerings in the burial rite of Gonur Depe Bronze Age community. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 168–175. doi: 10.17223/19988613/82/21

Исследования этнографов показывают, что обряды и ритуалы, приуроченные к разным сторонам человеческой жизни, имеют общие корни и взаимосвязаны. В большинстве культур пол, возраст, социальный статус и другие характеристики человека определяли порядок подачи ему мясных кусков, и эти традиции могли распространяться и на умершего члена общества.

Пища у всех народов мира играла важную сакральную роль. Ее приготовление и распределение между членами сообщества были зачастую жестко регламентированы. Это касается как растительных, так и мясных блюд. Хотя в задачи данной статьи не входит обзор традиций, связанных с раздачей мясной пищи во время совместной трапезы у разных народов, стоит привести ряд иллюстраций. По-видимому, они были достаточно характерны для разных культур. Например, согласно исследованиям Г.Р. Галдановой, мясная пища у монгольских народов наделялась сакрально-символическими свойствами, поэтому во время угощений мясные блюда распределялись соответственно возрасту и общественному положению [1]. Забой и разделка туши животного производились согласно установленным традицией правилам. Баран расчленялся на семь основных частей: четыре ноги, грудина, задняя часть и хребет. Разделка туши производилась по суставам маленьким ножом. Каждый сустав ноги представлял особое блюдо, всего из четырех ног получалось 12 блюд. Лопатка подносилась лицам духовного звания. Она использовалась при жертвоприношениях и иногда ценилась даже выше головы. Локтевые кости предлагались «чужеродцам», гостям из дальних стран. Плечевые кости, по древнему обычаю, использовали при сватовстве. Для совершения свадебных обрядов была необходима коленная кость. Крестцовые кости подавали женщинам или людям среднего звания. Блюда из бедренных костей по престижности были ниже, чем из берцовых. Наиболее почетными из ребер признавались четыре самых длинных ребра. Задняя часть крестца и поясничные позвонки считались исключительно женским блюдом. Грудину подавали девушкам или молодым замужним родственницам [2]. У башкир, в свою очередь, грудину предлагали самому почетному гостю [2; 3. С. 14].

Очевидно, что при этом подразумеваются не кости животных, а связанные с ними мясные куски. В целом можно констатировать, что регламент раздачи мясных кусков во время совместной трапезы присутствует у целого ряда народов.

С подобными ритуалами определенное сходство (и скорее, всего общее, происхождение) имеют традиции помещения мясной пищи в погребения. По материалам Г. Мэнэс, у захчинов (одной из этнических групп ойратского населения Западной Монголии) в изголовье или рядом с покойником ставили пять видов пищи [4]. Из мясной пищи покойнику клали вареную большую берцовую кость и четыре длинных ребра барана или в чашку помещали большую берцовую кость, один позвонок и одно длинное ребро, а также на плоский камень помещали плечевую кость барана.

К сожалению, анализу костных остатков животных в погребальных комплексах вообще и эпохи бронзы в частности уделяется мало внимания. Обычно анализируются видовой состав, особенности экстерьера животных по памятнику в целом. Исследования привязки отдельных костей как маркеров мясных кусков к погребениям разного типа (показатель социального статуса), а также к биологическим характеристикам погребенных практически отсутствуют. Очевидно, что состав потребляемой пищи, в том числе напутственной, был неслучайным и мог зависеть от пола, возраста, социального статуса [5. P. 122–134; 6. P. 368–369, 373; 7; 8].

В настоящей статье вопрос о регламентации мясной напутственной пищи с опорой на зооархеологические данные рассматривается применительно к материалам Гонур-депе (Южный Туркменистан). Этот яркий и широко известный памятник Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК), открытый В.И. Сарианиди в песках Юго-Восточных Каракумов (38°12′50″N, 62°02′15″E), трактуется как предполагаемое столичное поселение древней Маргианы – страны Маргуш [9–15]. Радиоуглеродная хронология этого протогородского центра эпохи бронзы в настоящее время определяется временным интерва-

лом 2300–1500 до н.э. [16]. Следует отметить, что Древняя Маргиана, одним из центров которой был Гонур-депе, являлась земледельческой цивилизацией. Древнее население выращивало и использовало в пищу значительное число видов культурных растений [17]. В первую очередь это злаки (пшеница, ячмень, просо), а также бобовые. При изучении зубного камня у одного из погребенных удалось выявить зерна крахмала пшеницы, ячменя и бобовых, что напрямую свидетельствует о характере его питания [18]. Крахмал пшеницы и ячменя происходил от термически обработанных семян, а бобовых – от сырых. На преобладание в диете древнего населения обработанной на огне растительной пищи мягкой консистенции указывает и характер зубных патологий. По-видимому, в качестве напутственной пищи использовалось не только мясо, но и продукты растительного происхождения, например зерно, лепешки или каши, что было вполне естественным для земледельческого населения. Мы исследовали содержимое многих сосудов из погребений, но в них пока не были обнаружены растительные остатки, которые уверенно можно связать с погребальным обрядом. Возможно, это связано с тем, что в этих условиях они истлевали и сохранялись лишь в углефицированном или законсервированном медью состоянии. Лишь в одном случае удалось достоверно зафиксировать случай заупокойного подношения растительного происхождения. Так, в большом красноглиняном ангобированном сосуде из погребения 3901 находилась масса, представляющая собой остатки блюда, приготовленного из дробленного неотвеенного проса, вероятнее всего, каша или густая похлебка, сваренная на молоке [19. С. 160]. В свою очередь, костей животных, происходящих от пищевых отходов, на памятнике сравнительно немного [20. С. 40–45].

Однако, несмотря на ярко выраженную земледельческую специализацию хозяйства древнего населения Гонура, разведение и использование животных занимало здесь важное место. Результаты многолетних зооархеологических исследований на Гонур-депе обобщены в монографии Р.М. Сатаева [20]. В нескольких специальных публикациях рассматривается роль животных в культах и религиозных представлениях населения, оставившего памятник [21, 22]. При этом вопрос о регламентации напутственной пищи в связи с социальной стратификацией гонурского общества, а также с возможными гендерными и возрастными различиями в ее составе специально не обсуждался.

Из 178 погребений с человеческими останками (детские не учитывались), раскопанных на памятнике в 2007–2015 гг., откуда происходят кости животных, остатки напутственной пищи обнаружены в 94, что составляет около 53% изученных могил (в остальных могилах кости животных были обнаружены только в заполнении). Поскольку значительная часть погребений была в древности ограблена, нельзя полностью исключать, что и эти остатки являются частью погребальных приношений. К данной категории зооархеологических находок отнесены остатки мясных блюд, которые компактно выкладывались на дне («полу») погребального сооружения рядом с головой, грудной клеткой, реже в ногах покойного, либо помещались в сосуды (тарелки, вазы, горшки). Следовательно, представления о составе напутственной мясной пищи (видах животных, мясо которых помещалось в могилы, а также используемых частях туш) могут дать только кости, обнаруженные на дне погребения и локализованные в его определенных местах.

Для ответа на вопрос, связан ли состав мясной пищи с какими-либо характеристиками погребенных (биологическими или социальными), следует рассмотреть видовой и элементный состав остатков животных из погребений, удовлетворяющих следующим критериям:

1) кости животных происходят со дна погребения и находятся рядом со скелетом человека либо в сосудах и поверх них (погребения, где были обнаружены только отдельные таранные кости мелкого рогатого скота (так называемые «альчики») – далее МРС, не рассматривались);

2) по останкам человека получены определения пола и возраста.

Кроме того, для минимизации возможного влияния фактора места и времени на особенности проведения погребального ритуала, частью которого являлось снабжение покойного мясной пищей, было бы крайне желательным, чтобы анализируемые погребения располагались в пределах одного могильника.

Погребения, отвечающие вышеуказанным критериям, были выявлены на 11 участках Северного Гонура (раскопы 7, 8, 9, 10, 12, 16, 17, 17а, 18, 19, 22). Однако их высокая концентрация отмечается лишь для 16-го раскопа, где изучено около трети от общего числа таких могил – 29 объектов (в 7 из них кости животных были обнаружены и в погребении, и в заполнении). В других 13 погребениях этого раскопа (с человеческими останками) кости животных происходят только из заполнения могильной ямы. В целом могильник на 16-м раскопе более других подходит для выяснения интересующего нас вопроса. Этот участок расположен на юго-западе памятника, между Большим некрополем и центральной частью Северного Гонура, вне пределов обводной стены дворцово-храмового комплекса (рис. 1). Согласно радиоуглеродным датировкам данный участок использовался достаточно долго – с конца III до середины II тыс. до н.э. Его главной достопримечательностью является ритуальное захоронение трех баранов (один из них обезглавлен) и осла в центре холма [23].

Оценка видового состава животных показывает, что только в трех из обсуждаемых погребений вместе с костями МРС были встречены кости крупного рогатого скота (далее – КРС) и в двух – свиньи (табл. 1). В свою очередь, из заполнения могил происходят кости шести видов, а наибольшее их количество принадлежит собаке.

Для установления связи между составом мясных кусков и характеристиками погребенных, а также конструкциями погребений, сложность которых может выступать показателем социального статуса, были использованы данные об остатках напутственной пищи из 28 могил – 11 мужских и 17 женских, принадлежащих индивидам, отнесенным к возрастным кате-

гориям от *juvenis* (юношеский возраст – 15–18 лет) до *senilis* (старческий возраст – более 55 лет) (табл. 2, 3). Анализируемые захоронения были устроены в цистах (12 объектов), шахтных / подбойных (7 объектов) и ямных (7 объектов) могилах, а также камерах (2 объекта). В связи с тем, что мясо КРС и свиньи, по-видимому, использовалось в качестве напутственной пищи редко, далее будет обсуждаться только состав элементов скелета МРС, кости которого присутствуют во всех могилах.

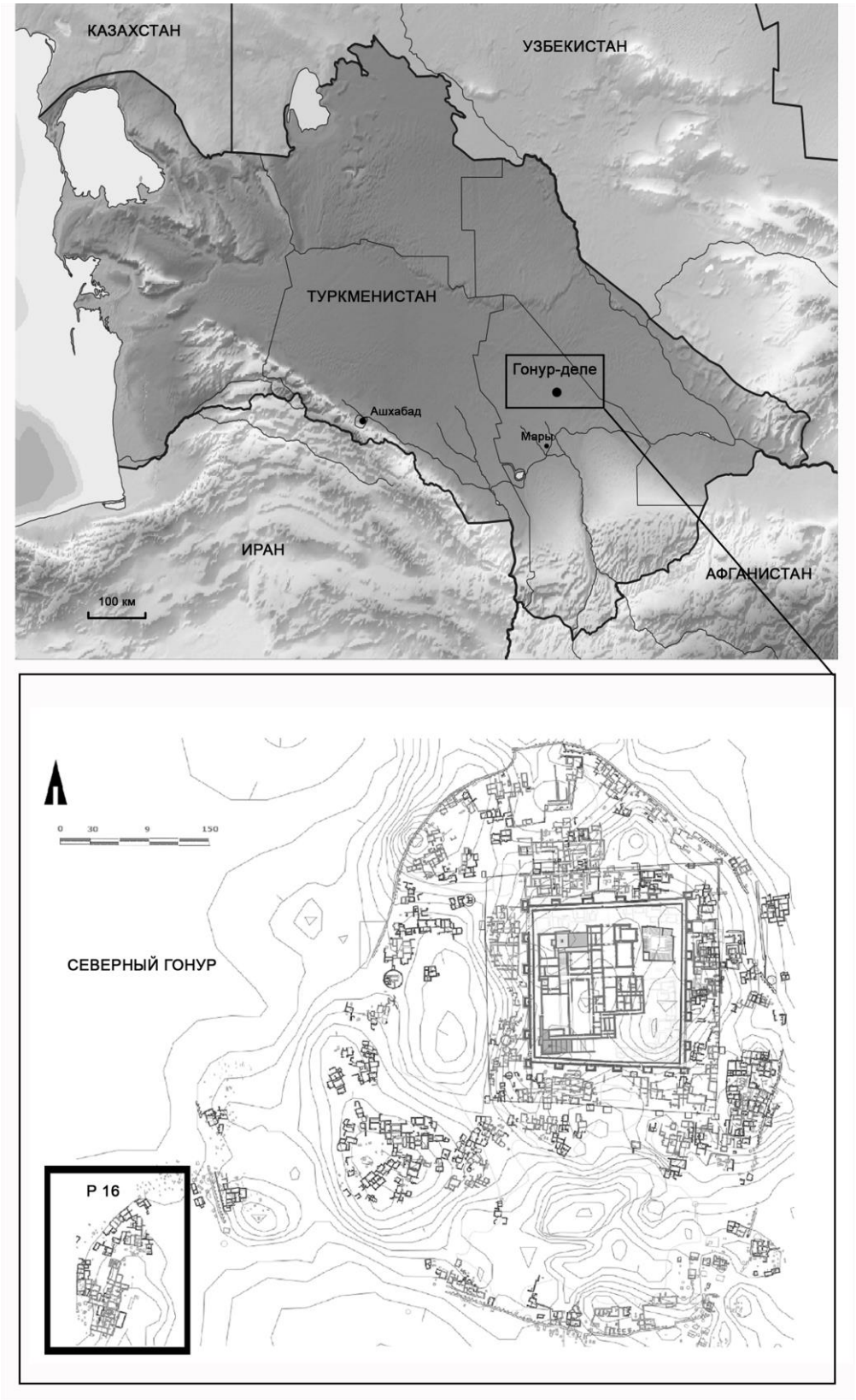


Рис. 1. Локализация Гонур-депе на карте Туркменистана и расположение раскопа 16 на плане Северного Гонура

Таблица 1

Видовая принадлежность остатков животных из погребений раскопа 16 на Гонур-депе

Виды	Остатки напутственной пищи				Кости из заполнения			
	Кол-во погребений	%	Кол-во костей	%	Кол-во погребений	%	Кол-во костей	%
Крупный рогатый скот	3	10,3	36	6,7	7	35,0	9	13,3
Мелкий рогатый скот (неопределимые до вида остатки *Ovis* и *Capra*)	29	100	489	91,4	10	50,0	17	25,0
Свинья	2	6,9	10	1,9	–	–	–	–
Лошадь	–	–	–	–	1	5,0	1	1,5
Осел	–	–	–	–	3	15,0	3	4,4
Собака	–	–	–	–	4	20,0	36	52,9
Шакал	–	–	–	–	2	10,0	2	2,9
Всего	29	100	535	100	20	100	68	100

Таблица 2

Встречаемость костей разных отделов скелета мелкого рогатого скота в погребениях раскопа 16 на Гонур-депе в связи с типом погребальной конструкции

Отделы скелета	Яма		Шахта (подбой)		Циста	
	Кол-во погребений	Доля от общего кол-ва погребений, %	Кол-во погребений	Доля от общего кол-ва погребений, %	Кол-во погребений	Доля от общего кол-ва погребений, %
Голова (череп, нижняя челюсть)	1	14,3	1	14,3	3	25,0
Позвоночная часть	1	14,3	1	14,3	4	33,3
Грудная часть (ребра, грудина)	5	71,4	3	42,9	7	58,3
Плечевой пояс	3	42,9	1	14,3	2	16,7
Тазовый пояс	3	42,9	2	28,6	7	58,3
Дистальные отделы конечностей	1	14,3	1	14,3	1	8,3
Общее кол-во погребений	7		7		12	

Таблица 3

Встречаемость костей разных отделов скелета мелкого рогатого скота в погребениях раскопа 16 на Гонур-депе в связи с полом погребенных

Отделы скелета	Мужчины		Женщины		φ*
	Кол-во погребений	Доля от общего кол-ва погребений, %	Кол-во погребений	Доля от общего кол-ва погребений, %	
Голова (череп, нижняя челюсть)	2	18,2	4	23,5	0,92
Позвоночная часть	5	45,5	3	17,6	**4,35**
Грудная часть (ребра, грудина)	6	54,5	11	64,7	1,47
Плечевой пояс	5	45,5	3	17,6	**4,35**
Тазовый пояс	5	45,5	9	52,9	1,05
Дистальные отделы конечностей	2	18,2	1	5,9	**2,76**
Общее кол-во погребений	11		17		–

Примечание. * – эмпирические значения точного критерия Фишера при сравнении мужских и женских погребений по процентным долям разных отделов скелета МРС (достоверные различия для $p > 95\%$ выделены полужирным шрифтом).

Материал из погребения 3663 в общий анализ не включался, поскольку по количеству помещенного в могилу мяса, числу видов и особей использованных животных, составу частей их туш оно резко выделяется на фоне других. Погребение устроено в цисте и принадлежало мужчине возмужалого возраста (25–30 лет). В могилу были помещены многочисленные и разнообразные керамические сосуды, бронзовый нож и миниатюрная каменная колонка. Остатки мясной пищи располагались рядом со скелетом, а также в керамических тарелках и вазах. Кости происходят от разных видов животных: пяти овец (голова, позвонки всех отделов, ребра, таз, передние и задние конечности), козы (голова), двух особей КРС (передние и задние конечности) и свиньи (голова, таз, задние конечности). Возраст четырех овец и козы – около 2 лет, одной овцы – старше 3,5 лет, свиньи – 1,5 года. Одна особь КРС имела возраст 6–8 мес., другая – 2,5 года. Кости несут следы рубки (характерные засечки) или раскалывания. Главное отличие этого погребения от других (включая те, где объем напутственной мясной пищи был также значителен), состоит в том, что здесь не прослеживается какая-либо избирательность в отношении состава мясных кусков, помещенных в могилу. Такое количество и разнообразие мясных кусков, по-видимому, является скорее исключением, чем правилом, поскольку даже в погребениях с богатым погребальным инвентарем объем мясной пищи бывает сравнительно небольшим. В свою очередь, хотя это погребение не относится к числу бедных, его нельзя назвать и элитным. Поэтому можно предположить, что обилие и разнообразие напутственной мясной пищи отражало не столько имущественный или социальный статус покойного, сколько, например, принадлежность его к определенной профессиональной сфере.

Важно отметить, что процентная представленность костей разных отделов скелета МРС, происходящих от

напутственной пищи и кухонных отходов, различается статистически достоверно ($\chi^2 = 47{,}36$ при $p = 0{,}000$). В погребениях резко преобладают кости позвоночника и грудного сегмента на фоне сравнительно небольших долей костей других отделов (табл. 4). В свою очередь, в кухонных отходах разные отделы скелета (за исключением запястья, предплюсны и дистального отдела конечностей) представлены сравнительно равномерно. При этом и в составе напутственной пищи, и в кухонных отходах кости нижних частей конечностей немногочисленны.

Таблица 4

Характер представленности разных отделов скелета мелкого рогатого скота в кухонных отходах и в остатках напутственной пищи из погребений раскопа 16 Гонур-депе

Отделы скелета	Кухонные отходы*		Напутственная пища	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Голова (череп, нижние челюсти, зубы)	316	20,7	18	4,2
Туловище (позвонки, ребра)	381	25,0	306	71,5
Плечевой пояс (лопатка, плечевая, лучевая)	245	16,1	20	4,7
Тазовый пояс (таз, бедренная, берцовая)	342	22,5	33	7,7
Кости запястья и предплюсны (пяточная, таранная, центральная и др.)	106	6,9	24	5,6
Дистальные отделы конечностей (метаподии, фаланги)	133	8,7	27	6,3
Общее количество	1523	100	428	100

Примечание. * – объединенная выборка.

В цистах (без учета материала из погребения 3663) среднее количество костей МРС составляет 15,2 (от 3 до 33 экземпляров), в шахтных могилах – 6 (от 1 до 12 экземпляров), в ямных могилах – 8,1 (от 1 до 14 экземпляров). Хотя визуально средние значения количества костей в погребениях разного типа отличаются, их оценка с применением *t*-критерия Стьюдента достоверных различий не установила (цисты *vs.* шахты: $t = 2{,}066$ при $t_{кр} = 2{,}458$; цисты *vs.* ямы: $t = 1{,}682$ при $t_{кр} = 2{,}445$; шахты *vs.* ямы: $t = 0{,}758$ при $t_{кр} = 2{,}593$). В связи с этим нельзя уверенно говорить, что в цисты в среднем помещалось больше мяса, чем в ямные и шахтные могилы.

В свою очередь, сравнение погребальных конструкций по частоте встречаемости в них разных отделов скелета МРС выявило определенные отличия. Оценка значимости различий по процентным долям с использованием точного критерия Фишера показывает, что в цистах достоверно чаще встречаются остатки головы (циста *vs.* яма и шахта: $\varphi = 1{,}91$ при $p < 0{,}05$), позвоночника (циста *vs.* яма и шахта: $\varphi = 3{,}21$ при $p < 0{,}01$), тазового пояса (циста *vs.* яма: $\varphi = 2{,}24$ при $p < 0{,}05$; циста *vs.* шахта: $\varphi = 4{,}36$ при $p < 0{,}01$), а в ямных могилах – грудной части (яма *vs.* шахта: $\varphi = 4{,}32$ при $p < 0{,}01$; яма *vs.* циста: $\varphi = 1{,}94$ при $p < 0{,}05$) и плечевого пояса (яма *vs.* шахта: $\varphi = 4{,}61$ при $p < 0{,}01$; яма *vs.* циста: $\varphi = 4{,}14$ при $p < 0{,}01$). Кроме того, в цистах зафиксировано шесть случаев сочетания (совместного нахождения) костей разных отделов скелета МРС в двух и более погребениях. Каждое из пяти возможных сочетаний зафиксировано в двух погребениях, одно – в трех. В ямных могилах встречено лишь одно сочетание (грудной части с костями тазового пояса) в трех могилах. По частоте встречаемости сочетаний цисты и ямные могилы различаются достоверно ($\varphi = 2{,}69$ при $p < 0{,}01$ для сочетания грудная часть – тазовый пояс). По-видимому, отмеченный факт указывает на более разнообразный в среднем ассортимент мясных кусков, помещенных в цисты (по-видимому, это относится и к камерным могилам). Поскольку, число цист и ям с мужскими и женскими захоронениями почти равное (цисты: мужские – 6, женские – 7; ямные могилы: мужские – 3, женские – 4), а также нет существенных отличий по возрасту погребенных, вероятнее всего, выявленные различия не связаны с полом и возрастом, а обусловлены социальным статусом захороненных в цистах.

Сравнительная малочисленность захоронений, принадлежащих представителям отдельных возрастных категорий, не позволила провести их сравнение на предмет связи состава пищи с возрастом, поэтому далее мужские и женские погребения сопоставляются в целом. В свою очередь, проверка рядов распределения количества мяса внутри мужских и женских погребений на нормальность показывает, что в обоих случаях распределения в выборках близки к нормальному, а асимметрия незначительна. Кроме того, мужские и женские погребения по объему помещаемого в них мяса достоверно не различаются.

Анализ состава мясной пищи демонстрирует, что мужчинам чаще клали части позвоночника, плечевого пояса и дистальных частей конечностей (см. табл. 3). Кроме того, в мужских погребениях чаще встречаются следующие сочетания отделов скелета МРС: грудная часть – плечевой пояс ($\varphi = 2{,}82$ при $p < 0{,}01$); грудная часть – тазовый пояс ($\varphi = 1{,}66$ при $p < 0{,}05$); грудная часть – дистальные части конечностей ($\varphi = 2{,}75$ при $p < 0{,}01$); плечевой пояс – тазовый пояс ($\varphi = 2{,}82$ при $p < 0{,}01$). В женских могилах чаще встречается сочетание костей, происходящих от головы МРС и тазового пояса ($\varphi = 4{,}76$ при $p < 0{,}01$). В целом можно говорить, что ассортимент мясных кусков в мужских погребениях богаче.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В погребения преимущественно помещалось мясо МРС (овцы и козы), и лишь в редких случаях – КРС и свиньи.

2. Представленность костей разных отделов скелета МРС, происходящих от напутственной пищи и кухонных отходов, достоверно различается, что указывает на определенную избирательность при выборе кусков мяса МРС, помещаемых в могилы. Поскольку в материале из погребений кости позвоночного и реберного

отделов резко преобладают, можно говорить об особой важности этих частей туш в погребальном обряде.

3. В более сложно устроенных погребальных конструкциях – цистах и камерах – состав мясных кусков был более разнообразным, чем в ямных и шахтных / подбойных могилах. Поскольку связь с полом и возрастом погребенных в этом случае отсутствует, данный факт может объясняться более высоким социальным статусом погребенных в этих конструкциях. При этом объем мяса, помещаемого в разные конструкции, в среднем был одинаковым.

4. Мужские и женские погребения обнаруживают ряд достоверных отличий по составу помещенного в них мяса. В мужские могилы достоверно чаще, чем в женские, клали части позвоночника, плечевого пояса и нижних частей ног. Кроме того, состав мясных кусков в них был богаче. В женских погребениях чаще встречается сочетание костей, происходящих от головы МРС и тазового пояса. По объему помещенного в могилы мяса мужские и женские погребения достоверно не различались.

На основании вышесказанного можно с большой долей вероятности предполагать, что у древнего населения Гонур-депе существовал определенный регламент «сервировки» мясных подношений умершим соплеменникам в зависимости от их пола и социального статуса. По-видимому, на практике в каждом конкретном случае одновременно учитывались разные биологические и социальные характеристики умерших, поэтому набор костей, происходящих от остатков мясной пищи, в погребениях полностью не повторяется. Вероятно, отдельные сочетания мясных кусков можно считать своеобразными маркерами погребального обряда людей разного полового и социального статуса.

Список источников

1. Галданова Г.Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск : Наука, 1993. С. 141–150.
2. Хабибуллина А. Традиционные трапезы в быту башкир // Ватандаш. 2001. № 3. С. 100–103.
3. Мигранова Э.В. Традиционная система питания башкир (на материалах юго-западных и юго-восточных районов Республики Башкортостан) : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. : МАЭ РАН, 2003. 25 с.
4. Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX вв. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск : Наука, 1992. С. 112–126.
5. de France S.D. Zooarchaeology in complex society: Political economy, status and ideology // Journal of Archaeological Research. 2009. Vol. 17. P. 105–168.
6. Twiss K. The archaeology of food and social diversity // Journal of Archaeological Research. 2012. Vol. 20. P. 357–395.
7. Sánchez Romero M., Aranda Jiménez G., Alarcón García E. Gender and age identities in rituals of commensality. The Argaric societies // Treballs d'Arqueologia. 2007. Vol. 13. P. 69–89.
8. White C.D. Gendered food behavior among the Maya: Time, place, status and rituals // Journal of Social Archaeology. 2005. Vol. 5 (3). P. 356–382.
9. Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад : Ылым, 1990. 316 с.
10. Сарианиди В.И. Теменос Гонура // Вестник древней истории. 1997. № 1 (220). С. 148–168.
11. Сарианиди В.И. Дворец Северного Гонура // Вестник древней истории. 2000. № 2 (233). С. 248–259.
12. Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М. : Мир-медиа, 2001. 246 с.
13. Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад : Miras, 2005. 327 с.
14. Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // Вестник древней истории. 2006. № 2 (256). С. 155–192.
15. Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. 2007. № 1. С. 49–63.
16. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2008. Т. 2. С. 166–179.
17. Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Земледелие в Древней Маргиане // Вестник БГАУ. 2016. № 3 (39). С. 30–36.
18. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В. Особенности диеты древнего населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) по данным междисциплинарных исследований // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием : VII Алексеевские чтения памяти академиков В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой. Казань : Озон, 2017. С. 50.
19. Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Археоботанические исследования на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2012. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. С. 159–162.
20. Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. М. : Старый сад, 2016. 196 с.
21. Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2012. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. С. 101–139.
22. Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Культ животных в Маргиане // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): археология, история, культура. СПб. : Контраст, 2015. С. 521–558.
23. Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур-депе (раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2008. Т. 2. С. 28–49.

References

1. Galdanova, G.R. (1993) Ritual'naya pishcha mongol'skikh narodov [Ritual food of the Mongolian peoples]. In: Zoriktuev, B.R. (ed.) *Iz istorii khozyaystva i material'noy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Excerpts of the history of economy and material culture of Turkic-Mongolian nations]. Novosibirsk: Nauka. pp. 141–150.
2. Khabibullina, A. (2001) Traditsionnye trapezy v bytu bashkir [Traditional meals in the life of the Bashkirs]. *Vatandash*. 3. pp. 100–103.
3. Migranova, E.V. (2003) *Traditsionnaya sistema pitaniya bashkir (na materialakh yugo-zapadnykh i yugo-vostochnykh rayonov Respubliki Bashkortostan)* [Traditional food of the Bashkirs (on materials from the southwestern and southeastern regions of the Republic of Bashkortostan)]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Menes, G. (1992) Materialy po traditsionnoy pokhoronnoy obryadnosti zakhchinov MNR kontsa XIX – nachala XX vv. [Traditional funeral rituals of the Zakhchins of the Mongolian People's Republic in the late 19th – early 20th cc.]. In: Gerasimova, K.M. (ed.) *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* [Traditional rituals of the Mongolian peoples]. Novosibirsk: Nauka. pp. 112–126.
5. deFrance, S.D. (2009) Zooarchaeology in complex society: Political economy, status and ideology. *Journal of Archaeological Research*. 17. pp. 105–168. DOI: 10.1007/s10814-008-9027-1
6. Twiss, K. (2012) The archaeology of food and social diversity. *Journal of Archaeological Research*. 20. pp. 357–395. DOI: 10.1007/s10814-012-9058-5

7. Sánchez Romero, M., Aranda Jiménez, G. & Alarcón García E. (2007). Gender and age identities in rituals of commensality. The Argaric societies. *Treballs d'Arqueologia*. 13. pp. 69–89.
8. White, C.D. (2005) Gendered food behavior among the Maya: Time, place, status and rituals. *Journal of Social Archaeology*. 5(3). pp. 356–382. DOI: 10.1177/1469605305057572
9. Sarianidi, V.I. (1990) *Drevnosti strany Margush* [Antiquity of Margush Country]. Ashgabat: Ylym.
10. Sariandidi, V.I. (1997) Temenos Gonura [The temenos of Gonur]. *Vestnik drevney istorii*. 1(220). pp. 148–168.
11. Sarianidi, V.I. (2000). Dvorets Severnogo Gonura [The palace of Northern Gonur]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 2(233). pp. 248–259.
12. Sarianidi, V.I. (2001) *Nekropol' Gonura i iranskoe yazychestvo* [Necropolis of Gonur and Iranian paganism]. Moscow: Mir-media.
13. Sarianidi, V.I. (2005) *Gonur-depe. Gorod tsarey i bogov* [Gonur Depe: A city of Kings and Gods]. Ashgabat: Miras.
14. Sarianidi, V.I. (2006) Tsarskiy nekropol' na Severnom Gonure [The royal necropolis in North Gonur]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 2(256). pp. 155–192.
15. Sarianidi, V.I. (2007) Dvortsovo-khramovyy kompleks Severnogo Gonura [A palace-temple of the Northern Gonur]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 1. pp. 49–63.
16. Zaytseva, G.I., Dubova, N.A., Sementsov, A.A., Reimer, P., Mallory, J. & Jungner, H. (2008) Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnika Gonur-depe [Radiocarbon chronology of the Gonur Depe site]. In: Sarianidi, V.I. (ed.) *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Margiana archaeological expedition]. Vol. 2. Moscow: Staryy sad. pp. 166–179.
17. Sataeva, L.V. & Sataev, R.M. (2016) Zemledelie v Drevney Margiane [Agriculture in Ancient Margiana]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Bashkir State Agrarian University*. 3(39). pp. 30–36.
18. Sataev, R.M., Sataeva, L.V. & Kufterin, V.V. (2017). Osobennosti diety drevnego naseleniya Gonur-depe (bronzovyy vek, Turkmenistan) po dannym mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Features of the diet of Gonur Depe population (Bronze Age, Turkmenistan) according to interdisciplinary research]. In: Sitdikov, A.G. & Buzhilova, A.P. (eds) *Chelovek i sreda: aktual'nye problemy antropologii i arkheologii* [Human and Environment: Topical Problems of Anthropology and Archaeology]. Kazan: Ozon. p. 50.
19. Sataeva, L.V. & Sataev, R.M. (2012) Arkheobotanicheskie issledovaniya na Gonur-depe [Archaeobotanical studies at Gonur Depe]. In: Sarianidi, V.I. (ed.) *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Margiana archaeological expedition]. Vol. 4. Moscow: Staryy sad. pp. 159–162.
20. Sataev, R.M. (2016) *Zhivotnye v kul'ture Drevney Margiany* [Animals in the culture of ancient Margiana]. Moscow: Staryy sad.
21. Dubova, N.A. (2012) Pogrebeniya zhivotnykh v strane Margush [Animal burials in the Margush country]. In: Sarianidi, V.I. (ed.) *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Margiana archaeological expedition]. Vol. 4. Gonur Depe studies in 2008–2011. Moscow: Staryy sad. pp. 101–139.
22. Sarianidi, V.I. & Dubova, N.A. (2015 Kul't zhivotnykh v Margiane [The cult of animals in Margiana]. In: Nikonorov, V.P. & Alekshin, V.A. (eds) *Akademicheskoe vostokovedenie v Rossii i stranakh blizhnego zarubezh'ya (2007–2015): arkheologiya, istoriya, kul'tura* [Acaremic Oriental Studies in Russia and the neighbouring countries (2007–2015): Archaeology, history, culture]. St. Petersburg: Kontrast. pp. 521–558.
23. Sarianidi, V.I. & Dubova, N.A. (2008) Arkheologicheskie raboty na yugo-zapadnom kholme Gonur-depe (raskop 16) [Archaeological works on the south-western hill of Gonur Depe (Area 16)]. In: Sarianidi, V.I. (ed.) *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Margiana archaeological expedition]. Vol. 2. Moscow: Staryy sad. pp. 28–49.

***Сведения об авторах*:**
Сатаев Роберт Мидхатович – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: rob-sataev@mail.ru
Куфтерин Владимир Владимирович – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: vladimirkufterin@mail.ru
Дубова Надежда Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: dubova_n@mail.ru
Сатаева Лилия Вакиловна – кандидат биологических наук, доцент Башкирского государственного аграрного университета (Уфа, Россия). E-mail: lvsataeva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Sataev Robert M. – Candidate of Biological Sciences, Researcher at the Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: rob-sataev@mail.ru
Kufterin Vladimir V. – Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher at the Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vladimirkufterin@mail.ru
Dubova Nadezhda A. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head. The Center of Human Ecology of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dubova_n@mail.ru
Sataeva Lilia V. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of Bashkir State Agrarian University (Ufa, Russian Federation). E-mail: lvsataeva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2020; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 16.10.2020; accepted for publication 21.03.2023

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/82/22

Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях

Дарья Игоревна Павличенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, dasha00.000@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены иллюстрации в альбомах, журналах и других изданиях второй половины XIX – начала XX в., изображающие Царство Польское. Цель исследования – проанализировать, как его образ представлялся на визуальном материале и комментариях к нему, и определить ту характеристику, которой наделялись поляки и Царство Польское иллюстраторами и авторами статей. Научная новизна работы заключается в анализе не только вербальной, но и визуальной составляющей образа Царства Польского. В результате определено, что иллюстрации не были свободны от трансляции авторами негативного стереотипа.
Ключевые слова: Царство Польское, визуальный образ, Российская империя, этнографические альбомы

Для цитирования: Павличенко Д.И. Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 176–186. doi: 10.17223/19988613/82/22

Original article

Visual image of the Kingdom of Poland in the second half of the XIX – early XX centuries in the Russian press and printed publications

Darya I. Pavlichenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, dasha00.000@yandex.ru

Abstract. The article deals with illustrations in albums, magazines and other publications of the second half of the 19th – early 20th centuries, depicting the Kingdom of Poland. The purpose of the study is to analyze how the image of the Kingdom of Poland was presented on visual material and comments on it and to determine the characteristic that the Poles and the Kingdom of Poland were endowed with by illustrators and authors of articles. The period of the article is the second half of the 19th century and the beginning of the 20th - the time of recognition of the Empire. The chosen period was the heyday of illustrated publications: a large number of illustrated albums, magazines, encyclopedias, including those on ethnographic topics, are published. Popular ethnographic albums containing articles about the Poles are considered: «Description ethnographique des peuples de la Russie» by T. D. Pauli, «Russian peoples: pen and pencil sketches» by N. Zograf, «Peoples of the Earth» by A. Ostrogorsky. The magazines «Niva», «Picturesque Review», «Peoples of Russia» are involved. Also the article considers the encyclopedia "Picturesque Russia". The scientific novelty of the work lies in the analysis of not only the verbal, but also the visual component of the image of the Kingdom of Poland. As part of the work, each essay and illustration is examined for the transmission of certain stereotypes about the Poles through the attribution of certain qualities to them, the image of the Poles with a set of certain stereotypical attributes, and the stereotype is analyzed in terms of whether it is negative or positive. Not only the content of the publication is analyzed, but also the historical context that accompanied the release of the publication. As a result, it was determined that the illustrations were not free from the transmission of negative stereotypes by the authors. In almost all publications, the Poles were portrayed from a negative point of view, which, according to the author, was caused by the memory of the November, January and Krakow uprisings.
Keywords: Congress Kingdom of Poland, visual image, the Russian Empire, ethnographic albums

© Д.И. Павличенко, 2023

For citation: Pavlichenko, D.I. (2023) Visual image of the Kingdom of Poland in the second half of the XIX – early XX centuries in the Russian press and printed publications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 176–186. doi: 10.17223/19988613/82/22

Вторая половина XIX в. – время расцвета иллюстрированных изданий, огромное множество которых печатается и на территории Российской империи. Нередкими становятся и историко-географические и этнографические издания, а также статьи в периодике.

Целью этих публикаций была популяризация сведений о странах и населяющих их народах среди широкого круга читателей – они не претендуют на научность (этнография XIX в. в принципе разделяла весьма ненаучное мнение о наличии тех или иных черт характера у определенного народа). Безусловно, историко-географические и этнографические материалы в популярных изданиях, излюбленных публикой, содержали определенный стереотип, однако в рамках статьи этот стереотип как раз и интересен.

Было принято решение ограничить хронологические рамки второй половиной XIX в. и рубежом XIX–XX вв. (до 1914 г.), по нескольким причинам: во-первых, данный период является наиболее богатым на собственно иллюстрированные издания, а во-вторых, в российских источниках данного периода могли наиболее ярко отразиться некоторые негативные стереотипы о поляках (период после Январского восстания).

Важно, что все привлеченные источники были одобрены цензурой Министерства просвещения, поэтому можно считать, что в них публиковалась официальная позиция властей. Целью таких изданий, как правило, было не только формирование визуального образа того или иного народа, но и создание образа «чужого» и «своего».

Для русского человека, поляк воспринимался в первую очередь как ревнивый католик, деспотичный шляхтич и неисправимый революционер. Л.Е. Горизонтов писал: «В Российской империи за поляками закрепилась репутация непримиримо враждебных государственному порядку элементов. Убеждение это крепло от одного польского заговора и восстания к другому, достигнув своего апогея в 60-е гг. XIX в.» [1. С. 100]. С другой стороны, государственными чиновниками поляки зачастую воспринимались как «стоящие на высшей степени цивилизации сравнительно с Россией» [2. С. 322].

Что касается польского «нрава», то здесь существенно заметно влияние польского автостереотипа. На рубеже XVIII и XIX вв. польские писатели и общественные деятели создают польский автостереотип, опираясь на который Адам Мицкевич сконструировал особенности польского народа. Поляк у Мицкевича неупорядочен и податлив, непрактичен, не заинтересован в общественной и политической жизни, пассивен, экзальтирован, весел – в общем, во всем противопоставлен члену западного мира. Таким образом, в польской и русской литературе складывается весьма конкретный стереотип о поляке. По утверждению М.В. Лескинен, именно портрет, составленный А. Мицкевичем был воспринят французской и русской историографией второй половины XIX в. [3. С. 120]. Наша цель – выявить, в какой степени воспринятый портрет Мицкевича можно увидеть на визуальном материале.

В середине XIX в. начинается «новый этап осмысления народности и этничности в России, а также их отождествления, когда в русской беллетристике под французским влиянием весьма популярным становится жанр так называемых «физиологий», или «типов»» [4. С. 49]. И эти «типы» и «физиологии» в соответствии с уровнем развития этнографической науки данного периода были собирательными. М.В. Лескинен приводит цитату В.Г. Белинского, которая дает нам понять, что человек середины XIX столетия понимал под «типом»: «…их [типов] авторы должны обладать умениями “живописца с натуры”, а “сущность типа состоит в том, чтоб, изображая, например, хоть водовоза, изображать не какого-нибудь одного водовоза, а всех в одном”» [4. С. 50]. В этой связи интересно и то, насколько подлинной была та картина, которую рисовали русские.

В 1862 г, выходит иллюстрированный альбом «Этнографическое описание народов России» Густава-Теодора Паули (1817–1867), создание и издание которого были приурочены к тысячелетию Российского государства. Существовавшие на тот момент этнографические публикации уже мало соответствовали научному уровню середины века, поэтому целью труда Паули было также и восполнение образовавшейся лакуны в этнографической осведомленности читателей. Все иллюстрации сделаны с натуры, выполнены очень качественно и реалистично. Тексты же писались учеными-этнографами, поэтому издание считалось не только роскошным, но и авторитетным.

В соответствующей главе альбома приведены две иллюстрации (рис. 1, 2), на которых изображены поляки. Первая иллюстрация изображает поляков из разных городов и губерний. Заметно, что они не относятся к одной социальной группе – мы видим и крестьян, и горожан. На второй иллюстрации изображены мужчина и две девушки из окрестностей Кракова. Хотя альбом и подразумевал описание народов, находящихся в составе Российской империи, его создатели, по всей видимости, решили идти дальше и описать ту часть Польши, которая в состав Империи не вошла.

В целом мы имеем дело с обобщенным описанием отличительных черт любого славянина. Но отметим, что наблюдается несколько пренебрежительное сравнение поляков с великороссами: «Внешностью поляки сильно отличаются от великороссов: голова у них меньше, они не столь рослые, черты их более тонкие. Им не хватает той особенной гармонии – если можно так выразиться – между душой и телом, своего рода уверенности, которой в известной мере обладают великороссы. Польское дворянство в целом довольно отчетливо отличается от народной массы» [5. С. 116].

Рис. 1. Поляки разных губерний», T. de Pauli. Description ethnographique des peoples de la Russie, 1862

Рис. 2. «Поляки», T. de Pauli. Description ethnographique des peoples de la Russie, 1862

В одежде поляков с иллюстраций заметна тенденция к представлению типично-обобщенного. По мнению автора описания, «представители знати одеваются вполне по-европейски» [5. С. 117], что противоречит иллюстрации. Даже если и предположить, что краковяк со второй иллюстрации является «представителем знати», то одет он явно не по-европейски – на нем конфедератка и жупан. Конфедератка, судя по тому, что она в альбоме встречается еще дважды – на первой иллюстрации ее носит ребенок и она упоминается в отрывке с описанием польского костюма («знать носит... цилиндрические шапки... но ниже и с квадратным куском ткани сверху» [5. С. 117]), являлась для авторов раздела достаточно важной составляющей образа поляка. Можно предположить, что таким образом транслировался стереотип о поляке-революционере, ведь конфедератка использовалась польскими повстанцами в ходе Ноябрьского и Краковского восстаний.

Следующим альбомом становится «Русские народы: наброски пером и карандашом» 1894 г.; он был издан под редакцией русского зоолога и антрополога Н.Ю. Зографа. Создателями издания ставилась конкретная цель – кратко ответить на те вопросы, которые потенциально могли возникнуть у русского человека при контакте с другими «русскими» народами (к конце века Польша обозначалась как «Привислинский край» и, в общем-то, согласно официальной доктрине Империи считалась ее окраиной). Издание содержит «таблицы» — иллюстрации на основе рисунков Л. Белянкина.

В первой части издания (альбом выпущен в двух частях) есть очерк о поляках с иллюстрацией (рис. 3). Иллюстрация поделена на девять пронумерованных частей, из которых 6 изображают поляков, а остальные 3 – предметы польского дома и убранства.

На иллюстрации изображены представители мазуров, курпов, великополян, краковян и жителей окрестностей Люблина. Из всех них более или менее подробно описываются только мазуры, и поскольку литография черно-белая, то задача определить, где именно изображены мазуры, представляется весьма затруднительной.

Рис. 3. «Поляки». Русские народы: наброски пером и карандашом, 1894

В одежде поляков составитель очерка выделяет «мужской кунтуш, расшитый шнурками, с откидными рукавами, шапку конфедератку, да разноцветные сапоги со шпорами» [6. С. 18]. Он подчеркивает, что описанный костюм – это костюм прежних панов, а костюм народный проще и беднее, причем сохраняется почему-то только у мазуров, «тогда как в Южной Польше пиджак, картуз, шляпа и городское платье почти совсем вытеснили красивые национальные костюмы» [6. С. 18].

В целом не создается впечатления, что перед нами крестьяне (хотя иллюстрации свидетельствуют об обратном – мы видим избу, вилы, веретено, лапти). Девушки затянуты в корсеты, мужчины в волошках – это не те признаки, которые на рубеже веков говорили о принадлежности к крестьянству. Возможно, автор иллюстрации счел дворянскую одежду более узнаваемой и, собственно, более «польской» (на иллюстрации есть и традиционная конфедератка).

В 1903 г. выходит еще одно издание в трех томах с географическими, историческими и этнографическими очерками – «Народы земли: географические очерки жизни человека на земле», подготовленное коллективом автором под редакцией А.Я. Острогорского. Весь материал разделен на три тома и скомпонован в соответствии с частями света.

В рамках работы интересен третий том, посвященный Европе. В частности, в нем содержится очерк о поляках (рис. 4), причем в разделе, посвященном народам России.

Рис. 4. «Польские крестьяне из-под Варшавы». Народы Земли, 1903

Примечательно и то, что очерк под названием «Поляки» начинается со слов «Царство Польское, иначе Привислинский край, есть обломок распавшегося государства…» [7. С. 72], а при описании разделов в главе, посвященной истории, ни слова не упоминается о двух других участницах раздела «польского пирога». Являлась ли такой ход способом конструирования имперской идентичности? Вопрос спорный: с одной стороны, может показаться, что да, поскольку и в других источниках этого периода встречается такая попытка перенести «национальное» в плоскость «имперского», а с другой стороны, автор очерка упоминает, что фон польской общественной жизни остается национальным, что весьма странно, поскольку проводится русификаторская политика.

В самом очерке указывается, что польские «племена» мало разнятся между собой, потому что «общественные и национальные связи сплотили все эти племена в одно целое, в котором исчезают куявяки, ксенжаки, курпы и т.п.» [7. С. 73]. Это удивительно, поскольку почти во всех других российских источниках нам пытались наглядно продемонстрировать различия между польскими субэтническими группами если не в чертах внешности, то как минимум в их гардеробе.

Переходя к описанию поляков, автор очерка пишет, что польскому крестьянину долгим рабством были привиты такие черты, как «приниженность, подобострастность и лицемерие по отношению к имеющим силу и власть. Польский крестьянин переносит оскорбления... Однако природная даровитость и стремление к свободе, столь характерные для польской шляхты, не чужды и крестьянству» [7. С. 73]. Но при этом полякам, по мнению автора, присущи «широкое гостеприимство и добродушие, часто переходящие в искреннюю сердечность» [7. С. 73–74], что подтверждается им в описании их внешнего вида: «…выражение физиономии, оживленное веселостью и добротой, часто без заметного перехода становится грустным и страдающим» [7. С. 74].

В эпоху Великих реформ Александра II появилась идея, что просвещать необходимо не только культурную элиту, но и малообразованные слои населения империи. Эта идея нашла свое отражение в сфере печати – распространение получают иллюстрированные периодические издания.

Одним из таких периодических изданий был журнал «Нива» – самый широко тиражируемый на территории Российской империи. Журнал издавался еженедельно в Санкт-Петербурге с 1870 по 1917 г. и охватывал широкий круг различных тем. В отдельном разделе «Этнографические картины и культурно-исторические очерки» публиковались разнообразные материалы по истории костюма, этнографии, географии и т.д. Но рубеж веков характеризуется, по всей видимости, падением интереса к разделу, поскольку он переименовывается в «Географические, астрономические и этнографические очерки», и «астрономическая» составляющая заметно больше. В последних выпусках данный раздел и вовсе отсутствует.

Первое обращение к полякам на страницах «Нивы» встречается уже в номере 16 за первый год выпуска (1870), в котором напечатана статья с иллюстрацией (рис. 5), посвященная кочевникам на берегах Вислы (иллюстрация «Польские сплавщики», иллюстрировал Ю. Коссак, гравировал Рашевский) [8. С. 247]. Неназванный автор очерка подчеркивает «полудикость» сплавщиков, о чем свидетельствует описание их образа жизни, но не внешний вид – они выглядят, как обычные крестьяне, без всяких намеков на «полуди-

кий» образ жизни. Мужчина даже носит конфедератку и жупан, несмотря на кочевой образ жизни.

Рис. 5. «Польские сплавщики», иллюстрация к статье «Кочевники по берегам Вислы» // Нива. Год I. № 16

Следующая статья на «польскую тематику» посвящена городу Варшаве (№ 7 и 8, год IV, 1873). Статье сопутствуют две гравюры – «Лазенковский дворец в Варшаве», «Резервуар в Лазенках в Варшаве». Автор статьи П. Полевой описывает Варшаву как «красивый город, полный удобств и приятный во многих отношениях» [9. С. 110] (а средневековую Варшаву он описывает как, в общем-то, беспорядочную и неопрятную). В целом у Полевого Варшава создает впечатление весьма красивого и изящного города: «Варшава, веселая, нарядная, комфортабельная, с увеличивающимся трудолюбивым, развитым населением, должна по справедливости заслуживать все наше внимание… Во многих отношениях... может она послужить образцом для нас...» [9. С. 126]. Что важно для нас в этой статье, так это акцент на то, что такой Варшава, по мнению автора, была не всегда. Видимо, им предполагается, что владычество Российской империи на этих землях привело город в благостный вид.

Короткая статья в № 42 за 1873 г. посвящена Люблину (автор не указан). Она содержит небольшую историческую сводку и перечень основных достопримечательностей города. Статья напечатана вместе с иллюстрацией Э. Гораздовского с рисунка с натуры Боярского «Вид города Люблина», на которой Люблин также имеет благоприятный вид спокойного и очень красивого города.

В № 33 за 1875 г. опубликована еще одна статья с иллюстрацией, в которой читателю предлагается ознакомиться с варшавскими достопримечательностями. Сам очерк с иллюстрацией посвящен Варшавской ратуше. По мнению автора, площадь, где располагается ратуша, является одной из изящнейших в Варшаве. Иллюстрация ничем не отличается от предыдущих, но с целью подтвердить слова автора справляется.

В № 37 в комплекте за 1876 г. также есть статья о Варшаве, посвященная Саксонскому саду (автор указан как Баг-аго, рисунок и гравюра выполнены Гораздовским). Большую часть статьи автор посвятил истории Саксонского сада, и, описывая его внешний вид, он подчеркнул роскошную растительность, великолепный запах цветов, пение птиц. На иллюстрации к статье изображено светское мероприятие в Саксонском саду.

Еще одна статья за авторством М.А. Анненкова в № 33 от 1887 г. посвящена Люблину. Различие только в содержании статей: если первая описывала сам Люблин и его историю, то вторая сосредоточивается вокруг городских достопримечательностей. Визуальный образ же читается только по иллюстрации «Виды города Люблина» (оригинальный рисунок Скорнякова, гравировал М. Рашевский). В целом никаких признаков стереотипизации тут не обнаруживается.

В № 22 за 1892 г. помещена уже четвертая статья, посвященная Варшаве (автором выступил уже писавший о Варшаве П.Н. Полевой). Описывается история Польши начиная с разделов Речи Посполитой – акцент сделан на установлении в Польше российской власти, после чего увеличивается доля русского населения города. Отмечаются и изменения, которые произошли с городом в последнюю треть столетия: «…узкие, грязные улицы расширились и обстроились высокими, прекрасными домами, явились новые скверы и гульбища, город во всех направлениях покрылся сетью конножелезных дорог» [10. С. 492]. И снова мы встречаем суждения о преображении города с приходом туда имперской администрации: если прежде Варшава была грязным и неуютным городом, то после прихода русских властей она меняется в лучшую сторону. Вновь Полевой оценивает современную ему Варшаву очень высоко. Иллюстрации его слова подтверждают (их тут, к слову, целых шесть; иллюстрации выполнены А. Рихтером) и изображают очень симпатичные и элегантные достопримечательности города.

По всей видимости, со временем у русского читателя интерес падает как к польской тематике, так и к этнографии в целом – ближе к 1890-м гг. сюжетов о Привислинском крае становится все меньше и меньше, а затем они и вовсе пропадают.

Так или иначе, очерки о польских городах встречаются в «Ниве» шесть раз, и все они посвящены одним из крупнейших городов – Варшаве и Люблину, хотя разнообразие позволяло бы авторам статей рубрики более или менее регулярно публиковать статьи о Польше и не повторяться.

В самих статьях мы не заметили намеренных попыток сильно исказить в негативную сторону образ поляка и его города. Сделать выводы, судя по одной иллюстрации, изображающей поляка, очень тяжело, если не невозможно. Можно отметить только один момент: судя по всему, бытовало убеждение, что Польша и поляки пребывали в «полудиком» состоянии до перехода под власть Российской империи (во всяком случае, намеки на это есть и в единственной статье о поляках, и в нескольких статьях о польских городах). И если польские города со временем преобразились и приобрели цивилизованный вид, то с населением бывшей Речи Посполитой было сложнее, и они свое «полудикое» состояние сохранили.

Еще одним журналом, в котором печатались этнографические очерки, было «Живописное обозрение стран света» – еженедельный иллюстрированный журнал, который выходил в Санкт-Петербурге с 1872 по 1906 г. Будучи научно-популярным изданием, «Живописное обозрение» включало в себя как поэзию и прозу, так и статьи научного характера. Ко многим иллюстрациям, в отличие от «Нивы», здесь полноценная статья не дается – в некоторых случаях редакторы ограничиваются небольшими описаниями в разделе «К рисункам».

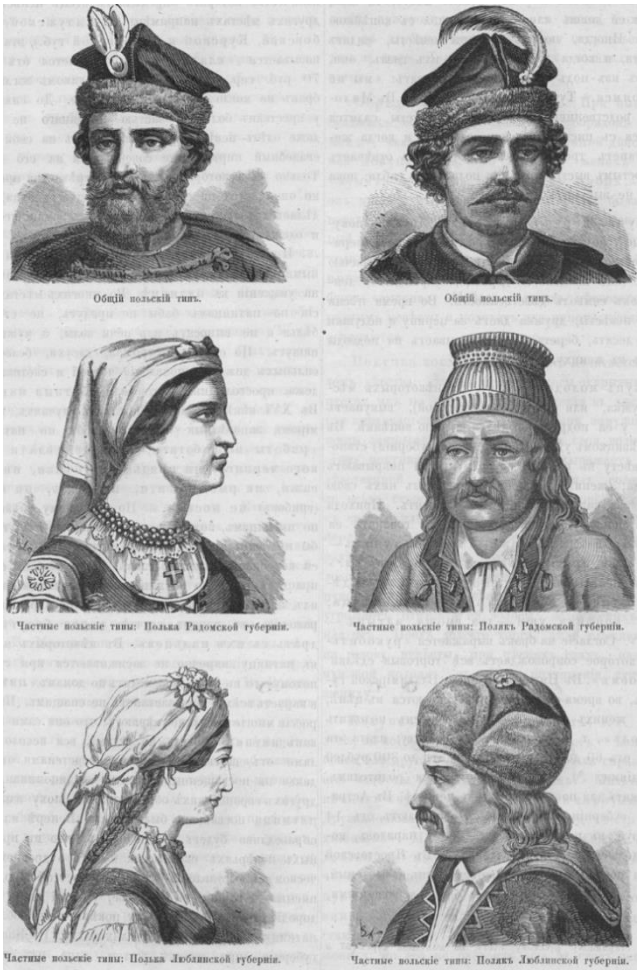


Рис. 6. «Польские типы». Иллюстрация из журнала «Живописное обозрение». 1873. № 42

В № 42 от 1873 г. опубликована иллюстрация, на которой изображено два «общих» польских типа и четыре «частных» (рис. 6). Персонажи на иллюстрации не оригинальные – они позаимствованы из альбома Г.-Т. Паули «Народы России», только персонаж в левом верхнем угла кажется оригинальным. Похожего на него персонажа у Паули нет, да и оригинален он как минимум тем, что изображен с бородой – до этого мы бородатых поляков на страницах изданий не встречали. Здесь поляки, в отличие от предыдущих источников, представлены именно через портреты (изображается польский «тип»), а в предыдущих материалах основное внимание, как кажется, уделялось национальному костюму, потому что через него было легче представить народ и его отличие от других. Подписи не к каждому портрету, к слову, позаимствованы у Паули. Например, поляк, изображенный в правом верхнем углу, у иллюстратора представляет «общий польский тип», а у Паули является жителем Кракова, а девушка в нижнем левом углу успела за 11 лет переехать из Кракова в Люблин. На этой иллюстрации мы не встречаем негативного отображения поляков, но, безусловно, видим наличие стереотипизации в некоторых элементах внешности и одежды: конфедератки и усы на польский манер, достаточно заметный крест на шее у девушки, характерные «орлиные» носы, описанные у Паули.

В № 31 за 1876 г. опубликована статья о Варшаве с иллюстрацией к ней. В статье также приводится история города. И снова мы встречаем то же мнение, которое транслировалось в «Ниве»: «…с учреждением Царства Польского и присоединением оного к России 20 июня 1815 года все приняло другой вид и возросло с необыкновенной быстротой» [11. С. 491]. На иллюстрации (рисовал А. Григорьев, гравировал Е. Малиновский) представлена панорама Замковой площади; изображена польская повседневность – множество людей куда-то едут верхом и идут пешком, эта многолюдность также подчеркивается в самой статье. Искусное выполнение гравюры позволяет судить об отсутствии предрассудков по отношению к современному виду города.

На исходе XIX в. журнал тоже попадает в волну снижения интереса к этнографии, да и к науке в целом. В сравнении с разделами поэзии и прозы научных статьей становится в разы меньше. Этнографических же очерков не остается почти совсем.

В рамках работы привлекались и этнографические материалы из сборника «Народы России: этнографические очерки» (1878–1880), издававшегося редакцией еженедельного журнала «Природа и люди» (1889–1918). Весьма масштабное научно-популярное издание, описывавшее разные народы в составе Российской империи, пользовалось большой популярностью.

Уже в предисловии к альбому его составители упоминают «Народы России» Г.-Т. Паули. Они отмечают, что издание было действительно роскошным, но вследствие этого далеко не каждый мог себе его позволить. Составители «Народов России» 1878–1880 гг. сочли необходимым сделать альбом более доступным для широких масс, составив его в меньших размерах, таким образом удешевив, и издать на русском языке.

Говорить о самой статье, посвященной полякам, в целом нечего. Высокая оценка альбома Паули, очевидно,

и сподвигла без большого количества изменений позаимствовать его текст. То же самое можно сказать и об иллюстрациях. Хоть они и не полностью скопированы из альбома Паули, но выполнены однозначно на их основе.

Необычными произведениями печатной графики являются вкладыши в кондитерские изделия фирмы «Эйнем». В 1896 г. кондитерским предприятием была нарисована и выпущена серия вкладышей «Типы народов земного шара», которые прикладывались к продаваемым шоколаду и какао. Серия состояла из 14 открыток с портретами различных народных типов (опять же здесь изображены портреты, мы имеем дело с «типами»). Так как далеко не все могли позволить себе покупку достаточно дорогостоящего удовольствия в виде конфет, сказать, что вкладыши стали массовым средством распространения этнографического знания, нельзя, но нужно признать, что такой путь ознакомления с этнографией был очень необычным и оригинальным способом поднять продажи – появлялся стимул для покупки ввиду интереса к коллекционированию.

Н. Михайлова в статье «Этнографические сюжеты в произведениях печатной графики на рубеже XIX–XX веков» обращает внимание, что основой для автора открыток «Эйнема» стало исследование «Народы земли», вышедшее под руководством А. Острогорского. Тяжело в полной мере согласится с Н.О. Михайловой. Первая серия вкладышей выходит в 1896 г., в то время как «Народы земли» издаются с 1903 г. Можно предположить, что существовал третий источник, который и вдохновил обоих иллюстраторов на создание некоторых портретов, но изображений поляков это точно не касается.

На самом вкладыше представлено два портрета с польскими типами — молодой дворянин и пожилой крестьянин (рис. 7). И если по портрету молодого поляка можно однозначно сказать, что перед нами польский тип (характерные усы, шапка-кушма, прическа, хитрый взгляд), то пожилого поляка без соответствующей подписи легко можно было спутать с условным молдаванином (это и борода, которая крайне редко изображалась на польских типах, и смуглый оттенок кожи).

Рис. 7. Вкладыш в кондитерские изделия фабрики «Эйнем», 1896

Завершает обзор монументальное 19-томное издание «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» – научно-популярный энциклопедический труд, каждый из томов которого посвящен тому или иному региону Российской империи и призван дать наиболее полную информацию по его истории, географии, этнографии, культуре, быту, фольклору и т.д. Данное издание было подготовлено и реализовано типографией товарищества М.О. Вольфа под редакцией П.П. Семенова и издавалось в течение двадцати лет – с 1881 по 1901 г. «Живописная Россия» стала одним из самых дорогих изданий в истории российского книгопечатания, а сам М.О. Вольф ожидал, что издание найдет сочувствие и интерес у российского читателя.

«Живописная Россия» и инициатор ее создания М.О. Вольф были обвинены М.О. Кояловичем в пропольской ориентации. Сам М.О. Вольф был выходцем из Царства Польского (крещеным евреем). Первоначально его задумкой было издание иллюстрированного труда с описанием Польши, но ситуация в русско-польских отношениях, изменившаяся после Январского восстания, заставила Вольфа поменять свои планы и реализовывать эту идею уже через выпуск многотомного издания с описанием всей Империи. По словам Л.Е. Горизонтова, «“Живописная Россия” попадала в опасный контекст очередного польского заговора» [12. С. 68]. Хотя, как кажется, инкриминация полонофильских настроений не может в контексте данного издания считаться оправданной, поскольку создатели издания при выпуске томов всего лишь двигались с северо-запада на юго-восток страны.

Отдельный том «Живописной России» (IV) посвящен Царству Польскому (вышел в 1896 г.). Сам том получился слишком объемным, поэтому был издан в двух частях. Иллюстрации изображают буквально все аспекты польской жизни и истории – это и языческие идолы, и польские выдающиеся деятели, и различные достопримечательности.

Отдельный очерк в первой части тома посвящен быту польского народа (за авторством Е. Карновича – русского историка и писателя, прослужившего 10 лет в Вильне). Здесь нас, конечно же, будут интересовать иллюстрации и описания к ним, т.е. именно визуальный компонент.

Первая иллюстрация в очерке называется «Типы мазуров». В очередной раз мы встречаем заимствование из альбома Г.-Т. Паули и снова отмечаем тот факт, что если у Паули эта иллюстрация была дана с целью показать различия между польскими типами из разных местностей, то здесь все персонажи являются мазурами, что странно, ведь сам очерк достаточно детально описывает различия во внешности поляков, населяющих разные губернии. По этой причине примечательна и иллюстрация, изображающая калишан: на ней изображены те же персонажи, что и на иллюстрации с типами мазуров, хотя калишане и мазуры – две разные субэтнические группы поляков. Скорее всего, здесь вина лежит на иллюстраторе, который с большой долей неаккуратности воспроизвел одних и тех же персонажей дважды.

Одежда изображенных мазуров слишком разнообразна, чтобы судить о соответствии между описанием и иллюстрацией и делать выводы о каком-то унифи-

цированном костюме мазурских поляков. Мазуров нам описывают людьми очень честолюбивыми, которые «скорее вынесут жестокую боль, чем словесную обиду» [13. С. 260], однако храбрыми, набожными и трудолюбивыми, ловкими и красивыми.

Судя по всему, Карнович разделял распространенный стереотип не только о поляках, но и в принципе о склонности людей к тем или иным чертам темперамента в зависимости от стороны света, к которой они ближе проживали: так, кашубы описываются как «понурые», они носят длинную темную одежду, великополяки отличаются флегматическим темпераментом и протяжной речью, а поморяне не отличаются подвижностью, обыкновенно мрачны, понуры, почти никогда не поют и не пляшут. И, напротив, куявы и калишане «отличаются большей живостью и служат как бы переходом к населению Малой Польши и мазовшанам» [13. С. 246]. Жителей юга автор описывает в более живом ключе: они разговорчивы, не против попеть, подвижны, любознательны, проворны. Таким образом, можно сделать два вывода: во-первых, Карнович был склонен следовать за дихотомией Север–Юг, где население северных районов было более сдержанным, и, если можно так выразиться, суровым, а население районов южных было более живым и легким; во-вторых, можно отметить, что Карнович не разделял стереотип о польском типе как о едином веселом и жизнерадостном. Для него существовали различия между субэтническими группами поляков. Но определенные переносы распространенных стереотипов на описываемых им поляков все же присутствуют: например, южные поляки разговорчивы, любят петь, живы, веселы, мазуры честолюбивы и т.д. Представлены и две иллюстрации, на которых изображены «краковяки»: на одной – двое взрослых мужчин и один ребенок (рис. 8), на второй – нарядный мужчина. В тексте говорится, что краковяки «телосложения крепкого, подвижны... среднего роста... отличаются живостью» [13. С. 245]. Иллюстрации вполне отражают тот характер, которым наделил краковяков Карнович: по рисункам заметно, что краковяки общительны (не прочь поболтать даже с ребенком) и подвижны. Упоминается и их набожность, которая выражается «в постановке на дорогах множества больших крестов, распятий и статуй Спасителя, Богородицы и разных святых» [13. С. 262], что на иллюстрации действительно отображено – позади персонажей виден высокий крест.

Карнович пишет, что в одежде, «по наблюдениям этнографов... отражается весьма ясно характер народа» [13. С. 247]; по мнению этих неназванных этнографов, те места, где носят белый, красный, светло-голубой, зеленый и синий, населяют люди более подвижные, приветливые и веселые, а там, где носят темные цвета, жители бывают понуры, а если и веселятся, то переодеваются в яркие цвета (подчеркивается, что эта тенденция наряжаться в яркие цвета особенно отчетлива именно у поляков). Судить же о том, насколько «приветливыми» или «понурыми» изобразили тех или иных поляков, по иллюстрациям сложно, поскольку гравюры нам даны в черно-белом цвете и цвет одежды определить невозможно.

Рис. 8. «Краковяки», Живописная Россия. Том IV. Ч. 1. 1896

Куявяки описываются как сильный, здоровый и трудолюбивый народ. Их гардероб составляют синий сукман, кафтан синего, черного или зеленого цвета, синий пояс, платки на шее и шляпы с узкими полями и широкой тульей либо же конфедератки (т.е. мы уже понимаем, что Карнович относит куявяков, судя по цветам одежды, к народам северным и «суровым»). Курпов, их внешность и одежду описывать подробно вообще не стали, поскольку они являются отраслью мазуров, но отмечается, что они очень набожны.

Дана и иллюстрация, изображающая крестьянина из Вилянува. Одет он вовсе не «по-крестьянски», во всяком случае, даже если крестьяне и позволяли себе такие вещи, то точно не для работы в поле. Странной она кажется и в связи с тем, что на прочих рисунках крестьяне изображены в более свойственной для них одежде.

На этом подробное описание отдельных групп польского народа в данном очерке в части 1 заканчивается, что странно, ведь групп в нем названо было куда больше. Свое небольшое продолжение, однако, описание находит во второй части IV тома, в очерке, посвященном географии Польши (за авторством В. Чуйко).

Здесь читателю повторно дается описание краковяков и мазуров, однако уже без иллюстраций с польскими типами. Из нового в данном очерке можно отметить только описание сандомиров, которые представляются читателю рослыми, серьезными и более мрачными, чем краковяки, хотя на них и похожими.

Сами иллюстрации, изображающие поляков и их быт, как кажется, подчеркивают несколько раз упомянутую набожность поляков (снова находит подтверждение стереотип поляка как истового католика). В томе содержится много рисунков, которые иллюстрируют христианскую обрядность поляков; на многих рисунках мы встречаем изображения крестов и икон.

Иллюстрации, изображающие польскую деревню, кажутся весьма реалистичными и свободными от предрассудков. Все достаточно типично: сельская местность, крестьяне, их быт. Интересно, что в очерке о быте польского народа описывается только крестьянский быт. Да и вообще значимым отличием публикаций этого периода на историко-географическую тему является то, что активно эксплуатируется образ крестьянина: именно крестьяне являются носителями этнических особенностей народа, его культуры (считалось, что крестьянство лучше сохраняет свой «народный характер»).

К городам и их населению обращаются уже в следующем очерке, который называется «Черты минувшей жизни». Иллюстрации в очерке призваны продемонстрировать величественность и красоту отдельных произведений польской архитектуры, а также их внутреннее убранство. В очерке мы, к сожалению, не находим иллюстраций с польскими некрестьянскими типами, но встречаем изображения польской городской повседневности – например, празднование Пасхи.

Во второй части два очерка уже посвящены польским городам – отдельный очерк о Варшаве (причем достаточно объемный) и второй про все прочие крупные города города. Очерк о Варшаве содержит так много иллюстраций и фотографий, что читатель в буквальном смысле мог «побывать в городе», не выходя при этом из собственного дома. Примечательно, что одна из иллюстраций позаимствована из журнала «Живописное обозрение». Она является точной ее копией, поскольку даже образно изображенные люди полностью совпадают с теми, что мы видим на страницах «Живописного обозрения».

В целом же Варшава после изучения очерка оставляет достаточно благоприятное впечатление. Изображено огромное количество польских достопримечательностей. Детально выполненные рисунки и описания к ним позволяют судить о том, что автор – В. Чуйко – высоко оценивал внешний вид Варшавы и был свободен от предрассудков.

Что касается прочих городов, то здесь, судя по всему, в очередной раз была предпринята попытка подчеркнуть стереотипную набожность поляков – в огромном количестве приводятся художественные иллюстрации и фотографии костелов, кафедральных соборов и церквей. Общие же виды представлены по большей части фотографиями, но за редким исключением. Вообще иллюстрациями и фотографиями польской природы и городской среды снабдили почти все очерки, очевидно, с той целью, чтобы читатель как можно лучше смог понять и представить, кто такой поляк и где он живет.

Таким образом, проанализировав источники, в которых дается визуальное изображение поляков и Царства Польского, можно сделать вывод, что по большей части визуальный образ Царства Польского действительно транслировался через определенный набор стереотипов, которые встречаются практически в каждом источнике. Как правило, стереотип выражался в польской одежде – «традиционные» элементы польского национального гардероба встречались даже на тех иллюстрациях, на которых их в принципе быть не должно было. В более поздних источниках (например, «Народы земли» и «Живописная Россия») встречается и перенос черт, которые традиционно приписываются полякам, таких как честолюбие, веселость, набожность, подобострастность и при этом стремление к свободе, на весь польский народ.

Наше предположение, что визуальный образ Царства Польского в российских изданиях должен был быть негативным, тоже частично подтвердилось. Стоит отметить, что такое отношение в разной степени проявляется в источниках. Если в самом раннем из взятых нами источников (у Г.-Т. Паули) мы встречаем как будто несколько пренебрежительное отношение к полякам, то в самом позднем («Народы земли») мы уже откровенно имеем дело с выделением негативных черт польского народа. В описаниях польских городов нередко подчеркивалось преображение их с приходом туда российских властей, но к современному их виду авторы очерков никаких претензий не имели.

Список источников

1. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М. : Индрик, 1999. 270 с.
2. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала. 1860–1862 / под ред. Л.Г. Захаровой. М. : Рос. фонд культуры : Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 1999. 558 с.
3. Лескинен М.В. Польский характер в российской этнографии XIX века // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 112–130.
4. Лескинен М.В. Материальные атрибуты этнической идентификации в визуальных репрезентациях народов Российской империи // Традиционная культура. 2011. № 1 (41). С. 47–58.
5. Pauli T. Description ethnographique des peuples de la Russie. Saint-Pétersbourg : Imprimerie de F. Bellizard, bue de la poste, 1862. № 8. 310 p.
6. Русские народы: наброски пером и карандашом / текст под ред. Н.Ю. Зорафа; рис. Л.Л. Белянкина. М. : И.Н. Кушнерев и К°, 1894. 27 с.
7. Народы земли: географические очерки жизни человека на земле / под ред. А.Я. Острогорского. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1903. Т. 3. 490 с.
8. Кочевники по берегам Вислы // Нива. 1870. Год I, № 16. С. 247.
9. Полевой П.Н. Варшава // Нива. 1873. Год IV, № 7. С. 110–111; № 8. С. 124–126.
10. Полевой П.Н. Город Варшава // Нива. 1892. Год XXIII, № 22. С. 492–494.
11. Город Варшава // Живописное обозрение. 1872. № 31. С. 490–491.
12. Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М. : Индрик, 2004. С. 62–75.
13. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. СПб. : Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1896. Т. IV, ч. 1. 516 с.

References

1. Gorizontov, L.E. (1999) *Paradoksy imperskoĭ politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she* [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moscow: Indrik.
2. Milyutin, D.A. (1999) *Vospominaniya general-fel'dmarshala. 1860–1862* [Memories of Field Marshal. 1860–1862]. Moscow: Russian Cultural Fund: Studio "Trite" by Nikita Mikhalkov.
3. Leskinen, M.V. (2014) Pol'skiy kharakter v rossiyskoy etnografii XIX veka [Polish character in Russian ethnography of the 19th century]. *Otechestvennye zapiski*. 4(61). pp. 112–130.
4. Leskinen, M.V. (2011) Material'nye atributy etnicheskoy identifikatsii v vizual'nykh reprezentatsiyakh narodov Rossiyskoy imperii [Material Attributes of Ethnic Identification in Visual Representations of the Peoples of the Russian Empire]. *Traditsionnaya kul'tura*. 1(41). pp. 47–58.
5. Pauli, T. (1862) *Description ethnographique des peuples de la Russie*. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard.
6. Zoraf, N.Yu. (ed.) (1894) *Russkie narody: nabroski perom i karandashom* [Russian peoples: pen and pencil sketches]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.
7. Ostrogorskiy, A.Ya. (ed.) (1903) *Narody zemli: geograficheskie ocherki zhizni cheloveka na zemle* [Peoples of the earth: geographical sketches of human life on earth]. Vol. 3. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
8. Anon. (1870) Kochevniki po beregam Visly [Nomads along the banks of the Vistula]. *Niva*. 16. p. 247.
9. Polevoiy, P.N. (1873) Varshava [Warsaw]. *Niva*. 7. pp. 110–111; 8. pp. 124–126.
10. Polevoy, P.N. (1892) Gorod Varshava [The City of Warsaw]. *Niva*. 22. pp. 492–494.
11. Anon. (1872) Gorod Varshava [The City of Warsaw]. *Zhivopisnoe obozrenie*. 31. pp. 490–491.
12. Gorizontov, L.E. (2004) "Pol'skaya tsivilizovannost'" i "russkoe varvarstvo": osnovaniya dlya stereotipov i avtostereotipov ["Polish civilization" and "Russian barbarism": Grounds for stereotypes and autostereotypes]. In: Leskinen, M.V. & Khorev, V.A. (eds) *Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'shi i Rossii* [Myth of Europe in the literature and culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik. pp. 62–75.
13. Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [The picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning]. Vol. 4(1). St. Petersburg: M.O. Wolf.

***Сведения об авторе*:**
Павличенко Дарья Игоревна – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dasha00.000@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Pavlichenko Darya I. – master's student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dasha00.000@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2022; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 02.11.2022; accepted for publication 21.03.2023

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья
УДК 378.4
doi: 10.17223/19988613/82/23

Временные установки и удовлетворенность жизнью у студентов вузов в смешанной образовательной среде

Валерия Николаевна Петрова[1], Эдуард Владимирович Галажинский[2], Евгения Васильевна Блохина[3]

[1, 2, 3] Томский государственный университет. Томск, Россия
[1] valerpsy@mail.ru
[2] rector@tsu.ru
[3] saranchonae@mail.ru

Аннотация. Описываются тренды современного российского образования, анализируются изменения, произошедшие в образовательных установках современного студенчества. Приводятся результаты сравнительного исследования взаимозависимостей между временными установками и удовлетворенностью жизнью у студентов в периоды пандемии COVID-19 (когда они вынужденно учились только в дистантном варианте) и постпандемии (когда обучение осуществляется в смешанной модели).
Ключевые слова: смешанная образовательная среда, онлайн-обучение, студенты вуза, жизнеосуществление, временные установки, удовлетворенность жизнью

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни».

Для цитирования: Петрова В.Н., Галажинский Э.В., Блохина Е.В. Временные установки и удовлетворенность жизнью у студентов вузов в смешанной образовательной среде // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 187–193. doi: 10.17223/19988613/82/23

Original article

Time attitudes and life satisfaction among university students in a mixed educational environment

Valeriya N. Petrova[1], Eduard V. Galazhinsky[2], Evgeniya V. Blokhina[3]

[1, 2, 3] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] valerpsy@mail.ru
[2] rector@tsu.ru
[3] saranchonae@mail.ru

Abstract. The article describes the trends of modern Russian education, analyzes the changes that have taken place in the educational settings of modern students. An empirical study was carried out, the purpose of which was to identify and compare changes in time attitudes and subjective indicators of the quality of life among students during the forced transition to a distance (online) learning model in the situation of the COVID-19 pandemic and when studying in a mixed model during the post-pandemic period.
The authors present the results of a comparative study of the relationship between time settings and life satisfaction among students during the COVID-19 pandemic (when they were forced to study only in the distance version: November - December 2021) and post-pandemic (when learning is carried out in a mixed model: September - October 2022).
A study conducted by a cross-sectional method on a random sample of university students showed the stability of indicators over time in terms of subjective assessments of the quality of life and the level of anxiety, attitudes to time both during the period of forced online learning and during the transition to a blended learning model.

© В.Н. Петрова, Э.В. Галажинский, Е.В. Блохина, 2023

An analysis of life satisfaction indicators for two sections showed that in both cases the value is higher than the normative ones, while there is an increase in the level of life satisfaction from the first section to the second at the trend level.
In the structure of time attitudes, the attitude towards the future is of the greatest importance. In relation to him, students have a cognitive dissonance. On the one hand, it is perceived as filled with active actions (i.e., subjective), and on the other hand, the attitude towards the future and all life tasks associated with this negatively affect dissatisfaction with life in the present. Students experience difficulties with the realization of the need for autonomy - the desire to independently control their own actions and behavior, to be their independent initiator, the desire to feel the choice and their own determination of behavior.
The predictors of life satisfaction among students during the post-pandemic period are connectedness as a basic psychological need, attitudes towards the past, present and future. At the same time, the "attitude towards the future" indicator has a negative coefficient.
In general, the educational space is perceived by students positively and does not cause anxiety. The difficult situation of a forced change in educational approaches did not cause negative consequences and rejection among students. And although at the initial stages, a certain part of teachers and students experienced stress reactions, over time, most of the respondents formed a rather positive attitude towards the change in the educational environment. According to the authors, the opportunities that open up as a result of the introduction of a mixed educational environment outweigh the problems that have arisen.
Keywords: mixed educational environment, online learning, university students, life fulfillment, time orientations, life satisfaction

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 18-18-00480 "Subjective indicators and psychological predictors of quality of life".

For citation: Petrova, V.N., Galazhinsky, E.V., Blokhina, E.V. (2023) Time attitudes and life satisfaction among university students in a mixed educational environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 187–193. doi: 10.17223/19988613/82/23

Введение

Трендами развития высшего образования в первые два десятилетия XXI в. были цифровизация, всевозможные виды мобильности (интернет-мобильность, коммуникативная, транспортная, урбанистическая, культурная и миграционная мобильность, туризм как разновидность мобильности и др.) [1–3], возникновение цифрового кочевничества – новой культурной практики, образа жизни, характеризующегося высокой географической мобильностью и постоянной подключенностью к Интернету [4]. Данные тенденции развития порождали и порождают бесконечное разнообразие вариантов жизнеосуществления: «приобретение профессии и начало собственной профессиональной жизни являются условием для выработки собственного индивидуального жизненного стиля и возможности реализовать индивидуальные смыслы жизни» [5].

Вышеназванные тренды привели к изменению социальных норм, признанию мобильного образа жизни как допустимого и даже желаемого. А это, в свою очередь, породило существенные сдвиги в темпоральных ориентациях молодого поколения: пространственно-временные границы существенно раздвинулись; жизнь по принципу «здесь-и-сейчас», в настоящем, стала приобретать все большую ценность; значение прошлого и будущего, соответственно, снижаться [6–8]. Результатами этого стали ослабление или утрата привязанности к дому, важности родственных связей, высокая флексибильность и приспособляемость к изменениям. Возник даже специальный термин – жизненный аутсорсинг – принцип, определяющий образ жизни, когда можно говорить о предпочтении виртуальных форм коммуникационного взаимодействия живому общению [9–13].

По мнению ряда исследователей, результатом образовательной деятельности в условиях исключительно дистантного образования в период пандемии COVID-19 стали «гиперподключенность» к Интернету, перенос значительной части образовательной активности человека как субъекта деятельности в так называемую смешанную / совмещенную реальность, возникновение нового вида социальности – цифровой [14–17]. P. Marangu и соавт. констатируют, что пандемия COVID-19 нанесла значительный ущерб сектору образования Кении, который является важнейшим фактором, определяющим экономическое будущее страны. Происходили временное закрытие образовательных учреждений и социальное дистанцирование, что оказало огромное влияние на методы преподавания и обучения. В результате эмпирического исследования, проведенного в пяти образовательных учреждениях Кении (выборка 293 студента и 34 преподавателя) были сформулированы основные проблемы, возникшие в системе образования в этот период, а именно: отсутствие национальной политики в области цифрового обучения, ограничения Интернета в некоторых частях страны, проблемы с обеспечением качества преподавания, социально-экономические факторы, отсутствие у студентов самомотивации и снижение личной поддержки студентов [18].

А.Н. Поддьяков вводит различение между способностью самостоятельно учиться в новых, только возникающих областях и способностью обучаться под чужим руководством, подчиняясь и следуя установленным извне требованиям и целям. Он говорит о необходимости и целесообразности подготовки современных студентов к уникальным ситуациям и трудностям и считает, что помощь и помехи обучению со стороны других субъектов являются факторами, влияющими на сложность и непредсказуемость дальнейшего профессионального и личностного развития обучающихся [19].

Современное поколение студентов стали называть цифровым поколением, для него характерны многозадачность и «медиамногозадачность» как способность решать одновременно несколько задач и осуществлять нелинейную обработку информации (работать с несколькими потоками информации) [20, 21]. Мы можем говорить о возникновении новых закономерностей в образовательной активности студентов в интернет-среде. В частности, речь идет о возможном изменении цели деятельности в процессе поиска информации, возникновении ощущения наличия особых возможностей в цифровой среде (которыми человек не может обладать в реальной жизни), трансформации аналитической активности в поисковую и др. [22–24].

В настоящее время мы можем констатировать произошедший переход от сосуществования офлайн- и онлайн-модели обучения к модели обучения в смешанной реальности, когда большинство привычных видов образовательных активностей дополняются онлайн-деятельностью. На субъективном уровне это означает, что большинство современных студентов рассматривают образовательное пространство как смешанное, неразделенное на онлайн- и офлайн-среду. Это порождает новые способы взаимодействия человека и технологий, включение цифрового содержания в физическую реальность – возникновение «фиджитал мира» (сочетание физического мира (physics) и цифрового (digital)) [25], или мира onlife [26].

Произошедшие изменения порождают необходимость проведения новых эмпирических исследований, целью которых являются уточнение мотиваторов и акторов образовательной активности современного российского студенчества, более детализированное описание взимозависимостей между субъективными индикаторами и психологическими предикторами качества жизни.

Методы исследования

Цель исследования заключалась в выявлении и сравнительном анализе изменений во временных установках и субъективных индикаторах качества жизни у студентов в период вынужденного перехода к дистанционной (онлайн) модели обучения в ситуации пандемии COVID-19 и при обучении в смешанной модели в период постпандемии. Гипотеза исследования предполагала существование специфических взаимозависимостей между характеристиками личностного потенциала, временными установками и субъективными индикаторами качества жизни у студентов, обучающихся онлайн и в смешанной модели обучения. Для исследования когнитивного компонента субъективного благополучия использовалась шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера.

Темпоральные ориентации выявлялись с помощью Шкалы временных установок Ж. Нюттена, позволяющей определить отношение респондентов к своему прошлому, настоящему и будущему. Методика представляет собой биполярные пары прилагательных, респондентам необходимо определить свое отношение ко времени по 10 параметрам (приятное–неприятное; безопасное–опасное; удачное–неудачное; интересное–неинтересное, полное надежд – безнадежное; определяемое мной лично – определяемое извне, наполненное активными действиями – наполненное пассивным ожиданием, неизменное – постоянно меняющееся, длинное–короткое, богатое–бедное) по 7-балльной шкале. Положительный полюс оценивается 7 баллами, отрицательный – 1 баллом.

Семантический дифференциал для субъективной оценки уровня тревожности. Шкала удовлетворенности базовых психологических потребностей (Э. Деси и Р. Райана в адаптации Е. Н. Осина) включает в себя шкалы «автономность», «компетентность» и «связность» и была использована во втором срезе для уточнения характеристик личностного потенциала.

Исследование проводилось в виде онлайн-опроса в два этапа. Первый этап проходил в ноябре–декабре 2021 г. (дистанционная модель обучения), второй – в сентябре–октябре 2022 г. (смешанная модель обучения). Был использован метод случайного формирования выборки. Выборки несвязанные, в них входили студенты г. Томска. На первом этапе было 85 респондентов: средний возраст 21,1 год, 23,5% мужчины, 76,5% женщины. На втором этапе – 223 человека, средний возраст 20,7 лет, 32% мужчины, 68% женщины.

Результаты исследования

Проверка валидности используемых психодиагностических методик внутри каждой из групп испытуемых свидетельствует о высокой внутренней валидности всех методик (α-Кронбаха варьировала от 0,75 до 0,95). С помощью критерия Колмогорова–Смирнова определено, что все значения отличаются от нормального распределения. В качестве методов статистической обработки данных использовались описательная статистика, сравнительный анализ с помощью F-критерия Фишера (для несвязанных выборок), корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена, множественный регрессионный анализ в статистическом пакете IBM SPSS 23.

Анализ показателей удовлетворенности жизнью по двум срезам показал, что в обоих случаях значения выше нормативных, при этом наблюдается рост уровня удовлетворенности жизнью от первого среза ко второму (табл. 1). Однако значимых различий в выраженности параметра не обнаружено. Это говорит о том, что рост показателя существует лишь на уровне тенденции.

В табл. 2 приведены результаты по шкале временных установок Ж. Нюттена. Исходя из приведенных данных, мы можем сделать вывод, что в структуре темпоральных ориентаций существуют различия между субъективными оценками прошлого, настоящего и будущего (4,78, 4,85 и 5,65 соответственно), ориентации на будущее имеют более яркую окрашенность, в то время как уровень оценок прошлого и будущего приблизительно одинаков. При этом прошлое воспринимается в основном как интересное, приятное, безопасное и полное надежд; настоящее – как определяемое мной лично, полное надежд и безопасное; а будущее – как определяемое мной лично, приятное, богатое и наполненное активными действиями.

Таблица 1

Результаты, полученные по шкале удовлетворенности жизнью Э. Динера

Показатель	1-й срез		2-й срез		F-ratio	p-value
	Среднее значение	Степень отклонения	Среднее значение	Степень отклонения		
Удовлетворенность жизнью	20,27	4,85	21,38	5,97	1,16	0,36

Таблица 2

Результаты, полученные по шкале временных установок Ж. Нюттена

Показатели	1-й срез		2-й срез	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Прошлое	4,78	1,71	4,79	0,97
Приятное	5,24	1,68	4,71	1,74
Безопасное	5,04	1,60	5,02	1,77
Удачное	4,45	1,69	4,57	1,54
Интересное	5,29	1,70	5,28	1,52
Полное надежд	5,03	1,74	5,25	1,55
Определяемое мной лично	4,75	1,93	4,68	1,59
Наполнено активными действиями	4,70	1,69	4,69	1,66
Неизменное	4,58	1,68	4,60	1,74
Длинное	4,41	1,42	4,54	1,72
Богатое	4,31	1,71	4,56	1,46
Настоящее	4,85	1,17	5,05	1,08
Приятное	5,01	1,70	4,94	1,55
Безопасное	4,96	1,76	4,98	1,67
Удачное	4,85	1,67	4,69	1,50
Интересное	4,95	1,78	5,39	1,56
Полное надежд	5,10	1,79	5,39	1,64
Определяемое мной лично	5,25	1,83	5,54	1,61
Наполнено активными действиями	4,54	1,95	5,17	1,63
Неизменное	4,70	1,75	5,23	1,54
Длинное	4,63	1,76	4,60	1,81
Богатое	4,55	1,60	4,60	1,42
Будущее	5,65	1,20	5,54	1,19
Приятное	5,75	1,45	5,44	1,71
Безопасное	5,44	1,62	5,21	1,76
Удачное	5,61	1,75	5,59	1,57
Интересное	5,85	1,43	5,93	1,32
Полное надежд	5,74	1,66	5,87	1,31
Определяемое мной лично	5,72	1,68	5,62	1,80
Наполнено активными действиями	5,69	1,78	5,40	1,76
Неизменное	5,40	1,61	5,02	1,65
Длинное	5,60	1,61	5,55	1,65
Богатое	5,72	1,45	5,80	1,34

В табл. 3 отражены показатели семантического дифференциала, которые свидетельствуют о среднем уровне тревожности у студентов при достаточно большом разбросе значений.

Таблица 3

Результаты, полученные по семантическому дифференциалу

Параметр	Среднее значение	Стандартное отклонение
Субъективная оценка уровня тревожности	2,5965	1,24272

В табл. 4 отражены показатели личностного потенциала, которые свидетельствуют, что у студентов в наименьшей степени удовлетворена базовая психологическая потребность в автономии.

Подсчет значимости различий между двумя выборками с использованием F-критерия Фишера показал отсутствие таковых на необходимом уровне значимости. Поэтому нами было принято решение осуществлять корреляционный и регрессионный анализ только по отношению ко второму срезу как наиболее актуальному к моменту интерпретации результатов. Кроме того, выборка второго среза была больше в три раза, что повышает прогностическую способность разрабатываемой объяснительной модели.

Таблица 4

Результаты, полученные по шкале удовлетворенности базовых потребностей (Э. Деси и Р. Райана)

Параметр	Среднее значение	Стандартное отклонение
Автономия	8,1018	2,26427
Компетентность	10,1825	1,98632
Связность	10,6667	2,14717

Результаты корреляционного анализа показали существование значимых взаимозависимостей между практически всеми переменными (исключая переменную «пол»), что крайне затруднило интерпретацию результатов. Поэтому при анализе данных нами был сделан акцент на рассмотрении результатов регрессионного анализа.

Таблица 5

Предикторы удовлетворенности жизнью (множественный регрессионный анализ)

N = 223	Regression Summary for Dependent Variable: Удовлетворенность жизнью R = ,60314054, R^2 = ,36377851, Adjusted R^2 = ,35468963 (4,280) = 40.025 p < 0,0000, Std. Error of estimate: 4,8807					
	b*	Std. Err. (of b*)	b	Std. Err. (of b)	t(280)	p-value
Intercept			1,022767	1,956797	0,52267	0,601614
Связность	0,185067	0,051156	0,523675	0,144753	3,61772	0,000353
Прошлое	0,132689	0,052559	0,769931	0,304977	2,52456	0,012137
Настоящее	0,548092	0,070162	3,078523	0,394085	7,81182	0,000000
Будущее	–0,141104	0,068376	–0,720915	0,349338	–2,06366	0,039972

В табл. 5 отражены результаты регрессионного анализа. Коэффициент детерминации составил $R^2 = 0,35$, т.е. выбор факторов адекватный. Проверка на нормальность распределения остатков также показала приемлемость предлагаемой модели. Предикторами удовлетворенности жизнью у студентов в период постпандемии являются связность как базовая психологическая потребность, установки к прошлому, настоящему и будущему.

Заключение и выводы

Проведенное поперечно-срезовым методом исследование на случайной выборке студентов вуза показало стабильность показателей во времени по параметрам субъективных оценок качества жизни и уровня тревожности, установок ко времени как в период вынужденного онлайн-обучения, так и в период перехода к смешанной модели обучения. При этом показатели удовлетворенности жизнью также стабильно выше среднего. Это свидетельствует о том, что респонденты оценивают образовательную среду как способствующую решению текущих задач, а действие стрессогенных факторов оценивается как допустимое.

В структуре временных установок наибольшее значение имеет установка по отношению к будущему. В отношении к нему у студентов наблюдается когнитивный диссонанс. С одной стороны, оно воспринимается как наполненное активными действиями (т.е. субъектное), а с другой стороны, установка к будущему и все жизненные задачи, связанные с этим, негативно влияют на удовлетворенность жизнью в настоящем. Студенты испытывают трудности с реализацией потребности в автономии – желания самостоятельно контролировать собственные действия и поведение, быть их независимым инициатором, стремления чувствовать выбор и собственную детерминацию поведения.

На наш взгляд, следствием именно этого является тот факт, что базовая потребность в компетентности, достижении значимых результатов не стала предиктором удовлетворенности жизнью. Стремление к «связности», т.е. к взаимосвязи с другими людьми, установлению надежных и удовлетворяющих индивида отношений с другими, основанных на чувстве привязанности и дающих ощущение принятия, понятости, поддержки, в актуальной ситуации является предиктором удовлетворенности жизнью. Желание любить и заботиться о других людях и получать любовь и заботу с их стороны – основная сфера жизнеосуществления.

В отношении же социальной и профессиональной активности мы можем говорить об «эффекте отложенной жизни». Данная сфера жизнеосуществления, с одной стороны, не вызывает отторжения и стресса, а с другой – рассматривается как менее актуальная в настоящем. В целом образовательное пространство воспринимается студентами позитивно и не вызывает тревоги. Сложная ситуация вынужденного изменения образовательных подходов не вызвала у студентов негативных последствий и отторжения. И хотя на первоначальных этапах у отдельной части преподавателей и студентов и возникали стрессовые реакции, с течением времени большая часть респондентов сформировала, скорее, позитивное отношение к изменению образовательной среды. На наш взгляд, возможности, которые открываются в результате внедрения смешанной образовательной среды, перевешивают возникшие проблемы:

– значительная часть как профессорско-преподавательского состава, так и студентов вообще не пользовались онлайн-обучением до пандемии COVID-19;

– преподаватели и студенты приобрели опыт использования веб-инструментов и технологий;

– и у профессорско-преподавательского состава, и у студентов формируются и совершенствуются компетенции эффективного управления временем;

– расширяется географический доступ к образованию, позволяющий проводить занятия удаленно; усиливается интерактивный компонент взаимодействия между преподавателями и учащимися;

– онлайн-обучение допускает и фактически стимулирует сочетание образования с профессиональными пробами и многими другими возможностями.

Список источников

1. Неклюдова С.В., Кабрин В.И. Формирование нового типа мобильного образа жизни личности в транскультуральной коммуникации // Сибирский психологический журнал. 2017. № 65. С. 66–82. doi: 10.17223/17267080/65/5
2. Anderson E.L., Steen E., Stavropoulos V. Internet use and Problematic Internet Use: a systematic review of longitudinal research trends in adolescence and emergent adult-hood // International Journal of Adolescence and Youth. 2017. Vol. 22, is. 4. P. 430–454. doi: 10.1080/02673843.2016.1227716
3. May K.E., Elder A.D. Efficient, helpful, or distracting? A literature review of media multitasking in relation to academic performance // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2018. Vol. 15, № 1. Art. 13. doi: 10.1186/s41239-018-0096-z
4. Кужелева-Саган И.П., Сучкова Н.А. Цифровое кочевничество в среде томских студентов: идентификация и самоидентификация // Сибирский психологический журнал. 2018. № 67. С. 102–114. doi: 10.17223/17267080/67/8

5. Савинова С.Ю. Вовлеченность студентов в образовательный процесс: оценка позитивных эффектов // Человек и образование. 2015. № 4 (45). С. 143–147.
6. Черных С.И., Борисенко И.Г. Цифровые технологии в образовании и их влияние на изменение человеческого капитала // Философия образования. 2020. Т. 20, № 3. С. 5–20. doi: 10.15372/PHE20200301
7. Третьякова В.С. Профессиональное будущее молодежи цифрового поколения России // Непрерывное образование: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 22 января 2019. Екатеринбург, 2019. С. 151–156.
8. Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В. Вовлеченность в профессиональную среду и ее значение для непрерывного образования // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 2. С. 5–20. doi: 10.17759/sps.2017080201
9. Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 48–57. doi: 10.31857/S013216250006186-7
10. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
11. Бредун Е.В., Баланёв Д.Ю., Ваулина Т.А. и др. Темпоральные особенности студентов как когнитивные диагностические характеристики: контекст адаптивного образования // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17, № 1. С. 60–73. doi: 10.21702/rpj.2020.1.5
12. Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self // Theory and Society. 2020. Vol. 49. P. 771–801. doi: 10.1007/s11186-020-09405-1
13. Gentzler A.L. Valuing happiness in youth: Associations with depressive symptoms and well-being // Journal of Applied Developmental Psychology. 2019. Vol. 62. P. 220–230. doi: 10.1016/j.appdev.2019.03.001
14. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450. doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
15. Ackermann K., Manatschal A. Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared // New Media & Society. 2018. Vol. 20, is. 12. P. 4453–4472. doi: 10.1177/1461444818775698
16. Поначугин А.В., Лапыгин Ю.Н. Организация интерактивного взаимодействия в электронном обучении // Вестник Мининского университета. 2017. № 4 (21). Ст. 1. doi: 10.26795/2307-1281-2017-4-1
17. Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды // Мировые цивилизации. 2019. Т. 4, № 3-4. С. 23–28. URL: https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf
18. Marangu P., Nyaga F., Rukaria S. Overcoming Challenges Arising from Online Training in TVET Institutions in Kenya // Tenth Pan-Common wealth Forum on Open Learning. 2022. doi: 10.56059/pcf10.9226. https://www.researchgate.net/publication/365987709_Overcoming_Challenges_Arising_from_Online_Training_in_TVET_Institutions_in_Kenya
19. Поддьяков А.Н. Психология обучения в условиях новизны, сложности, неопределенности // Mobilisinmobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А.Г. Асмолова. М. : Изд. дом ЯСК, 2018. С. 261–276. doi: 10.54359/ps.v8i40.558
20. Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Топоркова О.В. Студенческая молодежь в эпоху цифрового общества // Преподаватель XXI век. 2019. № 1-1. С. 77–85.
21. Martin-Perpina M.M., Poch F.V., Cerrato S.M. Media multitasking impact in homework, executive function and academic performance in spanish adolescents // Psicothema. 2019. Vol. 31, № 1. P. 81–87. doi: 10.7334/psicothema2018.178
22. Zamfir A.-M., Mocanu C. Perceived Academic Self-Efficacy among Romanian Upper Secondary Education Students // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, is. 13. Art. 4689. doi: 10.3390/ ijerph17134689
23. Ковалев А.И., Роголева Ю.А., Егоров С.Ю. Сравнение эффективности применения технологий виртуальной реальности с традиционными образовательными средствами // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2019. № 4. С. 44–58. doi: 10.11621/vsp.2019.04.44
24. Чайникова Г.Р. Анализ адаптации студентов, обучающихся по модели «Перевернутый класс», к условиям дистанционного обучения // Открытое образование. 2020. Т. 24, № 5. С. 63–71. doi: 10.21686/1818-4243-2020-5-63-71
25. Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
26. Floridi L. The Fourth revolution. How the infosphere is reshaping human reality. New York : Oxford University Press, 2014. 278 p.

References

1. Neklyudova, S.V. & Kabrin, V.I. (2017) Formation of a new type of mobile personality lifestyle in transcultural communication. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 65. pp. 66–82. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/65/5
2. Anderson, E.L., Steen, E. & Stavropoulos, V. (2017) Internet use and Problematic Internet Use: a systematic review of longitudinal research trends in adolescence and emergent adulthood. *International Journal of Adolescence and Youth*. 22(4). pp. 430–454. DOI: 10.1080/02673843.2016.1227716
3. May, K.E. & Elder, A.D. (2018) Efficient, helpful, or distracting? A literature review of media multitasking in relation to academic performance. International *Journal of Educational Technology in Higher Education*. 15(1). Art. 13. DOI: 10.1186/s41239-018-0096-z
4. Kuzheleva-Sagan, I.P. & Suchkova, N.A. (2018) Digital nomadism among Tomsk students: identification and self-identification. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 67. pp. 102–114. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/67/8
5. Savinova, S.Yu. (2015) Vovlechennost' studentov v obrazovatel'nyy protsess: otsenka pozitivnykh effektov [Involvement of students in the educational process: Assessment of positive effects]. *Chelovek i obrazovanie*. 4(45). pp. 143–147.
6. Chernykh, C.I. & Borisenko, I.G. (2020) Tsifrovye tekhnologii v obrazovanii i ikh vliyanie na izmenenie chelovecheskogo kapitala [Digital technologies in education and their impact on changing human capital]. *Filosofiya obrazovaniya*. 20(3). pp. 5–20. DOI: 10.15372/PHE20200301
7. Tretyakova, V.S. (2019) Professional'noe budushchee molodezhi tsifrovogo pokoleniya Rossii [The professional future of the youth of the digital generation of Russia]. *Nepreryvnoe obrazovanie: teoriya i praktika* [Life-long Education: Theory and Practice]. Proc. of the Second International Conference. Ekaterinburg, January 22, 2019. Ekaterinburg. pp. 151–156.
8. Litvinova, E.Yu. & Kiseleva, N.V. (2017) Vovlechennost' v professional'nuyu sredu i ee znachenie dlya nepreryvnogo obrazovaniya [Involvement in the professional environment and its significance for continuing education]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 8(2). pp. 5–20. DOI: 10.17759/sps.2017080201
9. Kravchenko, S.A. (2019) Tsifrovye riski, metamorfozy i tsentrobezhnye tendentsii v molodezhnoy srede [Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Trends in the Youth Environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 48–57. DOI: 10.31857/S013216250006186-7
10. Asmolov, G.A. & Asmolov, A.G. (2019) Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [The Internet as a generative space: A historical and evolutionary perspective]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 3–28.
11. Bredun, E.V., Balanev, D.Yu., Vaulina, T.A. et al. (2020) Temporal'nye osobennosti studentov kak kognitivnye diagnosticheskie kharakteristiki: kontekst adaptivnogo obrazovaniya [Temporal features of students as cognitive diagnostic characteristics: The context of adaptive education]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal – Russian Psychological Journal*. 17(1). pp. 60–73. DOI: 10.21702/rpj.2020.1.5
12. Brubaker, R. (2020) Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*. 49. pp. 771–801. DOI: 10.1007/s11186-020-09405-1
13. Gentzler, A.L. (2019) Valuing happiness in youth: Associations with depressive symptoms and well-being. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 62. pp. 220–230. DOI: 10.1016/j.appdev.2019.03.001

14. Soldatova, G.U. & Voyskunskiy, A.E. (2021) Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 18(3). pp. 431–450. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
15. Ackermann, K. & Manatschal, A. (2018) Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared. *New Media & Society*. 20(12). pp. 4453–4472. DOI: 10.1177/1461444818775698
16. Ponachugin, A.V. & Lapygin, Yu.N. (2017) Organizatsiya interaktivnogo vzaimodeystviya v elektronnom obuchenii [Organization of interactive interaction in e-learning]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 4(21). Art. 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-4-1
17. Kandybovich, S.L. & Razina, T.V. (2019) Osobennosti sotsializatsii molodezhi v usloviyakh sovremennoy tsifrovoy sredy [Features of the socialization of youth in the modern digital environment]. *Mirovye tsivilizatsii*. 4(3-4). pp. 23–28. [Online] Available from: https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf
18. Marangu, P., Nyaga, F. & Rukaria, S. (2022) Overcoming Challenges Arising from Online Training in TVET Institutions in Kenya. *Tenth Pan-Common Wealth Forum on Open Learning*. DOI: 10.56059/pcf10.9226
19. Poddyakov, A.N. (2018) Psikhologiya obucheniya v usloviyakh novizny, slozhnosti, neopredelennosti [Psychology of learning in conditions of novelty, complexity, uncertainty]. In: Asmolov, A.G. (ed.) *Mobilisinmobili: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilisinmobili: Personality in the Era of Change]. Moscow: YaSK. pp. 261–276. DOI: 10.54359/ps.v8i40.558
20. Petruneva, R.M., Vasilieva, V.D. & Toporkova, O.V. (2019) Studencheskaya molodezh' v epokhu tsifrovogo obshchestva [Student youth in the era of digital society]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1-1. pp. 77–85.
21. Martin-Perpina, M.M., Poch, F.V. & Cerrato, S.M. (2019) Media multitasking impact in homework, executive function and academic performance in spanish adolescents. *Psicothema*. 31(1). pp. 81–87. DOI: 10.7334/psicothema2018.178
22. Zamfir, A.-M. & Mocanu, C. (2020) Perceived Academic Self-Efficacy among Romanian Upper Secondary Education Students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 17(13). Art. 4689. DOI: 10.3390/ ijerph17134689
23. Kovalev, A.I., Rogoleva, Yu.A. & Egorov, S.Yu. (2019) Sravnenie effektivnosti primeneniya tekhnologiy virtual'noy real'nosti s traditsionnymi obrazovatel'nymi sredstvami [Comparison of the effectiveness of the use of virtual reality technologies with traditional educational means]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*. 4. pp. 44–58. DOI: 10.11621/vsp.2019.04.44
24. Chaynikova, G.R. (2020) Analiz adaptatsii studentov, obuchayushchikhsya po modeli "Perevernutyy klass", k usloviyam distantsionnogo obucheniya [An analysis of the adaptation of students studying according to the "Flipped Class" model to the conditions of distance learning]. *Otkrytoe obrazovanie*. 24(5). pp. 63–71. DOI: 10.21686/1818-4243-2020-5-63-71
25. Stillman, D. (2018) *Pokolenie Z na rabote. Kak ego ponyat' i nayti s nim obshchiy yazyk* [Generation Z at work. How to understand him and find a common language with him]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
26. Floridi, L. (2014) *The Fourth Revolution. How the Infosphere is Reshaping Human Reality*. New York: Oxford University Press.

***Сведения об авторах*:**
Петрова Валерия Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valerpsy@mail.ru
Галажинский Эдуард Владимирович – доктор психологических наук, ректор Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rector@tsu.ru
Блохина Евгения Васильевна – младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований качества жизни Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: saranchonae@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Petrova Valeriya N. – Doctor of Psychology, Professor of Organizational Psychology's Department, Faculry of Psychology, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: valerpsy@mail.ru
Galazhinskiy Eduard V. – Doctor of Psychology, Rector of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rector@tsu.ru
Blokhina Evgeniya V. – Senior Researcher of Laboratories for Comparative Research in Quality of Life, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: saranchonae@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2022; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 12.11.2022; accepted for publication 21.03.2023

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.17223/19988613/82/24

Восприятие студенческой молодежью российской истории: политический аспект

Павел Борисович Салин[1], Владимир Георгиевич Кикнадзе[2]

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, salpavbor@mail.ru
[2] Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Москва, Россия, KiknadzeVG@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности восприятия студенческой молодежью истории России с точки зрения как формы (источников), так и содержания. Статья опирается на социологические исследования, проведенные коллективом авторов в 2017 и 2018 гг. Установлено, что студенческая молодежь в целом рационально относится к событиям российской истории, позитивно воспринимая те из них, которые сопряжены с реализацией персональных прав и свобод, и негативно – с их ограничением.
Ключевые слова: студенческая молодежь, отечественная история, патриотизм, пропаганда, образ будущего

Благодарности: Авторы выражают признательность студентам факультета социологии и политологии Финансового университета Д.Д. Осининой и Д.А. Машьянову, внесшим существенный вклад в организацию и обработку результатов социологического опроса, послужившего одним из источников для написания данной статьи.

Для цитирования: Салин П.Б., Кикнадзе В.Г. Восприятие студенческой молодежью российской истории: политический аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 194–198. doi: 10.17223/19988613/82/24

Original article

Students' perception of Russian history: political aspect

Pavel B. Salin[1], Vladimir V. Kiknadze[2]

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, salpavbor@mail.ru
[2] Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Moscow, Russian Federation, KiknadzeVG@mail.ru

Abstract. To determine the features of the perception of students of the history of Russia, the sources and channels of information on the problem, to consider the features of the request of students regarding the translation of knowledge on the national history, the risks and opportunities.
The main source for writing the article was the data of a sociological study of students in Russia, conducted by a team of authors in 2017 in the framework of research on the state task of the Financial University under the Government of the Russian Federation (more details on the methodology and construction of the sample indicated in the article). As an additional source base, we used works that consider the peculiarities of perception of Russian history by various social groups, as well as the priorities and attitudes of Russian students.
The perception of the historical heritage of any social group is one of the basic prerequisites that affects its political behavior in the present and allows various actors to manipulate them. In the case of students, the peculiarity of the situation is the age specificity of this group, in particular, its psychological mobility and unformed attitudes, which facilitates the task of various manipulators. The survey conducted by the team of authors in 2017 showed a high level of self-esteem of Patriotic sentiments among students. A "consumer" request for the submission of history was identified, in particular, a request for the presence of a basic (state) point of view, but also alternative to it, including those presented in foreign literature. Student youth generally positively perceives historical events associated with changes, but does not accept their violent nature. Her perception of the great Patriotic war stands out-despite the binding of this event to the mobilization scenario, the student youth perceives this period positively. Other periods, associated with violent (forced) mobilization, perceived it negatively. For example, positive student youth evaluated such diverse events as the reform of Peter I and the abolition of serfdom, negative – the era of Ivan the terrible and Troubled times.
Students are quite pragmatic (consumer) in their attitude to the sources of information on Russian history, as well as to the historical events themselves. It does not think in the categories of democracy - authoritarianism, but rather in the categories of violence/mobilization - non – violence, with a positive attitude to the second and a negative attitude to the first. At the same time, this social group evaluates historical events as positively as possible, which, in its opinion, are associated with opportunities for the realization of individual rights and freedoms.
Keywords: student youth, national history, patriotism, propaganda, image of the future

© П.Б. Салин, В.Г. Кикнадзе, 2023

Acknowledgements: The authors express their gratitude to the students of the Faculty of Sociology and Political Science of the Financial University, D.D. Osinina and D.A. Mashyanov, who made a significant contribution to the organization and processing of the results of the sociological survey, which served as one of the sources for writing this article.

For citation: Salin, P.B., Kiknadze, V.V. (2023) Students' perception of Russian history: political aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 194–198. doi: 10.17223/19988613/82/24

Отношение молодежи к истории и динамика текущей политической ситуации достаточно тесно взаимосвязаны. В особенности это касается России на современном этапе ее развития, когда страна проходит через сложный и далеко не завершившийся этап исторического транзита, сопряженного с различными пертурбациями. С учетом этого отсутствие в сознании молодежи, особенно наиболее активной ее части – студенческой молодежи, «прививок», связанных с восприятием исторического наследия, чревато повторением в настоящем и будущем ошибок прошлого, цена которых может быть несопоставимо выше, чем на предыдущем витке исторического развития.

Следует отметить два способа трансляции исторической памяти, предохраняющей от повторения ошибок прошлого: условная память поколений, когда опыт передается «вживую», и трансляция через опосредованные источники – книги, фильмы и т.п. При этом речь идет как о современных произведениях, посвященных той или иной исторической эпохе, так и о произведениях той эпохи непосредственно.

С этой точки зрения историческое наследие представляет собой не только чисто культурный аспект, но и инструмент управления текущими политическими процессами. При этом модерирование в определенном ключе истории позволяет направлять в нужное русло текущую политическую активность целевой аудитории – студенческой молодежи. Ситуацию для всех заинтересованных сторон одновременно упрощает и усложняет то, что молодежь в силу своего возраста не обладает «живыми» историческими воспоминаниями, а значит, черпает свое представление об истории, в том числе и об отечественной, из разных источников.

Также следует упомянуть, что в последние три десятилетия различные группы населения, в том числе и студенческая молодежь как наиболее динамичная категория, неоднократно подвергались «перенастройке» сознания через манипулирование историческим наследием. При этом субъектом такого манипулирования выступала как власть, так и другие игроки. Многие исследователи отмечают, что современный информационный дискурс, генерируемый и поддерживаемый властью, гораздо больше обращен в прошлое, чем в будущее [1].

При этом специфика работы с такой категорией населения, как студенческая молодежь, заключается в том, что манипулятору гораздо проще добиться своих целей, особенно в случае реализации деструктивных сценариев, так как «по умолчанию» считается, что молодежь не обладает исторической памятью (в том числе и почерпнутой из литературных источников), которая служила бы предохранителем от негативного воздействия на нее. Например, исчезновение из исторической памяти негативных обстоятельств, связанных с революционными потрясениями, лишает целевую группу встроенных защитных механизмов, гарантирующих от их повторения в будущем. Правда, как будет показано ниже, эта гипотеза не совсем подтверждается данными социологического среза, в рамках которого опрашивалась как раз студенческая молодежь.

С точки зрения манипулирования со стороны деструктивно настроенных акторов, студенческая молодежь обладает двумя особенностями, облегчающими им поставленную задачу. Первая касается ментальных особенностей данной целевой группы и заключается в том, что, как и любая молодежь, студенчество склонно к более радикальным сценариям решения проблем, которые зачастую носят актуальный, а не надуманный характер. Второй аспект касается географических особенностей распределения данной целевой группы: поскольку вузы сконцентрированы в крупных городах (а именно там и происходят ключевые события всех деструктивных политических сценариев), студенты становится легким объектом для манипуляторов. Однако манипуляторы при осуществлении своего воздействия всегда опираются на те или иные позиции, уже доминирующие в целевой группе. С точки зрения профилактики деструктивных настроений в студенческой среде целесообразно понимать, как воспринимается российская история российской же студенческой молодежью.

С целью реализации поставленной задачи в рамках выполнения НИР по госзаданию специалистами Финансового университета в 2017 г. было проведено исследование среди студенческой молодежи, касающееся восприятия ею российской истории, в 2018 г. исследования в данном направлении были продолжены. Методом сбора первичной социологической информации является массовый анкетный опрос в электронной форме. Для обработки результатов использовались методы описательной статистики, парные корреляции, построение кросс-таблиц или перекрестных отчетов. Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS 20.0. Тип выборки – «стихийная». В исследовании приняли участие 350 человек, из которых 202 студента-москвича и 148 студентов из других субъектов РФ. Средний возраст респондентов – 18–24 года.

Субъекты РФ, в которых проводилось исследование, были выбраны исходя из анализа рейтинга городов России по числу вузов, подготовленного международной организацией UNIPAGE, специализирующейся на высшем образовании. В рейтинге учитывается общее количество высших учебных учреждений в городе и число вузов, приходящихся на 1 млн населения. Так, больше всего вузов располагаются в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Самаре и Новосибирске.

При этом именно в Новосибирске показатель числа вузов на 1 млн населения наивысший по стране.

Если рассматривать профиль опрошенных, то респондентами выступали в основном представители гуманитарных направлений, но при этом будущие историки как представители профессионального сообщества в выборку были включены по минимуму (менее 10% респондентов), так как у них, по мнению авторов исследования, уже в студенческие годы вырабатывается специфический профессиональный взгляд на исторические события и способы их интерпретации и донесения до населения. В итоге самую значимую группу с точки зрения численности опрошенных представляли студенты, изучающие смежные с историей науки (политология, связи с общественностью – 27,8%), и будущие социологи (21,2%). В выборку были также включены представители таких близких к гуманитарному профилю специальностей, как государственное и муниципальное управление (7,1%), экономика и финансы (5,2%). Для обеспечения репрезентативности выборки с точки зрения профессиональных критериев опрашивались представители инженерных специальностей, IT (11,5%), а также будущие медики (5,2%).

Следует отметить, что 2/3 опрошенных (65,7%) на вопрос о совмещении работы и учебы ответили утвердительно. Таким образом, уровень социализации (не обязательно профессиональной – по изучаемой специальности) респондентов оказался достаточно высоким, что сказалось на их позиции по изучаемой проблеме. В частности, отношение к вопросам восприятия и искажения истории носит весьма прагматичный и «безиллюзорный» характер, что будет подтверждено конкретными фактами ниже.

Отчасти данные исследования подтвердили распространенные в обществе стереотипы относительно молодежи, отчасти их опровергли или выявили такие аспекты, на которые исследователи ранее не обращали внимания. В частности, почти три четверти опрошенных считают себя патриотами России (74% респондентов). Таким образом, среди российского студенчества доминирует в целом позитивное отношение к своей стране, а значит, и к ее прошлому. Доля тех, кто гордится или скорее гордится отечественной историей, еще выше – 84%.

Такой результат, на первый взгляд, кореллирует с оценками и позицией представителей патриотического лагеря, которые настаивают на том, что современная российская молодежь гораздо более патриотично настроена, чем «потерянное поколение», проходившее социализацию в 1990-е гг. Однако более детальный анализ других ответов опрошенных демонстрирует, что их отношение как к российской истории вообще, так и к ее подаче в современном дискурсе не так однозначно.

В частности, 40% респондентов регулярно обращаются к западным источникам по истории России. При этом более половины от общего числа опрошенных (57% респондентов) считают их достоверными, что не совсем укладывается в патриотические клише. Также среди данной категории населения широко распространен потребительский запрос на подачу истории. В частности, почти 2/3 респондентов (64%) продемонстрировали запрос на наличие нескольких трактовок ключевых событий российской истории в учебных изданиях, что противоречит наблюдающемуся в последние годы дискурсу относительно необходимости единой доктрины и единой подачи исторических событий в учебниках. При этом у значительной части опрошенный артикулирован запрос на единый государственный учебник истории, но при этом также наличествует запрос на возможность знакомиться с альтернативными точками зрения в рамках учебного курса в других изданиях. Проще говоря, современная студенческая молодежь по умолчанию переносит потребительские стандарты на подачу истории. Она выступает за наличие государственного «супермаркета», но при этом ей обязательно иметь для сравнения несколько «магазинов формата “у дома”».

86% респондентов наблюдают искажения отечественной истории в источниках, при этом 56% опрошенных полагают, что ключевые события (Великая Отечественная война, реформы Петра I и.п.) преподносятся в необходимом для укрепления политического курса свете. Таким образом, студенческая молодежь в целом осознает, что освещение исторических событий подвержено воздействию политической конъюнктуры и российская власть активно прибегает к такой практике.

При этом в оценке средств массовой информации, которые, по мнению студенческой молодежи, искажают российскую историю, нет идеологических предпочтений. В частности, низкий уровень доверия у молодежи вызывает позиция как государственных (Вести ФМ), так и условно либеральных радиостанций (Эхо Москвы[1]). Что касается подачи российской истории на телевидении, то здесь отношение зависит не столько от идеологической ориентации, сколько от профиля телеканала. Так, низкие оценки достоверности информации (респондентов просили оценить ее по 5-балльной шкале, низкими считались оценки 0 и 1 балл) получили как либеральный телеканал «Дождь»[2] (57%), так и условно провластный РЕН-ТВ (63%). При этом высокие оценки достоверности получили основные центральные телеканалы (Первый канал, Россия 1, Россия 24 и НТВ) – все по 24–25%. Таким образом, скорее молодежь обращает внимание с точки зрения доверия к получаемой информации по отечественной истории на профиль телеканала, нежели на его политическую ориентацию. Такую точку зрения, в частности, подтверждают низкие показатели доверия к телеканалу ТНТ (42%) и, что особенно выделяется, телеканалу РЕН-ТВ (63%). Между тем последний как раз специализируется на программах, которые посвящены событиям российской и мировой истории.

Что касается возрастных групп, которые, по мнению респондентов, наиболее подвержены восприятию

[1] 1 марта 2022 г. по требованию Генеральной прокуратуры России Роскомнадзор ограничил доступ к информационным ресурсам радиостанции. 3 марта на совете директоров ЗАО «Эхо Москвы» принято решение о ликвидации радиоканала и сайта «Эхо Москвы».

[2] 20 августа 2021 г. Минюст РФ внес телеканал «Дождь» в реестр СМИ – иностранных агентов. 1 марта 2022 г. по требованию Генеральной прокуратуры России Роскомнадзор ограничил доступ к информационным ресурсам телеканала.

усилий по искажению отечественной истории, то здесь студенческая молодежь не питает иллюзий, называя в качестве основного объекта саму себя. Так, по мнению 68% респондентов (подавляющее большинство), наиболее подвержена воздействию подобных усилий возрастная группа 18–24 лет, в то время как другие группы молодежного возраста (25–29 лет и 30–34 года) набрали 3,4 и 1,7% соответственно. Примечательно, что второй, по мнению студенческой молодежи, возрастной группой, наиболее подверженной восприятию искажения российской истории, является старшая возрастная группа (старше 35 лет; так считают 16% опрошенных студентов).

Следует еще раз отметить, что студенческая молодежь показывает высокий уровень способности к самокритике. Так, 95,7% опрошенных респондентов составляла студенческая молодежь в возрасте 18–24 года (остальные представляли более старшие возрастные группы), и, по мнению более 2/3 опрошенных, именно эта возрастная группа и подвержена больше всего манипулятивному воздействию.

При этом опрошенная студенческая молодежь во многом ставит знак равенства между знанием и пониманием отечественной истории, – под первым подразумевается владение фактологической базой. Правда, не все респонденты считают, что для понимания истории необходимо хорошее владение фактологической базой. Так, 54% опрошенных ответили, что знают российскую историю удовлетворительно и достаточно хорошо (ответ, предшествующий по градации следующей позиции – «хорошо», на что утвердительно ответили гораздо меньше респондентов – 17,4%, а на «отлично» свои знания оценили 8,9% опрошенных). Эти цифры коррелируют и с индикаторами понимания респондентами (по их мнению) отечественной истории, но с небольшими мультипликаторами. Так, на «хорошо» свое понимание российской истории оценили 48% респондентов, на «отлично» – 15,7%, на «удовлетворительно» – 29,1%. Таким образом, некоторая часть из тех, кто считает свои знания ниже, оценили само понимание российской истории выше.

Оценка подачи исторических событий респондентами также весьма любопытна. В качестве знаковых в российской истории исследователями были выбраны события, которые, согласно политологической теории, исходя из критерия «авторитаризм–демократия» представляют собой явления одного порядка. Речь идет о правлении Ивана Грозного и Петра I, который, как принято считать, провел авторитарную модернизацию мобилизационного типа. При этом было выявлено явно позитивное отношение студенческой аудитории к времени правления первого российского императора (вопрос был сформулирован так, чтобы респонденты определили свое отношение именно к периоду правления Петра I, а не к проведенным им реформам). Подавляющее большинство опрошенных оценили этот период по 5-балльной шкале на 5 (37,1%) и 4 (38%), в то время как оценки 1 и 2 набрали 3,7 и 6,9% соответственно. По степени популярности эта историческая эпоха может сравниться только с Великой Отечественной войной (оценка 5 набрала 65,3%) и отменой крепостного права (оценку 5 дали 49,1% респондентов) хотя, как видно из вышеприведенных цифр, уступает им в популярности.

В то же время отношение к правлению Ивана Грозного носит гораздо менее позитивный характер, хотя и не отличается полярностью по сравнению с периодом правления Петра I. Так, наиболее популярной оказалась оценка 3, которую выбрали 38,2% респондентов, оценку 4 – 30%. При этом оценки 1 и 5 выбрали примерно одинаковое количество респондентов – 8,9 и 8,2% соответственно.

Такую разницу в оценке можно объяснить тем, что в целом эпоха Ивана Грозного подается в исторической литературе (как образовательной, так и художественной) как время доминирования авторитаризма и ограничения прав и свобод, в то время как эпоха Петра I – как время свободы. Если подходить к такой оценке совсем строго, это не совсем верно, поскольку, как уже говорилось выше, эпоха Петра I представляет собой ярко выраженный образец авторитарной модернизации, на который опирался в том числе и Сталин [2. С. 20]. Однако в исторической литературе в оценке данной эпохи преобладает знак равенства между открытостью Западу (поворотом на Запад) и демократией, подразумевающей доминирование личных прав и свобод. Скорее всего, такую доминирующую точку зрения разделяют и большинство респондентов.

При этом опрошенные представители студенческой молодежи продемонстрировали неприятие исторических сценариев, подразумевающих рост личных прав и свобод, но связанных с хаотизацией повседневных практик, в том числе и политических. Такой период отечественной истории, как Смутное время, у них весьма непопулярен. Он получил оценку 1 у 27,1%, оценку 2 у 33,4%, оценку 3 у 28,3% опрошенных.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Анализ результатов социологического опроса демонстрирует в целом рациональное отношение студенческой молодежи к событиям отечественной истории. В частности, несмотря на звучащие опасения в связи с ростом популярности популистских настроений в ее среде [3], отношение респондентов к такому ключевому событию в российской истории, как Смутное время, это не подтверждает. Студенческая молодежь отрицательно относится к любым событиям, которые ассоциируются с хаосом и дестабилизацией. Однако справедливо будет отметить, что эти исторические события ассоциируются с хаосом и дестабилизацией уже постфактум.

В то же время проблема заключается в том, чтобы молодежь, в том числе и студенческая, имела надежную прививку от манипулирования ею с целью реализации деструктивных политических сценариев. Так, в 2017 г. (в марте и июне) при развитии событий по негативному сценарию могла бы повториться такая знаковая ситуация из российской истории, как Кровавое воскресенье (речь идет о повторении типологии с образом «сакральной жертвы», а не о буквальном повторении события с сопоставимым количеством человеческих жертв). От этого прививки у российской молодежи не существует, что показывают данные других социологических исследований [4]. Молодежь нацелена на получение для себя преференций «здесь и сейчас»,

мало задумываясь о негативных последствиях такого сценария. В то же время позитив в сознании студенческой молодежи связан с максимальной реализацией индивидуальных прав и свобод. Это подтверждают данные проведенного авторским коллективом социологического исследования.

В такой ситуации молодежь может попасть под деструктивное влияние популистов, которые будут манипулировать ею в своих целях, зачастую несовместимых с политической стабильностью (которая не подразумевает застой). При этом в группе наибольшего риска находится студенческая молодежь, которая сконцентрирована в наиболее крупных городах, являющихся одновременно и крупными образовательными центрами.

При этом власти, учитывая описанные выше факторы риска, все же целесообразно отреагировать на два четко артикулированных запроса студенческой молодежи. Во-первых, она ориентирована прежде всего на реализацию своих индивидуальных прав и свобод, что следует учитывать при проведении государственной политики. Во-вторых, что касается непосредственно исторического образования, у студенческой молодежи присутствует амбивалентный запрос. С одной стороны, она настроена на наличие учебника истории с единой концепцией, о котором так много говорится в последние годы. С другой стороны, в рамках потребительского общества и приоритетности для молодежи свободного выбора разработка государством единого учебника истории не означает блокирования для студенческой молодежи возможности знакомиться с альтернативными историческими концепциями, в том числе и зарубежных авторов, – значительная часть студенческой молодежи готова знакомиться с такими концепциями даже на иностранных языках.

И, наконец, практически все социологические исследования показывают, что у молодежи четко артикулирован запрос на образ позитивного будущего, связанный со внутренними изменениями, а не только с активной внешней политикой, хотя, впрочем, в данном случае студенческая молодежь не выделяется из других социальных страт.

Список источников

1. Важдаев В.П., Грехов А.В. Военно-историческая память в свете политической конъюнктуры // Приволжский научный журнал. 2015. № 2. С. 202–207.
2. Салин П.Б., Осинина Д.Д. Советский опыт мобилизационного развития: политологический анализ // Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 20–27.
3. Гончаров С. Эпоха Мальцевых: как новый популизм работает в России // Intersection: Россия / Европа / Мир. URL: http://intersectionproject.eu/ru/article/politics/epoha-malcevyh (дата обращения: 08.09.2018).
4. Захарченко А.А. Приоритетные жизненные установки современной российской молодежи // VI-я международная социологическая Грушинская конференция, 16–17 марта 2016 г. : сб. тезисов. URL: https://wciom.ru/?id=612 (дата обращения: 08.09.2018).

References

1. Vazshdaev, V.P. & Grekhov, A.V. (2015) Voenno-istoricheskaya pamyat' v svete politicheskoy kon"yunktury [Military-historical memory in the light of the political situation]. *Privolzhskiy nauchnyy zhurnal*. 2. pp. 202–207.
2. Salin, P.B. & Osinina, D.D. (2015) Sovetskiy opyt mobilizatsionnogo razvitiya: politologicheskiy analiz [Soviet experience of mobilization development: political analysis]. *Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 20–27
3. Goncharov, S. (n.d.) *Epokha Mal'tsevykh: kak novyy populizm rabotaet v Rossii* [The era of the Maltsevs: how the new populism works in Russia]. [Online] Available from: http://intersectionproject.eu/ru/article/politics/epoha-malcevyh. (Accessed: 8th September 2018).
4. Zakharchenko, A.A. (2016) Prioritetnye zhiznennye ustanovki sovremennoy rossiyskoy molodezhi [Priority life attitudes of modern Russian youth]. *VI-ya mezhdunarodnaya sotsiologicheskaya Grushinskaya konferentsiya* [The Sixth International Sociological Grushin Conference]. March 16–17, 2016. [Online] [Online] Available from: https://wciom.ru/?id=612. (Accessed: 8th September 2018).

***Сведения об авторах*:**
Салин Павел Борисович – кандидат юридических наук, сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: salpavbor@mail.ru
Кикнадзе Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва, Россия). E-mail: KiknadzeVG@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Salin Pavel B. – Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: salpavbor@mail.ru
Kiknadze Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: KiknadzeVG@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2018; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 08.09.2018; accepted for publication 21.03.2023

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия
УДК 94(47).084.9
doi: 10.17223/19988613/82/25

Советская деревня в русском поле киноисследований

Борис Евгеньевич Степанов[1], Александр Александрович Фокин[2]

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, bstepanov@hse.ru
[2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, a.a.fokin@utmn.ru

Аннотация. Развитие киноисследований в России, в частности историографическое изучение советского кино, пока не отмечено высокой степенью интенсивности. В тексте затрагиваются теоретические основания исследования «образов прошлого», принципы периодизации развития деревенского кино и формирования рассматриваемого корпуса фильмов, вопрос о соотношении количественных и качественных методов в анализе кинотекстов. Авторы ставят вопросы о возможностях изучения деревенских фильмов как одного из главных жанров советского кинематографа, соотношении теории и истории в анализе игрового кино, необходимости анализа вопросов производства и рецепции кинематографа, значении проблематики социального воображения для продуктивного использования игрового кино в качестве исторического источника.
Ключевые слова: советское кино, кино о деревне, социальное воображение

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Поздне / Постсоветское: ценности, практики, акторы» (Программа «Зеркальные лаборатории» (НИУ ВШЭ – ТюмГУ)) и при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Степанов Б.Е., Фокин А.А. Советская деревня в русском поле киноисследований // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 199–206. doi: 10.17223/19988613/82/25

Review

Soviet village in the Russian field of film studies

Boris Y. Stepanov[1] Alexander A. Fokin[2]

[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, bstepanov@hse.ru
[2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, a.a.fokin@utmn.ru

Abstract. The development of film studies in Russia, and in particular the historiographical research of Soviet cinema, is not yet marked by a high degree of intensity. In this situation, the publication of Ludmila Mazur and Oleg Gorbachev's book «Soviet Films about the Village: Experience of Historical Interpretation of the Artistic Image» can be regarded as a landmark event for this field of research. Developing the photo and film historical analysis program proposed by V.M. Magidov, the authors used it for the study of feature films, drawing on the traditions of western film theory. Our article turns to a critical reflection on the implementation of this project in the material of Soviet village cinema. We characterize different aspects of this implementation, ranging from the social history of village cinema to the study of how Soviet cinema depicted significant events in Soviet history. The main focus is on the discussion of sections related to the analysis of Soviet films about the village as a historical source. The text touches upon theoretical grounds for the study of "images of the past", the principles of periodization of the development of the cinematic representation of the village and the formation of the researched film corpus, and the question of correlation of quantitative and qualitative methods in the film analysis. Noting the results of the monograph's analysis of the representation of the everyday culture of Soviet village, the author poses questions about the possibilities of studying village films as one of the main genres of Soviet cinematography, about the relation between theory and history in the analysis of feature films and the necessity to study the issues of their production and reception, about the significance of the problems of social imagination for productive use of feature films as a historical source.
Keywords: Soviet cinema, cinema about the village, social imagination

© Б.Е. Степанов, А.А. Фокин, 2023

Acknowledgements: The article was prepared within the frame of the project 'The Late/Post-Soviet: values, practices, agents' (Program Mirror Laboratory, National Research University Higher School of Economics and Tyumen State University), and the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 "Human and the changing Space of Ural and Siberia".

For citation: Stepanov, B.Y., Fokin, A.A. (2023) Soviet village in the Russian field of film studies/ *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 199–206. doi: 10.17223/19988613/82/25

В 2004 г. под редакцией С.С. Секиринского вышел в свет сборник «История страны / история кино». Будучи расширенной версией спецвыпуска журнала «Отечественная история», сборник стал важной вехой, свидетельствовавшей о намерении историков переосмыслить статус игрового кино как исторического источника. Это переосмысление с необходимостью сопровождалось выходом из дисциплинарного гетто. Взаимодействие историков, киноведов и культурологов, которые были привлечены к участию в проекте, было призвано раскрыть потенциал кинематографа в изучении прошлого. Несмотря на все издержки, связанные с трудностями разработки нового инструментария и налаживания междисциплинарного диалога, сборник получил в целом позитивную оценку критиков. Он был воспринят как знак того, что отечественные историки могут включиться в работу по освоению кино как источника, которую их иностранные коллеги уже вели в течение нескольких десятилетий. Откликаясь на появление этого сборника, исследователь современной культуры Наталья Самутина писала: «В отличие от киноведов "старой волны"… историки обладают хотя бы некоторым "твердым фундаментом" под ногами: навыками своей профессии, среди которых не последнюю роль играют доказательность, стремление к точности информации и добросовестности научного поиска. Если эти качества смогут дополниться мыслью о методе, умением проблематизировать основания своего высказывания и думать о специфике источника, нас ждет немало интересного» [1].

Оглядываясь на прошедшие с выхода сборника «История страны / история кино» десятилетия, приходится признать, что интересного пока не так много[1]. К изучению кинематографа отечественные историки обращаются преимущественно в контексте социальной истории кинематографа, из последних публикаций такого плана можно назвать составленный К. Танис тематический блок «Советский кинозритель и new cinema history» [2], либо в рамках изучения того, как кино конструировало и конструирует образы советского прошлого [3]. В гораздо меньшей степени можно говорить об исследованиях, где кино использовалось бы в качестве источника для изучения общественной и культурной жизни определенного периода. Развитие этого поля исследований происходит в целом достаточно стихийно. Несмотря на деятельность отдельных исследователей, разрабатывающих эту тематику, и регулярное появление проектов, посвященных взаимодействию истории и кино, например проекта «Холодная война: кинообразы врага» под руководством О.В. Рябова (http://coldwarenemy.ru/), отечественная наука пока мало что может противопоставить корпусу монографических работ зарубежных исследователей советского кино, таких как Б. Беймерс, Л. Кагановская, Э. Уиддис, К. Келли, Е. Добренко, Е. и А. Прохоровы, Ст. Норрис, Н. Майсова и др. При всем различии исследовательских стратегий названных (а также неназванных) авторов для их работ в большей или меньшей степени характерно стремление к сочетанию кинематографической эрудированности и методологической изощренности с приверженностью стандартам профессиональной исторической работы.

Публикация монографии Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева «Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа» [4] стала, безусловно, заметным событием в этом контексте. Наряду с недавними работами В. Михайлина и Г. Беляевой и К. Фрумкина ее можно рассматривать как отрадное свидетельство того, что работа в этом направлении все же происходит, причем происходит именно в рамках исторической науки [5, 6]. Одновременно это хороший повод для того, чтобы обсудить, в какой степени кино вошло в обиход профессионалов-историков и какие стратегии его изучения они практикуют.

Книга Мазур и Горбачева примечательна прежде всего выбором объекта исследования. «Деревенское кино» претендовало на то, чтобы максимально близко подойти к жизни народа, что и делало его одним из важнейших советских киножанров. К этому жанру относится довольно большой корпус фильмов, эстетическое значение которых относительно невелико или, скажем более мягко, не всегда очевидно. Существование некоторого количества авторских произведений, таких как «Земля» А. Довженко, «Председатель» А. Сахарова, «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» А. Кончаловского, «Прощание» Л. Шепитько и Э. Климова и др., не отменяет того факта, что большинство деревенских фильмов связано с эксплуатацией достаточно тривиальных сюжетных схем и кинематографических приемов – мелодраматических, комедийных и т.д. В силу этого работа с данным корпусом фильмов, который сплошь и рядом оказывается за пределами внимания историков кино, требует определенной самоотверженности и готовности работать с материалом, в котором историческая и социальная значимость превалирует над эстетической ценностью. Такую самоотверженность авторов, без которой появление этой книги не было бы возможно, нельзя не приветствовать. Наличие подобных проектов приближает нас к тому, чтобы когда-нибудь получить институциональную историю советского общества, увиденную сквозь призму «важнейшего из искусств».

Впрочем, Мазур и Горбачев стремятся не только охватить весь корпус советского деревенского кино, но

и проанализировать его в историко-антропологической перспективе. Одна из первых глав книги посвящена анализу того, как кино проникало в деревенский быт и пыталось обращаться к сельской аудитории. Опираясь на исследования социальных историков и данные советских социологических опросов, исследователи пытаются описать, как развитие киноиндустрии не только превращало кино в доступную и привлекательную форму проведения деревенского досуга, но и делало крестьян вслед за городскими жителями обладателями «киноглаза», способного, как показывал еще В. Беньямин, «собирать» фрагментированную реальность кинотекста, позволяло им быть полноценными потребителями кинопродукции со всем многообразием присущих этому медиа условностей. При всей эскизности данного описания само введение его в структуру работы представляется важным шагом в сторону признания кино как одного из элементов культурной инфраструктуры современного общества и, в частности, общества деревенского. Проблематику истории сельского кино, так же как и анализ представления истории в деревенском кино, который стал темой последней главы работы, мы оставим за рамками своего анализа в данной статье. Обсуждение как содержательных, так и методологических аспектов рассуждений авторов в этих разделах потребовало бы самостоятельного и подробного разбора.

Основная часть монографии уральских историков посвящена анализу того, как кино конструировало образ советской деревни в различные периоды истории. Репрезентация деревни рассматривается на разных уровнях – начиная от представления элементов материальной культуры и заканчивая формами социальной жизни, свидетельствующими о распаде традиционной культуры. Наконец, в последней части анализируется то, как кино ретроспективно отображало значимые для деревни исторические события, такие как коллективизация, война, освоение целинных земель. Таким образом, уже оглавление книги свидетельствует, что в отличие от других трудов, ограничивающихся анализом репрезентации современности либо конструированием образов прошлого, перед нами в данном случае попытка комплексного анализа заявленной темы.

В качестве общей теоретической рамки реализации этого комплексного проекта Мазур и Горбачев выбирают визуальную антропологию, в интерпретации которой они опираются на работы В.М. Магидова. Однако если у Магидова это понятие легитимировало историческое изучение кинофотодокументов, то авторы книги идут дальше и распространяют данное понятие на игровой кинематограф, расширяя тем самым корпус подлежащих историческому исследованию визуальных текстов. Вместе с тем в своей интерпретации проекта визуальной антропологии они стремятся подчеркнуть специфику исторического анализа кинематографа в отличие от анализа искусствоведческого [4. С. 6–7]. Ключевым понятием в ходе обоснования программы визуальной антропологии становится понятие «образа прошлого». Эту программу авторы развивают вполне в духе отечественной традиции источниковедения, возводя ее к работам А.С. Лаппо-Данилевского [4. С. 36–38]. Однако в итоге читателю предлагается весьма эклектичная теоретическая конструкция, в которой ссылки на работы Э. Гуссерля, Ж. Делеза и Ж. Деррида соседствуют с понятиями «историческая модель» (целостное представление»), «идеальный тип», «стереотип», «исторический миф», а также классификацией, которая делит образы на «литературные, изобразительные, религиозные, фото- и аудиовизуальные и пространственные» [4. С. 16].

Основная проблема, на наш взгляд, заключается не в использовании тех или иных понятий и не в синтезе разнородных концепций, без которого сегодня уже трудно представить работу современного теоретика, но в том, что предлагаемая концепция формулируется как будто бы на противоходе к развитию современных cinema studies. В то время как начиная с 1980–1990-х гг. киноисследования (в их англоязычных и франкоязычных изводах) уходят от тотальных структуралистских и постструктуралистских общих моделей и культивируют чувствительность к разнообразию типов кинематографа и историческим контекстам кинокоммуникации [7–9], отечественные историки тяготеют к абстрактным концепциям, которые оказываются максимально далеки от конкретных характеристик изучаемого ими объекта. И в самом деле: какое отношение Гуссерль, Дерида и Лаппо-Данилевский могут иметь к проблематике советского деревенского кино?

Такая стратегия теоретической работы о кино неизбежно сказывается и в том, как разворачивается источниковедческая рефлексия по поводу избранного авторами объекта. Подступаясь к нему, Л. Мазур и О. Горбачев довольно долго занимаются обсуждением проблемы отношения кинематографа к реальности, т.е. опять-таки вещами, весьма далекими от изучаемого ими киножанра. Это опять-таки уводит авторов в сторону, противоположную развитию современных киноисследований и культурных исследований в целом. Предлагаемая интерпретация проблемы отношения кино и реальности, опирающаяся на почтенные, но уже давно утратившие новизну работы З. Кракауэра и Э. Базена, ведет к упрощенной, хотя и вполне вписывающейся в рамки традиционного источниковедения, концепции кино. Эта концепция предполагает изучение игровых фильмов с точки зрения отражения внеположенной им реальности. При этом их ценностные и эстетические составляющие рассматриваются в качестве искажающих реальность эффектов. В частности, авторы книги указывают на три «искажающих реальность фактора»: 1) теоретическую и эстетическую установку автора фильма; 2) идеологическое вмешательство; 3) коммерциализацию кинематографа [4. С. 24–25]. Пресуппозицией подобного рассуждения является представление о каких-то утопических, никогда не существовавших кинотекстах, которые лишены исходящего от автора эстетического посыла, не содержат никаких ценностных и политических ориентиров, становясь идеологическим инструментом лишь под влиянием внешнего воздействия, и создаются вне кинематографической индустрии и ее экономических механизмов. Между тем с точки зрения современной

теории кино, для которой аксиомой является признание реальности воображения, содержательные характеристики которого обусловлены целым рядом факторов – начиная от ценностных установок создателей фильма и заканчивая способами его распространения и рецептивными стратегиями зрительских аудиторий, такая концепция представляет позавчерашний день. Противоречит она и идее разработки визуальной антропологии, поскольку, по сути, отрицает те самые «образы прошлого», которые Л. Мазур и О. Горбачев предлагают вслед за А. Голубевым и О. Поршневой рассматривать как «продукты общественного сознания», «индивидуальные и групповые эмоционально окрашенные представления о различных географических, социокультурных, исторических феноменах» [4. С. 14]. Компенсируя намеченную здесь логику, авторам приходится далее приводить различные резоны в пользу того, что игровой кинематограф все же способен (а в некоторых случаях – стремится) отражать реальность, что и позволяет признать его ценным для исторической науки источником.

Завершая источниковедческую характеристику своего объекта, авторы книги дают характеристику методики работы с кинотекстами, подчеркивая их сложную, синтетическую природу. «При работе с художественными фильмами важен комплексный подход, включающий полноценный источниковедческий анализ, дополненный характеристикой особенностей технологии съемки фильмов, их монтажа, построения кадра и прочих тонкостей кинопроизводства, без которых невозможно понять природу рассматриваемого источника» [4. С. 40]. Процедура анализа фильма, по мнению Л. Мазур и О. Горбачева, предполагает прохождение 4 этапов – от (1) определения проблемы и критериев отбора источников и (2) изучения контекста создания фильма к (3) анализу различных элементов кинотекста, за которым следует (4) «интерпретация сведений кино и реконструкции исторической реальности с учетом их образной репрезентации» [4. С. 42]. Эти рекомендации кажутся достаточно общезначимыми с точки зрения изучения кинотекстов, в том числе, и исторического. Для нас они важны также и как критерии, исходя из которых может оцениваться и проект, реализованный авторами книги.

Источниковой базой исследования стал внушительный корпус из нескольких сотен советских деревенских фильмов, список которых помещен авторами в приложении в виде таблицы. Не подлежит сомнению, что проделана колоссальная работа по систематизации и обработке советского киноархива. Однако его описание в книге (особенно с учетом того, что речь идет об исторической работе) могло бы, на наш взгляд, быть более подробным и развернутым, в частности в том, что касается характеристики полноты и доступности массива фильмов, возможностей его обработки. Главным источником для отбора релевантных кинопроизведений становится для авторов «Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия». Л. Мазур и О. Горбачев оценивают ее не только как наиболее удобную на момент реализации проекта поисковую систему, но и как достаточно репрезентативную базу, погрешность которой в ходе дальнейшей проверки составила не более 5% [4. С. 42]. Впрочем, в итоговый список фильмов, скорректированный авторами на основе данных портала «Кино-Театр.ру», вошло 523 фильма, что свидетельствует о том, что исходный список из 469 фильмов вырос более чем на 10%. Тем не менее и в этом доработанном списке есть некоторые лакуны: к примеру, в нем отсутствует ряд колхозных комедий и драм, снятых в 1950–1960-е гг. в различных союзных республиках – «Девушка-джигит» (1955, П. Боголюбов), «Моя ошибка» (1957, И. Кобызев), «Строгая женщина» (1959, И. Шульман), «Очарован тобой» (1958, Ю. Агзамов), «Где Ахмед?» (1963, А. Искендеров), «Улдуз» (1964, А. Кулиев), фильмы классика казахского кинематографа Ш. Айманова «Мы здесь живем» (об освоении целины; 1956), «Песня зовет» (1961), «В одном районе» (1960) и др.

Можно допустить, что эти лакуны не носят принципиального характера, да и сами авторы оговаривают неполноту составленного ими списка фильмов. Гораздо более важным представляется обсуждение принципиальных для источниковедческой характеристики вопросов. Первый из них касается использования информационных источников. Разумеется, обращение к «Энциклопедии Кирилла и Мефодия» и другим цифровым ресурсам представляется вполне оправданным, однако при этом нельзя не учитывать, что и в том и в другом случае речь идет о ресурсах специализированных, но непрофессиональных. Остается непонятным, почему для формирования источниковой базы исследования авторами не использованы информационные и аналитические материалы советского и постсоветского времени, такие как аннотированный каталог «Советские художественные фильмы», издававшийся как в советское, так и в постсоветское время, или выходившая в 1969–1978 гг. четырехтомная история советского кино [10–12].

Другой важный вопрос касается доступности архива деревенских фильмов и возможностей его обработки. Очевидно, что развитие современных цифровых технологий и многолетняя работа сообществ любителей советского кино сделали доступной значительную часть этого архива для сегодняшнего зрителя и исследователя. Вместе с тем ряд фильмов, снятых в ранний период развития советского кино (вроде украинского «Солнечного маскарада» 1936 г. или туркменских «Двух братьев» 1937 г.), либо вообще утрачены, либо недоступны широкому зрителю. С учетом этого Л. Мазур и О. Горбачеву, потратившим много лет на проработку данного архива, стоило бы зафиксировать свои наблюдения по поводу существующих сегодня возможностей изучать деревенское кино[2]. Это было бы важно и в методическом плане, поскольку предложенные во вводных разделах книги разъяснения не дают возможности понять – с каким корпусом фильмов авторы работали, непосредственно их отсматривая, а какая часть базы изучена ими только количественно, по аннотациям или другим косвенным источникам. Использование аннотаций для анализа фильмов представляет собой отдельный методический вопрос. С учетом того, что аннотации представляют собой важный

элемент как в анализе, так и в представлении корпуса фильмов, в книге Л. Мазур и О. Горбачева было бы важно понять – откуда эти тексты берутся и какова техника работы с ними. Однако этот вопрос авторами книги не оговаривается. Между тем качество и информационная ценность этих аннотаций даже при беглом просмотре вызывает вопросы. Так, например, аннотации таких разных фильмов, как вышедшей в лидеры советского кинопроката комедии «Стряпуха» (1965) («История любви стряпухи – молодой вдовы – и комбайнера») и положенной на двадцать лет на полку драмы «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (1966) («Сложная любовная история колхозной поварихи на фоне жизни села»), оказываются столь же лапидарны, сколь фактически и идентичны по содержанию. Не очень понятно также, почему авторы не используют рецензии на фильмы, программные выступления руководителей киноотрасли и другие материалы, документирующие кинематографическую культуру общества.

От источниковедческих вопросов можно перейти к обсуждению того, какие результаты получены авторами в ходе анализа репрезентации деревенской жизни в советском кино, результаты которого представлены в трех центральных разделах книги. В первом из этих разделов дается очерк эволюции деревенского кино, который представляется с точки зрения того, как авторы подходят к реконструкции истории данного жанра. В своем анализе авторы соединяют количественный анализ доли деревенских фильмов в общем объеме произведенных советской киноиндустрией кинолент с краткой характеристикой жанрово-тематических особенностей деревенского кино на каждом историческом этапе. Применение количественных методов к изучению кинематографа обосновывается следующим образом: «Массовое кино изучается преимущественно с использованием количественных методов и предполагает исследование некоторого количества фильмов по одной тематике (а в идеале всех картин). Выдающиеся произведения киноискусства требуют качественного анализа» [4. С. 41]. Приходится признать, что этот тезис находится в принципиальном противоречии с теми подходами к изучению массовой культуры в целом и жанрового кинематографа в частности, которые нарабатываются в исследованиях кино и культурных исследованиях начиная по крайней мере с 1970-х гг. Уже в классических работах Дж. Кавелти, У. Райта и других авторов была показана необходимость анализа специфической эстетической организации массовых повествований, которая только и позволяет выявлять их антропологическое содержание [13–15].

Неудивительно, что подход, предлагаемый Л. Мазур и О. Горбачевым, обнаруживает не только потенциал, но и в неменьшей степени ограничения количественного подхода. Фиксируя количественные изменения производства фильмов о деревне, им удается проследить изменения значимости сельской темы в ходе развития советского кинематографа. Однако характеристика содержательной стороны изменений репрезентации деревни вряд ли может удовлетворить заинтересованного читателя. Так, например, характеризуя развитие кино о деревне в 1920–1930-е гг., авторы используют в качестве само собой разумеющихся и не требующих пояснений такие жанровые характеристики, как «жанр агитационного фильма с элементами драмы» применительно к 1920-м гг. и «мифологическая функция», «эстетика лубка» и «эпические тона» применительно к 1930-м гг. [4. С. 76]. При этом читатель остается в неведении как относительно содержания, которое вкладывается авторами в эти термины, так и в отношении того, в какой степени они помогают нам понять, как развивался исследуемый жанр. Мифологическая функция деревенского кино ассоциируется с колхозными комедиями. Однако достаточно заглянуть в собранный самими авторами перечень фильмов, чтобы увидеть количественное преобладание драматических деревенских фильмов над комедийными даже в конце 1930-х гг., не говоря уже о более ранних периодах. При этом количественное преобладание драм еще не является однозначным свидетельством их более высокой значимости для кинематографа той эпохи. В свою очередь, обоснование приоритета колхозных комедий для кино «большого стиля» потребовало бы качественной оценки различных сегментов деревенского кино в кинематографе «большого стиля», что можно было сделать с опорой на работы предшественников – начиная от М. Туровской и Р. Тэйлора и заканчивая Т. Дашковой, Д. Пономаревой и Дж. Фюрстом [16–19]. Некоторые из этих работ в книге упомянуты, однако в анализе фильмов они содержательно практически не используются.

Работа с жанровым кинематографом предполагает развернутую характеристику повествовательных формул, которые эксплуатируются этими типами фильмов, реконструкции типичных конфликтов, которыми определяется драматургия фильмов этого жанра, выяснение системы персонажей, на взаимодействии которых эти сюжеты основаны. Однако такого разбора в книге Л. Мазур и О. Горбачева читатель не находит. Характеристика персонажей оказывается весьма краткой, а в некоторых отношениях – не совсем корректной. Так, например, ключевой для колхозных фильмов фигуре председателя колхоза в книге уделяется всего две страницы. Вот как авторы описывают эволюцию образа председателя в 1950-е гг.: «Свои традиции образа председателя (так в книге. – *Б.С., А.Ф.*) были в “сталинском” кино. Он имел две основные ипостаси – героическую и комедийную (критическую). В позднесталинском кино председатель – это часто человек недальновидный и ограниченный, мешающий успешному развитию колхоза, и которого нужно поправить (“Щедрое лето”, реж. Б. Барнет, 1950; “Новый дом”, реж. В. Корш-Саблин, 1947). В деревенском кинематографе периода “оттепели” презентация образа председателя приобретает другие, более реалистичные черты без однозначной дихотомии “хороший–плохой”» [4. С. 89]. Эта характеристика представляется спорной прежде всего в фактическом плане. Во-первых, сам образ председателя в сталинском кино сплошь и рядом выглядит неоднозначно: так, в фильме «Трактористы» председатель органично сочетает в себе героическую и комедийную ипостась, а фильм «Возвращение Васи-

лия Бортникова», получивший в 1953 г. приз Венецианского кинофестиваля, по глубине показанного в нем экзистенциального конфликта предвосхищает знаковый для «оттепели» фильм «Председатель». Как вспоминал В. Берестов, В. Пудовкин, ставя этот фильм, ориентировался на произведения Ф.М. Достоевского, в которых он ценил умение показать обыкновенных людей в необыкновенных обстоятельствах [20]. Кроме того, образ председателя может воплощаться одновременно в нескольких персонажах, как это происходит в «Кубанских казаках» или упомянутом выше «Нашем доме», что также позволяет представлять этот образ как неоднозначный. Однако более важным кажется то, что характеристика самой фигуры председателя невозможна без рассмотрения его в соотношении с другими важными персонажами колхозных фильмов – секретарями парткомов, парторгами, представителями колхозной интеллигенции (счетоводами, агрономами, заведующими домами культуры и т.д.), звеньевыми и пр. Во взаимодействии председателя с такими фигурами раскрываются важнейшие для этого жанра проблемы – принципы колхозной коллективности и утверждения партийного авторитета, подходы к реализации колхозных планов, отношение к личной собственности и вопросам развития культуры на селе и т.д. Описание трансформации подобных сюжетных конструкций позволило бы охарактеризовать эволюцию жанра на протяжении советского периода. По идее, такого рода анализ, как, впрочем, и реконструкция исторического контекста появления фильмов, вытекает из общих принципов изучения кинотекстов, которые были заявлены авторами во вводных разделах. Однако и жанровая, и историческая реконструкция в книге представлена довольно схематично.

Отсутствие жанрового анализа отчасти компенсируется работой, результаты которой представлены в следующих, наиболее объемных главах книги, посвященных тому, как кино отобразило процессы модернизации советской деревни. В первой из этих глав рассмотрена трансформация материальной культуры. Изучая здесь широкий спектр сюжетов – начиная от деревенской архитектуры и заканчивая использованием косметики, авторы добиваются впечатляющих результатов, показывая, как менялось изображение вещного мира и бытовых практик в деревенском фильме. Нельзя не отметить достаточно высокий уровень детализации анализа репрезентации сельского быта, за которой стоит кропотливая работа по отсматриванию деревенских фильмов. Важно также и то, что, обращаясь к анализу конкретных фильмов («Дело было в Пенькове», «Когда поют соловьи» и др.), авторы показывают, какую роль играют те или иные элементы повседневности (например, одежда) в характеристике персонажей, тем самым связывая их с сюжетными конструкциями. В следующей главе Л. Мазур и О. Горбачев обращаются к анализу того, как советское кино отражает трансформацию традиционных аспектов социальной жизни – семьи, труда, праздников и музыкальной культуры, религии и миграции. Наиболее удачно этот анализ реализуется в разделе, посвященном миграции, где показывается, как дифференцируются типы мобильности деревенских фильмах, как рефлексируются мотивы, побуждающие крестьян покидать деревню или возвращаться в нее, а жителей городов – открывать преимущества сельского образа жизни. Удивительно, что в характеристике кинематографа 1980-х гг. не упоминаются ставшие лидерами проката лирические комедии «Не ходите девки замуж» и «Белые росы», авторы которых стремились показать возможности гармоничного разрешения проблемы оттока деревенских жителей в город.

Вместе с тем полученные выводы побуждают сформулировать ряд вопросов, касающихся методологических оснований такого анализа. Прежде всего эти вопросы касаются выбранной рубрикации. Нет сомнений, что предложенные категории важны для характеристики традиционного общества, однако их релевантность по отношению к анализу кинотекстов кажется неоднозначной. Так, например, если тематика семьи имела ключевое значение на всем протяжении эволюции советского фильма о деревне, то религиозная тематика была для него достаточно маргинальной, актуализируясь лишь в периоды антирелигиозных кампаний. К этому выводу, впрочем, приходят и сами авторы [4. С. 196], переводя разговор в плоскость фольклорных мотивов, библейских метафор и т.д. Показательно, что авторам в ходе разработки этого сюжета приходится довольно часто отвлекаться от своего материала и обращаться к фильмам, с деревенской тематикой никак не связанным. Между тем некоторые другие темы, например такие, как тема социализации, заслуживали бы рассмотрения в рамках такого рода анализа. Справедливости ради нужно отметить, что отчасти проблематика социализации рассматривается в разделе, посвященном миграции.

Проблематичным в некоторых отношениях представляется и анализ отдельных тем. Так, изучая репрезентацию семьи, авторы книги концентрируются преимущественно на темах, связанных с эмансипацией женщин и другими вопросами гендерных отношений. При этом тема взаимоотношений отцов и детей [21] и, шире, родственных связей (братьев–сестер), остается на периферии их внимания. В тексте книги упомянуты фильмы, которые эксплуатируют эту проблематику (например, «Две судьбы» или «Председатель»), однако с точки зрения анализа жанра было бы важно охарактеризовать сюжетные конструкции, связанные с родством, как один из важных приемов, позволяющих зафиксировать нормативные представления о семье в их противопоставленности нежелательным формам семейного уклада.

Другим сюжетом, который бы заслуживал подробного анализа в этом контексте, представляется сюжет об усыновлении, который позволяет подчеркнуть силу традиционной семьи, ее способность сделать чужого своим. Этот сюжет мы можем увидеть в самых разных деревенских фильмах – начиная от комедий («Кубанские казаки») и заканчивая киноповестью («Когда деревья были большими», «Отчий дом», «Родная кровь») и киномелодрамой («Мачеха», «Цыган»). Более развернутый и систематический анализ этих и других сюжетов позволил бы указать на ключевую роль дере-

венского кино в формировании мелодраматического воображения в позднесоветском кино: недаром в число лидеров советского проката наряду с упомянутой выше «Мачехой» входят известная дилогия Е. Матвеева («Любовь земная», «Судьба»), «Калина красная», «Русское поле» и т.д. [22].

Кроме того, проблемой реализуемой авторами стратегии изучения кино является то, что она не позволяет решить задачу, которую ставят перед собой авторы книги, – раскрыть самостоятельное значение игрового кино как исторического источника. Так, в заключение раздела, посвященного теме семьи, они пишут: «Проведенный анализ советских фильмов хорошо иллюстрирует общие тенденции демографического развития сельской местности, уточняя и углубляя имеющиеся представления. Кино использует другие средства отражения реальности, прежде всего образную презентацию семьи, что позволяет выявить идеальные модели “счастливой семьи” и проследить изменение представлений о ней, охарактеризовать проблемы семейной жизни, а главное, уточнить те аспекты, которые не оцениваются статистически, – это семейно-брачные стратегии, традиции и новации в семейных отношениях, семейные роли отдельных членов семьи и их эволюция» [4. С. 168]. Однако в эмпирическом анализе игровое кино, по сути, выступает часто всего лишь как иллюстративный материал. Особенно наглядно это показывает раздел о репрезентации труда, где фильмы по большей части лишь упоминаются в связи с той или иной общей его характеристикой (ср., например: «Проблемы нового производственного строительства поднимаются в деревенских фильмах 1950–1960-х гг. (“Председатель”, 1964; “Встречи на рассвете”, 1968; “Отчий дом”, 1959 и др.)» [4. С. 172]). Такого рода работа, безусловно, полезна в контексте тематической проработки советского киноархива, однако потенциала игрового кино она, очевидно, не раскрывает. Воспроизводя традиционные приемы каталогизации документальных киноматериалов, этот подход основан на той самой традиционной теории отражения. С представлением о кино как отражении реальности связано, по-видимому, восприятие фильмографии 1950–1980-х гг. с ее установками на реалистическое отображение деревни как наиболее релевантного массива «с точки зрения отражения сельской повседневности» [4. С. 181] в противовес пропагандистским фильмам более раннего периода. Любопытно, однако, что авторы не всегда следуют этой своей «реалистической» установке. Так, например, фильм «Человек на своем месте», который они квалифицируют как «плакатно-пропагандистский» [4. С. 117], является в одним из наиболее часто цитируемых в книге.

Как уже было сказано в начале, книга Л. Мазур и О. Горбачева представляется нам этапной в разработке такого малоосвоенного пласта советского кино, как деревенский фильм. К сожалению, эта работа пока ведется все в том же гетто, в отрыве не только от западного киноведения, но даже и от зарубежной славистики, которая достигла в исследовании советского кино впечатляющих результатов. Задача превращения игрового кино в самостоятельный исторический источник, которую ставят перед собой авторы книги, не может быть решена без интерпретации кино как сферы социального воображения. Будучи в этом смысле частью социальной реальности, а не только пассивным отражением последней, кино обеспечивает общество рефлексивным инструментарием для осмысления происходящего. Его изучение требует сочетания методов киноисследований и оптик социологии культуры, позволяющих исследовать социальное воображение, с историческими подходами, направленными на изучение производства и потребления конкретных фильмов в определенном историческом контексте. Применительно к деревенским фильмам это открывает огромное поле направлений исследования исторического контекста их появления, на одном полюсе которого находится традиция крестьяноведения (в частности, можно упомянуть про ее ветвь, связанную с Т. Шаниным и МВСШЭН), а на другом – история кино, призванная прояснить, как формировался социальный заказ на деревенское кино, в каком смысле он отражал требования партийных инстанций и опирался на запросы зрителей. К сожалению, в рецензируемой книге о заказе говорится преимущественно в абстрактных, а не конкретно-исторических категориях. Таким образом, в разработке данной темы книга Л. Мазур и О. Горбачева ставит не точку, но многоточие, которое, как говорил герой знаменитого оттепельного фильма, «ставится в конце предложения, или целого рассказа, когда он не закончен. И многое еще осталось впереди».

Примечания

[1] Эта ситуация заслуживает более подробного и систематического обсуждения, мы же ограничиваемся далее эскизным ее обзором.

[2] Подозреваем, что у коллег – источниковедов и специалистов по киноархивам – возникло бы существенно больше претензий к тому, как сформирована и представлена источниковая база исследования.

Список источников

1. Самутина Н. История страны / история кино: рец. на кн. под ред. докт. ист. наук С.С. Секиринского. М.: Знак, 2004 // Критическая масса. 2004. № 1. С. 72–76.
2. Танис К. От составителя // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 115–121.
3. Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре / ред. М.А. Литовская, М.П. Абашева, М.А. Черняк. Москва–Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 348 с.
4. Мазур Л.Н., Горбачев О.В. Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М. : РОССПЭН, 2022. 350 с.
5. Михайлин В., Беляева Г. Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 584 с.

6. Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием : отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 352 с.
7. Gunning T. Film Studies // The SAGE Handbook of Cultural Analysis / eds. T. Bennet, J. Frow. London : SAGE, 2008. P. 185–205.
8. Andrew D. The Core and the Glow of Film Studies // Critical Inquiry. 2009. Vol. 35, № 4. P. 879–915.
9. Stepanov B. “Coming Soon?”: Cinematic Sociology and the Cultural Turn // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 4. С. 81–83.
10. Советские художественные фильмы. Немые фильмы : аннотированный каталог (1918–1935) / под. ред. В.М. Рязановой. М. : Искусство, 1961–1968. Т. 1–4.
11. Советские художественные фильмы. 1966–1989 : аннотированный каталог / под ред. В.С. Малышева. М. : Нива России, 1995–2009.
12. История советского кино. 1917–1967 / под ред. Х. Абул-Касымова, С. Гинзбурга, И. Долинского и др. М. : Искусство, 1969–1978. Т. 1–4.
13. Кавелти Д.Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. Т. 22. С. 33–64.
14. Wright W. Sixguns and society: A structural study of the Western. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1977. 232 p.
15. The Film Genre Reader IV / B.K. Grant (ed.). Austin : University of Texas Press, 2012. 784 p.
16. Туровская М. И. Пырьев и его музыкальные комедии. К проблеме жанра // Киноведческие записки. 1988. № 1. С. 111–146.
17. Тейлор Р.К. К топографии утопии в сталинском мюзикле. Почему бы и не сталинский мюзикл? // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино / отв. ред. М.Р. Балина. СПб. : Академический проект, 2002. С. 360–373.
18. Дашкова Т.Ю. Любовь и быт в кинолентах 1930-х – начала 1950-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 59–67.
19. Пономарева Д. Потемкинская деревня: крестьянский мир сталинского кинематографа // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 474–487.
20. Берестов В. Всеволод Пудовкин. Светлые силы. Из книги воспоминаний // Весь Берестов. URL: http://berestov.org/?page_id=2177 (дата обращения:: 21.10.2022).
21. Cinepaternity: Fathers and Sons in Soviet and Post-Soviet Film / H. Goscilo, Y. Hashamova (eds.). Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 2010. x, 331 p.
22. First J. Making Soviet melodrama contemporary: conveying ‘emotional information’ in the era of Stagnation // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2008. Vol. 2, № 1. P. 21–42.

References

1. Samutina, N. (2004) Istoriya strany / istoriya kino: rets. na kn. pod red. dokt. ist. nauk S.S. Sekirinskogo. M.: Znak [History of the country / history of cinema: Review of the book edited by S.S. Sekirinsky]. *Kriticheskaya massa*. 1. pp. 72–76.
2. Tanis, K. (2022) Ot sostavitelya [From the compiler]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 175. pp. 115–121.
3. Litovskaya, M.A., Abasheva, M.P. & Chernyak, M.A. (eds) (2020) *Kul't-tovary. Kommertsializatsiya istorii v massovoy kul'ture* [Cult goods. Commercialization of history in mass culture]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
4. Mazur, L.N. & Gorbachev, O.V. (2022) *Sovetskie fil'my o derevne: opyt istoricheskoy interpretatsii khudozhestvennogo obraza* [Soviet films about the village: the experience of historical interpretation of the artistic image]. Moscow: ROSSPEN.
5. Mikhaylin, V. & Belyaeva, G. (2020) *Skrytyy uchebnyy plan: antropologiya sovetskogo shkol'nogo kino nachala 1930-kh – serediny 1960-kh godov* [Hidden Curriculum: Anthropology of Soviet School Cinema in the Early 1930s – Mid-1960s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Frumkin, K.G. (2022) *Lyubovanie uchenym sosloviem: otrazhenie sotsial'noy istorii sovetskoy nauki v literature, iskusstve i publichnoy ritorike* [Admiring the learned class: Reflection of the social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
7. Gunning, T. (2008) Film Studies. In: Bennet, T. & Frow, J. (eds) *The SAGE Handbook of Cultural Analysis*. London: SAGE. pp. 185–205.
8. Andrew, D. (2009) The Core and the Glow of Film Studies. *Critical Inquiry*. 35(4). pp. 879–915.
9. Stepanov, B. (2020) “Coming Soon?”: Cinematic Sociology and the Cultural Turn. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 19(4). pp. 81–83. (In Russian).
10. Ryazanova, V.M. (1961–1968) *Sovetskie khudozhestvennye fil'my. Nemye fil'my: annotirovannyy katalog (1918–1935)* [Soviet feature films. Silent Films: An Annotated Catalog (1918–1935)]. Vol. 1–4. Moscow: Iskusstvo.
11. Malyshev, V.S. (ed.) (1995–2009) *Sovetskie khudozhestvennye fil'my. 1966–1989: annotirovannyy katalog* [Soviet feature films. 1966–1989: An annotated catalog]. Moscow: Niva Rossii.
12. Abul-Kasymov, Kh., Ginzburg, S., Dolinsky, I. et al. (1969–1978) *Istoriya sovetskogo kino. 1917–1967* [History of Soviet Cinema. 1917–1967]. Vol. 1–4. Moscow: Iskusstvo.
13. Cavelti, D.G. (1996) Izuchenie literaturnykh formul [The study of literary formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 22. pp. 33–64.
14. Wright, W. (1977) *Sixguns and society: A structural study of the Western*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
15. Grant, B.K. (ed.) (2012) *The Film Genre Reader IV*. Austin: University of Texas Press.
16. Turovskaya, M.I. (1988) Pyr'ev i ego muzykal'nye komedii. K probleme zhanra [Pyryev and his musical comedies. To the problem of the genre]. *Kinovedcheskie zapiski*. 1. pp. 111–146.
17. Taylor, R.K. (2002) K topografii utopii v stalinskom myuzikle. Pochemu by i ne stalinskiy myuzikl? [To the topography of utopia in Stalin's musical. Why not a Stalinist musical?]. In: Balina, M.R. (ed.) *Sovetskoe bogatstvo: stat'i o kul'ture, literature i kino* [Soviet wealth: articles about culture, literature and cinema]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt. pp. 360–373.
18. Dashkova, T.Yu. (2003) Lyubov' i byt v kinolentakh 1930-kh – nachala 1950-kh godov [Love and life in the films of the 1930s – early 1950s]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 59–67.
19. Ponomareva, D. (2004) Potemkinskaya derevnya: krest'yanskiy mir stalinskogo kinematografa [The Potemkin village: The peasant world of Stalinist cinema]. *Otechestvennye zapiski*. 2. pp. 474–487.
20. Berestov, V. (n.d.) *Vsevolod Pudovkin. Svetlye sily. Iz knigi vospominaniy* [Vsevolod Pudovkin. The kind forces. From the book of memoirs]. [Online] Available from: http://berestov.org/?page_id=2177 (Accessed: 21st October 2022).
21. Goscilo, H. & Hashamova, Y. (eds) *Cinepaternity: Fathers and Sons in Soviet and Post-Soviet Film*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
22. First, J. (2008) Making Soviet melodrama contemporary: conveying ‘emotional information’ in the era of Stagnation. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2(1). pp. 21–42.

***Сведения об авторах*:**
Степанов Борис Евгеньевич – кандидат культурологии, доцент, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ (Москва, Россия). E-mail: bstepanov@hse.ru
Фокин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Stepanov Boris Y. – Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor, Director of the A.V. Poletaev Institute for Humanitarian Historical and Theoretical Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: bstepanov@hse.ru
Fokin Alexander A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 23.01.2023; accepted for publication 21.03.2023

Рецензия
УДК 94(574):94(575.1)
doi: 10.17223/19988613/82/26

Рецензия: Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. Ташкент: Baktia Press, 2021. 624 с.

Сергей Миронович Юн

Томский государственный университет, Томск, Россия, sergey.yun@mail.tsu.ru

Аннотация. Публикация представляет собой анализ изданной в 2021 г. монографии исследователя из Узбекистана Валерия Сергеевича Хана «Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития». Дается описание структуры работы, обосновывается актуальность исследования для российской науки. Выделяются сильные стороны исследования – методологическая основа, комплексный по тематике характер, критический анализ историографии, рефлексия и саморефлексия в отношении состояния и перспективных специализированных направлений исследований корейцев Центральной Азии.
Ключевые слова: историография, корейцы, корё сарам, Казахстан, Узбекистан

Для цитирования: Юн С.М. Рецензия: Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. Ташкент: Baktia Press, 2021. 624 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 208–210. doi: 10.17223/19988613/82/26

Review

Review: Valeriy S. Han. The Historiography of Koreans in Central Asia: Mail Directions and Stages of Development. Tashkent: Baktia Press, 2021. 624 p.

Sergey M. Yun

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sergey.yun@mail.tsu.ru

Abstract. The publication is a review of the monograph “Historiography of Koreans in Central Asia: Main Directions and Stages of Development”, published in 2021. The book is devoted to the study of Koreans of post-Soviet Central Asia (or “Koryo saram”, as the Koreans living in the post-Soviet space call themselves, including modern Russia) with the focus on Uzbekistan and Kazakhstan. Its author is a well-known Uzbek researcher Valery Sergeevich Khan, currently an associate professor at the Tashkent University of World Economy and Diplomacy. The paper gives a description of the structure of the work, explains the relevance of the study for Russian science, highlights the strengths of the study, which claims to be a textbook publication for current and future generations of researchers.
The review reached the following conclusions. First, the analysis of the historiography of Central Asian Koreans in the monograph is based on a solid methodological introduction, in which the author, on the one hand, points to the diasporization and divergent processes in the Korean ethnic group and the formation of “new sub-ethnic formations”, which include the Koreans of the USSR / CIS, and, on the other hand, suggests discussing the idea about the possible formation of a single supranational Korean community (Koreans of the North + Koreans of the South + Korean diasporas), in relation to which he proposes to use the term "metanation". Secondly, the work of Valery Khan is important not only as a book on historiography. A significant part of the publication is a summary of the results of numerous studies of Central Asian Koreans, the author of which is Valery Khan.
Thirdly, the historiographic part of the monograph has an encyclopedic "outlook". The list of used literature presented at the end of the book contains more than 600 titles of works in Russian, English, Korean and other foreign languages. Fourthly, the analysis of the literature on various aspects of the topic is indeed critical, and in case of disagreement, Valery Khan analyzes the work of his colleagues in detail, sometimes very scrupulously, and always substantiates a different interpretation or assessment of a particular issue based on logic, sources, and the results of his own research. Finally, the strength of the analysis of historiography is a constant reflection on both the state of knowledge of various aspects and promising specialized areas of research of Koreans in Central Asia.
Keywords: historiography, Koreans, Koryo Saram, Kazakhstan, Uzbekistan

For citation: Yun, S.M. (2023) Review: Valeriy S. Han. The Historiography of Koreans in Central Asia: Mail Directions and Stages of Development. Tashkent: Baktia Press, 2021. 624 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 208–210. doi: 10.17223/19988613/82/26

© С.М. Юн, 2023

Когда впервые берешь в руки монографию, да еще целый «кирпич» объемом в 600 страниц, испытываешь некоторое волнение. При нынешней нацеленности системы на публикацию статей в высокорейтинговых журналах выход в свет большого научного труда является целым событием, тем более что монография – это всегда заявка на комплексное исследование и порой хрестоматийную трактовку вопроса. Такой заявкой является и книга известного узбекистанского ученого Валерия Сергеевича Хана, посвященная изучению корейцев постсоветской Центральной Азии (или «корё сарам», как называют себя корейцы, проживающие на постсоветском пространстве, включая современную Россию) с фокусом на Узбекистане и Казахстане [1]. Валерий Сергеевич Хан – кандидат философских наук, в настоящее время доцент ташкентского Университета мировой экономики и дипломатии, консультант в филиале Университета Пучон в Ташкенте. Имеет огромный опыт научной работы в области истории, этнологии, философии, социологии, в том числе в период работы в Институте истории Академии наук Республики Узбекистан. Является автором более 150 научных трудов на разных языках, внесших значительный вклад как раз в научное изучение корё сарам.

Конечно, история корейцев Центральной Азии – это не только часть истории современных центральноазиатских стран, которые в своем суверенном развитии прошли только чуть больше тридцати лет. Пока хронологически – это больше часть истории российского государства в ее царский и советский периоды, ведь массовая миграция корейцев на Дальний Восток Российской империи началась еще с 1860-х гг. XIX в. В 1917–1918 гг. на территории России их насчитывалось уже более 100 тыс. чел., а с 1917 г. по начало 1930-х гг. уже в Советскую Россию / СССР переселилось еще около 100 тыс. корейцев. Депортация советских корейцев с Дальнего Востока в Казахскую и Узбекскую ССР в 1937 г. привела к формированию корейской диаспоры в Центральной Азии, но вплоть до 1991 г. это все еще была история единого советского государства. Появлению корейцев и образованию корейской диаспоры в Центральной Азии посвящена вторая глава монографии В.С. Хана.

С точки зрения отечественной науки работа В.С. Хана также интересна своим методологическим введением (первая глава), в котором автор фиксирует тренд на дальнейшую глобализацию феномена диаспоризации и дает критический обзор подходов к понятию «диаспора», подчеркивая необходимость исследовать историю диаспор в динамике, «по мере описания исторического пространственно-временного существования (становления, развития, исчезновения этой диаспоры / этих диаспор в различных экономических, политических и культурных средах» [1. С. 40]. Рассматривая диаспоризацию корейского этноса в результате массовой миграции корейцев за последние 150 лет, В.С. Хан выделяет ее количественный и качественный параметры. Последний подразумевает, что в результате адаптации и ассимиляции к иной среде «корейские диаспоры различных стран приобретают все больше черт, отличающих их от материнского этноса и друг от друга» [1. С. 48]. По мнению автора, степень развития особенных черт может быть основанием для выделения «новых субэтнических образований», к которым можно отнести и корейцев СССР / СНГ. С другой стороны, В.С. Хан призывает «обсуждать идею о возможном формировании единой *наднациональной корейской общности* (корейцы Севера + корейцы Юга + корейские диаспоры)» [1. С. 56], по отношению к которой предлагает использовать термин «метанация», понимаемый как «*интегральная совокупность генетически родственных, исторически принадлежащих к одной нации, но проживающих в различных государствах этнических общностей (материнского этноса и субэтнических образований), чьи культуры сочетают общие и особенные черты и чья институциональная деятельность направлена на поддержание (а в идеале – укрепление) вертикальных и горизонтальных связей внутри этой совокупности*» [1. С. 64]. Обосновывая авторское понимание термина «метанация» и его применение по отношению к корейцам, В.С. Хан рассматривает другие смежные понятия, получившие развитие в науке, включая «надэтническую», «метаэтническую» и «суперэтническую» общности.

Монография В.С. Хана представляет значимость не только как книга по историографии. Значительная часть публикации – это обобщение результатов его собственных исследований корейцев Центральной Азии. Таковой в том числе является третья глава книги, в которой рассматриваются основные вехи формирования и особенности этнокультурной идентичности различных групп корейской диаспоры в России / СССР / СНГ в качестве «новой субэтнической общности». Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что этнокультурная идентичность российских / советских корейцев в итоге сложилась как «смешанная, включая в себя компоненты традиционно корейской, русской, европейской и среднеазиатских культур» [1. С. 128], и полифоничная, в которой «корейское начало не является абсолютной доминантой в этнокультурной идентичности корё сарам», а «у различных слоев корейской диаспоры степень и уровень проявления этого начала совершенно различны» [1. С. 149]. Интересно среди прочего и утверждение В.С. Хана о том, что корё сарам «в большей степени, чем корейские диаспоры других стран, отличны от корейцев полуострова по языку, менталитету, ценностям, идеалам, мировоззрению, поведению, обычаям, традициям» [1. С. 129].

Основная часть монографии В.С. Хана – главы с четвертой по тринадцатую – это уже собственно критический анализ историографии корейцев Центральной Азии. В четвертой, пятой и тринадцатой главах рассматриваются особенности и этапы развития историографии. Шестая и восьмая главы посвящены таким историческим периодам в историографии, как переселение 1937 г. и корейцы в период Второй мировой войны. В других главах анализируется историография феномена кобонди (практиковавшаяся советскими корейцами форма сезонного земледелия на основе нелегальной аренды земли у колхоза или колхоза), культуры корё сарам (язык, литература, искусство, этнография), их этнокультурной идентичности в советский и постсоветский периоды, а также справочно-библио-

графическая литература об известных представителях диаспор Казахстана и Узбекистана и использованные исследователями корейской диаспоры архивные фонды России, Казахстана и Узбекистана.

Историографическая часть исследования В.С. Хана, во-первых, имеет энциклопедический «кругозор». Список использованной литературы, представленный в конце книги, содержит более 600 наименований работ на русском, английском, корейском и других иностранных языках. Во-вторых, анализ литературы действительно носит критический характер. В одних случаях автор признает и объясняет вклад различных исследователей в изучение корейской диаспоры, в других – вступает в полемику, подробно, порой очень скрупулезно разбирает работы коллег и всегда аргументированно, с опорой на логику, источники, результаты собственных исследований, обосновывает иную интерпретацию, оценку того или иного вопроса. Несмотря на бóльшую открытость современного Узбекистана при президенте Ш.М. Мирзиёеве, такая культура открытой публичной дискуссии все еще является редкостью для академического сообщества страны.

В-третьих, сильная сторона анализа историографии в работе В.С. Хана – постоянная рефлексия в отношении как состояния изученности различных аспектов, так и перспективных специализированных направлений исследований корейцев Центральной Азии. К этому следует добавить и саморефлексию автора в заключительной части работы, где он признает, что рассмотрение отдельных тем получилось описательным, а некоторые темы вообще не вошли в книгу («история корейского движения, взаимоотношения корейцев Центральной Азии с Кореей, этнопсихология и др.») [1. С. 578]. Тем не менее это не умаляет очевидных многочисленных достоинств данного системного аналитического исследования, начиная от методологической проработки вопроса и заканчивая подробным рассмотрением многих важных аспектов.

Монография Валерия Сергеевича Хана по историографии корейцев Центральной Азии, насколько известно, является первым обобщающим научным исследованием по данной теме и, безусловно, претендует на роль хрестоматийного издания для нынешнего и будущих поколений исследователей.

Список источников

1. Хан В. С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. Ташкент : Baktia Press, 2021. 624 с.

References

1. Khan, V.S. (2021) *Istoriografiya koreytsev Tsentral'noy Azii: osnovnye napravleniya i etapy razvitiya* [The Historiography of Koreans in Central Asia: Mail Directions and Stages of Development]. Tashkent: Baktia Press.

***Сведения об авторе*:**
Юн Сергей Миронович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Yun Sergey M. – Ph.D. in General History, Head of the World Politics Department, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 09.01.2023; accepted for publication 21.03.2023

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2023 № 82

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 29.04.2023 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,8. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 50 экз. Заказ № 5442. Цена свободная.

Дата выхода в свет 11.05.2023 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университтета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru